

Стенограмма Нюрнбергского процесса

Том IX

Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том IX / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко, Новочеркасск /2021. — (Первопубликация)

Том девятый стенограммы сверен с аудиозаписями и включает в себя расшифровку судебных заседаний с 25 марта по 6 апреля 1946. В ходе этих заседаний защита Гесса завершила представление доказательств. Началось представление доказательств защиты фон Риббентропа. Защита Кейтеля приступила к представлению доказательств. В судебных заседаниях были допрошены свидетели Боле, Штрёлин, Бланк, Штеенграхт, Пауль Шмидт. Участники процесса провели допрос подсудимого фон Риббентропа и начали допрос подсудимого Кейтеля.

Содержание

День девяностый

Понедельник, 25 марта 1946

Утреннее заседание

Пристав[1]: С позволения суда: подсудимые Штрайхер и Риббентроп отсутствуют с данного заседания.
Председатель: Доктор Зейдль.
Зейдль: Господин председатель, уважаемый суд, в прошлую пятницу я сказал о том, что ничего не буду зачитывать из первого тома документальной книги, однако это не означает, что я не хочу ссылаться на тот или иной документ в своей заключительной речи. Сейчас возникает вопрос, нужно ли в таких обстоятельствах те документы на которые я могу сослаться, но не буду читать, предъявлять суду в качестве доказательства или же достаточно того, что эти документы скопированы в книгу. Я буду благодарен суду за помощь в данном вопросе.
Максвелл-Файф: Милорд, у меня есть предложение: чтобы трибунал сейчас принял эти документы de bene esse[2], и о том, что, когда доктор Зейдль дойдет до своей заключительной речи, то можно будет обсудить любой вопрос о допустимости. В отношении третьей книги, например, она включает ряд мнений разных политиков и экономистов разных стран. Обвинение надлежащим образом, полагает, что у них нет никакого доказательственного значения и фактичеси это относится к вопросу слишком далекой относимости к делу. Но я должен считать правильным ходом дела обсудить их, когда мы, в конце концов, выясним как этими документами воспользуется доктор Зейдль, сейчас, как я предлагаю разрешив ему продолжать, de bene esse.
Председатель: Доктор Зейдль, трибунал считает, что вы должны приобщить документы в качестве доказательств, и они должны быть соответственно пронумерованы. Наверное, лучше всего будет буква «Н» перед ними – Н номер 1 и так далее – и затем, как сказал сэр Дэвид, как только они будут собраны воедино, в отношении них можно рассмотреть возражение на последующей стадии, возражение исходя из допустимости и отношения к делу.
Зейдль: Очень хорошо. Я снова обращаюсь к тому 1 документальной книги. Первый документ это речь подсудимого Рудольфа Гесса от 8 июля 1934. Этот документ содержит номер Н-1, страница 23 документальной книги. Второй документ

1 Члены трибунала, обвинение и защита приводятся в первом томе стенограммы.
2 de bene esse (лат.) — действительный временно; требующий осторожной оценки; условно; временно; подлежащий отмене по выполнении условия.

находится на странице 27 документальной книги…

Председатель: Минуточку, доктор Зейдль. К какому предмету относится данная речь?

Зейдль: Речь от 8 июля 1934?

Председатель: Да. Что же, та, что на странице 23. Это 8 июля 1934.

Зейдль: Да, господин председатель, данная речь касается вопроса войны и мира. Поскольку подсудимый Гесс обвиняется в соучастии в психологической подготовке агрессивной войны, и таким образом в соучастии в заговоре, мне кажется, что отношение подсудимого Гесса к данному вопросу войны имеет значение в качестве доказательства.

Председатель: Очень хорошо. Мы разрешим вам прочесть её.

Зейдль: Господин председатель, я не намерен сейчас читать речь. Я лишь хочу предъявить эту речь как экземпляр для того, чтобы сослаться на неё в своей заключительной речи, при необходимости.

Председатель: Очень хорошо.

Зейдль: Я ничего не буду читать из первой документальной книги. Я только назову отдельные документы в качестве экземпляров.

Я перехожу к странице 28 документальной книги. Это ещё одна речь подсудимого Гесса произнесённая 27 ноября 1934. Номер экземпляра будет Н-2.

Председатель: Речь от 8 декабря начинается на странице 27.

Зейдль: Страница 27, правильно. Она неправильно отмечена. В качестве третьего экземпляра я представляю речь – то есть, фрагмент из речи – от 17 ноября 1935, страница 31 документальной книги, экземпляр номер Н-3.

Я перехожу к странице 32 документальной книги, фрагмент из речи от 11 октября 1936, экземпляр номер Н-4.

Затем идёт речь от 14 марта 1936, страница 33 документальной книги, экземпляр номер Н-5.

Следующий экземпляр находится на странице 35 документальной книги, речь от 31 марта 1936, экземпляр номер Н-6.

Экземпляр номер Н-8 это речь от 6 июня 1936, на странице 40 документальной книги.

Затем я перехожу к странице 43 документальной книги, речь на партийном съезде в Нюрнберге 1936, экземпляр номер Н-9.

Затем фрагменты речи на странице 59 документальной книги, экземпляр номер Н-10.

Следующий экземпляр на странице 78 документальной книги, экземпляр номер Н-12.

Довольно с первым томом документальной книги.

Я перехожу ко второму тому, письменным показаниям, которые я представил в прошлую пятницу. Они находится на странице 164 документальной

книги. Это письменные показания бывшей секретарши, Хильдегард Фат, и они имеют номер экземпляра Н-13.

Следующий экземпляр на странице 86 документальной книги, том 2, распоряжение от 3 июня 1936, экземпляр номер Н-14.

И теперь я перехожу моменту, когда я зачитаю отдельные фрагменты из стенограммы встречи между подсудимым Гессом и лордом Саймоном[3], которая состоялась 10 июня 1941. Эта стенограмма начинается на странице 93 документальной книги. Стенограмма будет иметь номер экземпляра Н-15.

Уважаемый суд, подсудимый Гесс, 10 мая 1941, вылетел в Англию. Никто кроме его адъютанта не знал об этом полете. Сам фюрер был проинформирован о полете и намерениях связанных с ним в письме доставленном фюреру после того как Гесс уже приземлился в Англии. После его прибытия в Англию, Гесс часто опрашивался сотрудниками министерства иностранных дел, и как уже отмечалось, 10 июня 1941 состоялась встреча между ним и лордом Саймоном. Эта встреча длилась два с половиной часа. В ходе данной встречи подсудимый Гесс рассказал лорду Саймону о причинах своего чрезвычайного мероприятия и он представил четыре предложения или четыре пункта, которые он назвал намерениями Адольфа Гитлера[4] и которые он считал основой для договоренности и заключения мира.

На совещании лорд Саймон выступал под псевдонимом, в стенограмме которую вскоре вручили подсудимому Гессу он указан как доктор Гютри.

Насколько мне известно, эта мера, вероятно, была принята для того, чтобы стенографисты или переводчики не поняли, что происходило. В стенограмме также указан доктор Маккензи, сотрудник министерства иностранных дел, и господин Киркпатрик[5], который ранее беседовал с подсудимым Гессом.

После нескольких вступительных замечаний лорда Саймона, подсудимый Гесс начал объяснять причины которые привели его к этому решительному шагу и я вольно цитирую со страницы 93 документальной книги, приблизительно середина страницы. Я должен добавить, что в стенограмме, подсудимый Гесс указан как «J». Подсудимый Гесс после вступительных замечаний сказал следующее…

Председатель: Доктор Зейдль, кажется, есть типографская ошибка в дате. Указана дата 9 августа. Вы сказали 10 июня, не так ли?

Зейдль: Да, 10 июня.

Председатель: Эта ошибка вверху страницы 93 – 9.8.41?

Зейдль: На обложке документа есть следующая пометка: «Стенограмма беседы

---

3 Джон Саймон (1873 — 1954) — английский государственный деятель. Саймон — один из трех политиков, которые за свою карьеру были и министрами внутренних дел, и министрами иностранных дел, и канцлерами казначейства. Саймон также занимал должность лорда-канцлера, самую высшую позицию в британской правовой системе.

4 Адольф Гитлер (1889-1945) - основоположник и центральная фигура национал-социализма, основательтоталитарной диктатуры Третьего Рейха, вождь (фюрер) Национал-социалистической немецкой рабочей партии(1921—1945), рейхсканцлер (1933—1945) и фюрер (1934—1945) Германии, верховный главнокомандующий сухопутными войсками Германии (с 19 декабря 1941) во Второй мировой войне. Покончил жизнь самоубийством во время битвы за Берлин.

5 Эйвон Киркпатрик (1897 – 1964) – британский дипломат. В 1940-1944 начальник департамента информации министерства иностранных дел Великобритании.

которая состоялась 9 июня 1941 где-то в Англии». В самом документе, есть также запись 9.6.41, значит это точно типографская ошибка.

Председатель: Должно быть, да. Они поставили «8» вместо «6».

Зейдль: Да.

Председатель: Очень хорошо.

Зейдль:

«Я знаю о том, что вероятно, никто правильно не понял моё прибытие, в виду чрезвычайного шага предпринятого мною, которого никак нельзя было ожидать. Поэтому я хочу начать с пояснения о том, как я пришел к этому».

Я продолжаю на странице 94:

«Мысль пришла ко мне в июне прошлого года, во время французской кампании, во время визита фюрера…»

Мне кажется, можно опустить следующие случайные замечания и продолжить цитировать:

«Признаю, что я пришёл к фюреру убеждённым, как и все мы, в том, что рано или поздно мы точно покорим Англию, и я высказал фюреру мнение о том, что мы должны требовать от Англии возврата имущества – в степени эквивалентной нашему торговому флоту, и т.д., который забрали у нас по Версальскому договору[6]».

Я перехожу к странице 95:

«Фюрер сразу же возразил мне. У него было мнение о том, что в войне может возникнуть повод для договорённости с Англией к чему он стремился с начала политической деятельности. Об этом я могу свидетельствовать, что ещё с того времени как я знаю фюрера, с 1921, фюрер всегда говорил о том, что нужно добиваться договорённости между Германией и Англией. Он сказал о том, что добивался этого, как только оказался у власти. Тогда во Франции он сказал мне о том, что нельзя возлагать какие-нибудь строгие условия, даже победителю, на страну с которой хотят прийти к договорённости. Тогда я задумался над тем, что если бы об этом знали в Англии, то с Англией можно было договориться.

Я перехожу к странице 96 документальной книги.

«Затем, по завершении французской кампании последовало предложение фюрера Англии. Как известно, от предложения отказалась. Это ещё сильнее убедило меня в том, что в таких обстоятельствах мне нужно осуществить свой план. Во время следующего периода началась воздушная война между Германией и

---

6 Версальский мирный договор — договор, подписанный 28 июня 1919 года в Версальском дворце во Франции, официально завершивший Первую мировую войну 1914—1918 годов.

> Англией, в целом означавшая более тяжёлые потери и ущерб для Англии нежели Германии. Соответственно, у меня создалось впечатление, что Англия вообще не может уступить, не потеряв при этом престижа. Вот почему я сказал себе: «Теперь, как никогда, я должен осуществить свой план, так как если я полечу в Англию, Англия сможет начать переговоры с Германией без потери престижа».

Я перехожу к странице 97 документальной книги. После краткого замечания доктора Маккензи, Гесс продолжает:

> «Моё мнение заключалось в том, что помимо вопроса условий договорённости, в Англии нужно было преодолеть некоторое общее недоверие. Я признаюсь, что я столкнулся с очень тяжёлым решением, тяжелейшим в своей жизни, конечно, и мне кажется, мне помогла постоянно стоявшая передо мной картина бесконечной вереницы детских гробов с матерями рыдающими над ними как с немецкой, так и с английской стороны…»

Председатель: Доктор Зейдль у вас есть подлинный документ?
Зейдль: Да.
Председатель: Можно его передать?
Зейдль: Да.

[*Документ передали председателю*]

Председатель: Да, продолжайте.
Зейдль:

> «…и наоборот, гробы матерей и дети стоящие рядом с ними.
> Я хочу заметить здесь некоторые моменты, которые как мне кажется, имеют определённое значение с психологической точки зрения. Я вернусь немного назад. После поражения Германии в мировой войне, ей навязали Версальский договор, и ни у одного серьёзного историка сегодня нет мнения о том, что Германия была ответственной за мировую войну. Ллойд Джордж[7] сказал о том, что нации ввергли в войну. Я недавно читал английского историка, Фэррера, который написал об Эдуарде VII[8] и его политике того времени. Этот историк, Фэррер возлагает основную вину за войну на политику Эдуарда VII. После своего краха, Германии навязали этот договор, который не только был ужасным бедствием для Германии, но и для всего мира. Все попытки политиков, государственных деятелей в Германии, до

---

7 Дэвид Ллойд Джордж (1863 — 1945) — британский политический деятель, последний премьер-министр Великобритании от Либеральной партии (1916—1922).
8 Эдуард VII (1841 — 1910) — король Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии, император Индии с 22 января 1901 года и вплоть до своей смерти 6 мая 1910 года

прихода к власти фюрера – то есть, когда Германия была чистой демократией – получить хотя бы какое-нибудь облегчение провалились».

Я опускаю буквальное чтение следующей части стенограммы. Беседа велась по разным пунктам. Среди прочего предметом беседы была воздушная мощь Германии и подготовка к строительству подводных лодок. Мне не кажется, что эти вопросы относятся к настоящему делу, и поэтому я сразу перехожу к той части стенограммы, в которой говорилось о предложениях Гесса лорду Саймону. Это страница 152 документальной книги. Из стенограммы мы можем видеть, что Гесс ранее написал предложения, которые хотел представить. Он вручил эти записи доктору Маккензи и господину Киркпатрику, который затем прочёл и перевёл их, и я цитирую страницу 152, внизу страницы, буквально:

«Основа для договорённости». И здесь и прошу трибунал перейти к странице 152 документальной книги на странице 159 документальной книги, потому что первый пункт, очевидно, представлен в неправильном смысле. На странице 159, почти в середине страницы, есть заявление доктора Маккензи, которое правильно выражает первый пункт, и я цитирую:

«Для того, чтобы предотвратить будущие войны между Осью[9] и Англией нужно определить сферы интересов. Сфера интересов Оси это Европа, сфера интересов Англии это империя».

Сейчас я прошу вас вернуться обратно, а именно на страницу 159 документальной книги. Здесь мы находим последнюю строку второго пункта предложений Гесса. Доктор Маккензи читает:

«2. Возврат германских колоний».

Я перехожу к странице 154 документальной книги и начинаю цитату вверху страницы – возможно, что цифра 2 ненароком повторяется в документальной книге. Должно быть:

«3. Компенсация германским гражданам которые до или во время войны проживали в Британской империи и которые пострадали от ущерба жизни и имуществу в результате мер правительства империи или в результате грабежа, бунта, и т.д.; компенсация британским подданным Германией на такой же основе.

4. Одновременное заключение перемирия и мира с Италией».

Затем есть личное замечание Гесса:

«Фюрер в нашей беседе постоянно представлял мне эти пункты в целом в качестве основы для договорённости с Англией».

Я не буду ничего читать из этой стенограммы.

Я опускаю оглашение других отрывков отмеченных красным. Совещание

9 Страны «оси» (по термину «ось: Берлин — Рим», а позднее «ось: Берлин — Рим — Токио»), известные как нацистский блок, гитлеровская коалиция, — агрессивный военный и экономический союз Германии, Италии, Японии и других государств, которому противостояла во время Второй мировой войны антигитлеровская коалиция.

завершилось заявлением лорда Саймона о том, что он доведёт предложения Гесса до сведениям британского правительства. Это экземпляр номер H-15.

Уважаемый суд, подсудимому Рудольфу Гессу вменяется в обвинительном заключении помощь нацистским заговорщикам для захвата власти и способствование военной, экономической и психологической подготовке войны, что указано в пункте один обвинительного заключения; участие в политическом планировании и подготовке агрессивных войн и войны в нарушение международных договоров, соглашений и обещаний, что указано в пунктах один и два, и участие в подготовке и планировании внешнеполитических планов нацистских заговорщиков указанных в пункте один.

Данное обвинение является ядром обвинительного заключения против Рудольфа Гесса. Поэтому моя обязанность заключается в том, чтобы кратко обсудить доказательства, которые в 1939 привели к началу войны. Насчёт этого я могу сказать следующее:

23 августа 1939 в Москве был заключён пакт о ненападении[10] между Германией и Советским Союзом, который уже представлен обвинением как экземпляр GB-145 (документ TC-25). В тот же день, то есть за неделю до начала войны и за 3 дня до запланированной атаки на Польшу, эти две нации заключили ещё одно секретное соглашение. Это секретное соглашение, по сути, содержало определение сфер интересов обеих наций на европейской территории лежащей между Германией и Советским Союзом.

Председатель: Доктор Зейдль, вы не забыли, не так ли, распоряжение трибунала о том, что сейчас не время произносить речь, а просто повод для представления документов и вызова свидетелей. У вас будет возможность произнести речь на следующей стадии.

Зейдль: Да, именно так. Я не намерен произносить речь, но я намерен сказать несколько вступительных слов к документу, который я представлю трибуналу.

Германия в секретных документах, объявила себя незаинтересованной в Литве, Латвии, Эстонии и Финляндии.

Председатель: Доктор Зейдль, мы пока не видели документ. Если вы собираетесь приобщить документ, приобщайте документ.

Зейдль: Да, именно так. Я могу предъявить документ. Это письменные показания бывшего посла, доктора Фридриха Гаусса[11]. В 1939 он был начальником правового департамента министерства иностранных дел. Он присутствовал на переговорах в качестве помощника германского уполномоченного в Москве, и он подготовил проект пакта о ненападении, которые уже представлен как экземпляр, а также

10 Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом (также известен как пакт Молотова — Риббентропа) — межправительственное соглашение, подписанное 23 августа 1939 года главами ведомств по иностранным делам Германии и Советского Союза.

11 Фридрих Гаусс (1881 – 1955) – немецкий дипломат. Начальник правового департамента МИД Германии в 1923-1943.

секретное соглашение, содержание которого я хочу сейчас представить трибуналу в качестве фактов которые являются важными как доказательства.

Председатель: Что же, вы вручите документ?

Зейдль: Разумеется. Однако, я намерен зачитать части этого документа позже.

Председатель: Доктор Зейдль, трибунал не совсем понимает, что это за документ, потому что его нет в вашей документальной книге и кажется, вы не заявляли о нём никакого ходатайства, и он на немецком языке, он не переведён.

Зейдль: Господин председатель, когда я готовил свою документальную книгу для подсудимого Гесса, я не имел этих письменных показаний в своём распоряжении. Они датированы 15 марта 1946. Тогда, когда обсуждалась относимость к делу ходатайств для подсудимого Гесса, у меня не имелось чётких сведений о контексте который даст мне повод для обоснованного ходатайства. Фрагменты, которые я намерен прочитать из этого документа короткие, и будет возможно сразу же их перевести переводчиками в зале суда.

Председатель: У вас есть копия для обвинения.

Зейдль: Разумеется, немецкая копия.

Председатель: Боюсь, от этого мне нет никакой пользы. Я не знаю, есть ли от этого польза всем членам обвинения. У представителя обвинения есть какие-нибудь возражения оглашению фрагментов из этого документа?

Руденко: Господин председатель, мне неизвестно о существовании такого документа, и я решительно возражаю против оглашения. Я бы желал, чтобы порядок который установлен трибуналом соблюдался и защитой. Обвинение в своё время, представляя доказательства, также представляло эти документы и защите. Защитник подсудимого Гесса представляет документ совершенно неизвестный, и обвинение, совершенно законно, желало бы предварительно ознакомиться с этим документом. Я не знаю, о каких тайнах здесь говорит защитник подсудимого Гесса, о каких тайных договорах, и собственно чем это он обосновывает. Я считаю, по меньшей мере, это голословное заявление. Я прошу отказать в оглашении этого документа.

Зейдль: Обвинитель от Советского Союза заявил о том, что он не имеет сведений о существовании секретного документа, который установлен данными письменными показаниями. В таких обстоятельствах я вынужден ходатайствовать о вызове народного комиссара Молотова[12] в качестве свидетеля, для того, чтобы можно было установить, во-первых, действительно ли это соглашение заключалось, во-вторых в чём заключалось содержание данного соглашения, и в-третьих…

Председатель: Доктор Зейдль, первое, что вы должны сделать это подготовить перевод документа, и до тех пор, пока вы не подготовили перевод документа трибунал не готов заслушивать вас о нём. Мы не знаем, что имеется в документе.

12 Молотов Вячеслав Михайлович (1890 — 1986) — российский революционер, советский политический и государственный деятель. Председатель Совета народных комиссаров СССР в 1930—1941 годах, народный комиссар, министр иностранных дел СССР в 1939—1949, 1953—1956 годах. Один из высших руководителей ВКП(б) и КПСС с 1921 по 1957 гг.

Зейдль: Что касается содержания документа, я уже хотел объяснить это заранее. В документе…

Председатель: Нет, трибунал не готов заслушивать от вас то, что содержит документ. Мы хотим увидеть сам документ и увидеть его на английском языке и также на русском языке. Я не имею в виду, конечно, чтобы вы сами это делали. Если вы подготовите копию для обвинения, оно переведёт его на разные языки и затем, после того как это сделают, мы сможем повторно рассмотреть вопрос.

Зейдль: Очень хорошо. Тогда я перехожу к другому документу, оглашение которого точно не вызовет никаких возражений, потому что это документ уже представленный обвинением. Это выступление фюрера перед главнокомандующими вооружённых сил 22 августа 1939. Его представило обвинение Советского Союза как PS-798 и как экземпляр US-29. Я цитирую со страницы 6 немецкой фотокопии: «Впоследствии Гитлер заявил…»

Председатель: У вас это есть в документальной книге или нет, я имею в виду для удобства?

Зейдль: Документ уже полностью представлен обвинением.

Председатель: Вы имеете в виду, его здесь нет. У меня нет документа. Его нет в вашей документальной книге?

Зейдль: Нет, его нет в документальной книге, потому что суд уже распорядился о том, что каждый защитник имеет право ссылаться на любой документ предъявленный обвинением. Я цитирую:

> «…я постепенно пришёл к изменению нашего отношения к России. В связи с торговым соглашением, мы вступили в политическую дискуссию. Предложение пакта о ненападении. Затем последовало общее предложение от России. Четыре дня назад я предпринял особый шаг, который привёл к вчерашнему ответу России о том, что она готова к урегулированию. Установлен личный контакт со Сталиным[13]. Фон Риббентроп заключит пакт послезавтра. Теперь Польша оказалась в таком положении как хотел я».

Конец цитаты.

Господин председатель, господа, сейчас я намерен вызвать свидетеля Боле[14], который уже одобрен трибуналом. Однако, подсудимый Гесс попросил меня отказаться от личной явки данного свидетеля и огласить письменные показания о тех фактах в связи с которыми должен был быть заслушан свидетель.

Я подготовил такие письменные показания и, несомненно, это ускорит разбирательство если трибунал разрешит огласить эти письменные показания.

13 Сталин Иосиф Виссарионович (1879 — 1953) — российский революционер, советский политический, государственный, военный и партийный деятель. С 21 января 1924 по 5 марта 1953 года — руководитель Советского государства. Генералиссимус Советского Союза (1945). Маршал Советского Союза (1943).

14 Эрнст Боле (1903 — 1960) — партийный и государственный деятель Третьего Рейха, гауляйтер, руководитель Зарубежной организации НСДАП, государственный секретарь рейхсминистерства иностранных дел Германии, обергруппенфюрер СС (21 июня 1943 года). Американским трибуналом был приговорён к 5 годам лишения свободы.

Однако, если трибунал считает, что…
Максвелл-Файф: У меня не было возможности увидеть письменные показания. Как ранее уведомили, если свидетель охватывает тему о которой его просили, я хочу провести его перекрёстный допрос.
Председатель: Где находится свидетель?
Зейдль: Он здесь. С разрешения трибунала я хочу вызвать свидетеля Боле.
Председатель: Вы имеете в виду вызвать его или огласить письменные показания?
Зейдль: Да, именно так, поскольку сэр Дэвид Максвелл-Файф видимо протестует оглашению письменных показаний, я хочу вызвать свидетеля.
Максвелл-Файф: Я не видел письменные показания, конечно, милорд, сейчас, как я скажу, если письменные показания охватывают то о чём должен сказать свидетель, тогда я хочу его перекрёстно допросить.
Председатель: Если обвинение не согласно с тем, что должны быть представлены письменные показания, следует вызвать свидетеля, но если обвинение согласно оглашению письменных показаний и предоставления свидетеля для перекрёстного допроса, трибунал готов, чтобы это было сделано.
Максвелл-Файф: Я об этом не подумал, милорд. Конечно, мне неловко не знать о чём письменные показания.
Председатель: Наверное, лучше всего, чтобы трибунал объявил перерыв на 10 минут, и вы сможете понять о чём письменные показания.
Максвелл-Файф: С радостью, милорд.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Трибунал не желает торопить представителя, но мы думаем, что нам лучше понять по поводу остальных свидетелей и этот документ можно перевести и рассмотреть и разобрать после основного отложения.
Максвелл-Файф: С позволения вашей светлости, у меня не было возможности прочесть перевод. Предварительный взгляд на письменные показания убедил мой штат в том, что у них не очень большое значение, и я собирался рассмотреть может ли быть самым быстрым способом зачитать письменные показания, если трибунал позволит мне зачитать три документа, которые я собирался предъявить во время перекрёстного допроса свидетелю. Так может быть более удобно чем следовать предложению вашей светлости, ожидая пока мы, полностью увидим письменные показания и затем поймем как их лучше рассмотреть.
Председатель: Что же, наверное, вы видели часть документа, и вы, наверное, можете лучше судить о том, как будет удобнее. Что бы вы ни считали более удобным.
Максвелл-Файф: Что же, я готов согласиться, если доктор Зейдль зачитает их, но при условии, что документы, которые я собирался предъявить в перекрёстном

допросе будут зачитаны.
Председатель: Трибунал думает, что лучше его вызвать.
Максвелл-Файф: С позволения вашей светлости.
Председатель: Да, доктор Зейдль?
Зейдль: Если я правильно понял высокий трибунал, он не желает оглашения письменных показаний, а вызова свидетеля для допроса в суде.
Председатель: Что же, как только будут переведены письменные показания, и у обвинения будет возможность рассмотреть их, оно сможет дать нам понять о том, считает ли оно лучше рассмотреть письменные показания в качестве допроса свидетеля, и он должен быть доставлен сюда с целью перекрёстного допроса, если вы не предпочитаете сами его устно допросить.
Зейдль: Мне кажется, в таких обстоятельствах лучше незамедлительно вызвать свидетеля для дачи показаний.
Председатель: Очень хорошо.

[*Свидетель Боле занял место свидетеля*]

Председатель: Вы назовете своё имя?
Боле: Эрнст Вильгельм Боле.
Председатель: Повторите за мной эту присягу: «Я клянусь господом всемогущим и всевидящим, что я говорю чистую правду и не утаю и не добавлю ничего».

[*Свидетель повторил присягу на немецком языке*]

Зейдль: Свидетель, вы окончательно являлись руководителем Зарубежной организации НСДАП? Правильно?
Боле: Да.
Зейдль: Вы также были государственным секретарем министерства иностранных дел?
Боле: Да.
Зейдль: Господин председатель, господин Додд от американского обвинения внёс предложение о том, чтобы сэкономить время, можно было последовать такой же процедуре как в случае свидетеля Блаха[15], то есть, прежде всего, зачитать письменные показания в присутствии свидетеля, а затем заслушать его в перекрёстном допросе.
Председатель: Да, разумеется.
Зейдль: [*Обращаясь к свидетелю*] Вы дали письменные показания, которые я вам зачитаю. По поводу:

15 Франтишек Блаха (1896 – 1977) – чешский и чехословацкий медик и политический деятель. Член центрального комитета коммунистической партии Чехословакии.

«1. Зарубежная организация НСДАП была основана 1 мая 1931 в Гамбурге по предложению некоторых немцев заграницей. Грегор Штрассер[16], организационный руководитель того времени, назначил её руководителем члена Рейхстага от НСДАП доктора Ганса Ниланда[17].

Лично я стал добровольным помощником Зарубежной организации в декабре 1931 и был принят в партию 1 марта 1932. 8 мая 1933 доктор Ниланд ушёл в отставку с руководителя Зарубежной организации между тем став членом правительства Гамбурга, а также, как немец который всегда оставался дома, будучи менее заинтересован немцами за рубежом. В связи с моим опытом и связями за рубежом – я родился в Англии и вырос в Южной Африке – мне поручили руководство Зарубежной организацией.

2. Целью Зарубежной организации являлось, к моменту прихода к власти, организационное объединение 3300 членов партии проживавших за границами Германии ко времени захвата власти. Далее, с её помощью, зарубежных немцев, которые могли иметь самую расплывчатую мысль о событиях дома, следовало обучать философии и политической программе нового государства.

3. Членами партии могли стать только немецкие граждане. Принятие иностранцев или бывших немцев которые получили гражданство другого государство строго запрещалось.

4. Руководящий принцип Зарубежной организации партии в отношении с зарубежных стран находился на заграничном паспорте каждого немецкого гражданина который был членом партии, в следующем отрывке: «Соблюдай законы страны в которой вы являетесь гостем. Пусть граждане страны в которой вы находитесь занимаются своей внутренней политикой, не вмешивайтесь в эти вопросы, даже в дискуссиях».

Данный принцип являлся основой для работы и отношения Зарубежной организации к зарубежным странам со дня её основания до самого конца. Лично я ссылался на это во многих своих речах и помимо прочего выделял фразу: «Национал-социалист чтит зарубежное общество, потому что любит своё собственное».

Мои речи в Порчестер-холл в Лондоне 2 октября 1937 и в Будапеште в конце января 1938 дают полную картину отношения Зарубежной организации НСДАП к зарубежным странам.

---

16 Грегор Штрассер (1892 – 1934) руководящий деятель НСДАП до прихода партии к власти. Депутат Рейхстага в 1924 – 1932 гг. Убит в ходе «Ночи длинных ножей» в 1934.

17 Ганс Ниланд (1900 – 1976) – немецкий нацистский политик. В 1931-1933 руководитель Зарубежной организации НСДАП. В 1940-1945 обербургомистр Дрездена.

Уинстон Черчилль[18] поздним летом 1937 постоянно атаковал деятельность Зарубежной организации в газетных статьях и в своей хорошо известной статье «Дружба с Германией» в лондонском «Evening Standard[19]» от 17 сентября 1937 предназначенной для затруднения германо-английских отношений. В этой же статье он сказал о том, что он готов беседовать со мной в самой сердечной манере об этом вопросе. Германское посольство в Лондоне проинформировало министерство иностранных дел о том, что вопрос Черчилля в Палате общин по поводу деятельности Зарубежной организации будет крайне нежелательным. В результате встречу Черчилля и меня признали срочной. Она состоялась в день моей речи к немцам Рейха в Лондоне, в доме Уинстона Черчилля в Лондоне и длилась больше часа. У меня была полная возможность в этой полностью сердечной беседе описать деятельность Зарубежной организации и развеять его сомнения. В конце он сопроводил меня к машине и позволил с ним сфотографироваться, как он сказал, показывая миру, что мы встретились как друзья. Запроса в Палату общин не последовало. С этого дня Черчилль никогда не высказывал ни слова возражения деятельности Зарубежной организации. Моя речь от того же числа, которую вскоре опубликовали на английском языке в брошюре английского концерна была принята благосклонно. «The Times[20]» опубликовала из неё длинный фрагмент под заголовком «Призыв господина Боле к взаимопониманию». После этой беседы Черчилль написал мне письмо в котором он озвучил своё удовлетворение результатом нашей беседы.

6. На процессе убийцы ландесгруппенляйтера Зарубежной организации в Швейцарии, Вильгельма Густлоффа[21] который проходил в швейцарском суде в Куре в 1936, законность деятельности Зарубежной организации являлась предметом судебного исследования. Подсудимый Давид Франкфуртер[22] был приговорён к 18 годам лишения свободы. Из того, что я помню, я могу сказать, что швейцарские власти, которые никоим образом не были дружественными к нацистам, вынуждены были свидетельствовать о

18 Уинстон Черчилль (1874 — 1965) — британский государственный и политический деятель, премьер-министр Великобритании в 1940—1945 и 1951—1955 годах.

19 «Вечерний стандарт» — британская ежедневная газета, издающаяся в Лондоне. Основана в 1827 году под названием Standard, под современным названием с 1859 года. В 2009 году стала бесплатной.

20 «Времена» — ежедневная газета в Великобритании, одна из самых известных мировых газет. Выходит в печать с 1785 года.

21 Вильгельм Густлофф (1895 — 1936) — нацистский партийный лидер, основатель и глава швейцарского отделения НСДАП. Убит студентом еврейского происхождения Давидом Франкфуртером.

22 Давид Франкфуртер (1909 — 1982) — убийца предводителя швейцарских нацистов Вильгельма Густлоффа (в 1936 году); впоследствии — офицер израильской армии.

том, что Густлофф и ландесгруппа Зарубежной организации никогда и никак не давали повода для жалоб в отношении их деятельности. Показания федерального советника Баумана[23], который, по моим сведениям, тогда был министром внутренних дел и полиции Швейцарии, явились тогда решающими.

7. Далее я хочу отметить в связи с этим, что также после начала войны ландесгруппа Зарубежной организации в нейтральных странах продолжала функционировать до конца войны. Это в особенности является правдой в отношении Швейцарии, Швеции и Португалии.

С 1943 как самое позднее, Рейх вряд ли мог быть способен на какие-то шаги против подавления, если Зарубежная организация вступала в конфликт с внутренними законами этих стран, и подавление было бы неизбежным результатом.

8. Помимо бесспорной законности Зарубежной организации, я как её руководитель постоянно выражал мысль о том, что немцы заграницей были бы последними людьми которые позволят себя неправильно использовать поджигателями войны или заговорщиками против мира. По горькому опыту они знали о том, что с началом войны они столкнулись с интернированием, преследованием, конфискацией имущества и разрущением их экономического существования.

9. С учётом сведений о ситуации за рубежом, никто не знал лучше чем зарубежные немцы о том, что любая деятельность в смысле пятой колонны будет столь же глупой как и разрушительной для интересов Рейха. По моим сведениям, более того, выражение «пятая колонна» восходит к испанской гражданской войне[24]. Во всяком случае это зарубежное изобретение. Когда Франко[25] атаковал Мадрид четырьмя колоннами войск, он утверждал о том, что пятая колонна националистических элементов проводит подрывную работу в подполье осаждённого города.

10. Нет вообще никакой основы для применения термина «пятая колонна» к Зарубежной организации НСДАП. Если бы это утверждение было правдой, это означало, что члены Зарубежной организации работали совместно с местными оппозиционными элементами в той или другой зарубежной стране делегируя или пытаясь самостоятельно, подорвать это государство изнутри.

---

23 Йоханнес Бауман (1874 — 1953) — швейцарский политик, президент. В 1934-1940 министр юстиции и полиции.

24 Гражданская война в Испании (июль 1936 — апрель 1939) — конфликт между Второй Испанской Республикой в лице правительства испанского Народного фронта (республиканцы, лоялисты) и оппозиционной ей испанской военно-националистической диктатурой под предводительством генерала Франсиско Франко (мятежники), поддержанного фашистами (Италией, Германией) и Португалией, в результате которого была ликвидирована Испанская республика

25 Франсиско Франко (1892 — 1975) — испанский военный и государственный деятель, диктатор Испании в 1939—1975 годах. Генералиссимус.

11. Ни от бывшего заместителя фюрера Рудольфа Гесса, ни от меня, как руководителя Зарубежной организации эта организация или члены этой организации не получали никаких приказов об исполнении которые можно считать деятельностью пятой колонны. Даже сам Гитлер никогда не давал мне такого указания. В итоге, я могу сказать о том, что Зарубежная организация ни в какое время, сколько я был её руководителем, не выражало никакой деятельности в смысле пятой колонны. Заместитель фюрера никогда не отдавал Зарубежной организации приказов или директив которые могли привести к такой деятельности. Напротив Рудольф Гесс категорически желал, чтобы члены Зарубежной организации ни при каких обстоятельствах не принимали участия во внутренних делах стран в которых они проживали как гости.

12. Конечно, известно, что также как граждане тогдашних вражеских стран, немцев также использовали для шпионажа и разведки за рубежом. Эта деятельность, однако не имела никакого отношения к членству в Зарубежной организации. Для того, чтобы не ставить под угрозу существование групп Зарубежной организации, которые работали легально и совершенно открыто, я постоянно требовал того, чтобы членов Зарубежной организации не использовали для таких задач или того, чтобы мне заранее предоставляли возможность освобождать их от функций в Зарубежной организации».

И на этом заканчивается заявление свидетеля Боле. В настоящий момент у меня нет вопросов к свидетелю, ваша честь.

Председатель: Кто-нибудь из защитников хочеть задать свидетелю вопросы?

Заутер: Ваша честь, я хочу задать свидетелю несколько вопросов.

Свидетель, я представляю подсудимого фон Шираха, бывшего руководителя Гитлерюгенда[26]. Таким образом, меня интересует следующее: Гитлерюгенд (ГЮ) также существовал в зарубежных странах или только в Германии?

Боле: Гитлерюгенд существовал среди немецких граждан также в зарубежных странах.

Заутер: Пожалуйста, скажите мне, являлся ли этот ГЮ, заграничный Гитлерюгенд объектом политических указаний соответствующего ландесляйтера Зарубежной организации или это не так?

Боле: Да, заграничный Гитлерюгенд политически находился под контролем Hoheitstrager[27] партии.

---

26 Гитлерюгенд (сокращенно, HJ; ГЮ — Hitler-Jugend) — молодёжная организация НСДАП. Включала в себя собственно Гитлерюгенд для юношей от 14 до 18 лет, организацию подростков Гитлерюгенда от 10 до 14 лет, а также союз немецких девушек.

27 «Носителя власти» (нем.)

Заутер: Однажды во время разбирательства утверждалось о том, что члены Гитлерюгенда готовились для службы в качестве агентов и к шпионской работе за рубежом, а также использовались для этих целей. Конкретные факты, то есть, конкретные примеры, конечно, не указали, а было сделано только общее утверждение и также утверждалось, что заграничный Гитлерюгенд даже использовался в качестве десантников, то есть, что их готовили дома как десантников для того, чтобы использовать за границей.

Такое утверждение я довёл до вас, и хочу узнать ваше мнение как руководителя Зарубежной организации о том, было ли вообще нечто подобное возможным?

Боле: В ответ я хочу сказать следующее: я считаю, что совершенно не обсуждается, что члены заграничного Гитлерюгенда неправильно использовались таким образом. Я могу это решительно утверждать, поскольку я знаю, что слышал противоположное от партийных руководителей в разных зарубежных странах. Я также ничего не знаю о подготовке Гитлерюгенда как десантников или чем-то похожем. Я считаю эти утверждения чистой выдумкой.

Заутер: Значит, я могу полагать, как результат ваших показаний, что вещи такого рода с учётом всей организации точно бы дошли до вашего сведения, если бы нечто подобное случалось или даже планировалось, верно?

Боле: Так точно.

Заутер: И значит, свидетель, у меня последний вопрос:

Здесь в зале суда ещё было сделано одно заявление о ГЮ, то есть Гитлерюгенде. Утверждалось, что во Львове однажды случилось, что Гитлерюгенд или члены Гитлерюгенда использовали детей в качестве целей. Также в этом отчёте не приводилось никаких подробностей, а только делалось утверждение. Меня интересует следующее:

Как вам известно, Гитлерюгенд имел членство к концу в 7-8 миллионов.

Председатель: Доктор Заутер, как это относится к Зарубежной организации?

Заутер: Да, постольку, поскольку мой клиент, подсудимый фон Ширах обвиняется в том факте, что заграничный Гитлерюгенд совершал жестокости.

Председатель: Не говорилось о том, что это делали за рубежом, это было – Гитлерюгенд, когда-нибудь использовал детей в качестве целей за рубежом?

Заутер: Так точно, говорилось о том, что во Львове, в Генерал-губернаторстве[28], не в Германии, а во Львове, что означает заграницу.

Председатель: Вы имеете в виду после начала войны?

Заутер: Да.

Председатель: Я думал этот свидетель говорит об этой же организации до войны.

Заутер: Я не знаю, говорит ли он также о Зарубежной организации во время войны.

---

28 Генерал-губернаторство (1939—1945) — административно-территориальное образование на территории оккупированной в 1939 году нацистской Германией Польши.

Но, во всяком случае, господин председатель, свидетелю известны эти факты, так как он был главой Зарубежной организации. Поэтому свидетель кажется мне особенно квалифицированным, чтобы предоставить информацию по данным вопросам.

Председатель: Мне это кажется весьма далеким от смысла, но вы можете продолжать.

Заутер: Да, господин председатель, иначе мне бы пришлось вызывать этого свидетеля для моего клиента.

Свидетель, вы вообще вспоминаете последний вопрос заданный вам, о том имелись ли у вас какие-нибудь сведения о том, что Гитлерюгенд или члены заграничного Гитлерюгенда, который находился под вашей юрисдикцией, предположительно совершали жестокости такого характера?

Боле: К сожалению, я скажу вам, господин адвокат, что Генерал-губернаторство не относилось к Зарубежной организации, что я там никогда не был и поэтому не могу сказать что-то на это счёт. Очевидно, что существует ошибочное мнение о том, что Генерал-губернаторство с точки зрения организации партии, было связано с Зарубежной организацией, однако это было не так. У меня там не было организационных полномочий.

Заутер: В таком случае у меня больше нет вопросов.

Серватиус: Свидетель, в какой мере, в вашем качестве как рейхсляйтера Зарубежной организации вас информировали о внешнеполитических планах фюрера?

Боле: Я был не рейхсляйтером, а гауляйтером и меня никогда не информировали о внешнеполитических планах фюрера.

Серватиус: Вам известно, призывал ли фюрер вашу организацию к взаимопониманию с Англией?

Боле: Я не совсем понял вопрос.

Серватиус: Гитлер, до войны, в вашем присутствии и перед лицом других гауляйтеров, часто подчеркивал тот факт, что он хотел любой ценой взаимопонимания с Англией, и что вы также должны были работать над этим?

Боле: Я не получал никаких приказов об этом от фюрера, а конечно от заместителя фюрера. Фюрер никогда за 12 лет моего пребывания в должности не обсуждал со мной внешнеполитические вопросы.

Серватиус: Больше нет вопросов.

Председатель: Кто-нибудь из защиты хочет задать вопросы?

Гриффит-Джонс: Ваша Auslands Organisation была организована таким же образом как и партия в Германии, это не так?

Боле: Не полностью, потому что существовали разные организации внутри партии в Рейхе, которые не предназначались для зарубежных стран, например, управление муниципальной политики.

Гриффит-Джонс: Наверное, я могу сократить свой вопрос: у вас были Hoheitstrager за рубежом, также как было в Германии?

Боле: Да.

Гриффит-Джонс: Организация в каждой стране находилась в подчинении ландесгруппенляйтера, правильно?

Боле: Почти во всех странах.

Гриффит-Джонс: И во многих из них были подчинённые Hoheitstrager?

Боле: Да, ортсгруппенляйтеры.

Гриффит-Джонс: Результат заключался в том, что немецкое население в зарубежных странах было хорошо организовано и известно руководителям в этих странах?

Боле: В большой степени это может быть правильным, но это не было тщательно организовано, и не могло быть на самом деле, потому что партийный руководитель на знал обо всех немцах Рейха в соответствующей стране.

Гриффит-Джонс: Вы никогда не понимали, что в случае вторжения вашей армии в страну в которой вы имели хорошо выстроенную организацию, то эта организация была бы крайне ценной с военной точки зрения?

Боле: Нет, смысл и задача Зарубежной организации не заключались в этом, и никакие ведомства никогда не обращались ко мне в такой связи.

Гриффит-Джонс: Вы говорите трибуналу, что когда в разные страны фактически вторгалась германская армия, ваши местные организации ничего не делали для содействия им в военном или полувоенном качестве?

Боле: Так точно.

Гриффит-Джонс: Очень хорошо. Итак, позвольте спросить вас о чём-то ещё, вы имели, имели или нет, эффективную систему связи ваших ландесгруппенляйтеров с вашим головным ведомством в Берлине?

Боле: Да.

Гриффит-Джонс: Думаю, вы сами сказали, не так ли, в своих допросах, что особо гордитесь скоростью, с которой поступали ваши отчеты?

Боле: В целом я не могу сказать. Это зависело от возможности быстрой доставки этих отчётов в Берлин и о том насколько так получалось в отдельных случаях, я не могу сказать, естественно я не могу сказать сегодня. В любом случае, у меня не было особой скорости или мер по ускорению.

Гриффит-Джонс: Фактически, вы сказали своему дознавателю, и я могу сослаться на это при необходимости, о том, что вы получали информацию раньше Гиммлера[29] или министерства иностранных дел.

Боле: Здесь должно быть есть недопонимание. Это касалось политических отчётов от ландесгруппенляйтеров которые я передавал из Берлина в разные ведомства.

29 Генрих Гиммлер (1900 — 1945) — один из главных политических и военных деятелей Третьего рейха. Рейхсфюрер СС (1929—1945), министр внутренних дел Германии (1943—1945), рейхсляйтер (1933), начальник РСХА (1942—1943). Покончил жизнь самоубийством после ареста.

Гриффит-Джонс: Очень хорошо, мы оставим скорость в стороне. Я понял, что у вас была эффективная система отчётности, не так ли?

Боле: Для того, чтобы ответить на этот вопрос, я бы хотел знать в отношении каких отчётов я предположительно должен был иметь эффективную систему отчетности.

Гриффит-Джонс: Это должен был быть мой следующий вопрос. Я собирался спросить вас: о чём фактически сообщали вам ландесгруппенляйтеры?

Боле: Ландесгруппенляйтеры по собственной инициативе сообщали мне, всякий раз, когда было что-то важное, о чём они хотели сообщить в компетентные ведомства Рейха.

Гриффит-Джонс: Они, когда-нибудь, что-нибудь сообщали о том, что могло иметь военное или полувоенное значение?

Боле: Так могло быть в некоторых случаях, хотя сейчас я не могу вспомнить никакие конкретные примеры.

Гриффит-Джонс: Им никогда не давали никаких инструкций, чтобы сообщать такую информацию?

Боле: Нет, в целом нет.

Гриффит-Джонс: Как вы получали свои отчёты? У вашей организации в зарубежных странах было радио?

Боле: Нет, у нас не было никаких передатчиков или радиостанций. Отчёты шли как посредством курьера в особых случаях, так и доставлялись в Германию отдельными людьми.

Гриффит-Джонс: После начала войны, ваши организации продолжали деятельность в нейтральных странах?

Боле: Да.

Гриффит-Джонс: Они никогда не имели радио для передатчиков информации?

Боле: Я ничего об этом не знаю. Мне не кажется, что они были, так как я бы знал об этом.

Гриффит-Джонс: Итак, я хочу спросить вас только об одном-двух документах. Вы взглянете на PS-3258, - милорд, это уже приобщённый экземпляр GB-262, у меня копии фрагмента для трибунала и членов защиты. Я ожидаю, что вы прочитаете по-английски саму книгу.

Боле: Да.

Гриффит-Джонс: Перед вами копия некоторых фрагментов из неё. Вы взглянете на конец первой страницы, последний абзац, начиная: «В 1938…». У вас был ландесгруппенляйтер в Нидерландах по имени Буттинг[30]?

Боле: Да.

Гриффит-Джонс: Просто уделите мне внимание на секунду, перед тем как вы посмотрите документ. Вам известно, что Буттинг делил дом в Гааге с отделом

30 Отто Буттинг (1898 – 1963) – немецкий дипломат и нацистский политик. В 1937-1938 атташе по культуре в Нидерландах. В 1937-1940 ландесгруппенляйтер Зарубежной организации НСДАП в Нидерландах.

военной разведки? Вам об этом известно?

Боле: Нет, не знаю.

Гриффит-Джонс: Итак, я хочу процитировать вам совсем коротко два абзаца из этого документа, который является официальной публикацией Соединённых Штатов под названием «Национал-социализм, основные принципы, их применение Зарубежной организацией и использование зарубежных немцев в нацистских целях». Я хочу, чтобы вы сказали, что вы думаете об этом докладе, который напечатан в этой книге:

> «В 1938 германская легация владела двумя домами в Гааге. Оба обладали дипломатическим иммунитетом и таким образом неприкосновенными для обыска или захвата голландской полицией. Я называю дом, в котором доктор Буттинг имел свой кабинет домом номер 2. Что происходило в доме номер 2? Он был перестроен и разделен как дом на две семьи – вертикально, не горизонтально, а между двумя половинами была общая дверь. Одна сторона дома была у доктора Буттинга. Другая половина была занята агентом нацистской военной разведки в Голландии…».

Вы говорите, что ничего об этом не знаете?

Боле: Буттинг был ландесгруппенляйтером Зарубежной организации. Я слышу об этом доме, или двух домах – впервые, для меня это совершенно ново.

Гриффит-Джонс: Очень хорошо. Я продолжу.

> «S.B. (агент военной разведки) мог располагать почти дюжиной подчинённых работавших в Голландии, подчинённых агентов бюро Канариса[31]. Это были профессиональные шпионы которые знали своё дело. Но они не могли знать Голландию настолько же близко как того требовала стратегия германского высшего командования, что проявилось после вторжения в мае 1940. Для этого требовалась не дюжина, а несколько сотен источников информации. И в этом Буттинг и агент военной разведки нашли друг друга. С помощью ассоциации немецких граждан, Буттинг имел пару нацистских глаз, пару нацистских ушей в каждом городе и поселке Нидерландов. Они были глазами и ушами младших партийных чиновников. Всякий раз, когда агенту военной разведки требовалась информация об уголке Голландии который пока не был разведан, или стремился проверить информацию доведённую до него одним из его людей, ему приходилось идти к Буттингу».

Вам известно, содействовал ли Буттинг агенту военной разведки в Голландии подобным образом?

---

31 Вильгельм Канарис (1887 — 1945) — немецкий военный деятель, адмирал, начальник службы военной разведки и контрразведки в нацистской Германии (1935—1944). Участник заговора против Гитлера. Казнён 9 апреля 1945 года.

Боле: Позже мне говорили о том, что он помогал в Голландии. В какой мере он ему помогал, я не знаю, так как я не ставил ему такой задачи.

Гриффит-Джонс: Понимаю, у него не было ваших инструкций делать это. Перейдем к последнему абзацу на этой странице:

> «Мне знаком каждый камешек в Голландии, хвастался однажды S.B. Под «камешком» он имел в виду канал, шлюз, мост, виадук, кульверт, шоссе, просёлочную дорогу, аэропорт, экстренную взлётную полосу, имя и местонахождение симпатизирующих голландским нацистам которые помогут армии вторжения, когда придет время. Если бы партийная организация доктора Баттинга не существовала под невинным прикрытием его ассоциации граждан, сведения S.B. Голландии было бы ничтожным по сравнению с тем, чем имелось. Таким образом, ассоциация граждан служила двойной цели: она была незаменимой для шпионажа, одновременно выполняя свою основную функцию агентства пятой колонны».

Вам известно давались ли членам вашей организации в Голландии инструкции узнавать о каждом канале, шлюзе, мосте, виадуке, железной дороге и тому подобном?

Боле: Нет, у меня не было об этом ни малейшей идеи.

Гриффит-Джонс: Очень хорошо. Я хочу, чтобы было понятно. Я хочу, чтобы вам было ясно. Я говорю о том, что ваша организация в первую очередь являлась системой шпионажа доводившей важную информацию в Рейх, и во-вторых, это была организация направленная на помощь, и которая помогала, вашим вторгавшимся немецким армиям, когда они переходили границы соседних государств. Вы понимаете эти два пункта?

Боле: Так точно.

Гриффит-Джонс: Ваша организация публиковала ежегодник, ваш «Ежегодник Зарубежной организации»?

Боле: Да.

Гриффит-Джонс: И в этой книге находилась информация о деятельности вашей организации за год?

Боле: Отчасти, да.

Гриффит-Джонс: Я полагаю, что трибунал может быть уверен, что то, что публиковалось в книге было точной информацией?

Боле: Можно так полагать.

Гриффит-Джонс: Вы посмотрите на «Ежегодник за 1942»? У меня есть копии фрагментов. Вы перевернете на страницу 37 этой книги? Если вы вернетесь на страницу или две в книге, вы найдете статью под названием «Работа норвежского отделения Auslands Organisation в войну». Она написана вашим ландесгруппенляйтером в Норвегии?

Боле: Я полагаю так, я не могу это вспомнить.

Гриффит-Джонс: Вы посмотрите на страницу 37, и вы увидите, что есть некоторые отрывки в книге, которая находится перед вами немного отмеченные карандашом сбоку.

Боле: Да, есть.

Гриффит-Джонс: Вы найдете абзац, который начинается: «Таким образом, вскоре после начала войны в сентябре 1939…». Вы нашли?

Боле: Да, есть.

Гриффит-Джонс: Наверное, вы будете любезны, следовать за мной.

> «Таким образом, вскоре после начала войны в сентябре 1939, увеличение и расширение…».

Боле: Да, я слежу.

Гриффит-Джонс:

> «…увеличение и расширение германской легации в Осло и консульств в Бергене, Тронхейме, Ставангере, Кристиансанде, Хамгесунде, Нарвике и Киркенесе доказало своё значение. Это расширение ведомств Рейха привело к тому, что местной организации НСДАП в Норвегии пришлось в той же пропорции расширить сферу своей деятельности, чтобы поддерживать работу ведомств Рейха, особенно членами партии и другими немцами, которые имели доскональное знание страны и языка».

Почему в сентябре 39-го, партии было необходимо усилить свою организацию в Норвегии людьми имевшими хорошие знания о стране и языке? Ответьте мне на то, что вы прочли. Не волнуйтесь про остальное, мы это рассмотрим. Зачем в 1939 нужно было увеличивать вашу организацию?

Боле: Насколько я помню, в Норвегии было только 80 членов партии, и, само собой разумеется, что после начала войны официальные ведомства, не только Германии, но также, как вам известно, других государств, расширялись и им оказывали содействие национальные элементы, которые знали соответствующую страну. Это является правдой не только для Германии, но и всех наций участвующих в войне.

Гриффит-Джонс: Да. Я так и не понял, зачем ваша совершенно безобидная организация сочла необходимым усилить её членами которые имели подробные сведения о языке и стране. Зачем это было нужно Auslands Organisation?

Боле: Потому что ведомствам Рейха требовались немцы знавшие страну и народ, в особенности для предоставления информации о целях немецкой атаки в Норвегии – точно также, как делала любая другая нация.

Гриффит-Джонс: Что же, ваш ответ, таков, что вам требовалось, чтобы они рассказывали вам о целях в Норвегии? Такой ваш ответ?

Боле: Нет, я так не говорю. Я сказал о том, что они должны были быть в распоряжении ведомств в Норвегии в случае необходимости общественного

просвещения, то есть для немецких пропагандистских целей среди норвежцев. Я снова хочу подчеркнуть, что это делали не только немцы, но и, конечно же, все другие воевавшие страны.

Гриффит-Джонс: Очень хорошо, продолжим и посмотрим на текст:

> «Отбор и постановка задач этим дополнительным сотрудникам осуществлялись местным руководителем организации во взаимодействии с представителями Рейха. Таким образом, с самого начала войны большое количество членов партии забрали со своей работы и использовали на службе народу и отечеству. Без колебания и отринув личные интересы, свои семьи, свою карьеру и имущество, они вступили в ряды и посвятили свои тело и душу новым и зачастую опасным задачам».

Скажите мне, разузнавать и доносить о норвежском народе, было этой «зачастую опасной задачей»?

Боле: Конечно, нет.

Гриффит-Джонс: Тогда, в чём заключались зачастую опасные по словам вашего ландесгруппенляйтера задачи которые члены его организации выполняли с самого начала войны в сентябре 39-го?

Боле: Я ничего не могу вам об этом сказать, так как у меня вообще нет никаких сведений об этом, и я не могу представить себе никакие опасные задачи. Из этой статьи, которую я между тем не знал до сих пор, у меня сложилось впечатление, что у ландесгруппенляйтера было понятное желание придать своей организации большее значение чем было на самом деле.

Гриффит-Джонс: Но вы говорите, что вы не знали об этом. Это вышло в официальном ежегоднике вашей организации. Вы никогда не читали то, что выходило в этой книге?

Боле: Конечно не всё, так как я не знаком с этой статьей.

Гриффит-Джонс: Вы сказали нам о том, что члены вашей организации не принимали в этом участия. Что насчёт людей, которые были ответственными за опубликование этой книги? Они никогда не обращали ваше внимание на статью такого рода?

Боле: Очевидно, нет.

Гриффит-Джонс: Посмотрите на следующий небольшой абзац:

> «Успех их работы, которая велась в полной тайне, проявил себя 9 апреля 1940, когда германские войска высадились в Норвегии и предупредили атаку с фланга со стороны союзников».

Какая работа проявила себя 9 апреля? Какую работу вели в полной тайне, которая проявила себя 9 апреля, работу которую проводили члены вашей организации?

Боле: Извиняюсь, я не могу ответить, так как у меня вообще нет сведений об этом.

Я не знаю.

Гриффит-Джонс: Понятно. Вы посмотрите ниже на последний абзац страницы? Во втором предложении – четыре, пять строчек вниз, в конце пятой строчки. Я прошу прощения. Вы посмотрите на книгу перед собой. Вы посмотрите на страницу 40 книги? В центре абзаца последнее слово одной из строк начинается с «Согласно специальному плану…». Вы нашли это? Это страница 40. Чтобы сэкономить время, позвольте мне прочесть:

> «Согласно специальному плану который подготовили после начала войны, ландескрейсляйтунг отдал приказы от 7 апреля о первой стадии состоянии готовности…».

Не звучит ли это как подготовка планов для различных стадий операции? Не звучит ли это, как если бы работой вашей организации был просто поиск в норвежском народе?

Боле: Это могло быть, поскольку это совершенная новинка для меня, исключительно по согласованию с самой страной с военными или другими властями. У меня не было сведений до этого момента.

Гриффит-Джонс: Так я и понял то, что вы сказали. Но вы являлись главой организации, не так ли?

Боле: Да.

Гриффит-Джонс: Вы явились в международный трибунал и дали ему показания, предположительно исходя из того, что вы в состоянии дать правдивые и точные показания, это так?

Боле: Да.

Гриффит-Джонс: Вы это понимаете?

Боле: Да, я понимаю.

Гриффит-Джонс: Что же, значит, я понимаю, что вы говорите о том, что вы не знали о том, что происходило в вашей организации и поэтому вы не в состоянии дать показания о том являлось ли это делом пятой колонны?

Боле: Совершенно очевидно, что в организации такого размера, руководитель, который имел своё ведомство в Берлине, не мог быть близко знаком со всем, что происходило за рубежом и более того, с тем, что происходило вопреки его инструкциям. Я не имел таких же дисциплинарных полномочий в отношении членов партии за рубежом, как например, какой-нибудь гауляйтер в Рейхе. Мне не требуется развивать это, потому что это само по себе очевидно. Также очевидно, и это мне известно, что некоторые немцы за рубежом, которых призвали ввиду их патриотизма, в отдельных случаях сами по себе использовались в миссиях без уведомления Зарубежной организации и вопреки прямым инструкциям.

Гриффит-Джонс: В интересах времени мы не будем развивать конкретную сферу деятельности в Норвегии, в том случае если это могло быть исключением, о котором вы не знали.

Позвольте перейти к чему-то ещё. Вы посмотрите на страницу 65 этой книги?

Это статья вашего ландесгруппенляйтера в Греции?

Боле: Да.

Гриффит-Джонс: Она в форме ежедневнего дневника о деятельности Auslands Organisation в Греции, когда германские войска вторглись в эту страну?

Боле: Да.

Гриффит-Джонс: Вы посмотрите на страницу 65?

«Воскресенье, 27 апреля. Свастика над Акрополем».

Это заголовок. Я прошу прощения. Я не знаю, есть ли это под этим заголовком. Говорит ландесгруппенляйтер:

> «Я срочно быстро посетил другие кварталы» - в которых была интернирована немецкая колония – «Филадельфию и институт. Я приказал обитателям дома на Академической улице отказаться от возвращения домой сегодня и быть в готовности. В конце концов, мы хотели незамедлительно помочь германским войскам своими сведениями о языке и районе. Теперь настал момент. Мы должны быть начать немедленно».

Вам известно…

Боле: Да, я даже знаю обо всём этом. Разумеется, должно быть очевидно, что в момент занятия германскими войсками иностранного города и освобождения немцев проживавших за рубежом которые были интернированы, последние предоставляли себя в распоряжение германских войск и помогали им во всем как гиды, переводчики и подобное. Это разумеется самая логичная вещь в мире.

Гриффит-Джонс: Фактом является то, что они делали это, и содействие которое вы предоставляли им заключалось в том, чтобы организовать их и, чтобы они были готовы, это не так? Вот, что кажется, делал ваш ландесгруппенляйтер?

Боле: Я не понял вопрос. Вы, пожалуйста, повторите его?

Гриффит-Джонс: Вы понимаете, что ваш ландесгруппенляйтер был тем кто организовал членов вашей организации, организовал их для того, чтобы они могли оказать содействие армии вторжения?

Боле: Так совершенно неправильно говорить. Ландесгруппенляйтер в Греции, который занимал должность в Греции с 1934, не мог сказать состоится ли вторжение в Грецию или нет. Это не имело ни малейшего отношения к характеру данной организации. В тот момент, когда германские войска находились в стране это выступило причиной того, что они приветствовали своих соотечественников, действовали как принимающая сторона, и помогали им всеми способами. Это был очевидный патриотический долг.

Гриффит-Джонс: Понимаю.

Перейдем к странице 66, следующей странице. Вы найдете абзац который

начинается: «Между тем я организовал использование всех членов партии для вспомогательной службы в вооруженных силах».

Вы нашли это?

Боле: Я понимаю это…

Гриффит-Джонс: Вам лучше найти место.

Боле: Где мне найти это место?

Гриффит-Джонс: На странице 66. Это новый абзац.

Боле: Да, нашел.

Гриффит-Джонс: «Между тем я организовал использование всех членов партии для вспомогательной службы в вооруженных силах».

По сути это означает, что ландесгруппенляйтер организовал их, не так ли?

Боле: В данном случае да.

Гриффит-Джонс:

> «Вскоре наших юношей и девушек можно было увидеть катавшимися и улыбающимися в форме Гитлерюгенда, вместе с германскими солдатами на мотоциклах и военных машинах…»

Вы лично знали об организации и работе которую ваш ландесгруппенляйтер проводил в Греции по содействию вашим армиям в полувоенном качестве, или как и в случае с Норвегией вы ничего об этом не знали?

Боле: Ландесгруппенляйтер в Греции не мог создать полувоенную организацию, а в этом примере создал организацию для помощи войскам вступившим в страну в секторе который был полностью гражданским.

Гриффит-Джонс: Очень хорошо, я хочу спросить вас о другом вопросе. У вас есть документ который является телеграммой от некоего Шторера[32], в Мадриде?

Боле: Да.

Гриффит-Джонс: Шторер имел какое-нибудь отношение к германскому посольству в Мадриде?

Боле: Шторер сам был германским послом; доктор фон Шторер.

Гриффит-Джонс: Датировано 23 октября 1939. Давайте посмотрим на то где сказано:

> «Ландесгруппенляйтер может получить очень удобный дом для размещения ландесгруппы, а также Германского трудового фронта[33], ортсгруппы, Гитлерюгенда и Немецкого дома в Мадриде, также доступна комната для расширения посольства, и в особенности очень подходящая отдельная комната с возможностью установки второго секретного радиопередатчика, который уже нельзя размещать в школе из-за очередного открытия.

---

32 Эберхард фон Шторер (1883 — 1953) — немецкий дипломат, находился в Испании на дипломатических должностях в 1936-1943.

33 «Германский трудовой фронт» (нем. Deutsche Arbeitsfront), DAF — в нацистской Германии объединённый профсоюз работников и работодателей.

Ландегруппенляйтер попросил меня арендовать дом через посольство, в результате чего можно избежать значительных налогов. Не медлите, в виду ожидания частичного использования посольства указанным выше образом. Если вы не согласны я прошу ответной телеграммы. Пожалуйста, сообщите также гауляйтеру Боле».

Вы говорили трибуналу правду, когда говорили ему почти 30 минут назад о том, что вы не имели сведений о радиоприёмниках использовавшихся вашей организацией?

Боле: Да, потому что у меня нет сведений об этих передатчиках, или их использовании, я должен полагать, что это касалось аппарата посольства.

Зейдль: Копия телеграммы, как она есть у меня, не указывает на то кому была адресована эта телеграмма. Последняя фраза телеграммы заставляет полагать, что она никоим образом не была адресована свидетелю. По моему мнению, я думаю свидетеля нужно спросить о том знал ли он об этой телеграмме, и кому она была адресована.

Гриффит-Джонс: Наверное, вы скажите доктору Зейдлю о том кому посол в Мадриде вероятно послал телеграмму об этих вопросах?

Боле: Министерству иностранных дел в Берлин.

Гриффит-Джонс: И тогда, вы являлись государственным секретарем министерства иностранных дел в Берлине, не так ли?

Боле: Совершенно верно, в октябре 1939.

Гриффит-Джонс: Ниже его подписи приводится список рассылки – он называет разных лиц в департаментах министерства иностранных дел в Берлине. Это так?

Боле: Да.

Гриффит-Джонс: И вы говорите о том, что эти департаменты которые попросили сообщить вам об этом вопросе, все они не смогли этого сделать?

Боле: Нет, я так не говорю. Они точно это сделали.

Гриффит-Джонс: Вы помните, чтобы раньше видели эту телеграмму?

Боле: Я не могу её вспомнить. Я бы заметил её, так как я никогда ничего не слышал о двух секретных передатчиках в Испании. Для меня было бы совершенно правильным признать это. Но я не могу это сделать, так как я не знаю. Рассылка под номером 3 указывает «государственного секретаря», но это не означает меня, а государственного секретаря министерства иностранных дел, политического. Моя должность обозначалась: начальник А.О.

Гриффит-Джонс: Я могу избавить вас от этого. Я не предлагаю, что «государственный секретарь» означал вас; в противном случае не говорилось бы о том, чтобы его вам представили. Я хочу знать о том, вы или ваши сотрудники посольства работали совместно с двумя секретными радиопередатчиками в Испании в октябре 1939?

Вы всё также говорите о том, что ваша организация совершенно не

касалась сообщения информации военного значения?

Боле: А, что вы имеете в виду под «возвратом»?

Гриффит-Джонс: Вы говорили трибуналу, я хочу, чтобы вам было ясно – вы говорили трибуналу о том, что вашу организацию не использовали для шпионских целей в Испании?

Боле: Так точно, я это утверждаю. Следует проводить разницу между отдельными членами Зарубежной организации которые естественно без моего ведома – я довольно часто протестовал против этого – использовались за рубежом в таких целях. Я не имел возражений тому, чтобы зарубежные немцы использовались во время войны для таких задач, как было часто во всех других странах. Однако, я не хотел, чтобы члены или сотрудники Зарубежной организации участвовали в этом. Нужно делать разницу…

Гриффит-Джонс: Я вовсе не хочу вас останавливать. Я не хочу вас останавливать. Продолжайте если у вас есть, что сказать. Но в интересах времени, попытайтесь говорить как можно короче.

Боле: Мне кажется, есть некоторая путаница между Зарубежной организацией как организацией и тем, что делали отдельные немцы за рубежом во время войны в качестве своего патриотического долга. Мне кажется, в этом состоит суть вопроса.

Гриффит-Джонс: Что же, не буду с этим спорить. Мы поняли, что ваша организация проявляла достаточный интерес к воспроизведению отчётов о том, что она делала в своей официальной книге. Далее я хочу показать вам ещё одну вещь.

[*Обращаясь к председателю*] Что же, у меня есть ещё один документ для предъявления этому свидетелю.

Председатель: Вы тоже можете продолжать.

Гриффит-Джонс: Это документ, который я только, что нашёл. Я не сделал его копию. Трибунал извинит меня за то, что я прочту из него фрагменты?

[*Обращаясь к свидетелю*] Это подлинник который вы держите в своей руке и кажется это, копия письма от…

Председатель: У доктора Зейдля она есть?

Гриффит-Джонс: Да, у него есть копия на немецком языке.

[*Обращаясь к свидетелю*] Это письмо от вашего ландесгруппенляйтера Конради[34]?

Боле: Кажется это директива от Конради, но она не подписана им.

Гриффит-Джонс: Если вы посмотрите в конец письма вы увидете, что она на самом деле подписана «Конради», после привычного «Хайль Гитлер»…

Боле: Копия которая есть у меня не подписана.

Гриффит-Джонс: Вы отдадите эту копию обратно? Наверное, эти документы…

---

34 Артур-Рудольф Конради (1880 – 1951) – нацистский политик. В 1932-1941 ландесгруппенляйтер НСДАП в Румынии. В 1935-1941 руководитель общества германо-румынской торговли.

[*Документ передали от свидетеля подполковнику Гриффит-Джонсу*]

Гриффит-Джонс: Оно фактически подписано «Конради». Покажите ему.

[*Документ вернули свидетелю*]

Боле: Она не подписана Конради, а напечатана.
Гриффит-Джонс: Я вам крайне обязан. Я недостаточно ясно выразился. Я сказал, что у нас есть копия. Копия письма, которое было подписано и направлено Конради. Кажется это так?
Боле: Я этого не знаю, так как конечно я не знаю обо всех письмах написанных Конради.
Гриффит-Джонс: Можете поверить, что касается вас, что это захваченный немецкий документ, что этот документ который вы держите в руке обнаружен союзными войсками и имеет напечатанную подпись Конради, который был вашим ландесгруппенляйтером в Румынии это так? Вы помните, что у вас был ландесгруппенляйтер в Румынии?
Боле: Его звали Конради.
Гриффит-Джонс: И это письмо с инструкциями целленляйтеру в Констанце?
Боле: Да.
Гриффит-Джонс: Оно датировано 25 октября 1939. Вы прочитаете первый абзац?

> «С 9 по 12 октября состоялись совещания с верховными функционерами партии, или их заместителями, от юго-восточной и южноевропейской групп головного управления Auslands Organisation».

Это означает Берлин?
Боле: Да. Берлин.
Гриффит-Джонс: Это означало ваше ведомство, не так ли?
Боле: Да, в моём ведомстве, но не в моём личном кабинете.
Гриффит-Джонс: Нет, но в том ведомстве, в котором у вас был полный контроль?
Боле: Да.
Гриффит-Джонс: Согласен. Я представляю, перед тем как мы продолжим, что ваше головное ведомство не могло отдать никаких приказов которые бы противоречили вашему указанию, не так ли?
Боле: Не в важных вещах, естественно нет.
Гриффит-Джонс: Я вам крайне обязан.

> «Впоследствии я получил прямые инструкции от компентентного отдела головного управления Auslands Organisation».

Следует, что указание которое дали на совещании, подтвердили в письменном виде.

> «Во время войны каждый национал-социалист за рубежом должен прямо служить отечеству, либо посредством пропаганды немецкой идеи либо противодействуя вражеским мероприятиям».

Наверное, теперь вы перевернёте, или скорее, вы пропустите – я читаю из копии – английской, следующий абзац, и следующий плюс один абзац и продолжите с абзацем начинающимся:

> «Как и везде крайне важно знать, где находится враг, и что он делает…»

Я хочу, чтобы вам было понятно и вы имели это в виду. Эти указания поступили непосредственно из вашего головного ведомства в Берлине.

> «Установлено, что I.S. (разведывательная служба) предпринимала иногда самые успешные попытки для внедрения доверенных лиц в деятельность партийной группы и её отделений. Таким образом, необходимо, чтобы вы тщательно изучали не только всех тех лиц которые вступают с вами в контакт которые не очень хорошо вам знакомы, но прежде всего изучали любых новых людей и посетителей появляющихся в вашем ближайшем окружении. По возможности, передавайте их в руки товарища, чьи нацистские убеждения в целом не известны человеку с улицы…»

Думаю, мы можем оставить остальное из этого.

> «Вы должны сообщать обо всём, что становится вам известно, даже на первый взгляд являющееся незначительным. В данную категорию также попадают слухи какими бы ложными они не казались».

Вы помните, что говорили своим членам в Румынии сообщать обо всём? Обо всём, что они видели?

Боле: Да, конечно.

Гриффит-Джонс:

> «Важным сектором, как вашей работы, так и работы ваших товарищей должны быть промышленные концерны, деловые предприятия, и т.д. Таким образом вы не только можете хорошо распространять пропаганду, но именно в таких концернах вы способны собирать информацию о странных посетителях. Известно, что вражеские шпионские организации в особенности активны в промышленных кругах как при сборе информации так и проведении актов саботажа. Члены с тесными связями в снабженческих и пересыльных компаниях особо подходят для такой работы. Само собой разумеется, что вы должны быть щепетильными и осторожными при отборе своих помощников».

Председатель: У вас есть что-то ещё прочитать из этого документа? Если так, мы прервёмся до двух часов.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Пристав: С позволения трибунала, подсудимый Штрайхер отсутствует с данного заседания.

Гриффит-Джонс: Свидетель, вы снова посмотрите на документ, который мы читали до перерыва в суде. Вы посмотрите на абзац который начинается: «Как и везде крайне важно знать, где находится враг и что он делает». Милорд, я абсолютно уверен в том, что я не начинал читать.

Председатель: О, да, вы прочли это и следующий вверху страницы 3 английского текста. По крайней мере, я думаю так. Вы прочли тот, что начинается: «Важный сектор».

Гриффит-Джонс: Наверное, я могу начать абзац начинающийся: «Важный сектор». У вас это есть?

Боле: Да.

Гриффит-Джонс:

> «Важным сектором, как вашей работы, так и работы ваших товарищей должны быть промышленные концерны, деловые предприятия, и т.д. Таким образом вы не только можете хорошо распространять пропаганду, но именно в таких концернах вы способны собирать информацию о странных посетителях. Известно, что вражеские шпионские организации в особенности активны в промышленных кругах как при сборе информации так и проведении актов саботажа. Члены с тесными связями в снабженческих и пересыльных компаниях особо подходят для такой работы. Само собой разумеется, что вы должны быть щепетильными и осторожными при отборе своих помощников».
>
> В связи с этим уместными являются межгосударственные организации и организации обмена» - я особо хочу, чтобы вы отметили следующие строчки:
>
> Доказано, что они часто используют безобидную деятельность в качестве прикрытия, а в реальности являются отделениями ведомства внешней разведки».

Свидетель, разве это не точное описание того как Auslands Organisation вела свои дела? Прочитаю снова:

> «Доказано, что они часто используют безобидную деятельность в

качестве прикрытия, а в реальности являются отделениями ведомства внешней разведки».

Разве это не согласуется с указаниями вашего ландесгруппенляйтера изданными в письменном виде своим членам в этом документе?

Боле: Напротив, я считаю, что это явное доказательство того факта, что организации указанные здесь находились на службе зарубежной разведки, а не германской шпионской службы. Моя интерпретация прямо противоположная тому, что сказал британский обвинитель.

Гриффит-Джонс: Вы не давали здесь инструкций, или ваш ландесгруппенляйтер не давал инструкций, об осуществлении контрразведки – работы которую проводила разведывательная служба? Разве автор не писал об этом?

Боле: Письмо, с которым я лично не знаком, видимо инструктировало немцев за рубежом в свою очередь сообщать обо всех случаях работы разведывательной службы. Я не думаю, что этому как то можно возражать во время войны.

Гриффит-Джонс: Очень хорошо. Мы не будем спорить об этом. Я понял, что вы ничего не знали об инструкциях, которые имеются в письме. Это первый раз, когда вы видели или слышали о нём, правильно?

Боле: Нет, это письмо для меня новое, я не знаю правда ли оно, так как здесь нет подлинника.

Гриффит-Джонс: Значит, я могу понять, что из стран окружавших Германию в которой работала ваша организация, вы не имели сведений о деятельности которую они проводили в Бельгии? Вы не имели никаких сведений о деятельности в Норвегии, ничего о том, что она делала в Испании, и очень мало о том, что она делала в Румынии, правильно?

Боле: Нет, это неправильно. Конечно же я знал о деятельности этих групп за рубежом, но конкретная деятельность о которой британский обвинитель желает сказать как о цели Зарубежной организации мне не совсем ясна.

Гриффит-Джонс: Если бы у вас имелись сведения о какой-нибудь её деятельности – я понял из ваших показаний, что не имелось никакой деятельности о которой писал ваш ежегодник Auslands Organisation. И в Норвегии и Греции деятельность приводилась в двух историях. Вы вообще ничего об этом не знали, правильно?

Боле: Я не знал о деятельности в Норвегии. Я уже дал об этом показания. Я был хорошо знаком с деятельностью в Греции которая велась в самых обычных чертах.

Гриффит-Джонс: Очень хорошо. Я хочу оставить это, и хочу задать вам два вопроса о другой теме. Я прав, говоря о том, что информация – и я не собираюсь спорить с вами о том какого типа была эта информация, но информация которую направляла обратно ваша организация, она передавалась подсудимому Гессу?

Боле: Иногда да, иногда нет. Это зависело от характера информации. Если это была информация о внешней политике, она конечно шла в другое ведомство.

Гриффит-Джонс: Фактически вы действовали как информационный пул, не так ли?

Позвольте мне пояснить: вы пересылали информацию которую получали, в СС?

Боле: Иногда, да, если не в СС то, наверное…

Гриффит-Джонс: В министерство иностранных дел.

Боле: Иногда в министерство иностранных дел.

Гриффит-Джонс: И в Абвер, не так ли?

Боле: Очень редко, но так случалось.

Гриффит-Джонс: Вы говорите очень редко. Вы не имели связного приданного вашей организации из Абвера?

Боле: Нет, у меня был один помощник который поддерживал неофициальный контакт с Абвером если возникал повод.

Гриффит-Джонс: Наверное, мы говорим об одном и том же господине. У вас был капитан Шмаусс приданный к вашему головному ведомству в Берлине?

Боле: Господин Шмаусс никогда не был капитаном, но он был политическим руководителем и почётным фюрером СС. В армии, как мне кажется он был унтер-офицером. Более того, он не пришёл из Абвера, он был начальником отдела кадров Зарубежной организации и его функция как посредника была чисто неофициальной.

Гриффит-Джонс: Вы говорите, он не был связным офицером между вашей организацией и Абвером?

Боле: Нет, он вообще не был офицером. Он не был военнослужащим Вермахта.

Гриффит-Джонс: Не хочу спорить с вами о его звании. Он, в свою очередь, действовал как связной между вами и Абвером?

Боле: Да, правильно.

Гриффит-Джонс: Очень хорошо. Итак, в дополнение к информации которую Гесс получал от вашей системы докладов, то есть, Auslands Organisation он также получал информацию от тех организаций который занимались Volksdeutsche[35], то есть, не-немецкими гражданами, расовыми немцами за рубежом которые не являлись членами вашей организации, потому что вы разрешали только немецким гражданам быть членами вашей организации. Но остальные - Volksdeutsche, как я думаю вы их называли – Гесс получал информацию из других источников об их деятельности?

Боле: Не могу сказать, потому что я не обсуждал это с Гессом, и дела этнических немцев находились совершенно за рамками моей сферы.

Гриффит-Джонс: Доктор Карл Хаусхофер[36] некоторое время в 1938 и 1939 был президентом ФДА[37], не так ли?

35 Фольксдойче — обозначение «этнических германцев» до 1945 года, которые жили в диаспоре, то есть за пределами Германии.

36 Карл Хаусхофер (1869 — 1946) — немецкий географ и социолог, основоположник германской школы геополитики. Покончил жизнь самоубийством.

37 Аббр. с нем. Verein für Deutsche Kulturbeziehungen im Ausland (Общество немецких культурных связей за рубежом) – немецкая культурная организация, способствовавшая распространению немецкой культуры среди зарубежных немцев.

Боле: Кажется так.

Гриффит-Джонс: Которая являлась организацией занимавшейся деятельностью Volksdeutsche в зарубежных странах. Это правильно?

Боле: Да, кажется так. Я не знаком с данной сферой.

Гриффит-Джонс: И, как вам известно, Гесс и Карл Хаусхофер были хорошими друзьями, не так ли?

Боле: Да, это так.

Гриффит-Джонс: Хаусхофер был учеником Гесса в университете Мюнхена, вам это известно?

Боле: Было наоборот.

Гриффит-Джонс: Вам не известно о том, что Гесс получал от Хаусхофера информацию о деятельности других организаций?

Боле: Нет, я ничего об этом не знаю.

Гриффит-Джонс: Что же, итак, я не хочу ловить вас на слове. Такой ваш ответ. Вы честны с трибуналом?

Боле: Нет. Я хотел добавить, что заместитель фюрера очень аккуратно разделял «Auslandsdeutsche», то есть, граждан Рейха которые работали за рубежом, и «Volksdeutsche» и равным образом заботился о том, чтобы я не имел никакого отношения к вопросу Volksdeutsche. Поэтому я ничего не знаю об этих вопросах.

Гриффит-Джонс: Гесс как заместитель фюрера фактически был ответственным за все вопросы касавшиеся германизма за рубежом, не так ли?

Боле: Да, то есть, потому что он родился за рубежом. Однако, по моим сведениям, он не был ответственным за эти вопросы как заместитель фюрера. Мне не кажется, что здесь есть какая-нибудь связь.

Гриффит-Джонс: Вы говорите трибуналу, что только потому что он родился в зарубежной стране ему поручили все вопросы касавшиеся германизма за рубежом?

Боле: Кажется так, потому что любой другой рейхсляйтер партии мог также заниматься этими вопросами. Однако, я полагаю, что Гесс принял эти функции просто потому, что он был знаком с зарубежными странами.

Гриффит-Джонс: Я хочу ясности. Какой бы не являлась причина, он фактически был ответственным за них. Такие ваши показания?

Боле: Да.

Гриффит-Джонс: Итак, я хочу напомнить вам отрывок из вашего допроса в этом здании 9 ноября. Вы помните, что вас допрашивали 9-го…

Боле: [*Прерывая*] Сентябрь?

Гриффит-Джонс: Прошлое 9 ноября.

Боле: Да, ноябрь.

Гриффит-Джонс: Вас допрашивал лейтенант Мартин, вечером этого дня.

Боле: Лейтенант Мартин, да.

Гриффит-Джонс: Позвольте мне зачитать короткий фрагмент из расшифровки

этого допроса и спросить вас, правильная ли она. Вас спрашивали об информации которая поступала с помощью Auslands Organisation.

> «Вопрос: Он бы должен был полагаться на вас в целях информирования по таким вопроса?
>
> Ответ: Не полностью. Я думаю Гесс имел много связей в Гамбурге с помощью которых он получал информацию которая не относилась ко мне.
>
> Вопрос: Что за связи у него были в Гамбурге?
>
> Ответ: Компании перевозчики.
>
> Вопрос: Такого типа как инструкции вашего ландесгруппенляйтера в Румынии?
>
> Ответ: Я думаю, он знал там ряд людей. Я всегда был убеждён в том, что он их знал.
>
> Вопрос: Это Гельфрейх[38]?
>
> Ответ: Гельфрейх был одним из них, но было много других людей от которых он получал информацию. Мне кажется от профессора Хаусхофера, своего старого учителя, с которым он сильно дружил. Но он всегда давал понять, чтобы нас не информировали ни о чём связанном с Volksdeutsche. Он говорил: «Это вообще не ваше дело».
>
> Правильно?

Боле: Совершенно верно, да.

Гриффит-Джонс: И как выразились, это правильное описание положения которое имел Гесс в отношении информации из за рубежа, от зарубежных агентов? Это правильно отражает факты какими они были?

Боле: Насколько я понимаю, наверное правильно. Лично я могу судить только о степени в которой эти отчеты касались Зарубежной организации. Про остальных я могу только предполагать. Я не могу дать подробной информации, потому что я не знакомился с ними.

Гриффит-Джонс: У меня больше нет вопросов. Наверное, я могу упорядочить экземпляры, те на которые я ссылался.

Ежегодник Auslands Organisation из которого поступили истории Норвегии и Греции, станет экземпляром GB-284. Два перевода которые у вас есть имеют нумерацию как документы М-153 и М-156, и оба будут экземпляром GB-284.

Секретная телеграмма, которая была документом номер М-158, станет экземпляром GB-285, и письмо от ландесгруппенляйтера Конради, которое было документом номер PS-3796, станет экземпляром GB-286.

Боле: Могу я, кое-что добавить к положению которое затронул британский перекрёстный допрос?

---

38 Эмиль Гельфрейх (1878 – 1972) – немецкий предприниматель. В 1927-1972 председатель наблюдательного совета американо-гамбургского акционерного общества (судоходной компании).

Председатель: Да.
Боле: Могу я начать?
Председатель: Вы можете дать короткое пояснение. Вы не можете произносить речь.
Боле: Нет, я не хочу произносить речь. Я просто хочу сказать следующее по вопросу секретных передатчиков который подняли этим утром. Хотя я не знаком с техникой этих секретных передатчиков, я полагаю, что секретный передатчик использовался бы в зарубежной стране, только если бы имелось принимающее устройство в Берлине.

Я вполне уверен в том, что по моим сведениям такого приёмника никогда не было, ни в моём ведомстве в Берлине ни в каком другом ведомстве Зарубежной организации, и поэтому я могу полагать, что такого приёмника не существовало.
Эймен: Вы вспоминаете допрос 11 сентября 1945, полковником Брэндижем?
Боле: Да.
Эймен: Я хочу прочитать вам несколько вопросов и ответов из вашего допроса, и спросить вас о том помните ли вы о том, что вам задавали такие вопросы и давались такие ответы:

> «Вопрос: Итак, когда вы начинали, кем был ваш непосредственный начальник?
>
> Ответ: Рудольф Гесс, до 1941, когда он улететел в Англию.
>
> Вопрос: Кто был его преемником?
>
> Ответ: Мартин Борман. Мартин Борман автоматически стал преемником Гесса, но в действительности не занял должность Гесса, потому что Гесс родился за рубежом в Египте, в то время как Мартин Борман ничего не понимал в иностранных делах. Он не уделял им никакого внимания, но конечно же, был моим начальником.
>
> Вопрос: Но он был номинально вашим начальником?
>
> Ответ: Технически он был моим начальником, но он не отдавал мне приказов, директив или похожих инструкций, потому что он ничего не понимал в этих вопросах.
>
> Вопрос: Таким образом, за все, что делалось в вашем ведомстве, вы говорите, что ответственность была на вас?
>
> Ответ: Абсолютно.
>
> Вопрос: И вы готовы принять за это ответственность.
>
> Ответ: Естественно».
>
> Вы помните, что вам задавали такие вопросы и давались такие ответы?

Боле: Абсолютно верно.
Эймен: И эти ответы были правдой, когда вы их давали?
Боле: Абсолютной правдой.
Эймен: И они являются правдой и сегодня?

Боле: Всё также являются правдой.

Эймен: Таким образом, вы принимаете ответственность за всё, что предпринималось в вашем ведомстве, это правда?

Боле: Да, правильно.

Эймен: Кем был фон Штремпель?

Боле: Фон Штремпель, как мне кажется, был советником легационного секретаря в министерстве иностранных дел, но я не очень хорошо его знаю.

Эймен: Он не был первым секретарём германского посольства в Соединённых Штатах с 1938 до Пирл-Харбора?

Боле: Не могу сказать точно. Я его мало знал и абсолютно не имел с ним контакта.

Эймен: Что же, его допрашивали о поддержке Американо-немецкого бунда[39] Auslands Organisation до 1938, и я хочу прочитать вам один или два вопроса и спросить соответствуют ли они вашему пониманию фактов. Вы поняли?

Боле: Да.

Эймен:

> «Вопрос: Американо-немецкий бунд поддерживала Auslands Organisation?
>
> Ответ: Я убежден в том, что он был связан с зарубежным отделом партии. Например, бунд получал инструкции от партии о том как выстраивать свою политическую организацию, о том как, где и когда проводить массовые митинги и как вести пропаганду. Лично я, не знаю о том, получал ли он финансовую поддержку».
>
> Это соответствует вашему пониманию фактов?

Боле: Нет, это совершенно ложное представление. Зарубежная организация вообще ни оказывала никакой финансовой поддержки и не имела никакой связи с Американо-немецким бундом. Я чётко заявлял об этом на многих допросах в Нюрнберге, и подписал об этом письменные показания.

Эймен: Я знаю об этом. Таким образом, если фон Штремпель дал присягу о том, что это было фактом, ваши показания заключаются в том, что он говорил неправду. Правильно?

Боле: По моему мнению, если фон Штремпель был легационным секретарем или секретарём другого ведомства, он не мог знать о предмете и поэтому дал показания о чём-то, что было для него не совсем ясно. Во всяком случае, то, что он сказал это неправда.

Эймен: Вы знакомы с таким фактом, что в 1938 был отдан приказ запрещавший членам германских посольств и консульств продолжать отношения или связи с бундом?

Боле: Это был общий приказ для немецких граждан за рубежом о выходе из бунда

39 Германо-американский союз — нацистская организация в США, образованная лицами немецкого происхождения в начале 1930-х годов. Выступала за дружественные отношения с нацистской Германией и предотвращение вступления США в войну. Ликвидирована в 1941.

если они были членами. Но, насколько мне известно, этот приказ был издан несколькими годами ранее, приблизительно 1935 или 1936, заместителем фюрера по моей просьбе.

Зейдль: Я возражаю этому вопросу, он не имеет никакой связи с показаниями о которых вызван свидетель Боле. Во время его допроса мною, его не спрашивали ни о каком предмете, который имеет малейшее отношение к вопросу деятельности Американо-немецкого бунда. Мне не кажется, что такая форма допроса предназначена для проверки свидетеля, так как это никак не относится к теме.

Эймен: Мне кажется, это прямо относится к тому, участвовала или нет эта организация в шпионской работе за рубежом и в Соединённых Штатах.

Председатель: Разумеется, по мнению трибунала, вопросы полностью уместные.

Эймен: Это не факт, что, несмотря на приказ зарубежного отдела, нацистская партия продолжала поддерживать бунд?

Боле: Нет, я не был осведомлён об этом и считаю это невозможным.

Эймен: Сейчас я хочу зачитать вам один или два дальнейших фрагмента из допроса Штремпеля и спросить вас согласуются ли эти заявления с вашими сведениями о фактах:

> «Вопрос: Зарубежный отдел партии продолжал поддерживать бунд после приказа, о котором вы говорили.
>
> Ответ: Я уверен в том, что господин Дрегер[40], консул в Нью-Йорке и представитель зарубежного отдела партии, продолжал поддерживать отношения с сотрудниками бунда».
>
> Это соответствует вашим воспоминаниям о фактах?

Боле: Нет. По моему мнению, это не соответствует фактам. Естественно, я не могу сказать, поддерживал ли консул, доктор Дрегер свои контакты вопреки моим приказам, но существовал императивный приказ о полном выходе из бунда, потому что с самого начала я решительно возражал деятельности бунда и заместитель фюрера поддерживал мои возражения.

Эймен: Вы были знакомы с Дрегером, не так ли?

Боле: Да.

Эймен: Каким было его положение в Соединённых Штатах, постольку поскольку это касалось вашей организации?

Боле: Он был связным Зарубежной организации для отдельных членов партии в Соединённых Штатах.

Эймен: Он был известен как конфиденциальный агент, не так ли?

Боле: Нет, не был, естественно, но он имел…

Эймен: И фактически, вы называли его «конфиденциальным агентом» в своём допросе, не так ли?

Боле: Нет. Я назвал его Vertrauensmann и это перевели как «доверенное лицо». Я…

---

40 Фридхельм Дрегер (1900 – 1993) – немецкий дипломат. Вице-консул Германии в Нью-Йорке в 1934-1941.

Эймен: Что же, я приму эту поправку. Он был доверенным лицом вашей организации в Соединённых Штатах. Правильно?

Боле: Правильно, да, правда.

Эймен: И кроме него были другие доверенные лица вашей организации в Соединённых Штатах? Правильно?

Боле: Да, правильно.

Эймен: Вы расскажете трибуналу о том, как их звали и где они находились?

Боле: Одним был Видеман[41], генеральный консул в Сан-Франциско. Также был консул доктор Гисслинг в Лос-Анджелесе и консул фон Шпигель[42] в Новом Орлеане, мне кажется, но я не знаю, наверное, это был Бостон. Это был один из двух. Мне кажется это всё.

Эймен: И каждый из этих людей готовил время от времени отчеты, которые передавал вам Дрегер. Это не факт?

Боле: Нет, они не готовили для меня доклады. Я не могу вспомнить, чтобы я, когда-нибудь видел отчёт Видемана, Шпигеля или Гисслинга. Их работа не заключалась в этом.

Эймен: Дрегер готовил для вас отчёты, не так ли?

Боле: Дрегер готовил отчёты Зарубежной организации в Берлине или лично мне. В основном для моего ведомства.

Эймен: И в этих отчётах содержались различные вещи об информации собранной конфиденциальными агентами? Это не так?

Боле: Я не знаю, потому что я не знаком с этими докладами, и я не могу сказать было ли о чём докладывать. У нас не было партийной организации в Соединённых Штатах, потому что её распустил Рудольф Гесс в апреле 1933.

Эймен: Так вы говорите, но несмотря на это у вас в Германии был человек который должен был читать и передавать эти отчёты от Дрегера. Это не факт?

Боле: Насколько мне известно, и мне кажется у меня правильные сведения, отчёты которые мы получали, имели чисто технический характер. Мы просто имели мало членов партии в Соединённых Штатах, чья картотека и членские взносы должны были быть под присмотром для сохранения их привилегий как членов партии. Политическая деятельность в Соединённых Штатах была запрещена и на деле не существовала.

Эймен: Но я предлагаю вам, что несмотря на приказ, деятельность вашей организации при этом продолжалась. Итак, это не факт, что в вашей организации в Германии был человек который регулярно получал эти доклады из Соединённых Штатов?

Боле: Это был мой помощник, господин Гроте, который…

---

41 Фриц Видеман (1891 — 1970) — немецкий офицер, адъютант Адольфа Гитлера в 1935-1939, впоследствии дипломат.

42 Эдгар фон Шпигель (1885 – 1965) – немецкий подводник и дипломат. В 1937-1941 консул Германии в Новом Орлеане.

Эймен: Прошу прощения?
Боле: Это был мой помощник, господин Гроте.
Эймен: Правильно. Почему вы раньше не сказали об этом, когда я спросил о человеке, который читал эти доклады при поступлении из Соединённых Штатов?
Боле: Пожалуйста, повторите вопрос. Я не полностью его понял.
Эймен: Что же, я отзываю вопрос. После того как Гроте регулярно получал эти отчёты из Соединённых Штатов, кому он сообщал о сути этих докладов?
Боле: Насколько мне известно, он обычно хранил их, потому что они не содержали ничего интересного, и он сам не мог их использовать. Господин Гроте имел у нас почётную должность, ввиду его большого возраста и принял этот отдел, потому что он не имел никакого значения в Зарубежной организации.
Эймен: Таким образом, вы не могли знать о том, что содержалось в этих докладах? Правильно?
Боле: По большей части это так.
Эймен: Значит вы не знаете, были они важными или нет и вы не знаете, содержали ли они информацию относившуюся к шпионским вопросам или нет. Это правильно?
Боле: Я уверен в том, что если бы они содержали такую информацию, то Гроте представил бы их мне.
Эймен: Что же, за рамками этого, вы не имели никаких сведений. Это правильно?
Боле: Правильно.
Эймен: Теперь позвольте мне зачитать вам один или два фрагмента из допроса фон Штремпеля:

> «Вопрос: Такие отношения, кажется, нарушали приказ, о котором вы уже говорили. Вы сообщали об этих нарушениях в министерство иностранных дел?
> Ответ: Да, несколько раз. В отчетах, которые я готовил для Томсена[43], когда я находился в посольстве, мы обращали внимание Берлина на тот факт, что эти отношения с бундом были очень вредными…и заявлял о том, что продолжение поддержки бунда зарубежным отделом партии вредило дипломатическим отношениям с Соединёнными Штатами.
> Вопрос: Что предпринял Берлин для прекращения деятельности на которую вы жаловались?
> Ответ: Мне неизвестно».
> Это соответствует вашим сведениям о фактах?

Боле: Я не имею ни малейшего понятия об этом отчёте господина фон Томсена. Я впервые слышу о протестах посольства в Вашингтоне о запрете связей между доктором Дрегером и бундом.
Эймен: Вам известно кем был Томсен, не так ли?

43 Ганс Томсен (1891 – 1968) – немецкий дипломат. Поверенный в делах Германии в США в 1938-1941.

Боле: Томсен был поверенным в Вашингтоне.

Эймен: И вам известно о том, что время от времени приходили различные сотрудники бунда и проводились совещания с представителями вашей организации и фюрером, не так ли?

Боле: Я слышал о том, что они посещали фюрера, но они не посещали меня, и у нас не было совещаний.

Эймен: Я не говорю с вами. Я сказал с представителями вашего ведомства, наверное, с вашим другом господином Гроте?

Боле: Так могло быть, но я не могу сказать точно, потому что он не сообщал мне об этом вопросе. Они не могли обсуждать с Гроте официальные вопросы, потому что он очень хорошо знал о том, что я полностью отвергал деятельность немецкого бунда в Америке.

Эймен: Однако, в любом случае, вы принимаете ответственность за всё, что делалось в вашей организации? Правильно?

Боле: Естественно.

Председатель: Главные обвинители хотят провести перекрёстный допрос? [*Ответа не последовало*] Тогда, доктор Зейдль, вы можете провести повторный допрос если хотите.

Зейдль: Свидетель, вы уже ответили на вопрос который я хотел вам задать, то есть, что не было секретного передатчика в Германии который мог бы передавать секретные сообщения в зарубежные страны. Сейчас я спрашиваю вас, у вас был передатчик в Германии?

Боле: Лично у меня не было передатчика.

Зейдль: Зарубежная организация имела такой передатчик?

Боле: Я считаю это абсолютно невозможным, если бы такой был, я бы знал об этом. Я никогда его не видел.

Зейдль: Правильно, что для того, чтобы иметь связь с заокеанскими немцами вы лично не имели кода в немецкой сети?

Боле: Правильно.

Зейдль: Вы ранее сказали о том, что заместитель фюрера, Гесс, был вашим непосредственным начальником?

Боле: Да.

Зейдль: Директивы которые давал вам заместитель фюрера имели общий характер или вникали в детали работы Зарубежной организации?

Боле: Заместитель фюрера давал только общие директивы и оставлял все детали на меня, потому что я имел его полное доверие. В своих общих директивах он постоянно резкими словами обращал внимание на то, что моей обязанностью было избегать любых мер со стороны Зарубежной организации которые могли нанести урон зарубежным отношениям.

Зейдль: У меня больше нет вопросов.

Председатель: Свидетель может удалиться.

[*Свидетель покинул место свидетеля*]

Зейдль: Уважаемый суд, перед тем как перейти к следующему свидетелю – то есть свидетелю Штролину – я хочу внести предложение или даже ходатайствовать перед трибуналом о том, чтобы письменные показания свидетеля Гаусса были рассмотрены таким же образом как допрос свидетеля Боле. Гаусс уже допущен в качестве свидетеля для другого подсудимого. Однако, защита другого подсудимого отказалась от своего права вызвать данного свидетеля. Ситуация такая же как в случае с Боле, поэтому было бы предпочтительнее, по моему мнению, заслушать сейчас свидетеля Гаусса и огласить его заявление под присягой во время его допроса как делали в остальных случаях, например в случае Блахи.

Председатель: Письменные показания уже перевели и представили на разных языках главным обвинителям?

Зейдль: Я не знаю, закончен ли перевод. В любом случае, в полдень я представил шесть копий письменных показаний отделу переводов.

Председатель: Вы можете сказать мне, сэр Дэвид или полковник Покровский?

Максвелл-Файф: Милорд, я не видел письменные показания, и, милорд, в отношении последнего, мы спешно перевели их на английский язык, но лишь по причине любезности наших советских коллег, которые позволили продолжить с ними без русского перевода и оставили на мою делегацию рассмотреть это. В противном случае, мои советские коллеги попросили бы трибунал вернуть их.

Очень сложно, когда эти письменные показания должны предъявить в последнюю минуту не дав нам шанса посмотреть их.

Председатель: Наверное, полковник Покровский сможет рассказать мне о том, видел ли он письменные показания и переведёны ли они.

Покровский: Я, господа судьи вполне разделяю точку зрения сэра Дэвида Файфа. Мне кажется, совершенно неприемлимым, чтобы суду сейчас был предъявлен этот документ.

Насколько я понял сэра Дэвида Файфа, он не получил этот документ. Точно в таком же положении находится и советская делегация. Кроме того, я позволю себе напомнить, что вопрос об этом свидетеле уже был обсуждён, получил исчерпывающее разрешение, и мне, казалось бы, что отсутствуют какие-нибудь основания для того, чтобы этот вопрос подвергался пересмотру.

Председатель: Доктор Зейдль, трибунал считает, что нужно следовать тому, чтобы письменные показания перевели и представили трибуналу на рассмотрение, так как я думаю, этого свидетеля разрешили подсудимому Риббентропу, и затем он отозвал ходатайство об этом свидетеле. Вы не ходатайствовали о свидетеле Гауссе, и я отмечаю вам и другим представителям подсудимых, что весьма неудобно, чтобы

документы такого рода – в конце концов вопрос свидетелей и документов подробно рассматривался трибуналом – представляли в последний момент без всякого перевода. Но сейчас мы их не рассматриваем, и их следует перевести и предъявить трибуналу на трёх языках.

Зейдль: Наверное, я могу сделать короткое замечание в отношении последнего пункта. До сих пор у меня всегда складывалось впечатление, что формальное ходатайство о вызове свидетеля необходимо в случае свидетеля, которого уже допустил трибунал. Так, несомненно, было в случае Гаусса которого назвали в качестве свидетеля для подсудимого фон Риббентропа. Соответственно у меня не было повода заявлять формальное ходатайство, поскольку у меня всё равно была бы возможность перекрёстно допросить свидетеля.

Только что мне сообщил представитель подсудимого фон Риббентропа, что, как сказал его представитель в прошлую субботу, он отказался от вызова свидетеля Гаусса и теперь, в свою очередь, я ходатайствую о вызове посла, доктора Гаусса в качестве свидетеля по вопросу заявлений в его показаниях под присягой.

Председатель: Я не знаю, что вы имеете в виду, говоря о том, что вы его вызвали. Вы можете ходатайствовать об его вызове если хотите, но вы не вызвали его, пока не заявили ходатайство.

Зейдль: Да, сэр.

Председатель: Когда мы увидим документ, мы решим вопрос.

Зейдль: Следующий свидетель, допущенный трибуналом для подсудимого Гесса это свидетель Карл Штрёлин[44]. Для того, чтобы сэкономить время я также подготовил для свидетеля письменные показания, и я прошу трибунал сообщить мне, последует ли он такой же процедуре с этим свидетелем, как со свидетелем Боле или же обвинение согласно только с представлением письменных показаний.

Председатель: Оно видело письменные показания?

Зейдль: Я вручил письменные показания обвинению этим утром.

Максвелл-Файф: У меня есть английский перевод письменных показаний. Есть один или два вопроса которые обвинение хочет задать свидетелю, поэтому я предлагаю, что наиболее удобным было бы если доктор Зейдль сделал бы так как в случае последнего свидетеля, зачитав письменные показания и после оглашения письменных показаний, обвинение желает задать ему несколько вопросов.

Председатель: Да, очень хорошо.

Покровский: Я должен доложить вам, господин председатель, что в отношении этого документа, защита также нарушила установленный вами порядок, а именно советское обвинение получило этот аффидевит очень ограниченное время тому назад исчисляемое одним-двумя часами, и не на русском, а на английском языке. Таким образом, я имел возможность ознакомиться с ним крайне поверхностно, и я

44 Карл Штрёлин (1890 — 1963) — деятель Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП), в 1933 —1945 — обер-бургомистр Штутгарта. Поддерживал контакты с движением Сопротивления.

просил бы, чтобы предъявление этого документа было отложено до того момента, когда будет точно выполнен установленный трибуналом порядок, а именно пока мы не получим перевод его на русский язык.
Председатель: Но полковник Покровский, в интересах времени трибунала, не будет ли лучше начать с ними сейчас? Сэр Дэвид, вероятно, видел письменные показания и прочёл их на английском языке, и если он удовлетворён этим, не будет ли лучше продолжать с ними, нежели откладывать их?

Поймите, доктору Зейдлю уже разрешили этого свидетеля, поэтому это просто вопрос времени, сделать это с помощью письменных показаний при его вызове, и его возможности задать вопросы.
Покровский: Я могу повторить, что я ознакомился очень бегло с этим документом. Насколько я понимаю, особого интереса он не представляет для советской делегации, и больше интересует британскую делегацию, если сэр Дэвид считает…
Председатель: Полковник Покровский, понимаете, свидетеля разрешили доктору Зейдлю. Поэтому, доктор Зейдль может допросить его и задать ему вопросы, и единственная причина для того, чтобы сделать это с помощью письменных показаний, так более ясно и быстрее. Таким образом, если мы распорядимся о том, чтобы письменные показания не использовали, тогда нужно, чтобы доктор Зейдль задавал свидетелю вопросы, и наверное, боюсь, занял гораздо больше времени чем огласив письменные показания, и вы не возразили бы этому.
Покровский: Может быть, суд нашёл бы целесообразным, чтобы доктор Зейдль поставил перед свидетелем те вопросы, на которые имеется ответ в аффидевите? Это мне кажется, дало бы возможность примирить это некоторое противоречие, потому что здесь стоит всего несколько вопросов, и первые три, насколько я понимаю, носят скорее такой исторический характер и связаны с организацией института в Штутгарте в 1917 году.
Председатель: Полковник Покровский, я пока не читал письменные показания, поэтому, боюсь я не в состоянии представить вопрос который вы хотите, чтобы я представил.
Покровский: Хорошо, я снимаю своё возражение.
Председатель: Тогда вызывайте своего свидетеля.

[*Свидетель Штрёлин занял место свидетеля*]

Председатель: Как ваше имя?
Штрёлин: Карл Штрёлин.
Председатель: Повторите за мной присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим – что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего».

[*Свидетель повторил присягу на немецком языке*]

Председатель: Можете сесть, если хотите.
Зейдль: Свидетель, вы были в прошлом бургомистром города Штутгарт, правильно?
Штрёлин: Да.
Зейдль: В данном качестве вы также были почётным президентом Германского зарубежного института?
Штрёлин: Да.
Зейдль: Вы подписали письменные показания под присягой этим утром, которые я вам зачитаю.

> «1. Германский зарубежный институт был основан в Штутгарте в 1917 году. Тот факт, что Штутгарт был выбран для размещения института связан с тем, что швабский район всегда обеспечивал довольно высокий процент эмигрантов. Именно поэтому в Штутгарте возникла необходимость создать учреждение в целях сохранения национальных связей между старой и новой родиной. Германский зарубежный институт должен был служить этой цели. У него были следующие цели:
>
> (a) Научное исследование германизма в мире.
>
> (b) Поддержание культурных связей с эмигрантами.
>
> (c) Информирование людей дома о германизме за рубежом и о зарубежных странах.
>
> Для научного исследования Германский зарубежный институт имел библиотеку из более чем ста тысяч томов фольклора и газетные архивы о германизме за рубежом. С этой целью почти все газеты которые публиковались за рубежом на немецком языке и большое количество газет на иностранных языках выписывались и их содержание подвергалось оценке. Обширная коллекция картин занимала комнату. Так как зарубежные немцы интересовались родиной, генеологическое исследование приняло большие пропорции.
>
> В дополнение к своей деятельности по сбору и регистрации, Германский зарубежный институт также имел консультативные и представительские функции. Вопрос эмиграции также долгое время являлся предметом консультаций. Это требовало того, чтобы Германский зарубежный институт информировали об условиях жизни и возможности трудоустройства в отдельных районах благоприятных для эмигрантов. Архивы Германского зарубежного института предоставляли в распоряжение различных ведомств и организаций по запросу. Представительская деятельность Германского зарубежного института состояла в основном в организации выставок. Центром этой

деятельности был Музей зарубежного германизма в Штутгарте.

Научная работа Германского зарубежного института в частности выражалась в книгах, журналах и календарях о родине которые он публиковал. Связи с немцами зарубежом поддерживались направлением таких публикаций. Основной мыслью Германского зарубежного института в его отношениях с зарубежными немцами было то, чтобы эти зарубежные немцы были связаны узами между народами для того, чтобы укреплять взаимопонимание и желание к сотрудничеству. Они должны были быть посланниками дружбы между своей старой и новой родиной.

Как президент Германского зарубежного института, я особо подчеркивал эту мысль в речи которую произнес в Madison Square Garden[45] в Нью-Йорке в октябре 1936 по случаю германского дня. Более того Германский зарубежный институт не имел ведомств или представителей за рубежом действовавших как связные с этими членами. Непосредственная или индивидуальная забота о зарубежных немцах не являлась задачей Германского зарубежного института. Социальное обеспечение немецких граждан за рубежом осуществлялось Зарубежной ораганизацией НСДАП. Отношения с Volksdeutsche поддерживались Союзом зарубежных немцев[46].

2. Германский зарубежный институт никогда не участвовал ни в какой деятельности, которую можно обозначить как деятельность пятой колонны. Никто, никогда не просил об этом ни меня, ни институт.

3. Рудольф Гесс, заместитель фюрера, ни оказывал никакого влияния на деятельность института. Он не отдавал никаких директив или инструкций которые могли бы вовлечь институт в деятельность пятой колонны».

Свидетель эти заявления правильные?

Штрёлин: Эти заявления верные.

Зейдль: Сейчас, у меня больше нет вопросов к свидетелю.

Председатель: Кто-нибудь из защитников хочет задать свидетелю какие-нибудь вопросы?

Людингхаузен: Свидетель, с разрешения трибунала я хочу задать несколько вопросов.

Первое, с какого по какое время вы были бургомистром Штутгарта?

Штрёлин: С 1933 до конца войны.

Людингхаузен: Как долго вы знаете подсудимого фон Нейрата? Каким было его положение в то время, и какой была его репутация?

45 Мэдисон-сквер-гарден — крытая спортивная арена в Нью-Йорке.

46 Volksbund für das Deutschtum im Ausland – Союз зарубежных немцев (нем.) – немецкая культурная организация. Создана в 1880.

Штрёлин: Я знал господина фон Нейрата с Первой мировой войны. Тогда, в конце Первой мировой войны он был руководителем кабинета короля Вюртемберга, и его репутация была превосходной. В качестве бургомистра я часто встречал господина фон Нейрата. В 1938 фон Нейрат стал почётным гражданином Штутгарта.

Людингхаузен: Вы вступили с ним в ещё более близкие отношения после его возвращения из Чехословакии?

Штрёлин: Вернувшись из Чехословакии, господин фон Нейрат удалился в своё поместье Лейнфельден в окрестностях Штутгарта и здесь у меня были более близкие и более активные связи с ним.

Людингхаузен: Что вам известно о его предках, его семье, его образовании, его личности в целом?

Штрёлин: Фон Нейрат происходил из старой швабской семьи. Его отец был главным камергером короля Вюртемберга. Его дед и его прадед были министрами. Фон Нейрата очень уважали за благородный характер, выдающуюся личность, постоянную готовность помочь, чрезвычайную гуманность, совестливость, прямоту и откровенность.

Людингхаузен: Во время его работы министром иностранных дел, и наверное позднее, у вас была возможность обсуждать с ним политику и в частности его взгляды на внешнюю политику?

Штрёлин: Фон Нейрат постоянно обсуждал со мной эти вопросы, но конечно, только в общих чертах. Как рейхсминистр иностранных дел он был убежден в том, что Германия сможет добиться мирными средствами того места в мире которое заслужила. Он отвергал любой другой способ. Он стремился выстраивать и укреплять отношения на взаимном доверии с другими европейскими державами, в частности с Англией. Он был убеждён в том, что именно в этой сфере он делал всё возможное.

Позднее, я имел возможность изучить с ним книгу Гендерсона[47] «Два года с Гитлером», которая особо подчеркивала, насколько популярным в Лондоне был в то время фон Нейрат. Я вспоминаю, что мы также обсуждали фразу написанную Гендерсоном, о том, что он признавал честное стремление фон Нейрата к миру и мирным и дружеским отношениям с Англией. Фон Нейрата также сильно волновало развитие лучших отношений с Соединёнными Штатами. Я вспоминаю, что он обсуждал со мной тему после моей поездки в Америку и говорил о том, что я правильно делал, подчеркивая в своих речах желание Германии дружить с Соединёнными Штатами. Я также помню, как сильно фон Нейрат критиковал тон речи Гитлера произнесённой в начале 1939 в ответ на послание Рузвельта[48]. Тогда он сказал о том, что эта речь усилила международную напряженность. Затем фон Нейрат говорил о Мюнхенском соглашении[49] в котором принимал активное участие.

47 Невил Гендерсон (1882 – 1942) – британский дипломат. Посол Великобритании в Германии в 1937-1939.
48 Франклин Рузвельт (1882 — 1945) — 32-й президент США в 1933-1945.
49 Мюнхенское соглашение 1938 года — соглашение, составленное в Мюнхене 29 сентября 1938 года иподписанное

Позже он часто говорил о трагедии которая подразумевалась тем фактом, что несмотря на все усилия, отношения между Англией и Германией не сохранили длительного доверия. Он отмечал то насколько это было трагичным для Европы и мира. Все мои беседы с фон Нейратом убеждали меня в том, что он желал взаимопонимания и мирного урегулирования и в том, что он никогда бы не следовал политике которая могла привести к войне.

Людингхаузен: Какими были причины его назначения почётным гражданином Штутгарта? Это случилось после его отставки с должности рейхсминистра иностранных дел, не так ли?

Штрёлин: Он был назначен в 1938, в связи с шестидесятипятилетием 2 февраля 1938. Это назначение должно было выражать фон Нейрату благодарность и почтение не только людей Штутгарта, но и всей Швабии за его манифест любви к миру и спокойствию, и благоразумию с которыми он руководил иностранными делами. Этим также выражалась доля уважения за его честность и безупречный характер.

Людингхаузен: Свидетель, британское обвинение утверждает, что господин фон Нейрат постоянно заверял иностранные правительства или их представителей в том, что Германия не имела военных или агрессивных намерений в отношении этих государств, но при этом, фактически, эти заверения, давались для видимости, для того, чтобы создать у этих государств ложное чувство безопасности, потому что уже тогда фон Нейрат знал и одобрял тот факт, что Гитлер действительно имел агрессивные намерения в отношении этих государств.

По вашим сведениям о его личности вы считаете, что фон Нейрат способен на такой позор?

Штрёлин: Нет, я не считаю его способным на это.

Людингхаузен: Господин фон Нейрат сообщил вам о своей отставки с поста министра иностранных дел?

Штрёлин: Случайно, я был с фон Нейратом в министерстве иностранных дел 4 февраля 1938 в тот самый момент, когда приняли его отставку. Он описывал, как случилась его отставка. Он сказал, что до конца 1937 он был убеждён в том, что Гитлер полностью симпатизирует внешней политике, которую он проводил и сам Гитлер не хотел вооруженного конфликта, но в конце 1937 Гитлер совершенно неожиданно изменил своё отношение, он внезапно сменил настрой, и невозможно было решить, следует ли это воспринимать всерьез. Фон Нейрат продолжил, говоря о том, что в личной беседе с Гитлером он пытался убедить отказаться от такого взгляда, но у него сложилось впечатление, что он утратил своё влияние на Гитлера, и это вызвало его отставку.

Людингхаузен: Потом или даже одновременно с его уходом из министерства

30 сентября того же года премьер-министром Великобритании Невиллом Чемберленом, премьер-министром Франции Эдуардом Даладье, рейхсканцлером Германии Адольфом Гитлером и премьер-министром Италии Бенито Муссолини. Соглашение касалось передачи Чехословакией Германии Судетской области.

иностранных дел, фон Нейрат был назначен президентом тайного кабинетного совета. Вам, что-нибудь известно об этом назначении – как и почему он получил его и что он делал в этом качестве?

Штрёлин: Он получил это назначение в качестве президента тайного кабинетного совета одновременно с принятием отставки, но этот кабинет никогда не собирался, тоже самое было правдой для рейхскабинета. Тайный кабинет должен был созываться лично Гитлером, и Гитлер просто этого не делал. Фон Нейрат позже убедился в том, что его назначили на этот пост президента только для того, чтобы скрыть от иностранных государств то, что бывший министр иностранных дел уже не имел никакого влияния на политику Рейха.

Председатель: Доктор Людингхаузен, я не понимаю как этот свидетель может знать созывался ли, когда-нибудь тайный кабинетный совет. В любом случае, мы уже слышали об этом от Геринга, и предположительно мы услышим это от подсудимого фон Нейрата, что весьма кумулятивно. Я не думаю, что мы должны тратить на это время трибунала.

Людингхаузен: У вас получалось поговорить с фон Нейратом о его отношении и связях в нацистской партии?

Штрёлин: Отношение фон Нейрата к партии было критическим и неодобрительным, сначала он не одобрял и ждал развития событий. Его отношения с партией были плохими. По мнению партии, фон Нейрат не был национал-социалистом.

Людингхаузен: Вы, когда-нибудь обсуждали с ним политику нацистов в отношении христианских церквей, то есть, католической и протестантской церкви?

Штрёлин: Фон Нейрат был убеждённым христианином и не одобрял политику партии в отношении церкви. Он особо поддерживал усилия епископа Бора по сохранению свободы религии. Он постоянно использовал своё влияние, чтобы проследить за тем, чтобы семинарии которые реквизировали, освобождались. После дискуссии с фон Нейратом я лично посетил министра церквей Керрля[50] и обсуждал с ним вопрос политики в отношении церкви. Я обнаружил, что министр Керрль прилагал все усилия и проводил идеи позитивного христианства[51]. Однако, он не добился успеха, потому что его работу постоянно саботировали, в особенности Борман и Гиммлер.

Людингхаузен: Позднее, когда господин фон Нейрат удалился в своё поместье в Лейнфельдене, вы обсуждали с ним его деятельность как рейхспротектора[52]?

---

50 Ганс Керрл (1887- 1941) — рейхсминистр без портфеля в первом кабинете Гитлера. В 1935 – 1941 министр по делам
церквей.

51 «Позитивное христианство» - движение в нацистской Германии которое объединяло убеждение в том, что расовую чистоту немецкого народа можно сохранить объединением нацистской идеологии и христианства.

52 Протекторат Богемии и Моравии — зависимое государственное образование, учреждённое властями Третьего рейха в преддверии 2-й мировой войны на оккупированных территориях Богемии, Моравии и Силезии (Чешская Силезия), населённых этническими чехами.

Штрёлин: Фон Нейрат говорил о том, что он неохотно принял пост рейхспротектора Богемии и Моравии, и он дважды отказывался, но наконец решил, что он должен пойти на эту жертву. Он верил в то, что именно там он сможет действовать как посредник и привести к примирению. У него были личные трудности с Гиммлером и Франком[53], он рассказывал мне о своих усилиях для более хорошего обращения с чехами и протестах которые он безуспешно заявлял Гитлеру. Однажды, во время моего визита в Прагу меня пригласили к президенту Гахе[54], который категорически сказал мне о том как он рад тому, что фон Нейрата направили в Богемию и Моравию, так как он пользовался полным доверием и выполнял во всех отношениях функцию примирения. Фон Нейрат рассказывал мне о том, что он был отозван и заменен из-за своего обращения с чехами казавшегося фюреру слишком мягким, который предпочёл особо доверенного фюрера СС на этой должности.

Людингхаузен: Кто должен был быть назначен на этот пост?

Штрёлин: Это был Гейдрих[55].

Людингхаузен: Это было причиной отставки господина фон Нейрата?

Штрёлин: Очевидно.

Людингхаузен: Итак, фон Нейрат также был почётным группенфюрером СС. Он говорил вам о том как получил – скажем так – эту почесть?

Штрёлин: Он рассказывал мне о том, что был назначен почётным фюрером СС без консультаций. Когда он спросил о причине, Гитлер сказал ему о том, что скоро приедет Муссолини[56] и он, Гитлер, хотел, чтобы каждый носил форму. Так как у фон Нейрата не было формы, он назначил его почётным фюрером СС. Фон Нейрат сказал, что он не собирался становиться одним из подчинённых Гиммлера. Соответственно Гитлер сказал ему о том, что это было не нужно, это был просто вопрос ношения формы.

Людингхаузен: В чём заключалось отношение господина фон Нейрата к войне?

Штрёлин: В первый день войны, я увидел фон Нейрата на железнодорожной станции. Он был подавлен и даже расстроен. Он назвал войну ужасным бедствием, ставившем на карту существование нации. Он сказал о том, что вся его работа с

53 Карл Герман Франк (1898 — 1946) — видный деятель нацистской Судетской партии, один из руководителей оккупационного режима в Богемии и Моравии, обергруппенфюрер СС, генерал войск СС и полиции. Казнён по приговору чехословацкого суда.

54 Эмиль Гаха (1872 — 1945) — чешский политик, юрист, третий президент Чехословакии (1938—39), с 1939 года — президент образованного оккупационными немецкими властями Протектората Богемия и Моравия. Умер находясь под арестом чехословацких властей.

55 Рейнхард Гейдрих (1904 — 1942) — государственный и политический деятель нацистской Германии, начальник Главного управления безопасности Рейха (1939—1942), заместитель (исполняющий обязанности) протектора Рейха Богемии и Моравии (1941—1942). Обергруппенфюрер СС и генерал полиции (с 1941). Убит в результате покушения чешских подпольщиков.

56 Бенито Муссолини (1883 — 1945) — итальянский политический и государственный деятель, публицист, лидер Национальной фашистской партии (НФП), диктатор, вождь («дуче»), возглавлявший Италию как премьер-министр в 1922—1943 годах. Первый маршал Империи (30 марта 1938). После свержения в 1943—1945 годах возглавлял марионеточную Итальянскую социальную республику, контролировавшую при поддержке немцев часть территории Италии. Казнён итальянскими партизанами.

1932 по 1938 была уничтожена. Я понял, что во время войны он между делом встречался с фюрером, и по каждому случаю, он использовал возможность просить Гитлера рассмотреть идею мира. То, что Нейрат…

Председатель: Как об этом может говорить свидетель? Он не присутствовал на этих встречах, как свидетель может рассказывать нам о том, что подсудимый фон Нейрат говорил фюреру?

Людингхаузен: Как вы понимаете, об этом говорил ему подсудимый. Это прямо говорил ему подсудимый.

Штрёлин: Фон Нейрат постоянно говорил мне это. Он говорил…

Председатель: Все это будет чрезвычайно кумулятивным.

Штрёлин: Мне так не кажется. Самому свидетелю нужно подтвердить это обвинению.

Председатель: Доктор Людингхаузен, трибунал представляет, что подсудимый фон Нейрат сам даст показания, и трибунал не желает заслушивать показания от свидетелей о том, что он им говорил.

Людингхаузен: Очень хорошо, я опущу любые подобные вопросы далее. Я хочу задать ещё один вопрос.

[*Обращаясь к свидетелю*] Фон Нейрат, с вами и другими людьми, прилагал усилия к тому, чтобы положить конец войне и гитлеровскому режиму, или по крайней мере учитывал такую возможность?

Данные факты известны свидетелю по собственным наблюдениям.

Штрёлин: Фон Нейрат обсуждал со мной этот вопрос по нескольким случаям после возвращения из Праги. Он особо пытался созвать заседание рейхскабинета, как и остальные министры, но он не смог, так как Гитлер не одобрял этот рейхскабинет как сборище «пораженцев». В качестве предварительного шага для окончания войны фон Нейрат пытался добиться замены министров и назначения рейхсканцлера, чего также широко требовали. Это тоже не удалось. В течение 1943 Нейрат всё больше и больше убеждался…

Председатель: Это снова одно и тоже – ничего о том, что делал фон Нейрат, а всё о чём фон Нейрат говорил свидетелю.

Людингхаузен: Прошу прощения, это только предварительные замечания для пояснения дальнейшего.

Председатель: Я думал, вы сказали, что у вас последний вопрос?

Людингхаузен: Да, мы подошли к этому. Вопрос показывает попытки, которые он предпринимал для осуществления своих планов.

Штрёлин: Когда фон Нейрату не удались попытки реформ, то есть, когда он понял, что совершалось неправильное, и что отношение Гитлера было отрицательным и непримиримым, фон Нейрат пришёл к убеждению в начале 1944, что спасению Германии от полного уничтожения не должен мешать Гитлер. Он рассматривал вопрос о том, как снова поговорить с Гитлером и убедить его закончить войну. Он

подумал о фельдмаршале Роммеле[57] и попросил меня обсудить с ним вопросы. Роммель тогда был очень популярным в Германии и за рубежом, и фон Нейрат верил, что ввиду занимаемого положения, Роммель был правильным человеком для замены Гитлера при необходимости. В начале марта 1944 я поехал к фельдмаршалу Роммелю и обсудил с ним вопрос. Роммель точно также критиковал обстановку. Я знал его с Первой мировой войны, поэтому я мог говорить с ним откровенно. У него тоже было мнение о том, что если войну нельзя выиграть на военной основе, ненужное кровопролитие и бессмысленное разрушение…

Председатель: Доктор Людингхаузен нам на самом деле не нужна эта беседа между свидетелем и Роммелем. Мы не хотим этого. Мы не будем слушать о беседе свидетеля и Роммеля.

Людингхаузен: Я и не собирался обсуждать этот вопрос.

Председатель: Почему же вы не остановили его? Почему вы его не остановили?

Людингхаузен: Я не хотел слушать об этом от самого подсудимого, а от человека которого использовал подсудимый для осуществления этих шагов. По моему мнению, это более весомо, нежели чем подсудимый сам сделает такое заявление. Вот почему я спросил об этом свидетеля. Но с этим почти закончено.

Председатель: Когда мы дойдем до подсудимого, тогда мы не будем слушать его об этих темах.

Людингхаузен: Нет, это не планируется – более того, насколько мне известно, вопрос будет закрыт через несколько слов. Пожалуйста, свидетель.

Штрёлин: По настоянию фон Нейрата, Роммель написал Гитлеру письмо говорившее о том, что из-за военной обстановки он верил в то, что невозможно продолжать войну, и что он, Роммель, предлагал Гитлеру начать политические переговоры. Соответственно, как он мне рассказывал, после этого инцидента Роммель по этой причине лишился расположения, и таким образом попытка фон Нейрата закончить войну при помощи Роммеля также не удалась.

Людингхаузен: И затем настало 20 июля[58] и вскоре конец.

У меня больше нет вопросов, господин председатель.

Председатель: Трибунал прервется.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Кто-нибудь из других защитников хочет задать вопросы свидетелю?

Гриффит-Джонс: Можно вручить свидетелю GB-262 (документ номер 3258-PS). Милорд, это тот же самый документ фрагмент из которого вручили трибуналу во

57 Эрвин Роммель (1891 — 1944) — немецкий генерал-фельдмаршал (1942) и командир войск Оси в Северной Африке. Покончил жизнь самоубийством после неудачного покушения на Гитлера.

58 Заговор 20 июля или Заговор генералов — заговор германского Сопротивления, прежде всего военных Вермахта, с целью убийства Гитлера, государственного переворота и свержения нацистского правительства. Кульминацией заговора стало неудачное покушение на жизнь Гитлера 20 июля 1944 года. Следствием неудачи заговора стали казнь большинства его участников и репрессии против других участников немецкого Сопротивления.

время моего перекрёстного допроса прошлого свидетеля.

Свидетель, я хочу быть совершенно ясным с вами в отношении того, что вы говорите о Deutsches Auslands-Institut. Вы говорите, что институт не имел никакой связи ни с Гессом ни с Auslands-Organisation?

Штрёлин: Германский зарубежный институт не имел никакой связи с Гессом. Связь с Зарубежной организацией была ввиду того факта, что Зарубежная организация проводила свои митинги в Штутгарте.

Гриффит-Джонс: Таким образом, тот факт, что Auslands-Organisation и Deutsches Auslands-Institut проводили свои митинги в Штутгарте, является единственной связью между двумя организациями, это так?

Штрёлин: Зарубежная организация по моим сведениям, не консультировалась Германским зарубежным институтом по практическим вопросам, так как имела собственную подборку материала. Зарубежная организация была, насколько мне известно, создана в 32 году и…

Гриффит-Джонс: Итак, я не хочу вас останавливать, но если вы можете отвечать на мои вопросы «да» или «нет» это сэкономит для всех нас очень много времени. Я повторю свой вопрос, в случае если вы его не поняли. Вы говорите, что факт, что обе организации проводили митинги в Штутгарте это единственная связь между ними? Теперь можете ответить «да» или «нет».

Штрёлин: Я не могу ответить на это «да» или «нет». Я должен сказать, что связующим звеном был тот факт, что Штутгарт был городом зарубежных немцев и так сказать представителем немцев за рубежом, ввиду его прошлой истории.

Гриффит-Джонс: Вы читаете по-английски?

Штрёлин: Немного.

Гриффит-Джонс: Вы посмотрите на страницу 461 книги, которая есть у вас? Внизу страницы 461 вы увидите копию статьи из «Stuttgarter Neues Tagblatt[59]» от 21 сентября 1933.

Трибунал найдет фрагмент на странице 4 перевода.

Эта статья описывает ежегодное собрание вашего учреждения, после его реорганизации в 1933, когда нацистская партия пришла к власти. Я хочу прочитать вам четыре коротких фрагментов из этой статьи 2 и прошу вас прокомментировать.

> «Председатель Deutsches Auslands-Institut, обер-бургомистр, доктор Штрёлин, открыл празднование».

Это предположительно, вы, это так?

Штрёлин: Да.

Гриффит-Джонс:

> «В числе присутствовавших, он приветствовал в частности министра-президента и министра религии Вюртемберга, Мергенталера[60], в

59 «Новый штутгартский листок» - ежедневная газета издававшаяся в Штутгарте в 1909-1945.

60 Кристиан Мергенталер (1884 – 1980) – нацистский политик. Минстр-президент Вюртемберга в 1933-1945. Судом по денацификации был приговорён к лишению свободы. Освобождён досрочно.

качестве представителя высших властей; генерала Хаусхофера из Мюнхена в качестве представителя Рудольфа Гесса которому доверено фюрером верховное руководство всеми вопросами связанными с немцами в зарубежных странах…».

Вы так говорили?

Штрёлин: Я не могу вспомнить, чтобы это говорил. Хаусхофер для меня был представителем ФДА, и я не могу представить себе как он мог быть заместителем Гесса по этому поводу. Однако, наверное, это правда.

Гриффит-Джонс: Вы думаете, что трибунал спокойно может принять, что «Stuttgarter Neues Tagblatt» через день после празднования точно сообщила о том, что вы говорили во вступительном обращении?

Вам не нужно смотреть сейчас на остальное. Не похоже, что статья неправдивая или неточная, не так ли?

Штрёлин: Нет, наверное статья правильная, но я не помню – оглядываясь назад – что Хаусхофер тогда был заместителем Гесса, Рудольф Гесс не имел никакой связи с Германским зарубежным институтом.

Гриффит-Джонс: Кажется, что вы сказали, и вы сказали в этой речи, что Хаусхофер это представитель Гесса, и что фюрер поручил Гессу верховное командование всеми вопросами относительно немцев в зарубежных странах. Вы понимаете, что вы там сказали?

Штрёлин: Да, может быть тогда было так сказано, но на практике, никогда не получалось, чтобы я получал какую-нибудь директиву от Рудольфа Гесса.

Гриффит-Джонс: О вашем учреждении правильно сказать, что оно занималось вопросами немцев в зарубежных странах, не так ли?

Штрёлин: Я не понял вопрос.

Гриффит-Джонс: Ваше учреждение, Deutsches Auslands-Institut, занималось вопросами касавшимися немцев в зарубежных странах?

Штрёлин: Да.

Гриффит-Джонс: Очень хорошо, я оставляю это. Вы посмотрите вниз страницы и опуская следующее…

Штрёлин: Я хочу добавить к этому. Это был первый раз, когда я произносил речь для Германского зарубежного института и речь, конечно, готовилась с одобрения личностей, которых там приветствовали. Я уже не помню, что в тот раз Хаусхофер присутствовал в таком качестве и могу лишь повторить своё заявление о том, что как почётный президент института я ничего не знал о том, что Рудольф Гесс давал директивы Германскому зарубежному институту.

Гриффит-Джонс: Вы можете ничего об этом не знать, но вы были новым председателем Deutsches Auslands-Institut в то время, не так ли?

Штрёлин: Нет, я не был председателем. Председателем института был специальный руководитель. В качестве обер-бургомистра это была одна из моих дополнительных

обязанностей – выступать как президент института. Мне совершенно невозможно вспомнить каких людей я тогда приветствовал и как я это делал.

Гриффит-Джонс: Пожалуйста, ограничьтесь заданным вам вопросом: Вы были или нет президентом Deutsches Auslands-Institut 20 сентября 1933?

Штрёлин: Да, я был назначен на этот пост в то время.

Гриффит-Джонс: Вас как раз назначили, потому что вы были хорошим нацистом, и нацистская партия пришла к власти и реорганизовала это учреждение.

Штрёлин: Я был назначен на этот пост из-за того, что я был обер-бургомистром Штутгарта и потому что позднее Штутгарт назывался «городом зарубежных немцев», поскольку, ввиду его истории и традиции он всегда имел очень тесную связь с немцами за рубежом.

Гриффит-Джонс: Очень хорошо, итак, мы продолжаем. Вы пропустите следующий короткий абзац и посмотрите на абзац, который начинается: «Заместитель гауляйтера Шмидт[61], представляя доктора Геббельса[62], заявил местному партийному руководству…»

Штрёлин: На какой это странице?

Гриффит-Джонс: На этой же странице.

Штрёлин: Страница 461?

Гриффит-Джонс: Прошу прощения, это страница 462. И это третий абзац в центре страницы.

Штрёлин: Да, я нашел место.

Гриффит-Джонс:

> «Заместитель гауляйтера Шмидт, представляя доктора Геббельса, заявил: Местное партийное руководство (гауляйтунг) готово со всей отдачей сотрудничать с новыми офицерами Deutsches Auslands-Institut»

Гесс, как вам известно, был ответственным в партийном руководстве, не так ли – гауляйтером? Мы продолжаем:

> «Национал-социализм потребует единства крови всех немцев в качестве его исторического права».

Вы посмотрите на страницу 463 – мы оставляем это – вы посмотрите…

Штрёлин: Могу я, что-нибудь сказать в связи с этим?

Гриффит-Джонс: Как угодно, да.

Штрёлин: Заместитель гауляйтера Шмидт, был здесь чисто в качестве заместителя гауляйтера, но он не был заместителем Рудольфа Гесса.

Гриффит-Джонс: Нет. Но я говорю – я поясню – гауляйтунг находившийся в

61 Фридрих Шмидт (1902 – 1973) – нацистский политик. В 1933-1942 заместитель гауляйтеров Вюртемберга, Лодзя. Судом по денацификации приговорён к 30 месяцам трудового лагеря.

62 Йозеф Геббельс (1897 — 1945) — немецкий политик, один из ближайших сподвижников и верных последователей Адольфа Гитлера. Гауляйтер в Берлине с 1926 года и начальник управления пропаганды НСДАП с 1930 года. Министр пропаганды и народного просвещения Германии в 1933-1945. Покончил жизнь самоубийством во время битвы за Берлин в апреле 1945.

подчинении Гесса собирался сотрудничать с вашим учреждением со всей отдачей. Вы это заметили?

Штрёлин: Это очевидно.

Гриффит-Джонс: Посмотрите на страницу 463 и во втором абзаце:

> «В своём выступлении новый директор ДАИ, доктор Заки заявил: Мы столкнулись с большим несчастьем разобщения немецкого народа. Поскольку всё это позади, поскольку мы видим, что все организации Volksdeutsch выстроены воедино, мы наполнены чувством гордости за нашу родную немецкую страну, чувством радости: Германия едина.
>
> Чувство причастности к немецкому народу даёт нам счастливое понимание. В ходе столетий терялось то или другое. Мы должны предотвратить любую утрату. Это даёт нам чувство городости и уверенности в себе, что мы являемся мостами для немецкого Lebensraum[63]».

В этом фактически заключался смысл Deutsches Auslands-Institut?

Штрёлин: Доктор Заки сказал в этой цитате о том, что немцы за рубежом были мостами к немецкому жизненному пространству. Такое немецкое жизненное пространство также, например применялось к немцам в Венгрии и Румынии и в этой степени это правда, когда он говорил о немцах как «мостах» к этому жизненному пространству, то есть, пространству в котором жили немцы. Таким же всегда было и отношение Германского зарубежного института, строить мосты к жизненному пространству в котором живут эти немцы.

Гриффит-Джонс: Очень хорошо. Итак, вы, когда-нибудь читали книгу доктора Эмиля Эрлиха, или видели её, под названием: «Die Auslands-Organisation der NSDAP[64]»? Вам не нужно смотреть на неё. Вы, когда-нибудь читали эту книгу? Это название?

Штрёлин: Я так не думаю.

Гриффит-Джонс: Вам известно о том, что доктор Эмиль Эрлих был личным советником Боле?

Штрёлин: Мне кажется одно время, он был адъютантом Боле.

Гриффит-Джонс: Вы посмотрите на страницу 305 книги, которая есть перед вами – милорд, этот фрагмент появляется на странице 5 документа у трибунала – и это репродукции из книги доктора Эмиля Эрлиха. Вы посмотрите на второй абзац на странице 305, на середине к низу к этому абзацу, начиная:

> «27 августа 1936 фюрер обозначил Штутгарт как «город зарубежных немцев» и гауляйтер Auslands-Organisation НСДАП взял под опеку этот прекрасный город, который также разместил в своих стенах

63 Жизненное пространство на Востоке — термин национал-социалистической пропаганды, отражавший планы заселения германскими народами (арийцами в понимании национал-социалистических вождей) территорий в Восточной Европе.

64 «Зарубежная организация НСДАП» (нем.)

> Германский Aulands-Institut, который работает в сердечном сотрудничестве с Auslands-Organisation».

Я прав, говоря о том, что за всю историю, с 1933, Deutsches Auslands-Institut работал в сердечном сотрудничестве с Auslands-Organisation?

Штрёлин: Это неправильно, постольку поскольку не было никакого практического или научного взаимодействия между Германским зарубежным институтом и Зарубежной организацией. Сердечное сотрудничество, как я уже упоминал, относится к тому факту, что зарубежные немцы проводили митинги в Штутгарте. В этом заключалось сердечное взаимодействие между ними. Не было никакого взаимодействия по практическим вопросам поскольку это было не нужно.

Гриффит-Джонс: Вы посмотрите на страницу 127 этой книги? Я хочу, чтобы вы сказали мне, посмотрев на последний абзац, точный ли это отчёт: «Все люди которые в будущем…», то есть, я прошу прощения, конфиденциальный отчёт о специальной образовательной работе проводимой ДАИ для иностранных организаций. Фактически вы содействовали иностранным организациям в подготовке их ландесгруппенляйтеров и других руководителей за рубежом?

Штрёлин: Могу я спросить, кто подписал эту статью или отчёт?

Гриффит-Джонс: Нет, я не могу сказать, кто подписал этот отчёт. Я задал вопрос. Deutsches Auslands-Institut содействовал подготовке руководителей для Auslands-Organisation?

Штрёлин: Я не информирован на этот счёт.

Гриффит-Джонс: Итак, перейдем к странице 128, второй абзац, который я кратко вам зачитаю:

> «Auslands-Institut играл роль в определении учебного плана для лагерей подготовки (Schulungslager), а также служил в качестве посредника между партийными властями которые управляли этими лагерями и зарубежными немцами которые их посещали».

Вы всё ещё говорите, что этот отчёт…

Штрёлин: Могу я спросить о дате этого отчёта?

Гриффит-Джонс: Я сказал вам, что это отчёт…

Штрёлин: У меня нет сведений об этом отчёте.

Гриффит-Джонс: Очень хорошо, я хочу задать вам один или два коротких вопроса о показаниях которые вы дали о подсудимом фон Нейрате. Вы сказали нам о том, что он был человеком мира, с превосходным добрым характером. Вам известно о том, что 5 ноября 1937 он присутствовал на встрече, на которой Гитлер обращался к руководству вооруженных сил? Вы, когда-нибудь слышали об этой встрече, 5 ноября 1937?

Штрёлин: Нет, я никогда не слышал об этой встрече, до тех пор, пока меня не арестовали.

Гриффит-Джонс: Что же, наверное, я смогу рассказать вам о том, что произошло.

Гитлер сказал на встрече, помимо прочего, о том, что единственным способом устранить немецкие затруднения было обеспечение большего жизненного пространства, и он сказал о том, что проблему можно решить только силой. И сказав об этом, он продолжил о том, что собирается напасть на Австрию и Чехословакию. Вы никогда не слышали об этой встрече?

Штрёлин: Нет, я ничего не слышал об этой встрече, и лишь позднее сделал вывод…

Гриффит-Джонс: Но…

Штрёлин: Могу я закончить фразу?

Гриффит-Джонс: Я только хотел знать…

Штрёлин: Я сказал лишь о том, что фон Нейрат заметил мне о том, что у него были серьезные разногласия с Гитлером. Это было в конце 1937. Лишь позднее я понял, что он должно быть имел в виду совещание с Гитлером и отношение которое он занял 5 ноября, однако только в тюрьме я услышал из газет о том, что такое совещание действительно состоялось.

Гриффит-Джонс: Я сейчас к этому перейду. Я лишь хочу, чтобы у вас была картина того, что происходило на этой встрече, и я цитирую четыре строки из протокола встречи:

> «Гитлер верил в то, что, наверное, Англия и предположительно Франция тайно бросили Чехословакию и были удовлетворены тем, что этот вопрос однажды разрешит Германия».

И Гитлер продолжил говорить о том, что присоединение Чехословакии и Австрии принесет захват продовольствия для 5 или 6 миллионов человек, и что он представлял принудительную иммиграцию 2 миллионов человек из Чехословакии.

Итак, вот, что произошло на совещании. Вам известно, что 4 месяца спустя - 12 марта 1938 – фон Нейрат дал господину Масарику[65] гарантию и помимо прочего он заверил, от имени господина Гитлера о том, что Германия считала себя связанной германо-чехословацкой конвенцией об арбитраже 1925[66]? Вам известно о том, что он это сказал?

Штрёлин: Я это не помню.

Гриффит-Джонс: Вы можете понять, сейчас я сказал вам о том, что это является фактом, вы можете понять кого-нибудь кто был на этом совещании и слышал то, что сказал Гитлер 5 ноября, чтобы он дал Чехословакии гарантию 4 месяца спустя в таких терминах? Вы можете понять любого честного человека сделавшего это?

Штрёлин: Я не могу судить об обстановке преобладавшей в то время. Я не знаю от кого фон Нейрат получил приказ.

Гриффит-Джонс: Я не прошу вас сейчас судить. Я спрашиваю вас о вашем мнении о человеке который может так сделать. Я хочу, чтобы вы рассказали трибуналу.

Штрёлин: Я не могу ответить на это, потому что я не владею полной картиной

65 Ян Масарик (1886 — 1948) — чехословацкий дипломатический и государственный деятель. В 1935-1939 посол Чехословакии в Англии. В 1940—1948 годах — министр иностранных дел Чехословакии.

66 Имеется в виду Пятый Локарнский договор о мирном разрешении конфликтов между Германией и Чехословакией.

обстановки.

Людингхаузен: Господин председатель, я должен в любых обстоятельствах возражать такого рода предположительному вопросу. Недопустимо задавать такой вопрос свидетелю, не представляя ему полную картину того как давалась эта гарантия. Факт, и это верно, заключается в том, что в речи от 5 ноября 1937, Гитлер впервые раскрыл планы которые уже не соответствовали мирной политике господина фон Нейрата, и фон Нейрат воспользовался возможностью, мне кажется в декабре или ранее в январе – подробно обсудив с Гитлером и заметив ему о невозможности политики которой он хотел придерживаться и убеждая его не проводить её. Когда из ответа Гитлера он пришёл к выводу, что Гитлер несмотря на это настаивает на такой политике которая приведёт к агрессии в будущем, он подал в отставку. 4 февраля 1938 господину фон Нейрату разрешили отставку. Он уже не участвовал в активной политике.

11 или 12 марта, когда состоялось вторжение в Австрию, вторжение о котором господин фон Нейрат не имел ни малейшего подозрения до этого дня, Гитлер вызвал его…

Председатель: Доктор Людингхаузен, вы будете любезны подождать? Вопрос задали о 5 марта 1938, о том мог ли человек слушавший на совещании 5 ноября 1937 дать гарантию 5 марта.

Людингхаузен: Да, я могу также прояснить это заявление, если я могу. Вопрос заданный посланником Мастным[67] был о том запланирована ли какая-нибудь военная акция против Чехословакии непосредственно или вскоре после вторжения в Австрию, и господин фон Нейрат верил в то, что он мог, честно и как джентельмен ответить на этот вопрос отрицательно.

Нам нужно принимать во внимание обстоятельства при которых было сделано это заявление. Во-первых, Гитлер в своей речи 5 ноября 1937, говорил о грядущих годах. Когда он выступил в Австрию 12 марта, то есть время, которое с 5 марта…

Председатель: Секундочку. Нам не нужна эта аргументация. Вопрос заключался в том каким было мнение свидетеля о человеке, который это сделал. Вот о чём был вопрос, и вопрос направлен на подтверждение…

Людингхаузен: Господин председатель, я прошу прощения, никто не может ответить на этот вопрос до тех пор, пока не знает в какой связи он задан. Господин Мастный спросил о том, не повлечет ли вступление в Австрию какую-либо агрессивную акцию против Чехословакии и фон Нейрат ответил на этот вопрос. Не больше ни меньше. Он не хотел давать ответ на будущее. Посланник хотел знать намечалась ли какая-нибудь военная акция против Чехословакии в связи с вступлением в Австрию. По информации которую имел мой клиент, в данной ситуации он мог дать отрицательный ответ с чистой совестью. Этот вопрос

67 Войцех Мастный (1874 – 1954) – чешский дипломат и преподаватель.

допустим только если свидетель проинформирован о том, что я только, что сказал. Суть не в том, что он заявил раз и навсегда, что Германия никогда не выступит против Чехословакии, а просто ответил на вопрос чеха Мастного: есть какая-нибудь угроза того, что в связи с вступлением в Австрию, военные меры также будут предприняты против Чехословакии? На этот вопрос он мог ответить так, как он сделал. Таким образом, вопрос в той форме как его задало британское обвинение по моему мнению недопустим.

Председатель: Трибунал считает, что вопрос допустим.

Гриффит-Джонс: Мы не будем развивать тему. Я задам вам ещё один вопрос, для того, чтобы было ясно. В своих показаниях вы сказали, как я записал, о том, что подсудимого фон Нейрата уважали за достойный и благородный характер. Услышав то, что я вам сказал, вы всё ещё говорите суду о том, что вы считаете, что уважаете его достойный и благородный характер? Такое у вас мнение? Я лишь хочу понять ценность ваших показаний, понимаете? После того, что вам рассказали, такое у вас мнение?

Штрёлин: У меня всё ещё такое же мнение о том, что господин фон Нейрат человек выдающегося и достойного характера. Я не могу судить в каких обстоятельствах он действовал в то время и какие соображения заставляли его так делать.

Гриффит-Джонс: Вы говорите о том, что он был за мир и делал всё, что мог, чтобы избежать войны. Вы называете подобный обман означавшим делать всё возможное, чтобы избежать войны? В этом заключается ваша идея мирной политики – давать гарантии 4 месяца спустя после того как вам прекрасно известно о том, что немецкий план заключается в захвате их страны? Вот, что вы называете делать всё, чтобы избежать войны?

Штрёлин: Я хочу снова заявить о том, что я недостаточно понял существенные моменты и формулировки этого вопроса для формирования правильного мнения. Но очевидно, вещи не могут быть такими простыми, как их здесь изображают.

Гриффит-Джонс: Давайте перейдем к другому аспекту вопроса. Нам долго рассказывали о том, что он не одобрял политику Гитлера, и ушёл в отставку. Вам известно, что находясь в отставке он был назначен рейхспротектором Богемии-Моравии в марте 1939? Вам это известно?

Штрёлин: Да.

Гриффит-Джонс: Это было после захвата оставшейся Чехословакии.

Штрёлин: Я уже говорил о том, что фон Нейрат сказал мне о том, что он принял этот пост очень неохотно, что он дважды отказывался принять его, но позднее поверил в то, что он должен принести жертву для того, чтобы добиться своих целей, и как рассказывал мне позднее президент государства Гаха, личное влияние фон Нейрата пошло на пользу, потому что, как мне рассказывал Гаха, деятельность фон Нейрата несмоненно оказывала уравновешивающий и примиряющий эффект. Как я уже сказал, его отозвали за мягкость.

Гриффит-Джонс: Итак, вы уже говорили об этом, и мы это слышали, и мы запомнили это, поэтому вам не нужно говорить об этом снова. Позвольте задать вам такой вопрос. Вы, когда-нибудь думали о том, что причиной назначения могла быть награда за его содействие в оккупации Австрии и Чехословакии, которые состоялись незадолго до этого?

Штрёлин: Нет, я никогда не думал об этом. Однако, если я могу сказать, я прочёл совершенно другую версию в книге Гендерсона, то есть, о том, что фон Нейрата поставили на этот пост для того, чтобы дискредитировать его международный престиж. Я хотел обратиться к этой версии для того, чтобы заметить, что существовали другие возможности, которые подпадают в этот вопрос.

Гриффит-Джонс: Вы помните, что описали его как дисциплинированного, гуманного и совестливого человека?

Штрёлин: Да.

Гриффит-Джонс: Посмотрите на плакат.

[*Плакат передали свидетелю*]

Гриффит-Джонс: Милорд, я сожалею о том, что у меня нет копии для трибунала. Это короткий вопрос. Его предъявили в чехословацком отчете о германской оккупации. Я назову вашей светлости номер: документ номер СССР-60.

[*Обращаясь к свидетелю*] Вы понимаете о том, что он подписан подсудимым фон Нейратом, гуманным и совестливым человеком?

Штрёлин: Да, я вижу, что чешские университеты были закрыты на период 3 лет, и было расстреляно 9 виновников. Однако это объявление, не говорит, как я могу видеть, почему именно это было сделано. Соответственно я не могу вынести суждение об объявлении, потому что я не знаю, что объявил фон Нейрат. Объявление ни о чём мне не говорит, если я не знаю причину по которой было издано объявление. Должны были быть убедительные причины для закрытия университетов и расстрела девяти виновников.

Людингхаузен: Господин председатель, могу я добавить следующее? Я хочу сказать это для того, чтобы сэкономить время. Это вопрос Чехословакии и этого плаката, с которым я также знаком, конечно же будет рассматриваться в деле Нейрата на следующей стадии разбирательства. Тогда у меня будет возможность представить доказательства того, что этот плакат не исходил от подсудимого фон Нейрата. Этот свидетель не был в Праге и может ссылаться только на те вещи о которых не имеет собственного опыта, но о которых ему рассказывал фон Нейрат. Таким образом, мне кажется, этот вопрос не является подходящим и занимает ненужное время, так как мне приходится заявлять возражения и описывать действительную ситуацию. Мы не должны задавать свидетелю вопросы, хотя и заданные из добрых побуждений, но совершенно неправильные, то есть, вопросы

которые основаны на неточно сообщенных фактах которые в действительности происходили по-другому. Я докажу, что во время, когда готовился плакат, господин фон Нейрат не находился в Праге и не был информирован о происходившем в его отсутствие.

Поэтому, мне кажется, что мы не должны сегодня рассматривать этот вопрос, поскольку, как я сказал, свидетель ничего не может знать об этом по собственным наблюдениям.

Председатель: Вы можете показать, что этот плакат вывесили, когда фон Нейрата не было в Праге, и он не давал на него разрешение. Это очистит его в связи с этим плакатом, но свидетелю говорят: предположим, что этот плакат вывесил фон Нейрат, правильно его описывать как гуманного человека? В этом заключается смысл перекрёстного допроса.

Людингхаузен: Но свидетелю ничего не известно об этом плакате. Он не может правильно ответить на вопрос, если он не знает условий, если он не знает о том, что в действительности этот плакат не исходил от господина фон Нейрата.

Председатель: Вы долго допрашивали свидетеля, показывая, что он был гуманным человеком и имел очень хороший характер. В таких обстоятельствах делом обвинения является предъявить свидетелю обстоятельства, которые указывают на то, что у него не было гуманного характера. Вот то, что происходит.

Людингхаузен: В таком случае самое большее, что может сказать свидетель: «Я не знаю» - или – «если это правда, нельзя назвать это гуманным». Любой из нас так скажет. Свидетелю не нужно это говорить.

Председатель: Свидетель может сказать: «Если это правильно, это не согласуется с тем, что я знал о фон Нейрате».

Людингхаузен: Он так не может сказать и не скажет, по простой причине, что не знает обстоятельств при которых был опубликован этот плакат. Откровенно, я не могу понять цель данного вопроса, так как если вопрос задать таким образом, каждый достойный человек скажет, что это негуманно, но это не отменяет тот факт, что свидетелю придётся судить о фактах которые не существуют и не являются правдой.

Председатель: Полковник Гриффит-Джонс, вы не думаете, что это занимает ненужное время, если свидетель ничего об этом не знает? Я совершенно понимаю, что правильным в перекрёстном допросе является дискредитировать свидетеля.

Гриффит-Джонс: Я крайне обязан трибуналу. Смыслом перекрёстного допроса было, наверное, я могу сказать так: этот подсудимый представил свидетеля для дачи показаний под присягой трибуналу. Если эти показания не оспорены, тогда они попадают в протокол, и нет ничего, что помешает трибуналу считать этого свидетеля человеком который в состоянии дать надёжные показания. Этот перекрёстный допрос скорее показывает, что этот свидетель, говорит он правдиво или нет, разумеется неточен. Показания которые он дал о хорошем характере этого

подсудимого не содержать исследования – это совершенно ясно – и трибунал не говорит, что мы не вправе перекрёстно допрашивать о характере. Однако, я не думаю, что нужно занимать этим время трибунала.

Председатель: Очень хорошо.

Эймен: Свидетель, когда вы последний раз были в Нью-Йорке?

Штрёлин: Я был в Нью-Йорке в 1936.

Эймен: Тогда вы произнесли речь в Madison Square Garden, правильно?

Штрёлин: Да.

Эймен: Это был съезд в Garden?

Штрёлин: Это был «Германский день» 6 октября 1936.

Эймен: Съезд «Германского дня», правильно?

Штрёлин: Это был ежегодный митинг немцев который состоялся 6 октября.

Эймен: И большого процента Германо-американского бунда, правильно?

Штрёлин: Да.

Эймен: Фактически, весь этот съезд проводился при покровительстве германо-американского бунда, не так ли?

Штрёлин: Фактически, фестивальный комитет включал все немецкие клубы – мне кажется, их всего было две тысячи в Нью-Йорке – и эти 2000 немецких клубов объединились в один фестивальный комитет который организовал «Германский день». Я не знал о составе комитета в подробностях.

Эймен: И по просьбе германо-американского бунда вы произнесли речь, не так ли?

Штрёлин: Нет, это была просьба фестивального комитета немецких клубов Нью-Йорка.

Эймен: Да, и в этом комитете было много членов германо-американского бунда, это правда? «Да» или «нет».

Штрёлин: Да.

Эймен: И фактически, было много членов из вашей организации которые тогда были членами германо-американского бунда, это правильно?

Штрёлин: Да.

Эймен: И вы лично провели с ними несколько совещаний, как в Германии так и Нью-Йорке, правильно?

Штрёлин: Нет, неправильно.

Эймен: Что же правильно?

Штрёлин: Правильно то, что меня пригласили, но не было дальнейших совещаний.

Эймен: Но вы не оспариваете, что многие члены вашей организации являлись членами германо-американского бунда?

Штрёлин: Я об этом не информирован.

Председатель: [*Свидетелю*] Я только, что записал, что вы сказали, что так и было.

Эймен: Именно.

Штрёлин: Пожалуйста, повторите вопрос.

Эймен: Вы несколько минут назад не сказали, в ответ на предыдущий вопрос о том, что многие члены вашей организации были членами германо-американского бунда во время вашей речи на съезде в Madison Square Garden?

Штрёлин: Когда вы говорите «организация», вы имеете в виду Германский зарубежный институт?

Эймен: «Ваша организация», так я сказал.

Штрёлин: У меня не было организации, у меня был институт.

Эймен: Именно. И при чьем покровительстве вы произносили речь в Madison Square Garden?

Штрёлин: Меня попросили произнести эту речь, потому что я недавно был назначен обер-бургомистром города зарубежных немцев. Я был обер-бургомистром этого города, и поэтому меня попросили произнести речь. Штутгарт сделали городом зарубежных немцев, поскольку швабы давали больше всего эмигрантов, и по этой причине Штутгарт должен был быть домашним городом иностранных немцев.

Эймен: Что же, это не факт, что многие члены Auslands-Organisation были в то время членами германо-американского бунда. «Да» или «нет».

Штрёлин: Да.

Эймен: Также не является фактом, что многие члены института также являлись членами германо-американского бунда? Да или нет.

Штрёлин: Да, некоторые из этих немцев прибыли из Америки, они были студентами которые учились в Америке и вернулись в Германию.

Эймен: И это не факт, что многие из этих членов германо-американского бунда, которые также были членами Auslands-Organisation и института, обвинялись и были судимы за различные правонарушения в федеральных судах Соединённых Штатов? Да или нет.

Штрёлин: Нет, я ничего об этом не знаю.

Эймен: Вы никогда об этом не слышали.

Штрёлин: Нет, я никогда не слышал об этом. Я знаю дело Каппе[68], но оно не имеет никакой связи с Германским зарубежным институтом.

Эймен: Это одно дело, фактически вам известны и другие, не так ли?

Штрёлин: Можете ли вы привести мне подробности.

Эймен: Могу, но я задаю вам вопросы, а не пытаюсь рассказать вам ответы.

Штрёлин: Я не могу вспомнить ни одно другое дело. Пожалуйста, спросите меня.

Эймен: Нет, я перехожу к другому предмету, потому что уже поздно. Вы знакомы с господином Альфредом Венингером – В-е-н-и-н-г-е-р?

Штрёлин: Я не понял имя. Альфред…

Эймен: Альфред Венингер, В-е-н-и-н-г-е-р, или как вы это произносите.

---

68 Вальтер Каппе (1905 – 1944) – немецкий нацистский журналист и сотрудник разведки. В 1943 был руководителем диверсионной операции на территории США. Убит на фронте.

Штрёлин: Венингер – да, мне знакомо это имя.
Эймен: Кто он?
Штрёлин: Альфред Венингер, по моим сведениям, сейчас во Франции. Мне кажется он юрист.
Эймен: Что же, вы не знаете? Вам известно, юрист он или нет?
Штрёлин: Да, он работал как юрист.
Эймен: Какая у него национальность?
Штрёлин: Он француз.
Эймен: Он ваш друг?
Штрёлин: Да.
Эймен: Вы выступали в его интересах, по крайней мере один раз?
Штрёлин: Я обеспечил ему освобождение из тюрьмы.
Эймен: Это было в марте 1943?
Штрёлин: Нет, должно быть есть недопонимание. Я имею в виду Альфреда Венингера который француз и которому я помогал во время войны, чтобы его не приговорили к смерти, и позднее его освободили из тюрьмы. Однако, это состоялось в период с 1942 по 1944. Я не знаю другого Альфреда Венингера. Может, есть два Альфреда Венингера.
Эймен: Нет, неправильно. Его приговорили вместе с 12 другими товарищами за шпионаж и разведку для противника.
Штрёлин: Да, и он тот, кому я помог.
Эймен: И вы вмешивались у генерального прокурора Народного суда[69]?
Штрёлин: Да, я вмешивался у Фрайслера[70].
Эймен: И также, в министерствах внутренних дел и юстиции в Берлине?
Штрёлин: Я тогда направил в министерство внутренних дел записку об условиях в Эльзасе, для того, чтобы эльзасцев помиловали.
Эймен: И в результате ваших усилий, эти люди получили временную отсрочку их приговоров, правильно?
Штрёлин: Да. Я хочу прямо сказать, что я попросил господина фон Нейрата вмешаться и в результате письма написанного им Гитлеру этих эльзасцев помиловали.
Эймен: Таким образом, мягко скажем, этот человек весьма обязан вам в данный момент? Правильно?
Штрёлин: Да, представляю, что так.
Эймен: Что же, вы спасли ему жизнь, не так ли?
Штрёлин: Я также спас много других жизней, я не знаю, благодарны ли за это люди

69 Народная судебная палата — высший чрезвычайный судебный орган Третьего рейха.Создан декретом от 24 апреля 1934 года, вскоре после Лейпцигского процесса, как чрезвычайный суд, занимавшийся рассмотрением дел о государственной измене, шпионаже и других политических преступлениях.
70 Роланд Фрайслер (1893 — 1945) — немецкий юрист, государственный деятель, государственный секретарь рейхсминистерства юстиции Германии (1934—1942), председатель Народной судебной палаты (1942—1945). Убит во время бомбардировки Берлина.

или нет.

Эймен: Что же, во всяком случае, я понимаю, что вы не оспариваете правду о его беседе с вами, правильно?

Штрёлин: Я не сомневаюсь, что он запомнил это.

Эймен: Вы помните беседу с ним в июне 1940?

Штрёлин: Сейчас я не могу сказать это, пока вы не скажете о чём она была.

Эймен: Что же, я скажу вам о том, о чем вы сообщили по его словам и спрошу вас о том, помните ли вы сказанное ему, как точные слова, так и по сути. Вы понимаете?

Штрёлин: Да, я понимаю.

Эймен: Вот слова:

> «Я предостерегаю вас от национал-социализма, который не остановиться ни перед чем, и который сделал из юстиции услужливого агента. Они преступники и у меня есть одно желание – убраться».
>
> Вы говорили это Венингеру словами или по сути? «Да» или «нет»?

Штрёлин: Я не совсем понял, что вы сказали. Вы повторите?

Эймен: Вы понимаете английский, не так ли, свидетель?

Штрёлин: Немного. Понимаю немного.

Эймен: Фактически, вас допрашивал на английском языке один из наших дознавателей, не так ли?

Штрёлин: Я немного говорил по-английски по одному поводу, но мне кажется, что он меня неправильно понял.

Эймен: И вы прекрасно поняли, то, что я вам прочел, не так ли?

Штрёлин: Я не полностью понял немецкий перевод того, что вы сказали и суть вашего вопроса мне не ясна.

Эймен: Что же, я снова прочту это вам. Но я предлагаю, что вы просто тяните время подбирая ответ. Я снова спрашиваю вас, говорили ли вы Венингеру слова или суть, в июне 1940, следующее:

> «Я предостерегаю вас от национал-социализма, который не остановиться не перед чем, и который сделал из юстиции услужливого агента. Они преступники и у меня есть одно желание – убраться».
>
> Вы понимаете?

Штрёлин: Да, я понял, но я не помню, чтобы говорил это.

Эймен: Вы отрицаете, что сделали такое заявление, когда я сказал вам о том, что заявил Венингер – Венингер, о котором вы сказали, что он вам обязан?

Штрёлин: Я это не помню. Может быть, правда, что я делал критические заявления, но я не помню формулировку.

Эймен: Вы отрицаете данное заявление? Отвечайте да или нет.

Штрёлин: Я отрицаю заявление. Я отрицаю то, что сделал это в такой форме.

Эймен: Вы по сути его сделали, вы сделали такое заявление?

Штрёлин: Я вообще не помню беседу.
Эймен: Вы помните ещё одно заявление Венингеру в 1936 в Страсбурге – вы были с Венингером в Страсбурге в 1936?
Штрёлин: Сейчас я не могу вспомнить.
Эймен: Но вы это не отрицаете?
Штрёлин: Не могу вспомнить.
Эймен: Это вполне возможно?
Штрёлин: Возможно, но я не могу вспомнить. Я не могу сейчас вспомнить дату.
Эймен: И вы не говорили Венингеру в Страсбурге в 1936, в словах или по сути следующее: «Когда я заграницей мне стыдно, что я немец»? «Да» или «нет».
Штрёлин: Тогда это совершенно не обсуждалось, поскольку в 1936 я был очень горд тем, что я был немцем.
Эймен: И значит, вы отрицаете это заявление Венингеру?
Штрёлин: Я совершенно уверен в том, что не делал такое заявление в 1936 году.
Эймен: Когда вы его сделали?
Штрёлин: Я вообще не помню такое заявление Венингеру, по крайней мере не в 1936.
Эймен: Когда вы сделали такое заявление Венингеру или кому-то другому? В каком году вы решились на такие заявления?
Штрёлин: Я вообще не помню такое заявление.
Эймен: Но вы его не отрицаете?
Штрёлин: Я откровенно признаю, что было время, когда нельзя было гордиться Германией.
Эймен: Другие обвинители хотят провести перекрёстный допрос?
Зейдль: У меня нет вопросов к свидетелю.
Председатель: Тогда свидетель может удалиться.

[*Свидетель покинул место свидетеля*]

Председатель: Доктор Зейдль, на этом ваше дело закончилось, или у вас есть другие доказательства?
Зейдль: Да. Во-первых, я должен зачитать под протокол опросный лист свидетеля Альфреда Гесса[71] который поступил. Трибунал допустил его показания в форме опросного листа. Затем я хочу обратиться к разным документам в документальной книге номер 3, но перед этим и завершением разбирательства на сегодня, я хочу установить по просьбе подсудимого Гесса – это относится к тому 2 документальной книги – что лорд Саймон прибыл на встречу как официальный представитель британского правительства. Поэтому я зачитаю несколько фраз со страницы 93:

71 Альфред Гесс (1897 – 1963) – немецкий политик, функционер Зарубежной организации НСДАП. Младший брат заместителя фюрера Рудольфа Гесса.

«Лорд Саймон сказал: Господин рейхсминистр, меня проинформировали о том, что вы прибыли с миссией и что вы желаете поговорить с кем-то кто способен принять её от имени правительства. Вам известно, я доктор Гюнтри и поэтому я имею полномочие правительства и готов выслушать и обсудить с вами всё, что вы считаете правильным, о чём вы хотите заявить для сведения правительства».

Об этом я хотел сказать заканчивая с оглашением протокола Саймона.

Председатель: Вы сможете закончить вечером, если мы продолжим несколько минут или нет?

Зейдль: Господин председатель, ответы на опросный лист довольно длинные. Свидетеля допрашивали перекрёстно, и я полагаю, что обвинение также намерено огласить фрагменты перекрёстного допроса и мне не кажется, что это возможно сегодня.

Председатель: Очень хорошо, мы откладываемся.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 26 марта 1946*]

День девяносто первый

Вторник, 26 марта 1946

Утреннее заседание

Пристав: С позволения трибунала, подсудимый Штрайхер будет отсутствовать с настоящего заседания суда.

Председатель: Да, доктор Зейдль.

Зейдль: Господин председатель, уважаемый суд. Я перехожу к оглашению допроса свидетеля Альфреда Гесса.

Председатель: Где нам это найти?

Зейдль: Господин председатель, я получил расшифровку допроса свидетеля только в прошлую субботу, и я не смог включить его в документальную книгу. Этот

свидетель был допрошен в Бад-Мергентхайме 19 марта.

Председатель: Вы имеете в виду, у нас нет его копий?

Зейдль: Я не знаю, подготовил ли генеральный секретарь от которого я получил расшифровку, копию для трибунала.

Председатель: Что же, тогда вам лучше продолжать. Приступайте.

Зейдль: Да. Перед ответом на первый вопрос, свидетель сделал следующие замечания:

> «Следует отметить, что я вынужден был прекратить свою деятельность в Зарубежной организации НСДАП после отлета в Англию моего брата Рудольфа Гесса, заместителя фюрера. Таким образом, следующие заявления являются верными только для периода до 12 мая 1941.
>
> Вопрос 1: В чём заключились задачи и смысл Зарубежной организации НСДАП?
>
> Ответ: Смыслом Зарубежной организации была культурная, социальная и экономическая забота обо всех немецких гражданах в зарубежных странах, независимо от того были они членами партии или нет. Зарубежная организация в этом смысле должна была быть мостом между зарубежными немцами и родной страной. Её смысл заключался в том, чтобы поощрять и поддерживать любовь и узы с отдалённой родной страной и сохранять понимание отечества, а также побуждать немцев на родине к пониманию тяжкой битвы за существование их соотечественников по всему миру. Зарубежный немец, в результате своего достойного и честного поведения, должен был стать популярным в принявшей его стране, и таким образом выступать как лучший представитель своего отечества.
>
> Вопрос 2: Кто мог стать членом Зарубежной организации?
>
> Ответ: Вопрос непонятен. Не существовало такой вещи как членство в Зарубежной организации, подобного, например членству в рейхсминистерстве иностранных дел или гау НСДАП в Рейхе.
>
> Вопрос 3: Правильно, что на членском билете каждого члена партии в Рейхе был напечатан следующий принцип как руководящий принцип Зарубежной организации: «Соблюдай законы страны в которой ты гость, пусть её народ занимается внутренней политикой этой страны, не вмешивайся в неё, даже в беседе»?
>
> Ответ: Верно, что вышеуказанный принцип, помимо прочих, был напечатан на членском билете или на обложке. Если я не ошибаюсь, ниже этого принципа даже было предупреждение об исключении из НСДАП если принцип не соблюдали. Это можно установить без всякой трудности взяв обложку, которая находилась у каждого члена

партии в зарубежной стране.

Вопрос 4: Зарубежная организация НСДАП вела какую-нибудь деятельность, которая может казаться пятой колонной?

Ответ: Пятая колонна не является четкой концепцией, использовавшейся единообразно. В целом, это бы означало тайную шпионскую или саботажную деятельность. Согласно своим руководящим принципам, Зарубежная организация не могла вести никакую такую деятельность.

Я помню, что ярлык пятая колонна от иностранной прессы считался в Зарубежной организации умным блефом антифашистской пропаганды, и вызывал настоящее веселье. Всерьез, ни одно государство не может допустить, чтобы такая широко известная, довольно подозрительная и уязвимая организация могла подходить к любой службе характерной пятой колонне. Я считаю естественным, что какие-то отдельные зарубежные немцы имели секретные миссии, услуги такие же как граждане выполняют для своего отечества, но Зарубежная организация разумеется не ставила никаких подобных задач и не являлась посредником для таких агентов.

Вопрос 5: Какого рода инструкции и директивы принимал заместитель фюрера по деятельности Зарубежной организации?

Ответ: Инструкции и директивы заместителя фюрера о деятельности Зарубежной организации являются такими как указаны в моих ответах на вопросы 1 и 3. Он вновь и вновь замечал, особо подчеркивая свои строгие инструкции о том, что зарубежные группы не должны делать ничего, что могло навредить странам предоставившим им гостеприимство или то, что можно было рассматривать вмешательством в дела этих стран. Основным принципом должно было быть то, что национал-социализм это чисто немецкое движение, не предмет экспорта который можно хотеть навязать другим странам как подходящий для них.

Вопрос 6: Заместитель фюрера давал Зарубежной организации какие-нибудь указания или приказы которые могли заставить её проводить деятельность схожую с деятельностью пятой колонны?

Ответ: Заместитель фюрера не только никогда не принимал таких указаний или приказов, но как сказано выше в ответе 5, изложил принципы которые абсолютно запрещали любую деятельность подобную проводимой так называемой пятой колонной.

Вопрос 7: Верно, что напротив заместитель фюрера тщательно заботился о том, чтобы при всех обстоятельствах следовало избегать вмешательства во внутренние дела страны пребывания?

Ответ: Я могу повторить, что это являлось основной заботой заместителя фюрера направлять работу Зарубежной организации за рубежом таким образом, чтобы не было никакого вмешательства во внутренние дела страны пребывания. Некоторые незначительные нарушения, которые неизбежны при таком большом количество немецких граждан за рубежом – уже насчитывающих семь миллионов – соответственно серьезно наказывались.

Вопрос 8: В чём заключались задачи и цели Союза зарубежных немцев?

Ответ: Союз зарубежных немцев занимался культурным обеспечением так называемых Volksdeutsche. Volksdeutsche это расовые немцы которые утратили своё немецкое гражданство как добровольно, так и в результате законов других стран, то есть, приобрели гражданство другой страны, например, Америки, Венгрии, Трансильвании, и т.д.

Вопрос 9: Союз зарубежных немцев, когда-нибудь, в частности до 10 мая 1941, развивал какую-нибудь деятельность которая могла выглядеть как пятая колонна?

Ответ: Я должен в связи с этим заявить о том, что деятельность Зарубежной организации не имела никакого отношения к Союзу зарубежных немцев, поэтому я не имею сведений о его работе. Но я считаю, что совершенно не обсуждается, что мой брат мог бы давать союзу задачи пятой колонны. Это бы не попадало в компетенцию заместителя фюрера, и не соответствовали его взглядам на задачу Союза зарубежных немцев.

Вопрос 10 и последний вопрос: Какого рода указания и инструкции заместитель фюрера принимал о деятельности этого бунда?

Ответ: Указания, и т.д., которые мой брат принимал о деятельности бунда мне неизвестны, так как, как я уже сказал, моя деятельность в Зарубежной организации никоим образом не была связана с союзом зарубежных немцев» - подписано – «Альфред Гесс. Дал присягу и подписал 19 марта 1946».

Свидетель Альфред Гесс затем был перекрёстно допрошен в связи с его допросом. Я полагаю, что обвинение само хочет предъявить этот перекрёстный допрос. Но если этот перекрёстный допрос и вопросы относящиеся к нему пока не перевели, наверное, будет практичнее если это будет сделано напрямую, в связи с этим.

Додд: С позволения трибунала, мы получили перекрёстные допросы, но я покорно полагаю, что, нежели чем занимать время, мы приобщим их, и если суд нам разрешит, их перевели на четыре языка. Это займет еще 10 минут или где-то так и мы не заинтересованы в том, чтобы делать это если трибунал не считает, что это

нужно сделать.

Председатель: Да, разумеется, господин Додд.

Зейдль: Господин председатель и господа, я не знаю, переведёны ли представленные мною вчера письменные показания посла Гаусса и получил ли трибунал эти переводы. Вчера в полдень я отдал шесть копий в информационный отдел и ничего о них не слышал.

Председатель: Обвинение может проинформировать трибунал о том, как обстоит дело?

Максвелл-Файф: Милорд, обвинение пока не имеет копии этих письменных показаний, поэтому мы не знаем о чём они. Мы предлагаем, чтобы, наверное, доктор Зейдль отсрочил оглашение, для того, чтобы мы могли иметь возможность их рассмотреть.

Председатель: Да, боюсь это нужно отложить.

Зейдль: Да. Теперь я перехожу к третьему тому документальной книги.

С позволения трибунала, этот том документальной книги содержал, в сущности, заявления и цитаты взятые из книг и речей иностранных государственных деятелей, дипломатов и политэкономов, рассматривавших историю и происхождение Версальского договора, содержание Версальского договора, территориальные изменения созданные этим договором, такие как вопрос польского коридора[72], и прежде всего разрушительные экономические последствия которые имел договор для Германии и остального мира.

Председатель: Да, сэр Дэвид?

Максвелл-Файф: Милорд, я прочёл документы в этой книге и хочу сказать о них пару слов.

Это мнения, высказанные многими господами, включая политиков, экономистов и журналистов. Это мнения которые выражались полемически и некоторые из них по-журналистки, и с большинством из них ознакомились и узнали, когда их выражали 15-25 лет назад.

Итак, пока я говорю, как я сказал трибуналу, вся эта тема слишком отдалённая, я вношу предложение которое трибунал сочтёт разумным, о том, что обвинение должно, как я предложил вчера, позволить этой книге быть приобщённой de bene esse и, чтобы, когда доктор Зейдль дойдет до своей заключительной речи, он сможет собрать аргументы которые выдвигались разными господами которых он цитирует, если он посчитает правильным. Он может использовать пункты в качестве иллюстраций, всегда предусматривая тезис, что он развивает то, что трибунал считает относящимся к делу. Это сохраняет для доктора Зейдля преимущество по

72 Польский коридор (Поморское воеводство и Данцигский коридор) — в период между двумя мировыми войнами (1919—1939 гг.), наименование польской территории, которая отделила германский эксклав Восточная Пруссия от основной территории Германии. Территория Польского коридора была передана Польше после Первой мировой войны по Версальскому мирному договору. «Коридор» обеспечивал доступ к Балтийскому морю из Польской Померании вдоль нижнего течения реки Висла. На этой территории была создана новая административно-территориальная единица — Поморское воеводство

использованию этих документов, как я скажу, в связи с относимостью номеров, но я предлагаю что было бы неправильным зачитывать их в качестве доказательств в настоящий момент. Это просто полемические и журналисткие мнения и направлены на вопрос, который как полагает обвинение, и я полагаю, слишком отдалённый.

Однако, я стремлюсь к тому, чтобы у доктора Зейдля были все преимущества в его заключительной речи. Поэтому, я предлагаю, что было бы удобно если бы их приобщили, не зачитывая в настоящий момент и подвергли ограничению по относимости к делу, что можно рассмотреть, когда все доказательства будут перед трибуналом, для использования им в заключительной речи.

Зейдль: Господин председатель, могу я кратко…

Председатель: Минуточку, доктор Зейдль. Мы сейчас вас выслушаем – наверное, было бы лучше выслушать, что вы скажете. Вы думаете, что предложение внесённое сэром Дэвидом Максвелл-Файфом было бы таким, которое является для вас приемлимым?

Зейдль: Господин председатель, на первый взгляд предложение сэра Дэвида Максвелл-Файфа кажется очень разумным. Но мне кажется, я должен сказать о том, что если вопрос рассматривать таким образом, у защиты возникнут большие трудности. Например, аргументация об относимости к делу, которая по характеру относится к представлению доказательств и должна здесь заслушиваться, будет отсрочена до заключительной речи защиты. Это бы означало, что защитник в своей заключительной речи будет снова и снова прерываться, что он вынужден будет выступать об относимости доказательств из его цитат, что наверное целые фрагменты его речи окажутся таким образом лишними, и таким образом возникнет угроза того, что ясность речи будет полностью нарушена.

Председатель: Да, сэр Дэвид.

Максвелл-Файф: Милорд, есть опасность с которой должен сталкиваться каждый адвокат, что отдельные фрагменты его речи могут оказаться неотносящимися к делу, но я думаю о том, что есть полезное решение. Но если его не примут, тогда обвинение вынуждено покорно, но очень решительно полагать, что статьи об условиях Версальского договора не относятся к данному трибуналу.

Я уже приводил аргументы про это и не хочу долго это развивать. Я хочу дать понять, что вопросы которые затрагивают цитаты, конечно же, были предметами политических разногласий практически в каждой стране Европы, и выражались разные мнения о правильности и практичности норм, в особенности экономических норм Версальского договора. Я не оспариваю того, что это спорный вопрос, но я говорю о том, что этот не тот спорный вопрос, который следует ставить перед трибуналом. Лично я отвечал практически на все цитаты английских государственных деятелей как политик в прошлые годы, и я уверен в том, что многие люди в суде должно быть имеют тот или иной взгляд, но этот вопрос не

относится к данному трибуналу и, конечно же, в особенности неправильно представлять доказательственный материал о мнениях одной из сторон разногласий. Каждой такой речи, поскольку они на английском языке, либо предшествовали вопросы, на которые отвечали или были ответы, и я склонен считать, что тоже самое относится к сенатору Бору[73] в Соединённых Штатах.

Такие вопросы – это мой второй пункт – по сути недокументальные, и они являются пунктом аргументации, и нужно решать о том, когда трибуналу удобно рассматривать относимость к делу. И вот почему я выдвигаю это предложение о том, что лучше решить об этом, когда у трибунала будут все подлинные доказательства. Но я хочу, помимо своего предложения, дать понять, что касается относимости, обвинение единодушно полагает, что правильность или практичность норм Версальского договора не является вопросом относящимся к делу. Еще один аргумент – я хочу разграничить – ещё один аргумент который обозначил доктор Штамер о фактических условиях преамбулы о военных нормах. Это совершенно другой момент, который мы можем обсудить, когда, как я понимаю, один из защитников выскажет некие правовые основания от имени защиты. Но, как я говорю, правильность и практичность договора и в особенности экономические условия это предмет огромного спора в котором тысячи мнений затмевают одно другое, и я полагаю, что это не вопрос для суда, и во-вторых, я полагаю это не доказательства. Это не доказательственный материал, даже если бы это было вопросом.

Зейдль: Наверное, я могу коротко ответить?

Председатель: Тогда, сэр Дэвид, ваше предложение заключается в том, что доктор Зейдль не может цитировать никакие из этих документов?

Максвелл-Файф: Милорд, разумеется, да, при условии, что этот вопрос не относится к делу, он не сможет.

Председатель: Да. Они недопустимы.

Максвелл-Файф: Они недопустимы.

Председатель: Да.

Максвелл-Файф: Моё изначальное предложение заключалось, конечно, в отложении дискуссии о том допустимы ли они, пока не приобщены все доказательства, но если это не примут, я твёрдо полагаю, если я могу использовать слово во всех отношениях – что они недопустимы.

Председатель: Итак, доктор Зейдль.

Зейдль: Могу я кратко ответить, господин председатель?

Председатель: Да, да.

Зейдль: Было бы совершенно неправильной интерпретацией моих намерений, предполагать, что предъявляя эту документальную книгу я хотел показать являлся

---

73 Уильям Бора (1865 — 1940) — американский политический деятель, сенатор-республиканец США. Прогрессивист, изоляционист.

или нет Версальский договор выражением государственной мудрости. Меня это не касается.

Предъявляя этот документ, будет показано или даже будет обсуждаться:

Во-первых: была ли виновной со своей стороны противоположная сторона при заключении договора во время предварительных переговоров – я обращаю ваше внимание на Четырнадцать пунктов[74] Вильсона[75], в нарушении общих договорных обязательств, нет ли здесь culpa in contrahendo[76].

Во-вторых, презентация документов должна показать, выполняла ли противоположная сторона обязательства возникшие из договора, для того, чтобы установить – то есть, предоставить трибуналу возможность установить – таким образом, правовые выводы Германии из этого.

В-третьих: Версальский договор и его нарушение подсудимыми образует ядро пункта первого обвинительного заключения, а именно, заговор вменяемый обвинением. Обвинение, отвечая на вопрос трибунала о том, когда можно говорить о начале заговора, сказало о том, что дата может быть установлена уже в 1921.

В-четвёртых: обвинение имело обширные…

Председатель: У меня нет ни малейшей идеи, что вы имеете в виду последним пунктом. Я не понял, что вы сказали по последнему пункту.

Зейдль: Я хотел сказать о том, что для начала заговора указанного обвинением, Версальский договор сыграл решающую роль, и о том, что есть, по крайней мере, какая-то причинная связь между возникновением этого договора и виной, фактами которые должны быть установлены, которые были причинными для заговора вменяемого обвинением.

В-четвёртых: Обвинение предъявило обширные доказательства о развитии НСДАП. Многочисленные документальные книги были предъявлены суду, чтобы показать суду рост членства, продемонстрировать рост мандатов Рейхстага. Итак, если эти доказательства относятся к делу, то я утверждаю, что также и обстоятельства и факты которые впервые повлияли на восхождение партии, должны относиться к делу, хотя бы только с точки зрения причинного звена.

Председатель: Ваше утверждение заключается в том, что мнение журналиста после создания Версальского договора, говорящее о том, что по его мнению, Версальский договор был несправедливым к Германии, было бы допустимым как для толкования

74 Четырнадцать пунктов Вильсона — проект мирного договора, завершающего Первую мировую войну, разработанный президентом США Вудро Вильсоном и представленный Конгрессу 8 января 1918 года. Включал сокращение вооружений, вывод немецких частей из России и Бельгии, провозглашение независимости Польши и создание «общего объединения наций» (получившего название Лига Наций). Неохотно одобренная союзниками США, эта программа частично легла в основу Версальского мира.

75 Вудро Вильсон (1856 — 1924) — 28-й президент США (1913—1921). Второй срок его президентства был отмечен вступлением США в Первую мировую войну (март 1917 года) и активными дипломатическими усилиями Вильсона по мирному урегулированию, выраженными в «Четырнадцати пунктах». Вильсон стал первым президентом США, посетившим с официальным визитом Европу (для участия в работе Парижской мирной конференции).

76 Договорная вина (лат.) - в цивилистической (цивилизм) доктрине континентально-европейских государств институт ответственности за вину, допущенную в ходе переговоров о заключении договора.

договора так и для какой-то другой цели которая касается трибунала?

Зейдль: Господин председатель, я признаю, что, конечно же, изолированное мнение иностранного журналиста само по себе не будет документом относящимся к делу. Но я утверждаю, что мнение государственног секретаря Лансинга[77] накануне Версальского договора и его связь с историей этого договора должны иметь какое-то доказательственное отношение. Какой вес придавать его мнению, это вопрос который пока не установлен. Этот вопрос может быть разрешен трибуналом только после предъявления всех доказательств. Далее, я утверждаю, что мнение председателя комитета по иностранным делам Сената Соединённых Штатов о Версальском договоре, его формулировках, о его влиянии на заговор вменяемый обвинением, который как прямо говорится был направлен в основном против Версальского договора prima facie[78] имеет ценность как доказательство. Тоже самое относится к большинству других заявлений цитируемых в этой документальной книге. Я хочу обратить внимание на Густава Касселя[79], Джона Мейнарда Кейнса[80], официального финансового консультанта британского правительства, и ряд других.

Председатель: Вы утверждаете, что из-за положений Версальского договора или ввиду нарушения этих положений подписавшими державами, Германия была оправдана в ведении агрессивной войны?

Зейдль: Я не могу четко ответить на это, до тех пор пока я не услышал доказательств остальных подсудимых. Я утверждаю, однако, что нарушением Версальского договора другой стороной, Германия или подсудимые могли обратиться к праву на перевооружение, и это нарушение Версальского договора вменяется подсудимым. Что касается права на агрессивную войну, я не хочу делать никаких положительных заявлений как минимум до того пока трибунал не примет официальное уведомление о письменных показаниях посла Гаусса.

Председатель: Я хочу задать вам ещё один вопрос: вы говорите, что Четырнадцать пунктов которые изложил президент Вильсон являются допустимым доказательством для толкования письменного документа о Версальском договоре?

Зейдль: Я не говорю о том, что Четырнадцать пунктов Вильсона, per se[81] являются допустимым доказательством. Я утверждаю, наоборот, о том, что связь между этими Четырнадцатью пунктами Вильсона и Версальским договором, и возникшее противоречие имеют причинную значимость для заговора вменяемого обвинением.

Председатель: Тогда вы действительно говорите о том, что Версальский договор, постольку поскольку он отклонялся от Четырнадцати пунктов был несправедливым

77 Роберт Лансинг (1864-1928) — американский юрист и государственный деятель, занимавший пост Государственного секретаря США в 1915—1920 годах, в администрации президента Вудро Вильсона.

78 На первый взгляд (лат.) - относящийся к доказательствам, представляющимся достаточными, если они не опровергнуты или не оспорены.

79 Карл Густав Кассель (1866 — 1945) — шведский экономист, представитель Стокгольмской школы, автор закона Касселя.

80 Джон Кейнс (1883 — 1946) — английский экономист, основатель кейнсианского направления в экономической науке.

81 Сам по себе; самим собой; попросту; как таковой (лат.)

договором.

Зейдль: Господин председатель, является ли договор справедливым или нет, это пункт который я вообще не желаю подтверждать этим документом. Является ли договор справедливым или нет, по моему мнению это факт, который наверное, за рамками данного разбирательства. Я утверждаю, однако, что договор, по крайней мере во многих условиях, не принес того на что рассчитывали победившие государства.

Председатель: Доктор Зейдль, вы хотите добавить, что-то ещё?

Зейдль: Нет, не сейчас.

Дикс: Поскольку сэр Дэвид затронул самый фундаментальный вопрос, и поскольку защита должна всегда учитывать возможность того, что трибунал, даже в данный момент, может принять решение по вопросу о том насколько можно предъявлять доказательственный материал, я считаю своей обязанностью добавить к заявлениям своего коллеги, доктора Зейдля, с которым я полностью согласен, несколько дополняющих слов. И я хочу ответить на очень точный вопрос вашей светлости, который начинался: «Вы считаете это относится…?». Мне кажется – и я избегаю любого повторения – о том, что важнейший пункт относимости к делу пока не затрагивался, и это является субъективным аспектом, эта относимость к делу исследования доказательств и фактов относящихся к субъективному состоянию индивидуального подсудимого, то есть, о фактах изнутри.

Если, например, один из подсудимых совершил деяние которое являлось, рассматривая чисто объективно, нарушением Версальского договора, тогда, что касается уголовного права и взгляда с субъективной точки зрения, имеет большое значение по разумному мнению, справедливых и образованных людей всех наций, действовал ли он, имея точку зрения которая не просто была его конкретной точкой зрения, а точкой зрения самых серьёзных мужчин различных наций, а также наций которые сражались против Германии в 1914-1918. Для того, чтобы не быть слишком абстрактным, я хочу привести конкретный пример:

Подсудимый высказывал мнение о том, что он имеет право на перевооружение – не агрессивную войну. Я не касаюсь этого вопроса. Он считал перевооружение обоснованным, как из-за того, что договор не соблюдала другая сторона или ввиду expressis verbis[82], или какого-то действия, считая его устаревшим. По моему мнению, решающим является то был ли подсудимый с такой точкой зрения один во всем мире или же мнения которым он руководствовался придерживались люди которых следует воспринимать серьезно, и которые принадлежали к другим нациям, даже тем кто в 1914-1918 находились на другой стороне и были его противниками.

Перевооружение согласно обвинению, как я понимаю, это не преступление как таковое, но просто используется обвинением в качестве обвинения для

82 Отчетливыми словами, совершенно четко, с полной ясностью (лат.)

доказательства преступления агрессивной войны. Если теперь, подсудимый может подтвердить, что он действовал с чистыми и достойными взглядами, взглядами которых, как сказано, придерживались такие люди других наций как я описывал, и действовал сознательно и с чистой совестью как в отношении международного права и международной морали, а также в отношении нужд своей страны, тогда такой материал, который содержит мнения, письменные заявления, речи, которые совпадают со взглядами подсудимого по вопросу, не только относится к делу, но и имеет решающее значение. Эту точку зрения я прошу трибунал иметь в виду, если он желает решить о принципиальном вопросе который затронул сэр Дэвид и который ему пришлось затронуть, как я понимаю. Более того я соглашаюсь с тем как рассматривает вопрос сэр Дэвид. Я тоже – и я говорю только за себя – предпочёл бы, чтобы решение по данному вопросу было отложено до времени предложенного сэром Дэвидом. Что касается меня, я приму недостатки, которые обоснованно видит доктор Зейдль, потому что возникает преимущество в том, если трибунал решит об этом вопросе в то время, когда у него будет более широкий взгляд на все вопросы и оттенки, которые важны для решения. И сейчас я не совсем могу подробно говорить о них, так как я не хочу делать никакую суммирующую речь, а рассмотреть один из аспектов доказательств.

Хорн: Я хочу добавить несколько замечаний к тому, что сказал мой коллега доктор Дикс. Я прошу трибунал…

Председатель: Трибунал хочет знать, сколько защитников считают, что они вправе выступить. Если доктор Хорн хочет добавить короткий аргумент, трибунал готов его выслушать, но он не готов заслушивать всех защитников о подобных положениях на данной стадии, и если кто-то из других защитников желает выступить, он решит о том будут они заслушаны или нет.

Из этого ясно, что только доктор Хорн выступит с короткой аргументацией для трибунала. Если нет, трибунал решит о том будет ли он заслушивать ещё аргументацию по предмету.

Хорн: Естественно, я не могу посягать на права своих коллег в данном вопросе, господин председатель, лично я хочу сделать очень короткое заявление о правовых положениях.

Председатель: Что же, тогда вы должны проконсультироваться с ними.

Хорн: Если вы хотите решить этот вопрос сейчас, господин председатель, я должен сначал спросить своих коллег.

Председатель: Конечно.

[*Была пауза в слушаниях на время совещания защиты*]

Хорн: Могу я сначала сделать предварительное замечание, господин председатель, о том, что мне сказали мои коллеги. Во-первых, это решение имеет особый интерес

для представителей организаций.

Лично я хочу заметить следующее: обвинение…

Председатель: Доктор Хорн, я попросил проконсультироваться с другими защитниками и выяснить, готовы ли они к тому, чтобы заслушали их или только вас. Это единственное о чём я готов от вас услышать.

[*Была пауза в слушаниях во время совещания защиты*]

Хорн: Да, господин председатель, мои коллеги согласны с тем, что я должен сделать последнее заявление об этом.

Председатель: Минуточку – очень хорошо. Продолжайте.

Хорн: Нет сомнения в том, что обвинение, что касается важных вопросов, основывает своё дело на нарушениях Версальского договора. По поводу этих нарушений, по моему мнению, является абсолютно необходимым предъявить факты которые позволят судить о законности этого договора. Нет сомнения в том, что этот договор был подписан под давлением. Международное право признает, что такие договоры с юридической точки зрения имеют сильные недостатки и являются бесчестными. По моему мнению, нам следует разрешить предъявить эти факты для того, чтобы показать убедительность этого утверждения и правовую точку зрения. Ещё один вопрос – если я правильно понял, то мысль сэра Дэвида заключается в полемическом анализе правовых, политических и экономических последствий этого договора.

Я не хочу развивать эту тему в дальнейшем, но я хочу попросить удовлетворить свою первую просьбу, о том, чтобы допускались юридические документальные факты, которые позволят судить о юридической ценности Версальского договора.

Максвелл-Файф: С позволения трибунала, если я могу сначала рассмотреть аргументацию доктора Дикса. Как я понял его первое основное предложение, оно такое, что если подсудимый совершил деяние которое является нарушением договора и может показать, что по мнению разумных и справедливых и образованных людей в государствах которые были другими сторонами договора, договор был настолько плохим, что нарушение было обоснованным и это допустимая аргументация.

С большим уважением к доктору Диксу, я полагаю, это необоснованно и неубедительно как с точки зрения любого правового принципа, так и материальности. Допустим, есть договор и допускается нарушение, и следует пример который рассматривал доктор Дикс, эти факты совпали. Это не ответ, говорить о том, что восхитительные люди в странах которые были сторонами договора верили в то, что его условия были плохими. Есть договор и человек который осознанно совершил нарушение, нарушив договор, однако имея сильную

поддержку.

В своём втором положении доктор Дикс перешёл к совершенно другим основаниям. Он сказал о том, что эти доказательства могут относиться к делу в связи с особой ссылкой на перевооружение, потому что они могут показать, что договор считался устаревшим. Итак, есть частная, но несмотря на это существующая доктрина международного права о том, что договоры, обычно малозначительные договоры, могут отменяться поведением договорившихся сторон. Я не оспариваю того, что вы не можете приводить такие примеры, хотя они очень редкие и в целом касаются незначительных вопросов. Но доказательства которые есть у трибунала вообще не направлены на это. Это, в целом, сравнительно полемическое доказательство, говорящее о том, что отдельные аспекты договора были плохими, как в отношении политических стандартов либо экономических стандартов. Такая аргументация полностью отличается от той которую восхитительно описал доктор Дикс – которая заключается, которая если её рассматривать – о том, что договор устарел или о том, что нарушениям попустительствовали, и потому на самом деле условия прекратили существование.

Мой ответ заключается в том, что это доказательство вообще не направлено на это.

Итак, если доктор Дикс меня простит, и я уверен в этом моя вина, я не совсем понял, что он обозначил как его субъективную аргументацию. Но насколько я это понял, кажется есть хороший ответ: что если он стремится предложить, что вина подсудимого может быть меньше, потому что, он, подсудимый верит в то, что договор был плохим, это тот самый вопрос о котором может судить трибунал, который выслушает подсудимого и отметит и оценит его точку зрения. На самом деле не поможет решению о том действовал ли подсудимый Гесс, потому что он думал о том, что Версальский договор был плохим, сведения о том как редактор «Observer[83]», что воскресная газета в Англии выражал свои взгляды спустя 20 лет, или «Manchester Guardian[84]» или на самом деле, при всем уважении к ним, какие выдающиеся государственные деятели не говорили в своих сочинениях о воспоминаниях спустя годы после события. Субъективная точка заключается – это моё соображение – важность при решении о доказательствах. О субъективной точке может ответить сам подсудимый, и взгляд подсудимого узнает трибунал.

Итак, доктор Хорн раскрыл гораздо более широкий вопрос, тот который, как я считаю совершенно не относится к делу и за рамками данного разбирательства.

Он пожелал, чтобы трибунал исследовал, был ли Версальский договор

83 «Наблюдатель» (англ.) — британская газета, выходящая по воскресеньям. Это первая и старейшая в мире воскресная газета. Издаётся с 1791.

84 «Страж» (англ.) — ежедневная леволиберальная газета в Великобритании, основана в Манчестере в 1821 году под названием The Manchester Guardian. В 1959 году сменила название на нынешнее, а в 1964 году редакция переехала в Лондон.

подписан под давлением. Что же, это конечно включает полное изучение правительства Германской республики, положение уполномоченных и юридическое положение лиц которые вели переговоры о договоре.

Ответ на это заключается в том, что трибунала касаются некие довольно четкие, индивидуально определенные государственные правонарушения, которые случились во время указанное в обвинительном заключении, и все доказательства которые приводятся о действиях донацистского германского правительства и на самом деле нацистского правительства, показывают, что на протяжении лет Версаль воспринимался как законная и настоящая основа с которой они должны работать и предпринимались разные методы для того, чтобы попытаться обеспечить изменения договора, и мне не нужно вдаваться в них в трибунале, вся система Локарнских договоров[85] которые были подписаны в 1925, признавала Версаль, и они рассматривались как существующие и действующие самим нацистским правительством.

С учетом таких действительных фактов, это, по моему мнению, будет совершенно далёким, не относящимся к делу и противоречить нормам устава, чтобы этот трибунал исследовал то был ли подписан Версальский договор под давлением.

Как я понял, доктор Хорн не так заинтересован в экономических условиях и их правильности или ошибочности, но я хочу покорно напомнить трибуналу о том, что сейчас перед ним стоит вопрос – который есть у нас, как я отмечал – и я не хочу повторяться – ряд мнений высказанных людьми разной значимости и разной степени ответственности высказанные ими тогда. В то же время решительно придерживаясь позиции которую я стремлюсь выразить в отношении договора, и равным образом подчеркиваю свой второй пункт: то, что принятие в качестве доказательств заявлений в которых в основном следуют полемической точки зрения, как в ответ на атаку или в атаке на обоснование политики государства в рамках которой они произносились, это просто злоупотребление термином «доказательства». Это не доказательство никакого вида, и я равным образом – не равным образом, потому что первый пункт имеет первостепенную важность, к чему я покорно призываю трибунал, но я также предлагаю, что предъявление доказательств такого рода это злоупотребление термином «доказательства», что это вопросы аргументации которую может использовать адвокат если аргументация относится к делу, но их не следует приобщать к доказательствам по данной причине.

Биддл: Сэр Дэвид, в Версальском договоре есть, что-нибудь, что призывало к разоружению других подписавшихся, нежели Германия или то, что предусматривало такое разоружение, и если есть, вы могли бы дать ссылку?

85 Локарнские договоры 1925 года — семь договоров, ставших итогом переговоров, проходивших в швейцарском Локарно с 5 по 16 октября 1925 года и подписанных 1 декабря в Лондоне. Они вступили в действие 10 сентября 1926 года, когда Германия стала членом Лиги Наций.

Максвелл-Файф: Да, это преамбула военных требований. Обычно полагаются на это положение. Это приблизительно четыре строки в начале военных требований, и в весьма общих терминах, она предусматривала всеобщее разоружение после разоружения Германии. Конечно же, положение было таким – я думаю у меня правильные даты – разоружение было принято. Не имеет значения, в виду доказательств по делу следовало ли это принимать, его приняли в 1927. После этого, вы можете вспомнить был ряд конференций по разоружению которые исследовали этот вопрос, и в конце концов в 1933 Германия вышла из существовашей тогда конференции по разоружению[86].

Сейчас я пытаюсь быть полностью объективным. Я не хочу навязывать защите взгляд обвинения, но положение такое.

Биддл: Я не совсем понял. Когда вы говорите «приняли» вы имели в виду степень разоружения указанную для принятия Германией.

Максвелл-Файф: Да, наоборот, этот ответ Германии на требования Версаля был принят союзниками в 1927, и комиссия по разоружению которая находилась в Германии покинула Германию, как я думаю, с французским генералом Дену.

Биддл: Значит, я понимаю, что вы говорите о том, что ничего из этой папки не имеет никакого отношения к возможному вопросу.

Максвелл-Файф: Нет, нет.

Биддл: В этом смысл.

Максвелл-Файф: Это не вопрос. Я имею в виду, что мы рассмотрим вопрос, когда перейдем к нему. Я скорее думал о каких-то словах, которые проронил доктор Штамер о том, это может быть один из пунктов которым мы должны удовлетворить в общей аргументации о праве которую представит, которую защита…

Зейдль: Мне кажется, сэр Дэвид немного заблуждается. В книге 3 документальной книги подсудимого Гесса есть ряд цитат зарубежных государственных деятелей которые ссылались на это военное требование в Версальском договоре и в которых говорится о том, что Германия выполнила свои обязательства по Версальскому договору, но эти взаимные обязательства с противоположной стороны не были выполнены.

Максвелл-Файф: Что же, извиняюсь. Я уже не помню. Я прочёл это, и может быть есть какие-то побочные вопросы касающиеся этого, но, и я не думаю, что я сильно затрудняю доктора Зейдля в сборе этих пунктов несправедливости говоря о том, что если они существовали, они побочные и основное заключается в атаке на политические и экономические нормы договора. Надеюсь, я поступил с ним справедливо. Я разумеется, намерен так делать. Такое у меня сложилось впечатление.

Председатель: Трибунал отложен.

86 Международная конференция по сокращению и ограничению вооружений, созванная по решению Совета Лиги Наций; начала работу после длительного подготовительного периода 2 февраля 1932 в Женеве при участии 63 государств.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Пристав: С позволения трибунала, могу я сообщить о том, что подсудимый Штрайхер будет отсутствовать на заседании суда.
Председатель: Трибунал распоряжается о том, что доказательства о несправедливости Версальского договора или его заключении под принуждением являются недопустимыми и таким образом исключает том 3 документов от имени подсудимого Гесса.
Зейдль: Господин председатель, уважаемый суд. Поскольку том 3 документальной книги подсудимого Рудольфа Гесса не допущен как документальное доказательство, я, что касается предъявления документов, нахожусь в конце предъявления доказательств. Итак, далее мы затронем только письменные показание посла Гаусса, которые я уже представил, и я прошу вас не решать о допустимости документа, пока у меня не будет возможности представить аргументы об их относимости к делу и о секретном договоре. Но я хочу заметить, что эти письменные показания предназначены только для того, чтобы подтвердить содержание и факты о секретном договоре, и поэтому я оглашу из них только фрагменты, таким образом, история предшествующая договору не будет мной демонстрироваться.
Председатель: Доктор Зейдль, мы поняли, что эти письменные показания свидетеля Гаусса переводятся и будут представлены разным обвинителям. Они сообщат нам о своей позиции, и мы сможем понять, допустимы они или нет, и обвинение также сможет рассказать нам о том хочет ли оно посла Гаусса для перекрёстного допроса.
Зейдль: Да.
Председатель: Поэтому мы отложим это пока не получим перевод.
Зейдль: У меня было намерение вызвать самого подсудимого в качестве свидетеля. В виду его отношения к правомочности суда, он, однако, попросил меня отказаться от этого. Поэтому я отказываюсь от показаний подсудимого в качестве свидетеля и сейчас более не имею доказательств для предъявления.
Председатель: Спасибо.

Тогда сейчас трибунал рассмотрит дело против подсудимого Риббентропа.
Хорн: Ваша светлость, уважаемый суд, мой клиент, Йоахим фон Риббентроп проинструктировал меня сделать следующее заявление от его имени в начале показаний:

> «Как рейхсминистр иностранных дел, я должен был проводить указания и приказы Адольфа Гитлера о внешней политике. За меры

внешней политики предпринятые мною я принимаю полную ответственность».

Председатель: Доктор Хорн, я думал защитники подсудимых знают о правиле, которое мы изложили о том, что на данной стадии нельзя произносить речи, а следует раскрывать доказательства, устные доказательства и кратко ссылаться на документы и предъявлять доказательства. Вы это понимаете?

Хорн: Господин председатель, я не знал о том, что нельзя представлять заявления своего клиента.

Председатель: Что же, трибунал по нескольким поводам, я думаю, устно и однажды в письменном виде, установил, что сейчас нельзя произносить речи, но речи можно произносить в установленное уставом время. Сейчас есть возможность предъявить все доказательства и документы, с такими пояснениями которые могут быть необходимы.

Хорн: Бывшему рейхсминистру Йоахиму фон Риббентропу, согласно общему обвинительному заключению и согласно досье британской делегации и устному предъявлению конкретных обвинений, вменяются все преступления указанные в статье 6 устава Международного военного трибунала.

Сэр Дэвид Максвелл-Файф на заседании Международного военного трибунала 8 января 1946 описал факты по делу в отношении моего клиента как следующие:

Во-первых, использование своих должностей и своего личного влияния и близкой связи с Гитлером для облегчения захвата власти с помощью НСДАП и подготовки войн.

Во-вторых, участие в политическом планировании и подготовке национал-социалистического заговора для агрессивных войн…

Председатель: Доктор Хорн, вы снова произносите речь или что вы делаете?

Хорн: Нет, господин председатель, я просто перечисляю одну страницу о том как организовал свои доказательства, и я прошу позволить мне разделить это таким образом.

Председатель: Очень хорошо.

Хорн: Во-вторых, сэр Дэвид Максвелл-Файф добавил соучастие в политическом планировании и подготовке национал-социалистическими заговорщиками агрессивной войны и войн в нарушение международных договоров. Соответственно он возложил ответственность за ведение внешней политики запланированной заговорщиками.

В-третьих, соучастие и одобрение преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности, в особенности преступлений против людей и имущества на оккупированных территориях.

Подсудимый фон Риббентроп объявил себя невиновным во всех преступлениях вменяемых ему. Для опровержения обвинений вменяемых ему, я

начинаю свою презентацию доказательств.

Уважаемый обвинитель в начале своих заявлений цитировал из экземпляра номер USA-5, документа номер PS-2829 и заявил о том, что подсудимый фон Риббентроп был обергруппенфюрером СС. Уважаемый обвинитель утверждал о том, что это звание не было почётным. В опровержение этого, подсудимый утверждает о том, что звания группенфюрера СС и позднее обергруппенфюрера СС, пожалованные Гитлером, были пожалованы ему только на почётной основе, потому что Гитлер желал, чтобы члены правительства появлялись по официальным поводам в форме, и звание группенфюрера СС казалось, соответствовало официальному положению подсудимого. Подсудимый ни служил в СС, ни возглавлял никакое подразделение СС. У него не было ни адекватной военной подготовки, ни подготовки для этой высокой военной позиции.

Чтобы продемонстрировать это я предъявлю показания самого подсудимого в качестве свидетеля.

Обвинение утверждает, что фон Риббентроп после прихода к власти, короткое время был консультантом партии по внешнеполитическим вопросам. Это утверждение опровергается документом PS-2829 который находится в документальной книге в руках трибунала. Я прочту абзац 3, где сказано:

«Сотрудник фюрера по внешней политике, 1933-1938».

Это первый документ в книге документов Риббентропа. В соответствии с ним, в 1933-1938 годах фон Риббентроп был единственным консультантом Гитлера по внешнеполитическим вопросам. В связи с документом D-472, экземпляр номер GB-130, второй документ в документальной книге Риббентропа, который касается фрагмента из Международных биографических архивов, уважаемый обвинитель заявил о том, что подсудимый ещё до 1932 работал на НСДАП, после поступления на службу в партии в 1930. Обвинение цитировало абзац II, строки 6-9 этого документа где сказано:

> «В связи с его связями в зарубежных странах, он установил новые отношения с Англией и Францией, находясь на службе НСДАП с 1933, он знал о том как распространить их на политические круги».

Заявление неправильное. Подсудимый до 1932 не являлся членом никакой политической партии в Германии, в частности НСДАП. Что касалось его политических взглядов, он склонялся к Немецкой народной партии[87] – то есть партии Штреземана[88].

В 1932 подсудимый лично познакомился с Гитлером. Его взгляды на внутренние и внешнеполитические вопросы привели к тому…

---

87 Немецкая народная партия, ННП — политическая партия в Германии периода Веймарской республики, созданная на основе правого крыла Национал-либеральной партии Германии. ННП была основана в ранний период существования Веймарской республики в 1918. Распущена в 1933.

88 Густав Штреземан (1878 — 1929) — немецкий политик (Немецкая народная партия), рейхсканцлер и министр иностранных дел Веймарской республики.

Председатель: Доктор Хорн, я не хочу без надобности прерывать вас, но я не понимаю, что вы сейчас делаете. Кажется, вы говорите мне о тех доказательствах которые предположительно даст подсудимый фон Риббентроп, и если так, когда он даст их, они будут кумулятивными вашему выступлению. Также, кажется, вы будете ссылаться на документы, которые представлены обвинением и сами на них отвечать. Что же, это не то чего желает трибунал на данной стадии. Совершенно понятно, что в подходящее время вы сможете привести какую угодно аргументацию какую считаете правильной в связи с доказательствами которые предъявляются от имени подсудимого фон Риббентропа. Но, как я уже сказал, я думаю довольно ясно, трибунал хочет сейчас заслушать все доказательства от имени подсудимого фон Риббентропа и предъявления документальных доказательств на которые вы ссылаетесь, с кратким пояснительным заявлением о смысле документов. И если есть какая-нибудь часть документа, которую представило обвинение, но не цитировало её, к которой вы хотите обратиться при необходимости в качестве пояснения к части документа который оно использовало, тогда вы вправе это приобщить, приобщить такую часть документа с любым коротким пояснением каким пожелаете. Но я не понимаю, что вы сейчас делаете кроме как произносите речь.
Хорн: Господин председатель, я использовал опровергающий факт который я желаю представить против заявлений обвинения, потому что согласно моей информации и согласно моим документам, они не соответствуют фактам. Что касается установления пункта 1, о чём сказал господин председатель, я хочу заявить следующее: здоровье подсудимого фон Риббентропа сейчас довольно слабое. Этим утром врач сказал мне о том, что Риббентроп страдает от так называемых вазомоторных нарушений в речи. Я хотел взять часть показаний у клиента, сделав заявление об этом здесь и таким образом показав трибуналу положение подсудимого. Я не знаю, сможет ли подсудимый фон Риббентроп в виду его нынешнего состояния здоровья, то есть, дефекта речи дать эти пояснения так же кратко как я. Затем, когда подсудимый будет давать показания, ему потребуется только подтвердить эти заявления под присягой.
Председатель: Если подсудимый фон Риббентроп слишком болен, чтобы сегодня давать показания, тогда он должен дать показания позднее. Если у вас есть устные свидетели иные, чем подсудимый фон Риббентроп, тогда они смогу дать показания сегодня, и в связи с документальными доказательствами, вы совершенно просто можете предъявить такие документы в качестве доказательств как сделал доктор Штамер, таким же образом как сделал доктор Зейдль, и таким образом как это снова и снова объяснял трибунал.
Хорн: Я намеревался сначала предъявить документы и позже вызвать свидетелей. Что касается фон Риббентропа, я узнал о том, что его состояние постоянно ухудшается. Я не знаю смогу ли я вызвать к окончанию презентации доказательств подсудимого фон Риббентропа, но я должен быть готов к той возможности, что я не

смогу его вызвать. И в противном случае я затрону только очень мало общих положений.

Председатель: Доктор Хорн, вы в любом случае не можете давать никаких показаний и если вы не можете вызвать фон Риббентропа, тогда вы должны, по возможности, вызвать других свидетелей которые дадут показания, которые бы дал он. Если, к сожалению, так нельзя сделать, тогда его дело пострадает, но трибунал сделает все возможное, чтобы облегчить его вызов на любой стадии. Если он настолько болен, как вы предлагаете, что не может дать показания, тогда его показания можно предъявить в конце дела подсудимых, с учётом представления надлежащей медицинской справки.

Хорн: Если суд хочет заслушать подсудимого позднее, я отложу вопрос с просьбой о том, что если я не могу заслушать его, не смогу заслушать его полностью – так как я снова подчеркиваю, есть нарушение речи – тогда он по крайней может подтвердить показания как свидетель.

Председатель: Вы можете вызвать любого свидетеля, трибунал не устанавливал того, что подсудимого нужно вызывать первым. Вы ходатайствовали о восьми свидетелях, как я думаю в дополнение к подсудимому, и вы можете вызвать любого из них или можете рассмотреть свои документы, но как бы то ни было, вы должны делать это так как распорядился трибунал.

Хорн: Тогда, я перехожу к оккупации Рейнланда[89].

27 февраля 1936, между Французской республикой и Советским Союзом был ратифицирован пакт о взаимопомощи[90], содержание которого явно нарушало Локарнский договор и конвенцию Лиги наций[91], и был направлен исключительно против Германии. В то же время…

Председатель: Доктор Хорн, вы только, что сказали о том, что, то или иное нарушало международное право. Итак, нет никакой ссылки на какой-нибудь докумет который вы приобщаете в качестве доказательства, как и нет никакого комментария к устным показаниям. Если у вас есть документ, будьте любезны предъявить его и затем давать о нем пояснения.

Хорн: Тогда я хотел далее сослаться на документ номер 1 в документальной книге Риббентропа. Мы рассматриваем меморандум германского правительства державам

---

89 Рейнская демилитаризованная зона — территория Германии на левом берегу Рейна и полоса на его правом берегу шириной в 50 км, установленная Версальским мирным договором в 1919 году с целью затруднить нападение Германии на Францию. В этой зоне Германии запрещалось размещать войска, возводить военные укрепления, проводить маневры и т. д.

90 Французско-советский пакт о взаимопомощи — соглашение о военной помощи между Францией и СССР, заключённое 2 мая 1935 года. Договор знаменовал существенный сдвиг в советской политике от позиции противодействия Версальскому договору к более прозападной политике, связанной с именем Литвинова. Ратификация договора французским парламентом была использована Гитлером как предлог для ремилитаризации Рейнской области, которая была категорически запрещена Версальским договором.

91 Лига Наций — международная организация основанная в 1919 году. Цели Лиги Наций включали в себя: разоружение, предотвращение военных действий, обеспечение коллективной безопасности, урегулирование споров между странами путём дипломатических переговоров, а также улучшение качества жизни на планете. Прекратила своё существование в 1946 году.

подписавшим Локарнский пакт 7 марта 1936.

Председатель: Какая это страница?

Хорн: Это страница 6 документальной книги. В пояснение я могу добавить, что этот меморандум был представлен подписавшим державам, потому что между французским правительством и республикой Советского Союза был ратифицирован договор о взаимопомощи и одновременно, германское министерство иностранных дел получило сведения о плане который разработал французский генеральный штаб и который предусматривал, что французская армия должна была продвигаться вдоль линии Майна, таким образом, разрезая Север и Юг Германии и даже объединиться с русской армией в Чехословакии.

Председатель: Доктор Хорн, для формального протокола, нужно предъявлять каждый документ в качестве доказательства и документу нужно присваивать номер. Вы пока не предъявили ни одного документа в качестве доказательств и не присвоили им никаких номеров, насколько я знаю.

Хорн: Я присвоил этому документу номер, Риббентроп экземпляр номер 1. Номер в верхнем правом углу документа.

Председатель: Очень хорошо.

Хорн: И я прошу – наверное, я могу сказать это для того, чтобы сэкономить время, я прошу о том, чтобы все эти документы цитируемые как номера доказательств Риббентропа были приняты в качестве доказательств.

Председатель: Очень хорошо, и в том порядке в котором вы их цитируете?

Хорн: Да, господин председатель.

Председатель: Их пронумеруют таким образом. Очень хорошо.

Хорн: Что касается подробностей о том, что было предъявлено о причине этого меморандума, и как доказательство факта который указали о приготовлениях французского генерального штаба, я вызову фон Нейрата в качестве свидетеля. Я задам ему об этом вопрос, когда его вызовут для дачи показаний. Для того, чтобы обосновать немецкий взгляд, который содержится в меморандуме и который состоит в том факте, что Локарнский пакт и конвенция Лиги наций считались нарушенными, я хочу сослаться на страницу 3 документа и желаю процитировать следующее – это страница 8 документальной книги:

Председатель: Доктор Хорн, это был документ, экземпляр номер Риббентроп-1, один из документов о которых вы ходатайствовали и которые вам удовлетворили?

Хорн: Да, господин председатель. Этот документ касается фрагментов из «Dokumente der Deutschen Politik[92]».

Я хочу подчеркнуть, что этот сборник документов был одобрен мне в то же время, что и две книги доказательств.

Председатель: Трибунал хочет увидеть подлинник документа.

Хорн: Господин председатель, мы не можем представить подлинники, так как

92 «Документы германской политики» (нем.)

министерство иностранных дел было конфисковано победившими державами вместе с большой частью документов. Тогда мне придётся ходатайствовать о том, чтобы подписавшие державы представили подлинники, так как мы просто не можем это сделать. Мы можем ссылаться только на сборники документов.

Председатель: Откуда поступила копия?

Хорн: Господин председатель, это копия из «Dokumente der Deutschen Politik», том 4, что показано в документальной книге, которая есть у председателя. Документ находится на странице 123 сборника документов.

Господин председатель, я хочу добавить пояснение: если суд заинтересован в том, чтобы увидеть подлинник, я должен взять сборник, который находился в документальной комнате. Это немецкий язык, и мне не кажется, что сейчас он представляет для трибунала какую-нибудь ценность. Могу я далее заметить…

Председатель: Поймите, доктор Хорн, как вопрос формальности и точности, трибунал должен иметь у себя в протоколе каждый документ который составляет материалы дела, будь то подлинник или копия, и какой-бы документ не предъявляли в качестве доказательства, его должны вручать трибуналу и хранить у трибунала. Его следует приобщать в качестве доказательства, предъявлять в качестве доказательства и вручать генеральному секретарю или его представителю и тогда у трибунала будет полные материалы дела с каждым документом, предъявленным в качестве доказательства.

Но мы не можем иметь документы подобные этому, который просто является копией подлинника, которая должна быть приобщена в качестве доказательства. Если он в информационном центре, тогда вполне возможно представить её здесь.

Хорн: Господин председатель, суд решил о том, что мы вправе копировать документы и удостоверять их подлинность для того, чтобы эти документы можно было приобщить в качестве доказательства. Таким образом, мы сравнивали каждый документ с подлинником который есть на руках или с напечатанной копией документа и в конце документа мы заверяли верность копии. Этот документ заверенный моей подписью находится у трибунала, мне кажется в пяти копиях.

Председатель: Доктор Хорн – да, господин Додд.

Додд: Думаю, мы можем помочь. Мы говорим о том, что мы готовы принять эту цитату из тома и я думаю, мы сами приобщили некоторые документы и просили извинения суда похожим образом.

Я думаю суд, если я могу покорно предложить, может принять этот документ на таком же основании.

Я посоветовался только с сэром Дэвидом, но я вполне уверен в том, что наши французские и русские коллеги тоже согласны.

Председатель: Господин Додд, думаю смысл в том, и конечно, наверное это чисто

формально, что именно тот документ который приобщен в качестве доказательства или предъявлен в качестве доказательства это копия которая не имеет подписи доктора Хорна и поэтому нет ничего, что показывает, что это верная копия. Конечно, если бы у нас была подпись доктора Хорна, мы бы готовы были принять её как верную копию с подлинника. То, что есть у нас это просто мимеограф[93], как я полагаю, какого-то документа который нам представили.

Додд: Очень хорошо, ваша честь. У меня не было возможности внимательно её изучить. Кстати, мы не получили этих документов до самого последнего вечера. У нас не было обычного времени, чтобы изучить её, но в любом случае, я предложил, что её можно приобщить, и если доктор Хорн её заверит, как предложил председатель, и позже подготовит подлинную копию, так будет правильно.

Председатель: Разумеется, так было бы правильно.

Доктор Хорн, вы поняли, что я имел в виду. Если вы позднее представите нам сам документ который вы подписали, чтобы показать, что это была верная копия, это будет удовлетворительно.

Хорн: Господин председатель, во всей документальной книге нет ни одного документа, которого я не подписал и не вручил пять копий для перевода. Конечно, я не могу также подписать все переводы. Этот документ, который находится в документальной книге представленной председателю, имел мою подпись в немецком тексте.

Председатель: Вы имеете в виду, что вы вручили ваши документы для перевода, на немецком языке, с вашей подписью внизу, говорящей, что это верный фрагмент и вы не знаете где эти документы, потому что они ушли в отдел переводов? Это правильно или нет?

Хорн: Лишь отчасти, господин председатель. Я знаю о том, что вручил эти документы в надлежащее ведомство, на немецком языке и со своей подписью. Значит этот отдел взял их и перевёл. С момента их передачи я естественно не имел никакого контроля за тем, что происходило.

Могу я также заметить, что документальные книги которые мы используем были доступны только в единственной копии и должны были использоваться всеми адвокатами, даже сейчас, для дальнейшей работы. Ввиду этого, я не могу представить трибуналу оригинал, поскольку это не моё имущество. Это можно сделать только по согласованию с лицом ответственным за документальный отдел, лейтенант-коммандером Шрёдером.

Председатель: Доктор Хорн, если в будущем, вы и остальные защитники смогут готовить свои документальные книги в достаточное время, тогда вы сможете обеспечить свою подпись в документальной книге, когда вы приобщаете её в качестве доказательства, и затем можно будет вручить её сотруднику суда.

---

93 Ротатор или мимеограф, или автокопист, или циклостиль — машина трафаретной печати, предназначенная для оперативного размножения книг малыми и средними тиражами.

Хорн: Господин председатель, мне не кажется, что такая возможность вообще существует, так как эти «Dokumente der Deutschen Politik» – взяв этот пример – доступны только в одной копии для использования всеми защитниками, я не могу забрать эти книги, если они хотят продолжать работать с ними, для того, чтобы представить их трибуналу в качестве доказательства. Я их не получу. Я получаю эти книги только для их использования, и изготовления из них фрагментов и затем возвращаю их.

Председатель: Да, но сейчас вы предъявляете в качестве доказательства некий фрагмент из книги и всё, что хочет трибунал это, чтобы этот фрагмент был заверен, либо вами или другим человеком которому можно доверять, как правильный фрагмент из книги, что этот документ, подписанный таким образом можно представить. Может быть, сложно представить его сейчас, потому что вы вручили его какому-то сотруднику или кому-то в отделе переводов и поэтому не можете представить его, но можно сделать так, чтобы можно было его представить в будущем. Я не имею в виду этот конкретный документ, но в будущем остальные защитники могут представлять свои документы заверенные ими самими или кем-то имеющим полномочия.

Хорн: Господин председатель, это уже сделано. Одинаковые пять документальных книг, подписанные мною, переданы трибуналу.

Председатель: Да. Что же, правило трибунала заключается в том, что они должны быть вручены в этом суде, в момент использования, а также вручены кому-то для перевода. Таково правило.

Но сейчас нам, наверное, лучше продолжить, так как мы заняли этим слишком много времени.

Хорн: Я сейчас услышал о том, что немецкие документы которые я подписал получены из генерального секретариата, поэтому я смогу представить их трибуналу с моей подписью, на немецком языке.

Председатель: Очень хорошо.

Хорн: Я хочу продолжить и пояснить вышеуказанное мнение о правовых последствиях пакта между Францией и Россией в 1936, и я ссылаюсь на страницу 3, то есть, страницу 8 книги документов. Я цитирую:

> «Соответственно, единственный вопрос заключается в том осталась ли Франция приняв эти договорные обязательства в таких рамках в отношении Германии которые взяла на себя в Рейнском пакте[94].
>
> Однако, германское правительство вынуждено это отрицать.
>
> Рейнский пакт должен был привести к обеспечению мира в Западной Европе, заставив с одной стороны Германию, а с другой стороны Францию и Бельгию отказаться на всё время от использования

94 Рейнский гарантийный пакт — пакт о неприкосновенности германо-французских и германо-бельгийских границ и сохранении демилитаризации Рейнской зоны, подписанный в 1925 году в рамках Локарнских договоров; гарантами пакта выступали Великобритания и Италия.

военной силы в своих взаимоотношениях. Если, путём заключения пакта, допускались отдельные оговорки о таком отказе от войны, выходящей за рамки самообороны, то политическая причина для этого заключалась как общеизвестно, исключительно в том факте, что Франция уже взяла определённые союзнические обязательства в отношении Польши и Чехословакии которыми она не желала пожертвовать ради идеи абсолютной безопасности на Западе. Германия в то время добросовестно приняла эти оговорки об отказе от войны. Она не возражала договорам с Польшей и Чехословакией, которые положил на стол представитель Франции лишь ввиду самоочевидного предположения о том, что эти договоры согласуются со структурой Рейнского пакта и не содержат никаких норм о применении статьи 16 конвенции Лиги наций, таких которые предусматривались в новых франко-советских соглашениях. Это также являлось правдой в отношении содержания этих особых соглашений, которые тогда дошли до сведения германского правительства. Исключения, допускавшиеся в Рейнском пакте, и это правда, прямо не ссылались на Польшу и Чехословакию, но были сформулированы общими словами. Однако смысл обязательств всех переговоров заключался в компромиссе между германо-французским отказом от войны и желанием Франции сохранить свои существующие договорные обязательства. Таким образом, если Франция теперь воспользовалась преимуществом абстрактной формулировки военных возможностей допускаемых Рейнским пактом для того, чтобы заключить новый пакт против Германии с сильно вооружённым государством, если таким образом, таким решительным образом она ограничила сферу отказа от войны согласованную с Германией и если как изложено ниже, она даже не соблюла установленные формальные юридические рамки, создав этим совершенно новую ситуацию и уничтожив систему Рейнского пакта как в теоретически, так и буквально».

Я опущу следующий абзац и процитирую со страницы 9 книги документов следующее:

«Германское правительство всегда подчеркивало во время переговоров в последние годы, что оно придерживается и исполняет все обязательства по Рейнскому пакту до тех пор, пока остальные партнеры по пакту также готовы со своей стороны придерживаться данного пакта. Такая естественная предпосылка уже не может считаться выполненной со стороны Франции. В нарушение Рейнского пакта, Франция ответила на дружественные предложения и мирные

гарантии вновь и вновь выражаемые Германией, военным альянсом с Советским Союзом, направленном исключительно против Германии. Таким образом, Рейнский Локарнский пакт утратил своё значение и прекратил существование во всех практических смыслах. По этой причине Германия со своей стороны также не считает себя связанной данным пактом который стал недействительным».

Рассматривая франко-русский пакт и намерения французского генерального штаба, Гитлер вызвал к себе подсудимого фон Риббентропа для того, чтобы спросить у него о предполагаемом отношении Англии на возможную немецкую реоккупацию…

Председатель: Вы читаете из документа, не так ли доктор Хорн? Вы начали рассказывать нам, что-то про Гитлера.

Хорн: Да, я прервался на фразе «данный пакт стал нейдействительным», для того, чтобы кратко донести роль Риббентропа. На основании данного пакта и намерений французского генерального штаба, Гитлер тогда вызвал подсудимого фон Риббентропа…

Председатель: Мы услышим об этом от фон Риббентропа, не так ли?

Хорн: Господин председатель, нам разрешено добавлять поясняющие фразы к документам. Сейчас я могу…

Председатель: Да, полковник Покровский.

Покровский: Насколько я понимаю, трибунал уже разъяснил защитнику доктору Хорну, что защита сейчас представляет документ. Хотя доктор Хорн и не считает нужным указывать, где он отходит от документа и где он этот документ цитирует, но я имел возможность заметить, что в том документе который сейчас предъявляется под номером Риббентроп-1, отсутствуют какие-нибудь ссылки на планы французского генерального штаба. В числе документов имеющихся в книге предъявленной защитником Риббентропа я также не мог обнаружить каких-либо копий из планов генерального штаба. При этих условиях мне становится совершенно непонятно откуда доктору Хорну известно о планах французского генерального штаба и на каком основании он ссылается на эти отсутствующие здесь документы при предъявлении доказательств по делу Риббентропа.

Хорн: Господин председатель…

Председатель: Доктор Хорн, то, что вы делаете никак не поясняет документ, а рассказывает нам о том, что делал Гитлер, и что делал подсудимый Риббентроп вследствие того, что делал Гитлер. Это не доказательства. Вы не можете рассказывать нам о том, что не является доказательством. Вы можете давать нам пояснительные замечания, чтобы сам документ был более понятным.

Хорн: Господин председатель, подсудимый фон Риббентроп обвиняется в ведении всей внешней политики. Обвинение представило внешнеполитическую деятельность как оно её видит, и нам разрешили не произносить речь, но, в связи с

представленными документами, представить наш противоположный взгляд, как это видит защита. Для того, чтобы сделать это, я должен сослаться на конкретные факты, документы и цитаты. Я никак не смогу дать полную картину если я просто представлю документ, не приводя общую картину по данной теме, определённое развитие всей политики.

Председатель: Что же, доктор Хорн, трибунал не ожидает от вас полной картины на данной стадии. Все, что вы сейчас делаете, это представляете доказательства. Вы сможете привести полную картину в своей заключительной речи. Он понятен, этот документ. Этот документ хорошо известен, он и полностью понятен не говоря о том, что делали Гитлер или подсудимый Риббентроп.

Хорн: В связи с вопросами затронутыми русским обвинителем, я уже попросил подсудимого фон Нейрата как свидетеля. Я могу допросить его об этом только после того как подсудимый фон Нейрат будет давать показания. Но я могу ссылаться на эти факты которые являются контрдоказательствами.

Председатель: Но поймите, это будет его функция. Если вы собираетесь рассказать нам о том, что как вы думаете, скажет подсудимый фон Нейрат в ответ на вопросы которые вы ему зададите, это вступительное заявление. Что же, это не предусмотрено уставом. Мы должны подождать до тех пор пока вы вызовете фон Нейрата или спросите фон Нейрата.

Хорн: Тогда я прочту из названного документа, Риббентроп экземпляр номер 1, на странице 10 книги документов:

> «Германское правительство сейчас вынужденно столкнулось с новой обстановкой созданной этим альянсом, обстановкой которая стала ещё более критической ввиду того факта, что франко-советский пакт воплотился в пакте об альянсе именно такого характера как был между Чехословакией и Советским Союзом. В интересах элементарного права нации на обеспечение безопасности её границ и гарантий её оборонительны возможностей, германское правительство таким образом воссоздало полный и неограниченный суверенитет Рейха в демилитиризованной зоне Рейнланда, с настоящего дня».

Я прошу трибунал принять весь документ в качестве доказательства. В результате такого шага германского правительства отдельные статьи Версальского договора которые касались демилитаризованной Рейнской зоны устарели. Поскольку этим утром, по решению суда, рассмотрение положения Версальского договора не допускается, я опускаю соответствующий материал из документальной книги подсудимого фон Риббентропа и перехожу к документу Риббентроп экземпляр номер 8, который на странице 21 документальной книги.

Могу я сначала задать один вопрос, господин председатель?

Председатель: Разумеется.

Хорн: Допускается предствлять официальные документы о Версальском договоре

которыми обменивались правительства перед заключением договора? Это чисто правительственные документы и они не являются аргументацией о самом договоре. Эти документы можно представлять после сегодняшнего решения трибунала?
Председатель: Что это за документы, те что на странице 21?
Хорн: Это в связи с экземпляром номер Риббентроп 3.
Председатель: Где это?
Хорн: Это страница 14 документальной книги.
Председатель: Доктор Хорн, трибунал хочет знать к какой теме процесса это относится.
Хорн: Я хотел объяснить ими немецкое мнение о Версальском договоре. Риббентроп экземпляр номер 2 это нота Германии Соединённым Штатам которая содержит предложение о перемирии и заключении мира. И я хотел далее показать следующей нотой, что это предложение основывалось на вильсоновских Четырнадцати пунктах. Далее, экземпляром Риббентроп номер 4, я хотел представить доказательства о том, что мир и перемирие должны были заключаться на основе Четырнадцати пунктов с двумя исключениями. Я также хотел показать экземпляром Риббентроп…
Максвелл-Файф: Милорд, я стараюсь не прерывать, но по сути этот такой же вопрос о котором трибунал распорядился две недели назад, когда подсудимый Геринг, как я думаю, ходатайствовал о документах именно такого характера, и о котором, как я понимаю, трибунал распорядился этим утром. Вопрос совершенно ясный, единственный вопрос на который это может быть направлено это соответствовал ли Версальский договор Четырнадцати пунктам и если нет, потому был несправедливым договором, что прямо соответствует распоряжению трибунала час назад.
Хорн: Могу я кое-что добавить?

Как понял я и мои коллеги сегодняшнее распоряжение трибунала, единственный запрет касается заявлений трибуналу о несправедливости договора и том факте, что он доказано был заключён под давлением. Мы не поняли решения другим образом.
Председатель: Вот почему я спросил вас о том, к какому вопросу это относится и вы сказали о том, что это относится к демонстрации того, каким было немецкое мнение перед заключением договора и это выглядит относящимися только к вопросу был договор справедливым или нет.
Хорн: Лично я тоже не хочу демонстрировать с помощью этого документа был он справедливым или несправедливым миром, а только то, что это был договор с множеством правовых неадекватностей, поскольку основной договор не согласовывался с соглашениями о предварительном договоре.
Председатель: Что же, если основной договор не соответствовал предварительному договору, тогда основной договор, был бы согласно такой аргументации

несправедливым договором. Это именно то, о чём распорядился трибунал.

Хорн: Господин председатель, по этой причине я только, что опустил документы и сказал о том, что не ссылаюсь на них в виду этого распоряжения. Я перехожу к документу номер 8.

Председатель: Так как вы собираетесь рассмотреть много документов, мы можем прерваться на 10 минут.

[*Объявлен перерыв*]

Додд: Я не хочу занимать много времени трибунала, но ввиду заявления доктора Хорна о состоянии подсудимого фон Риббентропа, я думаю требуется, чтобы мы проинформировали трибунал о ситуации как мы её понимаем, которая отличается от той как её понимает доктор Хорн.

Я поговорил с полковником Андрусом[95] и с одним из врачей. Полковник Андрус поговорил с обоими и наше понимание заключается в том, что Риббентроп не болен и способен давать показания, у него невроз и кажется испуг, но он не ограничен ни в каком смысле и способен дать показания.

Хорн: Я перехожу к странице 21 документальной книги и прошу суд принять уведомление о документе выступающим как Риббентроп экземпляр номер 8. Это копия, снова из «Dokument der Deutschen Politik», том 4, который подписан и передан суду. Это речь посла фон Риббентропа на 91-й сессии совета Лиги наций в Лондоне, по поводу советского пакта, Локарнского пакта и немецкого мирного плана. Речь была произнесена 19 марта 1936. Я ссылаюсь на страницу 3 речи и начинаю свою цитату с номера 5. Я цитирую:

> «Согласно этому альянсу, Франция и Россия назначают себя судьями в своих собственных делах путем независимого определения агрессора при возникновении повода, без резолюции или рекомендации Лиги наций и соответственно способны пойти войной на Германию по своему собственному усмотрению.
>
> Такое строгое обязательство двух стран четко и однозначно очевидно из параграфа 1 подписанного протокола договора об альянсе. Это значит: в данном случае Франция может по собственному суждению решать о том является ли Германия или Советская Россия агрессором. Она просто оставляет за собой право не подвергаться в связи с военными действиями, основанными на таком индивидуальном решении, санкциям со стороны держав, гарантирующих Рейнский пакт, а именно Англии и Италии.
>
> С точки зрения закона и реалистической политики, такая оговорка

95 Бёртон Андрус (1892 – 1977) – полковник армии США. В августе 1945 – октябре 1946 комендант тюрьмы при Международном военном трибунале.

является бессмысленной.

В правовых терминах: как Франция способна предвидеть, самостоятельно определив агрессора, какое отношение от гарантов Локарнского пакта последует после её одностороннего определения? Ответ на вопрос о том побоится ли Франция санкций в таком случае зависит на практике не только от верной приверженности пакту гарантов – чему германское правительство не желает заявлять никаких возражений, но также по большей части от различных предпосылок чисто фактического характера, о вероятности или невероятности которых нет предварительной осведомлённости. Однако, кроме того, оценка соотношения между новым союзным договором и Рейнским пактом не может зависеть от договорных отношений между Францией и Германией с одной стороны и гарантирующими державами с другой, а только от прямых договорных отношений между непосредственно Францией и Германией. В противном случае можно было бы ожидать от Германии молчаливого терпения при каждом возможном нарушении Рейнского пакта Францией, уверенной в том, что гаранты обеспечат её безопасность. Разумеется, не это является намерением Рейнского пакта.

В терминах реалистической политики: Когда на страну нападает такая превосходящая военная коалиция вследствие решения, неправильного, потому что оно было принято заранее в интересах одной из сторон, это пустое утешение, получить свое право в последующих санкциях против агрессоров, осужденных советом Лиги наций. Какие же санкции, по сути, могут ударить по коалиции от Восточной Азии до Канала[96]? Эти две страны настолько мощные и важные члены и в особенности сильные факторы Лиги наций, что согласно всем практическим соображениям, санкции были бы немыслимыми с самого начала.

Следовательно, эта вторая оговорка, касающаяся рассмотрения возможных санкций, не имеет никакого значения с реалистической политической точки зрения.

Теперь я прошу членов совета иметь в виду не только юридические и практические политические рамки этого обязательства Франции действовать независимо, но прежде всего спросить себя, можно ли отстаивать мнение правительства Германии того времени, которое подписав Локарнский пакт, взяло бы на себя обязательства по этому пакту, если бы он содержал такие односторонние положения, которые возникли теперь».

96 Ла-Манш, или Английский канал — пролив между побережьем Франции и островом Великобритания.

Сейчас я перехожу к странице 26 документальной книги и этому же документу и к разъяснению немецкой точки зрения, я добавляю следующее. Я цитирую:

> «Но франко-советско-русский альянс означал, помимо этого – в виду истории германского правительства – полное устранение существовавшего европейского баланса и соответственно фундаментальных политических и правовых условий в которых тогда заключался Локарнский пакт».

Этим Германия выразила правовую основу своего отношения к Локарнскому пакту и Версальским нормам по поводу демилитаризации Рейнланда. Для того, чтобы подтвердить свою волю к разоружению, есть тот же самый документ на странице 7, то есть, страница 27 документальной книги. Исчерпывающее и подробное предложение о разоружении.

Я прошу трибунал принять в качестве доказательства цитированный документ для того, чтобы я мог на него позже сослаться.

На этом я завершаю свою презентацию о причинах Германии реоккупировать Рейнланд. По поводу роли подсудимого фон Риббентропа в оккупации Рейнланда, я выскажусь, когда вызову подсудимого для дачи показаний.

После оккупации Рейнланда подсудимый фон Риббентроп вернулся в Лондон, где он тогда был послом. 4 февраля 1938 он был назначен министром иностранных дел и с этого времени он вёл внешнюю политику в чертах установленных Гитлером. В доказательство этого заявления я ссылаюсь на экземпляр номер Риббентроп 10, находящийся в документальной книге. Это очень короткий документ, который я предъявляю трибуналу для уведомления. Это фрагмент из речи фюрера в германском Рейхстаге в здании Кролль-опера в Берлине 19 июля 1940. Я цитирую:

> «Я не могу не закончить эту похвалу не поблагодарив человека который годами проводил мою внешнюю политику с верной, безустанной, жертвенной отдачей.
>
> Имя члена партии фон Риббентропа будет на все времена связано с политическим восходом немецкой нации как делом рейхсминистра иностранных дел».

Я предъявляю трибуналу цитату, чтобы показать согласно каким принципам подсудимый фон Риббентроп должен был проводить внешнюю политику.

Сейчас я хочу попросить трибунал заслушать свидетеля, государственного секретаря фон Штеенграхта[97].

---

97 Адольф Штеенграхт фон Мойланд (1902 — 1969) — дипломат, руководящий сотрудник рейхсминистерства иностранных дел Германии, государственный секретарь МИДа (31 марта 1943 года — май 1945 года). Американским трибуналом был приговорён к 7 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

[*Свидетель фон Штеенграхт занял место свидетеля*]

Председатель: Пожалуйста, вы назовете своё имя?
Штеенграхт: Адольф фон Штеенграхт.
Председатель: Повторяйте за мной присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим, что я говорю чистую правду и не утаю и не добавлю ничего».

[*Свидетель повторил присягу на немецком языке*]

Председатель: Вы можете сесть, если хотите.
Хорн: Какая у вас была последняя должность в министерстве иностранных дел?
Штеенграхт: С мая 1943 я был государственным секретарем министерства иностранных дел.
Хорн: В чём заключалась ваша деятельность?
Штеенграхт: Для того, чтобы представить мою деятельность понятным образом, я должен сделать следующие вступительные замечания:

С начала войны, министр иностранных дел имел свой кабинет рядом со ставкой Гитлера, то есть в большинстве случаев в нескольких сотнях километров от Берлина. Там он вёл дела с ограниченным штатом. Министерство иностранных дел в Берлине выполняло обязанности рутинного и административного характера. Но прежде всего, его обязанности также заключались в осуществлении регулярных сношений с зарубежными дипломатами.

В рамках данной сферы обязанностей, я несу ответственность как государственный секретарь с мая 1943. Формирование внешнеполитического мнения, решений и инструкций во внешней политике, с другой стороны, происходило в ставке, по большей части без всякого участия, иногда без последующего информирования министерства иностранных дел.
Хорн: Кто определял основные направления внешней политики?
Штеенграхт: Внешняя политика, не только в основных направлениях, но также обычно вплоть до самых мелочных деталей, определялась лично Гитлером. Риббентроп часто говорил о том, что фюреру не нужен министр иностранных дел, он просто хотел внешнеполитического секретаря. Риббентроп, по моему мнению, был бы удовлетворён такой позицией, потому что, по крайней мере, имея авторитет Гитлера, он бы мог устранять отчасти деструктивные и косвенные внешнеполитические влияния и их воздействие на Гитлера. Возможно, он тогда мог бы влиять на речи Гитлера, которые последний привык формулировать без Риббентропа, даже во внешнеполитической сфере.
Хорн: Существовали другие ведомства или личности, в дополнение к министерству иностранных дел, занимавшиеся внешней политикой?

Штеенграхт: Да, в партии после 1933 не было такого ведомства или организации которые не имели внешнеполитических амбиций. Каждое из этих ведомств имело своего рода бюро с помощью которого оно устанавливало связи с зарубежными странами в попытке получить собственные внешнеполитические каналы.

Я склонен судить об их количестве как приблизительно тридцати. Например, Гитлерюгенд, СА, Германский трудовой фронт[98], СС, ведомство Розенберга с внешнеполитическим управлением, министерство пропаганды, ведомство Вальдека[99], ведомство Риббентропа, Нордическое общество[100], далее ФДА, Германская академия[101], железные дороги Рейха и другие. Кроме этих ведомств, непосредственное окружение Гитлера и личности типа Гиммлера, Геббельса и Бормана имели влияние на формирование внешней политики. Как я понимаю, Геринг также имел определённое влияние, но только до 1938, во всяком случае, в вопросах внешней политики вряд ли позже.

Хорн: Фон Риббентроп предпринимал усилия, чтобы предотвращать такие влияния или исключать их?

Штеенграхт: По моему собственному наблюдению, я могу высказать только следующее суждение: почти каждый из этих людей, которые никогда не жили в зарубежных государствах и которые, как случайный коммивояжер Третьего Рейха, в мирное время или после оккупации зарубежной страны, хорошо питался в столице той или другой зарубежной страны, считал себя непревзойдённым экспертом по этой стране. Все они имели пристрастие к тому, чтобы донести своё просвещение и проницательность до Гитлера. К сожалению, чем дальше они находились от подлинных условий, тем больше они противоречили политическим потребностям и необходимостям, и в особенности, к сожалению, чем сильнее показывали так называемую силу и чем больше они вступали в противоречие с элементарным чувством гуманности, тем больше они нравились Гитлеру. Так, Гитлер считал такие заявления и выражения твердым суждением, и иногда они имели непоправимое влияние, формируя в уме Гитлера, вместе с так называемой интуицией, некую фундаментальную идею. О возможности возражения, которая является простой для эксперта, чтобы критиковать такое мнение или взгляд, я хочу заметить следующее: до тех пор пока будущий немецкий посол в Париже был учителем рисования, Гитлер с интересом читал его доклады, но, когда он становился официальным

98 «Германский трудовой фронт», DAF — в нацистской Германии объединённый профсоюз работников и работодателей.

99 Йозиас Георг, наследный принц Вальдек-Пирмонтский (1896 — 1967) — наследный принц Вальдек-Пирмонта, один из высших офицеров СС (6 октября 1938 года — 8 мая 1945 года), высший руководитель СС и полиции «Фульда-Верра» (Кассель), командующий оберабшнитом СС «Фульда-Верра» (1 января 1937 года — 8 мая 1945 года). Сотрудник МИД Германии в 1933-1934. Американским судом был приговорён к пожизненному лишению свободы. Освобожден досрочно.

100 Нордическое общество – германо-скандинавская культурная организация созданная в 1921. В 1933 находилось под контролем нацистской партии.

101 Германская академия (Академия по изучению и распространению германизма) – немецкое культурное учреждение основанное в 1925 году в Мюнхене с целью распространения немецкого языка.

представителем Рейха, его доклады в основном выбрасывали непрочитанными в мусорную корзину. С другой стороны играли роль доклады Гиммлера, спорные мнения Геббельса, и влияние Бормана, решающую роль играли доклады агентов которые нельзя было проверить и которые имели больший вес чем мнения экспертов по странам.

Хорн: Министерство иностранных дел было ответственным за отношения со всеми зарубежными странами?

Штеенграхт: Я хочу далее заметить, что я пока не ответил на вторую часть вашего вопроса, а именно об устранении этого влияния.

Учитывая методы работы Гитлера, эти так называемые контрвлияния просто нельзя было устранить. Против этой «организованной дезорганизации» Риббентроп вёл неослабную, ожесточённую войну, почти против всех немецких ведомств. Я хочу далее сказать, что, по крайней мере, 60 процентов его времени было занято только этими вещами.

Хорн: Министерство иностранных дел было ответственным за отношения со всеми зарубежными странами?

Штеенграхт: В мирное время, да.

Хорн: С началом войны положение министерства иностранных дел изменилось?

Штеенграхт: Да. На самом деле, министерство иностранных дел утрачивало свою компетенцию, когда немецкий штык пронизывал границу. Исключительное право поддерживать прямые отношения с зарубежными правительствами исключалось на всех оккупированных территориях, в большинстве случаев даже право иметь представителя министерства иностранных дел для наблюдения и без компетенции. Это в особенности правда для восточных территорий и Норвегии.

Там, где Риббентроп прилагал усилия поддерживать, несмотря на оккупацию определённую степень независимости страны, как например в Норвегии, эта деятельность наших дипломатов называлась слабой, предательской, глупой и ответственные за неё вынуждены были сразу её прекращать по приказам Гитлера и исчезали из министерства иностранных дел.

В целом изменение положения министерства иностранных дел во время войны лучше всего характеризуется заявлением Гитлера: «Министерство иностранных дел должно, насколько возможно, исчезнуть из поля зрения до конца войны». Гитлер хотел сократить министерство иностранных дел до 20-40 человек, даже частично запрещалось устанавливать или поддерживать всякую связь с министерством иностранных дел.

Министерство иностранных дел, как таковое, и его сотрудники презирались Гитлером. Он считал их объективными юристами, пораженцами и космополитами, которым можно поручить дело, если его нельзя выполнить.

Хорн: В Германии была внешняя политика в традиционном смысле?

Штеенграхт: Нет, по крайней мере, я не замечал ничего такого, так как Гитлер в

свою очередь говорил: «Дипломатия это обман народа. Договоры это ребячество, их уважают только до тех пор пока они полезны партнерам». Таким было мнение Гитлера о дипломатах всего мира.

Хорн: Министерство иностранных дел имело какое-нибудь влияние на восточных территориях и территориях которые находились под гражданской администрацией?

Штеенграхт: Я уже затронул этот вопрос. Я уже сказал о том, что на территориях на которых было военное правительство или гражданская администрация, представитель министерства иностранных дел – если его вообще терпели – допускался только как наблюдательный пост, во всяком случае, не имея никаких функций, правило было таким.

Думаю я бы зашёл слишком далеко если бы прошёл по условиям в каждой стране. Обстановка отличалась.

Хорн: Вы считаете фон Риббентропа типичным национал-социалистом или нет?

Штеенграхт: Риббентроп был в целом, не типичным образцом национал-социализма. Он крайне мало знал о догме и доктринах национал-социализма. Он ощущал себя лично связанным только с Гитлером, за которым он следовал с солдатской преданностью, и он гипнотически зависел от Гитлера. Однако, я не могу охарактеризовать его как типичный образец национал-социализма.

Хорн: Гитлер был человеком который был восприимчив к предложениям и возражениям?

Штеенграхт: В первые годы после 1933 говорили о том, что он был таким, но с течением лет он всё сильнее и сильнее закрывался от экспертных мнений и предложений. С того времени, когда я стал государственным секретарем, я видел его только дважды по официальным поводам. Таким образом, я могу говорить только об успешности или неуспешности нашей работы. Во время своей деятельности, охватывающей почти 2 года, я сейчас не могу вспомнить почти ни одного случая в котором он согласился хотя бы с одним из наших предложений. Напротив, всегда был страх того, что какое-то предложение личного характера приведёт его к жестокой акции в противоположном направлении. Главной чертой его характера наверное было недоверие, и из-за этого возникали беспрецедентные результаты. Таким образом, эксперты и достойные люди которые пытались влиять на Гитлера, чтобы склонить его к своему ходу мыслей, по моему мнению, были безуспешными. С другой стороны, безответственные существа которые настраивали его на жестокие меры, или которые озвучивали свои подозрения, к сожалению, с легкостью получали к нему доступ. Этих людей называли сильными, в то время как поведение любого кто был хотя бы наполовину нормальным осуждалось как слабое или пораженческое, в результате одного разумного слова, влияние этого человека полностью уничтожалось.

Хорн: Какие выводы делал Гитлер из противоречащих точек зрения в отношении людей с разногласиями?

Штеенграхт: Я не могу ответить на этот вопрос общими словами. Я уже показал это в своих предыдущих ответах. Прежде всего, реакция очень сильно зависела, по моему мнению, от настроения диктатора в то время. Важным было то, кто противоречит и насколько он выражал свою силу или слабость или казалось, что выражал. Однако атмосферу, наверное, можно продемонстрировать следующим случаем, вскоре после смерти президента Рузвельта, как рассказал Риббентропу связной агент у Гитлера, человек по имени Хевель[102]. Он говорил:

> «Сегодня я чуть не погиб. От фюрера пришёл Геббельс и сообщил о перспективах Германии постольку поскольку на фюрера повлияла смерть Рузвельта, и он нарисовал очень обнадеживающую картину будущего. У меня, Хевеля, было мнение о том, что такой взгляд неоправдан, и я очень аккуратно заметил это Геббельсу. Геббельс впал в ярость, назвав меня духом который деморализует каждого, который рушит хорошее настроение и надежды всякого достойного человека. Я был вынужден – сообщил Хевель – «специально пойти к Геббельсу и попросил его оставить этот случай при себе. Так, если бы он сообщил фюреру о моём отношении, Гитлер просто нажал бы кнопку и вызвал Раттенхубера[103], начальника своей службы безопасности и меня бы увели и расстреляли».

Хорн: Как вы объясняете факт, что многие люди оставались в окружении Гитлера, хотя они не могли согласиться с ним в основных вопросах?

Штеенграхт: Это правда, что многие люди остались на своих постах, хотя в душе они не одобряли методы правительства Гитлера и на самом деле были враждебны таким методам. Для этого были разные причины.

Первое, следует сказать о том, что НСДАП пришла к власти, согласно правилам парламентской процедуры будучи сильнейшей партией Рейхстага. Работавшие чиновники вообще не имели никакой причины уходить в отставку со службы из-за смены правительства. Вследствие смены на диктаторское правительство и совершенно другой концепции государства, что включало правительство, человек внезапно понимал, что ему уже нельзя занимать собственную позицию в отношении режима. Начался зловещий режим террора. Повсюду, в министерствах и канцеляриях, в частных домах и в ресторанах витали шпионы которые из фанатизма или за деньги, готовы были сообщать обо всём, что слышали.

Вместе с тем, многие умышленно рисковали тяжелейшими последствиями, если их уход мог хоть как нибудь, что-нибудь улучшить. Но стало очевидно, что

102 Вальтер Хевель (1904 — 1945) — немецкий дипломат во время Второй мировой войны и в межвоенный период, активный член НСДАП. Представитель МИД Германии в ставке Гитлера. Покончил жизнь самоубийством во время битвы за Берлин.

103 Ганс Раттенхубер (1897 — 1957) — группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции (24.2.1945), начальник личной охраны Гитлера и службы безопасности в 1933-1945. В СССР осуждён к 25 годам лишения свободы, в 1955 передан ФРГ.

такие люди просто безуспешно жертвовали собой и в особенности своими семьями, потому что дела такого рода тщательно скрывали от публики и поэтому не имели никакого эффекта. Хуже всего был тот факт, что на вакантную должность назначали особо радикального человека. Многие люди понимали это и оставались на своих постах для того, чтобы предотвратить такое развитие событий которое я описал. Большое количество жестокостей совершённых или приказанных Гитлером или Гиммлером привели многих иностранцев к выводу о том, что немецкий народ полностью разделял вину за эти преступления, или по крайней мере имел о них сведения. Такого не было. Большинство людей даже на высших правительственных позициях не знали об этих делах – или той мере в которой они совершались – до того как закончилась война. Наверное, ключ к этому находится в речи которую Гиммлер произнес в Позене 3 октября 1943 своим группенфюрерам, и о которой я впервые узнал здесь. Эта речь была направлена на то, чтобы его специальные задачи – это означает акции против евреев и концентрационные лагеря – держались в тайне также как события 30 июня 1934[104] о которых немецкий народ только сейчас узнал подлинную историю.

Вина за все эти события лежит на сравнительно небольшой группе, которую можно оценить в несколько тысяч людей. Это они осуществляли беспримерный террор против немецкого народа. Но те кто думал по-другому это те благодаря кому, например не отменили Женевескую конвенцию[105], не расстреляли десятки или даже сотни английских и американских лётчиков и пленных, вернулись к своим семьям в свои родные страны несчастные пленные, которые были серьезно ранены; насколько возможно был стабилизирован обмен в Греции при страшной нужде в пище, также как в Бельгии и Франции, и частично удалось предотвратить или по крайней мере уменьшить военное бессмысленное разрушение приказанное в зарубежных странах и на родине, на самом деле принципы человеческой гумманости, по крайней мере в некоторых местах остались живы. Эти круги ранее были разочарованы в своем отношении тем фактом, что ни одна зарубежная держава не использовала условия в Германии в качестве причины разрыва всех дипломатических отношений, но почти все, до начала войны вели переговоры с национал-социализмом, заключали договоры и даже имели дипломатических представителей на национал-социалистических съездах в Нюрнберге. Особо отмечалось, что национал-социалистическая Германия, во всяком случае внешне, получала гораздо больше внимания, понимания и уважения от зарубежных стран чем имела Веймарская республика несмотря на всю её верность договорам или её

---

104 «Ночь длинных ножей» (Путч Рёма) — расправа Гитлера над штурмовиками СА, произошедшая 30 июня 1934 года. Кодовое название — операция «Колибри». Поводом для расправы послужила нелояльность штурмовиков во главе с Эрнстом Рёмом и подозрения в подготовке путча.

105 Женевская конвенция об обращении с военнопленными, иначе называемая Женевская конвенция 1929 года была подписана в Женеве 27 июля 1929 года. Её официальное общепринятое название конвенция об обращении с военнопленными. Вступила в силу 19 июня 1931 года. Именно эта часть Женевских конвенций регулировала обращение с военнопленными во Второй мировой войне.

честности.

Затем началась война со своими особыми обязанностями для гражданских служащих, офицеров и каждого отдельного немца. Должны ли были, и если да то когда и как эти люди которые остались служащими нации, оставить свои посты в таких обстоятельствах? Сделав так, прежде всего, был бы такой шаг полезным для их страны и человечества? Они бы напугали Гитлера или даже предупредили его?

Хорн: Вы вносили мирные предложения внешнеполитического характера фон Риббентропу после французской кампании?

Штеенграхт: Да. Если быть точным, тогда я не имел официальной позиции. Но несмотря на это я считал необходимым, и кажется это было искренним желанием многих, если не всех, немцев, снова видеть мирные условия как можно скорее. В день капитуляции короля бельгийцев, я предложил:

Во-первых, создание Соединённых Штатов Европы на демократической основе. Это бы означало независимость Голландии, Бельгии, Польши и так далее.

Во-вторых, если этого нельзя было добиться у Гитлера, во всяком случае нужно было насколько возможно иметь как можно меньше посягательств на автономию стран.

Хорн: Фон Риббентроп говорил с Гитлером по данному вопросу?

Штеенграхт: Насколько мне известно, да. Но тогда Гитлер считал такие планы преждевременными.

Хорн: Вы говорили снова с фон Риббентропом зимой 1942-43 на эту тему?

Штеенграхт: Да. Риббентроп тогда также разработал очень конкретные предложения. Они предусматривали суверенитет и независимость всех покорённых стран, включая Польшу и в дополнение далекоидущее экономическое сотрудничество.

Хорн: Как Гитлер отреагировал на эти предложения.

Штеенграхт: Гитлер отверг эти предложения указав в качестве причины тот факт, что время неподходящее, военная обстановка была недостаточно благоприятной, и это бы интерпретировали как признак слабости.

Хорн: Другой вопрос. Перед началом русской кампании, фон Риббентроп не напоминал Гитлеру высказывание Бисмарка[106] об опасности превентивных войн?

Штеенграхт: Риббентроп несколько раз говорил мне о том, что его очень волновал пакт с Россией. В отношении превентивной войны, он заявил Гитлеру: «Хороший бог никому не позволяет подсматривать в свои карты». Я также знаю о том, что Риббентроп прилагал усилия для того, чтобы доставить к Гитлеру наших экспертов по России для того, чтобы объяснить ему обстановку там и отговорить его от войны. Насколько мне известно Гитлер не допустил к себе этих людей. Только послу графу Шуленбургу[107] была предоставлена короткая аудиенция. Однако, он, тот кто считал

106 Отто фон Бисмарк (1815 — 1898) — первый канцлер Германской империи, осуществивший план объединения Германии по малогерманскому пути и прозванный «железным канцлером».
107 Фридрих фон дер Шуленбург (1875 — 1944) — немецкий дипломат, посол Германии в СССР (1934—1941).

войну нерекомендуемой и категорически отвергал идею, не смог привести свои взгляды на Россию и причинах против войны, так как Гитлер произнес собственную речь по этой теме, через 20 минут он резко его выпроводил, не позволив сказать ему ни слова.

Председатель: Доктор Хорн, распоряжение трибунала заключалось в том, что свидетель может освежать свою память при помощи записей, но этот свидетель, как кажется, трибуналу прочёл почти каждое сказанное слово. Это не освежение памяти с помощью записей. Это речь которую вы написали заранее, и если такого рода вещи продолжатся трибунал рассмотрит вопрос о том есть ли необходимость изменить это правило и придерживаться обычного порядка который заключается в том, что ни одному свидетелю нельзя обращаться ни к каким записям за исключением подготовленных вовремя.

Хорн: Господин председатель, точности ради, я обсуждал со свидетелем вопросы, но его записи, если они были составлены, составлены свидетелем независимо и без моих сведений о содержании. Сейчас я попрошу свидетеля отвечать на мои вопросы не используя никаких средств о которых я не знаю. Я не знаю – это я снова хочу подчеркнуть – не знаю эти ответы.

Свидетель, вам известно о том, что фон Риббентроп пытался использовать своё влияние на Гитлера для того, чтобы остановить вредные тенденции против церкви и евреев?

Штеенграхт: Да. Я знаю о том, что Риббентроп часто говорил с Гитлером на эту тему. Я был в абсолютном отчаянии по поводу политики в отношении церкви и евреев и по этой причине имел случаи часто говорить с ним об этом, как я сказал. Но он снова и снова объяснял мне, когда он возвращался от Гитлера: «С Гитлером нельзя говорить об этом. Гитлер сказал о том, что эти проблемы должны быть решены до его смерти».

Хорн: Фон Риббентроп и министерство иностранных дел имело какие-нибудь сведения о военном планировании?

Штеенграхт: Риббентроп часто говорил мне о том, что он полностью не ведает о военных делах. Что касалось министерства иностранных дел, оно понятия не имело о стратегическом планировании.

Хорн: Какими были отношения между Риббентропом, Гиммлером, Геббельсом и Борманом?

Штеенграхт: Отношения между Риббентропом и вышеуказанными господами были настолько плохими насколько можно представить. Между ними существовала постоянная борьба. По моему мнению, Риббентроп был бы первой жертвой Гиммлера если бы, что-то случилось с Гитлером. Постоянная борьба и вражда, я хочу заявить, шла между этими людьми с исключительно острой перепиской.

Участник заговора 20 июля против Адольфа Гитлера. Казнён.

Хорн: Какими были отношения между высшими партийными и государственными ведомствами?

Штеенграхт: Отношения между отдельными ведомствами естественно отличались согласно характеру и происхождению ведомственных начальников. Но можно сказать, что отношения были плохими во всём, и в особенности во взаимном информировании, так необходимом в государственных делах, практически никогда не проявлявшемуся. Ещё сложнее одному министру было обсудить вопрос с другим министром по телефону, нежели спустить с небес ангела Гавриила и поговорить с одним из нас. Даже по самым важным и существенным вопросам не могла состояться фактическая дискуссия. Другими словами, практически не было никакой связи между ведомствами. Более того, они сильно отличались как по характеру, так и по идеям.

Хорн: Вам, что-нибудь известно о возражениях Ватикана, прежде всего о польском духовенстве?

Штеенграхт: Я слышал об этом позднее, и должны были быть протесты по поводу польского католического духовенства. Эти две ноты были от нунция[108] государственному секретарю того времени. Затем, согласно порядку государственный секретарь передал их Риббентропу, и Риббентроп в свою очередь представил их Гитлеру. Поскольку Ватикан не признал Генерал-губернаторство и нунций не был компетентным за эти регионы, Гитлер, когда ему представили эти ноты, заявил:

> «Это просто полное вранье. Верните эти ноты нунцию через государственного секретаря в резкой форме и скажите ему о том, что вы никогда не примете их».

Хорн: Этими нотами занималось министерство иностранных дел?

Штеенграхт: Тогда были приняты резкие и точные инструкции о том, чтобы во всех случаях в которых представители стран затрагивают вопросы которые не находятся в их компетенции, будь то в беседах, или нотах, вербальных нотах, меморандумах или других документах, их не следует принимать и нужно отвечать устными протестами.

Хорн: Вам известно о том, что фон Риббентроп предотвратил расстрел 10000 военнопленных после ужасной воздушной атаки на Дрезден?

Штеенграхт: Да, я знаю следующее: однажды связной фон Риббентропа позвонил мне в сильном волнении. Он сообщил мне о том, что по предложению Геббельса, фюрер планирует, в качестве репрессалии[109] за сожжение Дрездена, расстрелять английских и американских военнопленных – кажется в основном лётчиков. Я сразу же поехал к Риббентропу и сообщил ему об этом. Риббентроп сильно

108 Апостольский нунций (в прессе также папский нунций) — постоянный дипломатический представитель папы римского в государствах, с которыми Святой Престол поддерживает дипломатические отношения.

109 Репрессалии — в международном праве правомерные принудительные меры политического и экономического характера, которые применяются одним государством в ответ на неправомерные действия другого государства.

взволновался, он стал белым как смерть, фактически он был потрясен и думал, что это невозможно, взял телефон и позвонил связному лично для того, чтобы подтвердить это сообщение. Связной это подтвердил. Тогда Риббентроп сразу же поехал к Гитлеру, вернулся через полчаса, и сказал мне о том, что он смог убедить Гитлера отменить этот приказ. Вот всё, что мне об этом известно.

Хорн: Вам, что-нибудь известно о созыве антиеврейского конгресса?

Штеенграхт: По поводу созыва антиеврейского конгресса я кое-что знаю, мне кажется, наш связной у Гитлера сообщил нам о том, что по предложению Бормана, Гитлер приказал созвать антиеврейский конгресс с помощью ведомства Розенберга. Риббентроп не хотел верить в это, но несмотря на это он принял это как правду, поговорив с нашим связным. Затем, поскольку на основании этого решения мы не могли ничего сделать официально, чтобы предотвратить это, мы несмотря на это, разработали это, и мы прилагали усилия проводя политику затягивания, отсрочки для предотвращения созыва. И хотя приказ отдали весной 1944, и война шла до апреля 1945, этот конгресс так и не состоялся.

Хорн: Вы могли замечать, часто ли по государственным причинам фон Риббентроп следовал твёрдой манере со своим штабом, хотя он иногда думал совершенно по-другому?

Штеенграхт: Это было бы суждением. Но мне кажется, я должен это подтвердить: думая о том, что он был верным Гитлеру, Риббентроп – как мне кажется – в таких случаях он шёл Гитлеру с предвзятым мнением и возвращался с полностью другим взглядом, пытаясь впоследствии объяснить взгляд Гитлера. Это он всегда делал с особой горячностью. Тогда я предполагал, что это было вопреки его собственным первоначальным мыслям.

Хорн: Фон Риббентроп во время войны просил пощадить Рим и Флоренцию?

Штеенграхт: Насколько мне известно, да. Он говорил об этом с Гитлером.

Хорн: Вы знакомы со статьей Геббельса в «Reich[110]» или может быть «Volkischer Beobachter[111]» о линчевании?

Штеенграхт: Да. Однажды случайно я пришел к Риббентропу, когда он читал газету и вновь был сильно взволнован. Он спросил меня, читал ли я статью, эту шокирующую статью Геббельса. Это была статья о линчевании.

Хорн: Фон Риббентроп заявил протест Геббельсу про эту статью?

Штеенграхт: Насколько мне известно, он поручил нашему начальнику прессы который имел связного у Геббельса заявить протест этой статье. Но к его удивлению он был вынужен увидеть, что этот протест был бесполезным, поскольку статью не только вдохновил, но, и как мне кажется, приказал Гитлер, и таким образом ничего нельзя было сделать.

Хорн: Какое отношение заняло министерство иностранных дел ввиду направления

110 «Рейх» - еженедельная газета министерства пропаганды Германии. Существовала в 1940-1945.

111 «Народный обозреватель» — немецкая газета. С 1920 года печатный орган НСДАП. Газета издавалась сначала еженедельно, с 8 февраля 1923 года ежедневно в издательстве Franz-Eher-Verlag.

этой статьи?

Штеенграхт: Министерство иностранных дел решительно отвергло статью, потому что она образовывала нарушение международного права и таким образом заставляла нас отступить от международного права в ещё одной сфере. Более того, она взывала к низменным человеческим инстинктам и наносила и внутренней и внешней политике большой урон.

Кроме того, такая статья, прочитанная несколькими сотнями тысяч или миллионами всё равно причиняла непоправимый ущерб. Поэтому мы настаивали на том, чтобы ни при каких обстоятельствах такие вещи снова не появлялись в прессе. Однако, я должен с сожалением сказать о том, что у нас было сложное положение в этом деле в особенности поскольку низколетящий самолёт часто расстреливал крестьян в полях и пешеходов на улицах, то есть чисто гражданских людей, своим убийственным оружием. И наша аргументация о том, что в данной сфере нужно соблюдать международное право ни при каких обстоятельствах не принималась во внимание ни большинством немецких ведомств, ни прежде всего лично Гитлером. Напротив, в данном случае нас рассматривали как юристов-формалистов. Но позднее мы попытались, насколько могли, с помощью военных ведомств предотвратить исполнение этого приказа.

Хорн: Вам известно о батальоне Гюнсберга[112]?

Штеенграхт: Я не знаю о батальоне Гюнсберг. Конечно, я знаю бывшего легационного советника фон Гюнсберга из министерства иностранных дел. Этот легационный советник фон Гюнсберг получил, насколько я помню – в то время я не выполнял никакой работы связанной с этими делами – получил от Риббентропа задание о следующем, с несколькими людьми из министерства иностранных дел и несколькими водителями, боевыми частями, следить за тем, чтобы, во-первых, в зарубежные миссии, например в Брюсселе и Париже и тому подобном, которые находились под защитой гарантирующих держав, не входили наши войска. И в то же время Гюнсбергу поручили охрану материалов зарубежных министерств иностранных дел представлявших внешнеполитический интерес.

После завершения французской кампании, Гюнсберг, насколько я помню, уже не находился на действительной службе в министерстве иностранных дел, а поступил в тайную полевую полицию, от которой он получил форму, потому что как гражданский он не мог войти в эти страны.

Хорн: Как и когда закончилась работа Гюнсберга?

Штеенграхт: Риббентроп утратил интерес после этих событий и первоначального поручения. Затем, после начала русской кампании, Гюнсберг, насколько я помню, снова явился и сказал о том, что он намерен делать тоже самое на востоке, и Риббентроп сказал ему:

---

112 Эберхард фон Кюнсберг (1909 — 1945) — немецкий национал-социалист, юрист и дипломат. Предположительно убит во время боёв за Будапешт.

«Да, очень хорошо. Вы можете поехать с несколькими людьми в группы армий и следить за всем, что представляет для нас интерес и также проследить за тем, чтобы, когда мы приблизимся к Москве в зарубежные миссии не входили и чтобы сохранялись документы».

Но он уже не считал себя относившемся к министерству иностранных дел и видимо получал приказы от других ведомств. Затем, как я услышал позднее, у него было много людей в подчинении и много автомобилей которые он также не мог получить от министерства иностранных дел, как и военную форму, поэтому он видимо работал на другие ведомства.

Хорн: Он уже не относился к министерству иностранных дел, во всяком случае, не в военном качестве?

Штеенграхт: Нет. И дополнительно, когда Риббентроп услышал о том, что он проводит такую большую работу, он лично поручил мне незамедлительно позвонить в СС и сказать о том, что он, Риббентроп больше не хотел иметь Гюнсберга, и тогда я сказал обергруппенфюреру Вольфу[113] о том, что я хочу заметить, что мы не хотели иметь к Гюнсбергу никакого отношения. Следите за тем, чтобы он оставался в Ваффен-СС вместе со своими подчинёнными. Вот всё, что мне известно о Гюнсберге.

Хорн: Хочет ли ваша светлость прервать допрос или мне продолжить со следующими вопросами?

Председатель: Если вы не собираетесь закончить сейчас же, нам лучше прерваться. Вы пока будете с этим свидетелем?

Хорн: У меня есть ещё ряд вопросов.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 27 марта 1946*]

113 Карл Вольф (1900 — 1984) — один из высших офицеров СС, обергруппенфюрер СС и генерал войск СС. Главный адъютант Г. Гиммлера в 1935-1945.

День девяносто второй

Среда, 27 марта 1946

Утреннее заседание

Хорн: Свидетель, вам знаком граф Чиано[114]. Когда и где вы его встретили?

Штеенграхт: Я знал графа Чиано, но не в политическом смысле, а только лично. Я не могу точно вспомнить, когда я его встретил, возможно поводом был государственный визит. В то время я работал в протокольном департаменте министерства иностранных дел.

Хорн: Какой опыт у вас остался от графа Чиано?

Штеенграхт: Поскольку я не работал с ним политически, я не имел с ним политического опыта.

Хорн: Итак, другая тема. Верно, что господин фон Риббентроп отдал приказы о том, чтобы французский франк поддерживался против инфляции?

Штеенграхт: Такие меры можно отнести ко времени пока я не был государственным секретарем. Но мне известно основное отношение к Франции и всем оккупированным территориям заключавшееся в том, чтобы в любых обстоятельствах их валюту сохраняли как только возможно или даже сохраняли всеми средствами. Вот почему мы часто посылали золото в Грецию для того, чтобы в какой-то мере пытаться поддерживать валютный курс.

Хорн: Чего добивались, направляя в Грецию золото?

Штеенграхт: Направляя золото в Грецию, мы понижали обменный курс зарубежных валют. Таким образом, греческие торговцы которые в большом количестве запасли продовольствие, испугались и выбросили продовольствие на

114 Галеаццо Чиано (1903 — 1944) — итальянский политик и дипломат периода фашизма, зять Бенито Муссолини. Убит фашистскими элементами за предполагаемое предательство.

рынок и таким образом оно снова стало доступно для греческого населения.

Хорн: Верно, что фон Риббентроп дал строжайшие приказы о том, чтобы не предпринимать никакой конфискации на оккупированных территориях, а вести дела только напрямую с их правительствами?

Штеенграхт: Если вы задаете такой вопрос, это в целом правильно, но я скажу, как сказал вчера, что в принципе мы вообще не имели функций на всех оккупированных территориях, поэтому не имели власти конфисковать, как и не имели такой компетенции в других ведомствах, но правильно, что мы вели переговоры только с зарубежными правительствами и что фон Риббентроп строжайше запретил нам поддерживать любые прямые меры по поводу оккупированной страны которые проводились другими ведомствами.

Хорн: В настоящее время у меня нет вопросов к свидетелю.

Кубушок: Свидетель, вы хорошо знакомы с фон Папеном в виду того, что вы работали в министерстве иностранных дел и в частности во время работы государственным секретарём в министерстве иностранных дел?

Штеенграхт: Я знал господина фон Папена за несколько лет до 1933, но в частном порядке. Затем я на некоторое время потерял его из вида и возобновил с ним контакт, когда я стал государственным секретарём в германском министерстве иностранных дел. Затем я постоянно взаимодействовал с ним в официальном и неофициальном качестве.

Кубушок: Вы, в частности в последний период вашей деятельности как государственного секретаря постоянно получали отчеты которые фон Папен, посол в Анкаре посылал в Берлин?

Штеенграхт: До тех пор пока господин фон Папен посылал доклады напрямую фон Риббентропу – что могло быть возможно, я не знаю – я получал их еженедельно через официальные каналы.

Кубушок: Вы помните о том, что после двух предыдущих отказов, фон Папен принял пост посла в Анкаре в апреле 1939, в день оккупации Италией Албании, в результате чего возникла острая угроза войны на юго-востоке?

Штеенграхт: Тогда я не был государственным секретарём и также не имел политической позиции, поэтому я не знаком с событиями этого периода. Но сегодня у меня сложилось впечатление о том, что он принял пост после оккупации итальянцами Албании. И он сам позднее говорил мне о том, что тогда была опасность того, что итальянцы пойдут дальше на Балканы, возможно вызвав конфликт с Турцией, в результате чего могла возникнуть угроза миру. По этой причине он решил принять пост. В какой именно день, я не могу сказать.

Кубушок: Что вы в целом можете сказать об усилиях господина фон Папена о мире?

Штеенграхт: У меня сложилось впечатление о том, что господин фон Папен всегда стремился к сохранению мира всеми средствами. Он, разумеется, считал, что это будет огромной катастрофой для Германии и мира если начнётся война.

Кубушок: Были ли усилия, предпринятые фон Папеном во время войны для установления мира, направлены на недопущение любых аннексий, независимо от военного исхода, и на полное восстановление суверенитета оккупированных территорий, короче говоря, на достижение посредством разумного отказа сносного статуса для всех европейских стран?

Штеенграхт: В принципе было совершенно ясно, что фон Папен всегда работал ради восстановления мира в условиях, которые бы восстановили полный сувернитет для всех стран, таким образом, не приводя ни к ущемлению, ни к ущербу, материальному или иному никаким зарубежным странам.

Кубушок: Таким было отношение фон Папена даже во время величайших немецких военных успехов?

Штеенграхт: Мне кажется, что такое его отношение никогда не менялось.

Кубушок: Его постоянные усилия по созданию мира вменялись фон Папену в вину Гитлером, и в связи с этим он считался несогласным раскольником?

Штеенграхт: У меня не было возможности обсудить это с Гитлером, я знаю только о том, что его в целом критиковал Гитлер и другие люди как человека, который всегда следовал слабой линии.

Кубушок: Господин фон Папен откровенно признавал, что мир был невозможен до тех пор пока Гитлер и партия существовали в Германии и отсутствовало доверие необходимое для переговоров с заграницей?

Штеенграхт: Да, я думаю должно быть в апреле 1943 или мае 1943, я подробно говорил с фон Папеном о теме в целом, поскольку, тогда, я только стал государственным секретарем. Тогда он очень четко озвучил мнение, которое вы мне описали. Ему было совершенно ясно, что зарубежные страны не заключат никакого мира с Гитлером при тех методах, которые он использовал.

Кубушок: И последний вопрос, свидетель: обвинительное заключение вменяет подсудимому фон Папену беспринципный оппортунизм. Вы, свидетель, знаете подсудимого по докладам и всем официальным отношениям подсудимого с его вышестоящим руководством на протяжении ряда лет. У вас в силу этих сведений, сложилось впечатление о том, что такая характеристика фон Папена правильная или вы можете сказать, что в силу этих докладов и этих официальных отношений, фон Папен казался вам человеком который всегда говорил правду, даже если эта правда неприятна для его не совсем довольных начальников и даже, когда озвучивание этой правды означало для него личную опасность?

Штеенграхт: Я могу сказать, что это абсолютно так. Я считаю лучшим доказательством этого то, что господина фон Папена окончательно устранили с должности вице-канцлера и отправили в отставку из правительства, затем он стал частным лицом и призывался только при срочной необходимости. По моему мнению фон Папен предоставлял себя лишь потому, что он говорил о себе: «У меня пока осталось доверие, я правоверный католик и соответственно я представляю

отношение которое противостояло всей бесчеловечности, и т.д. Возможно, я могу, в результате своего вмешательства, оказать некое влияние в таком направлении». Лично я никогда не присутствовал на встрече или совещании которые проходили между Гитлером и фон Папеном, но, в особенности от моего связного у Гитлера, я часто слышал о том, что фон Папен, аккуратным образом, часто говорил Гитлеру многие вещи которые больше никто не мог сказать Гитлеру и мне кажется, что в результате такой манеры он предотвратил ряд вещей, по крайней мере на время.

Кубушок: Спасибо.

Нельте: Свидетель, вы заявили о том, что Гитлер, ввиду ужасной бомбовой атаки на Дрезден намеревался отдать приказ, согласно которому тысячи военнопленных должны были быть убиты в качестве репрессалии.

Штеенграхт: Да.

Нельте: Я правильно помню ваши вчерашние показания о том, что всё, что вы сказали по этому вопросу это информация от или на основе информации от господина фон Риббентропа?

Штеенграхт: Нет.

Нельте: Что вам лично известно об этом?

Штеенграхт: Из личных сведений я знаю только о том, что наш связной при Гитлере позвонил мне по телефону и сказал мне о том, что Геббельс предложил Гитлеру о том, чтобы 10000 или больше британских и американских пленных расстреляли в качестве репрессалии и о том, что Гитлер согласится или согласился. Я немедленно сообщил об этом фон Риббентропу, и он сразу же поехал и рассказал мне спустя полчаса о том, что приказ отменен. В связи с этим мне ничего неизвестно о фельдмаршале Кейтеле.

Нельте: Таким образом, вы не знаете, от кого исходил этот приказ?

Штеенграхт: Нет.

Нельте: Я имею в виду, кто предложил его.

Штеенграхт: Предложение об этом приказе очевидно поступило от Геббельса согласно той информации которую я получил.

Нельте: Вы имеете в виду, от господина фон Риббентропа?

Штеенграхт: Кто?

Нельте: От господина фон Риббентропа?

Штеенграхт: Нет, фон Риббентроп не имел к этому никакого отношения.

Нельте: Тогда от Хевеля?

Штеенграхт: Господин Хевель сказал мне об этом. Он позвонил мне и рассказал мне это.

Нельте: И вам ничего неизвестно об участии военных?

Штеенграхт: Я ничего не знаю об участии военных.

Нельте: Большое спасибо.

Латернзер: Свидетель, у меня есть только один вопрос. Вы, как государственный

секретарь или министерство иностранных дел регулярно информировали военные ведомства, например, высшее командование армии или высшее командование флота о важных вопросах немецкой политики?

Штеенграхт: Нет, их не информировали.

Латернзер: У меня больше нет вопросов.

Председатель: Британский обвинитель желает провести перекрёстный допрос?

Филлимор: Свидетель, вчера вы нам сказали о том, что подсудимый Риббентроп был против преследования церквей, был против преследования евреев и не знал о том, что происходило в концентрационных лагерях. Вы сказали нам о том, что он не был типичным нацистом. А что определяет типичного нациста?

Штеенграхт: Под типичным национал-социалистом, я имею в виду человека который фанатично признавал и представлял все доктрины национал-социализма.

Господин фон Риббентроп, как я сказал, лично следовал за Гитлером, но он на самом деле знал непривычно мало о любой другой идеологии и никогда об этом не волновался. Он никогда не выступал на митингах, никогда не участвовал в крупных съездах, и поэтому, он на самом деле знал крайне мало о людях и настроениях людей.

Филлимор: Под «типичным нацистом» вы имеете в виду кого-то, кто преследовал церкви?

Штеенграхт: Я не понял этот вопрос.

Филлимор: Я повторю. Под «типичным нацистом» вы имеете в виду человека принимавшего участие в преследовании церквей?

Штеенграхт: В любом случае, такого кто, если Адольф Гитлер считал это правильным, не высказывал своего личного мнения по данному вопросу.

Филлимор: И человека, который бы полностью разделял преследование и уничтожение евреев?

Штеенграхт: Я бы так тоже не сказал. Это ограничивалось определённым кругом людей. Большое количество даже фанатичных нацистов ничего не знали об этих жестокостях и отвергали их и отвергли бы их, будь они правильно о них информированы.

Филлимор: Я понимаю, что вы говорите о том, что вы сами ничего не знали. Это так?

Штеенграхт: О том, что я ничего не знал?

Филлимор: Да.

Штеенграхт: В своей должности государственного секретаря и потому как я читал зарубежные газеты, и в частности, поскольку я имел контакт с оппозицией, я знал о многих вещах связанных с концентрационными лагерями. Во всех этих случаях, насколько это было в моей власти, я вмешивался. Но по поводу вещей, о которых я узнал здесь, я вообще ничего не знал.

Филлимор: Итак, я хочу спросить вас о другой теме. Вы рассказали нам о том, что

Риббентроп не имел никакой ответственности за оккупированные территории. Ваши слова были такими: «министерство иностранных дел утрачивало ответственность в тот момент, когда германский штык пересекал границу». Правильно?

Штеенграхт: Я сказал о том, что в момент, когда немецкий штык пересекал границу, министерство иностранных дел полностью теряло исключительное право вести переговоры с зарубежными правительствами. Кроме того, в большинстве стран, министерство иностранных дел не имело права иметь даже дипломатического представителя без полономочий, в частности в Норвегии и восточных территориях.

Филлимор: Вы сказали о том, что министерство иностранных дел не имело права быть там наблюдателем и о том, что прямые отношения с оккупированными территориями прекращались, правильно?

Штеенграхт: Нет, я сказал о том, что на всех оккупированных территориях министерство иностранных дел больше не имело исключительного права вести переговоры с правительством, поскольку в этих странах было либо гражданское или военное правительство с вспомогательными командными ведомствами и военно-административным главой и о том, что эти ведомства сами обращались к зарубежным правительствам и их исполнительным органам в занятых тогда странах. Соответственно уже нельзя было говорить о том, что министерство иностранных дел имело единственное право вести переговоры с правительствами. Но в некоторых странах, как на севере, так и на востоке, мы уже не имели никого из наших людей, и Гитлер отдал приказ о том, чтобы мы отозвали наблюдателей из других стран, таких как Голландия, Бельгия и тому подобное. Однако мы это не сделали.

Филлимор: Вы говорите о том, что во Франции у вас был посол докладывавший напрямую Риббентропу, не так ли?

Штеенграхт: Да.

Филлимор: И его обязанности включали консультирование тайной полевой полиции и тайной государственной полиции об изъятии политически важных документов и обеспечения и захвате общественной собственности, далее, частного и прежде всего еврейского художественного имущества на основе инструкций специально принятых с этой целью. Это не так?

Штеенграхт: Я вчера уже подчеркивал, что только с 1943 я вообще имел отношение к политическим делам. Если я правильно понял ваш вопрос, господин обвинитель, по вашему мнению, тайная государственная полиция и немецкие исполнительные органы во Франции находились в нашей компетенции. Это неправильно.

Филлимор: Вы не ответили на вопрос. Я спросил, не имел ли посланник Абец[115] этих обязанностей.

Штеенграхт: Ему не поручалась конфискация никакого французского имущества или проведение акций против евреев. Никакие приказы такого рода не проходили

115 Отто Абец (1903 — 1958) — нацистский дипломат, бригадефюрер СС (чин был получен 30 января 1942 года), один из руководителей оккупационной администрации Третьего Рейха на территории Франции. Осуждён французским судом к 20 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

через мои руки в моё время, и он мог…

Филлимор: [*Вручает документ свидетелю*] Вы посмотрите на документ PS-3614.

Милорд, он был предъявлен как французский экземпляр номер RF-1061 4 февраля. Это письмо от 3 августа 1940 подписанное Риббентропом, начальнику верховного главнокомандования вооруженных сил (ОКВ[116]). Оно гласит:

> «Фюрер назначил бывшего посланника Абеца послом и после моего доклада распорядился о следующем:
>
> I. Посол Абец имеет во Франции следующие задачи…»
>
> Затем идёт ряд задач и номер 6 это то, что я предъявляю свидетелю:
>
> «6. Консультировать тайную полевую полицию и тайную государственную полицию в связи с изымаемыми политически важными документами.
>
> 7. обеспечить сохранность и захват всех принадлежавших государству и частным лицам произведений искусства, имеющих значительную ценность, и, в частности, произведений искусства, принадлежавших евреям, в соответствии со специальными инструкциями, которые были даны по этому вопросу».
>
> Затем завершающие абзацы:
>
> «II. Фюрер настоящим прямо приказал о том, что посол Абец является исключительно ответственным за руководство всеми политическими вопросами в оккупированной и неоккупированной Франции. Постольку поскольку его функции затрагивают военные интересы, посол Абец действует только по согласованию с военным командующим во Франции.
>
> III. Посол Абец придается военному командующему во Франции в качестве его уполномоченного. Его местонахождение остаётся в Париже. Он получает инструкции об осуществлении своих задач и является ответственным исключительно передо мною в данных вопросах» - подписано – «Риббентроп».

Я хочу задать вам один-два вопроса о евреях. Вы рассказали нам о том, что вы и подсудимый Риббентроп…

Председатель: Полковник Филлимор, трибунал хочет знать, почему этот свидетель сказал ему о том, что посол Абец не имел задачу конфискации имущества.

[*Обращаясь к свидетелю*] Почему вы так сказали?

Штеенграхт: Посол Абец не имел никаких исполнительных полномочий, и ему прямо запрещалось вмешиваться во внутренние французские дела. Таким образом, он мог обращаться исключительно к французскому правительству и если французское правительство что-то делало в рамках своей исполнительной власти,

116 ОКВ (от нем. Oberkommando der Wehrmacht, нем. OKW) — Верховное главнокомандование вермахта, центральный элемент управленческой структуры вооружённых сил Германии в 1938—1945 годах.

тогда это была акция французского правительства, но никогда конфискация проводимая Абецом.

Филлимор: Это не ответ на вопрос. Вопрос это, почему, когда вас спросили о том, имел ли Абец задачу консультирования тайной полевой полиции и тайной государственной полиции об изъятии политически важных документов, вы так не говорили?

Штеенграхт: Я сказал о том, что через мои руки не проходил никакой приказ, поскольку я стал государственным секретарём с мая 1943. Этот приказ от 3 августа 1940. Но здесь мы касаемся только официальной директивы послу Абецу.

Филлимор: Тогда вы были личным адъютантом Риббентропа, не так ли?

Штеенграхт: Я был адъютантом, но не политическим секретарём. Я был только…

Филлимор: Вы были адъютантом?

Штеенграхт: Я был адъютантом, то есть я занимался техническими вопросами. Тогда я никогда не представлял ему политический доклад. Но я должен добавить, если позволите, это касалось директивы послу Абецу, и эта директива полностью отстала от фактических условий. Потому что консультирование тайной полевой полиции…

Филлимор: Откуда вам это известно, если вы были только личным адъютантом и не действовали в политических вопросах?

Штеенграхт: Посол Абец был послом до мая 1945. Таким образом, с 1943 по 1945 я постоянно вел с ним переписку, и в это время посол Абец все равно постоянно боролся против мер проводимых тайной государственной полицией. Это была ожесточённая борьба и ему лично угрожали всеми возможными делами. Можно говорить о совете, но прислушивались ли к нему люди – у него не было власти – это совершенно другой вопрос.

Филлимор: Означает ли это, что ваш ответ об оккупированных территориях применим только после 1943?

Штеенграхт: По моему собственному опыту я могу говорить только о периоде после 1943.

Филлимор: Итак, я хочу перейти к вопросу о евреях. Вы рассказали нам о том, что вы и Риббентроп применяя политику затягивания, предотвратили проведение антиеврейского конгресса в 1944, это правильно?

Штеенграхт: Да.

Филлимор: И о том, что вы были против политики преследования евреев.

Штеенграхт: Да.

Филлимор: И тоже самое было в отношении подсудимого Риббентропа?

Штеенграхт: Да.

Филлимор: Я хочу, чтобы вы взглянули на документ PS-3319. [*Вручает документ свидетелю*].

Милорд, это новый документ. Это будет экземпляр GB-287.

[*Обращаясь к свидетелю*] Итак, у вас есть фотокопия. Вы посмотрите на страницу 4 немецкого текста – это первая страница английского текста. Это письмо по предмету антиеврейской акции в зарубежных странах датировано 28 апреля. Это отмечено внизу страницы 4.

Штеенграхт: Я не нашёл.

Филлимор: Вы посмотрите на страницу 4, отмеченную чёрным квадратом внизу страницы. Вы видите письмо, датированное 28 апреля 1944, предмет: антиеврейская акция в зарубежных странах, и оно адресовано практически каждой немецкой легации и миссии за рубежом.

Штеенграхт: Да.

Филлимор: Перехожу к странице 10. Вы видите, что она содержит вашу подпись, это правильно?

Штеенграхт: Да.

Филлимор: Вы помните письмо? Я зачитаю вам первый абзац, чтобы освежить вашу память. «Рейхсминистр иностранных дел…»

Штеенграхт: Да.

Филлимор:

> «…приказал создать информационный отдел XIV (антиеврейская акция за рубежом) под руководством посла И.К. Шлейера, задачей которого является углубление и усиление антиеврейской информационной службы за рубежом посредством включения всех экспертов из отделов и рабочих групп министерства иностранных дел которые имеют интерес и принимают участие в антиеврейской информационной службе за рубежом, в тесном взаимодействии со всеми ведомствами извне министерства иностранных дел которые принимают участие в антиеврейской работе и с немецкими миссиями в Европе».

Затем вы ввели соработников, ряд отделов министерства иностранных дел и затем одного постоянного представителя главного управления безопасности Рейха – это ведомство Гиммлера, не так ли?

Штеенграхт: Да.

Филлимор: И одного представителя ведомства рейхсляйтера Розенберга. Этот отдел выше «Inland[117] II», то есть министерство иностранных дел которое имело связного с СС, не так ли?

Штеенграхт: Да.

Филлимор: И тогда начальником был человек по имени Вагнер[118] и помощником начальника фон Тадден[119]?

117 «Внутренний» (нем.)

118 Хорст Вагнер (1906 – 1977) – немецкий дипломат. В 1938-1943 сотрудник МИД Германии. Куратор антиеврейской политики в министерстве.

119 Эберхард фон Тадден (1909-1964) – немецкий дипломат и юрист. Сотрудник антиеврейского отдела МИД

Штеенграхт: Да.
Филлимор: Вы всё также говорите о том, что вы были против политики преследования евреев?
Штеенграхт: Да, я утверждаю это также как раньше. Я также говорю, как и говорил во время предыдущих допросов, о том, что даже проведение антеврейского конгресса по своей сути не было направлено против евреев, потому что то, что происходило в Германии, находилось за семью печатями и никого никак не информировали. Евреи исчезали. Но если бы состоялся международный конгресс, то в первую очередь возник бы вопрос: «А где же эти евреи? Что на самом деле случилось с этими евреями?
Филлимор: Суть в том, что вы хотели отложить антиеврейский конгресс, потому что о нем было бы известно миру, но вы были вполне готовы создать организацию в министерстве иностранных дел?
Штеенграхт: Господа, здесь нам следует разделять две совершенно разных проблемы. Первая проблема заключается в этом: в Германии существовали ведомства которые проводили и осуществляли антиеврейские меры. Эти организации также выходили за рубеж и там, без ведома и без участия министерства иностранных дел, занимались людьми в зарубежных странах. Соответственно, улучшение и в какой-то степени управляемая политика в обычных каналах могли существовать только если какой-то немецкий отдел на самом деле принимал ответственность за эти вещи в то время. Так как мы не слышали об этих вопросах, мы всегда слышали жалобы, которые мы получали от глав зарубежных миссий о событиях которые случались. Но у нас не было средств контроля. Если бы я обратился к внутренним немецким ведомствам…
Филлимор: Это было сделано для контроля за антиеврейской политикой, это отдел.
Штеенграхт: Видимо мы сегодня обсуждаем два разных вопроса. Антиеврейский конгресс был приказан. Тот факт, что ведомство Розенберга проводило антиеврейский конгресс…
Председатель: Вы не ответили на вопрос. Вопрос был такой: эта организация указанная в письме, создавалась для контроля организации антиеврейской работы за рубежом? Это вопрос. Вы можете ответить на него «да» или «нет»?
Штеенграхт: Министерство иностранных дел не могло осуществлять общий контроль поскольку всеми антиеврейскими вопросами принципиально занималось ведомство Розенберга.
Филлимор: Что же, в чём заключался смысл этой организации министерства иностранных дел?
Штеенграхт: По приказу Гитлера мы должны были связываться со всеми немецкими ведомствами и архивами для того, чтобы собирать там весь материал и мы придавали значение…

Германии. Связной МИД с СС.

Филлимор: И это было приказано Риббентропом, не так ли?
Штеенграхт: Да.
Филлимор: Как изложено в вашем письме?
Штеенграхт: Да. И мы думали, важно, чтобы таким образом имелось понятие о том, что на самом деле происходит с евреями, и т. д., и поэтому мы набирали людей из всех ведомств.
Филлимор: Я сейчас покажу вам из ваших собственных материалов, что случилось на самом деле, но я хочу сказать вам вот что:

Смысл отложить антиеврейский конгресс заключался лишь в том, что вы не хотели, чтобы мир знал. Вы не имели ни малейшего возражения созданию антиеврейской организации в Германии.

Итак, теперь посмотрите на страницу 32 немецкого текста.

Милорд, это страница 23 английского текста.

Вы увидите здесь письмо от ведомства Розенберга министерству иностранных дел, подписанное Бройтигамом[120], страница 32 немецкого текста. Это отмечено внизу страницы 32.

Бройтигам был вашим связным сотрудником у Розенберга, не так ли, свидетель? Бройтигам был вашим связным в ведомстве Розенберга?
Штеенграхт: Нет. Бройтигам был, как я думаю, в министерстве иностранных дел в 1941.
Филлимор: И в 1942.
Штеенграхт: Да, но в 1941, поскольку он ранее работал над восточными проблемами в министерстве иностранных дел, его перевели, и теперь он находился в ведомстве Розенберга.
Филлимор: Очень хорошо. И вы увидите здесь есть ссылка на совещание с оберштурмбаннфюрером Эйхманом[121], то есть, начальником еврейского отдела Гестапо и доктором Ветцелем[122], и он направил вам копию соглашения подготовленного в Тягини в Румынии 30 августа 1941 с просьбой подтверждения.
Штеенграхт: Господин обвинитель, здесь может быть ошибка. Это письмо датировано 11 марта 1942. Я стал государственным секретарём в мае 1943. Поэтому я ничего не знаю об этом вопросе. Я хочу заметить…
Филлимор: Просто послушайте и подождите пока я не задам вопрос. Мы быстрее

---

120 Отто Бройтигам (1895 – 1992) – немецкий дипломат. Сотрудник МИД Германии и рейхсминистерства оккупированных восточных территорий.

121 Адольф Эйхман (1906 — 1962) — немецкий офицер, сотрудник гестапо, непосредственно ответственный за массовое уничтожение евреев. Заведовал отделом Гестапо IV B 4, отвечавшим за «окончательное решение еврейского вопроса». Оберштурмбаннфюрер СС. После войны скрылся от суда в Южной Америке. Здесь агенты израильской разведки «Моссад» выследили его, похитили и вывезли в Израиль, где он был судим, приговорён к высшей мере наказания и казнён

122 Эрхард Ветцель (1903 — 1975) — немецкий юрист, политический деятель Третьего рейха, эксперт Министерства оккупированных восточных территорий по «еврейскому вопросу» при Альфреде Розенберге, участник составления Генерального плана «Ост». Судом ГДР был приговорён к 25 годам лишения свободы. В 1955 освобождён и передан ФРГ.

разберемся если вы выслушаете письмо:

> «Я особо отмечаю номер 7 соглашений…Я уже занял позицию в своём письме от 5 марта 1942».

Итак, прилагается соглашение между немецким и румынским генеральными штабами и если вы посмотрите на абзац 7, на странице 39 немецкого текста, странице 27 английского текста, они заключили соглашение о следующем:

> «Депортация евреев из Транснистрии[123]. Депортация евреев через Буг сейчас невозможна. Следовательно, они должны быть собраны в концентрационных лагерях и направлены на работу перед тем как станет возможной депортация после завершения операций».

И затем есть пометка на материале на следующей странице немецкого текста, и пока ещё 27 английского текста:

> «По информации генерального директора Лекка[124], сегодня 110 000 евреев были эвакуированы из Буковины и Бессарабии в два леса в районе реки Буг. Насколько он выяснил, данная акция основана на приказе маршала Антонеску[125]. Целью акции является ликвидация евреев».

Итак, вы сомневаетесь в том, что соглашение прилагаемое к этому письму направленному в министерство иностранных дел, дошло бы до подсудимого Риббентропа?

Штеенграхт: Что же. Я вижу это соглашение и этот документ впервые. Ничего из этого дела…

Филлимор: Да. Вы ответите на вопрос? Вы сомневаетесь в том, что письмо и это прилагаемое соглашение показали бы подсудимому Риббентропу?

Штеенграхт: В то время в министерстве иностранных дел был заместитель государственного секретаря Лютер[126] который действовал совершенно независимо, и вёл ожесточённую борьбу с ним, хотя меня к этому не призывали, потому что он хотел ввести национал-социалистические методы. Довёл ли он данный вопрос до Риббентропа или нет, я не могу решить.

Филлимор: Очень хорошо. Мы переходим ко времени, когда вы были государственным секретарём. Не посмотрите ли вы на страницу 31 немецкого текста, страница 20 английского текста.

Председатель: Что означают слова в отрывке, который вы прочли на странице 27: «Бухарест, 17 октября (подпись неразборчива) – и ниже – «Обсудить с

---

123 Губернаторство Транснистрия, или Заднестровье — административно-территориальная единица, образованная румынскими властями на территории части оккупированных Винницкой, Одесской, Николаевской областей Украинской ССР и левобережной части Молдавской ССР, во время Второй мировой войны. Столица — Одесса.

124 Раду Лекка (1890 – 1980) – румынский журналист и государственный деятель. В 1941-1944 генеральный комиссар Румынии по еврейским вопросам. Румынским судом осуждён к пожизненному лишению свободы. Освобождён в 1964.

125 Ион Антонеску (1882 — 1946) — румынский государственный и военный деятель. Маршал, премьер-министр и кондукэтор Румынии в 1940—1944 годах. Расстрелян по приговору румынского суда.

126 Мартин Лютер (1895 — 1945) — немецкий дипломат, член НСДАП, участник Ванзейской конференции, бригадефюрер СА (1942). В 1941-1943 заместитель государственного секретаря МИД Германии.

вице-министром Антонеску[127]. Конфиденциально, Бухарест, 16 октября 1943?».

Филлимор: Милорд, это плохо напечатано. «Бухарест, 17 октября 1943» и затем идёт следующее письмо. Предыдущая часть это пометка на материале.

Председатель: Очень хорошо.

Филлимор: Это пометка на материале немецкой легации в Бухаресте.

Председатель: Продолжайте.

Филлимор: Я не затрудняю трибунал следующими письмами. Они относятся к ранней дате изгнания евреев из фирм которыми владели граждане Германского Рейха.

[*Обращаясь к свидетелю*] Итак, вы посмотрите на страницу 31 немецкого языка, страница 20 английского текста. Вы увидите там документ, который должны были направить…

Председатель: Когда вы начали с этим документом, вы не указали полную дату. Кажется год 1944, не так ли?

Филлимор: Нет. В 1942, как я думаю, милорд.

Председатель: Должно быть 29 апреля 1942? Такая дата в заголовке документа?

Филлимор: Милорд, письмо, которое я прочел, датировано мартом 42-го и помечено штампом министерства иностранных дел «получено 13-го марта 1942…».

Председатель: Я говорю о документе в целом, страница 1 документа.

Филлимор: Милорд, это материал, один из довольно неудобных документов, материал, и он начинается с самой ранней даты внизу и затем идёт до 1944.

Председатель: Да, значит, часть, которую вы прочли первой…

Филлимор: Это был 1944.

Председатель: Очень хорошо. Какую страницу вы собираетесь пройти сейчас?

Филлимор: Я начинал со страницей 20, милорд.

[*Обращаясь к свидетелю*] Итак, это сообщение от фон Таддена, который был, как вы нам сказали, помощником в отделе Inland II, германской легации в Бухаресте. Оно датировано 12 октября 1943 и имеет штамп получения 18 октября. И он приложил письмо подписанное Мюллером[128] из Reichssicherheitshauptamt[129] всем немецким полицейским властям за рубежом. Вы увидите, что оно направлено командиру полиции безопасности в Праге, Гааге, Париже, Брюсселе, Меце, Страсбурге, Люксембурге, Кракове, Киеве, Смоленске и так далее. Октябрь 43-го. Это после того как вы стали государственным секретарём, не так ли?

Штеенграхт: Да.

Филлимор: Вас назначили в апреле?

Штеенграхт: Да.

---

127 Михай Антонеску (1904 — 1946) — румынский политический деятель, заместитель премьер-министра Румынии в 1941-1944. Казнен по приговору румынского суда.

128 Генрих Мюллер (1900 — предположительно между 1 и 2 мая 1945) — начальник секретной государственной полиции (IV управление РСХА) Германии (1939—1945), группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции (1941). Предположительно был убит во время попытки выйти из Берлина.

129 Главное управление безопасности Рейха (нем.)

Филлимор: Перехожу к сути письма, предмет это обращение в сфере германской власти с евреями иностранного гражданства:

> «По согласованию с министерством иностранных дел, все евреи которые остаются в сфере германской власти после окончания так называемой акции возвращения, имеющие гражданство следующих стран могут включаться в меры по эвакуации: Италия, Швейцария, Испания, Португалия, Дания, Швеция, Финляндия, Венгрия, Румыния, Турция.
>
> Поскольку эвакуация этих евреев на Восток в настоящее время не может быть произведена по причинам внешней политики, временным местопребыванием предусмотрен концентрационный лагерь Бухенвальд[130] для евреев-мужчин старше 14 лет и концентрационный лагерь Равенсбрюк[131] для евреек и детей.
>
> Необходимые меры следует предпринять к следующим датам:
>
> a) для евреев с итальянским гражданством, незамедлительно;
>
> b) для евреев с турецким гражданством к 20 октября 1943;
>
> c) для евреев с гражданством других вышеуказанных стран к 10 октября 1943.
>
> Специальное ходатайство о превентивном заключении для перевода в концентрационный лагерь не требуется, однако штаб концентрационного лагеря следует уведомлять о проведении перевода в концентрационный лагерь в соответствии с мероприятиями по эвакуации».

И затем есть согласования про багаж. И если вы посмотрите на 31-е, вы увидите внизу страницы 22, английского текста, что он подписан Мюллером и затем снова подписан клерком ведомства Гиммлера. И затем на следующей странице английского текста, это всё также 31-е немецкого текста, ведомство Гиммлера направило его в министерство иностранных дел, фон Таддену от 2 октября.

Итак, вы не видели этот документ, когда он поступил в министерство иностранных дел?

Штеенграхт: Нет, я сегодня впервые вижу этот документ.

Филлимор: Вы были государственным секретарём?

Штеенграхт: Да. Это очевидно касалось меры о которой приказало другое ведомство. В Германском Рейхе министерство иностранных дел не имело никаких

---

130 Бухенвальд — один из крупнейших концентрационных лагерей на территории Германии, располагавшийся близ Веймара в Тюрингии. С июля 1937 по апрель 1945 года в лагере было заключено около 250 000 человек. Бухенвальд имел 138 концлагерей-филиалов.

131 Равенсбрюк — концентрационный лагерь Третьего рейха, располагавшийся на северо-востоке Германии в 90 км к северу от Берлина около одноимённой деревни, сейчас ставшей частью города Фюрстенберг. Существовал с мая 1939 до конца апреля 1945 года. Был определён как «охраняемый лагерь заключения для женщин». Крупнейший женский концентрационный лагерь нацистов. Количество зарегистрированных заключённых за всё время его существования составило более 130 тысяч человек.

исполнительных полномочий и никаких возможностей и соответственно…

Филлимор: Никаких исполнительных полномочий, но его направили для вашего сведения.

Штеенграхт: Его направили нам, это дело, исключительно для нашего сведения, и мне его не вручали, это дело.

Филлимор: У вас был ведомственный связной с СС, господин фон Тадден. Он не был компетентным чиновником?

Штеенграхт: Я даже сейчас не знаю о точном содержании данного вопроса, потому что не читал его на досуге. Я могу представить только следующее в связи с этим делом: долгое время обсуждался вопрос о том можно ли вернуть евреев которые находились в Германии домой. Думаю, здесь мы касаемся этого?

Филлимор: Я не думаю, что нас интересует ваше воображение. Вы либо знали, либо нет. Я спросил вас о том, являлся ли фон Тадден компетентным чиновником.

Штеенграхт: Я не видел этот документ.

Филлимор: Вы не ответили на вопрос. Фон Тадден был компетентным чиновником?

Штеенграхт: Фон Тадден был человеком из министерства иностранных дел который знал свою работу.

Филлимор: Да, знал свою работу. И вы не думаете, что как государственному секретарю, он должен был показать вам этот документ?

Штеенграхт: Разумеется, он должен был так сделать, если этот вопрос не прорабатывали в другом ведомстве, и я был полностью исключён из антиеврейской акции. Также, инструкции об антиеврейских акциях за рубежом никогда не проходили через моё ведомство. Я вчера отмечал, в начале своего заявления о том, что многие вопросы готовились напрямую в высших местах, и о том, что министерство иностранных дел не уведомляли впоследствии, и приказах по таким вопросам.

Филлимор: Об этом документе вас информировали?

Штеенграхт: Мюллер направил его в министерство иностранных дел.

Филлимор: И вы направили его в вашу легацию в Бухаресте?

Штеенграхт: Он, разумеется, должен был представить его мне. Но я его не видел.

Филлимор: И если вы снова посмотрите на письмо, вы заметите, как начинается инструкция Мюллера. Он начинает: «По согласованию с министерством иностранных дел…»

Штеенграхт: Где это сказано? К сожалению, я это не нашел.

Филлимор: И начало письма: «Предмет: обращение с евреями иностранного гражданства в сфере германской власти». И затем начало: «По согласованию с министерством иностранных дел…». Это всего лишь означало, что по согласованию с господином фон Тадденом?

Штеенграхт: Я признаю, что такого типа вещь пошла к компетентным экспертам и

поскольку это касалось важного вопроса, она пошла напрямую господину фон Риббентропу. Я прошу о том, чтобы господина фон Риббентропа спросили о том известно ли ему об этом вопросе или нет. Я не видел этого.

Филлимор: Это дело такой важности, что его не могли не согласовать с министерством иностранных дел, не проконсультировавшись с Риббентропом, значит так?

Штеенграхт: По моему мнению, я бы никогда не мог решить о данном деле если бы мне его представили. По моему мнению, это было дело которое должны были представить фон Риббентропу.

Филлимор: Хорошо. И, конечно же, фон Риббентроп был одним из самых беспощадных гонителей евреев, не так ли?

Штеенграхт: Это неправильно.

Филлимор: Я собираюсь прочитать вам короткий отрывок из совещания между фюрером, Риббентропом и венгерским регентом Хорти[132]. Это документ D-736, который предъявлен как экземпляр GB-283 сэром Дэвидом Максвелл-Файфом подсудимому Герингу. Это была встреча в замке Клессхайм утром 17 апреля 1943. И вы увидите, что протокол подписан Шмидтом[133].

Штеенграхт: Да.

Филлимор: Возник вопрос о евреях:

> «Фюрер ответил, что это является виной евреев которые считают накопление и извлечение прибыли своей главной сферой деятельности даже во время мировой войны, таким же образом как в Англии, приговоры за нарушения с пайками и подобном, сейчас в основном касаются евреев. На ответный вопрос Хорти о том, что ему следует делать с евреями, когда он лишил их почти всех возможностей существования – он не может их убить – рейхсминистр иностранных дел заявил о том, что евреев нужно либо уничтожать или забирать в концентрационные лагеря. Другой возможности нет».

И затем, как вы понимаете, фюрер продолжил описывать их как туберкулёзную бациллу. Итак, перед лицом этого документа, вы также говорите о том, что подсудимый Риббентроп был против политики преследования и уничтожения евреев?

Штеенграхт: Вчера я сказал о том, что господин фон Риббентроп, когда он был с Гитлером…

Филлимор: Забудьте о том, что вы говорили вчера. Я говорю вам сегодня. Сейчас вы увидели этот документ. Вы также говорите о том, что Риббентроп был против политики преследования и уничтожения евреев?

Штеенграхт: И здесь тоже, я хочу сделать различие между реальными инстинктами

132 Миклош Хорти (1868 — 1957) — правитель (регент) Венгерского королевства в 1920—1944 годах, вице-адмирал.
133 Пауль(-Отто) Шмидт (1899 — 1970) — переводчик Министерства иностранных дел Третьего рейха (1924—1945), руководитель бюро министра, официальный переводчик Адольфа Гитлера (с 1935), штандартенфюрер (с 1940).

фон Риббентропа и тем, что он говорил, когда находился под влиянием Гитлера. Вчера я уже сказал о том, что он был полностью загипнотизирован Гитлером и стал его орудием.

Филлимор: Да, стал его орудием. И с тех пор, он был готов делать всё, что хотел Гитлер и был таким же жестоким нацистом как и все, это не так?

Штеенграхт: Он слепо следовал приказам отданным Гитлером.

Филлимор: Да. И в такой мере, что способствовал всякой и каждой жестокости, это не так?

Штеенграхт: Поскольку у него не было никаких исполнительных полномочий, он лично не мог совершать эти жесткости.

Председатель: Кто-либо из других главных обвинителей хочет провести перекрёстный допрос?

Эймен: Вчера вы свидетельствовали о том, что вы не считали Риббентропа типичным нацистом, это правильно?

Штеенграхт: Да.

Эймен: Вы считаете Геринга типичным нацистом?

Штеенграхт: Геринг произносил разные речи на митинге и боролся ради захвата власти и соответственно он имел совершенно другое положение в партии нежели Риббентроп.

Эймен: Я думаю, вы можете ответить на мой вопрос «да» или «нет». Мы как можно сильнее пытаемся сэкономить время.

Штеенграхт: Да, конечно.

Эймен: Вы считаете Геринга типичным нацистом, согласно таким же стандартам которые вы использовали для Риббентропа, да или нет?

Штеенграхт: На этот вопрос нельзя ответить «да» или «нет». Я пытался всеми…

Эймен: Вы ответили таким образом в отношении Риббентропа, не так ли?

Штеенграхт: Геринг был своеобразной личностью. Я не могу обозначить его как обыкновенного нациста, как можно выразиться.

Эймен: Другими словами, вы не знаете, думаете ли вы о том, что он типичный нацист или нет, вы хотите, чтобы это понял трибунал?

Штеенграхт: Под типичным нацистом можно понимать «среднего» нациста. Геринг был уникальной личностью и нельзя сравнивать его образ жизни с другими национал-социалистами.

Эймен: Что же, вы знакомы со всеми господами на скамье перед вами?

Штеенграхт: Да.

Эймен: Итак, вы расскажите мне кого из этих людей вы считаете типичным нацистом, согласно стандартам которые вы вчера применили к Риббентропу?

Председатель: Полковник Эймен, я не хочу прерывать ваш перекрёстный допрос, но я хочу сказать о том, что в суде слишком много смеха и шума, и я не могу понять. Полковник, продолжайте перекрёстный допрос.

Эймен: Вы понимаете мой последний вопрос? Пожалуйста, назовите тех подсудимых на скамье кого вы считаете типичными нацистами согласно такому же стандарту который вы вчера применили к Риббентропу.
Хорн: Господин председатель, я убеждён в том, что здесь свидетель принимает решение о котором по моему мнению следует решать суду в конце разбирательства. Свидетель не может дать такую оценку.
Эймен: Эту тему поднял сам представитель в отношении Риббентропа.
Председатель: Трибунал считает, что это совершенно уместный вопрос. Он понимает, что фраза «типичный нацист» использовалась самим свидетелем.
Эймен: И пожалуйста, назовите нам имена, а не длинное пояснение, если можете.
Штеенграхт: Вчера я сказал о том, что под «типичным нацистом» я имел в виду людей которые знакомы с догмой и доктриной. Сегодня я хочу добавить, что под «типичным нацистом» я имею в виду тех людей которые во времена борьбы представляли национал-социалистическую идеологию и были пропагандистами национал-социализма. Известна книга Розенберга, господин Франк известен как президент Академии германского права, они на самом деле – конечно же Гесс, этих людей я хочу поставить на первый план именно потому, что из-за своих сочинений и речей и тому подобного они стали известны. Никто не слышал, чтобы Риббентроп произносил предвыборную речь.
Эймен: Но вы не ответили на мой вопрос. Я должен признать, что по вашему мнению Розенберг, Франк и Гесс являются единственными людьми которых вы можете охарактеризовать как типичных нацистов, согласно вашим стандартам?
Штеенграхт: Что же, мне нужно рассматривать подсудимых, приводя мнение о каждом?
Эймен: Именно. Просто назовите мне имена. Нет, я не хочу ваше мнение. Я хочу знать, согласно вашим стандартам кого из них вы считаете типичным нацистом.
Штеенграхт: Я уже высказался о стандарте. Можно подтвердить представляли ли безгранично люди национал-социалистическую идеологию в словах или митингах и в этом отношении я назвал самых видных.
Эймен: И вы не считаете всех остальных типичными нацистами?
Штеенграхт: Я так не сказал. Мне нужно пройти их по отдельности.
Эймен: Я три раза попросил вас это сделать. Вы будете любезны, назвать их по отдельности?
Штеенграхт: Я также вижу господина Заукеля. Господин Заукель был гауляйтером и был активным как руководитель в национал-социалистическом движении. Затем я вижу рейхсюгендфюрера, который воспитывал Гитлерюгенд.
Эймен: Кто ещё? Просто назовите мне имена. Пожалуйста, не нужно пояснений.
Штеенграхт: Что же, думаю этим, я указал типичных представителей партии.
Эймен: А что с Штрайхером?
Штеенграхт: Я не вижу его здесь, иначе бы я ответил утвердительно.

Эймен: Другими словами, вы считаете его типичным нацистом согласно вашим стандартам?

Штеенграхт: Да, но пожалуйста, не припсывайте его злоупотребления всем национал-социалистам.

Эймен: Итак, пока вы работали с Риббентропом, я понимаю, что вы ничего не знали об убийствах, пытках, голоде и убийствах которые имели место в концентрационных лагерях?

Штеенграхт: Ввиду того факта, что зарубежные дипломаты обращались ко мне и того факта, что меня информировали оппозиционные элементы в Германии, и из вражеской пропаганды, я знал о существовании некоторых методов. Но, подчёркиваю, только части методов. Я узнал об общей степени и размахе только находясь здесь под арестом.

Эймен: Работая с Риббентропом вы знали о том, что священников пытали и морили голодом и убивали в концентрационных лагерях?

Штеенграхт: Нет, я не слышал ничего конкретного об отдельных вещах которые там происходили, и если случалось то или другое со священниками, тогда я бы считал аутентичной информацией только такую которую мне давал нунций Ватикана, но этого не происходило. Но, несмотря на тот факт, как я вчера сказал, что Ватикан не имел юрисдикции, я занимался всеми случаями, руководствуясь гуманизмом, то есть, всеми гуманитарными делами. Я заботился о них, и всегда стремился рассматривать их успешно. Я рассмотрел 87 случаев в которых моей деятельности угрожали смертью. Я вмешивался в сотнях случаев и таким образом спас, или по крайней мере облегчил жизни тысяч и тысяч людей.

Эймен: Если вы не ограничите свои ответы непосредственно моими вопросами, то сложно идти вперед и экономить время. Итак, будьте любезны пытаться отвечать на мои вопросы «да» или «нет», если возможно, и укорачивать свои пояснения. Вы понимаете?

Штеенграхт: Прекрасно понимаю. Насколько могу, я это конечно делаю.

Эймен: Работая с Риббентропом, вы знали о том, что монахинь пытали и убивали в концентрационных лагерях?

Штеенграхт: Нет.

Эймен: Вы также не знали о том, что происходило со священниками или монахинями или другими заключёнными концентрационных лагерей? Правильно?

Штеенграхт: Я уже сказал о том, что вмешивался в сотнях случаев, в которых ко мне обращался нунций даже, когда это касалось евреев, от имени которых нунций был не вправе действовать, и в тех в которых нунций действовал от имени польских священнослужителей также в сфере в которой он был не уполномочен. Несмотря на тот факт, что у меня были строжайшие приказы не принимать такие дела, я принимал эти дела, и несмотря на указ «Мрак и туман[134]», я всегда предоставлял

---

134 Ночь и туман» (нем. «Nacht und Nebel») — директива Адольфа Гитлера от 7 декабря 1941 года, подписанная и

информацию, когда мог получить любую информацию. Подробностей иных, чем я получал официально, я не имел.

Эймен: И кто давал вам инструкции ничего не делать по поводу этих жалоб?

Штеенграхт: Эти приказы шли напрямую от Гитлера и поступали ко мне через Риббентропа.

Эймен: Откуда вам известно?

Штеенграхт: Вчера я уже сказал о том, что в двух нотах которые до моего времени передал государственный секретарь фон Вайцзеккер[135] Гитлеру через Риббентропа было отказано с замечанием, что это была полная ложь и помимо этого, это не находились в компетенции нунция, эти ноты должны были вернуть и в будущем не принимать такие документы. Более того, не должно было быть никаких дискуссий и это применялось не только к нунцию, это применялось ко всем неуполномоченным акциям, в частности, когда зарубежные дипломаты вмешивались в вопросы в которых они не имели компетенции.

Эймен: Но вы хотите, чтобы трибунал понял, что вы выступили вперед и попытались сделать, что-то по поводу этих жалоб, в то время как Риббентроп ничего не делал, это правильно?

Штеенграхт: Я пытался урегулировать в сфере своей собственной компетенции все случаи которые, согласно инструкциям, я вообще не мог принимать. Но если здесь и там дело имело важное значение, или там где можно было спасти жизни людей, я всегда обращался к Риббентропу. В большинстве таких случаев Риббентроп ставил вопрос перед Гитлером, потом мы придумывали новую компетенцию, для того, что он не мог заявлять возражения о том, что у нунция нет компентенции. До этого времени, Гитлер либо абсолютно отвергал их или, по крайней мере, говорил о том, что полиции следовало сначала расследовать дело. Это представляло собой гротескную картину того, что в гуманитарном деле или деле которыми следовало руководить как внешней политикой, министр иностранных дел уже не принимал решение, а криминальинспектор Майер или Шульце которому лишь требовалось сказать: «Нежелательный в интересах государственной безопасности».

Эймен: Риббентроп подчинялся инструкциям, которые как вы говорите, получали от фюрера о том, чтобы ничего не делать по поводу этих жалоб или нет? «Да» или «нет»?

Штеенграхт: Я не могу ответить на этот вопрос, поскольку не знаю сколько приказов он получал от Гитлера, и подчинялся ли он им в каждом отдельном случае.

Эймен: Что же, вы свидетельствовали о том, что вы получили инструкции ничего не делать по поводу жалоб от Ватикана, это не так?

приведенная в исполнение Главнокомандующим вооруженных сил Германии Вильгельмом Кейтелем. Директива разрешала похищение антинацистских политических активистов на всей территории, оккупированной Германией во время Второй мировой войны.

135 Эрнст фон Вайцзеккер (1882 — 1951) — германский дипломат, бригадефюрер СС. Государственный секретарь министерства иностранных дел Германии в 1938-1943. Американским трибуналом был приговорен к 7 годам лишения свободы. Освобожден досрочно.

Штеенграхт: Да, и я им не подчинился.
Эймен: Что же, сейчас я спрашиваю вас, подчинялся ли Риббентроп или нет.
Штеенграхт: Но он был на вышестоящей позиции. Какие приказы Гитлер отдавал Риббентропу в частном порядке, я не могу сказать, так как я не знаю.
Эймен: Откуда вы получали свои инструкции?
Штеенграхт: От Риббентропа.
Эймен: Риббентроп свидетельствовал на допросе о том, что он ничего не знал о том, что происходило в каком-либо из концентрационных лагерей до тех пор пока фюрер не приказал направить Лютера в концентрационный лагерь. Вам известно кем был Лютер?
Штеенграхт: Да.
Эймен: Пожалуйста, кем он был?
Штеенграхт: Лютер был заместителем государственного секретаря министерства иностранных дел, который был главой отдела «Германия».
Эймен: И, когда его направили в концентрационный лагерь?
Штеенграхт: Должно быть, это было в феврале 1943.
Эймен: Итак, фактически, это не правда, что Риббентроп имел полный стол жалоб от Ватикана об убийствах, жестокостях, голоде священников и монахинь, на которые он вообще никогда не отвечал, даже уведомлением о получении?
Штеенграхт: Господин обвинитель, о том, что случилось до мая 1943, я не знаю. До тех пор пока я был государственным секретарём, я никогда не упускал возможности принять ноту или не отвечать на неё. Напротив, я принимал все ноты и пытался, как я уже сказал, помогать этим людям. По поводу условий до моего срока службы, я не могу дать вам никакой информации, потому что я о них не знаю.
Эймен: Что же, я не говорю об этом времени, я говорю о периоде непосредственно до и после вашего появления в 43-м. Сейчас я хочу прочитать вам из…
Штеенграхт: Извиняюсь. Я бы с радостью ответил на ваш вопрос, если бы что-нибудь знал об этом вопросе. В моё время – я не могу ничего сказать об этом потому, что не знаю.
Эймен: Что же, я прочту вам из допроса Риббентропа и спрашиваю вас о том, соответствует ли то, что он говорил вашим воспоминаниям о фактах.
Штеенграхт: Я хочу только сказать о том, что до мая 1943, я не был политически активен, таким образом, по моим сведениям я не могу сделать заявление об этом.
Эймен: Что же, так как я прочту вам показания, вы обнаружите, что допрос относился к сообщениям которые оставались в его столе без ответа неопределённый период времени. Вы имели доступ к столу Риббентропа? Вам было известно, что в нём находилось?
Штеенграхт: Нет.
Эймен:

«Вопрос: вы получили от Ватикана сообщение датированное 2 марта

1943 обращавшее ваше внимание на длинный список преследований епископов и священников, такие как лишение свободы, и другие вмешательства в осуществление религиозной свободы?.

Ответ: я сейчас не помню, но я знаю о том, что у нас были протесты от Ватикана, то есть целый рабочий стол протестов от Ватикана».

Это соответствует вашим воспоминаниям?

Штеенграхт: Это было, я должен к сожалению снова сказать, до моего времени. Я не могу знать имел ли он полный стол этих вещей.

Эймен: Если они оставались в его столе с марта до мая, значит вы бы о них знали, это не так?

Штеенграхт: Мне? Нет. Я не был слугой господина Риббентропа, который пересчитывал его стулья или столы.

Эймен: Таким образом, ваши показания заключаются в том, что вы ничего не знали о любых протестах из Ватикана иных, чем те на которые вы уже ссылались?

Штеенграхт: Кроме того о чём я говорил, я ничего не знал о протестах. Я снова подчёркиваю, что во время моего пребывания в должности я все их принимал и отвечал на все.

Эймен: Я прочту вам дальше из допроса:

«Вопрос: Вы отвечали на эти папские протесты?

Ответ: Думаю, там было много на которые мы не отвечали – довольно много».

Это соответствует вашим воспоминаниям?

Штеенграхт: Разумеется, это правильно. Это соответствовало изначально принятым инструкциям.

Эймен: От кого?

Штеенграхт: Инструкциям Гитлера.

Эймен: Кому?

Штеенграхт: Разумеется Риббентропу.

Эймен: Эти инструкции о которых вы говорите, вы нарушали со своей стороны, правильно?

Штеенграхт: Которые я не соблюдал, так как в противном случае мне бы не позволили принимать ноты от Ватикана во всех этих делах, в которых оспаривалась компетенция, как и не позволялось принимать протесты, например, протесты от шведского посла по поводу плохого обращения в Норвегии, которые я, однако тоже принимал.

Эймен: Я продолжаю читать из допроса:

«Вопрос: Итак, вы имеете в виду, что вы даже не читали протест из Ватикана который клали вам на стол?

Ответ: Это на самом деле правда. Так как фюрер занял такую позицию в этих ватиканских вопросах, чтобы с тех пор они больше не

поступали».

Это соответствует вашим воспоминаниям?

Штеенграхт: О том, что Риббентроп больше не получал протесты? Да, это правильно, это согласуется с тем, что я сказал, что во всех этих случаях, где мы могли не принимать их, я пытался разрешать их под свою ответственность, поскольку это противоречило приказам.

Эймен: И во время чтения этих жалоб из Ватикана которые оставались без ответа, и вы и Риббентроп изучали все подробности о том, что происходило в концентрационных лагерях, не так ли?

Штеенграхт: Об этом в нотах никогда ничего не было – в тех, что я видел – не было ничего об обращении с ними. Вместо этого они касались только жалоб с запросом о том почему выносились смертные приговоры, или почему арестовывали священнослужителей или похожих случаях или закрытии церквей и похожем.

Эймен: Я не хочу занимать время трибунала оглашением вам документов которые уже приобщены в качестве доказательств. Я ссылаюсь на документы номер PS-3261, PS-3262, PS-3264, PS-3267, PS-3268 и PS-3269, но в этих документах – извиняюсь, сэр, 3269 не приобщали в качестве доказательства. Но в этих документах, свидетель, излагаются многочисленные отдельные и коллективные случаи именно о том, что происходило в концентрационных лагерях. Вы говорите о том, что не знакомы с каким-то из этих вопросов?

Штеенграхт: Господин обвинитель, я не думаю, что я высказался таким образом. Я дал вам понять, что обо всём о чём мне сообщали зарубежные дипломаты, я конечно же знаю. Другими словами, если подробные отчёты были получены в период нахождения меня в должности, тогда конечно же я их знаю. Я никогда это не отрицал.

Председатель: Свидетель, то что вы сказали – по крайней мере, я записал и понял, что вы сказали, что в этих нотах никогда не говорилось об обращении в концентрационных лагерях.

Штеенграхт: Но я заметил в связи с предыдущим вопросом, когда вопрос был задан в целом о том знал ли я об условиях в концентрационных лагерях и плохом обращении, я сказал о том, что я знал обо всём о чём сообщали мне иностранные дипломаты, люди из оппозиции, и о том, что я знал из иностранной прессы. Другими словами, если эти документы содержали подробности в период моего пребывания в должности, тогда я это тоже знаю. Но могу я спросить о дате документов?

Эймен: Здесь много документов с множеством дат, которые можно узнать, но мы не хотим занимать слишком много времени трибунала. Что я хочу узнать, это знали вы и Риббентроп всё об убийствах, пытках, голоде которые происходили в концентрационных лагерях, и которые являлись предметом постоянных и продолжительных протестов из Ватикана о которых Риббентроп дал показания, что

их даже не читали и не принимали? Свидетель, это понятно?

Штеенграхт: Я понимаю это. Я вообще ничего не знал о плохом обращении в концентрационных лагерях в той мере и таких зверских способах о которых я услышал здесь. Я должен решительно протестовать против предположения о том, что я слышал о таких вещах от Ватикана. Также я убеждён в том, что господин фон Риббентроп не имел понятия о подробностях о которых мы услышали здесь и как их показали в фильмах.

Эймен: Свидетель, это не факт, что если бы вы изучили любую из жалоб от Ватикана о которых Риббентроп дал показания, что игнорировал их, вы бы поняли всё, что происходило в концентрационных лагерях до самой последней детали? «Да» или «нет».

Штеенграхт: Нет, это неправильно. Вчера я уже сказал о том, что возможно ключ к этому может быть найден в речи Гиммлера от 3 октября 1943, в которой он сказал о том, что акция против евреев и вопрос концентрационных лагерей следовало держать в тайне как и тему 30 июня 1934. И большая часть немецкого народа подтвердит тот факт, что до недавнего времени они не могли ничего выяснить об этих событиях. Если я шёл к группенфюреру Мюллеру или другим чиновникам, мне всегда говорили о том, что в концентрационных лагерях всё функционирует прекрасно и не может быть речи о плохом обращении. Тогда я настаивал на том, чтобы иностранцы, в частности Красный крест, инспектировали концентрационный лагерь и датский Красный крест должен был инспектировать концентрационный лагерь Терезиенштадт[136]. После того как состоялась инспекция – это был лагерь для евреев – датский посланник прибыл ко мне и рассказал о том, что вопреки ожиданиям там всё было благоприятно. Я выразил своё изумление, и он сказал мне: «Да, наши люди были там, там был театр и их собственная полиция, их собственный госпиталь, собственные деньги, дела идут хорошо». Таким образом, у меня не было повода сомневаться в том, что это была правда. Но лично я не могу иметь никакого понятия о подлинных условиях ни от какого немецкого ведомства, поскольку они бы побоялись говорить министерству иностранных дел, что-нибудь об этом. Но я хочу снова подчеркнуть, что мы действительно не имели никакого понятия о жестокостях и таких вещах.

Эймен: И отчего же они должны были бояться уведомлять министерство иностранных дел об этих жестокостях? Министерство иностранных дел, когда-нибудь разочаровывало их?

Штеенграхт: Во всех вопросах, в которых были нарушения международного права мы пытались довести дело тем или иным образом до Красного креста. Мы в частности делали это в вопросах по поводу военнопленных и если, что-то казалось

---

136 Терезиенштадт (Терезинское гетто) — нацистский концентрационный лагерь, располагавшийся на территории бывшего гарнизонного города Терезин в Чехии, на берегу реки Огрже. Создан в ноябре 1941 года на базе тюрьмы гестапо. За годы войны в этот лагерь попали около 140 тысяч человек (среди них 15 тысяч детей), из которых около 33 тысячи погибли, а 88 тысяч были депортированы в Освенцим и другие лагеря смерти и были убиты.

неправильным мы обращали внимание швейцарскому делегату на это, по нашей собственной инциативе: «Пойдите туда и посмотрите, что происходит». И в этом деле также, если бы я пошёл к швейцарцам и доверительно рассказал им, что то или это происходило в концентрационных лагерях, Швейцария и Красный крест возможно бы вмешались, что могло окончательно привести к неприятным мерам.
Председатель: Полковник Эймен, нам нужен перерыв на 10 минут.
Эймен: У меня осталось немного вопросов.

[*Объявлен перерыв*]

Эймен: Насколько вам известно, после получения Риббентропом полного стола жалоб из Ватикана, которые он ни читал, ни принимал, Риббентроп предпринял какие-нибудь шаги или сделал, что-нибудь, чтобы выяснить являлись ли эти жалобы обоснованными и правдивыми или не выяснял?
Штеенграхт: По поводу жалоб предъявленных до моего времени, я не имею понятия.
Эймен: Я спросил вас о любых жалобах которые получали от Ватикана которые доходили до вашего сведения, с особой ссылкой, конечно же, на стол о котором свидетельствовал сам Риббентроп. Вам известно о каких-либо шагах которые, когда-либо предпринимал Риббентроп в связи с жалобами полученными от Ватикана о жестокостях происходивших в концентрационных лагерях? Пожалуйста, ответьте «да» или «нет.
Штеенграхт: Насколько я помню, он представлял подобные жалобы Гитлеру, когда имел возможность, и затем ждал приказа Гитлера.
Эймен: Хорошо. И когда Гитлер говорил ему вообще не уделять внимания этим жалобам, он, как обычно, делал именно то о чём ему сказал фюрер, а именно, ничего. Это правильно, насколько вам известно?
Штеенграхт: Да, он соблюдал приказы Гитлера.
Эймен: И ничего не делал?
Штеенграхт: Если так гласил приказ, он ничего не делал, да.
Эймен: Что же, разве не вы рассказали трибуналу о том, в чём заключалось указание фюрера, не обращать никакого внимания на эти жалобы? «Да» или «нет», пожалуйста.
Штеенграхт: Да.
Эймен: И таким образом, я скажу, Риббентроп, как обычно, ничего не делал по поводу этих жалоб после того как фюрер инструктировал его не считаться с ними. Правильно?
Штеенграхт: Я не совсем понял вопрос.
Эймен: Я говорю, после того как Риббентроп получал инструкции от фюрера не считаться с этими жалобами из Ватикана, Риббентроп как обычно, делал то, что ему

приказали, а именно, ничего.

Штеенграхт: Я это признаю, за исключением тех случаев в которых он несмотря на это пытался снова и затем получал такой же ответ. Я также знаю о том, что он однажды обращался к Гиммлеру и принципиально просил о том, чтобы не проводились акции против евреев, и он предлагал о том, чтобы еврейских детей и женщин, как мне кажется, передавали Англии и Америке.

Эймен: И вам также известно, какой ответ он получил на это предложение, не так ли?

Штеенграхт: Я не знаю ответа.

Эймен: Что же, вы, разумеется, знакомы с тем фактом, что ничего подобного никогда не делали, не так ли?

Штеенграхт: О том, что это никогда не делали? Я не понял вопрос.

Эймен: Предложение, которое как вы говорите, Риббентроп сделал Гиммлеру. Это предложение никогда не было реализовано, не так ли?

Штеенграхт: Я не понял, каким образом не реализовано? Насколько мне известно – Риббентроп тогда обращался напрямую к зарубежным странам. Я тоже не знаю о том какой ответ он тогда получил, по крайней мере не в подробностях.

Эймен: Что же, насколько вам известно, ничего не поступило на это предложение, правильно?

Штеенграхт: Нет, ничего не поступило.

Эймен: И, фактически, вам известно о том, что Риббентроп и Гиммлер все равно были в хороших отношениях, не так ли?

Штеенграхт: Да.

Эймен: Это было общеизвестным каждому, не так ли?

Штеенграхт: Да, с течением времени враждебность увеличивалась.

Эймен: Насколько вам известно, Риббентроп принимал бромиды каждый день?

Штеенграхт: Это я не знаю. Он…

Эймен: Вы никогда не видели, как он их принимал?

Штеенграхт: Может быть, я не знаю.

Эймен: Что же, вы когда-нибудь видели его принимавшим их, или он когда-нибудь говорил о том, что принимал их?

Штеенграхт: Да, я сейчас помню о том, что он принимал какой-то красный состав, но я не придавал этому особое значение.

Председатель: Нас как-то касается то, принимал ли он бромиды?

Эймен: Да, ваша светлость, касается, потому что в своих допросах он заявлял о том, что его память о многих из этих событий нарушена или исчезла из-за передозировки таким лекарством.

Председатель: Хорошо.

Эймен: Итак, свидетель, вы одно время находились под арестом в месте известном

как «Эшкан[137]»?

Штеенграхт: В Эшкан?

Эймен: За пределами Люксембурга.

Штеенграхт: В Эшкан? Я не могу это вспомнить.

Эймен: Рядом с Люксембургом.

Штеенграхт: Закрытым в Эшкан? Нет, я не помню.

Эймен: После вашего пленения, где вас содержали.

Штеенграхт: Мондорф.

Эймен: Сколько времени?

Штеенграхт: Всего в Мондорфе 11 месяцев.

Эймен: И в то время там также содержалось множество подсудимых по данному делу?

Штеенграхт: Да.

Эймен: И в то время пока вы там находились, вы свободно могли общаться с некоторыми заключёнными?

Штеенграхт: Да.

Эймен: И у вас время от времени были такие беседы? Правильно?

Штеенграхт: Да. Я не находился с ними всё время, потому что меня перевели в другой лагерь.

Эймен: Итак, в ходе этих бесед с теми или иными заключёнными, вы сделали заявление которое я собираюсь вам прочесть, как точными словами или по сути? Вы понимаете вопрос? «У Риббентропа отсутствует всякое достоинство и правдивость. Такой концепции для него не существует». Пожалуйста, ответчайте «да» или «нет». Свидетель, вы так говорили, вы так говорили?

Штеенграхт: Я буду благодарен вам, если я смогу услышать, о чём конкретно я предположительно говорил.

Эймен: Итак, вспомните, я спросил вас, говорили ли вы точные слова или по сути. Вы это понимаете?

Штеенграхт: Я не понял точный немецкий перевод вашего вопроса.

Эймен: Сейчас вы поняли?

Штеенграхт: Я не понимаю. Я не понял точно немецкий перевод.

Эймен: Да, но вы поняли мой вопрос, а именно, о том, что вы говорите, о том использовали ли вы точные слова или какие-то похожие слова? Я снова прочту их вам. Вы поняли?

Штеенграхт: Да, я буду благодарен.

Эймен: «У Риббентропа отсутствует всякое достоинство и правдивость. Такой

---

137 Лагерь «Ashcan» (англ. Camp Ashcan, букв. «зольник», «ведро для золы») — американский лагерь для военнопленных, формально называвшийся «Central Continental Prisoner of War Enclosure No. 32»; был создан в коммуне Мондорф-ле-Бен (Люксембург) в конце Второй мировой войны, в мае 1945 года, для содержания высокопоставленных лидеров Третьего Рейха; располагался в отеле «Palace Hotel» и вмещал 86 наиболее известных, из оставшихся в живых, нацистских лидеров, многие из которых позднее стали подсудимыми на Нюрнбергском процессе.

концепции для него не существует».

Штеенграхт: Я не могу вспомнить, чтобы, когда-либо я делал такое заявление. Я бы хотел знать, кому я предположительно это говорил.

Эймен: Вы отрицаете, что делали такое заявление или вы просто не можете вспомнить говорили вы или нет?

Штеенграхт: Я не могу вспомнить, чтобы так говорил.

Эймен: Возможно, что говорили?

Штеенграхт: Может быть, я делал такое заявление в связи с чем-то.

Эймен: Очень хорошо.

Председатель: Другие обвинители хотят задать вопросы?

Зоря: Я ограничусь в целях экономии времени несколькими вопросами. Насколько можно было понять перевод ваших показаний, которые вы делали вчера, вы показали о том, что на внешнюю политику Германии помимо министерства иностранных дел оказывали влияние многие лица и учреждения.

Штеенграхт: Да.

Зоря: Скажите, кто из обвиняемых по настоящему делу, которых вы видите на скамье подсудимых, пытался влиять и влиял, в какой-то степени, на внешнюю политику Германии?

Штеенграхт: Конечно, внешняя политика, после начала войны…

Зоря: Я прошу вас не делать здесь деклараций по поводу внешней политики Германии, а указать совершенно точно в качестве ответа на мой вопрос, кто из подсудимых по настоящему делу пытался влиять и влиял на внешнюю политику Германии?

Штеенграхт: Основные направления внешней политики определялись исключительно Гитлером. Ввиду факта, что мы оккупировали много стран и в этих разных странах заняли большинство разных позиций…

Зоря: Всё это нам известно. Я вас прошу указать, кто из обвиняемых по настоящему делу, назвав их фамилии, пытался влиять и влиял на внешнюю политику Германии. Вам понятен мой вопрос?

Штеенграхт: Внешняя политика, как я вчера говорил, в общих чертах определялась только Гитлером, но те люди которым поручали особые сферы, естественно осуществляли некоторое влияние в том или ином отношении. Например, кто-то имел особую задачу связанную с полицией, осуществлением полицейских мер, кто-то должен был заниматься проблемами рабочей силы при руководстве рабочими вопросами. Тоже самое является правдой для других секторов.

Зоря: Вы опять-таки не ответили на мой вопрос. Я прошу вас указать, независимо от формы и размеров этого влияния, кто из обвиняемых по настоящему делу пытался влиять, и влиял, в той или иной форме, на внешнюю политику Германии кроме представителей министерства иностранных дел.

Штеенграхт: Я полагаю, что вы задали этот вопрос в связи с Россией, так как

министерство иностранных дел больше не имело компетенции после вступления германских войск в Россию…

Зоря: Я вас прошу…я вас прошу понять точно мой вопрос и ответить кто из обвиняемых и в какой форме, безотносительно к конкретным вопросам внешней политики, пытался влиять на эту внешнюю политику Германии и влиял.

Штеенграхт: Да. Что касается России, восточное министерство было компетентным за эти вопросы.

Зоря: Нет, не только по отношению к России.

Штеенграхт: В Норвегии устанавливал политику Тербовен[138]. Совершенно естественно на него влиял Гитлер в его отношении к Норвегии и норвежским проблемам. Таким же образом отдельные начальники администраций в отдельных странах оказывали влияние в зависимости от того насколько близко они могли приблизиться к Гитлеру своими отчётами.

Председатель: Свидетель, мы не хотим, чтобы вы произносили речи, мы хотим, чтобы вы ответили на вопрос. Вас не спрашивали о том, кто влиял на внешнюю политику, а о том какой из подсудимых влиял на внешнюю политику. Вы можете сказать, что никто или кто-то. Это вопрос, на который вы должны способны ответить.

Штеенграхт: Я признаю, что Розенберг мог кое-что сказать по поводу России, Франк мог, что-то сказать о Польше, Зейсс-Инкварт мог, что-то сказать о Голландии. Другие вопросы затрагивали только специальные сектора. Естественно СС могли, что-то говорить, Вермахт мог, что-то сказать, также разные другие ведомства и все они естественно оказывали некое влияние, но только определённое. Однако, основная политика проводилась исключительно Гитлером.

Зоря: Не хотите ли вы назвать в этой связи фамилию обвиняемого Геринга?

Штеенграхт: Геринг исполнял четырёхлетний план и в этом качестве он естественно осуществлял некоторое влияние в России.

Зоря: В чём заключалось это влияние?

Штеенграхт: И снова я должен сказать, что я и министерство иностранных дел не имело никакого отношения к России, и о том, что нам строго запрещалось вмешиваться в русские дела. В сфере пропаганды и прессы нам не разрешали никакую активность. По этой причине я особенно плохо информирован о русских делах.

Зоря: На другие вопросы кроме русского имел ли влияние обвиняемый Геринг?

Штеенграхт: Я не понял вопрос на немецком языке.

Зоря: Кроме русского вопроса, оказывал ли влияние в области внешней политику на другие вопросы обвиняемый Геринг?

Штеенграхт: Я бы сказал, что до 1938 года он, конечно, имел влияние на Гитлера в

---

138 Йозеф Тербовен (1898 — 1945) — государственный, военный и партийный деятель Германии. Обергруппенфюрер СА (1936). Рейхскомиссар Норвегии в 1940 – 1945. Покончил жизнь самоубийством.

вопросах внешней политики.

Зоря: Вы сообщили в своих показаниях о том, что в июле 1944 министерство иностранных дел включилось в подготовку антиеврейского конгресса, который, предполагалось, созвать в Кракове. Я вас прошу ответить коротко «да» или «нет».

Штеенграхт: Да.

Зоря: Известно ли вам, кто намечался в качестве почетных членов этого конгресса?

Штеенграхт: Возможно, было много, среди прочих Риббентроп, насколько я сегодня помню.

Зоря: Ещё кто из обвиняемых по этому делу?

Штеенграхт: Я на самом деле не могу сказать. Насколько я помню, Розенберг и большое число других ведущих личностей, но я уже не помню их имена. Естественно есть документы по данной теме, поэтому это можно без проблем установить.

Зоря: Пытался…пытался ли Риббентроп в какой-либо форме протестовать против того, чтобы его имя было включено в список почётных членов этого конгресса?

Штеенграхт: Насколько я могу вспомнить, он очень неохотно принял такой пост, но мне не кажется, что он на самом деле намеревался принимать хоть какое-то активное участие в этом деле.

Зоря: Насколько я вас понял, вы недавно дали показания о том, что между Риббентропом и Гиммлером существовали враждебные отношения.

Штеенграхт: Да, плохие отношения, да плохие отношения.

Зоря: А не можете ли вы сказать, существовал ли между Риббентропом и Гиммлером контакт в работе, поддерживали ли они этот контакт в какой-либо области, в какой-либо отрасле своей работы?

Штеенграхт: Фактически, не существовало такого рабочего контакта который бы считался правильным в хорошо организованном государстве. Конечно же, временами были дела, которые в чём-то касались обеих этих людей, и в этой мере у них был контакт, да.

Зоря: В какой форме этот контакт существовал, и какой именно?

Штеенграхт: По сути, он заключался в этом: что Риббентроп и Гиммлер виделись друг с другом каждые несколько месяцев. Кроме этого, у нас был связной в министерстве иностранных дел от рейхсфюрера СС.

Зоря: Каким же образом это увязывается с той враждой между Гиммлером и Риббентропом о которой вы говорили?

Штеенграхт: Я предполагаю вы ссылаетесь на второй вопрос на который я ответил. В каждом нормальном государстве дело обстоит так, что министры встречаются друг с другом по крайней мере раз в год и обмениваются мнениями. Однако, этого не происходило, поскольку, как мы уже слышали сегодня довольно долго, сферы компетенции сильно накладывались и деятельность одного человека очень сильно затрагивала деятельность другого. Таким образом приходилось устанавливать

какую-то связь хотелось того или нет.

Зоря: Правильно ли я вас понял, что Гиммлер и Риббентроп даже не встречались между собой?

Штеенграхт: Они встречались, наверное, каждые три месяца. Может быть, каждые четыре месяца, и они обычно виделись только если, по случайности, и Риббентроп и Гиммлер посещали Гитлера в одно и тоже время.

Зоря: И специальных встреч между ними не было, делового контакта между ними не было?

Штеенграхт: На самом деле нет.

Зоря: Я попрошу, чтобы вас ознакомили с документом СССР номер 120, который уже принят в качестве доказательства трибуналом.

Председатель: Какой номер вы указали?

Зоря: СССР-120.

Вы видите, это соглашение между Гиммлером и Риббентропом об организации разведывательной работы. Знакомо вам это соглашение? Знакомо.

Штеенграхт: Так точно.

Зоря: По-видимому контакт между Гиммлером и Риббентропом был более тесный чем вы хотели здесь представить.

Штеенграхт: Мне не кажется, господин обвинитель, что я хотел создать у вас иное впечатление чем существовало на самом деле. Это относится к приказу Гитлера от 12 февраля 1944. На основании этого приказа Гиммлер принял на себя всю заграничную деятельность без участия министерства иностранных дел и после того как он стал преемником Канариса, в результате этого приказа он обеспечил преимущественное положение за рубежом. И если бы министерство иностранных дел тем или иным путём не пыталось установить контакт с этой организацией, тогда бы министерство иностранных дел вообще бы не имело влияния в зарубежных странах. Нам пришлось решительно бороться за этот документ, так как на основании этого документа Гиммлера впервые обязали сообщать нам информацию которую он доставлял в Германию. В противном случае он бы доставлял эти отчёты не рассказывая нам о них. В этом заключалась причина почему мы договорились о рабочем соглашении. Но, насколько я могу вспомнить, его вообще не применяли на практике, потому что был принят приказ от 14 февраля 1944 и мы не могли договориться до февраля 1945. Затем это постепенно возникло. Должно быть это приблизительная дата. В любом случае это заняло какое-то время.

Зоря: Вы говорите, что это соглашение не вошло в силу?

Штеенграхт: Я это не говорил. Соглашение вступило в силу в момент подписания. Но его не применяли на практике или вряд ли применяли на практике.

Зоря: Я думаю, что следует удовлетвориться вашим ответом и перейти к другим вопросам. Приходилось ли вам входить в соприкосновение с подсудимым Кальтенбруннером?

Штеенграхт: Вступал ли я в контакт с Кальтенбруннером? Да.
Зоря: По каким вопросам?
Штеенграхт: Иммено по тем вопросам, по которым например, нунций сообщал мне и также о людях которые из-за «Мрака и тумана» депортировались из заграницы и о которых нам не разрешали давать информацию, я часто в личном порядке ходил к Кальтенбруннеру и замечал ему о том, что этот приказ был бесчеловечным. Кальтенбруннер часто предоставлял мне информацию, и я вопреки приказам передавал эту информацию за рубеж, потому что считал это обоснованным с точки зрения гуманности. В таких общих чертах я имел контакт с Кальтенбруннером.
Зоря: В частности, имели ли вы с ним беседу по вопросу о датских полицейских которые были заключены Гестапо в лагерь без предъявления конкретных обвинений? Я прошу вас ответить в форме «да»-«нет».
Штеенграхт: Так точно.
Зоря: Вы показали на одном из допросов, который вёл американский следователь, о том, что несмотря на то, что эти полицейские были возвращены в Данию, с ними очень плохо обращались.
Штеенграхт: Да.
Зоря: В чём заключалось это плохое обращение?
Штеенграхт: В то время я узнал, мне кажется от датского посланника, что 1600 датских полицейских…
Зоря: Я прошу вас быть кратким. В чём заключалось плохое обращение с этими датскими полицейскими которые были заключены в лагерь без конкретного обвинения?
Штеенграхт: Этих полицейских доставили из Дании. Когда я узнал об этом, я в тот же день поехал к Кальтенбруннеру и попросил его при любых обстоятельствах обращаться с этими людьми как с гражданскими интернированными или как с военнопленными.
Зоря: Я прошу прощения, но вы не отвечаете на мой вопрос. В чём заключалось плохое обращение с этими датскими полицейскими?
Штеенграхт: Я полагаю, вы хотите знать, ответственен ли Кальтенбруннер лично за это и на это я скажу вам противоположное. Я…
Председатель: Вы ответите на вопрос? Его повторили. Вы должны понять о чём вопрос: в чём заключалось плохое обращение? Вы либо знали или нет. Если вы знали, вы можете это сказать.
Штеенграхт: Насколько я помню, 10 процентов из этих пленных умерли.
Зоря: Это всё, что вы можете сообщить по этому вопросу?
Штеенграхт: По поводу подробностей плохого обращения меня проинформировала Дания о том, что людям не разрешили сохранить свою форму и заставили надеть одежду концентрационного лагеря, что эта одежда концентрационного лагеря была слишком тонкой и люди часто умирали от воспаления лёгких, также было

недостаточно пищи. Больше я не знал в то время. Их также пороли.
Зоря: Скажите, пожалуйста, свидетель: когда-нибудь приходилось вам сталкиваться с деятельностью подсудимого Заукеля?
Штеенграхт: Я сталкивался с деятельностью Заукеля лишь, поскольку мы возражали тому, что много людей из заграницы принудительно доставлялись в Германию.
Зоря: Не припомните ли вы одно из совещаний с участием Заукеля на котором вы присутствовали? Вы об этом совещании также дали показания на одном допросе перед этим процессом.
Штеенграхт: Да.
Зоря: Помните ли вы, что на этом допросе вы показали: «Однако меры, которыми пользовались при наборе людей в России и других странах не поддаются описанию».
Штеенграхт: На заседании – я не понял вопрос.
Зоря: Нет, вы показали, на допросе от 28 сентября 1945 года – дословно, я цитирую: «Однако меры, которыми они пользовались при наборе людей в России и тому подобных странах не поддаются описанию». Помните ли вы эти показания?
Штеенграхт: Я подтверждаю это заявление.
Зоря: Вы их подтверждаете? Перечислите хотя бы кратко, какие именно не поддающиеся описанию меры предпринимались ведомством Заукеля в России и других странах?
Штеенграхт: Я знаю только об одном случае о котором мне тогда сообщили. Это касалось того факта, что в неком секторе, людей приглашали на театральное представление и театр окружали, и людей которые были внутри доставляли в Германию для принудительной работы. Это касалось мер о которых я слышал.
Зоря: У меня нет больше вопросов.
Покровский: Прошу разрешения задать ещё один вопрос, вернее уточнить ответ на один вопрос.
Председатель: Полковник Покровский, трибунал уже указал на то, что он желает насколько возможно сократить перекрёстный допрос, и он действительно не может заслушивать более чем одного представителя от каждой из четырёх стран. Он не желает заслушивать больше чем одного от каждой из четырёх стран. Боюсь, мы не сможем заслушать ваш перекрёстный допрос.
Покровский: Это не новый вопрос. Свидетель не ответил на четыре раза повторенный вопрос.
Председатель: Но представитель новый.
Покровский: Нет. Советское обвинение задало вопрос о том кто из обвиняемых влиял на внешнюю политику. Свидетель сказал: «Вооружённые силы». Я хотел бы…
Председатель: Извиняюсь, полковник Покровский, но я привел вам распоряжение

трибунала. Мы не можем заслушивать больше чем одного представителя. Надеюсь, как я скажу, что обвинители проведут свой допрос как можно короче.

Фор: Этого свидетеля уже довольно долго допрашивали, я хочу задать очень короткий вопрос.

Свидетель, я хочу, чтобы вы конкретно подтвердили то о чём вы уже заявили, о том, что германское посольство в Париже находилось в подчинении Риббентропа и было ответственным только перед ним, это правильно?

Штеенграхт: Я не понял вопрос на немецком языке.

Фор: Из вашего заявления, и из того, что вам известно, это правильно, что германское посольство в Париже находилось в компетенции Риббентропа и было ответственным только перед ним?

Штеенграхт: Да.

Фор: Это означало, что каждое важное мероприятие предпринимаемое посольством было бы известно подсудимому Риббентропу?

Штеенграхт: Да.

Фор: Я просто хотел уточнить это в виду допроса свидетеля, у меня больше нет вопросов.

Председатель: Трибунал отложен до двух часов.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Кауффман: Господин председатель, я прошу разрешения задать один вопрос, который я не мог задать ранее. Русский обвинитель спросил о том, обсуждал ли свидетель с Кальтенбруннером вопрос датских полицейских. В связи с этим осталось полностью без ответа то как вёл себя Кальтенбруннер. Я просто хочу задать этот единственный вопрос.

Председатель: Да, доктор Кауффман.

Кауффман: Свидетель, будьте любезны рассказать трибуналу о том как повел себя Кальтенбруннер, когда вы обсуждали с ним вопрос датской полиции с которой обращались негуманно – как вёл себя Кальтенбруннер в связи с этим и что делал.

Штеенграхт: Возможно вопрос в таком виде не совсем правильный, когда вы говорите: «с которым негуманно обращались», так как это не могли рассматривать. Их просто передали в концентрационный лагерь. Таким образом, как только я услышал об этом я пошёл к Кальтенбруннеру и сказал ему о том, чтобы этих людей не направляли в концентрационный лагерь. С ними следовало обращаться либо как с военнопленными или как с гражданскими интернированными.

Кальтенбруннер это выслушал и сказал о том, что у него такое же мнение,

и в моём присутствии отдал приказ о том, чтобы этих людей перевели из концентрационного лагеря в лагерь военнопленных. Из этого я полагаю, что вопрос был решён и затем спустя две недели я выяснил, что они всё ещё в концентрационном лагере. Я серьёзно обратился к Кальтенбруннеру. Кальтенбруннер сказал о том, что у него нет этому объяснения. Я тоже не мог понять, поскольку приказ о переводе этих людей отдали в моём присутствии. Впоследствии мы проводили много переговоров об этом. У меня сложилось впечатление о том, что здесь сработало другое влияние и о том, что Кальтенбруннер не смог отстоять своё мнение.

Кауффман: Он был против негуманного обращения?

Штеенграхт: Он всегда говорил мне о том, что он за их направление в лагерь военнопленных. Естественно это было существенным улучшением.

Кауффман: Больше нет вопросов.

Председатель: Доктор Хорн, вы хотите повторно допросить этого свидетеля?

Хорн: У меня больше нет вопросов к свидетелю.

Биддл: Риббентроп выступал за нарушение Версальского договора или он возражал этому?

Штеенграхт: Я хочу сказать…

Биддл: Вы можете сказать «да» или «нет» и затем пояснить?

Штеенграхт: Он хотел изменения.

Биддл: Риббентроп был за реоккупацию Рейнланда?

Штеенграхт: Тогда я не знал Риббентропа и соответственно не могу ответить на этот вопрос.

Биддл: Риббентроп возражал перевооружению?

Штеенграхт: Я также не могу ответить на этот вопрос, потому что тогда его не знал. Я впервые увидел его в 1936 году.

Биддл: Он выступал за аншлюс?

Штеенграхт: Я так полагаю.

Биддл: Он выступал за Тройственный пакт[139]?

Штеенграхт: Да.

Биддл: На этом всё.

Председатель: Свидетель может удалиться.

[*Свидетель фон Штеенграхт покинул место свидетеля*]

Хорн: Вчера я закончил презентацию своих документов предъявлением экземпляра номер Риббентроп 10 (документ номер Риббентроп-10) – на странице 35

139 Берлинский пакт 1940 года, известный также как Пакт трёх держав 1940 года или Тройственный пакт — международный договор (пакт), заключённый 27 сентября 1940 года между главными державами Оси Германией, Италией и Японией сроком на 10 лет. Берлинский пакт предусматривал разграничение зон влияния между странами Оси при установлении нового мирового порядка и военной взаимопомощи.

документальной книги. Этим документом я доказал, что фон Риббентроп проводил свою внешнюю политику согласно линиям установленным Гитлером. Я хочу доказать следующими документами какой была внешнеполитическая ситуация, когда Риббентроп принял должность в феврале 1938. Я прошу суд принять уведомление о следующих документах, номера которых я сообщу трибуналу, не оглашая из них ничего, для того, чтобы я мог вернуться к ним в своей заключительной речи.

Первый из этих документов это документ, который имеет номер экземпляра Риббентроп 14 (документ номер Риббентроп-14). Здесь снова вопрос фрагмента из «Dokumente der Deutschen Politik», том 1, и имеется заголовок «Прокламация правительства Рейха к немецкому народу от 1 февраля 1933». Этот документ кратко описывал положении Германии в то время и намерения гитлеровского правительства которое пришло к власти 30 января 1933.

Следующий документ, о котором я прошу трибунал принять уведомление это Риббентроп экземпляр 15 (документ номер Риббентроп-15). Этот документ также взят из первого тома «Dokumente der Deutschen Politik». Он имеет заголовок «Обращение Адольфа Гитлера в связи с инаугурацией 21 марта 1933 в Постдаме». В этом документе также приводятся основные высказывания о внутренней и внешней политике согласованной новым правительством.

В качестве следующего документа, я прошу суд принять уведомление об экземпляре номер Риббентроп 16 (документ номер Риббентроп-16). И снова это документ из вышеуказанного тома документов. Он озаглавлен «Речь Адольфа Гитлера о его программе на заседании Рейхстага в здании Кролль-опера 23 марта 1933».

Я прошу суд принять уведомление о следующем документе, экземпляре Риббентроп номер 17 (документ номер Риббентроп-17). И снова это фрагмент из «Dokumente der Deutschen Politik».

Покровский: Я очень не хотел бы прерывать доктора Хорна, но ни одного документа из называемых им, начиная с номера 14, и насколько я понимаю, до номера 44, включительно, советское обвинение не получило, и я не вижу возможности оказывать посильную помощь суду при рассмотрении этих документов до того момента пока мы их получим. Я полагаю, что очевидно трибунал найдет правильным, отложить рассмотрение этих документов до того момента пока советское обвинение будет этими документами располагать.

Хорн: Пожалуйста, могу я дать короткое пояснение. Я выяснял то какой прогресс у переводов. Три недели назад я передал свои документы в установленном порядке, последние из них около 10 дней назад. Отдел переводов сообщил мне о том, что к сожалению имел слишком мало французских и русских переводчиков для перевода документов на эти два языка, чтобы успевать также как в случае английского перевода. Конечно же, на эти вещи я не имею влияния.

Председатель: Доктор Хорн, трибунал отмечает то, что вы выполняете обязательства которые возложены на вас и поэтому, он считает, что документы следует пройти, подвергая их, конечно же, любому возражению которое возможно, когда будут готовы переводы.
Хорн: Да, господин председатель, в качестве предосторожности я уже сообщил полковнику Покровскому о том, как обстояло дело, не зная в подробностях о том какие документы перевели на русский язык. В этом я смог добиться договорённости, потому что остальные вещи за рамками моего контроля.
Додд: Мне интересно, будет ли возможно доктору Хорну очень кратко указать цель с которой он приобщает эти документы. У нас, я знаю, будут возражения некоторым, но некоторые возражения можно прояснить, если мы заранее услышим о том в чём заключается цель их приобщения.
Председатель: Господин Додд, доктор Хорн предъявил большое количество документов и просит суд принять о них уведомление и если обвинение считает, что есть, что-то конкретное чему оно возражает, не будет ли лучше сделать это потом?
Додд: Я думал, что этим окажу содействие и избавлю нас от слишком частого вставания, если он даст нам понять о цели с которой их приобщает.
Председатель: Думаю, это займет дольше времени.
Хорн: Могу я коротко пояснить по данному вопросу? С 1933 мой клиент занимал официальные должности которые были тесно связаны с внешней политикой. Руководство внешней политикой, в качестве её цели, ведение агрессивной войны, вменяется ему в вину. Сейчас я приобщаю эти документы в качестве доказательств которые демонстрируют то как развивалась политика и что подсудимый фон Риббентроп со своей стороны прилагал долгие и продолжительные усилия, чтобы избежать агрессивной войны, например Риббентроп экземпляр номер 17 (документ номер Риббентроп 17) о котором я прошу трибунал принять уведомление. Он в документальной книге на странице 40 и содержит речь Гитлера от 17 мая 1933 в германском Рейхстаге о мирной политике национал-социалистов.
Председатель: Да, продолжайте доктор Хорн.
Хорн: Этот документ от 17 мая 1933 я цитирую как доказательство главной воли Германии к разоружению и как доказательство того, что правительство Рейха прилагало усилия, чтобы добиться общего умиротворения Европы.

Что касается следующего документа, я прошу суд принять уведомление об экземпляре номер Риббентроп 18 (документ номер Риббентроп-18). Это снова документ из этого же сборника и он озаглавлен «Договор о согласии и сотрудничестве от 15 июля 1933[140]», известный вкратце как «Пакт четырёх держав».

140 «Пакт четырёх» — международный договор, подписанный представителями Италии, Великобритании, Германии и Франции 15 июля 1933 года в Риме. Договор предполагал политическое сотрудничество между четырьмя державами в Лиге Наций с целью устранения угрозы войны в Европе. Предполагалось, что основные усилия «пакта четырёх» будут направлены на пересмотр некоторых положений Версальских мирных договоров 1919—1920 гг. (как, например, признание равноправия в вооружении за Австрией, Венгрией и Болгарией). Негласно предполагалось, что ревизии подвергнутся и некоторые версальские границы (между Германией и Польшей, а также между Венгрией и её

Это на странице 42 документальной книги. Это Пакт четырёх держав между Германией, Францией, Англией и Италией вдохновлённый Муссолини. Его цель заключалась в достижении всеобщего разоружения и в частности, осуществления пересмотра статьи – номер 19 – устава Лиги наций. Этот пакт не оформился, потому что его не ратифицировала Франция.

Что касается следующего документа, я прошу суд принять судебное уведомление об экземпляре Риббентроп номер 20 (документ номер Риббентроп-20). Он касается «Прокламации правительства Рейха к немецкому народу в связи с выходом из Лиги наций 14 октября 1933». Данная прокламация правительства Рейха подтвердила неудачу конференции по разоружению и привела короткий отчёт о причинах Германии для выхода из Лиги наций. В связи с этой прокламацией, Гитлер в тот же день произнес речь по радио для того, что высказать причины выхода Германии из Лиги наций. Я приобщаю эту речь трибуналу как экземпляр Риббентроп номер 21 (документ номер Риббентроп-21) и прошу трибунал вынести о ней уведомление. Речь находится на странице 45 документальной книги.

Для того, чтобы оправдать народу существовавшую тогда внешнюю политику, а также получить информацию о политике того времени, рейхспрезидент фон Гинденбург[141] 11 ноября 1933 призвал немецкий народ к избирательным урнам. Прокламация в связи с этим находится в экземпляре номер Риббентроп 23 (документ номер Риббентроп-23), который находится на странице 48 документальной книги. Я снова предсталяю её суду для уведомления.

Далее я прошу суд принять уведомление об экземпляре номер 24 (документ номер Риббентроп-24) в котором находятся результаты голосования. Это страница 49 документальной книги которая перед вами.

В ходе своей политики разоружения, Германия 18 декабря 1933 издала немецкий меморандум по вопросу разоружения и об отношении Германии к проблеме разоружения. Я предъявляю суду документ для уведомления как экземпляр Риббентроп номер 25 (документ номер Риббентроп-25).

Следующий документ находится на странице 51 документальной книги и описывает ход переговоров о разоружении и отношение Германии к этим переговорам. Я предъявляю его суду для уведомления как Риббентроп экземпляр номер 26 (документ номер Риббентроп-26). Документ находится на странице 51 документальной книги и озаглавлен «Германский меморандум о разоружении от 19 января 1934».

Немецкий взгляд на разоружение вновь изложен в следующем документе, Риббентроп экземпляр номер 27 (документ номер Риббентроп-27) на странице 53

соседями). Договор был ратифицирован только в Италии и не вступил в силу.

141 Пауль фон Гинденбург (1847 — 1934) — немецкий военный и политический деятель. Видный командующий Первой мировой войны: главнокомандующий на Восточном фронте против России (1914—1916), начальник Генерального штаба (1916—1919). Прусский генерал-фельдмаршал (2 ноября 1914). Президент Германии (1925—1934).

документальной книги и озаглавлен «Германский меморандум от 13 марта 1934». Я прошу трибунал вынести уведомление о данном документе.

Германское правительство ответило на английский меморандум о разоружении от 16 апреля 1934 памятной запиской английскому правительству. Я прошу суд вынести уведомление об этом документе как Риббентроп экземпляр номер 28 (документ номер Риббентроп-28).

Во время переговоров о разоружении, Франция в 1934, предложила пакт который стал известен под названием «Восточный пакт[142]». По поводу Восточного пакта, германское правительство выразило свой взгляд в коммюнике правительства Германского Рейха от 10 сентября 1934, которое находится на странице 56 документальной книги и котому я присвоил номер экземпляра Риббентроп-30 (документ номер Риббентроп-30), вновь я прошу вынести судебное уведомление.

В качестве следующего документа который находится на странице 57, я представляю суду для уведомления: Риббентроп экземпляр номер 31 (документ номер Риббентроп-31). Он касается копии из «Dokumente der Deutschen Politik», том 3, и показывает ответ правительства Рейха от 14 февраля 1935 на предложение о воздушном пакте. Комментарии Германии по данному воздушному пакту включали следующее, я читаю абзац 2 из этого экземпляра и начинаю цитату:

> «Германское правительство приветствует предложение укрепить безопасность от внезапных атак с воздуха соглашением которое следует заключить как можно скорее, предусматривающим незамедлительное использование воздушных сил подписавших сторон в интересах жертвы неспровоцированной воздушной атаки».

В 1935 в Германии была восстановлена всеобщая воинская обязанность. В связи с этим германское правительство обратилось с прокламацией к немецкому народу. Эта прокламация находится на странице 59 документальной книги и имеет номер экземпляр Риббентроп-33 (документ номер Риббентроп-33). Я прошу о том, чтобы об этом фрагменте из прокламации вынесли судебное уведомление.

Как Риббентроп 34 (документ номер Риббентроп-34), я предъявляю коммюнике правительства Германского Рейха от 14 апреля 1935 об отношении Германии к Восточному пакту. Это на странице 61 и следующей, документальной книги, и я прошу, ничего из него не оглашая, чтобы трибунал вынес о нём уведомление.

Введение обязательной военной службы рассматривалось странами подписавшими Версальский договор нарушением части V данного договора. Государства протестовали против восстановления обязательной военной службы в

---

142 Восточный пакт — термин для обозначения неудачной попытки, предпринятой в 1934 г. по заключению коллективного договора о взаимопомощи между СССР, Чехословакией, Польшей, Финляндией, Латвией, Эстонией, Литвой и Германией. Основная инициатива по данному проекту исходила от Франции и СССР. Содержание и предполагаемые участники проекта Восточного пакта неоднократно менялись, однако, по сути, предполагалось, что договор должен был сдерживать Германию и укреплять версальский территориальный статус-кво.

Германии. Был принят протест правительства Рейха против данного решения Совета Лиги наций от 17 апреля 1935. Этот протест находится на странице 63 документальной книги. У меня это экземпляр номер Риббентроп 35 (документ номер Риббентроп-35), и я прошу трибунал вынести о нём уведомление. В данном документе германское правительство оспаривало право правительств представленных в Совете Лиги наций, которые одобрили решение от 17 апреля, ставить себя на место судей Германии. В данном протесте сказано о том, что такое отношение интерпретируется как новая дискриминация против Германии и соотвественно отвергается.

Сейчас я перехожу к экземпляру номер Риббентроп-36 (документ номер Риббентроп-36) который находится на странице 64 документальной книги. Это касается германского меморандума локарнским державам от 25 мая 1935 и рассматривает несовместимость советского пакта с Локарнским договором. Подсудимый Риббентроп решительно участвовал в переговорах, которые привели к данному меморандуму и представлении немецкой точки зрения в Лиге наций и для локарнских держав. Я прошу суд вынести судебное уведомление о документе, потому что он содержал юридическое отношение Германии к данной проблеме.

Дальнейший меморандум локарнским державам находится на странице 68 документальной книги (документ номер Риббентроп-36) экземпляр номер Риббентроп-36 и снова ясно и кратко раскрывает несовместимость советского пакта с Локарнским договором. Я прошу, что также германский меморандум локарнским державам – он датирован 25 мая 1935 – был принят уведомлением.

Правовая точка зрения, которая сформировала основу для этого меморандума была представлена в речи Гитлера в германском Рейхстаге от 21 мая 1935 по поводу мирной политики, для того, чтобы снова подтвердить немецкую готовность к миру и разоружению. Одновременно предложения о мире и разоружении были представлены Риббентропом в Лондоне. Я прошу, чтобы этот документ, эту речь Гитлера, приняли уведомлением как экземпляр номер Риббентроп-37 (документ номер Риббентроп-37). Она на странице 69 и следующей, моей документальной книги.

В качестве следующего документа доказывающего, что Германия прилагала постоянные усилия к разоружению и пыталась договориться, я предъявляю экземпляр номер Риббентроп 38 (документ номер Риббентроп-38) для уведомления, который находится на странице 77 моей документальной книги. Это касается Англо-германского морского соглашения от 18 июня 1935[143], в котором Риббентроп сыграл решающую роль, и для ратификации которого Риббентроп приложил особое влияние. Он в частности убедил французское правительство, в результате своих усилий, согласиться с этим договором. Это было необходимо,

143 Англо-германское морское соглашение 1935 года — договор о соотношении военно-морских сил, заключённый между Великобританией и нацистской Германией в июне 1935 года.

потому что морское соглашение требовало изменения в части V Версальского договора, уже цитированной – эта часть касалась инструкций по разоружению и норм о вооружениях. Тогда Риббентроп смог убедить французское правительство дать своё одобрение этому соглашению. Я предъявляю этот документ как экземпляр Риббентроп номер 38, с просьбой об уведомлении.

Я могу, в дополнение, сказать в этой связи, что данный договор тогда рассматривался и Риббентропом и Гитлером как краеугольный камень для далекоидущего предложения о взаимопонимании и союзе с Англией. В предыдущие годы, также как и в период своей службы послом в Лондоне и также министром иностранных дел, Риббентроп прилагал постоянные усилия для достижения такого пакта в той или иной форме.

В качестве следующего документа я предъявляю экземпляр номер Риббентроп 39 (документ номер Риббентроп-39), который находится на странице 79 документальной книги.

Снова и в виду реоккупации Рейнланда, германское правительство сочло себя вынужденным 7 марта 1936 выразить своё отношение в меморандуме державам подписавшим Локарнский пакт. Эта точка зрения находится в документе, и я прошу трибунал принять о нём уведомление.

Оккупация Рейнланда привела к протесту держав заинтересованных в нём. Риббентроп ответил на данный протест речью в Совете Лиги наций в Лондоне и предъявил ещё один протест Совету Лиги наций против протеста держав подписавших Локарно. Данный протест тогдашнего посла фон Риббентропа, который я представляю как экземпляр номер Риббентроп 40 (документ номер Риббентроп-40), который находится на странице 83 моей документальной книги, я также предъявляю для уведомления.

В качестве следующего документа я представляю суду экземпляр Риббентроп номер 41 (документ номер Риббентроп-41), на странице 84 документальной книги, с просьбой об уведомлении. Он содержит последнее мирное предложение Германии в связи с разоружением и мирными предложениями этого времени. Он озаглавлен «Мирный план германского правительства от 31 марта 1936».

В последующие годы Германия постоянно прилагала усилия для опровержения лжи о военной вине[144]. В 1937 году немецкие и итальянские отношения становились ближе, и в связи с этими отношениями Гитлер, 30 января 1937 на четвёртую годовщину национал-социалистической революции внёс в германский Рейхстаг в здании Кролль-опера предложение о том, что следует

144 Статья 231 Версальского договора предусматривала, что: «Союзные и Объединившиеся правительства заявляют, а Германия признает, что Германия и ее союзники ответственны за причинение всех потерь и всех убытков, понесенных Союзными и Объединившимися правительствами и их гражданами вследствие войны, которая была им навязана нападением Германии и ее союзников». В Веймарской республике зачастую рассматривалась как унизительная для немецкого народа.

добиваться соглашений с остальными европейскими нациями в Европе на такой же основе как между Германией и Италией для того, чтобы добиться гармоничный отношений. Я прошу о том, чтобы этот документ приняли как экземпляр Риббентроп номер 43 (документ номер Риббентроп-43), который находится на странице 88 документальной книги. В данной книге отход от лжи о военной вине снова чётко прослеживается. Я цитирую из третьего абзаца сверху:

> «Таким образом, прежде всего я торжественно отзываю подпись Германии под заявлением вырванном, вопреки собственному суждению, у слабого немецкого правительства, о том, что Германия виновата в войне».

В качестве следующего документа и предъявляю…

Председатель: Я прошу прощения. Вы ссылаетесь на 44?

Хорн: Я только, что сослался на экземпляр номер Риббентроп 44 (документ номер Риббентроп-43), который находится на странице 88 документальной книги. Пожалуйста, извините меня, если я это пропустил.

Председатель: Был какой-то отрывок, который вы прочли который как кажется, не перевели.

Хорн: Я правильно понял, что вы говорите, господин председатель, что в документальной книге нет английского перевода?

Председатель: Что же, я не совсем уверен. Я сам не понял. Вы читали, что-то чего нет в документальной книге?

Хорн: Нет, господин председатель. Я процитировал только то, что находилось в документальной книге. Это на странице 88, абзац 3 и конкретно этот абзац начинается: «И в-чётвёртых…».

Председатель: В-третьих, не так ли?

Хорн: Абзац 3, и этот абзац снова разделен на четыре подпункта, и я читаю четвёртый подпункт.

Сейчас я перехожу к экземпляру номер Риббентроп 44 (документ номер Риббентроп-44), который находится на странице 90 в документальной книге. Этот документ содержится в германской ноте от 13 октября 1937 о бельгийской неприкосновенности. Этот документ имеет значение в виду событий 1940, и для того, чтобы показать немецкий взгляд, я хочу прочитать последний абзац, который в моей документальной книге находится на странице 91 и которому предшествует римская цифра II. Я цитирую:

> «Германское правительство утверждает о том, что неприкосновенность и целостность Бельгии является общим интересом западных держав. Оно подтверждает свою решимость не посягать на эту неприкосновенность и целостность ни при каких обстоятельствах и уважать на все времена бельгийскую территорию, за исключением развития событий при котором Бельгия

взаимодействует в вооружённом конфликте направленном против Германии в который вовлечена Германия».

Я прошу о том, чтобы этот документ получил уведомление.

На этом я завершаю серию документов, которые должны служить мне, в моей заключительной речи в качестве основы раскрывающей условия внешней политики в которых оказался Риббентроп при его поступлении на должность министра иностранных дел. Я сошлюсь на эти документы, когда возникнет возможность.

Председатель: Вы вручили их суду через секретаря?

Хорн: Господин председатель, в связи с вчерашней дискуссией я снова объединил эти документы и вручил их, подписанными генеральному секретарю.

Следующие документы которые я предъявляю служат в качестве дополнения к тому, что я скажу позднее по поводу участия Риббентропа в политике которая привела к аншлюсу с Австрией.

Прежде всего, я хочу сослаться на документ PS-386, уже представленный обвинением, который содержится в моей документальной книге. К сожалению я не в состоянии зачитывать номера страниц трибуналу, потому что мы сами пока не получили материалы, то есть, документальную книгу которая следующая. Этот документ следует за экземпляром номер Риббентроп 44, который был на странице 90 документальной книги.

Председатель: Экземпляр номер 44 это последний документ во второй документальной книге. Больше там ничего нет, не так ли? Там больше ничего нет?

Хорн: Сегодня мне сообщили о том, что английская документальная книга закончена и представлена трибуналу. К сожалению мы не получили копию, поэтому я не могу сравнить номера страниц.

Председатель: Что же, у нас их нет. У нас только эти две и последний экземпляр во второй книге это номер 44, который вы только, что прочитали. Но, доктор Хорн, так как документальная книга уже предъявлена в качестве доказательства, вам не нужно её представлять. Вы можете сказать, что полагаетесь на неё, вот всё, что нужно.

Хорн: Да, но мне кажется, мы должны немедленно решить по вопросу продолжения моей презентации. Я хочу снова дать это понять, после того как трибунал распорядился о способе представления документов, тогда я незамедлительно предъявил свои документы трибуналу для перевода установленным образом, представив 6 документальных книг имеющих мою подпись. К сожалению, отдел переводов не смог следовать за представлением доказательств защиты и я в неудобном положении, будучи неспособен обеспечить трибунал, содействием указывая страницы для того, чтобы правильно продолжать своё выступление.

Председатель: Да, доктор Хорн, мы думаем, что вам лучше продолжать, лишь уведомляя нас о том, какие это документы и приобщались ли они уже в качестве доказательств или вы приобщаете их сейчас. Вы говорили нам о документе PS-386.

Мы можем это отметить – что он уже приобщён в качестве доказательства. Я не знаю все ли ваши документы приобщены в качестве доказательств или есть какие-то документы которые не приобщены, и которые вы собираетесь приобщить в качестве доказательств.

Хорн: Следующие документы новые. Что касается документа PS-386, я хочу только дать понять, что фон Риббентроп не был тем, кто тогда присутствовал. Он также узнал здесь впервые об этом документе и его содержании – это касается хорошо известного документа Хоссбаха[145].

Следующий документ, на который я сошлюсь в своей заключительной речи это документ номер PS-2461, уже представленный обвинением. Это официальное германское сообщение по поводу встречи между фюрером и рейхсканцлером с австрийским федеральным канцлером доктором Шушнигом[146] в Берхтесгадене 12 и 15 февраля 1938. Я ссылаюсь на этот документ, чтобы подтвердить в какой мере Риббентроп участвовал в этой дискуссии.

Следующий документ, на который я сошлюсь, и который я представляю трибуналу с просьбой об уведомлении, это Риббентроп экземпляр номер 11 (документ номер Риббентроп-11), который находится в моей документальной книге. Этот документ…

Председатель: Доктор Хорн, трибунал не считает на самом деле необходимым для вас ссылаться на документы уже приобщённые в качестве доказательств если вы не хотите прочитать из них какие-то фрагменты и обратиться к каким-то отрывкам которые пока не оглашали. Я имею в виду, предположим, что обвинение читало конкретное предложение из конкретного документа и вы хотите сослаться на какое-то другое предложение в нём, тогда, наверное, для вас будет правильным указывать на это, но если документ оглашали полностью, любая дальнейшая ссылка это вопрос аргументации, не вопрос доказывания, и вы вправе, как вы понимаете, высказываться об этом, когда угодно в своей речи. Таким образом, я имею в виду, как вопрос экономии времени, что не нужно ссылаться нам на PS-386 и PS-2461 до тех пор пока в них нет какого-то отрывка на который вы хотите полагаться и которые не оглашало обвинение.

Хорн: Могу я тогда перейти к экземпляру номер Риббентроп 11 и представить его суду для уведомления. Он касается соглашения между правительством Германского Рейха и австрийским федеральным правительством от 11 июля 1936. Когда 12 февраля 1938, Риббентроп поехал к Гитлеру в Берхтесгаден для участия в совещании с доктором Шушнигом, тогдашним канцлером Австрии, он не был информирован об отклонении планов Гитлера от соглашения 1936 между Германией

145 Фридрих Хоссбах (1894 — 1980) — немецкий офицер, участник Первой и Второй мировых войн, генерал пехоты. Адъютант Гитлера. Вошёл в историю как автор «протокола Хоссбаха», протокола заседания с участием Гитлера в 1937 году, во время которого Гитлер обосновал необходимость агрессивной экспансии для Германии.

146 Курт фон Шушниг (1897 — 1977) — австрийский государственный и политический деятель. Федеральный канцлер Австрии (1934—1938); также в 1932-1938 годах занимал ряд министерских постов в австрийском правительстве.

и Австрией, и он вёл свою дискуссию с Шушнигом также в духе соглашения 1936. Месяцем спустя состоялся аншлюс Австрии.

Как доказательство того, что этот аншлюс соответствовал воле австрийского населения, я ссылаюсь на экземпляр номер Риббентроп 12 (документ номер Риббентроп-12), который я представляю трибуналу для уведомления. Это результаты национального плебисцита и выборов в великогерманский Рейхстаг 10 апреля 1938. Из этого документа видно, что тогда в Австрии из 4 484 475 человек имевших право голоса, 4 471 477 проголосовали, 4 453 772 проголосовали за аншлюс и только 11 929 проголосовали против.

Председатель: У нас есть этот документ? У нас его нет в наших книгах. У судебного секретаря он есть?

Хорн: Он в документальной книге как экземпляр номер Риббентроп 12.

Председатель: Что же, здесь по какой-то причине с 10 по 14. Дайте я посмотрю. Видимо здесь есть ошибка. Копию не сделали. Она не в наших книгах, а здесь, значит всё правильно. Продолжайте.

Хорн: Господин председатель, из данного документа видно, что австрийский народ в то время высказался в пользу аншлюса с 99.73 процентами от проголосовавших.

Как следующий документ я предъявляю трибуналу для уведомления экземпляр номер Риббентроп 13. Я предъявляю этот документ как доказательство того, что аншлюс вряд ли бы состоялся в результате международных переговоров, согласно мнению не только германского правительства, но также английского правительства. Я хочу в качестве доказательства данного утверждения прочитать из этого документа. Это касается заявления заместителя государственного секретаря Батлера[147] в Палате общин, которое гласит следующее – его сделали 14 марта 1938:

> «Английское правительство обсудило новую ситуацию с «друзьями по Женевской Антанте» и единодушно» - я подчёркиваю слово единодушно – «согласилось, что обсуждение в Женеве ситуации в Австрии не принесло удовлетворительных результатов, но её результатом стало некоего рода унижение. Заместитель государственного секретаря заявил о том, что Англия никогда не признавала никакой особой гарантии «независимости» Австрии которая была введена в Сен-Жерменском договоре[148]».

Я прошу трибунал вынести уведомление об этом документе. За этим воссоединением Австрии с Германским Рейхом последовал закон от 13 марта 1938, который также был подписан Риббентропом.

---

147 Ричард Батлер (1902 — 1982) — британский государственный деятель, политик-консерватор, более известный как «Рэб» (Rab), поскольку сокращал так своё имя R.A. Butler. На протяжении своей жизни в разные периоды возглавлял министерства труда, финансов, иностранных дел и внутренних дел Великобритании. В 1938-1941 заместитель государственного секретаря иностранных дел.

148 Сен-Жерменский мирный договор — мирный договор, подписанный в Сен-Жерменском дворце по итогам Первой мировой войны между странами Антанты и новообразованной республикой Австрия (как одной из правопреемников Австро-Венгрии, потерпевшего в войне поражение в составе «Четверного союза»).

Настоящим я заканчиваю предъявление тех моих документов которые относятся к Австрии. Могу я сейчас…

Председатель: Минуточку, доктор Хорн, единственное желание трибунала заключается в экономии времени и из индекса в вашей документальной книге мы заметили, что здесь, как я думаю, более трёх сотен отдельных документов на которые вы желаете сослаться и большинство из них, как кажется исходят из различных книг, немецких «Белых книг[149]» и этих других книг, которые трибунал вам временно разрешил. Не будет ли удобнее для вас предъявить их, в целом, сказав о том, что вы приобщаете экземпляры с 44 по 314 или как угодно, нежели конкретизировать каждый документ его номером? Если у вас есть конкретный отрывок который вы хотите сейчас прочитать, вы можете это сделать, но кажется это займет ненужное время, просто присваивая каждый номер экземпляра друг за другом.

Хорн: Очень хорошо, господин председатель, таким образом я назову те номера о которых я хочу уведомления, кратко указывая о таком-то, таком-то и таком-то, когда стоит вопрос нескольких номеров, и я попрошу трибунал их принять.

Председатель: Да.

Хорн: Сейчас я перехожу к вопросу Чехословакии. Американский обвинитель заявил в своей презентации по данному вопросу, что знаменательный конец серии событий который потрясли его как одни из самых печальных глав в истории человечества – нарушение и уничтожение слабого и маленького чехословацкого народа. В качестве доказательства, что не существовало чехословацкого народа в обычном смысле термина ни до, ни после 1939 я хочу прочитать несколько фрагментов из книги лорда Ротемира[150] «Предупреждения и пророчества», которые прямо разрешены мне решением трибунала. Это экземпляр номер Риббентроп 45 (документ номер Риббентроп-45).

Председатель: Трибунал допустил книгу лорда Ротемира?

Хорн: Трибунал одобрил мне её и даже предоставил в моё распоряжение английскую копию, которую я настоящим вручаю суду.

Председатель: Доктор Хорн, вопрос допустимости должен был окончательно решаться в момент приобщения каждой книги в качестве доказательства, и я думаю вы вспомните, что трибунал заявил в одном из своих распоряжений о том, что мнения конкретных авторов по вопросам этики, истории и событий не допускаются.

Видимо лорд Ротемир такой автор, и он не был членом британского правительства и таким образом пока нет весьма конкретной причины, то нет никакой видимости, что его книги – или заявления в его книгах – каким-либо образом являются доказательством.

Хорн: Представленные абзацы полностью касаются фактических вопросов и таким

149 «Белая книга» - сборники документов издавашиеся МИД Германии в 1939-1945.

150 Гарольд Хэрмсфорт, лорд Ротемир (1868 – 1940) – крупный английский издатель. Основоположник популярной журналистики.

образом, я прошу трибунал вынести уведомление о таких фактах. Здесь нет вопроса полемической дискуссии.

Председатель: Разница которая существует, заключается в следующем: трибуналу согласно статье 21 указано выносить уведомления об официальных правительственных документах, отчётах и т.д. Это не официальный правительственный документ. Таким образом – вы говорите это фактическое доказательство – это не доказательство для целей трибунала, о каких-либо фактах указанных в нём. Постольку, поскольку это факты, это не доказательство о фактах, и поскольку это мнение, это мнение лорда Ротемира.

Что же, доктор Хорн, вы можете сказать мне, что вы хотите этим доказать?

Хорн: Во-первых, я хочу доказать этим несколько исторических фактов, во-вторых, что трудности государства состоящего из многих национальностей, чему пример Чехословакия, привели к этому конфликту с немецким меньшинством и соответственно с немецким правительством. Я хочу представить вам причины и мотивы, которые привели к присоединению Судетов[151] к Германии.

Додд: С позволения вашей чести, от имени Соединённых Штатов я желаю решительно возразить этому предложению по причине указанной доктором Хорном – первой причине – и по причине указанной второй. Если я правильно понял перевод, я понял, что он сказал в первую очередь предназначение доказать, что не существовало такой вещи как чешский народ. Я не думаю, что правильно затрагивать такой вопрос в данном суде. Мы возражаем, так как такие доказательства не к месту. Мы, кроме того, возражаем по причине указанной во втором пояснении доктора Хорна.

Хорн: Могу я снова заметить, что я хочу продемонстрировать этим средством, мотивы которые привели к отделению Судетов в 1938?

Если я хочу выразить отношение к некому международному правонарушению в котором обвиняют и осуждают кого-то, нужно также судить о мотивах которые привели к нему. В противном случае для меня невозможно проводить правовое исследование.

Я могу также заметить, что я прежде всего попросил у трибунала в качестве доказательств документы Лиги наций, и я хотел бы сослаться на эти официальные документы если бы эти доказательства вовремя ко мне поступили, но так как я пока их не имею, вместо этого я обратился к представлению фактов.

Председатель: Вы повторите что-то про Лигу наций? Я не уловил, что вы сказали.

Хорн: Я запросил библиотеку Лиги наций о соответствующих документах по поводу меньшинств которые находятся во владении Лиги наций, для того, чтобы предъявить их в качестве доказательств. Генеральный секретарь получил эти

---

151 Судетская область, также Судетенланд — пограничный регион Чехии, промышленно развитая, богатая полезными ископаемыми область на севере и северо-западе Чехии и сельская область на юго-западе и юге Чехии, получившая своё название от расположенных на её территории гор Судеты. До 1945 года — место компактного проживания судетских немцев.

доказательства для меня, но я их пока не получил. Соответственно я вынужден ссылаться на более слабый источник доказательств в связи с документами которые сравнимы с правительственными отчётами по статье 21 или которые сами по себе являются такими отчётами.
Председатель: Вы определили отрывки в книге, на которые желаете сослаться? Я имею в виду, вы отметили их каким-то образом в какой-то копии книги?
Хорн: Я запросил документы по поводу меньшинств в Чехословакии, постольку поскольку эти вопросы разрешались в результате правовых процедур Лиги наций и Международного суда[152] в Гааге. Этот сборник публиковался по поводу меньшинств Лигой наций и постоянно обновлялся. Это официальный сборник документов.
Председатель: Я лишь спросил, отметили ли вы конкретные отрывки в книге лорда Ротемира, которые вы хотите приобщить.
Хорн: Извиняюсь. Я не понял ваш вопрос. Могу я попросить повторить вопрос?
Председатель: Вопрос который я задал, был о том обозначили ли вы конкретные отрывки в книге лорда Ротемира которые вы хотите использовать.
Хорн: Я отметил эти отрывки, и они на страницах 137, 150, 138, 151, 161…
Председатель: Не так быстро, я хочу записать. 137, 138…
Хорн: Страницы 161, 162, 140, 144, 145, 157. В каждом случае это короткие абзацы.
Председатель: Доктор Хорн, сейчас подходящее время, чтобы прерваться.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Доктор Хорн, трибунал распорядится о допустимости этих фрагментов из книги лорда Ротемира, когда он получит их перевод. Между тем продолжайте представлять свои документы таким способом который предложил я и не останавливайтесь на деталях за исключением тех, которые особо необходимы.
Хорн: Могу я очень кратко пояснить, что подавление немецких расовых групп на пограничных территориях Чехословакии привело к формированию Судетской немецкой партии[153] и взаимодействию и консультациям последней с официальными немецкими ведомствами. Таким образом, подсудимый фон Риббентроп в качестве рейхсминистра иностранных дел и в рамках директив, которые он получал, проводил совещания с руководителями национальных групп. Ряд документов уже представлен в качестве доказательств обвинением и я сошлюсь на них позднее. В связи с этим могу я попросить внести поправку в документ PS-2788, где, на странице 2, приблизительно в середине сказано: «степень и постепенное» - есть

152 Постоянная палата международного правосудия - судебный орган, учреждённый под эгидой Лиги Наций в 1920 году, согласно принятому в 1920 г. статуту. Состояла из 11, позднее 15 судей. Резиденция в Гааге, затем, после оккупации Нидерландов Германией, в Женеве (с 1940 года). Рабочие языки: английский, французский. В 1940 году работа Палаты была прервана второй мировой войной. Вместе с Лигой Наций была распущена в 1946 году; преемником Палаты стал Международный суд ООН.
153 Судето-немецкая партия (нем. Sudetendeutsche Partei) — партия немецкого меньшинства в Чехословакии. Она постепенно попала под влияние НСДАП и стала пятой колонной Третьего Рейха в Чехословакии.

ошибка в переводе. Наш документ говорит: «Провокация», в то время как подлинник говорит «уточнение» требований для того, чтобы избежать вхождения в правительство». Я прошу исправления этой ошибки, так как она искажает смысл.

В ходе презентации обвинения о фон Риббентропе говорилось, что он поддерживал высокомерное поведение судетско-немецкого руководства. В качестве доказательства обратного я ссылаюсь на часть документа PS-3060 которую ещё не оглашали и из которой можно понять обратное, то есть, что тогдашний министр иностранных дел фон Риббентроп предпринимал меры против высокомерности судетско-немецкого руководства при помощи своего посланника в Праге. В качестве доказательства этого, могу я процитировать первый и второй абзацы этого документа. Я цитирую:

> «Взбучка Франку» - то есть в то время руководителю Судето-немецкой партии– «дала положительный результат. Я обсудил вопросы с Генлейном[154] который избегал меня последнее время; я также поговорил отдельно с Франком и получил от него следующие обещания:
>
> 1) Линия германской внешней политики в таком виде, как она будет передана германской миссией, является единственной политикой и руководством для тактики партии судетских немцев. Мои директивы должны встречаться с безоговорочным повиновением».

Эти директивы не применяются в рамках общей политики которая имела своей целью избежание прямого вмешательства в чешские дела или политику Судето-немецкой партии.

По поводу деталей о деятельности германского правительства и министерства иностранных дел с Судето-немецкой партией, я опрошу господина фон Риббентропа, когда его вызовут в качестве свидетеля.

Сейчас я перехожу к экземпляру номер Риббентроп 46 (документ номер Риббентроп-46), который я предъявляю трибуналу для уведомления. Этот документ это отчёт легации Чехословацкой республики в Париже. Он касался значения и смысла миссии лорда Ренсимена[155] в Прагу. Он показывает, что эту миссию поручили ему в Англии с целью получения времени для перевооружения. Я хочу зачитать документ.

> «Париж, 5 августа 1938. Секретно. Господин министр.
>
> Массильи[156] считает направление лорда Ренсимена в Прагу хорошей

---

154 Конрад Генлейн (1898 — 1945) — немецкий нацистский политический деятель Судетской области. Лидер чехословацких фольксдойче, основатель Судето-немецкой партии в Чехословакии. Покончил жизнь самоубийством после попадания в американский плен.

155 Уолтер Ренсимен (1870 — 1949) — политический деятель Великобритании, министр, лорд, президент Тайного совета в 1938-1939.

156 Рене Массильи (1888 – 1988) – французский дипломат. В 1937-1938 директор политической и торговой службы МИД Франции. Участник движения Сопротивления.

вещью. Антони Иден[157] сказал в беседе с послом Корбином[158] (французским послом в Лондоне) что серьёзная реакция на отправку лорда Ренсимена в Прагу была шагом в правильном направлении, так как говорят о том, что он собирается более четко привлечь Англию в центральную Европу нежели было до сих пор. Массильи говорит о том, что англичане знают о том, что будет война, и что они всеми средствами пытаются оттянуть её. Он прекрасно осведомлён о том, что миссия лорда Ренсимена в Прагу имеет цель урегулировать этот спор per se угрожающий Чехословакии, так как лорд Ренсимен может, для предполагаемой цели получения времени предложить нечто, что может быть весьма вредным для Чехословакии.

К такому взгляду Массильи я далее добавил информацию которая исключительно инструктирующая. Во время недавней конференции по пшенице состоявшейся в Лондоне, британцы, доминионы, Соединённые Штаты и Франция вели раздельные дискуссии. Французская делегация имела дискуссию с министром Эллиотом[159] (британским министром здравоохранения) и Моррисоном[160] (британским министром сельского хозяйства), а также видным экспертом, сэром Артуром Стритом[161], который находился в министерстве сельского хозяйства и которому поручили ведущий пост в министерстве авиации. Из речей, поведения и переговоров с британской делегацией, французский делегат получил положительное впечатление о том, что британцы заинтересованы в организации поставок зерна не столько для предотвращения конфликта сколько для победы в конфликте. И министр Эллиот и Моррисон предположительно верят в возможность конфликта.

Сэр Артур Стрит сказал о том, что за шесть месяцев он поставит британскую авиацию на ноги. Таким образом, Англия придаёт большое значение выигрышу времени.

Я упоминаю эту информацию в связи с миссией лорда Ренсимена в Прагу, потому что как я уже сказал вопрос выигрыша времени играет важную, если не решающую роль в направлении лорда Ренсимена в Прагу.

---

157 А́нтони И́ден (1897 — 1977) — британский государственный деятель, член консервативной партии Великобритании. В 1935—1938 (кабинет Болдуина), в 1940—1945 (военное правительство Черчилля) и в 1951—1955 министр иностранных дел, в 1951—1955 заместитель премьер-министра, в 1955—1957 64-й премьер-министр Великобритании.

158 Шарль Корбин (1881 – 1970) – французский дипломат. Посол Франции в Великобритании в 1933-1940.

159 Уолтер Эллиот (1888 – 1958) – британский политический деятель.Министр здравоохранения Великобритании в 1938-1940.

160 Уильям Моррисон (1893 – 1961) – британский политический деятель. Министр сельского хозяйства и рыболовства Великобритании в 1936-1939.

161 Артур Стрит – британский чиновник. Заместитель государственного секретаря министерства авиации в 1940.

С наилучшими приветствиями, искренне ваш – Осуский[162]».

29 сентября 1938 был заключён Мюнхенский пакт, в котором также принимал участие фон Риббентроп. Насколько, это то, что я продемонстрирую, когда подсудимый будет допрошен по поводу его политики.

30 сентября была взаимная декларация, которую я приобщаю как Риббентроп экземпляр номер 47 (документ номер Риббентроп-47). Эта декларация фюрера и британского премьер-министра Чемберлена[163] от 30 сентября 1938 намечалась послужить цели устранения всех разногласий существовавших между Германией и Англией.

Реакция на это соглашение в Германии и в Англии отличалась. В качестве доказательства британской реакции, я ссылаюсь на экземпляр номер Риббентроп 48 (документ номер Риббентроп-48), который я предъявляю трибуналу с просьбой об уведомлении. Это фрагмент из речи британского премьер-министра Чемберлена в Палате общин 3 октября 1938. Могу я процитировать следующее из первого абзаца:

> «Если и есть урок который мы можем извлечь из опыта последних двух недель то это факт, что длительного мира нельзя достичь сидя и смотря. Активные и положительные усилия требуются для достижения такого мира. Мы, в этой стране уже длительное время заняты программой перевооружения скорость которой и темп которой постоянно растут. Никто не должен верить в то, что из-за подписания Мюнхенского соглашения четырёх держав, сейчас мы можем позволить уменьшить наши усилия по поводу данной программы…».

В качестве доказательства этой программы перевооружения, о которой сам Чемберлен сказал как о постоянно растущей в размере и скорости, я хочу подтвердить это утверждение ссылкой на экземпляр номер Риббентроп 49 (документ номер Риббентроп-49). Это речь британского секретаря по военным делам Хор-Белиша[164], в Mansion House[165] в Лондоне произнесённая 10 октября 1938, и я прошу трибунал также вынести уведомление об этой речи в виде фрагментов документа. Могу я процитировать из них несколько слов?

> «Однако, ещё больше следует сделать для придания полной силы и возможности территориальной армии в целом».

Я пропускаю один абзац и читаю следующий абзац, абзац 5, который гласит:

> «Что касается организации новых формирований, пехотные бригады в будущем будут иметь три батальона, как в регулярной армии, вместо

---

162 Штефан Осуский (1889 — 1973) — чехословацкий дипломат и политик, а также учёный — доктор философии и юриспруденции. В 1921-1939 посол Чехословакии во Франции.

163 Невилл Чемберлен (1869 —1940) — государственный деятель Великобритании, лидер Консервативной партии («Тори»). Премьер-министр Великобритании в 1937-1940.

164 Лесли Исаак Хор-Белиша (1893 — 1957) - британский государственный деятель, военный министр Великобритании в 1937-1940.

165 Здание в котором расположена резиденция лорда-мэра Лондона.

> четырёх. Используя материал, который мы имеем, мы выяснили, что мы можем сформировать девять полных дивизий по образцу регулярной армии…
>
> Мы также предусмотрели значительное количество современных корпусов и армейских частей, таких как армейские полевые и смотровые полки, воздушные силы и войска связи будут готовы занять место в таких формированиях в случае возникновения войны. Это также соответствует организации регулярной армии».

Довольно с цитатой из речи государственного секретаря по военным делам.

В экземпляре Риббентроп номер 50 (документ номер Риббентроп-50) сделан дальнейший упор на вооружение. Это касается речи Уинстона Черчилля от 16 октября 1938, и я прошу трибунал вынести уведомление об этой речи в связи с фрагментами из этого документа. Я цитирую из неё несколько фраз:

> «Мы должны вооружаться…без сомнения нам следует вооружаться.
>
> Британия, отбросив вековые привычки, введёт национальную службу для своих граждан. Британский народ выступит и встретит всё, что может случиться. Но оружие – инструменты, как называл их президент Вильсон – недостаточны сами по себе. Мы должны добавить к ним силу идей. Люди говорят, мы не можем позволить себе быть втянутыми в теоретический антагонизм между нацизмом и демократией, но такой антагонизм сейчас существует».

Я докажу факт, что Англия энергично вооружалась в авиации за рамками нормальных потребностей обороны, экземпляром Риббентроп номер 51 (документ номер Риббентроп-51), который я приобщаю трибуналу с просьбой об уведомлении. Это декларация британского государственного секретаря авиации в Палате общин от 16 ноября 1938…

Председатель: Доктор Хорн, я думал вы поняли, что хотел от вас трибунал, предъявляя документы совместно. Я думаю, вы сказали с 44 – разве не этот документ вы должны были рассматривать – по 300 с чем-то, вы можете приобщить их совместно. Но вы проходите 46, 47, 48, 49, 50 и 51 и вы, кажется, собираетесь рассматривать подробности каждого, делая именно, что я просил не делать. Вы не поняли, что я сказал?

Хорн: То как я вас понял, господин председатель заключалось в том, что я могу читать из них важные части. Вот, что я делал. Это касается только важных частей.

Председатель: Вы собираетесь искать важный отрывок в каждом из 300 документов?

Хорн: Нет, господин председатель, разумеется, нет, но если я не могу читать эти документы, эти фрагменты, тогда я хочу попросить трибунал принять всю мою документальную книгу в качестве доказательства для того, чтобы я мог ссылаться

на неё позднее.

Председатель: Это мы и планируем сделать. Что мы хотим, чтобы вы сделали это приобщили сейчас доказательства, сказав о том, что вы приобщаете с экземпляра 44 до 300 или какого угодно номера и мы, конечно же, позволим вам сослаться на них на последующей стадии, когда вы произнесете свою речь, и если есть какой-то отрывок которому возражает обвинение, оно может сообщить вам об этом заранее и вопрос можно будет обсудить. Но чего мы не желаем это занимать время трибунала ни приобщением каждого из этих документов индивидуально по номерам, 44, 45 и так далее или того, что вы должны читать, что-то кроме отрывков которые сейчас не имеют особой значимости. В конце концов, вы сейчас не представляете своё дело, вы только представляете свои доказательства.

Хорн: Господин председатель, я…

Председатель: Мне напомнили, что эти последние несколько экземпляров на которые вы ссылались, вы ссылались приблизительно на шесть, все они о британском перевооружении. Это очевидно кумулятивно, не так ли? Таким образом, не может быть такого, чтобы все они были для вас особо важными.

Мы только желаем продолжать, и мы желаем от вас, как я сказал, приобщения этих документов, если я могу использовать фразу, группой, и мы не желаем, чтобы вы ссылались на какой-либо из них кроме как так.

Хорн: В таком случае я приобщаю номер 21…

Покровский: [*Прерывая*] Насколько я понимаю, доктор Хорн до сих пор не сделал никаких выводов из тех неоднократных указаний которые были даны трибуналом.

В тех пределах, в каких я имел возможность ознакомиться с постепенно поступающими ко мне переводами, кстати говоря, доктор Хорн передал эти документы не три недели тому назад, как он говорит, а значительно позднее, в тех пределах в каких я имею возможность ознакомиться с этими документами я имею ряд возражений.

Большинство документов вообще не имеют никакого отношения к делу, и в частности, никакого отношения к делу подсудимого Риббентропа.

Председатель: Полковник Покровский, мы уже отмечали, что мы не хотим сейчас рассматривать вопрос допустимости, потому что у нас нет документов. Я не понимаю смысл ваших возражений. У нас здесь нет документов. Как вы можете говорить о том, допустимы они или нет?

Покровский: Я имею принципиальное возражение. Часть документов – я не буду излагать их содержание, а только для иллюстрации назову два-три номера, содержит прямые грязные и клеветнические выпады частных лиц в отношении таких государственных деятелей как господин Рузвельт, покойный президент Соединённых Штатов Америки. Я имею в виду документ 290/4, 290/3, 290/1, имеются просто провокационные фальшивки, я имею в виду документ номер 286.

Имеется целый ряд документов прямо подпадающих под те указания

которыми должен был руководствоваться доктор Хорн и мне кажется, что если он будет продолжать оглашать эти документы…

Председатель: [*Прерывая*] Полковник Покровский, как я сказал, у нас нет этих документов. Вы говорите документы 290 (1), 290 (3), 290 (4) и 286 – я даже не знаю, что это за документы. Я их никогда не видел.

Думаю для главных обвинителей лучше всего будет представить свои возражения в письменном виде и тогда трибунал сможет их рассмотреть. Здесь нет документов. Мы ничего не можем сделать, пока не увидим, что это за документы. Для того, чтобы изучить и понять данное дело, мы позволили доктору Хорну представить документы в целом. Но ваши возражения сейчас просто занимают время и вообще не имеют пользы. Если вы представите свои возражения в письменном виде, говоря о том, что возражаете конкретными основаниям этим документам, то вопрос можно рассмотреть, но без этого мы не можем это рассматривать.

Покровский: Моё возражение продиктовано именно желанием сэкономить время и вот в силу, каких соображений чисто практического порядка.

С того момента, когда тот или иной документ – вернее, хотя бы содержание его вкратце попало в протокол судебного заседания этот материал становится достоянием прессы – мне кажется, что не является нашими интересами, чтобы документы заведомо являющиеся фальшивками и судьба которых в данном процессе ещё не решена трибуналом, становились достоянием каких-нибудь кругов и доводились до сведения общественного мнения.

Между тем, среди документов представленных доктором Хорном есть как раз такие документы и мне не совсем ясно, почему именно с этими документами получилась задержка в переводе, почему именно эти документы оказались переданными позднее других, в силу этого соображения я счёл себя обязанным выступить. Я думаю, что трибунал правильно поймет причину моего выступления.

Председатель: Я понимаю, что вы имеете в виду в связи с документами доводимыми до прессы и следует предпринять шаги о том, чтобы трибунал распорядился о том, чтобы документы о допустимости которых трибунал не распорядился не передавали прессе. Мне кажется, в прошлом были какие-то нарушения, но распоряжение трибунала заключается в том, чтобы прессе не давали документы пока они не допущены в качестве доказательств в суде.

Покровский: Благодарю вас.

Председатель: Наверное, я должен добавить, что трибунал не полностью владеет данным вопросом. Обвинению необходимо следить за этим, а также возможно защите – чтобы прессе не давали документы пока они не допущены в качестве доказательств.

Покровский: До сих пор существовала практика другого порядка, что если документ назван в трибунале, попал в протокол судебного заседания, то он

становился достоянием общественности.

Максвелл-Файф: Ваша честь, меня интересует могу ли я помочь в практическом вопросе, потому что это тот вопрос которому мы придаем небольшое значение.

Как известно вашей светлости, практика заключалась в том, чтобы документы вручали почти за 24 часа до их представления в суде, с договорённостью которая практически полностью выполнялась о том, что пресса не будет публиковать документ до его приобщения в качестве доказательства. И, милорд, я уверен в том, что если трибунал выразил желание, о том, что там где заявляют какие-либо возражения документу и трибунал оставляет вопрос допустимости, пресса в духе в соответствии с которым она действовала, следуя предыдущей практике, сразу же выполнит пожелание трибунала и в таких обстоятельствах не опубликует их. Думаю, что на практике это разрешит сложность, о которой сказал ваша светлость.

Председатель: Единственная вещь, конечно же, заключается в том, что сейчас мы рассматриваем очень большое количество документов, которые доктор Хорн хочет предъявить, и, как вы слышали, в целях экономии времени, мы попросили его предъявить эти документы целиком.

Максвелл-Файф: Да.

Председатель: И, конечно же, это очень сложно, если невозможно, для членов обвинения заявлять свои возражения документам, когда их приобщают таким образом целиком. Поэтомуя думаю, удобнее всего было бы, если, как только будет подготовлен перевод документов, обвинение сможет обозначить любые свои возражения и трибунал их рассмотрит. И после того как трибунал распорядится о них, их предоставят прессе.

Максвелл-Файф: Милорд, я покорно и полностью согласен. Милорд, обвинители совещались. Конечно же, единственным материалом о котором им пришлось совещаться было короткое описание документа в документальной книге номер 1 и всем нам кажется, что есть ряд документов которые могут быть, наверное, спорными. Но из нашей точки зрения ясно, что было бы более удовлетворительно, если бы мы имели возможность просматривать сам документ в переводе и затем следовали тому что предложил ваша светлость, а именно, чтобы мы заявляли возражения в письменном виде тому, что считаем спорным и предоставляли их трибуналу.

Председатель: Сэр Дэвид, как мне кажется, весьма много из них на английском языке, и вы как можно скорее можете дать нам знать о ваших возражениях. Наверное, пресса будет действовать согласно нашим пожеланиям и не делать публичными те документы, по возражениям которым трибунал пока не распорядился.

Максвелл-Файф: С позволения вашей светлости, да. Мы заявим наши возражения как только у нас будет возможность прочитать документы.

Председатель: Очень хорошо.

Хорн: Господин председатель, могу я сказать о том, что ничего из моего материала до сих пор не передавали прессе. Далее я могу сказать, что по распоряжению трибунала следует переводить только ту часть которую обвинение посчитало относящейся к делу. Исходя из этого распоряжения, я не могу понять один момент возражения полковника Покровского по поводу характерной ценности документов, мне не кажется, что обвинение в силу этого распоряжения, перевело бы, что-нибудь, как подчеркнул полковник Покровский, что следует обозначать как грязное по своему содержанию. Думаю, обвинение в этом бы отказало ещё до того, и поэтому нет никакой опасности, что какой-нибудь такой перевод или подлинник попадет к прессе.

Председатель: Я не видел документы, поэтому не могу сказать, но если вы продолжите согласно той схеме, которую вам предложил я, думаю так будет лучше всего.

Хорн: Могу я предъявить документы, относящиеся к вооружению, военному, а также экономическому, которые в то же время показывают сотрудничество между Британией и Францией? Это документы номер Риббентроп 51-62, в моей документальной книге. Я прошу трибунал вынести о них уведомление.

Я подхожу к вопросу Чехословакии. Как доказательство того факта, что Словакия попросилась быть взятой под германскую протекцию я представляю суду экземпляры номер Риббентроп 63, 64 и 65 (документы Риббентроп-63,64 и 65) с просьбой о том, чтобы по ним вынесли уведомление. Кроме того, я допрошу подсудимого Риббентропа по данной теме, когда он займет место свидетеля, и насколько необходимо, я позволю ему выразить мнение об этих конкретных документах. Сейчас я предъявляю трибуналу документы номер 66-69 (документы Риббентроп-66-69) для судебного уведомления. Они содержат заявления по поводу реакции Британии на оккупацию Германией оставшейся чешской страны 15 марта 1939. По поводу деталей создания Протектората я снова спрошу подсудимого фон Риббентропа в связи с отдельными документами.

В качестве следующей группы я представляю трибуналу документ который относится к статье 99 диката Версаля и которая особо ссылается на международно-правовое положение Мемельской территории[166]. Мы рассматриваем здесь документы Риббентроп-70 и 71 моей документальной книги.

Учитывая факт, что согласно презентации доказательств до сих пор, я не рассчитывал продолжать сегодня дальше этого документа, я хочу попросить разрешения вашей светлости предъявить остальные документы трибуналу завтра. Так как до настоящего времени, в силу существующей практики трибунала о том, чтобы части документов оглашались в связи с текстом, я не ожидал продолжать

166 Клайпедский край, или Мемельский край, или Мемельланд — часть Малой Литвы, ранее входившая в состав Восточной Пруссии, расположенная севернее реки Неман с центром в Клайпеде (Мемеле).

дальше этого документа.

Председатель: Доктор Хорн, почему вы сейчас их не приобщаете? Вы говорите, что у вас есть их перечень. Всё, что вам нужно сказать это то, что вы приобщаете в качестве доказательств документы с 71 по 300 и как-то так и затем они приобщаются, и тогда если обвинение вынуждено будет заявить им возражение, конечно же, вас можно заслушать по вопросу возражения.

Хорн: Могу я просить вашего разрешения, чтобы минуту посовещаться со своим коллегой и понять, сколько у него материала, для того, чтобы я мог приобщить трибуналу в качестве доказательств отдельные темы? Могу я снова просить вашу светлость? - я понял из этого распоряжения трибунала, что предъявление доказательств здесь уже не идет, а просто представление экземпляров совершенно отдельно от содержания.

Председатель: Предположительно, когда эти документы представлялись для перевода, который как я понял, вы говорите, что сделали, но во всяком случае – вы отметите отрывки на которые вы полагаетесь. Какие-то могут быть в книгах, и там вы укажете только отдельные части, в документах вы укажете части, на которые вы ссылаетесь, чего мы хотим от вас. Вы описали все эти документы по номерам и привели номера в своей документальной книге и все, что мы хотим, чтобы вы сейчас приобщили их в качестве доказательств и затем обвинение, когда их переведут, получит возможность возражать им на том основании, что они являются кумулятивными или недопустимыми по каким-то другим причинам, при необходимости, вас выслушают по этому поводу. Всё, что мы хотим от вас это понять. В чём сложность предъявить эти документы, которые все проиндексированы в вашей документальной книге, трибунал совершенно не понимает.

Хорн: Однако, до настоящего времени распоряжение трибунала заключалось в том, что нам во время презентации защиты, не только позволено предъявлять наши документы, но также предъявлять их со связывающим текстом, таким образом выражая отношение защиты. Лишь недавно, господин судья Джексон предложил о том, чтобы, напротив, документы вручали полностью и обвинение могло впоследствии заявлять возражения отдельным документам без их представления. В таком предложении было отказано в силу доводов доктора Дикса, и трибунал намеревался продолжать установленную процедуру, а именно, о том, что документы можно читать и приводить связанный текст. Итак, сегодня мы пришли к полному отступлению от такой процедуры, в которой следует представлять трибуналу для уведомления только документы в целом,. Естественно, что при таком отступлении прежде всего кому-то придётся перегруппировать все эти документы, для того, чтобы предъявить их трибуналу в правильном порядке, так как до сих пор мы планировали высказаться о какой-то части содержания.

Председатель: Я не осведомлён о каком-либо распоряжении трибунала которое

относится к связанному тексту. Мы не распоряжались о том, что вам не позволено читать какой-либо отрывок из документов, но мы распорядились о том, что мы желаем того, чтобы документы представляли в качестве доказательств и чтобы отрывки на которые вы ссылаетесь, отмечали и обвинение смогло, если пожелает возражать им в связи с отсутствием относимости к делу, чтобы не требовалось их переводить, что нужно так делать, и что трибунал примет решение, если будет какой-нибудь конфликт. Доктор Хорн, конечно же, вы можете предъявлять любые документы своим свидетелям в ходе их допроса и просить их объяснять их. Это не значит, что вы ограничены таким представлением документов группой.

Хорн: Господин председатель, могу я добавить ещё одно слово? Этот вопрос снова кажется мне настолько принципиальным вопросом, что я не желаю ущемлять своих коллег и хочу иметь возможность прежде всего посовещаться об этом со своими коллегами. Это на самом деле отступление от установленной процедуры которую разрешили защите. Поэтому я не хочу сейчас изменять дело для себя и, сделав так вовлечь своих коллег. Надеюсь, ваша светлость понимает это.

Председатель: Доктор Хорн единственный материальный приказ который принял трибунал, насколько я осведомлён это: это распоряжение от 4 февраля 1946, 2(a):

> «Во время презентации дела подсудимого, защитник оглашает документы, опрашивает свидетелей и делает такие короткие комментарии о доказательствах которые необходимы для обеспечения их правильного понимания».

Хорн: Господин председатель, данное распоряжение мы можем естественно интерпретировать так, что нам предоставлена приблизительно такая же процедура как для обвинения, так как это разумеется относится к фундаментальным принципам любого процесса, о том, что между обвинением и защитой существует некое равенство прав.

Таким образом, для экономии времени, мы готовы согласиться с судом в том, что мы предъявляем трибуналу документы в целом, постольку поскольку они относятся к чёткой проблеме, но, же оставив за собой право, делать такие заявления об их содержании необходимые для понимания всей проблемы. Однако такой возможности мы лишаемся, если мы должны просто предъявлять весь доказательственный материал и не можем делать о нём никаких завлений, так как мы, разумеется не можем делать никаких комментариев о документе, если я сейчас, например, представлю вместе 10 частей по конкретной проблеме.

Председатель: Доктор Хорн, трибунал сейчас ненадолго прервётся для рассмотрения данного вопроса и скоро вернется и объявит о своём решении для того, чтобы вы могли подготовиться до завтра в таких чертах как желаете.

Дикс: Перед совещанием трибунала, могу я задать только один вопрос. До сих пор я понял дискуссию таким образом: то, что сложность возникла ввиду того факта, что так как русский и французский переводы недоступны, кто-то из обвинения пока не

может сформировать мнение в связи с этим материалом и соответственно не может решить желает ли он заявить возражения или нет. С другой стороны, трибунал хотел избежать оглашения здесь цитат по поводу вопросов о которых он пока не решил, хочет ли обвинение заявить возражения. Такая ситуация кажется мне причиной возникших сейчас сложностей.

Я не понял заявлений трибунала, его светлости, имею в виду – я прошу поправить меня, если я ошибаюсь, о том, что есть отступление от уже объявленного решения или от процедуры которой следовали до сих пор, о том, что мы можем цитировать существенные и важные фрагменты документов представляемых нами, когда они допущены трибуналом как относящиеся к делу.

Мне кажется, что я прав в своём впечатлении о том, что сейчас нельзя делать никакого исключения из данного принципа, и что сейчас не нужно никакое новое решение, а только запланировать промежуточное решение: как мы можем преодолеть такие трудности, что доктор Хорн сейчас не может читать отдельные фрагменты из его документов, потому что трибунал пока не в состоянии решить об их относимости к делу и допустить их, потому что трибунал пока не может заслушать отношение обвинения?

Таким образом перед перерывом, для того, чтобы у нас была чёткая основа для нашей дискуссии, я хочу спросить суд о том является ли правильной моя интерепретация. Это просто вопрос поиска способа, каким образом сохранить право защиты говорить связанные слова, слова в пояснение к документам, то есть, такие слова без которых документы нельзя понять, и читать отдельные относящиеся к делу части, но чтобы принципиально решать только о промежуточных технических вопросах?

Я буду благодарен вашей светлости, если мне смогут сказать является ли правильной такая моя концепция, о характере трудностей которые возникли.

Председатель: Мы сейчас прервёмся и очень скоро мы вернемся в суд и рассмотрим то, что вы сказали.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: 22 марта 1946 трибунал принял такое распоряжение, повторяющее распоряжение от 8 марта 1946:

> «Для того, чтобы избежать излишнего перевода, защита покажет обвинению конкретные фрагменты во всех документах которые она предлагает использовать, для того, чтобы обвинение могло иметь возможность возражать не относящимся к делу фрагментам. В случае разногласий между обвинением и защитой по вопросу относимости любого конкретного фрагмента, трибунал будет решать о том какие фрагменты достаточно относятся к делу, чтобы их переводили.

> Необходимо переводить только цитируемые фрагменты, если обвинение не запросит перевод документа целиком».

Данное распоряжение, по весьма достаточной причине, не выполнялось, и поэтому разумеется трибунал не получил переводы, и он понял, что обвинение не получило, во всяком случае все переводы. Возникла сложность, как считает трибунал, отчасти, во всяком случае, ввиду этого факта.

Трибунал цитируя распоряжение от 8 марта 1946, 22 марта 1946 сказал:

> «Рассмотрев вопросы которые затронули этим утром, трибунал имеет в уме справедливый процесс и в то же время ускоренный процесс, и трибунал решил о том, что в настоящее время он будет продолжаться по правилам установленным настоящим, то есть:
>
> Первое, документы переведённые на четыре языка можно представлять без их оглашения, но представляя их защитник может суммировать их, или иным образом обращать внимание суда на их относимость к делу, и может читать такие короткие отрывки которые строго относятся к делу и являются кажущимися важными.
>
> Второе, когда предъявляется документ, трибунал заслушивает любые возражения его приобщению, в связи с этим я хочу сослаться на правило трибунала».

В связи с этим трибунал затем продолжил оглашать распоряжение от 8 марта, которое касалось переводов.

Итак, в настоящем деле, переводы не находятся в руках трибунала или всех обвинителей, и обвинители не могу заявить свои возражения, и трибунал не может распорядиться о допустимости документов. Таким образом, естественно, что обвинение возразило оглашению защитой документов, которые оно не видело.

Трибунал понимает, что переводы этих документов доктора Хорна будут готовы завтра. Поэтому он надеется, что порядок, который я только, что огласил завтра будет выполняться и он предлагает в настоящий момент, и, если распоряжение разумно и справедливо выполняется адвокатом защиты, придерживаться его. Он снова обращает внимание защитников на первый абзац распоряжения и напоминает им, что они должны строго придерживаться этого распоряжения:

> «Первое, документы переведённые на четыре языка можно представлять без их оглашения, но представляя их защитник может суммировать их, или иным образом обращать внимание суда на их относимость к делу, и может читать такие короткие отрывки которые строго относятся к делу и являются кажущимися важными.
>
> В связи с этим я добавлю: «и не являются кумулятивными».

Трибунал не может заседать здесь при оглашении 300-400 документов и их комментариях и обсуждении, и таким образом по мнению трибунала абсолютно

существенно, чтобы представитель кратко суммируя, кратко указывал на отношение к документов делу и читал только такие фрагменты которые строго относятся к делу и не являются кумулятивными.

Трибунал готов придерживаться такого правила, как я говорю, если представители сами строго будут его придерживаться и он считает, что если доктор Хорн выскажется, после приобщения документов о полном сшиве или группе или группах, относимости к делу каждой группы и ограничивая себя оглашением только таких фрагментов которые на самом деле необходимо огласить для того, чтобы понимать документы, это будет для него удовлетворительно. Но он не может заседать, здесь выслушивая о приобщении каждого из этих документов по номеру или слушать короткую речь или даже длинную речь об относимости к делу каждого из этих документов. Количество документов очень большое и трибуналу невозможно проводить ускоренный процесс пока правило которое он установил не интерпретируется тем образом, каким я указал.

Как я уже категорически заметил такими словами, данное правило прямо высказано в настоящее время и если оно не будет учитываться защитой оно будет изменено.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 28 марта 1946*]

День девяносто третий

Четверг, 28 марта 1946

Утреннее заседание

Хорн: В соответствии с просьбой трибунала, сейчас я представляю пока не поименнованые группы документов, как следующие:

Прежде всего, группа по поводу польского вопроса. В моей документальной книге, вы найдете документ, Риббентроп экземпляр номер 200 (документ номер Риббентроп-200) который я предъявляю трибуналу для уведомления. В данном документе, премьер-министр Чемберлен в письме Гитлеру от 22 августа 1939, определил своё отношение к основанию конфликта между Германией и Польшей. В связи с этим он подчеркнул вопрос меньшинств как одну из главных причин конфликта. В качестве доказательства факта, что этот вопрос меньшинств уже играл важную роль, когда возникло польское государство, я ссылаюсь на документ, экземпляр номер Риббентроп 72 (документ номер Риббентроп-72), который я предъявляю трибуналу для уведомления. Он содержит наблюдения немецкой мирной делегации о мирных условиях.

В следующем документе – Риббентроп экземпляр номер 74 (документ номер Риббентроп-74), который я предъявляю трибуналу для уведомления – президент верховного совета союзных и присоединившихся держав, Клемансо[167] снова обращал внимание польского премьер-министра Падеревски[168] на эту проблему. Могу я приобщить в качестве доказательства…

Максвелл-Файф: Милорд, я хочу объяснить позицию обвинения.

Мы пока не получили эти документы и поэтому мы смогли провести только предварительный отбор того чему мы возражаем. Насколько нам известно возражения есть всей книге документов. Я хочу лишь дать понять, что мы признаём, без протеста, процедуру которой следует доктор Хорн на основании вчерашнего объявления вашей светлости, о том, чтобы он высказал их в en bloc[169], с учётом нашего права формально возражать, когда у нас будут документы.

Таким образом, это единственное право которое мы должны оставить в

167 Жорж Клемансо (1841 — 1929) — французский политический и государственный деятель, журналист, премьер-министр Франции.
168 Игнаций Падеревски (1860 — 1941) — польский пианист, композитор, государственный и общественный деятель, дипломат. С января по декабрь 1919 года занимал пост премьер-министра и министра иностранных дел Польши.
169 В целом (фр.)

нашем положении, потому что я организовал, и все мои коллеги согласны, что должны быть возражения ряду этих документов при наших нынешних сведениях.

Хорн: Могу я попросить вашу светлость недолго меня выслушать?

Председатель: Вы хотите, что-то сказать? Вы собираетесь, что-то добавить к тому, что сказал сэр Дэвид?

Хорн: В виду возражений заявленных обвинением, я прошу общего распоряжения о том подвергается ли защита неудобствам возникающим из технических неполадок за которые она не является ответственной, и становится ли наша ограниченная презентация доказательств практически невозможной ввиду неспособности обсуждать их даже общим образом, документальный материал с обвинением и трибуналом.

Поэтому, могу я просить о том, чтобы презентацию документов в их усечённой форме, как вчера попросил трибунал, перенесли до тех пор, пока не будут доступны документальные книги.

Председатель: Кажется сложность возникает из того факта, что ваши документальные книги не готовы. Вот, что вызвало трудность. Если бы документальные книги были готовы и представлены обвинению, обвинение могло бы им возражать. В этом заключается причина, по которой сэр Дэвид возразил в предварительной форме. Но если вы вызовете свидетелей которых собрались вызвать, почему вам их не вызвать пока не готовы ваши книги? Трибуналу это кажется очевидным.

Вызывайте своих свидетелей и тогда мы сможем представить документы на последующей стадии, когда мы их увидим. Это является единственным разумным порядком, и почему вы ему не следуете, я не понимаю.

Хорн: Офицер отдела переводов недавно сообщил мне, что он не в состоянии, с учётом сотрудников в его распоряжении успеть с переводами. В этом заключается причина затруднений и это за пределами моего контроля. Я представил документы в соответствующее время.

Председатель: Об этом я и говорил. Наверное, перевод не прошёл правильно.

Я сказал о том, что если вы вызываете свидетелей, почему не вызвать их сейчас?

Хорн: Я намеревался вызвать свидетелей в ходе своей презентации документов и в соответствии с группами вопросов, о которых свидетели могут сделать заявления.

Председатель: Не сомневаюсь в этом, но так как ваши документы не представили суду, тогда вы должны продолжать, и единственный способ сделать так, это вызвать ваших свидетелей.

Хорн: В таком случае могу я попросить 5 минут, чтобы я мог недолго побеседовать со свидетельницей и затем вызвать её?

Председатель: Разумеется. Подождем.

Да, господин Додд?

Додд: С позволения уважаемого суда, я не завидую 5 минутам никакого защитника. Эта свидетельница находится здесь долгое время, онп вчера простояла снаружи весь день. Думаю, доктор Хорн беседовал с ней раньше. У него была полная возможность посовещаться с ней. Он знал о том, что собирается вызвать её, он просил у суда разрешения вызвать её. Думаю здесь мы сталкиваемся просто с филибастером[170].
Председатель: Трибунал распоряжается о том, чтобы свидетельница была вызвана сейчас.
Хорн: В таком случае я желаю вызвать в качестве свидетеля госпожу Бланк.

[*Свидетельница Бланк заняла место свидетеля*]

Председатель: Вы назовете мне своё имя?
Бланк: Моё имя Маргрете Бланк.
Председатель: Вы повторите за мной присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим – о том, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего».

[*Свидетельница повторила присягу на немецком языке*]

Председатель: Вы назовете мне своё имя?
Бланк: Моё имя Маргрете Бланк.
Председатель: Вы повторите за мной присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим – о том, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего».

[*Свидетельница повторила присягу на немецком языке*]

Председатель: Вы можете сесть, если хотите.
Хорн: Когда вы впервые встретили господина фон Риббентропа?
Бланк: Я встретила его в начале ноября 1934 в Берлине, когда он был делегатом по вопросам разоружения.
Хорн: Когда вы стали секретарём бывшего министра иностранных дел фон Риббентропа?
Бланк: На 1 ноября 1934 я работала в качестве секретаря в кабинете Риббентропа. Его личная секретарша уволилась, и так как не нашлось преемника, фон Риббентроп спросил меня, хочу ли я занять этот пост. Я сказала: «Да» и стала его личной секретаршей с 1 февраля 1935.
Хорн: Каким было отношение фон Риббентропа к Гитлеру?

170 Филибастер — тактика препятствовать законопроектам парламентским меньшинством путём растягивания споров о предмете законопроекта и «утапливания» предмета в большом количестве частных случаев, не всегда существенных

Бланк: Насколько я могу судить, господин фон Риббентроп всегда выражал Адольфу Гитлеру величайшее восхищение и почтение. Пользоваться доверием фюрера, оправдывать его своим поведением и работой было его главной целью, к чему он прилагал все свои усилия. Для достижения этой цели не было никакой слишком великой жертвы. При исполнении своих задач поставленных ему фюрером он выражал полное отречение от собственной персоны. Говоря о Гитлере со своими подчинёнными, он делал это с величайшим восхищением. Признание его заслуг фюрером, как например награждение золотым партийным значком почёта, признание его достижений в речи в Рейхстаге, письмо в связи с его пятидесятым днём рождения, общее признание и похвалы, означали для него высшее воздаяние за его безграничную преданность.

Хорн: Это правда, что Риббентроп придерживался взглядов Гитлера даже если у него было другое мнение?

Бланк: То, что я только, что сказала показывает, что в случае разногласий во мнениях между ним и фюрером, господин фон Риббентроп подчинял собственное мнение мнению фюрера. Как только Адольф Гитлер принимал решение, критики больше не было. Перед своими подчинёнными господин фон Риббентроп представлял взгляд фюрера как свой собственный. Если фюрер выражал свою волю, это всегда равнялось военному приказу.

Хорн: Чему вы приписываете такое отношение?

Бланк: Я приписываю это, прежде всего взгляду Риббентропа о том, что фюрер был единственным человеком способным принимать правильные политические решения.

Во-вторых, я приписываю это тому факту, что господин фон Риббентроп, как сын офицера и сам бывший офицер, дал присягу верности фюреру, ощущая себя связанным верностью как солдат, то есть, который исполнял отданные ему приказы, и не критиковал и не менял их.

Хорн: Вам, что-нибудь известно о стремлении Риббентропа несколько раз подать в отставку?

Бланк: Да, это происходило несколько раз. Но о настолько личных вопросах Риббентроп не говорил со своими подчинёнными. Я помню только отставку вручённую им в 1941. Я полагаю, что эта отставка, также как и последующие, была оформлена как рукописное письмо. Причина для отставки лежала в разногласиях с другими ведомствами в отношении компетенции, в виду их посягательств на компетенцию министерства иностранных дел, господин фон Риббентроп не считал возможным нести ответственность за внешнюю политику Рейха.

Хорн: Каким был результат этих предложений об отставке?

Бланк: Их отвергли.

Хорн: Вы находились с фон Риббентропом в то время, пока он был послом в Англии?

Бланк: Да.

Хорн: Это правда, что Риббентроп ряд лет работал ради тесного альянса между Германией и Англией?

Бланк: Да. По этой причине фон Риббентроп летом 1936 попросил фюрера направить его в качестве посла в Англию. Морское соглашение было лишь первым шагом. Соответственно был запланирован авиационный пакт, но по причинам неизвестным мне не был заключён.

Хорн: Вам, что-нибудь известно о взглядах фон Риббентропа на британскую теорию баланса силы на континенте?

Бланк: Из многочисленных заявлений Риббентропа я знаю, что у него было мнение о том, что Англия также придерживается своей традиционной политики баланса силы. Этой идеей он возражал мнению фюрера, у которого было мнение о том, что с развитием России, на востоке возник фактор который вызвал необходимость пересмотра старой политики баланса силы – другими словами, что у Англии был жизненно важный интерес в постоянно растущей силе Германии. По отношению Риббентропа можно было придти к выводу о том, что он ожидал, что в польском кризисе английская гарантия Польше будет выполнена.

Хорн: Каких политических целей хотел добиться фон Риббентроп заключением Тройственного пакта?

Бланк: Тройственный пакт должен был быть пактом для ограничения войны.

Хорн: Известно ли вам, что Риббентроп стремился удержать Америку вне войны?

Бланк: Да, Тройственный пакт был подписан с такой целью.

Хорн: И теперь ещё одна серия вопросов. Каким было отношение господина фон Риббентропа к церковным вопросам?

Бланк: Насколько я могу судить, его отношение к церковным вопросам было очень терпимым.

По моим сведениям, он покинул церковь уже в двадцатых, но в данном отношении он не оказывал ни давления, ни влияния на своих сотрудников, или даже вообще не беспокоился об этом. Его терпимость заходила так далеко, что в 1935 он позволил своим двум старшим детям исполнить своё желание и воссоединиться с церковью. Его терпимость в личных религиозных вопросах совпадала с его политическим отношением к церкви. В связи с этим я помню как фон Риббентроп направил фюреру фундаментальный меморандум в котором он выступал за терпимость в церковной политике. Зимой 1944 он принял епископа Гекеля[171], чтобы обсудить с ним церковные вопросы. По случаю поездки в Рим в 1941 или 1942 у него был длительный визит к Папе.

Хорн: У Риббентропа был рефлексирующий и замкнутый характер, или нет?

Бланк: Да, хотя я 10 лет была его личным секретарем, я вряд ли видела его в

171 Теодор Гекель (1894 – 1967) – немецкий протестантский теолог и епископ. В 1939-1945 был главой евангелической организации помощи военнопленным и интернированным.

общительном настроении. Его время и мысли были настолько полностью заняты его работой, которой он без остатка отдавал себя, что не оставалось места ни для чего личного. Кроме его жены и детей у фон Риббентропа не было никого с кем он близко дружил. Однако, это не мешало ему заботиться о благополучии своих подчинённых и выражать им великодушие, в частности во время нужды.

Хорн: Это правда, что вы часто ощущали, что были некоторые разногласия во мнениях между Риббентропом и Гитлером?

Бланк: Да. Верный своему отношению, о котором я уже говорила, фон Риббентроп никогда не обсуждал такие разногласия со своими подчинёнными, но я отчётливо помню о том, что были времена, когда такие разногласия существовали. В такие времена фюрер неделями отказывал в приёме господину фон Риббентропу. Риббентроп страдал физически и душевно при таком положении дел.

Хорн: Риббентроп был независим в достижении целей его внешней политики или он был связан приказами и указаниями фюрера?

Бланк: Риббентроп часто использовал фразу о том, что он был лишь министром ответственным за проведение внешней политики фюрера. Под этим он имел в виду, что в формулировании своей политики, он не был независимым. Кроме того, даже при исполнении указаний данных ему фюрером, ему приходилось быть сильно связанным указаниями Гитлера. Таким образом, например, ежедневные отчеты чисто информационного характера передаваемые офицером связи, послом Хевелем, между министром иностранных дел и фюрером часто сопровождались запросами о решении фюрера по отдельным вопросам и проектам телеграмм содержащим инструкции главам зарубежных миссий.

Хорн: Риббентроп страдал от того факта, что хотя он был ответственным за внешнюю политику, ему не позволяли ею руководить?

Бланк: Он никогда не жаловался на это в моём присутствии, но я чувствовала, что он страдает.

Хорн: Каким было отношение Гитлера к министерству иностранных дел?

Бланк: Фюрер видел в министерстве иностранных дел орган закостеневших обюрократившихся гражданских служащих, более-менее не затронутый национал-социализмом. От людей в его окружении я узнала, что он часто высмеивал министерство иностранных дел. Он считал его домом для реакции и пораженчества.

Хорн: Каким образом Риббентроп пытался приблизить министерство иностранных дел к Гитлеру?

Бланк: Принимая министерство иностранных дел в феврале 1938, господин фон Риббентроп намеревался провести полную перестановку во всей германской дипломатической службе. Он также намеревался внести главные изменения в подготовку молодых дипломатов. Эти планы не продвинулись дальше начальной стадии из-за войны. Во время войны их снова подняли, когда стал острым вопрос новой крови для министерства иностранных дел. Стремление Риббентропа

противодействовать враждебности фюрера к министерству внутренних дел привело к тому, что он заместил некоторые посты глав миссий за рубежом, не профессиональными дипломатами, а проверенными фюрерами СА и СС.

Хорн: В чём заключались взгляды и намерения Риббентропа в отношении России?

Бланк: Его намерения в отношении России выражены в Пакте о ненападении августа 1939 и Торговом соглашении сентября 1939.

Хорн: Вам известно о том, что в дополнение к Пакту о ненападении и Торговому соглашению, ещё одно соглашение было заключено в Москве?

Бланк: Да, было дополнительное секретное соглашение.

Руденко: Господа судьи! Мне кажется, что свидетель, вызванный в данное судебное заседание по своему должностному положению, а именно, секретарь бывшего министра иностранных дел Риббентропа может давать свои показания касаясь личности подсудимого Риббентропа, его образа жизни, замкнутый или откровенный его характер и прочее, но свидетель совершенно некомпетентный давать какие-либо ни было свои рассуждения по вопросам договоров, внешней политики и прочее, и в этом смысле я считаю вопросы защиты совершенно неприемлимыми, я бы просил отказать.

Председатель: Доктор Хорн, это тот же самый вопрос, не так ли, о котором письменные показания доктора Гаусса? Я имею в виду, вы говорили о том, что собирались предъявить письменные показания доктора Гаусса которые касались секретного соглашения между – вы меня не слышите? Я прошу прощения. Я собирался сказать, что доктор Зейдль собирался представить письменные показания доктора Гаусса в связи с этим предполагаемым соглашением. Это так?

Хорн: Полагаю, да.

Председатель: Советский обвинитель возразил ссылке на это соглашение до тех пор, пока не допущены письменные показания, до тех пор пока их не увидели. Что же, это соглашение в письменном виде?

Хорн: Нет.

Председатель: Это предполагаемое соглашение между советским правительством и Германией в письменном виде?

Хорн: Да. Его изложили в письменном виде, но я не владею копией соглашения и таким образом прошу трибунал, в случае если решение зависит от письменных показаний посла Гаусса, позволить мне получить, в подходящее время, письменные показания госпожи Бланк которая видела подлинник. Ваша светлость согласен с этим?

Председатель: Доктор Зейдль у вас есть копия самого соглашения?

Зейдль: Господин председатель, есть только две копии этого соглашения. Одна копия осталась в Москве 23 августа 1939. Другую копию взял в Берлин фон Риббентроп. Согласно объявлению в прессе все архивы министерства иностранных дел были конфискованы советскими войсками. Поэтому, могу я просить о том,

чтобы советское правительство или советскую делегацию попросили представить трибуналу подлинник соглашения?

Председатель: Доктор Зейдль я задал вам вопрос. Я не просил от вас выступления. Я спросил, имеете ли вы копию этого соглашения.

Зейдль: Лично я, не владею копией соглашения. Письменные показания посла Гаусса говорят только о содержании секретного соглашения. Он смог привести содержание секретного соглашения, потому что он его готовил. Секретное соглашение, подготовленное послом Гауссом, было подписано комиссаром иностранных дел Молотовым и господином фон Риббентропом. Вот, всё, что я могу сказать.

Председатель: Да, генерал Руденко?

Руденко: Господин председатель, я хочу сказать о следующем, то, что здесь заявил защитник Зейдль о соглашении которое захвачено якобы советскими войсками в связи с захватом архива министерства иностранных дел, то есть о соглашении в августе 1939 года заключённом в Москве, то я могу адресовать защиту к прессе в которой было опубликовано это соглашение или иначе германско-советский пакт о ненападении от 23 августа 1939. Это общеизвестно.

Что же касается других соглашений, советское обвинение считает, что ходатайство доктора Зейдля о приобщении к делу письменных показаний Фридриха Гаусса должно быть отклонено по следующим соображениям:

Показания Гаусса о переговорах и предыстории заключения советско-германского пакта 1939 года является не относящимися к делу. Представление таких показаний, к тому же неправильно освещающих события, могло быть расчитано только на провокацию. Это с очевидностью вытекает из того факта, что Риббентроп от этого свидетеля отказался, хотя в его показаниях описывается деятельность Риббентропа, хотя, а защитник подсудимого Гесса получает от этого свидетеля показания и ходатайствует о приобщении этих показаний, хотя в них ни о каких фактах относящихся к Гессу не сказано, в силу этих соображений, я прошу, в силу этих оснований, я прошу трибунал отклонить ходатайство и защитника Зейдля и вопрос поставленный защитником Хорном как не имеющие отношения к рассматриваемому нами делу.

Председатель: Да, доктор Зейдль? Вы, что-то хотите сказать?

Зейдль: Могу я что-нибудь добавить? Перевод того, что сказал советский обвинитель прошёл не полностью. Я не смог понять хочет ли генерал Руденко полностью отрицать, что такое соглашение заключалось или же он хотел только сказать, что содержание этого секретного соглашения не относится к делу?

В первом случае, я повторяю своё ходатайство о том, чтобы советский комиссар Молотов был вызван и допрошен в трибунале, в последнем случае, я прошу здесь и сейчас представить трибуналу свои доводы об относимости к делу этого секретного соглашения.

Председатель: Сейчас мы рассматриваем возражения показаниям свидетельницы, поэтому мы не будем затруднять себя этим.

Трибунал прервётся на несколько минут.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Трибунал желает заметить представителю защиты, что в его ходатайстве о показаниях свидетеля не было никакого указания на предполагаемый договор, но так как вопрос затронули, трибунал распоряжается о том, что свидетеля можно спрашивать о данном вопросе.

Хорн: [*Свидетельнице*] Вы говорили о секретном соглашении. Как вы узнали о заключении этого соглашения?

Председатель: Мне сказали о том, что то, что я сказал, неправильно перевели на русский язык. В любом случае, я не знаю правильно ли это перевели на немецкий язык, но то, что я сказал заключалось в том, что свидетеля можно спрашивать, не то, что свидетеля нельзя спрашивать. Вам понятно?

Хорн: Спасибо. Я правильно понял вопрос.

[*Обращаясь к свидетелю*] Принимая ваше предыдущее заявление о секретном соглашении, я хочу спросить вас о том как вы узнали о заключении этого соглашения?

Бланк: Из-за болезни, я не смогла сопровождать фон Риббентропа в двух его поездках в Россию. Я также отсутствовала, когда велась подготовка к соглашениям. Я узнала о существовании этого секретного соглашения по особо запечатанному конверту, который согласно инструкциям был положен на хранение отдельно с надписью, что-то вроде «Германо-русское секретное или дополнительное соглашение».

Хорн: Вы также были ответственной за отдельное хранение этих секретных дел? Правильно?

Бланк: Да.

Хорн: Я хочу перейти к другой группе вопросов. Фон Риббентроп стремился в любом случае сохранять пакт с Россией?

Бланк: Подписав германо-русские пакты, фон Риббентроп, конечно, был заинтересован в их сохранении. Более того, он полностью понимал значение опасности германо-русской войны для Германии, соответственно он информировал и предупреждал фюрера. Именно с этой целью, насколько я помню, советник посольства Хильгер[172] из Москвы и посол Шнурре[173] были вызваны с докладом в Берхтесгаден. Также весной 1941 послу графу фон Шуленбургу также приказали явиться, в поддержку и для подтверждения и усиления предупреждений господина

172 Густав Хильгер (1886 — 1965) — германский дипломат. В 1923 – 1941 сотрудник посольства Германии в СССР.

173 Карл Шнурре (1898 – 1990) – немецкий дипломат и юрист. В 1936-1945 занимал руководящие должности в департаменте торговой политики МИД Германии

фон Риббентропа фюреру.

Хорн: Вам известно был ли информирован фон Риббентроп заранее о намерении Гитлера присоединить к Рейху Австрию?

Бланк: Во время немецкого вступления в Австрию посол фон Риббентроп, который в феврале был назначен министром иностранных дел, находился в Лондоне с прощальным визитом. Там он к своему удивлению услышал об аншлюсе Австрии. Лично у него была другая идея о решении австрийского вопроса, а именно экономический союз.

Хорн: Вам известно, предпринимал ли фон Риббентроп постоянные усилия для окончания войны дипломатическимим методами?

Бланк: Да. Одним из его ходов должно было стать направление посланника профессора Бербера[174] в Швейцарию зимой 1943-1944. Позднее эти ходы усилились направлением господина фон Шмидена[175] в Берн и доктора Гессе[176] в Стокгольм. Так как фюрер не дал официальных полномочий на начало переговоров, было возможно попытаться понять при каких условиях может быть открыта дискуссия между Германией и союзниками. Похожие миссии были поручены германскому поверенному в Мадриде, посланнику фон Бибра[177], генеральному консулу Мёльгаузену[178] в Лиссабоне и послу в Ватикане фон Вайцзеккеру. Бывшего сотрудника бюро[179] Риббентропа проживавшего в Мадриде проинструктировали предпринять похожую попытку с британским правительством.

20 апреля фон Риббентроп продиктовал мне подробный меморандум для фюрера в котором он попросил официального разрешения для начала переговоров. Я не знаю об итоге этой просьбы, потому что я покинула Берлин.

Хорн: Во время исполнения своих обязанностей вы поняли, в чём заключалось отношение Гитлера к этому вопросу?

Бланк: Из того, что я слышала от людей из его окружения, я знаю о том, что фюрер немного ожидал от этого, или о том, что он хотел бы начать переговоры в момент военных успехов. Однако, если и были военные успехи он тоже был против дипломатической инициативы. Что касается миссии доктора Гессе – после её неудачи, он, это произошло из-за неосмотрительности, заметил о том, что он всё равно много от неё не ждал.

Хорн: Ещё один вопрос: это верно, что фон Риббентропа уведомили о грядущем вторжении в Норвегию и Данию только незадолго до акции?

Бланк: Да, всего за несколько дней.

---

174 Фридрих Бербер (1898 – 1984) – немецкий профессор международного права.

175 Вернер фон Шмиден (1892 – 1979) – немецкий дипломат. В 1942-1945 сотрудник личного штаба Риббентропа.

176 Фриц Гессе (1898 – 1980) – немецкий журналист и дипломат. В 1939-1945 сотрудник МИД Германии.

177 Сигизмунд фон Бибра (1894 – 1973) – немецкий дипломат. В 1944-1945 поверенный в делах Германии в Испании.

178 Фридрих Мёльгаузен (1913 – 1988) – немецкий дипломат. Генеральный консул Германии в Риме в 1943-1945.

179 Бюро Риббентропа - созданный в апреле 1933 внешнеполитический отдел НСДАП во главе с Иоахимом фон Риббентропом, призванный действовать параллельно с министерством иностранных дел Германии. Представлял из себя группу экспертов по вопросам внешней политики при канцелярии Рудольфа Гесса, ведущие посты в котором занимали функционеры аппарата СС.

Хорн: Вы, что-нибудь слышали о том, что фон Риббентроп считал, что Англия будет сражаться из-за Польши?
Бланк: Да. Согласно его взгляду о том, что Англия будет придерживаться старой политики баланса силы, у него было мнение о том, что Англия выполнит свою гарантию Польше.
Хорн: У меня больше нет вопросов к свидетельнице.
Председатель: Кто-то из защитников хочет задать свидетелю какие-нибудь вопросы? [*Ответа не последовало*] Обвинение?
Максвелл-Файф: Милорд, обвинение внимательно изучило вопрос. Оно надеется на то, что трибунал не считает, что оно приняло всё, что сказала данная свидетельница, но оно считает, что все вопросы можно разрешить удобнее, спросив самого подсудимого, и таким образом оно не намерено проводить перекрёстный допрос.
Председатель: Свидетельница может удалиться.

[*Свидетельница покинула место свидетеля*]

Зейдль: Господин председатель, трибунал разрешил задать свидетелю вопрос о секретном соглашении. Свидетельница знала только о существовании этого соглашения, не о его содержании.
Можно мне сказать, является ли допуск такого вопроса свидетельнице предопределяющим решение трибунала о допустимости письменных показаний посла Гаусса, и могут ли мне предоставить возможность оглашения фрагмента из этих письменных показаний?
Председатель: Письменные показания вручили обвинению?
Зейдль: В прошлый понедельник, то есть три дня назад – я представил шесть копий письменных показаний отделу переводов или лейтенанту Шредеру из информационного центра подсудимых. Я полагаю, что между тем, поскольку прошло три дня, обвинение получило копию.
Максвелл-Файф: Милорд, обвинение не получало копии. Я пока не видел письменные показания. Ни мой друг господин Додд, ни другие мои коллеги, генерал Руденко ни господин Шампетье де Риб.
Председатель: Тогда я думаю, нам лучше подождать пока документ не будет в руках обвинения, чтобы его рассмотреть.
Зейдль: Господин председатель, мне кажется, я сделал всё возможное для обеспечения обвинения письменными показаниями у меня нет влияния на дела генерального секретаря и я буду обязан трибуналу со содействие в этом вопросе.
Председатель: Никто не говорил о том, что вы, что-то сделали неправильно доктор Зейдль.
Да, доктор Хорн.

Хорн: В качестве своего следующего свидетеля, я хочу вызвать посланника Пауля Шмидта.

[*Свидетель Шмидт занял место свидетеля*]

Председатель: Назовите своё имя?
Шмидт: Моё имя Шмидт.
Председатель: Ваше полное имя?
Шмидт: Доктор Пауль Отто Шмидт.
Председатель: Повторите за мной присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего».

[*Свидетель повторил присягу на немецком языке*]

Хорн: Свидетель, вы принимали участие в неких решающих дискуссиях между британским послом, сэром Невиллом Гендерсоном и членами правительства Рейха перед началом войны. Это верно, что вы присутствовали на совещании 30 августа 1939 между подсудимым фон Риббентропом и британским послом?

[*Была пауза в слушаниях*]

Председатель: Трибунал прервется до четверти второго.

[*Объявлен перерыв до 13 часов 45 минут*]

Вечернее заседание

Хорн: Свидетель, это правильно, что вы присутствовали на совещании 30 августа 1939 между подсудимым фон Риббентропом и британским послом, сэром Невилом Гендерсоном?
Шмидт: Да, правильно.
Хорн: Где состоялось совещание?
Шмидт: Оно состоялось в кабинете министра иностранных дел в министерстве иностранных дел в Берлине.
Хорн: В каком качестве вы принимали участие в этом совещании?
Шмидт: Я принимал участие в совещании как переводчик и протоколист.

Хорн: С какого времени вы работали в таком качестве в министерстве иностранных дел и на кого вы работали?

Шмидт: Я работал в министерстве иностранных дел в качестве переводчика на совещаниях с 1923 и в таком качестве я переводил для всех министров иностранных дел, от Штреземана до фон Риббентропа, а также для ряда германских рейхсканцлеров таких как Герман Мюллер[180], Маркс[181], Брюнинг[182], Гитлер и других членов кабинета и делегатов которые представляли Германию на международных конференциях. Другими словами, я принимал участие как переводчик во всех международных конференциях на которых Германию представляли с 1923.

Хорн: У вас имелась возможность действовать в качестве переводчика во время дискуссий между Риббентропом и сэром Невиллом Гендерсоном.

Шмидт: Нет, я не имел такой возможности, так как дискуссия шла на немецком языке.

Хорн: Посол Гендерсон мог свободно говорить по-немецки?

Шмидт: Знание послом Гендерсоном немецкого языка было довольно хорошим, но не совершенным. Отсюда могло случаться, что в моменты волнения он не совсем понимал отдельные моменты, что подтверждается инцидентом случившемся во время указанного совещания, и ему не всегда было просто изъясняться на немецком языке, но говоря с немцами он обычно предпочитал вести дискуссии на немецком языке.

Хорн: В ходе совещания господин фон Риббентроп зачитал Гендерсону меморандум содержавший немецкие предложения об урегулировании вопросов возникших между Германией и Польшей. И спрашиваю вас свидетель, Гендерсон просил вас во время дискуссии перевести ему содержание меморандума зачитанного Риббентропом?

Шмидт: Нет, он этого не делал.

Хорн: У вас, по его отношению сложилось впечталение, что сэр Невилл Гендерсон полностью понял содержание меморандума?

Шмидт: То есть, конечно же, очень трудно сказать. Вы не можете говорить о том, что происходит в уме у человека, но я сомневаюсь, в том понял ли он документ во всех деталях.

Хорн: Риббентроп, оглашая документ сэру Невиллу Гендерсону дал ему пояснение?

Шмидт: Да, во время оглашения документа министр иностранных дел время от времени комментировал Гендерсону некоторые положения, которые могли быть не совсем ясными.

Хорн: Сэр Невилл Гендерсон лично просил о таких пояснениях?

---

180 Герман Мюллер (1876 — 1931) — немецкий политик, член Социал-демократической партии Германии. Рейхсканцлер Германии в 1920 и 1928—1930 годах.

181 Вильгельм Маркс (1863 — 1946) — немецкий юрист и политик (Германская партия Центра). В 1923-24 и 1926-1928 годах занимал пост рейхсканцлера Веймарской республики.

182 Генрих Брюнинг (1885 - 1970) — германский политический деятель, рейхсканцлер и министр иностранных дел во время Веймарской республики (1930-1932).

Шмидт: Нет, сэр Невилл Гендерсон сидел и слушал чтение документа и комментарии которые делались.

Хорн: Какая атмосфера преобладала во время совещания?

Шмидт: Атмосфера во время совещания была, я думаю, могу сказать, как будто наэлектризованной. Оба участника крайне нервничали. Гендерсон был очень беспокойным, и никогда раньше и, наверное, лишь однажды потом, я видел министра иностранных дел таким нервным каким он был во время этого совещания. Инцидент который случился в первой части дискуссии, наверное, может служить иллюстрацией атмосферы. Обсуждался вопрос определения всех пунктов которые Германия имела против Польши и её правительства, и министр иностранных дел подробно это сделал и завершил словами: «Теперь вы понимаете, сэр Невилл Гендерсон, обстановка чертовски серьёзная». Когда сэр Невилл Гендерсон услышал эти слова «чертовски серьёзная», он вздрогнул, привстал, и направив указательный палец на министра иностранных дел, сказал: «Вы только, что сказали «чертовски». Это не язык государственного деятеля в такой серьезной ситуации».

Председатель: К какому обвинению это относится?

Хорн: Пункту обвинительного заключения о том, что 30 августа 1939, фон Риббентроп огласил меморандум, решающий меморандум так быстро, что посол сэр Невилл Гендерсон не смог ухватить его содержание и передать его своему правительству и переслать его польскому правительству для того, чтобы продолжить переговоры между Германией и Польшей. Англия тогда предложила свои услуги в качестве посредника между обеими правительствами. Германия на основе…

Председатель: На какой фрагмент обвинительного заключения вы ссылаетесь? Может вы правы, я не знаю. Я лишь хочу знать о том, какой фрагмент обвинительного заключения ссылается на это.

Хорн: Я ссылаюсь на подготовку, то есть, на неудачу предотвращения агрессивной войны, что вменяется Риббентропу как со-заговорщику.

Председатель: Это на странице 9, не так ли, из (F) 4? Здесь нет ничего о том, как документ вручили сэру Невиллу Гендерсону. Предположительно у вас есть обвинительное заключение. Где это в обвинительном заключении?

Хорн: Обвинение представило и это также представили в Палате общин, где Чемберлен настаивал на том, что Риббентроп прочитал это так быстро, что невозможно было ухватить содержание и передать его через дипломатические каналы, которые прямо предоставила Англия. Таким образом, подсудимый фон Риббентроп прямо обвиняется в помехе этому последнему шансу дальнейших переговоров с Польшей. Заявление свидетеля подтвердит, что подсудимого фон Риббентропа нельзя в этом обвинять.

Председатель: Что же, доктор Хорн, вы высказались о том, как это прочитали. В обвинительном заключении вообще нет такого. Может быть, обвинение ссылалось

на это в историческом экскурсе. Вы высказались, конечно же, не нужно дальше развивать это.

Хорн: В таком случае я могу продолжать?

[*Обращаясь к свидетелю*] Значит, у вас сложилось впечатление о том, что оба государственных деятеля были крайне взволнованы?

Шмидт: Да, у меня сложилось такое впечатление.

Хорн: Чему вы приписываете такое волнение?

Шмидт: Напряжению, которое преобладало во время переговоров, многочисленных совещаний которые шли почти без перерыва, в предыдущие дни и которые потребовали много нервов от всех участников.

Хорн: Это верно, что фон Риббентроп, как утверждал сэр Невилл Гендерсон, сказал в самых худших выражениях о том, что он никогда не попросит польского посла позвонить ему?

Шмидт: Я это не помню. Министр иностранных дел просто сказал о том, что он мог принять польского посла для переговоров и дискуссий, только если он прибудет к нему с необходимыми полномочиями для переговоров.

Хорн: Посол Липски[183] не имел таких полномочий?

Шмидт: Он ответил на этот вопрос, заданный ему министром иностранных дел, когда посол Липски находился с ним категорическим: «Нет». Он сказал, что у него не было полномочий.

Хорн: Соответственно, Риббентроп заявил сэру Невиллу Гендерсону о том, что он не примет посла, правильно?

Шмидт: Нет. Я говорю о совещании которое было у министра иностранных дел с польским послом, в ходе которого последнего спросили о том имел ли он полномочия вести переговоры. На это он ответил: «Нет», соответственно министр иностранных дел сказал о том, что в таком случае естественно не состоится никакой беседы.

Хорн: Значит, фон Риббентроп не вручал меморандум, о котором мы ранее говорили, сэру Невиллу Гендерсону. У вас сложилось впечатление о том, что Риббентроп не представил текст ультиматума послу сэру Невиллу Гендерсону, потому что он не желал или потому, что ему не позволили это сделать?

Шмидт: Мне сложно дать чёткий ответ на этот вопрос так как я не присутствовал на предварительных дискуссиях, которые, несомненно, имел Гитлер с министром иностранных дел по поводу этого момента перед совещанием с британским послом. Таким образом, я должен полагаться на впечатление которое сложилось у меня во время совещания с британским послом, и из этого я могу сделать свои выводы об инструкциях Гитлера которые могли дать министру иностранных дел для этого совещания. В связи с этим я могу сказать следующее:

---

183 Юзеф Липски (1894 — 1958) — польский дипломат. В 1934—1939 годах занимал должность посла в Германии, в этом качестве играл ключевую роль во внешней политике Польши перед Второй мировой войной.

Когда Гендерсон попросил о том, чтобы ему представили документ содержащий немецкие предложения, министр иностранных дел сказал: «Нет, я не могу дать вам документ». Он использовал такие слова. Это, конечно в чём-то была необычная процедура, потому что в обычных условиях сэр Невилл Гендерсон был вправе ожидать, что документ который прочли, вручат ему. Лично я был довольно удивлён ответом министра иностранных дел и проверил, потому что я подумал, что я неправильно понял. Я посмотрел на министра иностранных дел, и услышал как он второй раз сказал: «Я не могу дать вам документ». Но я увидел, что это дело вызвало в нём некоторый дискомфорт и, что он должен был сознавать довольно сложное положение, в котором он оказался в результате такого ответа, потому как натянутая улыбка блуждала по его губам, когда он тихим голосом сказал сэру Невиллу Гендерсону эти слова: «Я не могу дать вам документ». Тогда я посмотрел на сэра Невилла Гендерсона как, обычно ожидая, что он попросит меня перевести документ, но такая просьба не последовала. Я довольно призывно посмотрел на Гендерсона, поскольку хотел перевести документ, зная о том насколько экстраординарно важно, быстро и полностью передать его содержание британскому правительству. Если бы меня попросили перевести, я бы сделал это медленно, почти под диктовку, для того, чтобы позволить британскому послу таким окольным путём понять не просто общий характер немецкого предложения, а все его детали и передать их своему правительству. Но сэр Невилл Гендерсон не отреагировал даже на мой взгляд, поэтому дискуссия подошла к концу и события пошли своим чередом.

Хорн: Вы, утром 3 сентября 1939 получили британский ультиматум германскому правительству?

Шмидт: Да, правильно.

Хорн: Кому представили ультиматум?

Шмидт: Утром 3-го, около 2 или 3 часов британское посольство позвонило в рейхсканцелярию где я всё ещё находился вместе министром иностранных дел для того, чтобы участвовать в возможных совещаниях, чтобы предоставить информацию о том, что британский посол получил инструкции от своего правительства, согласно которым точно в 9 часов, он должен был сделать важное объявление от имени британского правительства министру иностранных дел. Поэтому он тогда попросил быть принятым господином фон Риббентропом. Ему ответили о том, что лично Риббентроп недоступен, но сотрудник министерства иностранных дел, а именно я, буду уполномочен принять объявление британского правительства от британского посла в его интересах. Таким образом, получилось, что в 9 часов утра я принял британского посла в кабинете Риббентропа. Когда я попросил его присесть, Генедерсон отказался и стоя зачитал мне хорошо известный ультиматум британского правительства германскому правительству, согласно которому, до выполнения Германией определённых условий британское

правительство считает себя в состоянии войны с Германией с 11 часов этого утра. После обмена прощальными словами, я взял документ в рейхсканцелярию.

Хорн: Кому вы там представили документ?

Шмидт: В рейхсканцелярии я отдал его Гитлеру, то есть, я нашёл Гитлера в его кабинете на совещании с министром иностранных дел и перевел для него документ на немецкий язык. Когда я закончил перевод, поначалу была тишина.

Хорн: Гитлер был один в комнате?

Шмидт: Нет, как я сказал, он был в своём кабинете с министром иностранных дел. И когда я закончил свой перевод, оба господина молчали с минуту. Я смог чётко понять, что такое развитие событий их никак не устраивало. Некоторое время Гитлер сидел в кресле в глубоких раздумьях и взволновано глядел в пространство. Затем он нарушил молчание и довольно резко спросил министра иностранных дел, сказав: «И что нам теперь делать?». Соответственно они начали обсуждать следующие дипломатические шаги, нужно ли вызывать того или иного посла, и т.д. Я, конечно же, вышел из кабинета, поскольку не имел к этому отношения. Когда я вышел в приёмную, я увидел собравшихся там – или даже я уже увидел их по пути – некоторых министров кабинета и высших чиновников, с вопросительными взглядами – они знали, что я встречался с британским послом – я сказал только о том, что второго Мюнхена не будет. Когда я снова вышёл, я увидел на их взволнованных лицах, что моё замечание поняли правильно. Когда я сказал им о том, что только, что вручил Гитлеру британский ультиматум, на комнату обрушилось гробовое молчание. Лица внезапно стали серьёзными. Я даже помню, что Геринг, стоявший напротив меня, повернулся ко мне и сказал: «Помоги нам бог, если мы проиграем эту войну». Геббельс сам по себе стоял в углу и имел очень серьезное, если не сказать подавленное выражение. Эта подавленная атмосфера преобладала среди всех присутствующих и естественно живёт в моей памяти как нечто самое запомнившееся о приёмной рейхсканцелярии в первый день войны.

Хорн: Таким образом, у вас не сложилось впечатление, о том, что эти люди ожидали объявления войны?

Шмидт: Нет, у меня не сложилось такое впечатление.

Хорн: Свидетель, вы могли наблюдать за тем как отреагировал Риббентроп на новости о японском нападении на Пирл-Харбор?

Шмидт: Я не имел прямой возможности, но в министерстве иностранных дел было общеизвестно, что новости о Пирл-Харборе застали министра иностранных дел, и на самом деле министерство иностранных дел в целом, врасплох. Такое впечатление тогда подтвердил мне сотрудника департамента прессы. Департамент прессы слушал радиостанции и официально имел инструкции сразу же лично сообщать министру иностранных дел о важных новостях. Когда станцией департамента прессы были получены первые новости о Пирл-Харбор, чиновник посчитал их достаточно важными, чтобы сообщить своему начальнику, то есть, главе

департамента прессы, который в свою очередь передал их министру иностранных дел. Однако, его – как мне говорили – довольно резко отругал министр иностранных дел, который сказал о том, что это должно быть выдумка прессы или утка, и он не захотел, чтобы наш департамент прессы беспокоил его такими историями. После этого, поступили второе и третье сообщения о Пирл-Харбор, думаю, также на станции получили сообщение Reuters[184], и глава департамента прессы набрался храбрости и несмотря на приказ не беспокоить министра иностранных дел, снова сообщил ему эти новости.

Председатель: Это доказательство выглядит совершенно неинтересующим и не относящимся к трибуналу.

Хорн: Фон Риббентроп также обвиняется в подготовке агрессивной войны против Соединённых Штатов Америки.

Председатель: То о чём нам говорили, была реакцией прессы. Какое отношение к нам имеет реакция прессы?

Хорн: Свидетель описал реакцию фон Риббентропа на атаку на Пирл-Харбор. Фон Риббентроп не знал о том, что японцы собирались напасть на Пирл-Харбор или о том, что они вообще собирались напасть на Америку. Такого соглашения не существовало между Японией и Германией. Таким образом, неправильно, что Риббентроп готовил агрессивную войну против Соединённых Штатов Америки. То есть…

Председатель: Вы говорите о прессе. Я не говорю о том, что вы не должны спрашивать его о том не знал ли министр иностранных дел об атаке на Пирл-Харбор. Я так не говорил. Я сказал о том, что трибунал не заинтересован и посчитал о том, что это не относится к делу исследовать реакцию прессы.

Хорн: Свидетель, вы присутствовали на переговорах по поводу Морского соглашения с Англией. Вы можете рассказать нам о том как проходили эти переговоры и был ли фон Риббентроп искренним и какие цели он преследовал?

Шмидт: Эти переговоры, на которых я также присутствовал как переводчик, шли совершенно гладко после преодоления некоторых трудностей. Цели которые министр иностранных дел…

Максвелл-Файф: Милорд, как я понимаю, это Морское соглашение 1935. По моим воспоминаниям – я пытаюсь проверить это – это был один из вопросов, которые мы обсуждали при ходайствах о свидетелях, и трибунал распорядился против исследования переговоров предшествоваших заключению договора. Это было при ходатайствах о свидетелях. Просили об одном или двух свидетелях которых собирались спросить о переговорах и я думаю, рассмотреть именно тот пункт который затронул доктор Хорн последним вопросом, а именно, о мыслях подсудимого Риббентропа. Я насчитал одного или двух – это лорд Монселл[185],

184 «Рейтер» — одно из крупнейших в мире международных агентств новостей и финансовой информации, существует с середины XIX века.

185 Болтон Айрис-Монселл (1881 – 1969) – британский политический и государственный деятель. В 1931-1936

например который был в списке свидетелей, в котором отказал суд, и ряд немецких государственных деятелей которым отказали по такому же основанию. Милорд, это заявление трибунала от 26 февраля, и ваша светлость увидит на странице 2, я думаю, разумеется, свидетель Монселл, который лучше всех знаком мне, но я уверен в том, что были другие свидетели. Я знаю о том, что мы полностью обсудили это при ходатайствах о свидетелях.

Председатель: Сэр Дэвид, кто были другие?

Максвелл-Файф: У меня есть список свидетелей в которых отказали. Есть адмирал Шустер[186]…

Председатель: Да, этот.

Максвелл-Файф: …который относился к данному вопросу как тот, кто инициировал договор. И затем есть сэр Роберт Крейги[187], номер 24. Есть лорд Монселл…

Председатель: В нём отказали.

Максвелл-Файф: Это об одном и том же, номер 25.

Председатель: Да.

Максвелл-Файф: Да, милорд, думаю их трое.

Председатель: Доктор Хорн, что вы на это скажете? Эти трое свидетелей – Шустер, Крейги и Монселл – которые как вы предполагали должны были дать показания об этом договоре 1935, всем им было отказано. Что касается свидетеля, которого вы допрашиваете сейчас, в ходатайстве о нём не было никакой ссылки на это. Его просили только как переводчика министерства иностранных дел.

Хорн: У меня сложилось впечатление о том, что в этих трёх свидетелях отказали из-за того, что они были кумулятивными, и я не собирался спрашивать свидетеля о Морском соглашении, а хотел только спросить его об отношении выраженном Риббентропом при заключении соглашения и после, для того, чтобы доказать трибуналу, что фон Риббентроп во всяком случае тогда, не имел умысла на агрессивную войну, и не участвовал в заговоре для начала агрессивной войны, по крайней мере, не в то время. И далее, я желаю подтвердить, что данное соглашение не являлось «замыливанием глаз» как выразился вышеуказанный британский посол сэр Невилл Гендерсон.

Председатель: Ваше ходатайство в связи с послом Крейги было таким: свидетель может дать показания о том, что в 1935 Риббентроп обратился к Англии с предложением о подписании Морского соглашения и инициатива Риббентропа привела к согласию Франции с данным договором, что было связано с Версальским

первый лорд Адмиралтейства (военно-морской министр) Великобритании.

186 Карл Георг Шустер (1886 — 1973) — немецкий военно-морской деятель; адмирал (1940). Входил в состав комиссии по разработке Англо-германского морского соглашения. С 3 апреля 1941 года — адмирал на Юго-Востоке; позднее под его руководством было сформировано Командование группы ВМС «Юг». С 20 марта 1943 года уволен с должности и переведён в резерв, но уже 1 июля назначен начальником Военно-исторического отдела ОКМ. Оставался на этом посту до 8 апреля 1945 года.

187 Роберт Крейги (1883—1959) — британский дипломат, посол Великобритании в Японии в 1937—1941 годах.

договором. Таким образом, договор вступил в силу.
Это не связано с тем, что вы собирались задать свидетелю вопросы?
Хорн: Нет.
Председатель: Если у вас нет ничего про Морское соглашение 1935, тогда можете продолжать.
Хорн: Свидетель в 1944 вы присутствовали на совещании между Хорти и Гитлером в Клессхайме в котором также принимал участие фон Риббентроп и во время которого обсуждалось решение еврейского вопроса в Венгрии. Что вам сказал фон Риббентроп по данному вопросу?
Шмидт: Во время совещания было некоторое затруднение, когда Гитлер настаивал на том, чтобы Хорти энергичнее занялся еврейским вопросом и Хорти ответил с некоторой горячностью: «Но, что мне предлагается делать? Мне их забить до смерти?» - потом было некоторое затишье, и министр иностранных дел тогда обратился к Хорти и сказал: «Да, есть только две возможности, либо эта или интернировать евреев». Потом он сказал мне – и это был весьма исключительный случай – что требования Гитлера в связи с этим могли зайти слишком далеко.
Хорн: 25 августа 1939 вы принимали участие в совещании между Гитлером, Гендерсоном и Риббентропом на котором Риббентроп и Гитлер ещё раз выразили своё желание придти к договорённости с Польшей, используя Британию как посредника. Это верно, что Риббентроп тогда направил вас с проектом ноты на это совещание к Гендерсону в посольство, чтобы попросить его насколько возможно поддержать это предложение и попытаться принять его? Правильно?
Шмидт: Да, это так.
Хорн: Могу я предъявить трибуналу копию этой телеграммы от сэра Невилла Гендерсона лорду Галифаксу[188]? (документ номер ТС-72, номер 69).
[*Обращаясь к свидетелю*] Свидетель, это верно, что 28 августа 1939, господин фон Риббентроп в дальнейшей дискуссии с сэром Невиллом Гендерсоном снова подчеркивал, что соглашение между Германией и Британией после урегулирования польского вопроса было величайшим желанием Чемберлена, как заявил британский премьер-министр Риббентропу, и что Риббентроп повторил это Гендерсону? Это правда?
Шмидт: Да, правда.
Хорн: Могу я представить трибуналу спорный меморандум как экземпляр?
Председатель: Вы приобщаете эту копию в качестве доказательства, не так ли?
Хорн: Я прошу трибунал вынести уведомление о документе.
Председатель: Какой номер?
Хорн: Один номер уже предъявило обвинение. Он имеет номер ТС-72 и другой номер, и второй номер также предъявило обвинение. Я снова предъявляю его

188 Эдуард Фредерик Линдли Вуд (1881 — 1959) — английский политик, один из лидеров консерваторов. в 1934 — виконт Галифакс, в 1944 — граф Галифакс. Министр иностранных дел Великобритании в 1938-1940.

трибуналу, потому что сейчас на него сослался. (документ номер ТС-72, номер 75). Свидетель, и последний вопрос: в своём обширном опыте переводчика, вы имели возможность наблюдать Гитлера в контакте с иностранцами. Какое впечатление по вашим наблюдениям Гитлер производил на зарубежных государственных деятелей?

Шмидт: Естественно не так просто ответить на этот вопрос, так как не посмотришь в душу и сердце других людей. Но как наблюдателю можно сделать определённые выводы из отношения…

Председатель: Доктор Хорн, трибунал не считает, что этот вопрос относится к делу, влияние Гитлера на зарубежных государственных деятелей. По крайней мере, это на нас не влияет.

Хорн: Я отзываю вопрос. У меня больше нет вопросов к свидетелю.

Председатель: Есть кто-либо из защитников кто хочет задать вопросы?

Штамер: Свидетель, вы присутствовали при беседе, которая, почти за год до начала войны, состоялась между лордом Лондондерри[189] и фельдмаршалом Герингом в Каринхалле?

Шмидт: Да, я присутствовал на этой беседе.

Штамер: Кратко опишите трибуналу суть этой беседы.

Шмидт: Спустя такое долго время, я, конечно, не могу вспомнить подробности, но я вспоминаю, что темой беседы было англо-германское сближение или скорее устранение всех спорных моментов между Германией и Англией, и конечно же в дополнение, там рассматривался ряд технических вопросов об авиации и воздушных силах. Я навсегда очень чётко запомнил одно характерное замечание Геринга во время беседы, когда в конце дискуссии, которая должна была подтвердить насколько желательно, чтобы Германия и Англия дружили и избегали конфликтов, он сказал следующее:

> «Если две наши страны будут втянуты в войну друг с другом, тогда естественно будет победитель и побеждённый, но у победителя в таком ожесточённом конфликте в момент победы останется сила, чтобы нанести побеждённому последний удар и затем самому пасть с тяжелыми ранами и лишь по этой причине две наши страны должны быть вместе без войны и без конфликта».

Штамер: Вы принимали участие в переговорах в Мюнхене осенью 1938?

Шмидт: Да, я принимал участие в этих переговорах.

Штамер: Фельдмаршал также присутствовал?

Шмидт: Во время первой части он не присутствовал, но позднее, когда круг присутствовавших увеличился, он также принимал участие.

Штамер: Каким образом он участвовал в переговорах?

Шмидт: Он вмешивался только в отдельные вопросы меньшего значения. Однако,

189 Чарльз Вэйн Темпест-Стюарт, маркиз Лондондерри (1878 – 1949) – британский аристократ и политик. Государственный секретарь воздухоплавания в 1931-1935.

он принимал участие таким образом который выражался в результате его вмешательства, что он хотел насколько возможно устранить любые возникающие трудности по поводу технических моментов которые могли препятствовать прогрессу переговоров. Другими словами, он стремился к тому, чтобы Мюнхенские переговоры не рухнули под такими техническими процедурными моментами, которые играли важную роль во второй части переговоров.

Штамер: Вы присутствовали на беседе которая состоялась осенью 1937 между лордом Галифаксом и тогда фельдмаршалом Герингом, и на совещании лорда Галифакса и Гитлера в Бергхофе?

Шмидт: Да, я присутствовал.

Штамер: Как проходила беседа? Пожалуйста, вкратце.

Шмидт: Сначала я должен сказать, что в Оберзальцберге беседа с лордом Галифаксом приняла очень неудовлетворительный оборот. Два партнера никак не могли договориться, но в беседе с Герингом атмосфера улучшилась. Рассматривалось тоже самое, что в Оберзальцберге, темы которые были на переднем плане того времени, а именно, аншлюс, судетский вопрос, и наконец вопросы польского коридора и Данцига. В Оберзальцберге Гитлер рассматривал эти вопросы довольно бескомпромиссно, и он более-менее требовал, чтобы решение как он его видел, было принято Англией, в то время как Геринг в своих дискуссиях всегда придавал значение тому факту или всегда подчеркивал, что его идея была мирным решением, то есть, решением в результате переговоров, и о том, чтобы делалось всё в таком направлении и о том, что он верил в то, что такое решение можно достигнуть по всем трём вопросам если правильно вести переговоры.

Штамер: У меня больше нет вопросов.

Латернзер: Свидетель, вы присутствовали на многочисленных политических совещаниях Гитлера. Вы замечали по таким поводам, высшее военное руководство пыталось влиять на него для расширения германской территорий путём войны или мирным способом?

Шмидт: Нет, я не замечал никаких усилий со стороны военных, потому что на политических переговорах военные представители по большей части сначала не присутствовали, когда рассматривались крупные проблемы и их вызывали только, когда обсуждались чисто военные проблемы, и затем, конечно, они высказывали своё мнение только по чисто военным вопросам, и не говорили о каких-нибудь политических вопросах.

Латернзер: Тогда у меня есть ещё один вопрос: по поводу таких дискуссий, вы узнавали, что высшее военное руководство стремилось оказывать политическое влияние на правительство Рейха?

Шмидт: Нет, я такого не видел, и вы об этом не узнаете, так как они вряд ли присутствовали.

Латернзер: У меня нет вопросов.

Максвелл-Файф: Свидетель, я хочу, чтобы, вы прежде всего, рассказали трибуналу довольно кратко об истоках ваших взглядов. Вы помните, что 28 ноября дали письменные показания в Оберурселе, вы помните?

Шмидт: Я точно не помню дату, но я помню, что дал письменные показания.

Максвелл-Файф: Вы посмотрите на них. [*Документ вручили свидетелю*] Абзац 1 излагает ваш опыт, ряд совещаний, и т.д.

Милорд, я должен сказать, что этот документ это документ номер PS-3308 и будет экземпляром GB-288.

[*Обращаясь к свидетелю*] Затем в абзаце 2 вы приводите основания для вашего опыта. Следите, пока я буду читать:

> «Каким бы успехом и положением я не пользовался в министерстве иностранных дел, я обязан тому факту, что поставил себе задачу всё время внимательно знакомиться с обсуждаемой темой, и я стремился добиться подробных сведений о психике Гитлера и других руководителей. За время гитлеровского режима я постоянно стремился быть осведомлённым о том, что происходило в министерстве иностранных дел и связанных организациях, и я пользовался таким положением, что мне было возможно иметь доступ к ключевым чиновникам и ключевым сотрудникам в их ведомствах».

И затем, если вы посмотрите на третий абзац, который приводит ваше впечатление основываясь на целях внешней политики.

> «Основные цели нацистского руководства были понятны с самого начала, а именно, доминирование на европейском континенте, которого следовало достичь, во-первых, присоединением к Рейху всех немецкоговорящих групп, территориальной экспансией под лозунгом «Lebensraum». Однако, исполнение главных целей, казалось было подвержено импровизации. Каждый последующий шаг видимо осуществлялся по мере возникновения новой ситуации, но полностью согласуясь с окончательными целями указанными выше».

Это правильно, господин Шмидт? Вы так выразили свои взгляды?

Шмидт: Да.

Максвелл-Файф: Итак, перед тем как я перейду к рассмотрению конкретных вопросов, я хочу, чтобы вы развили свои впечатления немного дальше. Вы сказали нам, что вы сотрудничали с каждым министром иностранных дел с господина Штреземана. Вы замечали существенную разницу между образом жизни нацистских министров и теми кто им предшествовал?

Шмидт: Что касается образа жизни, то была определенная разница, да.

Максвелл-Файф: Рассмотрим подсудимого Риббентропа. До того как подсудимый Риббентроп пошёл в политику, у него был один дом в Берлин-Далем? Думаю на Ленц-аллее 19. Он владел им?

Шмидт: Да.

Максвелл-Файф: Итак, когда он был министром иностранных дел, у него было шесть домов? Позвольте мне напомнить вам и рассмотреть их один за одним. Вы скажете прав ли я. Был дом в Зоннебурге, где-то рядом с Берлином, с поместьем на 750 гектаров, и частное поле для гольфа. Был такой, не так ли?

Шмидт: Я знал о том, что был дом в Зонненбурге, но я не знал насколько он большой.

Максвелл-Файф: Затем был дом в Таннек-бей-Дюрен, рядом с Аахеном, дом который использовался для коневодства?

Шмидт: Я не знал об этом доме.

Максвелл-Файф: И затем был один рядом с Кицбюэлем, который он использовал для охоты на оленей?

Шмидт: Мне неизвестны эти подробности.

Максвелл-Файф: Не подробности, а факт существования?

Шмидт: Я считаю, что это вообще не невозможно, чтобы дом существовал, но я не слышал о нём никаких подробностей.

Максвелл-Файф: Затем, конечно был замок Шлосс, это в Австрии, не так ли?

Шмидт: Рядом с Зальбургом, да.

Максвелл-Файф: Рядом с Зальцбургом, да. Его взяли как государственную резиденцию. Я спрошу вас про обстоятельства позже.

Затем было словацкое охотничье поместье под названием «Пустеполе», не так ли?

Шмидт: Название мне знакомо, и я знаю о том, что господин фон Риббентроп иногда ездил туда охотиться, но я ничего не знаю о собственности.

Максвелл-Файф: Затем он также использовал охотничий дом, рядом с Подерсаном, графа Чернина[190], рядом с Подерсаном, в Богемии, в Судетах?

Шмидт: Там был охотничий дом или что-то похожее, я не знаю название, в котором проходили приёмы, как например, для графа Чиано. Но я думаю, он назывался по-другому.

Максвелл-Файф: Это тот, который посещал Чиано. Об этом я вам сказал. Думаю я прав, что раньше он принадлежал графу Чернину.

Скажите мне, денежное содержание рейхсминистров было фиксированным?

Шмидт: Я не понял вопрос.

Максвелл-Файф: Давайте я уточню. Содержание – то есть фиксированная ежегодная сумма – предназначалась для рейхсминистров?

Шмидт: Да, совершенно верно.

Максвелл-Файф: Сколько она составляла?

Шмидт: Не могу сказать.

190 Оттокар Чернин фон унд цу Худениц (1872 — 1932) — австро-венгерский дипломат и государственный деятель, граф. Министр иностранных дел Австро-Венгрии в 1916-1918.

Максвелл-Файф: Её держали в тайне?

Шмидт: Это не та причина, по которой я не могу дать вам никаких сведений. Я вообще не интересовался тем насколько большое содержание у рейхсминистра иностранных дел.

Максвелл-Файф: Вы не знаете?

Шмидт: Нет.

Максвелл-Файф: Если вы говорите, что не знаете, это меня вполне устраивает. Думаю, вы, наверное, можете ответить на такой вопрос. Какой-нибудь предыдущий рейхсминистр иностранных дел мог содержать шесть домов и поместий разных размеров на своё содержание, любой кого вы знали?

Шмидт: Мог ли он, я не могу сказать, но он не содержал.

Максвелл-Файф: Не содержал. Мы пока это оставим.

Итак, я хочу обратиться в уме к маю 1939. Это почти четыре месяца до войны, когда только возник польский вопрос. Я имею в виду, он становился довольно серьезным вопросом. Вы помните, что я думаю о том, что они называли в германском министерстве иностранных дел conduite de langage[191] которое приблизительно в это время ввел Риббентроп и высказал барон фон Вайцзеккер?

Шмидт: Нет, я не знаю, или в любом случае я должен сказать, что не могу это вспомнить.

Максвелл-Файф: Позвольте мне вам напомнить, вы поймете, если это касается ваших воспоминаний:

> «Польская проблема будет решена Гитлером в 48 часов, западные державы будут неспособны оказать какое-либо содействие Польше, Британская империя обречена в течение следующих 10 лет; Франция истечёт кровью до смерти если попытается вмешаться»

Вы помните conduite de langage об этом принятый министром иностранных дел?

Шмидт: Я не могу вспомнить conduite de langage такого рода. Мне кажется это подбор conduite de langage для пропагандистских целей.

Максвелл-Файф: Вы помните, что фон Риббентроп издал инструкции о том, чтобы ни один чиновник министерства иностранных дел не должен был выражать другие взгляды?

Шмидт: Правильно, чтобы придерживаться такого conduites de langage.

Максвелл-Файф: И вы помните, что он попросил барона фон Вайцзеккеру высказать, что случиться с тем, кто выражает другие взгляды?

Шмидт: Нет, я это не помню, но я могу представить, что такому человеку угрожали бы серьёзные наказания. Но я не помню само дело.

Максвелл-Файф: Вы не помните, что он говорил, что он лично расстреляет за такое?

---

191 «Языковое поведение» (фр.)

Шмидт: Такое высказывание он мог сделать по какому-то случаю, когда он был в гневе, я считаю это совершенно возможным, но мне не кажется, что это не воспринимали всерьез.

Максвелл-Файф: Я думал, что вы вспомните – я предложу вам – было бедствием и трудностью, что барон фон Вайцзеккер раздумывал о том, как ему сказать это на официальном совещании в министерстве иностранных дел. Вы помните это?

Шмидт: Тогда я ещё не допускался на утренние совещания. Тогда я не присутствовал, поэтому не могу вам ничего сказать об этом, но я могу представить, что государственный секретарь мог иметь довольно большие затруднения в переводе этого заявления на официальный язык.

Максвелл-Файф: А теперь, я хочу довольно коротко рассмотреть положения о которых говорили вам про август 1939. Я лишь хочу выяснить факты:

Вы помните о том, что вы находились с Гитлером в то время, когда он ожидал реакции западных держав на советский договор?

Шмидт: Нет, я был командирован к делегации в Москве и поэтому не находился с Гитлером.

Максвелл-Файф: Таким образом, вы вернулись с подсудимым Риббентропом 24-го?

Шмидт: Да, но я остался в Берлине и не поехал в Берхтесгаден.

Максвелл-Файф: Понятно. Что же, а вы помните, что Гитлер встретился с сэром Невиллом Гендерсоном в 1 час 30 минут 25-го и вручил ему то, что называется вербальной нотой? Вы это помните?

Шмидт: Думаю я не присутствовал на этом совещании, потому что именно в это время находился в Москве. Возможно установить дату. Я не присутствовал на совещании Гитлера и британского посла которое состоялась в Оберзальцберге во время поездки в Москву. Думаю, вы ссылаетесь на это совещание.

Максвелл-Файф: Это день спустя после возвращения подсудимого из Москвы?

Шмидт: Нет, я остался в Берлине. Я там не был.

Максвелл-Файф: Я лишь хочу напомнить вам про этот день. Если вы не присутствовали, я перехожу от этого, но вы присутствовали, когда господин Аттолико[192], итальянский посол, представил сообщение от Муссолини?

Шмидт: Да.

Максвелл-Файф: Вы там были?

Шмидт: Да.

Максвелл-Файф: Про этот день я вас и спрашиваю. Вы помните, что в тот вечер поступило сообщение от господина Аттолико о том, что итальянские армия и воздушные силы не готовы вступить в войну?

Шмидт: Так точно.

Максвелл-Файф: Я хочу, чтобы вы попытались помочь мне, потому что время

192 Бернардо Аттолико (1880 — 1942) — итальянский дипломат. Посол Италии в Германии в 1935-1939.

имеет значение. Это было не приблизительно 3 часа вечера?

Шмидт: Может быть так, но с учётом многих совещаний которые тогда проходили, вопрос часов и дат естественно запутанный.

Максвелл-Файф: И вы помните новости о том, что грядущим вечером около 4 часов будет подписан англо-польский договор?

Шмидт: Да, я это помню.

Максвелл-Файф: И вы помните, что приблизительно в 4 часа, господин Кулондр[193], французский посол, имел беседу с Гитлером?

Шмидт: Да, я это помню.

Максвелл-Файф: Итак, вы были осведомлены о том, что в тот день были пересмотрены приказы о нападении на Польшу следующим утром?

Шмидт: Я помню о том, что военные приказы отменили, но в чём заключались эти приказы, я естественно никогда не знал.

Максвелл-Файф: Я не спрашиваю вас об этом, господин Шмидт, но вы знали о том, что приказы пересмотрели. Меня интересует, можете ли вы мне помочь в одном моменте: пересмотр приказов в 6:15 – 18 часов 15 минут, после беседы с французским послом господином Кулондром, не в это время их пересмотрели?

Шмидт: Я не могу вспомнить, было ли такое время.

Максвелл-Файф: И равным образом можете ли вы помочь трибуналу в этом: не были они отданы около 2 часов – 14 часов 00 минут – после беседы с сэром Невиллом Гендерсоном? Вам это известно?

Шмидт: Нет.

Максвелл-Файф: Понимаю. Вы не можете помочь нам в этом.

А теперь. Я не собираюсь занимать время беседой в ночь на 30-31 августа между сэром Невиллом Гендерсоном и подсудимым Риббентропом, за исключением такого вопроса: вы нам рассказали о том, что подсудимый Риббентроп был очень взволнован, когда он читал эти условия, он временами повышал голос, кричал?

Шмидт: Нет.

Максвелл-Файф: Как он выражал свою нервозность?

Шмидт: Она проявлялась во время некоторых инцидентов, которые я упоминал раньше, которые произошли во время беседы, ранее во время таких инцидентов нервозность выражались, но не во время чтения документа.

Максвелл-Файф: Понимаю, но вы помните и были поражены отказом вручить жизненно важный документ британскому послу?

Шмидт: Да, конечно.

Максвелл-Файф: Что же, я хочу понять, можете ли вы помочь нам в одном или двух других инцидентах. Вчера свидетель предполагал, мы слышали вчера о том, что подсудимый Риббентроп очень мало знал о концентрационных лагерях. Я хочу

193 Робер Кулондр (1885 – 1959) – французский дипломат. Посол Франции в СССР в 1936-1938 и Германии в 1938-1939.

разобраться в этом предположении. Думаю, вы сможете помочь нам по поводу одного или двух жителей концентрационных лагерей о которых он знал. Вы помните человека по имени Мартин Лютер? Не религиозного господина, а современника?

Шмидт: Да.

Максвелл-Файф: Вы помните о том, что подсудимый Риббентроп взял его в своё ведомство, бюро Риббентропа, в 1936?

Шмидт: Я не уверен в годе, но я знаю о том, что он с большим удовольствием принял работу в бюро.

Максвелл-Файф: Да. Думаю это не сильно обрадовало старых сотрудников германского министерства иностранных дел.

Шмидт: Нет, конечно, нет.

Максвелл-Файф: Были какие-то небольшие трудности по поводу 4000 рейхсмарок, с которыми занимался господин Лютер?

Шмидт: Да. Мы узнали об этом впоследствии.

Максвелл-Файф: Его взяли в министерство иностранных дел и дали быстрое повышение до советника, то есть, посланника, и заместителя государственного секретаря, не так ли?

Шмидт: Да.

Максвелл-Файф: И затем, вы помните, что в 1943 у него были дрязги с подсудимым Риббентропом?

Шмидт: Да.

Максвелл-Файф: И он направил Гиммлеру, я думаю он сделал это через лейтенанта Бюттнера – предложение о том, что состояние рассудка Риббентропа было таким, что он не мог продолжать как секретарь по иностранным делам и предложил о том, чтобы как мне кажется, был назначен Вернер Бест[194]. Вы это помните?

Шмидт: Да, я помню об этом, но я не знал о том, что он предложил Вернера Беста в качестве преемника.

Максвелл-Файф: Во всяком случае, он предложил, что Риббентроп должен уйти. Думаю, он был довольно груб по этому поводу. Мне кажется, он предполагал о том, что его психические возможности уже неадекватны.

Шмидт: Я не видел сообщение. Я слышал только слухи.

Максвелл-Файф: Вследствие этого, конечно после беседы с Риббентропом, Риббентроп отправил Лютера в концентрационный лагерь, не так ли?

Шмидт: Я не знаю, произошло ли это по инициативе Риббентропа или же другого источника, но среди нас говорили о том, что Лютера приземлили в концентрационный лагерь.

Максвелл-Файф: Да. Что же, следствием событий было то, что Лютер не

194 Вернер Бест (1903 — 1989) — официальный юрист нацистской партии, обергруппенфюрер СС (20 апреля 1944), уполномоченный Рейха в оккупированной Дании (1942—1945). Датским судом был приговорён к пожизнённому заключении. Освобождён досрочно

соглашался с Риббентропом и вскоре он оказался в концентрационном лагере. И не только он оказался в концентрационном лагере, но это правильно, что даже СС просили о том, чтобы его выпустили из концентрационного лагеря, и Риббентроп с этим не согласился?

Шмидт: Этого я не могу сказать, потому делом, конечно же занимались совершенно конфиденциально в бюро господина фон Риббентропа и сотрудники старого министерства иностранных дел, одним из которых был я, не имели его доверия в такой мере, чтобы нас информировали о таких подробностях. Другими словами, я услышал о деле Лютера только по слухам, по особым каналам – на самом деле запретным каналам – поэтому я не могу дать вам никакой подлинной информации, но я могу повторить только то, что я слышал неофициально.

Максвелл-Файф: Я уверен в вашем желании быть абсолютно откровенным с трибуналом, и я говорю о том, что каждый в министерстве иностранных дел знал о том, что Лютер приземлился в концентрационном лагере, и совершенно ясно, подсудимый Риббентроп знал о том, что он приземлился в концентрационном лагере. Правильно, не так ли?

Шмидт: Да, конечно.

Максвелл-Файф: А теперь, позвольте рассмотреть ещё один инцидент относящийся к этому, если я могу прокомментировать о его экстраординарной невиновности по поводу концентрационных лагерей.

Вы помните двух несчастных людей по имени господин и фрау фон Ремиц, которым принадлежал замок Фушль? Думаю имя Ремиц или Рениц. Вы помните?

Шмидт: Да.

Максвелл-Файф: Что же, замок Фушль – вы скажите мне как это произносить?

Шмидт: Что же, по поводу этих вопросов мне мало известно…

Максвелл-Файф: Нет, я хочу, чтобы вы сказали мне, как это произносится.

Шмидт: Фушль.

Максвелл-Файф: Спасибо.

Замок Фушль принадлежал людям которых я назвал. Фрау фон Ремиц была сестрой Августа Тиссена[195], не так ли?

Шмидт: Я ничего не могу сказать об этом, поскольку все эти вопросы ссылаются на частное хозяйство господина фон Риббентропа и я не имел к этому никакого отношения. Мои связи с ним были чисто официальными и ограничивались рутинными вопросами и важными политическими переводами в министерстве иностранных дел. Я лишь слышал о других делах, и естественно не так, чтобы я мог делать о них аутентичные заявления.

Максвелл-Файф: Что же, я задам вам всего один вопрос. После того как замок стал собственностью, во всяком случае оказался в пользовании министра иностранных дел, господин фон Ремиц провёл несколько лет в концентрационном лагере, где он в

195 Август Тиссен (1842 – 1926) – немецкий предприниматель. Основатель сталилитейной компании «Тиссен».

конце концов умер? Вы знали об этом, не так ли?

Шмидт: Я знал об этом как о слухе, мне рассказывали об этом.

Максвелл-Файф: И он не слышал о других историях, которые приходили из концентрационных лагерей?

Шмидт: Мне не кажется, что какие-нибудь аутентичные доклады составлялись об условиях, потому что условия естественно, в частности в министерстве иностранных дел, с этим обращались как с табу те люди которые были ответственными за концентрационные лагеря, поскольку мы, во всяком случае, считались не совсем надёжными и не относились к ним. Такие вопросы, конечно же, усердно прикрывали и скрывали от нас. Поэтому, до нас не доходили вообще никакие конкретные детали.

Максвелл-Файф: Но вы знали, не так ли, даже в министерстве иностранных дел, о том, что было много концентрационных лагерей в которых заперто много людей?

Шмидт: Мы знали об этом, но основным источником нашей информации, конечно была зарубежная пресса, которую мы читали, и зарубежные радиоотчёты которые появлялись на нашем столе, переводимые каждое утро.

Максвелл-Файф: Таким образом, если вы знали об этом из зарубежной прессы и зарубежного радио, то кто угодно на скамье подсудимых мог не знать о концентрационных лагерях, а подсудимый Риббентроп, как министр иностранных дел, знал. Это не правильно?

Шмидт: Я хочу сказать так: конечно же, у него был доступ к новостному материалу зарубежной прессы. То как он его оценивал, считал его правдой или полной ложью, или преувеличением, естественно я не могу сказать. Конечно же, он также получал сообщения как таковые, но как доклады заграницы, и во время войны, доклады из вражеских стран.

Максвелл-Файф: Доктор, я сейчас не буду это развивать. Я хочу, чтобы вы мне сказали вот что: вы представили нам отчёт о беседе между Гитлером и подсудимым Риббентропом и Хорти, когда обсуждался вопрос евреев, 17 апреля 1943. Я лишь хотел для протокола, чтобы ваш отчёт основывался на факте, что вы действительно вели запись, запись подписана вами.

Шмидт: Да.

Максвелл-Файф: Я хочу перейти к другому моменту. С 1943 по 1945 вы также ходили в ставку Гитлера для представившегося перевода и присутствовали на встречах и похожем?

Шмидт: Да.

Максвелл-Файф: Например, я не знаю, вспомните ли вы это, но убежден, что попытаетесь – 27 февраля 1944, вы помните визит маршала Антонеску?

Шмидт: Да.

Максвелл-Файф: Вы присутствовали на ней?

Шмидт: Я помню, что я всегда присутствовал во время всех визитов Антонеску,

поскольку дискуссия по-другому не могла состоятся. По поводу даты я не могу сказать вам ничего конкретного.

Максвелл-Файф: Это действительно было 27 февраля. Я хотел попытаться и установить это, что инцидент мог напомнить вам, о том, что там был Антонеску. Итак, вы помните, что по этому поводу присутствовал подсудимый Дёниц?

Шмидт: Возможно, но я не имею никаких точных воспоминаний. Вполне возможно, что он присутствовал во время военных дискуссий.

Максвелл-Файф: Экземпляр, милорд, это GB-207, и это касается страницы 2705[196]. Изначально документ имел номер D-648.

[*Обращаясь к свидетелю*] Я хочу рассказать трибуналу об общей правительственной установке. Значительные показания давали трибуналу о том, что Reichsregierung[197], как таковое, не собиралось после начала войны. Несколько людей говорили нам это. Вместо встречи кабинета, не являлось ли фактом, что правительство Германии проводило постоянные собрания в ставке Гитлера?

Шмидт: Я считаю это возможным, но естественно у меня нет точных сведений, поскольку я никогда не принимал участия в таких внутренних совещаниях. Я ездил в ставку всякий раз, когда нужно было сопровождать иностранца.

Максвелл-Файф: Вы ездили туда, только, когда был зарубежный посетитель, но вам известно о том, что эти встречи проводились постоянно и о том, что подсудимый Геринг, подсудимый Шпеер, подсудимый Кейтель, подсудимый Йодль, подсудимый Дёниц постоянно присутствовали на этих встречах.

Шмидт: Я не знаю, конечно же, можете ли вы описывать это совещание как встречу.

Максвелл-Файф: Я вовсе не собирался играть с вами словами. Я использовал слово только для того, чтобы описать то, что происходило. Если вы предпочитаете называть это совещанием, я готов к этому.

Шмидт: Я признаю, что по таким поводам проводились или могли проводиться совещания с Гитлером, в то время как эти люди которых вы назвали, присутствовали в ставке.

Максвелл-Файф: Думаю, вы согласитесь со мной, не так ли, в том, что поскольку постольку можно выявить какой-либо организм или организацию посредством которой правительство Рейха исполняло обязанности, преемником являлись встречи или совещания в ставке Гитлера, это не так?

Шмидт: Что же, я не знаю, можете ли вы рассматривать это деятельностью правительства, потому что если я проведу параллель с совещаниями на которых я присутствовал с иностранными господами, тогда вы обнаружите, что человеком который выступал и продвигал решения был только Гитлер. Если это были такие совещания, тогда вы можете назвать это дискуссией правительства, но это было

196 См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том IV / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко @ Военная литература (militera.lib.ru), 2018.; стр. 253.

197 Правительство Рейха (нем.)

правительство одного человека. Остальные выступали только аудиторией или их спрашивали по отдельным положениям. Так я себе это представляю, но я не присутствовал.

Максвелл-Файф: Я весьма ценю вашу мысль, но были поводы на которых каждая служба и каждое ведомство и каждая организация – вроде СС через рейхсфюрера СС Гиммлера, выражало свою точку зрения и представляло Гитлеру факты на основании которых возникали решения? И это то, что происходило на протяжении 2 лет войны.

Шмидт: Можно было бы сделать такой вывод из присутствия этих людей, да, но как я скажу, могло бы быть, что это был способ получения приказов в ставке. Существовали обе возможности, но какая применялась, я не могу сказать.

Максвелл-Файф: Во всяком случае, думаю, вы согласны с этим, не так ли, господин Шмидт, о том, что не было никакого другого места в котором собиралось правительство Германии, кроме этого?

Шмидт: Да. Правильно.

Максвелл-Файф: Вы будете любезны, взглянуть на ваши письменные показания? Я прочту из них остальную часть. Она довольно короткая, но я хочу, чтобы она оказалась в протоколе. Абзац 4:

> «Попытка путча в Австрии и убийство Дольфуса[198] 25 июля 1934 серьёзно обеспокоили карьерных сотрудников министерства иностранных дел, потому как эти события дискредитировали Германию в глазах мира. Было общеизвестно, что путч был подстроен партией и тот факт, что попытка путча последовала настолько быстро после пика кровавой чистки внутри Германии не помогал, а предполагал, сходство нацистских методов как во внешней так и внутренней политике. Эта озабоченность последствиями попытки путча вскоре возросла осознанием того факта, что эти эпизоды имели основное влияние на франко-советский консультативный пакт от 5 декабря 1934, оборонительное мероприятие которое не воспринималось иначе как предупреждение нацистам.
>
> 5. За объявлением в марте о создании германских воздушных сил и восстановлением призыва 2 мая 1935 последовало заключение пакта о взаимопомощи между Францией и Советским Союзом. Карьерные сотрудники министерства иностранных дел рассматривали это ещё одним самым серьёзным предупреждением о потенциальных последствиях германской внешней политики, но нацистское руководство лишь зафиксировало своё отношение к западным державам, объявив о том, чтобы они не собирались опасаться. Тогда,

---

198 Энгельберт Дольфус (1892 — 1934) — австрийский политический деятель, лидер Христианско-социальной партии, позднее Отечественного фронта. Канцлер Австрии в 1932—1934 годах. Убит путчистами.

карьерные чиновники по крайней мере высказывали свои оговорки министру иностранных дел Нейрату. Я не знаю, доносил ли Нейрат эти высказывания до Гитлера.

6. Вступлению германских военных сил в Рейнланд предшествовала нацистская дипломатическая подготовка в феврале. Германское коммюнике от 21 февраля 1936 подтверждало, что франко-советский пакт о взаимопомощи был несовместим с Локарнскими договорами и уставом Лиги. В тот же день Гитлер в интервью высказался о том, что не существует никаких реальных оснований для конфликта между Германией и Францией. Рассматриваемые вопреки предыдущим заявлениям в «Mein Kampf[199]», оскорбительным в отношении Франции, обстоятельства были такими, что готовилась сцена для оправдания некоего будущего акта. Я не знаю о том насколько заранее было задумано вступление в Рейнланд. Лично я узнал о нём и обсуждал его приблизительно за 2 или 3 недели до него. По поводу рисков мероприятия высказывались значительные опасения, в частности в военных кругах. Похожие опасения оставались у многих в министерстве иностранных дел. Однако в министерстве иностранных дел было общеизвестно, что Нейрат был единственным человеком в правительственных кругах, консультировавший Гитлера, который был уверен в том, что Рейнланд можно было ремилитаризовать без вооружённого противостояния со стороны Британии и Франции. Позиция Нейрата в тот период являлась тем, что заставило Гитлера сильнее верить Нейрату нежели в целом «старой школе» дипломатов к которым Гитлер относился без уважения».

Затем есть абзац о санкциях в отношении Италии, который я не думаю, имеет отношения к трибуналу, и затем в абзаце 8, я продолжаю:

«Планы по аннексии Австрии с самого начала являлись частью программы нацистской партии. Итальянская оппозиция после убийства Дольфуса временно привела к более аккуратному подходу к данной проблеме, но введение Лигой санкций в отношении Италии, плюс быстрый рост германской военной силы, делали разрешение австрийской проблемы безопаснее. Когда Геринг посетил Рим в начале 1937, он заявил о том, что союз Австрии и Германии неизбежен и ожидается рано или поздно. Муссолини, услышав эти слова на немецком языке, сохранил молчание и мягко протестовал, когда я перевёл их на французский. Реализация аншлюса была, по сути партийным делом, в котором роль фон Папена заключалась в

199 «Моя борьба» — книга Адольфа Гитлера, сочетающая элементы автобиографии с изложением идей национал-социализма.

поддержании нормальных дипломатических отношений на поверхности в то время как партия использовала больше обходные пути подготовки условий для ожидавшегося выступления. Речь произнесённая Папеном 18 февраля 1938, после встречи в Берхтесгадене, интерпретировала Берхтесгаденское соглашение как первый шаг к созданию центрально-европейского содружества под руководством Германии. Это в целом признавали в министерстве иностранных дел как чёткое пророчество о великой Германии охватывающей Австрию».

Последний абзац говорит о том, что эти вопросы являются правдой и что вы добровольно и без принуждения дали эти письменные показания. Это так, не так ли, господин Шмидт?

Итак, есть ещё одно положение и тогда я закончу с вами. Это верно, не так ли, что в свой период в качестве министра иностранных дел подсудимый Риббентроп привёл ряд людей имевших звание в СС или в старые дни в СА в министерство иностранных дел и сделал их сотрудниками штата?

Шмидт: Да. Принципиально они были сотрудниками его так называемого бюро – то есть, его бывшей организации. Их взяли в министерстве, не всех, но некоторых.

Максвелл-Файф: Спасибо.

Председатель: Кто-то из других обвинителей хочет провести перекрёстный допрос? Доктор Хорн вы хотите допросить повторно?

Хорн: У меня больше нет вопросов к свидетелю.

Председатель: Свидетель может удалиться.

Лефлёр: Господин председатель, у меня всего один вопрос к свидетелю.

Председатель: Оставьте свидетеля.

Лефлёр: Могу я просить разрешения задать свидетелю один вопрос?

Председатель: Вы скажете, кого вы представляете?

Лефлёр: Доктор Лефлёр, представитель СА.

[*Обращаясь к свидетелю*] Свидетель, вы, как правило, лично присутствовали во время визита высокопоставленных зарубежных государственных деятелей. Вы также присутствовали во время визита государственных деятелей во время Олимпийских игр 1936?

Шмидт: Да.

Лефлёр: Кто-нибудь из зарубежных государственных деятелей желал инспектировать германские учреждения и организации созданные национал-социалистами – в частности в социальной сфере – до или после 1936?

Шмидт: Выражались ли такие желания во время Олимпийских игр я сейчас не вспомню, но то, что такие пожелания выражались и выполнялись ясно из ряда фактов – например из визита Ллойд-Джорджа в Оберзальцберг и позднее, его инспекции социальных учреждений Германии, из визита ряда заинтересованных

зарубежных лиц, которые по моему мнению, выражали живой интерес к социальным учреждениям Германии.

Лефлёр: Вы лично присутствовали во время этих инспекций. Вы помните инспекцию на которой присутствовали?

Шмидт: В основном я не присутствовал при инспекциях. Я вспоминаю только о том, что например, Трудовой фронт имел организацию под названием «Радость и работа» и это была международная организация которая проводила большой ежегодный сьезд в Гамбурге во время которого я часто работал как переводчик.

Лефлёр: Вам, что-нибудь известно о впечатлениях, которые производили эти учреждения на иностранных государственных деятелей?

Шмидт: Социальные учреждения, насколько мне известно, всегда производили благоприятное впечатление.

Лефлёр: Вы помните визит принца Уэльского[200] в Германию?

Шмидт: Да, я присутствовал как переводчик.

Председатель: Какое это имеет отношение к обвинениям? Доктор Лефлёр, ваша обязанность заключается в том, чтобы задавать любые вопросы в то же время, что и другие защитники. Я спросил о том имеете ли вы какие-нибудь вопросы. Вы сказали «нет» или показали, что не имели. Теперь вы встаёте и говорите о том, что есть один вопрос который вы хотите задать и спросили о – я не знаю сколько вы задали, но все они, по мнению трибунала не относятся к делу.

Лефлёр: Господин председатель, вопросы которые задал вызваны перекрёстным допросом сэра Дэвида. Сэр Дэвид упомянул СА, и я хочу задать соответствующий контрвопрос свидетелю и кроме этого…

Председатель: Сэр Дэвид не задавал никакого вопроса о социальных условиях в Германии и не задавал никакого вопроса об Олимпийских играх 1936. Во всяком случае вы не тот человек который может проводить повторный допрос.

Лефлёр: Господин председатель, вопросы которые я задал являются важными, потому что в результате таких визитов затем впоследствии иностранные государственные деятели делали заявления, у ряда наших членов складывалось впечатление о том, что важные государственные деятели заграницы выражали признание руководству национал-социализма. И это имеет решающее значение в вопросе вины или невиновности миллионов немцев, которых я здесь представляю, так как эти миллионы немцев считали отношение этих зарубежных государственных деятелей авторитетным. Таким образом это не не относится к делу, но для нас, фактически, решающее и он является единственным свидетелем который на самом деле может представить аутентичный доклад об этом. Однако, я закончил с вопросами про Олимпийские игры и имею только два вопроса. Я прошу вас разрешить мне задать эти вопросы, потому что сэр Дэвид…

---

200 Эдуард VIII (1894 — 1972) — король Великобритании, Ирландии и Британских заморских доминионов, император Индии на протяжении 10 месяцев: с 20 января по 11 декабря 1936 года; не был коронован.

Председатель: Трибунал считает, что вопросы заданные вами не вытекают из перекрёстного допроса и совершенно не относятся к делу, и он не будет заслушивать от вас дальнейшие вопросы.

Кубушок: В связи…

Председатель: Доктор Кубушок, вам прекрасно известно, что сейчас не время задавать вопросы от имени фон Папена. У вас была возможность, и вы не сделали этого.

Кубушок: Господин председатель, я просто предлагаю прояснить некоторые слова которые возможно неправильно повторили в переводе, поскольку я не имею копию письменных показаний. Я услышал о том, что в этих письменных показаниях фон Папен 8 или 18 февраля 1938 говорил…

Председатель: Очень хорошо, если это так, вы может исправить в переводе всё, что хотите.

Кубушок: Я хочу сказать, что сейчас назвали имена «Гитлер» и «Папен». Я услышал в переводе «Папен», но Папен никогда не произносил такую речь и любые выводы о Папене по этой речи неправильные.

Председатель: Доктор Кубушок, вы получите письменные показания. У вас есть возможность изучить письменные показания.

Кубушок: Я изучу письменные показания, при необходимости, заявив в письменном виде о выяснении этого.

Председатель: Да. Если есть какая-то ошибка в письменных показаниях, её следует исправить.

Кубушок: Действительно в тексте сказано: «Папен», но это абсолютно неправильно, так как он никогда не произносил такую речь. На странице 4 текста сказано: «Речь произнёс Папен».

Максвелл-Файф: Милорд, так сказано в письменных показаниях. Учёный адвокат говорит, что это абсолютно неправильно, он не произносил речь. Но с огромным уважением к учёному адвокату, я должен предложить, если он хочет опровергнуть письменные показания, он будет иметь возможность вызвать фон Папена и дать показания.

Кубушок: Господин председатель, в таком случае не будет ли ценее задать свидетелю один короткий вопрос о том имел ли он в виду Папена на самом деле?

Председатель: Очень хорошо, задайте вопрос свидетелю.

Кубушок: Свидетель, вы считаете, что вы сказали о том, что Папен произнес речь 18 февраля 1938? Где эту речь предположительно произнесли?

Шмидт: По моему мнению, это ошибка, которая вкралась при подготовке письменных показаний, потому что если речь не произносили – во всяком случае, сейчас я уже не помню такую речь как описал её в письменных показаниях. Таким образом, совершенно возможно, что вкралась ошибка. И возможно эта ошибка простительна если вы учтёте, что эти письменные показания представили мне в то

время, когда я серьёзно болел на койке в госпитале. Очень может быть, что прочитав письменные показания, я не заметил ошибку и на самом деле я считаю это ошибкой.
Кубушок: Этим на самом деле этот установлен факт и выводы из излишни?
Шмидт: После того, что я сказал, да. Я не могу вспомнить речь, и думаю можно отследить ошибку с моей стороны и я приписываю это обстоятельствам, в которых я подписал документ, я был тогда серьёзно болен.
Председатель: Да, доктор Хорн.
Свидетель может удалиться.

[*Свидетель покинул место свидетеля*]

Хорн: Могу я снова спросить трибунал о том можно ли удостовериться в том будут ли доступны переводы документов к завтрашнему утру. Я хочу обосновать ими дальнейшую презентацию доказательств. Если у меня к утру будут переводы, тогда я сейчас начну допрос подсудимого фон Риббентропа в качестве свидетеля. Если переводы не закончат до завтрашнего утра, тогда я попрошу трибунал позволить предъявить свои документы.
Председатель: Доктор Хорн, данный процесс длиться много месяцев, и занял больше времени чем ожидалось, во всяком случае дольше чем ожидал любой член трибунала, и они не могут его затягивать. Вы должны продолжать. У вас есть ещё свидетель для вызова.
Хорн: Нет, у меня больше нет свидетелей господин председатель.
Председатель: Вы не собираетесь вызывать подсудимого фон Риббентропа?
Хорн: Да.
Председатель: Почему вы не можете его вызвать для дачи показаний сейчас?
Хорн: Я могу его допросить, но я спросил председателя, могу ли я иметь содействие трибунала, будут ли у меня завтра утром документы. Тогда я смогу начать допрашивать подсудимого в качестве свидетеля и предъявлять документы, когда обвинение получит свои документы и сможет одновременно заявлять возражения.
Председатель: Что же, как только документы переведут, вы их конечно же получите. Мы выясним, будут ли они доступны завтра утром, но у нас осталось 35 минут до 5 часов. Мы хотим занять время.
Хорн: Очень хорошо, господин председатель. В таком случае я допрошу подсудимого в качестве свидетеля сейчас.
Председатель: Пожалуйста, доктор Хорн вы продолжите?
Хорн: Да. В таком случае я продолжу представлять документы.
Председатель: Доктор Хорн, вы сказали, что собираетесь вызвать подсудимого фон Риббентропа. У нас здесь нет документов, и вы должны делать то о чём сказали.
Хорн: Я прошу разрешения провести допрос подсудимого в качестве свидетеля.

[Подсудимый фон Риббентроп занимает место свидетеля]

Председатель: Назовите своё полное имя.

Риббентроп: Йоахим фон Риббентроп.

Председатель: Повторите за мной следующую клятву: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим – что я буду говорить правду – и ничего кроме правды»

(Подсудимый повторяет клятву на немецком)

Председатель: Можете сесть.

Хорн: Пожалуйста, кратко расскажите трибуналу о наиболее важных событиях вашей жизни.

Риббентроп: Я родился 30 апреля 1893 в Везеле. Я происхожу из старой солдатской семьи. Моя мать из деревни. Я ходил в школу в Касселе и Метце в Эльзас–Лотарингии, там в Эльзас-Лотарингии я впервые познакомился с основами французской культуры; и тогда мы научились нежно любить эту страну.

В 1908 мой отец ушел в отставку с военной службы. Причиной были разногласия связанные с личностью кайзера. Мой отец уже имел сильный интерес к внешней политике и социальным интересам, и я сильно почитал его.

В то время мы переехали в Швейцарию и прожив там, около года, я, молодым человеком поехал в Лондон, и там около года в основном изучал языки. Это были мои первые впечатления о Лондоне и величии Британской империи.

Спустя почти год, в 1910, я уехал в Канаду. Сначала я хотел поехать в немецкие колонии, но затем я вместо этого поехал в Америку. Я хотел посмотреть мир. Я оставался в Канаде несколько лет, приблизительно два года рабочим, работником пути на железной дороге, и позднее я перешёл в банковскую и строительную профессию.

В 1914 Первая мировая война застала меня в Канаде. Как и у остальных немцев тогда, у меня была только одна мысль: «Каждый мужчина нужен дома и как мы можем помочь родине?» Затем я отправился в Нью–Йорк, и наконец в сентябре 1914, после некоторых затруднений, я прибыл в Германию. После службы на фронте, приблизительно 4 лет, и после своего ранения, меня отправили в Константинополь, в Турцию, где я застал крах Германии в Первой мировой войне. Затем я впервые увидел ужасающие последствия проигранной войны. Посол в то время, граф Бернсторфф[201], и позднее посол, доктор Дикхоф[202], были представителями Рейха в Турции. Их вызвали в Берлин с целью использовать в качестве преимущества связи графа Бернсторффа с президентом Вильсоном и понять – это было надеждой для всех нас – что сила этих пунктов, вероятно, приведет к миру и примирению.

201 Иоганн фон Бернсторфф (1862-1939) – немецкий дипломат. Посол Германии в Османской империи в 1917-1918.
202 Ганс-Генрих Дикхоф (1884–1952) – немецкий дипломат. В 1937-1938 посол Германии в США.

После некоторых затруднений, в марте 1919, я прибыл в Берлин и стал адъютантом генерала фон Секта[203] на мирной конференции в Версале. Впоследствии, когда Версальский договор был подписан, я прочитал документ за одну ночь и у меня сложилось впечатление, что ни одно правительство в мире не могло бы подписать такой документ. Таким было мое первое впечатление о внешней политике страны.

В 1919 я ушел в отставку из вооруженных сил, в звании оберлейтенанта и стал предпринимателем. Благодаря своим деловым контактам, я близко познакомился с Англией и Францией в последующие годы. Несколько контактов с политиками уже возникли в то время. Я пытался помочь своей стране выражая свои взгляды против Версаля. Поначалу это было очень сложно, но уже в 1919, 1920, и 1921, я нашел определенное понимание в этих странах, даже таким скромным путем.

Затем, приблизительно с 1929 или 1930 года, я увидел, что Германия после казавшегося благополучия 1926, 1927, и 1928 подверглась воздействию внезапного экономического потрясения и, что страна пошла под откос.

В течение 1931 и 1932, любой предприниматель, каким являлся и я, мог заметить, что на практике последствия Версаля были такими, что немецкая экономическая жизнь становилась все более и более упадочной. Тогда я осмотрелся вокруг. В то время, я был близко связан с Германской народной партией и видел, что партий становилось все больше и больше. Я помню, что в конечном счёте в Германии было 30 партий или больше, что безработица неуклонно росла, и что правительство все больше и больше теряло доверие народа. В эти годы я отчетливо вспоминаю усилия предпринимаемые канцлером Брюнингом, которые, безусловно, были искренними и честными, но которые вместе с тем на дали результата.

Хорошо известно, что приходили другие правительства. Они тоже не имели успеха. Экспорт больше не окупался. Золотые резервы Рейхсбанка сокращались, существовало уклонение от налогов, и вообще не было доверия к мерам, предпринимаемым правительством. Такой, грубо говоря, была картина, которую я видел в Германии в 1930 и 1931. Я видел, как множились забастовки, как был недоволен народ, и как много демонстраций проходило на улицах и как условия становились все более и более хаотичными.

Я не думаю, что преувеличу, если скажу, что картина проявившая себя в 1930, 1931 и 1932, и в частности 1932 в Германии не отличалась от признаков гражданской войны. На меня как немца – я думаю всегда являлся патриотом, как и многие другие немцы – это производило пугающее впечатление. В действительности я не был очень близок к политическому миру, но в течении тех лет я осознал, что следует, что–нибудь предпринять и, что каждый, где бы он не

203 Ханс фон Сект (1866 — 1936) — немецкий генерал-полковник, участник Первой мировой войны, командующий сухопутными войсками Рейхсвера.

находился, должен был помочь или содействовать созданию национального фронта на широкой основе, который бы снова имел доверие людей и в частности трудовых масс народа. В тоже время, мне было ясно, что большинство людей ответственных за Версаль не стремились к этому – я уверен в этом, но как мне кажется этот факт никто не сможет опровергнуть сегодня. Я уже упоминал разочарование испытанное молодым офицером в личных контактах, и особенно, с немецким послом в то время, Дикхофом, который являлся моим отдаленным родственником по браку, разочарование которое мы фактически испытали в германских вооруженных силах, среди немецкого народа, и даже больше в правительственных кругах– в том, что от этих Пунктов Вильсона быстро забыли. Я не предлагаю произносить здесь пропагандистскую речь. Я просто хочу представить печальные факты, которые я видел в то время. Не было сомнений в том, что беззащитность немецкого народа в то время вела к тому, что к сожалению среди наших врагов поддерживалась тенденция не к примирению, а к ненависти или мести. Я убежден, что это не являлось стремлением Вильсона, тогдашнего президента Соединенных Штатов, и мне лично кажется, что позднее, он страдал от этого. В любом случае, это был мой первый контакт с немецкой политикой.

Версаль теперь стал…

Но известно, что даже суровые положения Версаля как мы их понимали, при близком рассмотрении, как хорошо известно не соблюдались. Это, вероятно, было следствие, влияние войны, в котором люди дрейфовали в определенном направлении и просто не могли или не придерживались определенных вещей. Известно, что нормы Версаля не соблюдались ни в территориальном смысле, ни в других очень важных положениях. Могу я сказать, что один из самых важных вопросов – территориальных вопросов - в то время был Верхней Силезией и в частности Мемелем, этой маленькой территорией. Состоявшиеся события оставили у меня глубокие впечатления. Верхняя Силезия в частности, потому что я имел там много личных связей и потому что никто из нас не мог понять, почему даже жесткие условия Версаля не соблюдаются. Это вопрос меньшинств который играл очень важную роль. Позднее я более детально обращусь к данному вопросу в связи с польским кризисом. Но с самого начала, немецкие меньшинства, как известно, переживали трудные времена. Тогда это снова была в частности Верхняя Силезия, и те территории которые затронули и пострадали от этой проблемы, от такого обращения. Далее, вопрос разоружения являлся естественно важнейшим положением Версаля. И это, также уже упоминалось в зале суда. Поэтому, я не буду вдаваться в подробности.

В любом случае, это был отказ от равенства в таких сферах, отказ от равных прав, что заставило меня в тот год принять активное участие в политике. Я хочу сказать сейчас, вполне открыто, что тогда я часто говорил с французскими и британскими друзьями, и конечно это был хорошо известный факт, даже тогда –

после 1930, НСДАП получила более 100 мест в Рейхстаге – что есть сила естественной воли немецкого народа сопротивляться такому отношению, что в конце концов означало ничего больше чем желание народа жить. Тогда эти друзья говорили со мной об Адольфе Гитлере, которого я не знал тогда, они спрашивали меня: «Что за человек Адольф Гитлер? Что будет из этого? Что это?». Тогда я откровенно говорил им: «Дайте Германии шанс и Адольфа Гитлера не будет. Если не дать ей шанса, Адольф Гитлер придет к власти».

Это было приблизительно в 1930 или 1931. Германии не дали шанса, и таким образом 30 января 1933, он пришел – национал–социалисты захватили власть.

Хорн: Как и когда вы узнали Адольфа Гитлера?

Риббентроп: Я впервые увидел Адольфа Гитлера 13 августа 1932 в Бергхофе. Поскольку приблизительно с 1930 или 1931 я знал графа Хелльдорфа[204] в Берлине, который был известен как национал–социалист. Он был моим полковым товарищем по эскадрону, и мы вместе с ним прошли 4 года войны. Через него я впервые познакомился с национал–социализмом в Берлине. Тогда я попросил его организовать встречу Гитлера со мною. Он сделал так, насколько помню, при участии господина Рёма[205]. Я посетил Адольфа Гитлера и имел с ним долгую беседу, то есть, Адольф Гитлер объяснял мне своё видение ситуации летом 1932. Потом я снова встретился с ним в 1933 – это уже описывал здесь член партии Геринг, в моём доме в Далеме, который я предоставил в его распоряжение, таким образом делая всё возможное для создания национального фронта. Уже тогда Адольф Гитлер произвёл на меня значительное впечатление. Я особенно отметил его голубые глаза в темном окружении, и затем, вероятно выдающийся, его отчужденный, я должен сказать сдержанный – не недоступный, а сдержанный – характер, и манеру в которой он выражал свои мысли. Эти мысли и заявления всегда имели нечто окончательное и чёткое и казалось они исходили как сокровенные мысли. У меня сложилось впечатление, что я встретил такого человека, который знал чего он хочет, и который имел непоколебимую волю и являлся сильной личностью. Я могу подытожить, сказав, что я покинул встречу в убеждении, что этот человек, являлся тем, кто тогда может спасти Германию от огромных трудностей и бедствий. Мне не нужно вдаваться в подробности о событиях того января. Но я хочу рассказать об одном эпизоде, который произошел в моем доме в Далеме, когда возник вопрос, должен ли Гитлер стать рейхсканцлером или нет. Я знаю, что тогда, мне кажется, ему предлагали вице–канцлерство, и я услышал с огромной силой и убеждением – если хотите, также жесткостью и твёрдостью – он мог высказать свое мнение, когда он

---

204 Вольф-Генрих фон Хелльдорф (1896 - 1944) — немецкий политический и государственный деятель, активист НСДАП, обергруппенфюрер СА (1933), обергруппенфюрер СС, генерал полиции (1938), начальник полиции Потсдама и Берлина.

205 Эрнст Рём (1887 — 1934) — один из лидеров национал-социалистов и руководитель СА. Вместе с другими руководителями СА был убит по приказу Гитлера в «ночь длинных ножей»

верил, что препятствия могут появиться на пути к восстановлению и спасению народа.

Хорн: Вы верили в возможность пересмотра Версальского договора путем взаимной договорённости?

Риббентроп: Я могу сказать, что многочисленные деловые поездки по которым в 1920-1932 я оказывался за рубежом, убедили меня, в том насколько бесконечно трудно это было или будет в сложившейся системе добиться пересмотра Версальского договора путём переговоров. Несмотря на это, из года в год, я ощущал рост кругов в Англии и Франции, которые были убеждены, что Германии следует как-то помочь. В течение этих лет, я установил много контактов с людьми из делового мира, общественной жизни, науки и искусства, в частности в университетах Англии и Франции. Соответственно я понял об отношении англичан и французов. Сейчас я хочу сказать, что даже вскоре после Версаля моё убеждение заключалось в том, что изменений в договоре можно добиться только путем взаимопонимания с Францией и Британией. Я также верил в то, что только таким путем можно улучшить международную ситуацию и устранить весьма значимые поводы для конфликтов оставшиеся повсюду после Первой мировой войны. Поэтому, было ясно, что только путем взаимопонимания с западными державами, с Англией и Францией, возможно пересмотреть Версаль. Даже тогда, я отчетливо ощущал, что только путем такого взаимопонимания можно действительно сохранить постоянный мир в Европе. Мы, молодые офицеры слишком много испытали в то время. И я думал о людях фрайкора[206] в Силезии и всех этих вещах в Балтике, и т. д. Я хочу добавить и сказать достаточно откровенно, что с самого начала, с первого дня, когда я увидел и прочитал Версальский договор, я, как немец, чувствовал своим долгом противостоять ему и попытаться сделать всё, чтобы заменить его более хорошим договором. Именно оппозиция Гитлера Версалю, впервые привела меня к нему и к национал–социалистической партии.

Хорн: Вы попытались рассказать о своих взглядах на это Гитлеру?

Председатель: Доктор Хорн, уже 5 часов, и трибунал думает, что лучше прерваться.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 29 марта 1946*]

206 Фрайкор (нем. Freikorps — свободный корпус, добровольческий корпус) — наименование целого ряда полувоенных патриотических формирований, существовавших в Германии и Австрии в XVIII—XX вв.

День девяносто четвертый

Пятница, 29 марта 1946

Утреннее заседание

Председатель: Прежде чем допрос подсудимого фон Риббентропа продолжится, трибунал хочет, чтобы я обратил внимание доктора Хорна и подсудимого фон Риббентропа на то, что трибунал говорил последние несколько дней.

В первую очередь трибунал сказал: трибунал позволил подсудимому Герингу, который давал показания первым из подсудимых, и который называет себя ответственным как второй лидер нацистской Германии, давать показания без каких-либо прерываний, и он осветил всю историю нацистского режима от его зарождения до поражения Германии. Трибунал не предлагает позволят любому другому подсудимому освещать те же вопросы в своих показаниях за исключением необходимых для их собственной защиты.

Во–вторых, трибунал распорядился о том, что доказательства как о несправедливости Версальского договора или его заключение под принуждением являются недопустимыми.

В–третьих, хотя это и не распоряжение трибунала, я должен заметить, что трибунал по множеству случаев был проинформирован о взглядах подсудимых и некоторых свидетелей на Версальский договор, как несправедливый и, следовательно, любое доказательство исходя из данного положения, помимо того, что оно недопустимо, также кумулятивно, и трибунал не будет заслушивать их по этой причине.

И последнее, трибунал желает, чтобы я заметил доктору Хорну, что обязанность защитника заключается в допросе своих свидетелей, а не допущении произносить речи, и если ему известно, что показания которые они дают недопустимы согласно распоряжениям трибунала, его обязанность останавливать свидетеля. На этом всё.

Доктор Зейдль, если вы собираетесь сослаться на письменные показания Гаусса, трибунал сейчас не будет ими заниматься, мы перейдем к ним после дачи показаний подсудимым фон Риббентропом.

Зейдль: Господин председатель, я согласовал с доктором Хорном, защитником подсудимого Риббентропа…

Председатель: Доктор Зейдль, меня не волнует говорили ли вы с доктором Хорном или нет, и ваши договоренности с доктором Хорном; для трибунала неприемлемо заслушивать показания доктора Гаусса в настоящий момент; он желает продолжать заслушивать Риббентропа.

Хорн [*Обращаясь к подсудимому*]: Вчера в конце вы говорили о своих политических впечатлениях в Англии и Франции. В связи с этим я поставлю следующий вопрос: вы тогда предпринимали попытки рассказать Гитлеру о своих взглядах на французскую и британскую политику?

Риббентроп: Да, после 30 января 1933 я периодически видел Гитлера и конечно рассказывал ему о впечатлениях, которые я черпал из частых поездок, в частности в Англию и Францию.

Хорн: Каким тогда было отношение Гитлера к Франции и Англии?

Риббентроп: Отношение Гитлера было следующим: он видел во Франции врага, из-за всей политики которую Франция преследовала с окончания Первой мировой войны, и особенно из-за её позиции в вопросе равных прав. Это отношение нашло выражение в его книге «Mein Kampf[207]».

Я хорошо знал Францию, поскольку многие годы имел там связи. Тогда я много рассказывал фюреру о Франции. Она интересовала его, и я заметил его растущий интерес к французским делам в 1933 году. Затем я организовал к нему визиты множества французов, и мне кажется, некоторые из этих визитов, и возможно, также некоторые мои описания об отношении французов, и всей французской культуре…

Хорн: Что это были за французы?

Риббентроп: Это был ряд французских экономистов, были журналисты и также некоторые политики. Эти доклады интересовали фюрера, и постепенно он получил представление, о том, что, прежде всего, во Франции есть люди не отвернувшиеся от идеи понимания с Германией.

Прежде всего, я ознакомил фюрера с аргументами вытекавшими из моего глубочайшего убеждения и годов моего опыта. Как хорошо известно у фюрера было огромное желание, придти к определенной дружбе и согласию с Англией. Поначалу фюрер рассматривал такую мысль как нечто отдаленное от франко–германской политики. Мне кажется, что тогда я смог убедить фюрера в том, что взаимопонимания с Англией можно достигнуть, только достигнув взаимопонимания также и с Францией. Это произвело на него, как я очень ясно понял из наших разговоров, сильное впечатление. Тогда он сказал мне, что я должен продолжать мой личный курс на поиск взаимопонимания между Германией и Францией и, что я должен продолжать докладывать ему о таких вещах.

Хорн: Затем вы стали внешнеполитическим советником Гитлера, а не партийным советником? Как так получилось?

Риббентроп: Я уже говорил, что докладывал Гитлеру о своих впечатлениях от поездок. Эти впечатления, которые я черпал в Англии и Франции интересовали его, и, без подготовки отдельных совещаний и обсуждений, Гитлер меня часто

---

207 «Моя борьба» — книга Адольфа Гитлера, сочетающая элементы автобиографии с изложением идей национал-социализма.

принимал. Я периодически разговаривал с ним и таким способом само по себе получилось, что помимо официальных каналов, он узнавал о моём содействии и моих советах, о том, что я видел и слышал в зарубежных странах.

Конечно, он особенно интересовался всеми вопросами касавшимися Англии. Я рассказывал ему о публичном мнении и личностях, и представил ему, кроме французов, ряд англичан, с которыми он мог обмениваться идеями за рамками официальных каналов, нечто, что он любил делать.

Хорн: В чем заключалось ваше персональное содействие в попытках Гитлера придти к соглашению с Францией в 1933–1935 годах?

Риббентроп: Тогда решение проблемы Саара являлось первым предметом споров. Я пытался через свои частные каналы дать понять французам в Париже, что разумным и спокойным решением саарского вопроса будет плебисцит, как было установлено Версальским договором, что будет добрым знаком для отношений двух стран. В те годы я разговаривал в Париже с рядом людей, и также впервые установил контакты с членами французского кабинета. Я могу отметить, что я вел переговоры с французским президентом Думергом[208], с министром иностранных дел Барту[209], который был убит, с господином Лавалем[210], и особенно с господином Даладье[211].

Я помню, что в особенности в связи с саарским вопросом я встретил значительное понимание последнего. Затем где-то позже я заметил во время визитов французов к Гитлеру, что всегда отмечалось: «Да, но есть «Mein Kampf» и ваша политика к Франции содержится в этой книге». Я попытался убедить фюрера официально пересмотреть этот момент в «Mein Kampf». Однако, фюрер, сказал – и я помню точные слова – о том, что он решился своей политикой на практике, подтвердить изменение своих взглядов на это: написанное нельзя было изменить, это были исторические факты, и его бывшее отношение к Франции вызывало в то время ответное отношение Франции к Германии. Но теперь можно перевернуть страницу в истории двух стран.

Затем я попросил Адольфа Гитлера принять французского журналиста, для того, чтобы сделать возможным публичное заявление о пересмотре для мира его взглядов из «Mein Kampf».

Он согласился с этим и затем принял французского журналиста и дал ему интервью в 1933. Я не помню точную дату. Мне кажется статья появилась в «Le

---

208 Гастон Думерг (1863 — 1937) — французский государственный и политический деятель, президент Франции (Третья республика в 1924—1931).

209 Жан-Луи Барту (1862 — 1934) — французский политик и государственный деятель периода Третьей республики.

210 Пьер Лаваль (1883 — 1945) — французский политик-социалист. В период Третьей республики занимал высокие государственные посты, был премьер-министром (1931—1932, 1935—1936). В 1936—1940 годах получил известность как медиамагнат, владелец нескольких газет и радиостанций. Активный деятель коллаборационного «правительства Виши» во время Второй мировой войны и его глава (премьер-министр) с 1942 по 1944 год. Казнён по приговору французского суда.

211 Эдуард Даладье (1884 — 1970) — французский политик, государственный деятель, премьер-министр Франции в 1933, 1934, 1938—1940 годах.

Matin[212]» и вызвала сильное волнение. Я был очень рад, так как, соответственно был сделан большой шаг к взаимопониманию с Францией. Затем я размышлял над тем, что и как можно сделать дальше, и теперь, благодаря этой простой публичной статье, стало возможно работать над установлением прямых контактов французских и немецких государственных деятелей.

Хорн: Тогда вы размышляли над встречей Гитлера и Даладье? Какие практические меры вы предпринимали?

Риббентроп: Я как раз собирался перейти к этому. Тогда Даладье был французским премьером. У меня было с ним несколько бесед, и я предложил ему встретиться с Адольфом Гитлером для того, чтобы совершенно откровенно, лицом к лицу, они могли провести беседу и поняли, можно ли поставить франко-германские отношения на совершенно новую основу. Господину Даладье очень понравилась эта идея. Я сообщил об этом Гитлеру и Гитлер готов был встретиться с Даладье.

Местом встречи должен был стать немецкий Оденвальд, и он был уже согласован. Я отправился в Париж для последних приготовлений с Даладье.

Додд: С позволения вашей чести, я не хочу каким–либо образом вмешиваться в допрос подсудимого, но и я и мою коллеги чувствуем, что эта часть допроса совершенно беспредметная и, во всяком случае, слишком насыщена деталями, и с этим мы не согласны. Если защитник будет соблюдать указания суда данные этим утром, мы сможем продвигаться более определенно и быстро.

Председатель: Доктор Хорн, трибунал на самом деле считает возражение хорошо обоснованным. Подсудимый рассматривает период с 1933 по 1935 и его усилия по созданию хороших отношений с Францией. Пожалуй, это очень далеко от любого вопроса, который мы рассматриваем в настоящем деле, и поэтому изучение его в деталях является тратой времени.

Хорн: Тогда я поставлю другие вопросы, касающиеся его прямого содействия.

Что заставило Гитлера назначить вас уполномоченным по разоружению?

Риббентроп: Мне кажется, я был назначен уполномоченным по разоружению в году – в марте или апреле. Причина была следующей:

У Гитлера было мнение о необходимости равенства при разоружении. Он верил в то, что это было возможно только путем переговоров с Францией и Англией. Это являлось и моёй позицией. Из-за моих усилий по установлению хороших отношений между Германией и Англией, поскольку это являлось серьезным желанием фюрера, тогда я находился в Лондоне и там смог установить контакты с людьми влиятельными в английской политике.

В основном это был контакт с лордом Болдуином[213]. Я разговаривал с лордом Болдуином и тогдашним премьер–министром Макдональдом[214] о немецком

212 «Утро» - французская газета, издавалась с 1884 по 1944.

213 Стэнли Болдуин (1867 — 1947) — британский политик, член Консервативной партии Великобритании, 55-й, 57-й и 59-й премьер-министр Великобритании в 1923—1924, 1924—1929 и 1935—1937 годах.

214 Джеймс Макдональд (1866 — 1937) — британский политический и государственный деятель, трижды занимал

желании равенства и выяснил, что эти министры готовы слушать. В результате долгой беседы с лордом–канцлером, ныне лордом Болдуином – последний, мне кажется 1 декабря 1933, выступил с речью в Палате общин, в которой указал, что следует пойти навстречу Германии. Обещалось паритетное разоружение и как нужно его достичь. В этом смысле было три возможности: первая была такой, что Германия вооружиться до уровня остальных держав, и это было нежелательно; вторая возможность, что остальные разоружаться до уровня Германии, и такого не могло произойти; и таким образом нужно было бы пойти на встречу и разрешить Германии ограниченное перевооружение, а другие страны со своей стороны должны были бы разоружиться. Адольф Гитлер был очень рад такому отношению, он считал это практическим способом для достижения равенства Германии. К сожалению эти хорошие и разумные мысли и заявления Болдуина не стали возможными в последующем развитии событий. Поэтому Адольф Гитлер занял позицию, что в такой системе преобладавшей в мире совершенно невозможно, достичь путем переговоров, паритетного разоружения – паритета прав – для Германии.

Председатель: Подождите. Переводчик вас не расслышал. Могли бы вы поднести микрофон ближе к себе? И повторите последнее предложение, которое сказали?

Риббентроп: К сожалению, Адольф Гитлер, понял, что в той преобладающей международной системе, хорошие идеи лорда Болдуина не могли быть осуществлены путем переговоров.

Хорн: Каких практических шагов по ограничению вооружений вы добивались в Лондоне?

Риббентроп: Известно, что Адольф Гитлер, что значит Германия, покинул Лигу наций и конференцию по разоружению, потому что было невозможно осуществить немецкие пожелания путём переговоров. Поэтому, Гитлер не видел никакой другой возможности для достижения данной цели кроме как в результате усилий самого немецкого народа. Он знал , и конечно, понимал, что это включает риск, но по опыту предыдущих лет не оставалось никаких других средств, а значит Германия начала независимое перевооружение.

[*Доктор Хорн пытался прервать*]

Риббентроп: Я хочу закончить свой ответ на ваш вопрос.

Как практический результат, произошло следующее: в течение 1934 настало время близких контактов между немецким и британским правительствами. Последовали визиты британских политиков в Берлин, сэра Джона Саймона и господина Идена, и в ходе этих визитов было сделано предложение, о том нельзя ли прийти к соглашению, по крайней мере, в части морских вопросов.

пост 48-го, 56-го и 58-го премьер-министра Великобритании в 1924, 1929—1931 и 1931—1935 годах (в 1931 году подал в отставку с поста главы кабинета лейбористов и в тот же день был назначен главой коалиционного правительства). Один из лидеров и основателей Лейбористской партии

Гитлера очень сильно заинтересовала эта идея, и в ходе переговоров между немецким и британским правительствами было согласовано, что я отправлюсь в Лондон с целью заключить морское соглашение с британским правительством.

Мне не нужно вдаваться в детали пакта, который действительно материализовался. Сам Гитлер в самом начале сказал, что с целью достижения взаимопонимания с Англией, нужно раз и навсегда признать абсолютное морское превосходство Британии. Он был тем, кто предложил морское соотношение 100 к 35, которое полностью отличалось от соотношения, обсуждавшегося между Германией и Англией до 1914.

После относительно коротких переговоров в Лондоне было заключено морское соглашение. Оно было очень важным для англо–германских отношений, и представляло тогда первый практический результат действительного ограничения вооружений.

Хорн: В то время Франция согласилась с этим перевооружением и какими были ваши усилия для этого шага?

Риббентроп: Я могу сказать заранее, что Гитлер и я были очень рады этому пакту. Я знаю, ему в определенных кругах присвоили английское выражение «очковтирательство». Из своего опыта я могу сказать, что я не видел Адольфа Гитлера более радостным, чем в момент, когда я лично рассказал ему об этом в Гамбурге.

Хорн: Каким было отношение Франции к этому пакту?

Риббентроп: С Францией ситуация была конечно немного сложнее. Я заметил это уже во время переговоров которые тогда шли, так это отступало от ограничения вооружений установленного Версальским договором. Затем я лично предложил господам из министерства иностранных дел – я могу назвать их имена, это были в частности сэр Роберт Крейги и также Литтл[215], который тогда являлся британским адмиралом – чтобы я поехал во Францию для того, чтобы я также мог использовать свои отношения с французскими государственными деятелями и разъяснить им пользу этого соглашения для будущего германо–англо–французского взаимопонимания.

Здесь я кое–что хочу отметить. В этом зале суда в качестве доказательства двойственности германской дипломатии, ранее показали фильм с речью, которую я тогда произнёс для кинохроники о заключении морского соглашения. Тогда я специально произнёс эту речь в Лондоне для того, чтобы объявить всему миру, что это не просто касается британо–германских вопросов, но в этом заключалось желание Гитлера - и также дух морского соглашения – добиться всеобщего ограничения вооружений, и о том, что это морское соглашение предназначалось для того, чтобы наконец-то улучшить отношения между Францией и Германией. Это

215 Чарльз Литтл (1882-1972) – британский адмирал. В 1938-1941 второй лорд Адмиралтейства.

было подлинное и искреннее желание.

Затем я поехал во Францию, говорил с французскими государственными деятелями и мне кажется, помог в некоторой степени тому, что этот первый шаг, в ограничении вооружений рассматривался разумной мерой многими французами в виду того факта, что на долгий срок право равенства нельзя было отнять у немецкого народа.

Хорн: Затем вас назначили послом в Лондоне. Что привело к этому назначению?

Риббентроп: Это получилось следующим образом: за время последовавшее за морским соглашением, которое было принято с воодушевлением широчайшими кругами Англии, я прилагал большие усилия с целью объединить лорда Болдуина и фюрера, и я хочу отметить, что предварительные мероприятия для встречи уже были сделаны другом лорда Болдуина, господином Джонсом[216]. Фюрер согласился прилететь в Чекерс для встречи с лордом Болдуином, но, к сожалению, лорд Болдуин отказался от встречи в последний момент. Что привело к отмене, я не знаю, но несомненно, что определенные силы в Англии тогда не желали германо–британского взаимопонимания.

Затем в 1936, когда умер немецкий посол фон Хош[217], я сказал себе, что от имени Германии следует предпринять последнюю главную попытку для достижения хорошего взаимопонимания с Англией. Я могу заметить в этой связи, что тогда я уже был назначен Гитлером государственным секретарем министерства иностранных дел, и я лично обратился к Гитлеру с просьбой отменить это назначение и направить меня послом в Лондон.

Следующее могло привести Гитлера к такому решению. У Гитлера была очень чёткая концепция английской теории баланса сил, но мой взгляд наверное немного отличался от его. Моё убеждение заключалось в том, что Англия будет всегда стремится поддерживать свою старую теорию баланса сил, в то время как Гитлер высказывал мнение, что эта теория баланса сил устарела, и теперь, Англия должна смириться, то есть, должна приветствовать, более сильную Германию в свете изменившейся ситуации в Европе, и в свете роста русской силы. Для того, чтобы дать фюреру четкую и ясную картину того, как обстоят дела в Англии – в любом случае это являлось одной из причин почему фюрер направил меня в Англию. Другой причиной было то, что тогда мы надеялись на то, что через самые обширные круги в Англии, которые были дружественными Германии и поддерживали германо–английскую дружбу, сделать отношения между двумя странами дружескими и вероятно придя к постоянному согласию.

Окончательной целью Гитлера всегда являлся германо–английский пакт.

Хорн: Что препятствовало вашей деятельности посла в Англии?

Риббентроп: Прежде всего, я хочу сказать, что я периодически бывал в Англии в

216 Томас Джонс (1870 – 1955)- британский политик. В 1916 – 1935 заместитель секретаря кабинета правительства Великобритании.

217 Леопольд фон Хош (1881 – 1936) – немецкий дипломат. Посол Германии в Великобритании в 1932-1936.

1930–х, в основном с 1935 по 1936, и, действуя согласно инструкциям фюрера, я озвучивал мнения по вопросу германо–британского пакта. Основа этого пакта известна. Это должно было быть постоянное морское соотношение 100 к 35. Во–вторых, неприкосновенность так называемых Малых стран, Бельгии и Голландии, а также вечная гарантия двух стран Франции и – это являлось идеей фюрера – Германия признавала Британскую империю и готова была стать рядом, при необходимости помогая с помощью собственной силы, для сохранения и поддержки Британской империи; и Англия в ответ признавала Германию сильной державой в Европе.

Уже было сказано, и я хочу это повторить, что эти усилия в 1930–х, к сожалению, не привели ни к каким результатам. Это было одним из глубочайших разочарований фюрера – и я должен отметить это здесь, так как это самое важное в дальнейшем развитии событий – то, что это тот пакт на который он возлагал большие надежды и к которому он относился как краеугольному камню его внешней политики в те годы. Какие силы помешали этому, я не могу сказать, потому что я не знаю. В любом случае мы не пошли дальше.

Я возвращался к этому вопросу несколько раз за время пребывания послом в Лондоне и обсуждал это в кругах дружественных Германии. И я должен сказать, что было много англичан, которые имели очень положительное отношение к этой идее.

Хорн: А вы сталкивались с отрицательным отношением?

Риббентроп: Там в Англии естественно был сильный элемент, который не смотрел благоприятно на такой пакт или такую идею близких отношений с Германией, по принципиальным соображениям или возможно традиционных соображений британской политики против чётких обязательств такого рода. Я хочу кратко отметить, хотя это уходит ещё к 1936, что во время Олимпийских игр в 1936 году, я пытался склонить к этой идее очень влиятельного британского политика, нынешнего лорда Ванситарта[218]. У меня была тогда очень долгая дискуссия на протяжении нескольких часов в Берлине. Адольф Гитлер также принял его и разговаривал с ним об этом. Лорд Ванситарт, даже несмотря на то, что наши личные отношения были хорошими выражал определённую сдержанность.

В 1937 году, когда я находился в Лондоне, я увидел, что в Англии постепенно четко формируются два различных направления; одно направление было заинтересовано в развитии хороших отношений с Германией; второе направление не желало таких близких отношений.

Существовали – мне кажется можно не называть имена, так как они хорошо известны – такие господа, которые не желали таких близких отношений с

---

218 Роберт Ванситарт (1881— 1957) — британский дипломат, барон (1941). В 1920 — 1924 — секретарь Министра иностранных дел, в 1924 — 1928 — советник Министра иностранных дел; в 1928 — 1930 — помощник Заместителя министра иностранных дел и начальник личного секретариата премьер-министра; в 1930 - 1938 — постоянный Заместитель министра иностранных дел; в 1938 — 1941 — Главный дипломат, Советник МИД Великобритании.

Германией, господин Уинстон Черчилль, позднее ставший премьер–министром, и другие.

Тогда я предпринимал в Лондоне решительные усилия для того, чтобы продвигать эту идею, но происходили другие события которые затрудняли мою деятельность. Прежде всего, испанская политика. Хорошо известно, что в Испании вспыхнула гражданская война и, что в Лондоне заседала так называемая Комиссия по невмешательству[219].

Поэтому, я, как посол при дворе Святого Джеймса[220], имел сложную задачу. С одной стороны, любыми средствами имевшимися в своём распоряжении, я желал дальнейшей германо–английской дружбы и заключения германо–английского пакта, но с другой стороны, я действовал согласно инструкциям своего правительства относительно Комиссии по невмешательству в Испании. Однако, эти инструкции, были часто противоположными некоторым целям британской политики. Поэтому получилось, что такого рода Лига наций, которую тогда представляла Комиссия по невмешательству, и в которой я был полномочным немецким членом, предвзято относилась к основной цели Адольфа Гитлера при направлении меня в Лондон.

Но здесь я хочу сказать – если я могу и предположительно должен открыто объяснить этот период в интересах дела, что это была не только политика по поводу Испании, но что в эти годы, 1937 до начала 1938, та часть которая не желала пакта с Германией, несомненно постоянно проявляла себя в Англии, и сегодня это является историческим фактом. Почему? Ответ очень простой, очень ясный. Эти круги относились к Германии усилившейся национал–социализмом как к фактору, который мог поколебать традиционную британскую теорию баланса сил и политику на континенте.

Я убежден в том, что Адольф Гитлер тогда не имел намерений предпринимать что–нибудь против Англии, но он отправил меня в Лондон с самым пламенным желанием на самом деле прийти к взаимопониманию с Англией. Из Лондона я сообщал фюреру о ситуации. И перед лицом трибунала, я хочу прояснить одно положение, положение, которое часто упоминается и относится к моей защите. Часто утверждали, что я сообщал фюреру из Англии о том, что Англия разлагается, и вероятно не будет сражаться. Я могу и должен установить здесь как факт, что с самого начала я сообщал фюреру обратное. Я информировал фюрера о том, что, по моему мнению, английский правящий класс и английский народ определенно имеют героическое отношение, и что эта нация в высшей мере готова в любое время сражаться за существование своей империи. Позднее, в ходе войны и после

---

219 Комиссия по невмешательству – международный комитет по реализации соглашение о невмешательстве в гражданскую войну в Испании в котором участвовали Франция, Британия, Германия, Италия и СССР.

220 Двор Святого Джеймса — официальное название двора британских монархов. Название происходит от дворца Святого Джеймса, который с 1698 официально является главным королевским дворцом Великобритании. Иностранные дипломаты находящиеся в Великобритании считаются аккредитованными при королевском дворе.

совещания с фюрером, я однажды обсуждал этот вопрос публично, в своей речи в 1941.

Подытоживая ситуацию в Лондоне в 1937 и 1938, пока я был послом, я могу, по крайней мере, сказать, что я был полностью осведомлен о том факте, что заключить пакт с Британией будет трудно. Но даже при этом, и я об этом всегда докладывал, нужно было прилагать все усилия к тому, чтобы посредством мирного урегулирования прийти к взаимопониманию с Англией, как с решающим фактором германской политики, то есть, создать такое соотношение между развитием немецкой мощи и британскими основными тенденциями и взглядами на внешнюю политику, чтобы эти два фактора не конфликтовали.

Хорн: Будучи послом, вы заключили так называемый Антикоминтерновский пакт[221] с Японией. Как получилось так, что вы, посол, заключили пакт?

Риббентроп: Я хочу сделать предварительное замечание о том, что в 1938 я был назначен 4 февраля на должность министра иностранных дел. 4 февраля я находился в Берлине. Фюрер вызвал меня и сообщил мне, что я назначен министром иностранных дел. После этого – я не уверен, вы говорили о Пакте трех держав?

Хорн: Нет, вы меня неправильно поняли. Во время службы послом, вы заключили Антикоминтерновский пакт в 1936, к которому с 1937 присоединилась Италия и позднее Испания, а также другие страны. Как получилось, что, будучи послом, вы заключили пакт.

Риббентроп: Адольф Гитлер тогда рассматривал идеологические разногласия между Германией, то есть, национал–социализмом и коммунизмом, как на самом деле решающие факторы своей политики. Таким образом, возник вопрос о том, как можно склонить другие страны к противостоянию коммунистическим тенденциям. Следовательно, проблема являлась идеологической. Мне кажется в 1933, Гитлер впервые обсуждал со мной вопрос о том, можно ли в той или иной форме установить близкие контакты с Японией. Я ответил, что лично я имел определенные связи с японскими деятелями и установлю контакт. Когда я сделал это, оказалось ясным, что Япония имеет такие же антикоминтерновские настроения, как и Германия. Мне кажется из бесед в 1933, 1934,1935, постепенно кристаллизовалась идея о том, что общими усилиями можно придти к пакту. Мне кажется, что это было идеей одного из моих помощников заключить Антикоминтерновский пакт. Я представил эту идею фюреру, и фюрер её одобрил. Однако, поскольку это был, так сказать, идеологический вопрос, тогда он не желал, чтобы это делалось через официальные каналы германской политики и, следовательно, проинструктировал меня подготовить данный пакт, который был заключен в моём кабинете в Берлине, как мне кажется, по ходу 1936 года.

Хорн: Если я правильно вас понимаю, пакт был заключен вами, потому что вы были

221 «Антикоминтерновский пакт» - дата заключения — 25 ноября 1936 г. Место заключения — Берлин — международный договор (пакт), заключённый между Германией и Японией, создавший двусторонний блок этих государств, направленный против Коммунистического Интернационала.

главой бюро Риббентропа?

Риббентроп: Верно. Бюро Риббентропа состояло главным образом из меня и нескольких помощников. Но верным будет сказать, что фюрер желал, чтобы я заключил этот пакт, потому что он не желал придавать ему официальный дух.

Хорн: Данный пакт имел цели практической политики или только идеологические цели?

Риббентроп: Безусловно данный пакт, должен сказать, в принципе, имел идеологическую цель. Тогда он должен был означать противодействие работе Коминтерна[222] в различных странах. Но естественно он содержал также и политический элемент. Данный политический элемент был тогда антирусским, поскольку Москва являлась представителем идеи Коминтерна. Таким образом фюрер и я отмечали, что данный пакт представляет собой определенный баланс или противовес против русских усилий или против России в политическом смысле, потому что Россия была против Германии в плане идеологии и также, конечно, в политике.

Председатель: Доктор Хорн, вы и подсудимый действительно считаете, что нужно занимать столько долго времени рассказом подсудимого о том почему он, являясь послом в Лондоне, был вызван на подписание Антикоминтерновского пакта?

Хорн: Ваша честь, я плохо слышу вас.

Председатель: Я спросил вас о том, не думаете ли и вы и подсудимый, что необходима такая длинная речь подсудимого в ответ на ваш вопрос, почему он, как посол в Лондоне, был привлечен к подписанию Антикоминтерновского пакта. Он говорил об этом, по крайней мере, 5 минут.

Хорн: 4 февраля 1938, вас назначили министром. В чём заключались причины этого назначения?

Риббентроп: Я уже сказал о том, что 4 февраля 1938 я находился в Берлине. Фюрер вызвал меня и проинформировал о том, что в силу перестановок на высших постах, он собирался назначить нового министра иностранных дел, а также назначил министра иностранных дел фон Нейрата, председателем секретного правительственного совета. Я ответил фюреру, что я, конечно, буду рад принять это назначение.

Хорн: По этому случаю вам также присвоили высокое звание в СС? Обвинение утверждало, что это звание не носило чисто почетный характер. Это правда?

Риббентроп: Мне кажется, я должен это поправить. Я получил звание в СС до этого времени, и я не могу вспомнить, было ли это связано с назначением или я стал группенфюрером СС позднее. Фюрер пожаловал мне звание и форму группенфюрера СС. Это была должность, которая ранее в армии была известна как звание для антуража. Тогда получилось так, что я четко соглашался с идеей СС.

---

222 Коммунистический интернационал (Коминтерн, 3-й Интернационал) — международная организация, объединявшая коммунистические партии различных стран в 1919—1943 годах.

Мои отношения с Гиммлером тогда были довольно хорошими. Тогда я считал идею СС возможной основой для выявления и создания идеалистического класса лидеров, нечто такое, что существовало в Англии, и такого как проявлялось в виде героизма Ваффен–СС[223] во время войны. Позднее, и это правда, мои взгляды на Гиммлера изменились. Но фюрер пожаловал мне это звание, потому что он желал, чтобы внутри партии, на партийных митингах, я носил партийную форму и имел партийное звание.

Могу я сейчас, коротко описать свое отношение к партии. Мне кажется, вчера или позавчера, возник вопрос, являлся ли я настоящим национал–социалистом. Я был настоящим национал-социалистом. Я не говорю, что являюсь компетентным в этом вопросе. Фактом является то, что я присоединился к Адольфу Гитлеру только спустя годы. Я не уделял очень много внимания национал–социалистическим доктринам и программе, ни расовым теориям, с которыми я не очень знаком. Я не был антисемитом, не полностью понимал церковный вопрос, хотя я давно отошел от церкви. У меня были собственные причины сделать это, причины связанные с ранними двадцатыми и развитием церкви в Германии в те годы. Однако, мне кажется, что я всегда был хорошим христианином. Что привело меня в партию, как я осознал в то время, это факт, что партия хотела сильной, процветающей и социалистической Германии. Я тоже этого хотел. По этой причине, в 1932, я, после тщательных раздумий, стал членом НСДАП.

Хорн: Вы предоставляли партии свои услуги до этой даты, как утверждает обвинение, а именно с 1930?

Риббентроп: Это был 1930, когда на крупных выборах в Рейхстаг национал–социализм получил более 100 мест в германском Рейхстаге. Я излагал вчера, и вероятно больше не следует вдаваться в подробности условий в существовавших тогда в Германии. Однако, в течение 1930, 1931 и 1932 я постепенно сближался с партией. Затем с 1932 – мне кажется, я вступил в партию в августе 1932 - с этого момента до самого конца войны я целиком посвятил себя национал–социалистической Германии и отдавал свои силы этому делу. Я желаю откровенно исповедаться перед трибуналом и перед миром в том, что я всегда стремился быть хорошим национал–социалистом и, что я горжусь тем фактом, что я принадлежал к небольшой группе людей, идеалистов, которые не хотели ничего другого, кроме восстановления престижа Германии в мире.

Хорн: Какие внешнеполитические проблемы описал вам Гитлер, как требующие решения, когда вы приняли должность? Какие указания он дал вам для проведения внешней политики?

Риббентроп: Когда я принял должность, фюрер сказал мне относительно мало. Он лишь сказал, что Германия теперь заняла новое положение, что Германия снова

---

223 Войска СС иначе ваффен-СС — военные формирования СС. Вначале назывались «резервными войсками СС». Название «ваффен-СС» (войска СС) было впервые использовано зимой 1939/40 года.

вошла в круг наций имеющих равные права и, что было ясно, что придётся решать определённые проблемы. В частности, я вспоминаю, что он отмечал четыре проблемы, которые рано или поздно нужно было решить. Он подчеркивал, что такие проблемы могут быть решены только имея сильный Вермахт, не используя его, но в силу его существования, потому что страна, которая слабо вооружена, вообще не имеет внешней политики как таковой, но скорее, так сказать, страна оказывается в вакууме, что мы испытали по опыту прошлых лет. Он сказал, что мы будем достигать четких отношений с нашими соседями. Четыре проблемы, которые он перечислил были, прежде всего, Австрия; затем он назвал решение судетских вопросов, вопрос маленького мемельского округа и Данцига и польского коридора, все проблемы должны были быть решены так или иначе. Он сказал, что моим долгом будет, дипломатически содействовать ему в его задаче. С этого момента я старался прикладывать все усилия для содействия фюреру в подготовке некоего решения этих проблем приемлемым для Германии способом.
Хорн: Вскоре после назначения вы…
Председатель: Мне кажется, что сейчас следует прерваться.

[*Объявлен перерыв*]

Хорн: Какой курс имела германская внешняя политика Германии после вашего назначения министром иностранных дел?
Риббентроп: Сначала я попытался понять общую картину неотложных дел министерства иностранных дел и обстановку. Германская внешняя политика, как я уже сказал, достигла определенного уровня, то есть, Германия восстановила престиж в глазах мира, и задачей будущего было тем или иным путем решить жизненно важные проблемы, созданные в Европе Версальским договором. Это было ещё более необходимо поскольку, например, этнические вопросы всегда служили материалом для конфликта, то есть, содержали возможности для конфликта угрожавшего мирному развитию в Европе.

В последовавший период я познакомился с делами министерства. Поначалу это было нелегко, так как я работал с полностью новыми людьми. Я хочу упомянуть здесь о том, что отношение Гитлера к министерству иностранных дел не всегда было положительным и продолжая усилия министра фон Нейрата, моего предшественника, я считал своей важнейшей задачей сблизить министерство иностранных дел с Гитлером и навести мост между двумя сферами идей.

С самого начала после принятия министерства мне было ясно, что я буду работать, так сказать, в тени титана и, что мне придется налагать на себя определенные ограничения, то есть, что я не буду в таком положении, чтобы можно было говорить о проведении внешней политики как это делается другими министрами иностранных дел, которые ответственны перед парламентарной

системой или парламентом. Руководящая личность фюрера, естественно доминировала также во внешней политике. Он занимался всеми её деталями. Это делалось более менее так: я докладывал ему и передавал ему важные внешнеполитические доклады через порученца, и Гитлер в свою очередь давал мне четкие приказы, о том какие взгляды я должен иметь относительно проблем внешней политики, и т. д.

Во время таких разговоров проявилась проблема Австрии, как первая и наиболее важная проблема, которая так или иначе должна была быть решена. Австрия всегда являлась вопросом близким сердцу фюрера, потому что он сам был по происхождению австрийцем и естественно, с ростом мощи Германии, усилия направленные на более тесное соединение Германии и Австрии продолжавшиеся долгое время, стали еще более выраженными. Тогда я немного знал об этой проблеме, поскольку Гитлер по большей части сам занимался данной проблемой.

Хорн: Когда вы заняли должность, или позднее, вы узнали о протоколе совещания от 5 ноября 1937, которая известна под названием документ Хоссбаха?

Риббентроп: Я не знал об этом документе, который упоминался здесь в разной связи. Я впервые увидел его здесь.

Хорн: Гитлер, когда-нибудь говорил, что-либо соответствующее содержанию документа?

Риббентроп: Я не помню подробно содержание документа, но практика фюрера заключалась в том, чтобы говорить очень мало о своих целях и намерениях в отношении принципиальных вопросов. Во всяком случае, так он поступал со мной. Он говорил, что Германия должна решить определенные проблемы в Европе, как я уже говорил, и для этого нужно быть сильным. Он также говорил о возможности того, что это приведет к разногласиям, но он не говорил об этом ничего конкретного. Напротив, он всегда подчеркивал мне, что его желанием было решать дипломатическими средствами те проблемы в Европе которые нужно было решить и разрешив эти проблемы, он имел намерение создать идеальное социальное государство народа и чтобы созданная им Германия была бы образцом современного социального государства со всеми институтами, которым он придавал особую значимость. Другими словами, для меня он обычно признавал возможность вооруженного конфликта, но он всегда говорил, что его неизменная цель заключалась, и это всегда было и есть его намерением, добиться такого решения «невозможного Версаля», как он его иногда называл, мирным путем.

Хорн: Вскоре после вашего назначения министром иностранных дел, Гитлер вызвал вас в Берхтесгаден на совещание с Шушнигом. Что там обсуждалось и какой была ваша роль на этих совещаниях?

Риббентроп: Гитлер сообщил мне – я помню, это было 12 февраля 1938, что он собирается встретить федерального канцлера Шушнига в Оберзальцберге. Я не помню подробностей. Я вижу из своих записей, что это было 12 февраля. Одну вещь

я знаю, он сказал мне, что решения следует добиться в той или иной форме оказав поддержку немецким национал–социалистам в Австрии. Там возникли разного рода трудности, подробности которых я уже не помню. В любом случае, мне кажется, в тюрьмах там находилось много национал–социалистов, и вследствие естественных усилий этих австрийских людей по установлению тесной связи с Рейхом, эта австрийская проблема угрожала стать серьезной проблемой между Германией и Австрией.

Адольф Гитлер тогда сказал мне, что я должен присутствовать в Берхгофе. Позднее говорили, и я слышал об этом сказали здесь, что Адольф Гитлер сразу заявил о том, что он намерен бороться за право 6 миллионов немцев при любых обстоятельствах решить свою судьбу в течение 1938 года. Я не помню, чтобы он так говорил, но вполне возможно, что он так сказал. По случаю приема Шушнига я находился в Оберзальцберге. Гитлер принял Шушнига наедине и долго с ним беседовал. Детали беседы мне неизвестны, потому что я не присутствовал. Я вспоминаю, что Шушниг видел меня после этого разговора и, что я имел с ним долгую беседу.

Хорн: Тогда вы подвергли Шушнига политическому давлению, как утверждало обвинение?

Риббентроп: Нет, это неправда. Я очень хорошо помню разговор с Шушнигом, в то время как другие подробности происходившего в Оберзальцберге мне не запомнились, поскольку я не присутствовал ни на первой, ни на второй встрече между Шушнигом и Гитлером. Моя дискуссия с Шушнигом проходила в очень дружеской манере. Я почувствовал, что Шушниг очевидно был сильно впечатлен фюрером и личностью фюрера. В первую очередь я хочу сказать, что не знал подробностей того, чего хотел добиться или обсудить Гитлер с Шушнигом, таким образом по этому вопросу я мало мог ему сказать, или даже ничего. Таким образом наша дискуссия ограничилась более общими вопросами. Я рассказал Шушнигу о том, что, по моему мнению, две страны должны находиться в близком контакте и, что вероятно его исторической задачей является помогать и содействовать этому; неопровержимым фактом было то, что обе нации были немецкими, и две таких немецких нации не могли быть вечно разделены искусственными преградами.

Хорн: На этом совещании обсуждался пересмотр германо–австрийского договора 1936[224]?

Риббентроп: Я не обсуждал это положение с Шушнигом, и мне кажется, что фюрер тоже этого не делал, потому что согласно тому, что Шушниг рассказал мне, фюрер говорил ему об определенных мерах, которые следовало провести в Австрии с целью устранения причин конфликта между двумя странами. Так я запомнил его слова, не вспоминая подробности. Как я сказал, моя дискуссия с ним была очень дружеской, и я могу сказать, что, когда я предложил Шушнигу, чтобы две страны

224 Имеется в виду Соглашение о взаимном признании суверенитета Австрии и Германии.

вошли в близкий контакт, Шушниг выразил полностью позитивное отношение к этой идее, так что я в определенной степени даже был удивлен его положительному отношению в такое время. Не может быть и речи об оказании на Шушнига какого-либо давления во время дискуссии. Однако, мне кажется, дискуссия с фюрером велась с ним, на очень ясном языке, потому что фюрер хотел достичь некоторого улучшения отношений для того, чтобы решить проблемы между двумя странами и для того, чтобы добиться этого двум государственным деятелям нужно было открыто выразить свои мысли. Я услышал здесь, и я думаю, это запись из дневника генерала Йодля о том, что оказывалось тяжёлое политическое или военное давление. Мне кажется, я могу свидетельствовать здесь о том, что я ничего не знал ни о каком военном или сильном политическом давлении на встрече между Гитлером и Шушнигом. Я могу повторить, что уверен в том, что фюрер использовал с Шушнигом ясный и откровенный язык, но я определенно на заметил никакого рода военного или политического давления, или что–то в духе ультиматума. Также я полагаю, что замечание генерала Йодля – мне кажется он не присутствовал – это дневниковая запись основанная на слухе. Я хочу добавить, что тогда, и я также заявлял это нескольким лицам, которые находились со мной и фюрером, у меня сложилось полностью положительное и приятное впечатление о личности Шушнига. Шушниг даже сказал, что две страны, и я точно помню эти слова, были связаны общей судьбой и, что он будет помогать каким-либо способом достижению сближения двух стран. В дискуссии не шла речь об аншлюсе или чём-то подобном. Упоминал ли это фюрер, мне неизвестно, мне так не кажется.

Хорн: Тогда, или вскоре после этого, Гитлер говорил о том, что он хочет отступить от германо–австрийского договора 1936 и найти какое-то другое решение?

Риббентроп: Гитлер не обсуждал со мной данный вопрос. В целом, я очень мало говорил с ним об австрийских проблемах. Это может звучать удивительно, но это можно понять если учитывать тот факт, что только 4 февраля я принял министерство иностранных дел, и я впервые должен был познакомиться со всеми проблемами. Австрийская проблема всё равно была, как я уже сказал, проблемой которой занимался сам Гитлер и которая соответственно, так сказать, принималась к сведению министерством иностранных дел, в то время как он руководил ею лично. Я знаю и помню, что тогдашний посол фон Папен также имел право докладывать напрямую фюреру и о том, что министерство иностранных дел получало копии этих докладов. Мне кажется данные доклады, напрямую представлялись Гитлеру рейхсканцелярией, таким образом эту проблему повесили скорее на рейхсканцелярию чем на министерство иностранных дел.

Хорн: Затем вы вернулись в Лондон для того, чтобы сдать пост посла. Что вы услышали в Лондоне в связи с развитием австрийского вопроса?

Риббентроп: В этой связи я могу сказать следующее: у меня лично всегда была мысль о том, что австрийская проблема должна быть решена путем договора,

таможенного и валютного союза между двумя странами, поскольку лично я верил в то, что это был наиболее естественный и простой путь для достижения тесной связи между двумя странами. Я могу, вероятно, напомнить вам в этой связи, что идея валютного союза, или, по крайней мере, таможенного союза, не являлась чем–то новым и уже предлагалась правительствами до Гитлера; тогда это не нашло воплощения, мне кажется, из-за вето союзных держав. Но это являлось давним желанием обеих народов. Я могу сначала ответить на вопрос по поводу Лондона. По моим записям, я отправился в Лондон 8 марта. Как я уже отмечал, мне кажется, я присутствовал на праздновании захвата власти 30 января, и затем был назначен министром иностранных дел 4 февраля. Из-за этого назначения я не имел возможности провести официальный отпуск в Лондоне. 8 марта 1938 я отправился в Лондон. Перед тем как покинуть пост я имел короткий разговор с Гитлером, в основном об английских вопросах. Я помню, что он отметил по этому поводу, что австрийская проблема без сомнения продвигается неплохо в соответствии с договоренностями с Шушнигом в Берхтесгадене. Я хочу добавить, что я не знал всех подробностей договорённостей, но я всё же помню небольшую деталь о которой мы запросили рейхсканцелярию спустя несколько недель для сведения нашего специалиста по австрийскому вопросу. Мне кажется, после прибытия в Лондон, это было после полудня, мне удалось услышать по радио в посольстве, речь федерального канцлера Шушнига в Инсбруке или Граце. Я должен сказать, что эта речь меня очень сильно удивила. Разбираться в деталях будет слишком долго. Да я и не помню все подробности. Я знаю, что манера в целом, и как мне показалось, также тон этой речи, были такими, что у меня сразу же сложилось впечатление, что фюрер не потерпит этого, и что вся речь, без сомнения, противоречила духу договорённостей с фюрером в Оберзальцберге. Как я сказал, я был убежден в том, что Адольф Гитлер предпримет, что–нибудь в связи с этим, и я хочу совершенно открыто сказать трибуналу, что мне стало ясно, что вопрос будет решен тем или иным способом, я имею в виду, что следовало очень откровенно поговорить с Шушнигом, чтобы предотвратить катастрофу, возможно европейскую катастрофу. Затем, на следующее утро, у меня была долгая беседа с лордом Галифаксом. Лорд Галифакс также получал доклады из Австрии, и я пытался, не зная полностью ситуации, объяснить ему, что лучше в той или иной форме решить проблему сейчас, и что это будет точно отвечать интересам германо–британских усилий по налаживанию дружеских отношений, что в долгосрочной перспективе окажется ложным предположение о том, что дружба между Германией и Англией, к чему стремились обе страны может быть разрушена такой проблемой. Лорд Галифакс не был встревожен ситуацией и сказал мне, насколько я помню, что у меня должна быть возможность обсудить вопросы с британским премьер–министром Чемберленом на завтраке. После этого у меня был завтрак с премьер–министром Чемберленом; во время или после завтрака у меня была долгая беседа с

Чемберленом. Во время беседы с господином Чемберленом снова подчеркивалось его желание достичь взаимопонимания с Германией. Я был чрезвычайно рад услышать это, и сказал ему, что я твердо убежден, что такого же мнения и фюрер. Он вручил мне специальное послание фюреру, о том, что это было его желанием и что он сделает все возможное в этом направлении. Мне кажется, вскоре после этой беседы пришла телеграмма из Австрии, из Вены, мне кажется от посланника или британского консула. Господин Чемберлен и лорд Галифакс попросили меня пройти в их кабинет. Мне кажется, завтрак состоялся на Даунинг-стрит 10 и затем я отправился в их кабинет для того, чтобы обсудить эти телеграммы. Я сказал им, что конечно у меня нет точных докладов; затем пришли новости об ультиматуме, и позднее о вступлении германских войск. Мы договорились, что я должен связаться со своим правительством и что лорд Галифакс прибудет ко мне в германское посольство после полудня, чтобы обсудить дальнейшие события. Я хочу подчеркнуть, что господин Чемберлен в связи с этим занял очень сдержанное и, как мне показалось, очень чувствительное отношение к австрийскому вопросу. После полудня меня посетил лорд Галифакс и у нас была долгая беседа. Между тем стало известно о вступлении германских войск. Я хочу подчеркнуть тот факт, что эта беседа с лордом Галифаксом была очень дружеской, и что в её конце я пригласил английского министра иностранных дел нанести в Германию ещё один визит. Он принял, заметив о том, что он был бы рад приехать и возможно можно собрать ещё одну выставку охотничьих трофеев.

Хорн: На следующее утро у вас состоялся телефонный разговор с подсудимым Герингом. Этот телефонный разговор был приобщен в качестве доказательства обвинением, утверждавшим, что это является доказательством вашей обманной политики. Что насчет этого?

Риббентроп: Это неправда. Рейхсмаршал Геринг уже свидетельствовал о том, что это был дипломатический разговор, и дипломатические разговоры проходят во всем мире одинаково. Но я могу сказать, что я впервые узнал из этого телефонного разговора о подробностях происходящего в Австрии. Не вдаваясь в подробности, я услышал, прежде всего о том, что голосование без сомнений, шло в противоречие с подлинной волей австрийского народа, и о ряде других положений, о которых Геринг просил меня сказать в моих беседах с британскими министрами. Но я хочу сказать, что на самом деле такие беседы не состоялись, потому что я уже покинул официальные английские круги. Фактически, у меня не было никаких дальнейших разговоров после беседы с Герингом, спустя несколько часов после этого разговора я покинул Лондон и отправился в Берлин, а затем в Вену.

Я могу сказать, что я сначала полетел в Каринхалле с визитом к Герингу и разговаривал с ним и обнаружил его радостным по поводу аншлюса – то есть не от самого аншлюса, а в целом от развития австрийских событий. Мы все были рады. Мне кажется, затем я полетел, в тот же день, в Вену и прибыл почти в то же время,

что и Адольф Гитлер. Между тем я услышал об аншлюсе и только в Вене я узнал, что идея аншлюса не пришла Гитлеру до самой поездки по Австрии. Мне кажется, этому способствовала демонстрация в Линце и тогда, как я думаю, он очень быстро решил завершить аншлюс.

Хорн: Какую проблему назвал вам Гитлер, как требующую решения после аншлюса?

Риббентроп: Следующей проблемой, которую мне обозначил Гитлер 4 февраля, была проблема судетских немцев. Однако, данная проблема, не являлась проблемой поставленной Гитлером или министерством иностранных дел или каким-то другим ведомством, это была проблема де факто существовавшая сама по себе. Мне кажется, американский обвинитель сказал здесь, что распад Чехословакии это глава, конец которой являлся самой печальной страницей в истории наций, а именно подавлением и разрушением малой чехословацкой нации. Я хочу заявить следующее из своего знания данного предмета.

В таком смысле можно говорить о чехословацком государстве, но не о чехословацкой нации, потому что это было государство множества национальностей, государство состоявшее из самых разнообразных национальных групп. Я назову, кроме чехов, лишь немцев, венгров, поляков, рутенцев, карпатских украинцев, словаков и т. д. Это показывает, что довольно разнородные элементы связали вместе после 1919 в форму государства. Является точным, и это исторический факт, что усилия разных национальностей внутри искусственно связанного государства являлись в определенной степени разнонаправленными и что чехи, следуя своим тенденциям, пытались окружить эти национальности сильным кольцом, я скажу стальным кольцом. Оказываемое давление, как всякое давление вызывало противодействие, противодействие различных национальностей этого государства, и очевидно, что сильная Германия, национал–социалистическая Германия, тогда оказывала сильное притяжение на все национальные фрагменты в Европе или, во всяком случае, на тех, кто проживал рядом с немецкими границами и отчасти, я могу сказать, на других. Получилось так, что немецкие меньшинства в Судетах, которые с 1919, постоянно подвергались значительному давлению со стороны Праги, стали объектом еще большего давления. Мне не кажется, что я должен вдаваться в подробности, но я могу сказать по своим сведениям, и даже по своим дискуссиям во время пребывания послом в Лондоне, что вопрос Судетов очень ясно понимало министерство иностранных дел в Лондоне и именно Англия очень часто до 1938 поддерживала определенные интересы судетских немцев во взаимодействии с Конрадом Генлейном.

После захвата власти Адольфом Гитлером давление на эти немецкие меньшинства, несомненно, возросло. Я хочу также отметить, и я знаю это из чтения материалов министерства иностранных дел в то время, что комитет Лиги наций по меньшинствам имел огромное количество документов о судетских немцах и

больших помехах для немцев в практике их культурной жизни.

Мне не кажется, что я преувеличу говоря о том, что манера, в какой с Судетами обращалась Прага, даже, по мнению компетентных и непредвзятых властей Лиги наций, ни в коей мере не соответствовала положениям Лиги наций относительно меньшинств. Я сам думал о том, что абсолютно необходимо придти к какому-то решению достижения решению для того, чтобы эта проблема не могла стать предметом конфликта, соответственно вновь, как и в случае Австрии, который всколыхнет всю Европу. Я хочу подчеркнуть, что и я и министерство иностранных дел всегда стремились, с самого начала, решить проблему судетских немцев путем дипломатических переговоров с главными державами-подписантами Версаля. И я могу добавить, что в этом заключалось моё личное убеждение, которое я также выражал Гитлеру о том, что имея достаточное время и правильно действуя, Германия которую мы имели в 1938 сможет решить эту проблему дипломатическим, то есть, мирным путем.

Обвинение вменяет мне создание незаконными средствами волнений и беспорядков в Чехословакии и соответственно сознательно ведущих к началу кризиса. Я никоим образом, не отрицаю, что Судето-немецкая партия и НСДАП долгое время имели связи с целью обеспечения судетско–немецких интересов. Например, я не отрицаю, как упоминалось здесь, что Судето-немецкая партия поддерживалась из определенных фондов Рейха. Я даже могу сказать, и мне кажется, чехословацкое правительство подтвердит это, что об этом секрете хорошо знали в Праге. Однако, неправильно говорить о том что, что-либо из этого осуществлялось министерством иностранных дел и мной для направления таких усилий в такое русло которое могло вызвать на самом деле серьёзную проблему. Я не хочу вдаваться в подробности, но я хочу отметить еще один момент. Упоминались документы об арестах чехов в Германии как репрессалии за чешское обращение с судетскими немцами. На это я просто могу сказать, что это были меры которые можно понять и объяснить, только в виду ситуации того времени, но к которым не привели мы в министерстве иностранных дел с целью сделать ситуацию еще более критической. Напротив, в развитии дальнейших событий, я пытался через легацию в Праге, также как и через усилия господ своего ведомства ограничить активность Судето-немецкой партии. Мне кажется, в некоторой степени этого можно четко подтвердить документами, которые обнародовали здесь. У меня нет сейчас этих документов, поэтому я не могу рассмотреть их подробнее, но мне кажется, что вероятно у защиты будет возможность детально выяснить эти вопросы.

Хорн: Что привело к критической ситуации летом?

Риббентроп: Это естественно и так всегда обстоит дело, что национальность имеет собственную динамику. На этот вопрос разделенных немецких групп на границе Германии часто ссылались в министерстве иностранных дел как на «зловещую проблему», то есть проблему, которая не могла быть решена способом совместимым

с интересами внешней политики. Здесь нам приходилось иметь дело не с буквами и параграфами, а с живыми людьми, у которых были свои законы и динамика. Поэтому, Судето-немецкая партия естественно стремилась к большей и большей независимости, нельзя отрицать того, что многие влиятельные руководители, по крайней мере тогда, требовали абсолютной автономии, если не возможности присоединиться к Рейху. Это совершенно ясно, и такой была цель Судето-немецкой партии. Для министерства иностранных дел и германской внешней политики, как и для Гитлера, конечно, из-за этого возникало множество сложностей. Как я уже сказал, я пытался взять внешнюю политику под контроль. Тогда я принял Конрада Генлейна – мне кажется раз или два, я не помню точно – и попросил его не предпринимать того, что касалось Праги, в целях преследования своих политических целей, что могло поставить германскую внешнюю политику в чрезвычайные условия. Это вероятно не было так просто и для Генлейна, и я знал, что лидеры Судето-немецкой партии естественно могут обращаться и приниматься в других ведомствах Рейха, также лично Адольфом Гитлером, который интересовался данной проблемой, между делом принимая этих руководителей. Кризис, или скорее ситуация в целом, развивался все более и более критически, потому что с одной стороны судетские немцы заявляли о своих требованиях Праге все более и более открыто и упорно и, потому что чехи, правительство в Праге, противостояло этим требованиям, что приводило к эксцессам, арестам и так далее. Таким образом ситуация становилась еще более критической. Тогда я часто говорил с чешским посланником. Я просил его удовлетворить требования судетских немцев об автономии и насколько возможной мере все их требования. Однако, дела шли таким путем, что отношение Праги становилось все более упорным, как и отношение судетских немцев.

Хорн: Что привело к визиту Чемберлена? Какими являлись причины визита и какую роль в нем сыграли вы?

Риббентроп: Я хочу вставить слово, что летом 1938 ситуация развивалась все более и более в сторону кризиса. Посол сэр Невилл Гендерсон в Берлине, с которым я часто обсуждал эту проблему и который прилагал усилия со своей стороны для урегулирования вопросов, несомненно, отправлял постоянные доклады своему правительству. Сегодня я точно не знаю, но мне кажется, что по его инициативе лорд Ренсимен поехал в Прагу. Ренсимен несомненно отправился в Прагу с добрыми намерениями попытаться получить ясную картину ситуации. Он также придерживался мнения которое, насколько помню, заключалось в том – я не помню формулировку – что право на самоопределение, немедленное самоопределение, нельзя отнимать у Судетов. Таким образом, мне кажется, это мнение была благоприятным для судетских немцев. Вместе с тем, существовал кризис. Я не помню точную дату, но мне кажется, это произошло через посла Гендерсона, Чемберлен связался с правительством Рейха. Таким образом, в первой половине

сентября состоялся визит Чемберлена к фюреру в Оберзальцберг. Относительно этого визита, много не скажешь. Фюрер наедине говорил с Чемберленом. Однако, я знаю, и мы все чувствовали это, визит проходил в хорошей и положительной атмосфере. Насколько я помню, фюрер рассказал мне, что он откровенно сказал Чемберлену о том, что требование судетских немцев о самоопределении и свободе в той или иной форме следует удовлетворить. Мне кажется Чемберлен - и в этом заключалась суть совещания – ответил, что он проинформирует британское правительство об этих пожеланиях германского правительства, и что он сделает дальнейшие заявления.

Хорн: Как проходил второй визит Чемберлена в Годесберг после этого?

Риббентроп: Насколько помню, события не развивались удовлетворительно. Ситуация в Судетах становилась сложнее и угрожала перерасти в очень серьезный кризис, не только внутри Чехословакии, но также между Германией и Чехословакией, и соответственно перейти в европейский кризис. Результатом этого стало то, что Чемберлен снова проявил инициативу и таким образом состоялся его визит в Годесберг, мне кажется, это была середина сентября или во второй половине сентября.

Хорн: Как был решен вопрос судетских немцев, и каким было ваше участие в этом вопросе?

Риббентроп: Могу я сначала доложить о Годесберге? В виду кризиса который развивался, Гитлер проинформировал господина Чемберлена в Годесберге о том, что теперь он вынужден при любых обстоятельствах решить вопрос. Я могу подчеркнуть, что я тогда ничего не знал относительно деталей военного характера, но я знал, что фюрер для себя считал возможным военное решение проблемы. Он сказал господину Чемберлену в Годесберге, что решение проблемы судетских немцев следует найти как можно быстрее. У господина Чемберлена в Годесберге было мнение, что трудно будет так быстро склонить Прагу для быстрого решения, и наконец, всё пошло наперекосяк. Адольф Гитлер тогда лично продиктовал меморандум, который он или я должен был вручить господину Чемберлену. Затем сэр Горас Вильсон[225], друг господина Чемберлена, посетил меня, человек который заслужил большое доверие в урегулировании разногласий. Тем же вечером я смог организовать ещё одну встречу. Во время встречи, которая началась в довольно спокойной атмосфере, фюрер получил доклад о чехословацкой мобилизации. Это являлось наиболее прискорбным обстоятельством, поскольку Гитлер, именно в этот момент сильно негодовал, и он и господин Чемберлен хотели прервать совещание. Мне кажется это произошло, именно в тот момент, когда переводчик готов был зачитать меморандум фюрера, содержащий предложения по решению проблемы судетских немцев. Замечаниями и короткой беседой с Гитлером и затем с

225 Хорас Вильсон (1882-1972) – британский высокопоставленный чиновник. Глава управления гражданской службы в 1939-1942.

Чемберленом, я смог исправить дело. Переговоры возобновились, и после нескольких часов переговоров результатом стало, то, что господин Чемберлен сказал фюреру о том, что теперь он смог понять, что нужно, что-то сделать и он готов, со своей стороны, вручить этот меморандум британскому кабинету. Мне кажется, он также сказал о том, что предложит британскому кабинету, то есть, своим министерским коллегам, чтобы Праге было рекомендовано выполнение меморандума. Меморандум содержал в качестве решения, в общих чертах, аннексию Судетов Рейхом. Мне кажется, фюрер выразил своё желание в меморандуме о том, что в виду критической ситуации там, было бы желательно, чтобы это было проведено, если возможно, за чёткий промежуток времени, мне кажется к 1 октября, за 10 дней или две недели. Господин Чемберлен затем отбыл, и прошло несколько дней. Кризис не разрешался, но скорее стал ещё хуже. Я помню это очень хорошо. Затем, во время последней части сентября, не скажу дату, прибыл французский посол, и заявил, что у него есть хорошие новости по проблеме судетских немцев. Позднее был также вызван британский посол. В то же время – как свидетельствовал рейхсмаршал Геринг – Италия хотела принять участие в разрешении кризиса выразив Герингу желание Муссолини быть посредником. Затем поступило предложение Муссолини о проведении конференции, которое было принято Англией, Францией и Германией. Французский посол и позднее британский посол, встретились с фюрером и обрисовали на карте приблизительное решение, которое предлагалось Францией, Англией и Италией, как решение судетской проблемы. Я всё еще помню, что фюрер в первую очередь заявил французскому послу, что это предложение не удовлетворительно, соответственно французский посол заявил, что конечно же следует провести дальнейшие дискуссии по этому вопросу и вопросу о том где действительно жили немцы и какая территория у Судетов, все эти вопросы можно было подробно обсудить.

В любом случае, что касалось французского правительства – и мне кажется, сэр Невилл Гендерсон использовал похожие слова позднее на приеме у фюрера – фюрера заверили в том, что британцы, также как и французы, намеревались способствовать решению судетского вопроса в соответствии с позицией Германии.

Затем настала Мюнхенская конференция. Я понял, что мне не нужно вдаваться в её детали; я хочу только кратко описать её результаты. Фюрер с помощью карты объяснил государственным деятелям, необходимость, как он её понимал, аннексии конкретной части Судетов Германским Рейхом для достижения полного удовлетворения. Возникла дискуссия; Муссолини, итальянский глава правительства, в целом согласился с идеями Гитлера. Английский премьер–министр сначала делал определённые оговорки и также отмечал, что вероятно можно будет обсудить подробности с чехами, с Прагой. Даладье, французский министр, сказал, насколько помню, что он думает, что поскольку проблема уже затронута, четыре

великие державы могут принять решение здесь и сейчас. В конце это мнение разделили все четыре государственных деятеля; в результате было подготовлено Мюнхенское соглашение предусматривающее, что Судеты должны быть аннексированы Германией, как было намечено на картах, имевшихся на руках. Фюрер был очень доволен и рад этому решению и в отношении остальных версий об этом деле, о которых я слышал на процессе, я хочу ещё раз подчеркнуть, что я также был рад. Все мы были чрезвычайно рады той форме, в которой был разрешен вопрос.

Председатель: Мы прервемся до десяти минут третьего.

[*Объявлен перерыв до 14 часов 10 минут*]

Вечернее заседание

Председатель: Трибунал заседает завтра с 10 часов утра до часа в открытом режиме. И перед тем как продолжать, доктор Хорн, трибунал желает, чтобы я сказал, что он думает о том, что подсудимый слишком много времени уделяет детальному описанию переговоров которые привели к соглашению, которое является историческим фактом и которое прекрасно известно каждому. Это не то, что вменяется подсудимому; подсудимому вменяется не то, что он готовил соглашения, которые прекрасно известны, а нарушение этих соглашений Германией и любое участие которое он мог принимать в нарушении таких соглашений. Очень важно, чтобы время трибунала не занимали такими ненужными подробностями.

Хорн: Какую внешнеполитическую реакцию вызвало Мюнхенское соглашение?

Риббентроп: Мюнхенское соглашение хорошо известно. Его содержание было следующим: Германия и Англия никогда не должны были вести войну; морское соглашение в соотношении 100 к 35 должно было быть постоянным и по важным вопросам следовало проводить консультации. С помощью данного соглашения атмосфера между Германией и Англией без сомнения, в определенной степени разрядилась. Ожидалось, что успех пакта приведёт к окончательному взаимопониманию. Разочарование стало большим тогда, когда через несколько дней после Мюнхена о перевооружении любой ценой объявили в Англии. Затем Англия начала политику союза и тесного сотрудничества с Францией. В ноябре 1938 против Германии были приняты меры торговой политики, и в декабре 1938 британский колониальный секретарь выступил с речью в которой сказал «нет» пересмотру колониального вопроса. Был также установлен контакт с Соединенными Штатами Америки. Наши доклады того времени, насколько я их помню, показывали усиление – я хочу сказать – ужесточение английского отношения к Германии; и в Германии складывалось впечатление о политике практически направленной на окружение

Германии.

Хорн: Обвинение вменяет вам вклад в отделение Словакии от Чехословакии в нарушение международного права. Какое участие вы принимали в словацкой декларации о независимости?

Риббентроп: Нет сомнений в том, что существовали отношения между словаками и довольно многими членами Немецкой национал–социалистической рабочей партии Германии. Эти тенденции естественно были известны министерству иностранных дел, и было бы неправильным говорить, что мы их не приветствовали. Однако неправильно говорить о том, что мы как-то требовали или навязывали автономию. Я помню, что доктор Тисо[226] объявил об этой автономии, и пражское правительство, под влиянием Мюнхена, также признало автономию. Какой тогда была ситуация после Мюнхена, можно понять, из того факта, что все меньшинства Чехословакии хотели автономии и независимости. Вскоре после этого карпатские украинцы объявили о своей независимости и остальные имели такие же устремления. В Мюнхенском соглашении, я хочу добавить, была статья, согласно которой Германия и Италия должны были дать Чехословакии гарантию, но декларацию об этом не сделали. Причина заключалась в том, что Польша, после Мюнхенского соглашения, выдвинула Чехословакии ультиматум, и по собственной инициативе отрезала польские меньшинства и оккупировала эти районы. Венгры тоже хотели автономии, или даже, вхождения в состав Венгрии и определенные территории Чехословакии были впоследствии переданы Венгрии по Венскому решению[227]. Однако, ситуация в Чехословакии пока не являлась ясной и также оставалась сложной в течение всего следующего периода. Затем к нам обратился словак Тука[228]. Он хотел склонить Германию к одобрению словацкой независимости. Фюрер тогда принял Тука и после некоторых приготовлений, окончательным результатом стала декларация независимости Словакии объявленная Тисо 13 марта. Обвинение представило документ, в котором я якобы сказал, во время беседы фюрера и Тисо о том, что это всего лишь вопрос часов, а не дней, чтобы Словакия решилась. Однако, это следовало понимать как означавшее то, что Венгрия вела подготовку с целью оккупировать Карпатскую Украину, также как и некоторые другие регионы Словакии. Мы хотели предотвратить войну между Словакией и Венгрией или между Чехословакией и Венгрией; Гитлер был очень сильно озабочен этим, и поэтому он с радостью согласился с желанием Тисо. Позднее, после объявления независимости Словакии словацким парламентом, он согласился с просьбой Тисо и взял Словакию под защиту.

---

226 Йозеф Тисо (1887 — 1947) — президент Первой Словацкой республики, теолог. Казнен по приговору чехословацкого суда.

227 Первый Венский арбитраж был проведен 2 ноября 1938 года в Вене, в Бельведерском дворце министрами иностранных дел Германии — И. Риббентропом и Италии — Г. Чиано, для решения «венгерского вопроса» в Чехословакии.

228 Войтех Тука (1880 — 1946) — словацкий государственный и политический деятель периода Первой Словацкой республики. Казнён по приговору чехословацкого суда.

Хорн: Что привело к визиту Гахи в Берлин 14 марта 1939?

Риббентроп: События в Словакии, конечно же, имели свои последствия, и в основном Гитлеру докладывали о сильных эксцессах против расовых немцев на территории Праги, Брюна, Иглау, и т. д. Многие беглецы прибыли в старый Рейх. Зимой 1938–39 я периодически пытался обсудить эти вопросы с пражским правительством. Гитлер был убежден в том, что Германский Рейх не мог потерпеть такое развитие направляемое Прагой. В это заключалось отношение прессы и влиятельных кругов в Праге. Фюрер также желал, чтобы чешская нация сократила свою военную мощь, но Прага от этого отказывалась.

В течении этих месяцев я периодически пытался поддерживать хорошие немецкие отношения с Прагой. Особенно часто я разговаривал с Хвальковским[229], чехословацким министром иностранных дел. В середине марта, Хвальковский, чехословацкий министр иностранных дел, обратился к нашему германскому представителю в Праге, с целью понять может ли Гитлер лично побеседовать с Гахой. Я сообщил об этом фюреру и фюрер согласился принять Гаху, однако, он сказал мне, что он желает заняться этим вопросом лично. С этой целью я обменялся телеграммами с Прагой: В Праге нужно было выражать сдержанное отношение, но Гахе следовало сказать о том, что фюрер его примет.

На этом месте я хочу кратко отметить, что министерство иностранных дел и лично я, ничего не знали о дате грядущих военных событий. Мы узнали об этих вещах только незадолго до как они случились. Перед прибытием Гахи я спросил фюрера нужно ли готовить договор. Фюрер ответил, как я отчетливо вспоминаю, что у него есть намерение пойти дальше этого. После прибытия Гахи в Берлин я сразу посетил его и он сказал мне о том, что он хотел доверить судьбу чешского государства в руки фюрера. Я сообщил об этом фюреру и фюрер проинструктировал меня подготовить соглашение. Ему позднее вручили проект и насколько помню, откорректировали. Затем Гаху принял фюрер и результаты этого совещания, насколько я знаю, здесь известны и представлены в документальной форме, поэтому нет необходимости вдаваться в детали.

Я знаю о том, что Адольф Гитлер тогда резко говорил с Гахой и сказал ему о том, что он намерен оккупировать Чехословакию. Это касалось старой исторической территории, которую он намеревался взять под защиту. Чехи должны были получить полную автономию и свой способ жизни, и он верил в то, что решение, которое было принято в тот день пойдет на благо чешского народа. Пока Гаха беседовал с фюрером, или даже после - я присутствовал на совещании с Гахой – у меня была долгая дискуссия с министром иностранных дел Хвальковским. Он с готовностью придерживался нашей точки зрения и я попросил его оказать влияние на Гаху, чтобы решение фюрера и акция в целом прошла без кровопролития.

---

229 Франтишек Хвальковский (1885 – 1945) – чешский дипломат. Министр иностранных дел Чехословакии. Убит во время битвы за Берлин.

Мне кажется, в результате глубокого впечатления прежде всего произведенного на него фюрером и тем, что Адольф Гитлер сказал Гахе, чтобы он связался с правительством по телефону и также, мне кажется, с начальником генерального штаба. Я не знаю точно. Он получил одобрение своего правительства на подписание соглашения, которое я упоминал в начале. Это соглашение было подписано Гитлером, Гахой и обеими министрами иностранных дел, то есть также мной. Затем Гаха, насколько помню, дал инструкции о том, чтобы германскую армию встречали сердечно и, насколько я знаю, вступление и оккупация Чехословакии, то есть Богемии и Моравии закончилась без каких-либо серьёзных инцидентов.

После оккупации я отправился с фюрером в Прагу. После оккупации, или может быть в Праге, фюрер дал мне утром прокламацию в которой страны Богемия и Моравия объявлялись Протекторатом Рейха. Я зачитал прокламацию в Праге, которая, могу сказать немного удивила меня. Насколько помню, не заявили никаких протестов, и мне кажется, я могу отметить, что оккупация Богемии и Моравии, которую фюрер считал необходимой в интересах Рейха, состоялась по историческим и политическим причинам и прежде всего, по причинам безопасности Германского Рейха. Мне кажется, что Геринг рассказывал о подробностях.

Хорн: Как для вас выглядела европейская ситуация после оккупации оставшейся части Чехословакии?

Риббентроп: Я могу сказать, что после прокламации в Праге у меня была долгая беседа с фюрером. Я отмечал фюреру, что эта оккупация, конечно, имела бы существенные последствия в британо–французских кругах. В связи с этим я хочу отметить, что в Англии, круги, направленные против Германии становились шире и возглавлялись важными персонами. В связи с этим я хочу вернуться или кратко отметить один инцидент, который произошел, когда я еще являлся послом в Лондоне, когда господин Уинстон Черчилль нанес мне визит в посольство. Господин Уинстон Черчилль тогда не входил в правительство, и мне кажется, не являлся лидером оппозиции – это уже обсуждалось – но он был одной из самых выдающихся личностей в Англии. Я особенно был заинтересован в организации его встречи с Адольфом Гитлером и, поэтому попросил его встретиться со мной в посольстве. У нас была беседа, которая длилась несколько часов и детали которой я хорошо помню. Мне кажется будет неправильно ссылаться на подробности этой беседы. Но в то время как такой важный человек как лорд Ванситарт в 1936…

Председатель: Документы в связи с господином Уинстоном Черчиллем в то время, когда он не являлся членом правительства уже были отклонены трибуналом и то, что он говорил, и такая беседа выглядит для трибунала абсолютно не относящимися к делу и трибунал не будет это заслушивать.

Риббентроп: Я уже сказал, что я обратил внимание фюрера на британскую реакцию. Адольф Гитлер объяснил мне необходимость оккупации Богемии и Моравии, в

особенности с исторических и стратегических оснований. Я помню, что в этой связи он цитировал бывшего французского министра авиации, Пьера Кота[230], который называл Богемию и Моравию, то есть Чехословакию «авианосцем» против Германии. Мне кажется, рейхсмаршал Геринг уже говорил, что тогда получал доклады разведки о русских пилотах или русских миссиях на чешских аэродромах.

Гитлер сказал мне, и я отчетливо помню его слова, о том, что он не потерпит чужеродную чешскую занозу в немецкой плоти. Можно хорошо ладить с чехами, но для Германии необходимо взять в свои руки защиту этих стран. Он назвал Советскую Россию, союзную Чехословакии, как фактор неоценимой мощи. Когда я назвал Англию и её реакцию, он сказал о том, что Англия не в состоянии взять под защиту немцев в Чехословакии. Кроме того, структура чехословацкого государства распалась и Словакия стала независимой. Таким образом, он считал необходимым в интересах будущего германо–английских отношений, чтобы страны Богемия и Моравия вошли в тесный контакт с Рейхом. Протекторат казался ему подходящей формой. Адольф Гитлер сказал о том, что в то время как этот вопрос был совершенно не важным для Англии, он был жизненно важным для Германии. Это становится очевидным, если посмотреть на карту – так дословно он сказал. Кроме того, он сказал, что не может понять, как такое решение может нарушить сотрудничество, к которому стремились между Германией и Англией. Гитлер отметил, что Англия – случайно я помню цифру – имеет около 600 доминионов, протекторатов и колоний и, поэтому должна понимать, что такие проблемы требуют решения.

Я рассказал Адольфу Гитлеру о трудностях, с которыми может столкнуться лично господин Чемберлен из-за такой акции со стороны Германии, что Англия может считать это возрастанием германской мощи и так далее, но фюрер объяснил мне, что вопрос в целом заключается в причинах, которые я упомянул ранее.

Сначала английская реакция в лице господина Чемберлена в Палате общин, была скорее положительной. Он сказал, что это не являлось нарушением Мюнхенского соглашения, и британское правительство не было связано никакими обязательствами. Чехословацкое государство распалось и гарантии, которые ей должна была дать Англия не вступили в силу, или даже гарантийные обязательства не применялись в таких обстоятельствах.

Я могу сказать, все мы были рады такому отношению Англии. Мне кажется, это было спустя 2 или 3 дня, когда господин Чемберлен в Бирмингеме…

Председатель: Доктор Хорн, какое мы имеем отношение к реакции Англии пока она не приняла форму ноты? Я не понимаю, какое это имеет отношение к этому. Мы хотим знать, в какой степени подсудимый Риббентроп принимал участие в

230 Пьер Кот (1895 — 1977) — французский политический деятель. По образованию — юрист. Депутат Национального собрания от партии радикалов и радикал-социалистов (1928—1940). В 1933—1934 и 1936—1938 годах министр авиации, в марте 1938 — мае 1939 года министр торговли.

нарушении Мюнхенского соглашения.

Хорн: Подсудимому фон Риббентропу вменяется соучастие в заговоре, когда он был министром иностранных дел, и ему вменяется то, что его внешняя политика способствовала агрессивной войне. Если подсудимый фон Риббентроп желает и ему разрешено защищать себя против этих обвинений, тогда ему следует разрешить описывать обстоятельства, как он их понимал и мотивы стоявшие за его действиями. Я задаю по делу только такие вопросы подсудимому которые относятся к формированию определенного мнения.

Председатель: Что же, я не думаю, что вы задали об этом какой-то вопрос. Он просто…

Хорн: Мне не слышно.

Председатель: Я сказал, я не думаю, что вы спрашивали его о реакциях Англии.

Переводчик: Похоже нарушения в работе каналов. Я думаю, что несколько языков идут в одном канале.

Председатель: Я думаю, трибуналу лучше прерваться.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Доктор Хорн то, что я хотел вам сказать, когда система сломалась, это то, что трибуналу кажется, что подсудимого во время дачи показаний следует держать в строжайших рамках и не вдаваться в такие детали, и что относительно реакций, политических реакций в Англии, это само по себе не относится к делу, и что смысл для дела который они несут весьма отдалённый.

Хорн: Что заставило Гитлера поручить вам, в октябре 1938 начать переговоры с Польшей?

Риббентроп: Проблема меньшинства, которая вызывала множество трудностей всегда существовала в Польше. Несмотря на соглашение 1934, ситуация не менялась. В 1938 меры по «дегерманизации» против немецких меньшинств продолжались Польшей. Гитлер желал придти к какому-то чёткому урегулированию с Польшей, также как и с другими странами. Поэтому, он поручил мне, как мне кажется в течение октября 1938, обсудить с польским послом окончательное прояснение проблем существоваших между Германией и Польшей.

Хорн: Кроме проблемы меньшинства, в чём заключались другие проблемы?

Риббентроп: Было два вопроса: один, проблема меньшинств, был самым горящим; вторая проблема была вопросом Данцига и коридора, то есть, связи с Восточной Пруссией.

Хорн: Каким было отношение Гитлера и ваше к вопросам Данцига и коридора?

Риббентроп: Было ясно, что эти два вопроса являются проблемами, которые вызывали огромные сложности из-за Версаля. Гитлер должен был решить эти проблемы рано или поздно, так или иначе. Я разделял такую точку зрения. Данциг

подвергался постоянному давлению поляков; они все больше и больше хотели «полонизировать» Данциг и к октябрю 1938 из 800 000 до миллиона немцев, мне кажется, были изгнаны из коридора или вернулись в Германию.
Хорн: Как польский посол принял ваши предложения в октябре 1938?
Риббентроп: Польский посол был на первых порах сдержан. Он сам не вникал в это и не мог это сделать. Я естественно обратился к нему с этой проблемой таким путем, чтобы он мог непринуждённо обсудить её со своим правительством, и не требовал, так сказать, от него четкого ответа. Он сказал, что конечно же он видел определенные сложности относительно Данцига, а также коридор в Восточную Пруссию, представлял собой вопрос который требовал большого внимания. Он был очень сдержанным, и дискуссия завершилась его обещанием сообщить о моих заявлениях, сделанных от имени германского правительства, своему правительству, и дать мне ответ в ближайшем будущем.
Хорн: Чем завершилась вторая дискуссия с послом Липски 17 ноября 1938?
Риббентроп: 17 ноября 1938 Липски прибыл ко мне на встречу и заявил о том, что проблема включала в себя значительные трудности, и что данцигский вопрос в частности был очень сложным в свете отношения Польши в целом.
Хорн: Тогда вы, по приказу Гитлера, вручили Липски запрос на прямые переговоры с министром иностранных дел Беком[231]?
Риббентроп: Я пригласил министра иностранных дел Бека в Берлин.
Хорн: Когда министр иностранных дел прибыл в Берхтесгаден?
Риббентроп: К сожалению, министр Бек не прибыл в Берлин, он отправился в Лондон.
Хорн: Вы неправильно поняли мой вопрос. Когда министр иностранных дел Бек отправился в Берхстесгаден?
Риббентроп: Гитлер сказал, что он хотел лично поговорить с господином Беком об этой проблеме. Соответственно господин Бек прибыл; я не знаю точную дату…
Хорн: Это было начало января, 5 января.
Риббентроп: … в Берхтесгаден и имел долгую беседу с Адольфом Гитлером.
Хорн: Каким был результат разговора?
Риббентроп: Я присутствовал на этой беседе. Результат заключался в том, что Адольф Гитлер ещё раз в подробностях проинформировал Бека, о его желании хороших германо–польских отношений. Он сказал, что нужно найти совершенно новое решение в отношении Данцига, и что коридор в Восточную Пруссию не должен вызывать непреодолимых трудностей. Во время беседы господин Бек был довольно восприимчив. Он сказал фюреру о том, что естественно вопрос Данцига был сложным из-за устья Вислы, но он тщательно обдумает данную проблему. Он вовсе не отказывался обсуждать эту проблему, но скорее отмечал сложности,

231 Юзеф Бек (1894 — 1944) — польский государственный деятель, министр иностранных дел Польши в 1932—1939 гг.

которые, в силу польского отношения, мешали решению проблемы.

Хорн: Это правда, что Бек было принципиально готовы был вести переговоры и поэтому пригласил вас, в конце января, совершить визит в Варшаву?

Риббентроп: Так об этом нельзя сказать. После встречи в Берхтесгадене с фюрером, у меня была еще одна долгая беседа с Беком в Мюнхене. Во время этой беседы, Бек снова объяснил мне, что проблема была очень сложной, но что он будет делать все возможное; он поговорит со своим коллегами по правительству и можно будет найти какое-то решение. По этому случаю мы согласились с тем, что я совершу ответный визит в Варшаву. Во время этого визита мы также говорили о вопросе меньшинств, о Данциге и коридоре. Во время этой беседы, прогресса в вопросе тоже не было, господин Бек скорее повторял аргументы, почему это было сложно. Я говорил ему о том, что просто невозможно оставлять эту проблему в том виде как она существовала между Германией и Польшей. Я указывал на большие сложности, с которыми сталкиваются немецкие меньшинства и недостойную ситуацию, как я хочу выразиться, то есть, постоянные недостойные сложности, возникающие у немцев, которые путешествовали в Восточную Пруссию. Бек обещал помочь в вопросе меньшинств, и также повторно изучить другие вопросы. Затем, на следующий день, я коротко беседовал с маршалом Рыдзом–Смиглым[232], но беседа ни к чему не привела.

Хорн: Тогда вы попросили Бека нанести ещё один визит в Берлин, и визит состоялся, или Бек избрал другой курс?

Риббентроп: Получилось так, что я пригласил министра иностранных дел Бека в Берлин, потому что его первый визит был неофициальным. Однако, к сожалению, Бек не прибыл в Берлин, но, как я уже сказал, он отправился в Лондон.

Хорн: Как повлиял его визит в Лондон на дальнейшие переговоры?

Риббентроп: Эффект от визита в Лондон был для нас полной неожиданностью. Посланник Липски, мне кажется это было 21 марта, да тогда, внезапно вручил нам меморандум.

Хорн: Позвольте прервать вас. 21 марта вы имели еще одну беседу с Липски относительно раздела Чехословакии и проблем вытекающих из создания Протектората?

Риббентроп: Может быть это правда, в таком случае я имел в виду 26-е.

Хорн: Да.

Риббентроп: Верно. 21–го я разговаривал с Липски, это правда, и в этом разговоре Липски выражал определенные сомнения относительно Словакии и защиты предоставленной Германией. Он высказал желание о том, чтобы между Венгрией и Польшей, двумя странами, которые всегда имели близкие отношения друг с другом, могла быть установлена общая граница и спросил возможно ли это. Он также

232 Эдвард Рыдз-Смиглы (1886 — 1941) — польский военачальник и политик, маршал Польши (с 1936), верховный главнокомандующий польской армии в войне 1939 года.

косвенно выяснял, не была ли защита Словакии каким-то образом направлена против Польши. Я заверил господина Бека в том, что ни Гитлера ни кого-либо другого не мотивировало ни малейшее намерение действовать против Польши, когда была обещана защита. Это просто была мера, указывающая Венгрии, что территориальный вопрос теперь урегулирован. Однако я полагаю, что сказал господину Липски с нетерпением ждать установления такой связи через Карпатскую Украину.

Хорн: Это правда, что приблизительно 20 марта консультации были инициированы между Польшей и британским правительством, французским правительством и русским правительством?

Риббентроп: Да это верно. Эти консультации, насколько помню, восходили к предложению лорда Саймона. Общая декларация должна была быть сделана в отношении Польши. Но Польша не посчитала это удовлетворительным, и ясно дала понять Лондону, что такое решение Польшой не обсуждается.

Хорн: Это правда, что Польша стремилась к прочному союзу с Англией и Францией?

Риббентроп: В этом не может быть сомнения, и это исторический факт, что Польша стремилась к союзу с Англией.

Хорн: Когда немецкое правительство узнало о том, что Польше обещана поддержка Англии и Франции?

Риббентроп: Об этом стало известно, я не могу сказать точную дату, но это было, в любом случае, в течение последней части марта. В любом случае, я знаю, и все мы были убеждены в этом, мне кажется, сегодня это установленный факт, что такие отношения, возникшие в последней части марта между Варшавой и Лондоном, мне кажется, предопределили, к нашему удивлению, ответ который сообщили нам в меморандуме 26 марта.

Хорн: Верно, что данный меморандум заявлял о том, что дальнейшее преследование немецких целей относительно изменений в вопросах Данцига и коридора означает войну, что касается Польши?

Риббентроп: Да, это верно. Это было для нас большой неожиданностью. Я знаю, что прочёл меморандум, и в тот момент, я просто не мог поверить в то, что такой ответ могли дать, учитывая месяцы наших попыток найти решение, к которому – я желаю подчеркнуть это – тогда только Адольф Гитлер, с его огромным авторитетом в немецком народе мог привести и быть ответственным.

Я не хочу теряться в деталях, но я хочу сказать, что проблема Данцига и коридора, с 1919, рассматривалась государственными деятелями с большим авторитетом, как та с которой можно начать пересмотр Версаля. Я хочу напомнить вам заявление маршала Фоша[233] и другие заявления Уинстона Черчилля, который

233 Фердинанд Фош (1851 — 1929) — французский военный деятель, военный теоретик. Французский военачальник времён Первой мировой войны, маршал Франции (6 августа 1918).

развивал эту тему, так же как и Клемансо, и т. д. У всех этих государственных деятелей несомненно было мнение о том, что следует на самом деле территориально пересмотреть данный коридор. Но Гитлер, со своей стороны, хотел всеобъемлющего урегулирования и достижения договоренности с Польшей на основе своих предложений по передаче коридора и возвращения в Рейх только Данцига, соответственно Польше предлагалось очень щедрое решение в экономической сфере. В этом, другими словами, заключалась основа предложений с которой я работал по приказу Гитлера 4-5 месяцев. Ещё сильнее наше удивление было, когда другая сторона объявила о том, что дальнейшее преследование этих планов и решений, к которым мы относились как очень щедрым, означали войну. Я проинформировал об этом Гитлера, и я очень хорошо помню, что Гитлер воспринял это очень спокойно.

Хорн: Это верно, что на следующий день вы заявили польскому послу о том, что меморандум от 26 марта 1939 не может служить основой для решения?

Риббентроп: Это правда. Я только, что сказал, что Гитлер принял это грубое и серьезное сообщение польского посла очень спокойно. Однако, он сказал, что я должен сказать польскому послу о том, что конечно же решение не может быть найдено на таком основании. Нельзя было говорить о войне.

Хорн: Это правда, что соответственно, 6 апреля 1939, польский министр иностранных дел Бек отправился в Лондон и вернулся с временным соглашением о взаимопомощи между Польшей, Англией, и Францией?

Риббентроп: Да, это так.

Хорн: Какой была германская реакция на пакт о взаимопомощи?

Риббентроп: Германская реакция – здесь я могу обратиться к речи Гитлера в Рейхстаге в которой он заявил о своем отношении к проблеме в целом. Мы чувствовали, что этот пакт о взаимопомощи между Польшей и Англией не соответствовал германо–польскому пакту[234] 1934, так как в пакте 1934 любое применение силы между Германией и Польшей было исключено. Новый пакт заключенный между Польшей и Англией, без предварительных консультаций с Германией, связывал Польшу например, обязательством напасть на Германию в случае конфликта между Германией и Англией. Я знаю о том, что Адольф Гитлер чувствовал то, что это также не соответствовало соглашениям между ним и господином Чемберленом в Мюнхене, а именно, устранение всякого обращения к силе между Германией и Англией, независимо от происходящего.

Хорн: Это правда, что тогда, 28 апреля, Германия послала через вас Польше меморандум, которым аннулировалась германо–польская декларация 1934?

Риббентроп: Это правда. Это было, мне кажется, в тот же день, что и речь фюрера в

234 «Декларация о неприменении силы между Германией и Польшей» (называемая также Договор о ненападении между Германией и Польшей, Пакт Пилсудского — Гитлера — совместная декларация, подписанная Германией и Польшей 26 января 1934 года. Принятие этого документа способствовало временной нормализации отношений между двумя государствами.

Рейхстаге. Этот меморандум заявлял более или менее о том, что я обобщил здесь, о том, что пакт не соответствовал договору 1934, и что для Германии данный договор более недействительный.

Хорн: Это правда, что вследствие этого меморандума германо–польские отношения стали более напряжёнными и что возникли новые сложности в вопросе меньшинств?

Риббентроп: Да, это правда. Во время предшествующего периода намечались переговоры для того, чтобы поставить проблему меньшинств на новую основу. Я всё еще помню, что прогресса не происходило. Так обстояло дело до 28 мая, и после 28 мая, что ситуация с немецким меньшинством стала еще более сложной. В частности, Польская ассоциация западных территорий тогда была очень активной и в повестке дня стояло преследование немцев и и их изгнание из родных очагов. Мне известно, что именно в течение месяцев после 28 мая, то есть, летом 1939, так называемые лагеря приёма беженцев для немецких беженцев из Польши показывали огромный приток.

Хорн: Как вы и Гитлер отреагировали на британо-французские декларации о гарантиях Румынии и Греции, и позднее Турции?

Риббентроп: Эти декларации немецкая политика могла интерпретировать только, как означавшие, что Англия инициировала систематическую политику союзов в Европе, которые враждебны Германии. Это было мнением Гитлера и моим.

Хорн: Это правда, что за этими декларациями о гарантиях и посланием Рузвельта[235] от 14 апреля 1939, 22 мая 1939, последовал германо–итальянский пакт о союзе? В чём заключались причины для этого пакта?

Риббентроп: Известно, что между Германией и Италией дружественные отношения естественно существовали долгое время; и когда европейская ситуация обострилась эти отношения, по предложению Муссолини, были усилены, пакт о союзе, который сначала обсудили граф Чиано и я в Милане, был подготовлен и предварительно подписан по приказу глав правительств. Он являлся ответом на усилия англо–французской политики.

Хорн: Это верно, что кризис с Польшей обострился в результате того факта, что 6 августа в Данциге имел место спор с таможенными инспекторами, по которому Германия была вынуждена занять позицию?

Риббентроп: Да, это так. Возникла ссора между польским представителем и сенатом города Данциг. Польский представитель направил ноту президенту сената информируя его о том, что определенные таможенные чиновники от сената не хотят соблюдать польские правила. Эта информация позднее оказавшаяся фальшивкой, на которую был дан ответ сената привела к резкому обмену нотами между сенатом и польским представителем. По приказу Гитлера я сказал государственному секретарю министерства иностранных дел подготовить соответствующие протесты

235 Франклин Делано Рузвельт (1882 — 1945) — 32-й президент США.

для польского правительства.

Хорн: Это правда, что Вайцзеккер, тогдашний государственный секретарь, 15 августа вызвал английского и французского послов с целью подробно проинформировать обоих о серьезности ситуация?

Риббентроп: Да, это правда. Он сделал это по моему приказу.

Хорн: 18 августа посол Гендерсон снова попросил встречи с вашим государственным секретарем, потому что ситуация с Польшей и Данцигом обострялась?

Риббентроп: Да. Беседа между английским послом и государственным секретарем состоялась несколькими днями спустя. Государственный секретарь объяснил ему в очень четких словах серьезность ситуации и рассказал ему о том, что дело принимает серьезный оборот.

Хорн: Это правда, что на этой стадии кризиса вы приняли решение, на основании предложения сделанного вам, инициировать переговоры с Россией и в чём заключались причины сделать это?

Риббентроп: Переговоры с Россией, начались еще раньше. Маршал Сталин, в марте 1939, произнес речь, в которой он сделал определенные намеки на своё желание улучшить отношения с Германией. Я вручил эту речь Адольфу Гитлеру и спросил его, нужно ли нам пытаться узнать, стоит ли за данной речью, что–либо реальное. Гитлер поначалу был не склонен, но позднее он стал более восприимчив к данной идее. Переговоры о торговом с соглашении с разрешения фюрера уже шли. И во время этих переговоров я, с разрешения фюрера провёл зондаж в Москве на предмет возможности чёткого моста между национал–социализмом и большевизмом, и того нельзя ли по крайней мере гармонизировать интересы двух стран.

Хорн: Как развивались отношения между советско-русским торговым ведомством в Берлине с вашим посланником Шнурре?

Риббентроп: Переговоры посланника Шнурре дали мне за относительно короткий период времени картину, из которой я смог понять, что Сталин воспринимал свою речь серьезно. Затем состоялся обмен телеграммами с Москвой, который в середине августа, привел к тому, что Гитлер отправил телеграмму Сталину, впоследствии Сталин в ответ на эту телеграмму, пригласил в Москву уполномоченного. Поставленная цель, которая готовилась дипломатически, заключалась в пакте о ненападении между двумя странами.

Хорн: Это правда, что вы были направлены в Москву в качестве уполномоченного?

Риббентроп: Да, это известно.

Хорн: Когда вы прилетели в Москву, и какие переговоры вы там вели?

Риббентроп: Вечером 22 августа я прибыл в Москву. Прием, оказанный мне Сталиным и Молотовым был очень дружественным. У нас была двухчасовая беседа. Во время этой беседы обсуждался весь комплекс русско–германских отношений. Результатом было, первое, взаимная воля обеих стран о постановке своих

отношений на новую основу. Это должно было выражаться в пакте о ненападении. Во–вторых, должны были быть определены сферы интересов двух стран, это было сделано в секретном дополнительном протоколе.

Хорн: Каких вопросов касался этот секретный дополнительный протокол? Что в нем содержалось и какая политическая база?

Риббентроп: Прежде всего, я хочу сказать о том, что этот секретный протокол обсуждался в суде несколько раз. Я говорил очень откровенно во время переговоров со Сталиным и Молотовым, и русские господа тоже очень просто говорили со мной. Я описал желание Гитлера о том, чтобы две страны достигли ясного соглашения, и конечно, я также говорил о критической ситуации в Европе. Я рассказал русским господам о том, что Германия сделает всё для урегулирования ситуации в Польше и урегулирования сложностей мирным путем с целью прийти к дружественному соглашению несмотря ни на что.

Однако, я не оставил никаких сомнений в том, что ситуация серьезная и что возможно начало вооруженного конфликта. Это было и так понятно. Для обоих государственных деятелей Сталина и Гитлера, это было вопросом территорий, которые обе страны потеряли после неудачной войны. И поэтому, смотреть на это с другой точки зрения ошибочно. И также как у Адольфа Гитлера было мнение которое я выразил Москве, что в той или иной форме проблема должна быть решена, также и русская сторона ясно понимала, что так обстоит дело.

Затем мы обсудили, что нужно сделать со стороны немцев и со стороны русских в случае вооруженного конфликта. Как известно, была согласована демаркационная линия для того, чтобы в случае недопустимой польской провокации или в случае войны, существовала граница, для того, чтобы немецкие и русские интересы на польском театре не сталкивались и не могли столкнуться. Хорошо известная линия была согласована вдоль линии рек Висла, Сан, и Буг на польской территории. Было согласовано, что в случае конфликта территории, лежащие к западу от этих рек будут германской сферой интересов, а те которые на востоке будут русской сферой интересов.

Известно, что позднее, после начала войны, эти зоны были оккупированы с одной стороны Германией и с другой стороны русскими войсками. Я могу повторить, что тогда у меня сложилось впечатление о том, что и для Гитлера и для Сталина, что эти территории, что эти польские территории, а также другие территории, которые были отмечены в сфере интересов, о которых я вкратце расскажу, что это были территории утраченные обеими странами после неудачной войны. И оба государственных деятеля, несомненно, придерживались мнения, что если эти территории – если, я хочу сказать, последний разумный шанс для решения проблемы был исчерпан, разумеется это являлось оправданием для включения Адольфом Гитлером данных территорий в состав Рейха путем какой-то процедуры.

К тому же, также известно, что другие сферы интересов были определены

в отношении Финляндии, балтийских государств и Бессарабии. Это было великое урегулирование интересов двух великих держав предусмотренное для мирного решения, также как и для военного решения.

Хорн: Верно, что эти переговоры готовились специально только на тот случай, когда на основе Пакта о ненападении и политического урегулирования между Россией и Германией, невозможно было урегулировать польский вопрос дипломатическим образом?

Риббентроп: Пожалуйста, повторите вопрос.

Хорн: Верно, что чётко говорилось, что это решение предназначалось только на тот случай, что, несмотря на Пакт о ненападении с Россией, польский конфликт не мог быть разрешен дипломатическими средствами, и что договор должен был вступить в силу только в этом случае?

Риббентроп: Да, это так. Тогда я заявлял о том, что германская сторона предпримет все, чтобы попытаться разрешить проблему дипломатическим и мирным путем.

Хорн: Россия обещала вам дипломатическое содействие или благожелательный нейтралитет в связи с таким решением?

Риббентроп: Это можно понять из пакта о ненападении и из всех совещаний в Москве, что так и было. Было совершенно ясно и мы были убеждены в этом, что если, в силу польского отношения, начнётся война, Россия займет к нам дружественное отношение.

Хорн: Когда вы вернулись из Москвы, какого рода ситуацию вы застали в Берлине?

Риббентроп: Пакт о ненападении с Советским Союзом был заключен 23–го. 24–го я вылетел в Германию. Я сначала подумал, что полечу к фюреру в Бергхоф в Берхтесгадене, но во время полета или перед ним - я не знаю точно – меня попросили прибыть в Берлин.

Мы прилетели в Берлин, и там я проинформировал Гитлера о московских соглашениях. Ситуация, которую я там застал, была, несомненно, очень напряженной. На следующий день я в особенности это отметил.

Хорн: При каких обстоятельствах произошло обострение германо–польских отношений?

Риббентроп: В середине августа происходили всякого рода вещи, которые, как я выражусь, наэлектризовали атмосферу: пограничные инциденты, сложности между Данцигом и Польшей. С одной стороны Германию обвиняли в направлении оружия в Данциг, с другой стороны, мы обвиняли поляков в принятии военных мер в Данциге, и так далее.

Хорн: Это правда, что по вашему возвращению из Москвы в Берлин, вас проинформировали о подписании британо–польского пакта о гарантии и какой была реакция Гитлера на него?

Риббентроп: Это было 25 августа. 25 августа я был проинформирован о беседе которую имел фюрер с послом Гендерсоном в моё отсутствие в Германии, как мне

кажется в Берхтесгадене 22 августа. Это была очень серьезная беседа. Гендерсон передал письмо от британского премьер–министра, которое ясно заявляло, что война между Германией и Польшей вовлечет Англию в дело.

Затем, до 25–го, я – фюрер затем ответил на это письмо, мне кажется в тот же день, и ответ был выдержан в духе того, что не следует ожидать дипломатического решения. Я обсудил с фюрером 25–го этот обмен письмами и попросил его рассмотреть вопрос еще раз и предложил еще раз попытаться обратиться к Англии. Это было 25 августа, очень насыщенный день. Утром поступило сообщение от итальянского правительства, согласно которому Италия, в случае конфликта с Польшей, не выступит на стороне Германии. Тогда фюрер решил снова принять посла Гендерсона в течение дня. Встреча состоялась приблизительно в полдень 25–го. Я присутствовал. Фюрер углубился в детали и снова попросил Гендерсона иметь в виду его неотложное желание достичь взаимопонимания с Англией. Он описал ему очень сложную ситуацию с Польшей и попросил его, как мне кажется, взять самолет и вылететь в Англию для того, чтобы ещё раз обсудить ситуацию в целом с британским правительством. Посол Гендерсон согласился с этим, и я направил ему, как мне кажется, вечером, памятку или вербальную ноту, в которой фюрер в письменно виде изложил свои идеи о таком взаимопонимании, или даже о том, что он сказал во время встречи для того, чтобы посол мог правильно проинформировать свое правительство.

Хорн: Верно, что после того как британо–польский пакт о гарантии стал известен, вы попросили Гитлера остановить военные меры которые начались в Германии?

Риббентроп: Да, это так. Я как раз собирался об этом сказать. В течении вечера, днём я услышал о том, что готовятся определенные военные меры и затем вечером я получил, как мне кажется, сообщение Reuters, в любом случае это было сообщение прессы – говорившем о ратификации в Лондоне польско–британского пакта о союзе.

Мне кажется, там даже отмечалось, что польский посол Рачинский[236] болел, но, несмотря на это поставил свою подпись в министерстве иностранных дел.

Хорн: Этот договор подписали до или после того, как стало известно об отказе Италии от объявления итальянской мобилизации?

Риббентроп: Этот договор был несомненно заключили после. Конечно, я не знаю день и час, но мне кажется это должен был быть вечер 25 августа, и отказ Италии уже дошёл до нас в полдень; мне кажется, другими словами, об этом определенно решили в Риме утром или за день до этого. В любом случае, я могу заключить это из другого факта. Однако, вероятно, я могу, сначала ответить на ваш вопрос, а именно, что я сделал, получив такие новости.

Хорн: Да.

Риббентроп: Когда я получил это сообщение прессы, о котором меня

236 Эдвард Рачинский (1891 — 1993) — польский политик, дипломат, писатель, президент Польши (в изгнании) в период 1979—1986 годов.

проинформировали еще раз по прибытию в канцелярию, я немедленно направился к Гитлеру и сразу попросил его остановить военные меры, какими бы они не были, я не был знаком с военными вопросами в деталях, я сказал ему о том, что это совершенно ясно, означало войну с Англией, и что Англия никогда не отзовет свою подпись. Фюрер недолго подумал, и затем он сказал, что это правда и немедленно вызвал своего военного адъютанта, и мне это был фельдмаршал Кейтель, который пришёл для того, чтобы созвать генералов и остановить начавшиеся военные меры. По этому поводу он заметил, что мы получили две плохих новости за один день. Это была Италия и эти новости, и я думаю, возможно, доклад об отношении Италии сразу же стал известным Лондону, соответственно состоялась окончательная ратификация пакта. Я очень отчетливо помню это замечание фюрера.

Хорн: В тот день вы и Гитлер, предпринимали с Гендерсоном усилия по урегулированию конфликта, и какими были ваши предложения?

Риббентроп: Я уже сказал о том, что фюрер, мне кажется это был ранний вечер, встретил Гендерсона 25–го и сказал ему о том, что он всё ещё имеет намерение достичь окончательного взаимопонимания с Англией. Вопрос Данцига и коридора должен быть решён каким-то образом, и он хотел обратиться к Англии с всеобъемлющим предложением, которое не содержалось в вербальной ноте, для того, чтобы урегулировать эти вещи с Англией на постоянной основе.

Хорн: Это правда, что Гитлер тогда предоставил Гендерсону самолет, чтобы он мог доставить эти предложения своему правительству еще раз и запросить своё правительство об обещании посредничества в отношении Польши?

Риббентроп: Да, это правда. Я знаю, что Гендерсон – мне кажется, это было на следующий день, 26–го – вылетел в Лондон на немецком самолете. Я не знаю деталей, но я знаю о том, что фюрер сказал во время встречи: «Берите мой самолет и немедленно вылетайте к своему правительству»

Хорн: С какими результатами посол Гендерсон прибыл в Берлин 28 августа?

Риббентроп: Я хочу сказать в этой связи, что в виду критической ситуации между Польшей и Германией, которая конечно, тоже была известна британскому послу, Гитлер выразил мне определенное разочарование тем, что британский посол вернулся с ответом не скоро, так как атмосфера в этот день наэлектризовалась. 28–го, у Гендерсона была очередная дискуссия с фюрером. Я также присутствовал. Ответ, доставленный сэром Невиллом Гендерсоном из Лондона поначалу показался фюреру не очень удовлетворительным. Он содержал различные положения, казавшиеся неясными для фюрера. Но главным положением было то, что Англия объявляла о своей готовности для полноценного решения существующих между Германией и Англией проблем, при возможности разрешения германо–польского вопроса мирным путем.

Во время дискуссии Адольф Гитлер сказал сэру Невиллу Гендерсону о том, что он изучит ноту и попросит его вернуться. Затем он…

Хорн: Это правда, что в этом меморандуме Англия предложила Германии вступить в прямые переговоры с Польшей?

Риббентроп: Это правда. Одно из положений ноты, я собирался с этим продолжить, заключалось в том, что англичане предложили, что прямые германо–польские переговоры будут наиболее подходящим способом прийти к решению и, во–вторых, что такие переговоры должны состояться как можно скорее, потому что Англия вынуждена была признать, что ситуация была очень напряженной, из-за пограничных инцидентов и во всех отношениях. Кроме того нота заявляла, что независимо от того, какое решение может быть найдено, мне кажется это содержалось в ноте, оно должно быть гарантировано великими державами.

Хорн: Англия предложила посредника для передачи Польше немецких предложений о прямых переговорах?

Риббентроп: Да, верно.

Хорн: В чём заключались эти немецкие предложения, которые 29 августа 1939 Гитлер вручил Гендерсону в ответ на меморандум Гендерсона?

Риббентроп: Ситуация была такой: 29–го Адольф Гитлер снова принял британского посла и по этому случаю сказал ему, что он готов принять английское предложение от 28–го, то есть, что несмотря на сильную напряжённость и несмотря на польское отношение, которое он обоснованно отвергал, он был готов дать свою руку еще раз для мирного решения германо–польских проблем, как предлагала британская нота от 28–го.

Хорн: По каким причинам в немецкое предложение был включен запрос о направлении польского уполномоченного к 30 августа?

Риббентроп: В сообщении Адольфа Гитлера послу Гендерсону для британского правительства говорилось о том, что германское правительство, в виду напряженной ситуации, незамедлительно разработает предложения по решению проблем Данцига и коридора. Германское правительство надеялось быть в состоянии получить данные предложения ко времени прибытия польского переговорщика, что ожидалось в течение 30 августа.

Хорн: Это верно, что Гитлер включил данное условие или просьбу направить уполномоченного в течение 24 часов, потому что он боялся, что может возникнуть конфликт из–за того, что две отмобилизованных армии стояли лицом к лицу.

Риббентроп: Это абсолютная правда. Я могу сказать, что во время встречи 29–го посол Гендерсон, насколько я помню, спросил фюрера означает ли это ультиматум. Фюрер ответил: «Нет», о том, что это не ультиматум, но скорее, мне кажется, он сказал, практическое предложение или предложение вытекающие из ситуации, или что–либо подобное. Я хочу повторить, что это факт, что ситуация на границах Данцига и коридора во время последних дней августа выглядела, такой, что можно было сказать, что пушки начнут стрелять сами по себе если вскоре, что-то не сделать. В этом заключалась причина относительно короткой отсрочки, которая

являлась условием фюрера. Он опасался, что если дать много времени, вопросы затянутся и опасность войны не снизится, а возрастет.

Хорн: Это правда, что, несмотря на информацию переданную послу Гендерсону, ответом британского правительства был то, что предложение не разумно?

Риббентроп: Я знаю о британской реакции из нескольких документов которые видел позднее. Первая реакция поступила во время моей дискуссии с Гендерсоном 30 августа.

Хорн: Это правда, что 30 августа вы получили конфиденциальное сообщение, касавшееся всеобщей мобилизации в Польше?

Риббентроп: Правда. 30–го Гитлер ожидал слов от польского переговорщика. Однако, этого не произошло, но, мне кажется, вечером 30–го из Польши пришли новости о том, что приказана, хотя не объявлена, всеобщая мобилизация. Мне кажется о ней не объявляли до следующего утра. Это, конечно, ещё сильнее усугубило ситуацию.

Хорн: Это правда, что британское правительство затем практически отозвало своё предложение, о посредничестве предложив о том, чтобы Германия для предприняла немедленные и непосредственные шаги по подготовке переговоров между Польшей и Германией?

Риббентроп: Вы имеете в виду 30–го?

Хорн: Да, 30–го.

Риббентроп: Это так. Как я уже сказал, мы ждали 30–го, но польский переговорщик не прибыл. В то же время, Гитлер подготовил предложения, которые он хотел вручить польскому переговорщику, который, как было обещано сэром Невиллом Гендерсоном, мог бы вести переговоры с Германией на основе полного равенства. Лишь незадолго до полуночи или, по крайней мере, поздно вечером позвонили и сообщили, что британский посол хочет передать сообщение своего правительства. Эту встречу, как мне кажется, затем перенесли еще раз; в любом случае в полночь 30 августа состоялась хорошо известная беседа между мной и Гендерсоном.

Хорн: Вчера вы слышали описание посланником Шмидтом этой встречи. У вас есть, что добавить к его описанию?

Риббентроп: Я хочу добавить следующее об этой беседе. Совершенно ясно, что в тот момент все мы нервничали, это правда. Британский посол нервничал и я тоже. Я хочу и должен отметить здесь тот факт, что у британского посла за день до этого была с фюрером небольшая сцена, которая могла закончиться серьезно. Поэтому была определенная напряженность между мной и британским послом. Однако, я намеренно принял британского посла спокойно и сдержанно, и принял его сообщение. Я надеялся, что это сообщение, в последний момент, содержит его объявление о польском переговорщике.

Однако, этого не случилось. Скорее, сэр Невилл Гендерсон сказал мне:

1. О том, что его правительство не могло рекомендовать такой формат процедуры, несмотря на напряженную ситуацию, которую ещё сильнее усугубила польская всеобщая мобилизация; скорее британское правительство рекомендовало, чтобы германское правительство использовало дипломатические каналы;

2. О том, что если германское правительство представит такие же предложения британскому правительству, британское правительство будет готово оказать своё влияние на Варшаву с целью найти решение, поскольку постольку эти предложения окажутся разумными. В виду общей ситуации это был очень трудный ответ, потому что, как я сказал, обстановка была крайне напряженной и фюрер с предыдущего дня ожидал польского эмиссара. Я, в свою очередь, тоже опасался, что пушки начнут стрелять сами по себе, если решение или нечто подобное как я сказал, не будет найдено как можно быстрее. Затем я прочитал Гендерсону предложения переданные мне фюрером. Я хочу заявить здесь еще раз под присягой о том, что фюрер прямо запретил мне передавать их из моих рук. Он рассказал мне, о том, что я могу сообщить британскому послу только их суть, если я считал это уместным. Я сделал немного больше этого, я зачитал британскому послу все предложения, от начала до конца. Я сделал это, потому что всё еще надеялся на то, что британское правительство хотело оказать влияние на Варшаву и помочь с решением. Но и тут я должен откровенно сказать, что из своего разговора с британским послом 30 августа, из его отношения в целом, которое посланник Шмидт также описывал вчера в определенной степени, так и из сути сообщения британского правительства, у меня сложилось впечатление, что Англия в тот момент не совсем готова оживить обстановку, и позвольте сказать, сделать все зависящее для мирного решения.

Хорн: Что предприняло германское правительство после того как нота стала известна послу Гендерсону?

Риббентроп: После своей беседы с британским послом я сообщил о ней фюреру. Я сказал ему, что это был серьезный разговор. Я также рассказал ему о том, что следуя его инструкциям я не вручил меморандум сэру Невиллу Гендерсону несмотря на просьбу последнего. Но у меня сложилось впечатление о том, что ситуация была серьезной, и я был убежден в том, что британская гарантия Польше была в силе. Таким было мое очень четкое впечатление от беседы. Затем, в течение 31–го фюрер целый день пытался понять прибудет или нет, какой-нибудь польский переговорщик или не поступит ли новое сообщение от британского правительства. Мы услышали здесь о вмешательстве рейхсмаршала Геринга, о том как он проинформировал господина Далеруса[237] о содержании этой ноты во всех подробностях. Здесь таким образом нет сомнения в том, что в течение той ночи, как самое позднее утром 31–го точные предложения правительства Рейха находились в руках и лондонского правительства и варшавского правительства. 31–го фюрер ждал целый день и я

237 Биргер Далерус (1891 – 1957) – шведский предприниматель, дипломат-любитель, друг Г. Геринга. В августе 1939 пытался убедить правительство Великобритании оказать давление на Польшу.

убежден, и я хочу заявить здесь очень четко, что он надеялся, на то, что будет сделано Англией. Затем в течение 31–го польский посол прибыл ко мне. Но известно, что он не имел никаких полномочий ни для чего, ни вступить в переговоры, ни даже получить предложения какого–нибудь рода. Я не знаю, разрешил ли мне фюрер вручить ему подобные предложения, но я думаю это возможно. Но польский посол не был уполномочен принимать их, как он прямо мне сказал. Я могу кратко отметить, что по поводу отношения Варшавы, свидетель Далерус уже дал дополнительные показания.

Хорн: Верно, что Англия не передала германские предложения Варшаве до вечера 31 августа?

Риббентроп: Пожалуйста, повторите вопрос.

Хорн: Верно, что германские предложения, которые вы представили предыдущим вечером, 30 августа, послу сэру Невиллу Гендерсону не передали Варшаве до вечера 31 августа?

Риббентроп: Вы имеете в виду из Лондона?

Хорн: Из Лондона?

Риббентроп: Я не могу точно сказать, но это, несомненно, можно подтвердить официальными документами.

Хорн: Какие соображения привели к окончательному решению принять военную акцию против Польши?

Риббентроп: Я не могу рассказать о деталях этого. Я знаю только о том, что фюрер, что предложения, которые я зачитал британскому послу, в ночь 30–го были опубликованы в эфире, мне кажется, вечером 31–го. Реакция варшавского радио, я помню точную реакцию, была к сожалению такой, что звучала как настоящий боевой клич в ответ на немецкие предложения, которые, как я слышал, характеризовались Гендерсоном как разумные. Мне кажется они были охарактеризованы польским радио как наглость, и о немцах говорили как о гуннах или как то так. Я помню это. В любом случае, вскоре после объявления этих предложений последовал очень резкий отрицательный ответ из Варшавы. Я полагаю, что это был ответ, убедивший фюрера в ночь на 31–е отдать приказ выступить. Я, со своей стороны, могу только сказать, что я отправился в рейхсканцелярию, и фюрер сказал мне о том, что он отдал приказ и, что уже ничего нельзя сделать, или что–то в таком духе, и что события развиваются. Соответственно я просто сказал фюреру: «Желаю удачи».

Я могу также отметить, что начало этих боевых действий положило конец усилиям со стороны Адольфа Гитлера установить дружбу с Англией.

Хорн: Муссолини внёс еще одно личное предложение о посредничестве и как от этого предложения отказались?

Риббентроп: Да, это, правда. 3 сентября, утром, такое предложение о посредничестве поступило в Берлин с заявлением Муссолини о том, что он пока в

состоянии вынести польский вопрос на форум, конференцию, и что он будет этим заниматься, если германское правительство быстро согласиться. Одновременно было сказано о том, что французское правительство уже одобрило это предложение. Германия тоже незамедлительно согласилась. Но через несколько дней, я не назову точное время, сообщили о том, что в речи, мне кажется, британского министра иностранных дел Галифакса в Палате общин или в какой-то другой британской декларации, это предложение отверг Лондон.

Хорн: Вам известно, отказалась ли от это предложения Франция?

Риббентроп: Я уже сказал, что мы получили вместе с этим предложением, как мне кажется через итальянское правительство, информацию о том, что французское правительство либо выступало за предложение или уже приняло его.

Хорн: Вы видели какие-нибудь возможности для мира после завершения польской кампании и преследовали их?

Риббентроп: После завершения польской кампании у меня было несколько длительных бесед с Адольфом Гитлером. Ситуация была такой, что без сомнения существовал определенный недостаток энтузиазма по поводу войны в целом у французов. Во течение этих недель военные между тем использовали выражение «картофельная война на Западе». Гитлер, как я могу судить из всего сказанного мне, не был заинтересован в решении о переносе войны на Запад, и мне кажется это являлось правдой для всех членов правительства. Я хочу напомнить вам речь рейхсмаршала Геринга об этом. Гитлер тогда произнес речь в Данциге, и мне кажется, позже где–то еще, возможно в Рейхстаге, мне кажется в Рейхстаге, в которой дважды сказал Англии и Франции на однозначном языке, что он всё ещё готов начать переговоры в любое время. Мы очень осторожно пытались выяснить слушая дипломатические круги о том каким было настроение во вражеских столицах. Но публичные ответы на речи Адольфа Гитлера четко демонстрировали, что не может быть мысли о мире.

Хорн: Что вы предпринимали с этого времени, чтобы избежать дальнейшего распространения войны?

Риббентроп: Это было, я хочу сказать, моим самым пламенным стремлением после завершения польской кампании попытаться локализовать войну, то есть предотвратить распространение войны в Европе. Однако, мне вскоре пришлось понять, что раз уж разразилась война, политика не всегда или скорее вообще не является решающим фактором в таких вопросах, и что в таких случаях начинают функционировать так называемые расписания генеральных штабов. Каждый хотел превзойти кого-то другого. Наши дипломатические усилия без сомнения были повсюду, в Скандинавии, как и на Балканах, против распространения войны. Вместе с тем, война шла своим чередом. Я хочу заявить о том, что по моим беседам с Адольфом Гитлером, я также был убежден в том, что немецкие военные того же мнения, Гитлер никоим образом не желал распространения войны куда-либо.

Хорн: Это правильно, что вы получили информацию которая указывала на планы западных держав вторгнуться в Рур?

Риббентроп: Да это правда. Тогда мы получали многочисленные доклады. Наша разведывательная служба была такой, что у нас было очень много каналов проводивших разведывательную работу. Все эти каналы вели к фюреру. Министерство иностранных дел имело относительно маленькую разведывательную службу, но скорее полагалось на официальные дипломатические каналы. Но мы тоже получали доклады и новости, которые, несомненно, позволяли сделать выводы. Мы в министерстве иностранных дел также получали доклады, указывающие на намерения западных держав продвинуться на территорию Рура при первой подходящей возможности. Обстановка на Западе была такой, что Западный Вал[238] был очень сильным военным барьером против Франции и это естественно вызывало идею, что такая атака может произойти с нейтральной территории, такой как Бельгия и Голландия.

Председатель: Сколько вам нужно времени доктор Хорн?

Хорн: Ваша честь, мне от часа до полутора часов.

Председатель: Что же, трибунал слушал с большим терпением очень большое число деталей. Все, что я могу сказать, это то, что по моему мнению преувеличенное внимание к деталям не даёт ничего хорошего в деле подсудимого. Мы сейчас прервемся.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 30 марта 1946*]

День девяносто пятый

Суббота, 30 марта 1946

Утреннее заседание

Пристав: С позволения трибунала, подсудимый Дёниц отсутствует в суде с утра.

Председатель: Да, доктор Хорн.

238 Западный вал или Западная стена (нем. Westwall), среди противников Германии также известен как «Линия Зигфрида» (нем. Siegfriedstellung) — система немецких долговременных укреплений, возведённых в 1936—1940 годах на западе Германии, в приграничной полосе от Клеве до Базеля — немецкая линия обороны на суше.

Хорн: 16 февраля 1923 конференция послов передала Литве суверенитет над территорией Мемеля, которая уже была аннексирована в 1923 неожиданной атакой литовских войск. Что заставило Гитлера издать директивы по реинтеграции территории Мемеля в 1939?

Риббентроп: Небольшая территория Мемеля, земля названная в национальном гимне, всегда была дорога сердцам всего немецкого народа. Военные факты хорошо известны. Он был передан под контроль союзных держав после Первой мировой войны и позднее захвачен и оккупирован литовскими солдатами coup de main[239]. Сама страна это древняя немецкая территория, и было естественно, что она должна была желать снова стать частью Германии. Уже в 1938, фюрер ссылался на эту проблему в моём присутствии, как на ту, которая должна была быть рано или поздно решена. Весной 1939 начались переговоры с литовским правительством. Эти переговоры привели к встрече между Урбшисом[240], литовским министром иностранных дел, и мной, и было подписано соглашение, посредством которого территория Мемеля снова должна была стать частью Рейха. Это было в марте 1939. Мне не нужно описывать страдания, которые пришлось вынести в прошлые годы. В любом случае это полностью соответствовало принципу самоопределения народов, что воля народа Мемеля была удовлетворена в 1939, и всё, что сделало соглашение, это восстановило совершенно естественное положение дел и всё равно бы было заключено рано или поздно.

Хорн: Прошло полгода после войны с Польшей. В чём, по вашему мнению, заключались решающие причины которые привели к войне?

Риббентроп: Я вчера дал об этом показания. Решающим фактором была английская гарантия Польши. Мне не нужно развивать это положение. Эта гарантия, в сочетании с польским менталитетом, создала невозможность переговоров с поляками или достижения с ними договорённости. Что касается самого начала войны, можно привести следующие причины…

1. Без сомнения…

Додд: С позволения вашей чести, я обобщаю этим утром и повторю своё вчерашнее утверждение о том, что я совсем не хочу вмешиваться в этот допрос. Но как сказал сам свидетель, мы уже проходили всё это вчера, мы вчера услышали всю историю уже по случаю вечернего заседания. Я говорю о том, что свидетель сам, до начала своего ответа, заявил о том, что он уже приводил причины войны вчерашним вечером, и я совершенно согласен. Я думаю для него совершенно ненужно проходить это снова. Я могу добавить в кавычках, что у нас есть большое сомнение об относимости или материальности даже в связи со вчерашним заседанием, но

---

239 Coup de main (с фр. — «удар рукой») — западный военный термин, обозначающий оперативный или тактический приём, направленный на достижение поставленных целей одним стремительным ударом с использованием эффекта внезапности. Термин также используется для обозначения сходных по характеру действий в политике и экономике (революций, внезапных поглощений и тому подобных).

240 Юозас Урбшис (1896 — 1991) — литовский дипломат, министр иностранных дел Литвы в 1938—1940 гг., переводчик.

разумеется нам не нужно слушать это снова.

Председатель: Что вы скажете на это, доктор Хорн?

Хорн: Я хочу сказать, что бывший германский министр иностранных дел, который обвиняется в совместной ответственности за агрессивную войну, может, вероятно, сказать несколько слов о решающих причинах, которые по его мнению привели к войне. Подсудимый, конечно, не должен повторять сказанное вчера. Я хочу, чтобы он привёл некоторые детали о положениях на которые он ссылался, вчера в целом, и это не займет много времени трибунала.

Председатель: Очень хорошо, доктор Хорн, допустимо, конечно, чтобы он не затрагивал те же темы, которые он проходил вчера.

Хорн: Пожалуйста, расскажите нам кратко о фактах определяющих ваше отношение.

Риббентроп: Есть всего несколько коротких фактов, которые я хочу упомянуть, и они касаются только событий этих последних двух дней:

Прежде всего, нет сомнений в том, что к 30 и 31 августа, Англия прекрасно осознавала чрезвычайную напряженность ситуации. Этот факт был сообщен Гитлеру в письме, и Гитлер сказал, что решение должно быть принято и найден путь решения проблемы, с максимально возможной скоростью. Об этом было письмо Чемберлена Гитлеру.

Во–вторых: Англия знала, что предложения Германии являлись разумными, так как мы знаем, что Англия имела эти предложения в ночь с 30 на 31 августа. Посол Гендерсон лично заявил о том, что предложения разумные.

В-третьих: поэтому было бы возможно, к 30 или 31 августа, намекнуть Варшаве и сказать полякам начать, какие-нибудь переговоры с нами. Это можно было сделать тремя разными способами: польский переговорщик мог прилететь в Берлин, что являлось, по словам фюрера, вопросом часа- полутора часов; или можно было организовать встреча между министрами иностранных дел или главами государств на границах; или еще, посла Липски могли просто проинструктировать хотя бы принять немецкие предложения. Если бы дали такие инструкции, кризис был бы предотвращен и можно было инициировать дипломатические переговоры. Сама Англия, желай она этого, могла бы направить своего посла представлять её на переговорах, что как акция, после всего, что случилось раньше, была бы воспринята в Германии очень благоприятно.

Однако, этого не произошло, и как я понял из документов, которые я впервые увидел здесь, ничего не было сделано в тот период для облегчения очень напряженной ситуации. Шовинизм привычен для поляков, и мы знаем из собственных слов посла Гендерсона, и из показаний господина Далеруса о том, что посол Липски использовал очень грубый язык для иллюстрации польского менталитета. Из-за того, что Польша прекрасно осознавала, что она в любых обстоятельствах, имеет поддержку Англии и Франции, она заняла отношение,

которое делало войну неизбежной во всех смыслах. Мне кажется, что эти факты действительно являются важными для исторического взгляда на весь период. Я хочу добавить, что я лично сожалел о таком развитии событий. Вся моя работа на протяжении 25 лет была разрушена этой войной, и до последней минуты я прилагал всевозможные усилия, чтобы предотвратить эту войны. Мне кажется, что даже документы посла Гендерсона подтверждают, что я делал это. Я говорил Адольфу Гитлеру о том, что наиболее пламенным желанием Чемберлена было иметь хорошие отношения с Германией и прийти с ней к договорённости, и я даже направил специального курьера в посольство для встречи с Гендерсоном, для того, чтобы рассказать ему насколько серьёзно фюрер желал этого, и сделать всё, что было в его власти, чтобы прояснить это своему правительству.

Хорн: Дания и Норвегия были оккупированы в апреле 1940. 31 мая 1939 вы заключили с Данией Пакт о ненападении и на основе этих фактов обвинение вменяет вам вероломную дипломатию. Когда и каким путем вы получили сведения о неминуемой оккупации Дании и Норвегии?

Риббентроп: Желанием фюрера и моим всегда являлось стремление сохранить нейтральную Скандинавию. Согласно политике Адольфа Гитлера, я делал все возможное для предотвращения распространения войны.

В один из дней апреля 1940 Гитлер вызвал меня в рейхсканцелярию. Он сказал мне о том, что он получил доклады утверждающие о том, что британцы были на грани оккупации Норвегии, или высадки там. Поэтому, он решил оккупировать Норвегию и Данию послезавтра утром. Я впервые услышал об этом. Я был поражен, и тогда фюрер показал мне документальные свидетельства, которые он получил от разведывательной службы. Он сразу же приказал мне подготовить ноты, информирующие норвежское и датское правительства о том, что германские войска собирались вступить в них. Я напомнил фюреру о наличии Пакта о ненападении с Данией, и о том, что Норвегия являлась нейтральной страной, и сказал ему о том, что доклады, полученные от нашей легации в Осло не предвещали никакого вторжения. Однако, когда мне показали документы, я осознал насколько тяжелым было положение и что эти доклады следует воспринимать серьезно.

Следующий день, я вместе с помощниками готовил дипломатические ноты для отправки самолётом к 8 апреля в Осло и Копенгаген. В тот день мы работали день и ночь, чтобы закончить эти ноты. Фюрер отдал приказы о том, чтобы эти ноты доставили незадолго до начала германской оккупации. Приказ был выполнен.

Насколько я знаю, оккупация Дании прошла без проблем. Мне кажется, вряд ли даже был хоть один выстрел. Как только мы оккупировали страну, мы провели переговоры с датским правительством Стаунинга[241], и подготовили

241 Торвальд Стаунинг (1873 — 1942) — датский государственный и политический деятель, премьер-министр Дании в 1924—1926 и 1929—1942 годах, первый государственный министр от социал-демократической партии в истории Дании.

соглашения о том, что всё должно быть идти в порядке и насколько возможно в дружественной атмосфере. Неприкосновенность Дании полностью гарантировалась, и вопросы решались, даже на поздних стадиях, сравнительно спокойно и упорядоченно.

Ситуация достаточно отличалась в Норвегии. Возникло сопротивление. Мы пытались сохранить короля Норвегии в стране и убедить его остаться. Мы вели с ним переговоры, но безуспешно. Он отправился на север, мне кажется в Нарвик, и таким образом в Норвегии больше не осталось возможности для переговоров. Как вам известно, Норвегия была оккупирована и создана гражданская администрация. После этой даты, Норвегия больше не касалась министерства иностранных дел, но одну вещь я хочу добавить, что фюрер периодически говорил мне о том, что эти меры являлись чрезвычайной необходимостью, и что документы найденные после высадки британских войск в Норвегии и опубликованные позднее, показывали, что оккупация этих стран и высадка в Норвегии долгое время несомненно планировалась Англией.

Частые аллюзии делали во время настоящего процесса на большие страдания норвежского и датского народов. Лично у меня такое мнение, что германская оккупация во всех смыслах предотвратила превращение Скандинавии в театр военных действий, и мне кажется, что таким образом норвежский и датский народы были избавлены от неслыханных страданий. Если бы началась война между Германией и скандинавскими странами, эти люди подверглись бы гораздо большим страданиям и лишениям.

Хорн: Вы имели какое-нибудь отношение к Квислингу[242] до оккупации Норвегии?

Риббентроп: Я должен объяснить, что имя Квислинга стало известно гораздо позднее. До оккупации Норвегии его имя ничего для меня не значило. Это правда, что господин Розенберг контактировал со мной в виду содействия пронемецким скандинавам в рамках бывшего Нордического движения и это было совершенно естественным. В этот период, мы также предоставляли фонды для газет, пропаганды и также для политических акций в Норвегии.

На этих дискуссиях, я отчетливо помню, ни разу не упоминались ни захват политической власти через определенные круги в Норвегии, ни военные операции.

Хорн: Какое влияние министерство иностранных дел имело в Дании после оккупации страны?

Риббентроп: После оккупации Дании министерство иностранных дел было представлено посланником при датском дворе. Позднее, в силу определенных событий – мне кажется будет слишком долго перечислять их – датское правительство ушло в отставку и был назначен уполномоченный Рейха. В Дании также был военный командующий и позднее высший руководитель полиции и СС.

---

242 Видкун Квислинг (1887 - 1945) — норвежский политический и государственный деятель, коллаборационист, национал-социалист, активно сотрудничал с Германией в период Второй мировой войны. Министр-президент Норвегии в 1942-1945 гг. Казнен по приговору норвежского суда.

Деятельность посланника при датском дворе была такой же как у обычного и очень влиятельного посланника, который пытался сглаживать все затруднения, которые естественно могли возникать во время оккупации, и позднее функция уполномоченного Рейха, согласно моим инструкциям, заключалась в том, чтобы обращаться с Данией, не как с врагом Германии, а как с другом. Это всегда являлось руководящим принципом в Дании и даже гораздо позже, когда более серьезные трудности возникли из–за интенсификации войны, в Дании было совершенно спокойно и тихо в эти долгие годы войны, и мы были очень сильно удовлетворены такими условиями.

Позднее, в связи с активностью вражеских агентов против наших мер и т.д., дела приняли более строгий оборот, уполномоченный Рейха всегда имел от меня инструкции не усугублять вещи, а сглаживать их и работать, продолжая хорошие отношения между датчанами и немцами. Его задача было не всегда простой, но в целом, мне кажется, он выполнял свою работу удовлетворительно.

Хорн: С какого времени и как вы получали доклады о намерении франко–британского генерального штаба включить Бельгию и Голландию в зону своих операций?

Риббентроп: Очевидно, большую важность придают этому вопросу в ходе слушаний. Ситуация была следующей: в 1937, Германия объявила, что она заключила соглашение с Бельгией, в котором Германия выражала уважение строгому нейтралитету Бельгии при условии, что Бельгия со своей стороны сохранит свой нейтралитет.

После польской кампании фюрер несколько раз говорил мне, что согласно его докладам разведки, противник намерен пересечь голландскую и бельгийскую территорию для атаки на Рур. Мы также иногда получали доклады такого рода, они имели твердую основу.

В любом случае, Адольф Гитлер верил, что атака на Рурский район который являлся самым жизненно важным немецким районом, была возможностью, с которой следовало считаться в любое время. У меня тогда было много дискуссий с фюрером, относительно важности бельгийского нейтралитета в целом для мира, но я также знал, что мы участвуем в борьбе, тяжелой борьбе крупного масштаба, где нужно применять совершенно другие стандарты.

В ходе событий, весной 1940, наши разведывательные доклады о подобной атаке становились всё конкретней, и я могу назвать документы, принадлежащие французскому генеральному штабу, и т. д., которые позже обнаружило и позднее опубликовало германское министерство иностранных дел, окончательно доказав, что доклады, которые получала Германия были абсолютной правдой, и что атака на Рурский район действительно постоянно рассматривалась противниками Германии, то есть, теми кто тогда был её противниками.

В связи с этим я хочу обратить внимание на документ касавшийся встречи

между премьер–министром Чемберленом и господином Даладье в Париже, на которой господин Чемберлен предложил атаку с целью разрушения жизненно важных промышленных районов Рура, через так называемые «дымоходы» Голландии и Бельгии. Мне кажется этот документ здесь и он одобрен защите.

Обстановка перед наступлением на Западе о котором решил фюрер, следовательно была такой, что нужно было ожидать нападения врага через эти крупные районы в любой момент. По этой причине он решил атаковать через этот район, через эти две нейтральных территории, и мне кажется, что после атаки – военные власти это подтвердят – дальнейшие документы были найдены и установлены факты, которые, насколько я помню, показывали, что тесное взаимодействие существовало между бельгийским, и мне также кажется голландским, генеральными штабами, и британским и французским генеральными штабами.

Конечно, это всегда является очень печальным вопросом в такой войне, нарушать нейтралитет страны, и вы не должны думать, что мы забыли о нём, так сказать, по взмаху руки. Мне это стоило множества бессонных ночей, и я хочу напомнить вам, что такие же вопросы возникали у другой стороны и других государственных деятелей, обсуждавших такие вопросы. Я напоминаю вам заявление о том, что «надоело думать о правах нейтралов», и это утверждение видного британского государственного деятеля Уинстона Черчилля.

Хорн: Что заставило Германию нарушить неприкосновенность Люксембурга?

Риббентроп: Люксембург находился в таком же положении, что Бельгия и Голландия. Это очень маленькая страна, и очевидно в войне такого масштаба любая армия не могла просто так обойти отдельно взятую страну. Но я хочу отметить всего одну вещь в связи с Люксембургом: прошлым летом 1939, мы начали переговоры с Францией и Люксембургом в виду заключения совершенно чётких пактов о нейтралитете закрепленных договорами. Сначала, переговоры, казалось шли очень хорошо, но они были внезапно прерваны Францией и Люксембургом. Тогда мы не поняли причины этого, но я знаю, что когда я сообщил об этом фюреру, это сделало его слегка недоверчивым в отношении мотивов имевших значение для другой стороны. Мы так и не узнали точной причины.

Хорн: Насколько министерство иностранных дел могло оказывать влияние во Франции после частичной оккупации страны?

Риббентроп: После оккупации или частичной оккупации Франции, хотя мы еще не заключили мира с Францией и на самом деле не было причины возобновлять дипломатические отношения, как только было объявлено перемирие, фюрер, по моей просьбе, назначил посла в правительство Виши[243]. Я особенно стремился к этому, так как моя цель всегда заключалась в том, чтобы прийти к тесному

243 Режим Виши или Вишистская Франция — коллаборационистский режим в Южной Франции, появившийся после поражения Франции в начале Второй мировой войны и падения Парижа в 1940 году.

сотрудничеству с Францией. Я хочу подчеркнуть, тот факт, что я возобновил свои усилия в этом направлении немедленно после победы и перемирия[244]. Я – фюрер с готовностью согласился с этим и также инициировал так называемую политику Монтуар[245] по моей просьбе, встретившись с маршалом Петэном[246] в Монтуаре после встречи с генералом Франко. Я присутствовал на этой встрече.

Мне кажется, я могу сказать в интересах исторической правды о том, что Адольф Гитлер обращался с главой побежденной французской нации вероятно беспримерно и следует сказать по-рыцарски. Не имеется параллелей в истории. Адольф Гитлер немедленно предложил маршалу Петэну близкое сотрудничество между Германией и Францией, но маршал Петэн, даже на первой встрече, занял подчеркнуто сдержанное отношение к победителю, и поэтому, к моему большому сожалению, первая встреча завершилась быстрее, чем я надеялся. Несмотря на это, мы продолжали пытаться проводить систематическую политику согласия и даже более близкого сотрудничества с Францией. Наш недостаток успеха был, возможно из-за естественного отношения Франции и воли влиятельных кругов. Германия пыталась прилагать любые усилия.

Хорн: Какое влияние вы лично, и германское министерство иностранных дел имели на условия в Бельгии после оккупации?

Риббентроп: У нас вообще не было никакого влияния на условия в Бельгии или Голландии. Фюрер создал военные и гражданские администрации, и министерство иностранных дел не имело дальнейшей связи с ними, помимо связного, который на практике не имел никакого или почти никакого отношения к этому. Я хочу добавить, что это довольно отличалось во Франции, постольку поскольку мы естественно были в состоянии оказывать определенное влияние на правительство Виши через нашего посла. Я делал так, например в вопросе финансов.

Мы много слышали в суде о деятельности господина Геммена[247]. Я хочу сказать о том, что, независимо от того, как были определены его полномочия, я назначил его с непосредственной задачей предотвращения инфляции и краха французской валюты. Это была задача специальная порученная Геммену. Даже если Франция больше политически не желала сотрудничать с Германией, она без сомнения имела для нас экономическое значение, и удержать её на твёрдой основе и сохранить её финансовую систему. Такой была реальная задача миссии господина

244 Компьенское перемирие 1940 года — перемирие, заключённое 22 июня 1940 года в Компьенском лесу между нацистской Германией и Францией и завершившее успешную кампанию немецких войск во Франции (май—июнь 1940 года). Результатом перемирия стало разделение Франции на оккупационную зону немецких войск и марионеточное государство, управляемое режимом Виши.

245 Политика французского коллабрационизма получившая название от города Монтуар во Франции в котором впервые встретились Гитлер и Петэн.

246 Анри-Филипп Петэн (1856 —1951) — французский военный и государственный деятель; маршал Франции (21 ноября 1918); видный участник Первой мировой войны. В 1940—1944 годах возглавлял авторитарное коллаборационистское правительство Франции, известное как режим Виши.

247 Ганс Геммен – немецкий дипломат, председатель группы по экономическим вопросам в германо-французской комиссии по перемирию.

Геммена.

Хорн: Какие планы имел Гитлер относительно его внешней политики после завершения кампании на Западе?

Риббентроп: После завершения кампании на Западе, я обсуждал дальнейшее развитие с фюрером в его ставке. Я спрашивал его о том, каковы его дальнейшие намерения относительно Англии. Фюрер и я тогда предложили, не лучше ли мы предпринять дальнейшую попытку с Англией. Казалось фюрер имел такую же идею и был доволен моим предложением сделать новое мирное предложение или попытаться заключить мир с Англией. Я спросил фюрера следует ли мне набросать договор для такого случая. Фюрер спонтанно ответил: «Нет, не надо, я сам это сделаю, то есть, пока это вообще не нужно».

Он сказал, слово в слово: «Если Англия готова к миру, есть только четыре пункта которые нужно урегулировать. Прежде всего, после Дюнкерка, я не хочу, чтобы Англия ни при каких обстоятельствах страдала от потери престижа, поэтому ни при каких обстоятельствах я не хочу такого мира».

Относительно содержания такого договора, он перечислил четыре пункта:

1. Германия готова признать во всех отношениях существование Британской империи.

2. Следовательно, Англия должна признать Германию величайшей континентальной державой, просто в силу размера населения.

3. Он сказал: «Я хочу, чтобы Англия вернула германские колонии. Я был бы удовлетворен одной или двумя, в связи с сырьем».

4. Он сказал, что хотел постоянного союза с Англией в жизни и смерти.

Хорн: Верно, что в конце 1939, вы услышали от Гитлера о том, что состоялись совещания между греческим и французским генеральными штабами и что французских офицеров направили в Грецию?

Риббентроп: Да, это верно. В политику фюрера входило предотвращение распространения войны, что было доверено мне, чтобы я бдительно следил за такими вещами, и конечно же, в особенности на Балканах, Адольф Гитлер желал при любых обстоятельствах удержать Балканы от войны.

Что касается Греции обстановка была следующей: Греция приняла британскую гарантию. Также, существовали близкие связи между Югославией и Англией, и в особенности Францией. От разведывательный службы фюрера и по военным каналам мы периодически слышали о штабных совещаниях между Афинами, Белградом, Лондоном и Парижем, которые предположительно проводились. Приблизительно в это время я вызывал греческого посланника по нескольким случаям и обращал его внимание на эти вещи. Я просил его быть очень осторожным и говорил ему о том, что у Германии нет никакого намерения предпринимать какие-либо шаги против греческого народа, который всегда нравился Германии.

Однако, поступали дальнейшие доклады разведки о том, что Британии дали разрешение создать военно-морские базы в Греции. Мне кажется - и все это привело к интервенции Италии, которой мы вовсе не желали, мне кажется рейхсмаршал Геринг уже обсуждал эту тему. Невозможно было предотвратить интервенцию, так как, когда мы прибыли во Флоренцию, я находился тогда с Адольфом Гитлером, для его совещания с Муссолини, было слишком поздно и Муссолини сказал: «Мы выступили».

Фюрер был очень взволнован и подавлен, когда услышал эти новости. Тогда нам пришлось делать всё возможное, что было в нашей силе, чтобы предотвратить распространение войны между Грецией и Италией. Югославская политика естественно была здесь решающим фактором. Я пытался любым возможным способом установить близкие связи с Югославией и склонить её к Тройственному пакту, который уже был заключен. Поначалу это было сложно, но с помощью принца–регента Павла[248] и правительства Цветковича[249], мы, наконец, смогли убедить Югославию присоединиться к Тройственному пакту. Однако, мы очень хорошо знали о том, что в Белграде была сильная оппозиция вхождению Югославии в Тройственный пакт и любого рода близкой связи с Германией. Тогда в Вене фюрер сказал, что подписание Тройственного пакта показалось ему похоронами.

Точно также, мы были очень сильно удивлены, когда, мне кажется это было 2 или 3 дня спустя после заключения этого пакта, правительство было свергнуто генералом Симовичем[250] и новое правительство которое сформировали определенно нельзя было описать как дружественное Германии.

Поступали доклады из Белграда о сотрудничестве с британским генеральным штабом. Мне кажется, американские наблюдатели в этой сфере информированы об этом, и во время последних нескольких месяцев я слышал из английских источников о том, что британские элементы играли роль в перевороте. Это было совершенно естественным, так как мы воевали.

Все эти события заставили фюрера вмешаться на Балканах, прежде всего, помогая Италии, которую отважное сопротивление греков поставило в сложное положение в Албании, и во–вторых, предотвращая возможную атаку с севера со стороны Югославии, которая могло сделать итальянское положение еще более серьезным или даже привести к сокрушительному поражению нашего итальянского союзника.

Такими были военные и стратегические факторы, которые заставили фюрера вмешаться и вести кампанию против Греции и Югославии.

248 Павел Карагеоргиевич (1893 — 1976) — регент Югославии с 9 октября 1934 по 27 марта 1941, в период малолетства короля Петра II.

249 Драгиша Цветкович (1893 — 1969) — юрист, государственный деятель Королевства Югославия. Премьер-министр Югославии в 1939-1941.

250 Душан Симович (1882 — 1962) — югославский военачальник, премьер-министр Югославии (27 марта 1941 — 12 января 1942; с апреля 1941 в изгнании)

Хорн: Если я правильно вас понял, Греция предоставила свою территорию в распоряжение британского флота перед итальянским нападением в октябре 1940, несмотря на тот факт, что она объявила о своем нейтралитете. Верно?

Риббентроп: В этом была суть военных докладов, которые я получал.

Хорн: В сентябре 1939, генерал Гамелен[251], тогда французский главнокомандующий, одобрил проект высадки союзников в Салониках. Когда Германия получила сведения об этом намерении?

Риббентроп: Мы впервые узнали точные детали из материалов французского генерального штаба в начале войны. Но я знаю, что с самого начала все доклады, которые фюрер получал из различных разведывательных ведомств Рейха, заставили его опасаться возможности нового фронта, который мог возникнуть в любой момент в Салониках, как произошло в Первую мировую войну, и что означало существенное распыление германских сил.

Хорн: В сентябре 1939 вы совершили вторую поездку в Москву. Какой была причина этого визита и, что там обсуждалось?

Риббентроп: Мой второй визит в Москву был необходим после завершения польской кампании. Я вылетел в Москву ближе к концу сентября, и тогда я получил сердечный прием. Ситуация тогда была такой, что нам нужно было создать понятные условия на польской территории. Советские войска оккупировали восточные регионы Польши, и мы оккупировали западные части до ранее согласованной демаркационной линии. Теперь нам нужно было установить чёткую демаркационную линию. Мы стремились укрепить наши связи с Советским Союзом и установить с ним сердечные отношения.

В Москве было достигнуто соглашение, устанавливающее четкую линию в Польше, и предусматривался экономический договор, ставящий экономические отношения на совершенно новую основу. Предусматривался комплексный договор регулировавший обмен сырьем и позднее его заключили. В то же время пакт политически перерос как известно, в договор о дружбе. Оставался один вопрос о территории Литвы. Ради создания доверительных отношений между Москвой и Берлином фюрер оказал влияние на Литву и предоставил России доминирование в Литве этим вторым договором, таким образом, теперь существовала чёткая договорённость между Германией и Советской Россией в отношении территориальных условий.

Хорн: Верно, что после предъявления ультиматума, русские оккупировали всю Литву, включая часть, которая пока была немецкой, без уведомления правительства Рейха?

Риббентроп: Об этом не существовало специального соглашения, но хорошо известно, что эти территории были действительно оккупированы.

---

251 Морис Гамелен (1872 — 1958) — французский генерал, главнокомандующий французской армией в начале Второй мировой войны.

Хорн: Какие дальнейшие русские меры вызывали у Гитлера тревогу по поводу отношения и намерений России?

Риббентроп: Различные вещи заставляли фюрера быть немного скептическим к русскому отношению. Первой была оккупация балтийских государств, которую я упоминал. Другой была оккупация Бессарабии и Северной Буковины после французской кампании, о которых нас просто проинформировали без предварительных консультаций. Король Румынии тогда просил у нас совета. Фюрер, верный советскому пакту, посоветовал королю Румынии принять русские требования и эвакуировать Бессарабию. В дополнение, война с Финляндией в 1940 привела к некоторому беспокойству в Германии, у немецкого народа были сильные симпатии к финнам. Фюрер сам чувствовал, что это следует учитывать. Было ещё два пункта которые следовало учитывать. Один заключался в том, что фюрер получил доклад об определенной коммунистической пропаганде на немецких фабриках, который предполагал русскую торговую делегацию в качестве центра такой пропаганды. Прежде всего, мы слышали о военных приготовлениях проводимых Россией. Я знаю, что после французской кампании он говорил со мною об этом вопросе по нескольким случаям и говорил о том, что приблизительно 20 немецких дивизий были сконцентрированы на восточно-прусской границе, и что очень большие силы, я между тем вспомнил число, я думаю около 30 армейских корпусов, как говорилось были сконцентрированы в Бессарабии. Фюрер был взволнован этими докладами и попросил меня изучить ситуацию. Он даже сказал о том, что по всей вероятности пакт 1939 был заключен с единственной целью диктовать нам экономические и политические условия. В любом случае, он предлагал предпринять контрмеры. Я указывал фюреру на опасность превентивных войн, но фюрер сказал о том, что германо–итальянские интересы, при всех обстоятельствах, если необходимо должно быть первыми. Я сказал, что надеюсь, что вопросы не зайдут так далеко, во всяком случае, мы должны приложить все усилия посредством дипломатических каналов, чтобы избежать этого.

Хорн: В ноябре, с 12 по 14 ноября 1940, если быть точным, русский комиссар иностранных дел Молотов посетил Берлин. По чьей инициативе состоялся визит и что было предметом обсуждения?

Риббентроп: Совещания с Молотовым в Берлине касалась следующих предметов: я могу отступить к тому, что когда мы попытались урегулировать вопрос с Россией по дипломатическим каналам, с разрешения фюрера, поздней осенью 1940, я написал письмо маршалу Сталину, и пригласил господина Молотова приехать в Берлин. Это приглашение было принято, и в беседе между фюрером и господином Молотовым обсуждались русско–германские отношения во всей полноте. Я присутствовал на этой дискуссии. Господин Молотов впервые обсуждал с фюрером русско–германские отношения в целом и затем перешёл к Финляндии и Балканам. Он сказал о том, что Россия имела жизненно важные интересы в Финляндии. Он сказал, что

когда определялись зоны влияния, было согласовано, что Финляндия должна быть включена в русскую сферу интересов. Фюрер ответил, что Германия также имеет обширные интересы в Финляндии, в особенности в отношении никеля, и кроме того, не следовало забывать, что в целом немецкий народ симпатизировал финнам, поэтому он, просил господина Молотова уступить в этом вопросе. Эта тема поднималась несколько раз.

В отношении Балкан, господин Молотов сказал о том, что он хотел пакта о ненападении с Болгарией, и в целом близких связей с Болгарией. Он также думал о создании там баз. Фюрер ответил, или даже спросил, обращалась ли Болгария с этим вопросом, но видимо это было не так. Фюрер затем сказал, что он не сможет выразить никакого мнения по данному вопросу пока не обсудит его с Муссолини, который являлся его союзником и которого естественно тоже интересовали Балканы.

Обсуждались многие другие положения, но на этой дискуссии не было достигнуто окончательного урегулирования. Дискуссия, скорее, протекала по линиям, которые, как мне показалось, не были наиболее рассчитаны на преодоление всех контрастов. Как только встреча завершилась, я попросил фюрера разрешить мне снова провести дискуссию с господином Молотовым и спросил его разрешает ли он мне, обсудить с господином Молотовым возможность присоединения России к Тройственному пакту. Тогда в этом заключалась одна из наших целей. Фюрер согласился и у меня была ещё одна долгая беседа с русским комиссаром по иностранным делам. В этой беседе обсуждались такие же темы. Господин Молотов упоминал жизненно важный интерес России в Финляндии; он также ссылался на глубокий интерес России в Болгарии, привязанность между русским и болгарским народами, и ее интересы в других балканских странах. Наконец было согласовано, что по возвращению в Москву он поговорит со Сталиным и попытается найти какое-то решение данного вопроса. Я предложил о том, чтобы они присоединились к Тройственному пакту и далее предложил, что я должен обсудить с фюрером различные положения, которые поднимались. Вероятно, мы еще могли найти выход. Общим результатом этой беседы было то, что Молотов отправился в Москву с намерением прояснить через посольства разногласия существовавшие между нами.

Председатель: Доктор Хорн, разумеется, так как эти переговоры не завершились каким–либо соглашением, они очень далеки от чего–либо, что мы рассматриваем. Вы же не предполагаете, что были какие–либо соглашения?

Хорн: Нет. Я хотел подтвердить, что Германия предпринимала попытки предотвратить конфликт с Россией.

Председатель: Никакого вопроса о конфликте с Россией не стояло на этих переговорах.

Хорн: Нет. Из всех попыток предпринятых Германией, и из показаний Риббентропа очевидно, что они хотели насколько возможно устранить любые разногласия,

которые могли привести к конфликту между Россией и Германией. Что касается преднамеренности – обвинение утверждает, что пакт с Россией был заключен с намерением нарушить его и напасть на Россию, то есть он был предназначен для нападения на Россию. Я хочу подтвердить показаниями, что дело не в этом.

Председатель: Мне это кажется на самом деле очень отдалённым. Этим собираются показать, что Риббентроп вступил в определенные переговоры с Россией, которые не дали результата. Это все. Можете продолжать доктор Хорн.

Хорн: В одном из своих предыдущих ответов вы говорили о концентрации войск на границе Восточной Пруссии назвав 20 немецких дивизий. Я полагаю, что вы допустили lapsus linguae[252].

Риббентроп: Я подразумевал русские дивизии. Фюрер, я знаю, часто упоминал это. Мне кажется, он говорил, что у нас была только одна дивизия во всей Восточной Пруссии.

Хорн: Были ли оккупация балканской территории русскими причиной вашей дискуссии с Молотовым?

Риббентроп: Я не совсем понял вопрос? Повторите, пожалуйста.

Хорн: Не являлась ли русская оккупация территории Балкан, а также балтийских государств причиной приглашения Молотова в Берлин?

Риббентроп: На Балканах нет, там не было русских оккупационных зон. Но это относилось к Бессарабии, которая не является балканской страной, в строгом смысле слова. Оккупация Бессарабии которая состоялась с удивительной скоростью, и оккупация Северной Буковины, которая не относилась к русской сфере влияния на дискуссиях в Москве, и которая была, как фюрер говорил тогда, на самом деле старой австрийской королевской провинцией, и оккупация балтийских территорий. Правда, что это вызвало у фюрера определённое беспокойство.

Хорн: Верно, что летом 1940 вы и Гитлер были проинформированы о том, что франко–британская военная комиссия находилась в Москве?

Риббентроп: Да – нет. Какое число, пожалуйста?

Хорн: Летом 1940; то есть после июня 1940?

Риббентроп: Да, это верно. Такие доклады периодически поступали, но я не могу сказать насколько это верно для лета 1940. Когда я прибыл в Москву в 1939, я обнаружил там французскую и английскую военные комиссии, с инструкциями от британского и французского правительства заключить военный союз между Россией, Англией и Францией. Это являлось частью политики которую фюрер в своей речи в Рейхстаге описал как «британская политика окружения», я думаю 28 мая, и о которой господин Черчилль в 1936 в посольстве дал мне понять.

Хорн: Верно, что эти совещания между…

Максвелл–Файф: Милорд, мне сложно понять это. Можно ли мне помочь? Свидетель ссылается на 1940? Я хочу выяснить, это был 1940 или 1939? В этом

---
252 Речевая ошибка, оговорка (лат.)

большая разница.

Председатель: Вы имеете виду английскую миссию? 1940, мне кажется.

Риббентроп: Я собирался ответить на это. Я уже сказал, что не совсем уверен о 1940, я только скажу, что эти доклады существовали. Я знаю, однако, что эта миссия была там в 1939.

Хорн: Во время визита Молотова в Берлин в 1940, были какие-нибудь упоминания того, что Россия не удовлетворена последним русско–финским мирным договором[253] и она намеревалась аннексировать всю Финляндию?

Риббентроп: Прямо так это не было, но это было ясно из отношения России считавшей Финляндию своей сферой влияния. Какие меры намеревалась предпринять Россия я не могу сказать.

Хорн: 5 апреля 1941 был заключен русско–югославский Пакт[254] о ненападении и дружбе. Какой эффект это соглашение произвело на Германию?

Риббентроп: Для фюрера это выглядело подтверждением того факта, что Россия отступила от политики 1939. Он считал это оскорблением, используя его слова, он сказал о том, так как он сказал, что заключил пакт с одним правительством и Россия спустя короткое время после этого заключило пакт с правительством которое было явно враждебным Германии.

Хорн: Это правда, что Гитлер тогда запретил вам предпринимать любые дальнейшие дипломатические шаги в связи с Россией?

Риббентроп: Это верно. Тогда я рассказал фюреру о том, что мы должны предпринять ещё более решительные усилия для достижения понимания отношения России. Он сказал, что это бесполезно, и он не думает о том, что отношение России изменится.

Хорн: В чем заключались причины, которые привели к конфликту с Россией?

Риббентроп: Я могу так сказать: зимой 1940–41 фюрер столкнулся со следующей ситуацией. Я думаю важно это прояснить.

Англия не собиралась заключать мир. Таким образом, отношение Соединенных Штатов Америки и России имели решающие значение для фюрера. Он сказал мне следующее об этом, у меня была очень долгая дискуссия с ним по этому вопросу, и я попросил его дать мне чётко определенные дипломатические директивы. Он сказал, что отношение Японии не было абсолютно безопасным для Германии; хотя мы заключили Тройственный пакт, в Японии работали сильные оппозиционные элементы этому и мы не могли знать какую позицию займет Япония, Италия оказалась очень слабым союзником в греческой кампании.

---

253 Московский мирный договор между СССР и Финляндией был заключён 12 марта 1940 года, завершив собой Советско-финскую войну 1939—1940 гг. Договор изменил советско-финскую границу, установленную Тартуским мирным договором (1920).

254 Договор о дружбе и ненападении между СССР и Королевством Югославия — соглашение, подписанное в Москве 5 апреля 1941 года между представителями Королевства Югославия и Советского Союза. Стороны соглашения обязывались воздерживаться от нападения друг на друга и соблюдать «политику дружественных отношений» в случае, если одна из них становилась объектом военных действий третьей стороны.

Поэтому, Германия, должна была держаться в одиночку.

После этого, он говорил об американском отношении. Он сказал, что он всегда хотел хороших отношений с Соединенными Штатами, но, что несмотря на крайнюю сдержанность, Соединенные Штаты становились всё враждебнее Германии. Тройственный пакт заключался с целью удержать Соединенные Штаты от войны, так как наше желание и наша вера заключались в том, что таким образом, те круги в Соединенных Штатах, которые работали ради мира и хороших отношений с Германией смогут усилится. Однако, нам это не удалось, так как отношение Соединенных Штатов не было благоприятным к Германии, после заключения Тройственного пакта. Основная идея фюрера и моя, а именно о том, что Соединенные Штаты вступив в войну в Европе, столкнутся с войной на два фронта и поэтому предпочтут не вмешиваться, не реализовалась.

Далее возник вопрос об отношении России и в связи с этим фюрер заявил следующее: у нас есть пакт о дружбе с Россией. Но Россия заняла отношение, которое мы уже обсуждали и которое вызвало о у меня определённую озабоченность. Следовательно, мы не знаем, чего ожидать от другой стороны. Все больше и больше докладывалось о перемещениях войск; он лично предпринял военные контрмеры, точный характер которых был мне неизвестен. Однако, его большая тревога заключалась в том, что Россия с одной стороны и Соединенные Штаты и с Британия с другой стороны могут выступить против Германии. Таким образом, с одной стороны, он вынужден был считаться с нападением России и с другой стороны объединенной атакой Соединенных Штатов и Англии, то есть крупномасштабных высадок на Западе. Все эти соображения окончательно заставили фюрера предпринять превентивные меры, начав по его собственной инициативе превентивную войну против России.

Хорн: В чём заключались действительные политические причины Тройственного пакта?

Риббентроп: Мне кажется, Тройственный пакт, был заключен в сентябре 1940. Обстановка была такой как я описал её, то есть, фюрер опасался, что Соединенные Штаты рано или поздно вступят в войну. По этой причине я хотел сделать все что мог, в сфере дипломатии, для усиления позиции Германии. Я думал, у нас есть в союзниках Италия, но Италия показала себя слабым союзником.

Так как мы не смогли склонить Францию на нашу сторону, единственным другом помимо балканских государств была Япония. Поэтому летом 1940 мы, пытались добиться близкого сотрудничества с Японией. Япония пыталась делать то же самое с нами и это привело к подписанию пакта. В сущности, целью пакта был политический, военный, и экономический союз. Однако нет сомнений в том, что он намечался как оборонительный союз, и мы рассматривали его таким с самого начала. Под этим я подразумеваю, что в первую очередь он планировался для удержания Соединенных Штатов вне войны, и я надеялся, что комбинация такого

рода в конце концов позволит нам заключить мир с Англией. Пакт сам по себе не базировался на каком–то плане агрессии или как часто утверждается мировом доминировании. Это неправда; целью было, его цель заключалась, как я уже сказал, составить комбинацию, которая позволит Германии установить новый порядок в Европе и также позволит Японии достичь приемлемого для неё решения в Восточной Азии, в особенности относительно китайской проблемы.

Вот о чем я думал, когда я вел переговоры и подписывал пакт. Обстановка была неблагоприятной, пакт мог вероятно сохранить Соединенные Штаты нейтральными и изолировать Англию, для того, чтобы мы могли прийти к компромиссному миру, возможность которого мы никогда не упускали из виду в ходе всей войны, и над чем мы постоянно работали.

Хорн: Какой эффект, согласно вашим посольским докладам, произвел аншлюс Австрии и Мюнхенское соглашение на Соединенные Штаты?

Риббентроп: Нет никакого сомнения, что оккупация Австрии и Мюнхенское соглашение способствовали гораздо более неблагоприятным чувствам к Германии у Соединенных Штатов.

Хорн: В ноябре 1938 американский посол в Берлине был отозван в Вашингтон для доклада своему правительству и нормальные дипломатические отношения с Германией были нарушены. Согласно вашим наблюдениям, какими были причины такой меры?

Риббентроп: Мы никогда не узнали о подробностях, и мы очень сожалели, так как это вынудило отозвать нашего посла из Вашингтона, по крайней мере, вызвать его для доклада. Однако, очевидно, что эта мера определялась отношением Соединенных Штатов в целом. Тогда стали постепенно происходить многие инциденты, убедившие фюрера в том, что рано или поздно они приведут Соединенные Штаты к войне против нас.

Разрешите мне назвать несколько примеров. Отношение президента Рузвельта впервые определилось в «карантинной речи» которую он произнес в 1937. Затем пресса начала энергичную кампанию. После отзыва посла обстановка стала более критической и такое влияние стало проявляться в каждой сфере германо-американских отношений.

Мне кажется, многие документы рассматривающие предмет опубликованы в то время, и что ряд из них представила защита, рассматривая например, отношение занятое дипломатами Соединенных Штатов во время польского кризиса; затем последовала политика «плати и бери[255]», которая помогала только врагам Германии; уступка эсминцев Англии; позднее так называемый закон о ленд–лизе[256];

255 Наименование торговой политики США связанной с принятием Акта о нейтралитете 1937, предусматривала возможность приобретения невоенных товаров в случае немедленной оплаты и вывоза собственным транспортом.
256 Ленд-лиз (от англ. lend — давать взаймы и lease — сдавать в аренду, внаём) — государственная программа, по которой Соединённые Штаты Америки поставляли своим союзникам во Второй мировой войне боевые припасы, технику, продовольствие, медицинское оборудование и лекарства, стратегическое сырьё, включая нефтепродукты.

и в других сферах дальнейшее продвижение Соединенных Штатах в Европу; оккупация Гренландии, Исландии и африканского континента, и т. д.; помощь, предоставленная Советской России после начала войны. Все эти меры усиливали убеждение фюрера в том, что рано или поздно он точно столкнется с войной против Америки. Нет сомнения в том, что в первую очередь фюрер не хотел такой войны, и могу сказать, что я лично, как я думаю, вы поймете из множества документов представленных обвинением, снова и снова делал все, что я мог в дипломатической сфере, для удержания Соединенных Штатов вне войны.

Хорн: Летом 1941 президент Рузвельт отдал американскому флоту так называемый «приказ на огонь» с целью защищать транспорты, везущие вооружения в Англию. Как Гитлер и германская дипломатия отреагировали на данный приказ?

Риббентроп: Для нас это было очень печальное событие. Я не компетентен, вдаваться в технические детали, но я точно помню, что Гитлер был сильно взволнован этим приказом. Мне кажется, это было в речи, на каком-то митинге, возможно в Мюнхене, но я не помню точно, тогда он ответил на эту речь и принял предупреждение в ответ на объявление. Я между тем помню форму которую принял его ответ, потому что, тогда я подумал, что она довольно странная. Он сказал о том, что Америка отдала приказ стрелять по немецким кораблям. «Я не отдавал приказа стрелять, но я приказал отвечать на огонь» - мне кажется, так он выразился.

Документальные свидетельства об этих событиях доходили до нашей дипломатической службы, но флот лучше информирован об этом предмете чем я. После этого, мне кажется, были протесты и публикаций о мерах, которые дают понять немецкое отношение, я не могу привести вам, точные подробности этих протестов, не ссылаясь на сами документы.

Хорн: Япония заранее уведомила о своем намерении напасть на Пирл–Харбор?

Риббентроп: Нет, не уведомила. Тогда я пытался убедить Японию атаковать Сингапур, потому что невозможно было заключить мир с Англией, и я не знал какие военные меры мы сможем предпринять с такой целью. В любом случае, фюрер распорядился о том, чтобы я делал все возможное в дипломатической сфере ослабления Англии и таким образом достижения мира. Мы верили в том, что это можно сделать с помощью нападения Японии на сильные позиции Англии в Восточной Азии. По этой причине я пытался убедить Японию, в то время, атаковать Сингапур.

После начала русско–германской войны, я также пытался заставить Японию атаковать Россию, так как я думал, что таким образом можно быстрее завершить войну. Однако, Япония не сделала этого. Тогда она сделала – она не сделала ни того ни другого, о чём мы её просили, но вместо этого, она сделала третье. Она напала на Соединенные Штаты в Пирл–Харбор. Эта атака стала для нас полной неожиданностью. Мы рассматривали возможность японской атаки на Сингапур, то есть Англию, или возможно Гонконг, но никогда не рассматривали

атаку на Соединенные Штаты своим преимуществом. Мы знали, что в случае нападения на Англию, существовала возможность, что вмешаются Соединённые Штаты, естественно такой вопрос мы часто рассматривали. Однако мы сильно надеялись на то, что этого не случиться, и что Америка не вмешается. Первые новости об атаке на Пирл–Харбор я получил от берлинской прессы, и затем от японского посла Осимы[257]. Я хочу сказать под присягой о том, что все другие доклады, версии, или документальные свидетельства совершенно ложные. Я даже хочу заявить о том, что атака была неожиданностью даже для японского посла, по крайней мере, он так мне сказал.

Хорн: Ваша честь вы желаете прерваться сейчас?

Председатель: Доктор Хорн, как много времени вам нужно?

Хорн: Немного, ваша честь. Я скажу 15 или 20 минут.

Председатель: Очень хорошо, у нас перерыв на 10 минут.

[*Объявлен перерыв*]

Хорн: Какие соображения заставили Гитлера и вас вступить в войну против Соединенных Штатов на стороне Японии?

Риббентроп: Когда пришли новости о Пирл–Харбор, фюрер принял решение. Текст Тройственного пакта обязывал нас оказать содействие Японии только в случае нападения на саму Японию. Я пошёл к фюреру, объяснив правовой аспект ситуации и сказал ему, что хотя мы приветствовали нового союзника против Англии, это означало для нас наличие нового противника, или с кем пришлось бы иметь дело если бы мы объявили войну Соединенным Штатам.

Фюрер тогда решил, что Соединенные Штаты уже стреляют по нашим кораблям и соответственно практически создали состояние войны, следовательно, это был вопрос формы, или по крайней мере, что такое официальное объявление войны могло возникнуть в любой момент, в результате инцидента, и о том, что в долгосрочной перспективе было невозможно, чтобы такое положение в Атлантике продолжалось без германо–американской войны.

Тогда он проинструктировал меня подготовить ноту, которую он впоследствии изменил, и вручить американскому послу его бумаги.

Хорн: Как министерство иностранных дел взаимодействовало с немецкими союзниками во время войны?

Риббентроп: Мы естественно имели близкое сотрудничество Италией. Но под этим я подразумеваю, что далее в ходе войны, мы были вынуждены во всех смыслах взять ответственность за все военные операции на себя, или, по крайней мере, совместную ответственность.

---

257 Хироси Осима (1886 — 1975) — барон, генерал Императорской Армии Японии, посол Японии в нацистской Германии во время Второй мировой войны.

Сотрудничество с Японией был очень сложным, по той простой причине, что мы могли держать связь с японским правительством только по воздуху. Время от времени мы также имели контакты с ними с помощью подводных лодок, но не существовало координации военного или политического плана кампании. Мне кажется, что взгляд генерала Маршалла[258] на это правильный, а именно о том, что не существовало никакого близкого стратегического взаимодействия или планирования, и на самом деле, такого не было.

Хорн: Каким было сотрудничество с Италией?

Риббентроп: Как я уже сказал, мы естественно имели очень близкое сотрудничество с Италией, но возникали сложности из множества разнородных влияний, и Италия зарекомендовала себя, с самого начала, как очень слабого во всех отношениях союзника.

Хорн: Почему, во время русской кампании, вы предложили Гитлеру заключить сепаратные мирные соглашения?

Риббентроп: Определенная атмосфера доверия между советским правительством и нами была создана в Москве, между Сталиным, Молотовым и мной, и также распространилась на фюрера. Например, фюрер говорил мне о том, что он имел доверие к Сталину, которого он считал одним из самых великих людей в истории, и чье создание Красной Армии он считал огромным достижением, но нельзя сказать, что может случиться. Сила Советов возросла и развивалась чрезвычайно. Было сложно понять, как иметь дело с Россией и снова договориться с ней. Я всегда пытался, по дипломатическим и другим каналам, в определенной степени поддерживать контакт, потому что я всё ещё верил и надеялся, что какой-нибудь мир можно заключить который освободит Германию на Востоке и позволит сконцентрировать её силы на Западе и даже, приведет, вероятно, к общему миру. Имея это в виду, в первый раз я предложил фюреру зимой 1942, это было до Сталинграда, чтобы с Россией было достигнуто соглашение. Я сделал это после англо–американской высадки в Африке, которая вызвала во мне большие сомнения. Адольф Гитлер - я встретил его в поезде в Бамберг – решительно отверг идею любого такого мира или мирного зондажа, потому что он думал о том, что если об этом станет известно, это могло создать дух пораженчества, и т. д. Тогда я предложил ему, что мы должны вести мирные переговоры с Россией на очень умеренной основе.

Во–вторых, в 1943, я снова советовал фюреру в длинном письменном изложении, искать такой мир. Я думаю это было после краха Италии, тогда фюрер был открыт к рассмотрению такого мира, и он подготовил возможную взаимную демаркационную линию, которую можно было принять и сказал, что он даст мне точно знать на следующий день. Однако, на следующий день, я не получил никакого

258 Джордж Кэтлетт Мршалл-мл. (1880 — 1959) — государственный и военный деятель США, генерал армии (18 декабря 1944), инициатор плана Маршалла, лауреат Нобелевской премии мира. Занимал посты начальника Генштаба, государственного секретаря и министра обороны.

разрешения или указания от него. Я думаю, что фюрер, возможно, почувствовал, что было невозможно залечить рану между национал–социализмом и коммунизмом и, что такой мир будет не более чем перемирием.

Я предпринял ещё одну или две попытки, но фюрер придерживался взгляда о том, что следует сначала добиться решающего военного успеха, и только после этого мы сможем начать переговоры, иначе переговоры будут бесполезны.

Если бы меня попросили выразить мнение о том были бы такие переговоры успешны, я скажу, что думаю это весьма сомнительно. Мне кажется, что, учитывая жесткую позицию занятую нашими оппонентами, в особенности Англией, даже с начала войны, у Германии никогда не было реального шанса добиться мира и это было хорошо и для Востока и для Запада. И я убежден, что с формулировкой Касабланки[259] с требованием безоговорочной капитуляции, возможность полностью прекратила существовать. Я основываю свое мнение не на чисто абстрактных соображениях, а на постоянных прощупываниях, шедших по непрямым каналам, часто неопознанным с другой стороны и которые выражали мнение важных личностей направлявших политику в этих странах. Они решились сражаться до печального конца. Я думаю, фюрер был прав, когда он говорил о том, что такие переговоры не ни к чему не приведут.

Хорн: Перейдем к другому предмету, свидетель Лахузен[260] дал здесь показания о том, что в сентябре 1939 в личном поезде Гитлера состоялась беседа, на которой вы также присутствовали, и который касалась разжигания восстания в польской Украине. Что привело к этой беседе и какую роль вы играли в дискуссии?

Риббентроп: Я помню, что в ходе польской кампании адмирал Канарис, который являлся тогда начальником контрразведывательной службы Вермахта, пришел ко мне, как он иногда делал, когда совершал короткие личные визиты. Я находился в своём купе поезда фюрера. Я не помню, чтобы присутствовал свидетель Лахузен, у меня сложилось впечатление, когда я увидел здесь господина Лахузена, что я не видел его раньше. Канарис приходил ко мне время от времени рассказывая о своей деятельности в разведке и других сферах. Он сделал это по такому случаю, и мне кажется это он сказал мне о том, что он направил всех своих агентов на возбуждение мятежа среди украинцев и других меньшинств в тылу польской армии. Он разумеется не получал ни инструкций ни директив от меня, как здесь предполагали - и не мог никаких получить, по двум причинам:

1. Германский министр иностранных дел не имел возможности давать какие-то директивы военному чиновнику.

---

259 Касабланкская конференция 1943 года — секретные переговоры, проходившие во время Второй мировой войны в период с 14 по 24 января 1943 года в марокканской Касабланке между президентом США Франклином Д. Рузвельтом, премьер-министром Великобритании и членами Объединённого комитета начальников штабов США и Великобритании.

260 Эрвин Лахузен (1897 — 1955) — австрийский военачальник. В 1939-1944 занимал ряд руководящих постов в военной разведке Германии.

2. В начале польской кампании, германское министерство иностранных дел вообще не касалось вопроса Украины, и похожих вопросов – или в любом случае не я. Я даже не был достаточно знаком с деталями, чтобы можно было давать указания.

Хорн: Обвинение представило циркуляр изданный министерством иностранных дел…

Риббентроп: Могу я сказать, кое-что ещё? Свидетель Лахузен предположил, что я говорил о том, что нужно сжигать дома или нужно сжигать деревни и убивать евреев. Я хочу категорически заявить, что я никогда не говорил такого.

Канарис тогда находился со мной в моем вагоне, и возможно, хотя я и не помню точно, я мог видеть его уходящим. Видимо он получил инструкции, которые исходили от фюрера о том какое отношение следует занимать к Польше касательно украинского и других вопросов. В заявлении приписываемом мне нет смысла потому что особенно в Украине, украинских деревнях это были украинцы, живущие в них, и они не являлись нашими врагами, а были друзьями, мне было бы совершенно бессмысленно говорить о сожжении этих деревень. Во–вторых, относительно убийств евреев, я могу лишь сказать, что это полностью противоречило моему внутреннему убеждению, и что убийство евреев тогда никому не приходило в голову. Короче, я могу сказать, что все это абсолютная неправда. Я никогда не давал указаний такого рода. Могу я добавить, что я помню о том, что господин Лахузен сам не вполне убежден в том, что я делал такое заявление; по крайней мере, у меня сложилось такое впечатление.

Хорн: Вам есть, что-то сказать о циркуляре министерства иностранных дел представленному обвинением и содержащим заголовок «Еврейский вопрос как фактор внешней политики в 1938 году»?

Риббентроп: Я впервые увидел этот циркуляр здесь. Факты таковы: существовал отдел министерства иностранных дел, который занимался партийными вопросами и вопросами идеологии. Это ведомство, несомненно, сотрудничало с компетентными ведомствами партии. Это не было само министерство иностранных дел. Я увидел циркуляр здесь. Мне он показался в таких же чертах, как и большинство циркуляров принимаемых тогда для информации и подготовки чиновников, и тому подобного. Даже может быть он проходил через меня, но я думаю, что тот факт, что он подписан начальником отдела, а не мной лично или государственным секретарем, должен доказывать, что я не посчитал циркуляр очень важным, даже если я и видел его. Даже если он прошёл через мое ведомство или был мне передан каким-то другим способом, я разумеется не читал его, потому что в принципе не читал такие длинные документы, а попросил своих помощников дать мне краткую сводку о содержании. Я могу добавить, что я получал сотни писем в ходе рабочего дня, некоторые из них зачитывали мне, и также циркуляры и распоряжения, которые я подписывал, и много такого, с чем я лично не знакомился. Однако я желаю заявить,

что если один из моих чиновников подписал циркуляр, безусловно, я принимаю за это полную ответственность.

Хорн: Обвинение несколько раз говорило о Женевской конвенции. Ваше имя также часто упоминалось в этой связи. Каким было ваше отношение к Женевской конвенции?

Риббентроп: Мне кажется, и многие подтвердят и могут подтвердить, что с самого начала войны министерство иностранных дел, и я всегда любым способом поддерживали Женевскую конвенцию. Я хочу добавить, что военные власти всегда выражали большое понимание этих вещей – по крайней мере, в вопросах с которыми я сталкивался. Если, позднее, это не привело к хорошему во всех смыслах, это было в силу невзгод войны, и возможно жестокости фюрера.

Что касается лётчиков-террористов я должен заявить, что в 1943 и 1944 английские и американские воздушные налёты постепенно стали ужасной угрозой для Германии. Я увидел это впервые в Гамбурге, и я помню это событие, потому что я тогда находился с фюрером, и я описал ему ужасное впечатление сложившееся у меня. Мне не кажется, что тот кто не испытал такой налёт может представить, что это означало. Очевидно, что мы, немцы и особенно Адольф Гитлер, постоянно искали средства для преодоления этой угрозы.

Я также должен отметить ужасную атаку на Дрезден, и я хочу попросить разрешения Трибунала назвать имя свидетеля, бывшего датского посланника Рихарда, который во время атаки находился там и описал её мне два дня спустя. Следовательно, самоочевидно, что проблема лётчиков-террористов должна была как-нибудь решена фюрером. Это шло вразрез с нашим взглядом, постольку поскольку мы хотели найти решение которое бы не нарушало Женевскую конвенцию или, по крайней мере, решение, о котором можно было объявить нашим врагам. Мое ведомство прямо не касалось этого вопроса, так как мы не имели никакого отношения к проблемам обороны, которыми занимались военные власти, полиция и ответственные за внутреннюю полицию. Но мы косвенно касались там где затрагивалась Женевская конвенция, и моя точка зрения, которую я часто выражал, заключалась в том, что если следовало предпринять какие-то шаги то следовало опубликовать официальную прокламацию, дав определение лётчиков-террористов, и говоря о том, что эти осуждённые лётчики-террористы или летчики подозреваемые в атаках на гражданское население должны будут судимы военно-полевыми судами. Женеву тогда бы официально уведомляли о таких мерах или подготовке мер, и тогда бы противник был проинформирован через гарантирующие державы. Летчиков, признанных виновными в умышленных террористических налётах военно-полевыми судами приговаривали бы; если нет, они получали бы обычный статус военнопленных. Но это никогда не проводили на практике. Это не являлось моим предложением, но идеей, которую я высказал фюреру в ходе бесед по одному или двум случаям и которая никогда не воплотилась на практике, потому

что, на практике было невозможно определить понятие этих налётов. Мне кажется было сделано некое упоминание о совещании, предположительно состоявшемся в Клессхейме во время которого я высказался о предложении или поддержал далеко идущие меры. Я помню довольно четко, что такого совещания не было. Мне не кажется, или по крайней мере я не помню, чтобы я, когда-нибудь обсуждал этот вопрос с Гиммлером, с которым я уже не находился в хороших отношениях, или с Герингом, которого я не видел очень часто. Мне кажется, что возможно, этот предмет поднимался в беседе во время официального визита в Клессхейм, как часто случалось с фюрером, но что я не знаю большего. Я знаю одну вещь, что если ссылку делали на более тщательное предложение исходившее от меня, это может относиться только к следующему: тогда мы стремились прийти к чёткому определению этих атак лётчиков-террористов и в ходе дискуссии выдвигались различные предложения для определения разных типов атак, таких как воздушные атаки пулемётами, как террористических атак. Возможно, что эта записка, или что бы это ни было возникла таким образом: что заинтересованное лицо знало о моих взглядах, то есть, человек пытался найти практическое решение, если к нему можно было прийти, официально соглашаться с Женевской конвенцией или мог, по крайней мере, обсудить это с Женевой.

Ещё один документ, представлен в связи с этим. Мне кажется, это было предложение об экспертном мнении по данному вопросу от министерства иностранных дел. Я точно не помню, как именно появилось это экспертное мнение, было ли это сделано по моим приказам или являлось ли это результатом дискуссии с заинтересованными властями Вермахта, который хотел знать мнение министерства иностранных дел. Все что мне известно это то, что Вермахт всегда придавал большое значение точной осведомлённости о нашем мнении относительно Женевской конвенции. Однако, я помню это экспертное мнение, и то, что видел его. Было сказано, что я его одобрил. Слишком много времени уйдёт на то, чтобы вдаваться в подробности, но это неправильно. Я помню, что я вручил экспертное мнение фюреру как очень важный вопрос, который я не мог разрешить в одиночку. Я думаю, что фюрер, или я помню довольно точно, фюрер тогда отклонил это как бессмыслицу, таким образом, фюрер плохо принял это экспертное мнение. В ходе дальнейших событий все мы слышали, потому что мы косвенно касались, что никакой такой приказ не отдан ни фюрером, ни каким-то ведомством Вермахта, потому что Вермахт разделял с нами эти самые взгляды на этот предмет. Признаюсь, я не знаю деталей, но я могу сказать с абсолютной определённостью, что с того времени как этот вопрос обороны от лётчиков-террористов находился на рассмотрении и после, я не слышал ни об одном случае самосуда. Я не слышал о том, чтобы это происходило пока не оказался здесь.

Хорн: Недавно сюда доставили свидетеля Далеруса. Как долго вы знали Далеруса?

Риббентроп: Мне кажется, я впервые увидел Далеруса здесь. Конечно, возможно,

что я мог видеть его с расстояния или возможно в рейхсканцелярии во время одного из его видимо частых визитов к фюреру. Но я не помню его, и когда я увидел его здесь у меня сложилось впечатление, что я никогда не видел его раньше.

Хорн: Вы могли оказывать влияние на самолёты посетителей рейхсканцелярии?

Риббентроп: Нет, я не имел такого влияния.

Хорн: Еще один вопрос по другому предмету. Какая недвижимость находилась в вашем распоряжении в официальном качестве министра иностранных дел?

Риббентроп: Недавно британский обвинитель заявил о том, что начав с одного дома, у меня позднее было шесть. Я хочу прояснить вопрос для суда. После потери всего своего состояния в Америке, я снова стал довольно состоятельным в результате своей работы. Как таким, так и другими способами, также, я имел определенные возможности и также имел накопления родственников моей жены. Я построил дом в Берлин–Далем в 1922-23 и купил там несколько участков земли. Мы жили там много лет. Кроме того в 1934, я хочу подчеркнуть факт, что это не имело никакого отношения к моей политической деятельности, потому что тогда я только начал её, я купил маленький дом и поместье Зонненбург рядом с Берлином, из накоплений жены которые унаследовала жена, я думаю, и из своих накоплений.

Ещё один – или должен сказать, что с того времени я не приобрёл ни квадратного метра имущества в Германии или где-то ещё. Другие дома названные британским обвинителем, то есть, так называемый замок Фушль это известно, потому что разных зарубежных государственных деятелей принимали там во время войны. Это на самом деле не замок, а башня, старая охотничья башня архиепископа Зальцбурга. Фюрер предоставил ее в мое распоряжение, как крышу над головой, когда я бывал в Оберзальцберге, потому что он не хотел, чтобы я останавливался в отеле, который всегда был переполнен, и мог бы брать с собой своих сотрудников. Фушль никогда не являлся моей личной собственностью, а так называемым учреждением министерства иностранных дел, которое принадлежало исключительно государству и содержалось государством. Я знал бывшего владельца замка или башни только по имени и поэтому я не могу дать о них информацию. Я только слышал о том, что здание было конфисковано правительством Рейха, вместе с другой собственностью принадлежащей политическим противникам в Австрии.

Второй дом, упоминавшийся здесь, был как я думаю, домом в Словакии. Был также вопрос о третьем доме в Судетах, который предполагался как собственность графа Чернина. Мне кажется, я тоже смогу это объяснить. Факты таковы: фюрер дал мне разрешение готовить охотничьи вылазки, на которые я мог приглашать зарубежных государственных деятелей с целью более неформальных разговоров. Я тоже был охотником, таким образом министерство иностранных дел, то есть правительство Рейха, взяло в аренду землю каких-то фермеров в Судетах для охотничьих нужд, вместе с подходящим впечатляющим домом. Мне кажется, их

арендовали пару лет, их даже не купили. То же самое было сделано с охотничьими угодьями в Словакии. Я не думаю, что это была наша собственность. Словацкое правительство предоставляло их в наше распоряжение на несколько дней каждый год, для охоты на лосей. Была охотничья хижина в которой я раз или два в году проводил 2 или 3 дня, но это не имело никакого отношения к моему имуществу.

Называлось ещё одно место, дом под названием Таннек. Я могу отметить, что я никогда не видел этот дом, находящийся, как мне кажется, в Рейнланде. Согласно описанию, которое я получил, это маленький дом занятый человеком ответственным присматривать за несколькими лошадьми. Я ранее служил в кавалерии и интересовался лошадьми, которые приобретались во Франции государством, у известного гоночного конезаводчика Ага-Хана[261] в Нормандии, так как в противном случае он бы разорился. Я хочу подчеркнуть тот факт, что полная компенсация, я всегда уделял этому особое внимание, оплачивалась за лошадей, что как я думаю Ага–Хан с радостью подтвердит. Они доставлялись в Германию с полного согласия фюрера, хотя он не особо интересовался лошадьми, но он понимал мою точку зрения. Этих лошадей должны были позднее передать конному заводу Грабиц, который принадлежал правительству Рейха.

Если трибунал позволит, я хочу сказать, что касается моих личных дел, мой защитник представит необходимые показания. Тогда я дал указание, о том, что не хочу иметь ни рейхсмаркой больше в конце пребывания в должности чем я имел в начале, за исключением двух подарков которые я получил от фюрера, но большинство которых, или часть из них тратились на меня государством на мои официальные расходы.

Хорн: И самый последний вопрос: во время вашей деятельности, относительно внешней политики, вы видели какую-нибудь возможность реализации пересмотра приемлемую для Германии, но которая не материализовалась?

Риббентроп: Именно это было той большой проблемой, из которой в окончательном анализе, возникла война. Как часто говорил мне Адольф Гитлер, он хотел выстроить идеальное социальное государство в Европе, после решения проблем, которые он признавал жизненно важными. Он хотел строит здания и т. д.; в этом заключалась его цель. Итак, реализации этих целей определённых фюрером как жизненно важные, сильно препятстовала политическая система, которая в целом была создана в Европе и мире.

Мы, фюрер и затем я, лично по его приказу, как мне кажется, я могу быть главным свидетелем, всегда пытались решать эти проблемы через дипломатические и мирные каналы. Я провел много ночей над Лигой наций – дни и ночи над параграфом 19 устава Лиги наций, но сложность заключалась в том, что фюрер был не в состоянии, или был убеждён в том, что просто невозможно достичь результатов

261 Мухаммад-шах Ага-хан III (1877 — 1957) — 48-й имам мусульманской шиитской общины исмаилитов (ага-хан). Всю жизнь боролся за независимость Индии, отстаивал также национальные интересы Пакистана. Председатель Лиги Наций (1938—1939).

путем переговоров – по крайней мере, не имея за собой сильных вооруженных сил. Ошибка заключалась, как мне кажется, в том, что, хотя параграф 19 был очень хорошим параграфом устава Лиги Наций, и таким который мы все готовы подписать и соблюдать или который мы подписали и соблюдали бы, не подразумевая его применение на практике. Это постепенно создавало ситуацию в которой державы, и это совершенно естественно, которые хотели сохранить состояние окаменения, как я могу назвать это, или статус кво, противостояли любым шагам предпринимаемым Германией, что конечно, вызывало реакцию со стороны фюрера, пока наконец не была достигнута точка, самая трагическая точка, в которой великая война началась с вопроса подобного Данцигу и коридору, которые могли быть решены относительно легко.

Хорн: У меня больше нет вопросов.

Председатель: Доктор Хорн, я не думаю, что сегодня можно продолжить с допросом свидетеля, но трибунал приветствует ваше содействие и содействие обвинения по поводу ваших документов, если вы сможете сказать нам как обстоит дело с вашими документами, и может ли обвинение сказать нам о том насколько оно смогло просмотреть эти документы поскольку их переводили, и насколько оно способно обдумать то каким документам, оно желает возразить и какие документы оно готово допустить в качестве доказательств. Вы можете сказать нам о том какое положение с этими документами, сколько ваших документов перевели?

Хорн: Господин из британского обвинения сказал мне этим утром о том, что английская документальная книга будет готова к понедельнику, и что я могу обсудить с ним вопрос о допуске документов. Он также сказал мне о том, что британское обвинение всё урегулирует с другими делегациями обвинения, таким образом во вторник я должен быть готов предъявить остальные документы и как мне кажется, это можно будет сделать за два или три часа. Я хочу предъявить эти документы группами и не желаю много читать из них, а только объясню трибуналу свою причину просить о них вынесения уведомления.

Председатель: Вы сказали, не так ли, о том, что вы не займете больше двух-трёх часов, чтобы объяснить документы после того как договоритесь с обвинением?

Хорн: Да.

Председатель: И у вас есть какие-то другие свидетели для вызова кроме подсудимого?

Хорн: Нет. Я хочу только предъявить письменные показания запрошенного мною свидетеля, легационного советника Готтфридсена, касающиеся личных финансовых обстоятельств подсудимого фон Риббентропа, бывшего министра иностранных дел. Готтфридсен являлся сотрудником министерства иностранных дел, чьей задачей было следить за официальным доходом министра иностранных дел и который также очень хорошо знаком с его личными финансовыми делами. Он может дать сведения о личной и официальной недвижимости принадлежавшей министру иностранных

дел и министерству иностранных дел. Я собрал эту информацию в форме нескольких вопросов в письменных показаниях. Если обвинение не возражает этим письменным показаниям, я могу опустить вызов свидетеля Готтфридсена. Однако, если обвинение хочет его явки, тогда я опрошу его о содержании письменных показаний.

У меня нет других свидетелей для подсудимого фон Риббентропа. Когда все мои документы представят, дело защиты будет закончено.

Председатель: Обвинение выскажет свой взгляд на это?

Максвелл-Файф: Милорд, что касается британского обвинения, сейчас мы имеем шесть документальных книг, я думаю, до номера 214, грубо говоря две-трети документов которые желает предъявить доктор Хорн, и мы смогли дойти до номера 191. Я составил список который очень кратко изложен – я могу вручить один суду и другой доктору Хорну – тех документов, которым мы возражаем. Я считаю, мы возражаем где-то 70-80, между номерами 45 и 191, может немного больше. Как я думаю, советская делегация сможет заявить свои возражения, которые практически полностью соответствуют нашим, хотя и готовились по-отдельности. Господин Шампетье де Риба имел, по крайней мере, две группы документов которым он желал заявить возражения. Думаю, я могу сказать, что господин Додд более менее оставил это на меня и выступает в согласии с взглядом британской делегации. Таким образом, положение такое. Возможно, было бы удобнее, если бы я вручил очень ограниченный список возражений в настоящий момент.

Председатель: Трибунал хочет знать, сэр Дэвид, какое положение у обвинения с переводом документов. Вы помните о том, что трибунал распорядился о том, чтобы обвинение возражало документам, по возможности, до их перевода, таким образом избегая ненужных переводов, в случае любого разногласия между обвинением и защитой по любому вопросу следовало обращаться к трибуналу. Была мысль о том, что было очень много документов которые можно согласовать таким образом, и избежать работы и времени для перевода.

Максвелл-Файф: Да, наша трудность с этими документами заключается в том, что мы приложили все усилия для того, что сформулировать наш взгляд на индекс, но это очень сложный вопрос, сформировать взгляд, когда у вас есть только краткое описание в одну с половиной строчку о документе. Но может быть, что было бы наиболее практичным способом делать так, несмотря на трудность. Если бы обвинению дали индекс с хорошим описанием о возможном документе, тогда бы обвинение сформулировало свои возражения об индексе, и трибунал заслушал любые явные разногласия до перевода документов, я считаю, боюсь, я говорю приблизительно, это нужно попробовать. В противном случае, у вас получиться ужасный завал в отделе переводов трибунала, к которому мы придём со своими полными и многочисленными возражениями, но застопорив перевод всех документов относящихся к последующему разбирательству. Поэтому я должен быть

готов, и думаю, мои коллеги меня поддержали бы – попробовать, если трибунал считает, что это можно сделать, вручить возражение списку документов и понять можно ли так прийти к результатам которые позволят избежать ненужного перевода.

Председатель: Не будет ли содействием для обвинения, предложить, что защитники должны вручать ему все документы на немецком языке также с полным индексом на английском языке и тогда обвинение или какой-то член обвинения, который знаком с немецким языком сможет изучить документы на немецком языке и тогда обвинение сможет обдумать их таким образом? Не будет ли это содействием обвинению? Оно тогда будет иметь не только индекс, сообщающий ему о характере документов, но и будет иметь документы на немецком языке.

Максвелл-Файф: Думаю это бы сильно помогло, особенно если бы он подчеркивал материальные фрагменты.

Председатель: Затем, при содействии защитников, можно договориться о том какие документы необходимо представить трибуналу.

Максвелл-Файф: Да, думаю это можно сделать, милорд.

Председатель: Что же, тогда, сэр Дэвид в связи с наступающим будущим понедельником, конечно же, кто-то из защитников захочет задать вопросы подсудимому Риббентропу и затем обвинение захочет перекрёстно его допросить и это, я полагаю, может занять весь понедельник.

Максвелл-Файф: Думаю это весьма вероятно, милорд.

Председатель: В таких обстоятельствах, если делать согласно схеме которую обрисовал доктор Хорн, вообще не будет никакой необходимости для задержки, потому что к утру вторника его документы изучит обвинение и им заявят возражения, и он сможет пройти их, как он говорит, за два или три часа, документы которые останутся для рассмотрения трибунала.

Максвелл-Файф: Я покорно соглашаюсь, милорд.

Председатель: Тогда трибунал хочет знать какое положение в связи со следующим подсудимым. Может быть, во вторник после полуденного перерыва последует дело подсудимого Кейтеля. Итак, его документы в порядке? Насколько я помню, большинство его документов являются документами, которые уже приобщили в качестве доказательств.

Максвелл-Файф: Очень много.

Председатель: Это не так?

Максвелл-Файф: Возможно, нам может помочь доктор Нельте.

Нельте: Господин председатель, я готов начать в любое время. Документы представили и письменные показания уже представили обвинению на прошлой неделе. Я жду от обвинения только решения об относимости к делу таких документов подсудимого которые представляют собой его собственные заявления и которые следует представить, для того, чтобы сократить допрос.

Максвелл-Файф: У меня не было возможности изучить их лично, но, в принципе, мы всегда готовы к тому, что заявление следует оглашать до тех пор, пока свидетеля можно перекрёстно допрашивать. Если у трибунала нет возражения, у обвинения тоже нет возражения такой процедуре.

Председатель: Да, трибунал вообще не имеет возражения такому методу представления письменных документов, с учётом отсутствия возражения обвинения, и таким образом, отсутствия перекрёстного допроса. Доктор Нельте может сказать нам, переведены ли его документы которые он желает представить, постольку поскольку их пока не приобщали в качестве доказательств.

Нельте: Все их направили в отдел переводов и последние два документа направили три дня назад. Поэтому, я полагаю, что делегации обвинения, между тем получили переводы.

Председатель: Сэр Дэвид, вы их получили?

Максвелл-Файф: Нет, милорд, мы их не получили.

Нельте: Возможно, их пока не раздали. Некоторые или почти две-трети документов перевели на французский и английский языки приблизительно две недели назад и готовы. Соответственно я также направил эти документы русской делегации для того, чтобы их могли перевести на русский язык.

Максвелл-Файф: Милорд, мне сказали, от генерала Митчелла, что документы перевели. Их пока не роздали.

Председатель: Значит не должно быть причины для задержки в связи с делом подсудимого Кейтеля.

Максвелл-Файф: Милорд, я так не думаю.

Нельте: Нет.

Председатель: Значит, тоже самое относится к подсудимому Кальтенбруннеру, который следующий? Доктор Кауффман, ваши документы уже перевели?

Кауффман: Господин председатель, у меня очень мало письменных показаний и нет сомнения в том, что они будут в руках обвинения в надлежащее время.

Председатель: Минуточку. Таким образом, вы будет полностью готовы?

Кауффман: Да, после Кейтеля, господин председатель.

Председатель: Да, после Кейтеля, очень хорошо. Сэр Дэвид, тогда вы представите нам возражения, которые вы заявили документам доктора Хорна, и советский обвинитель представит свои возражения.

Максвелл-Файф: Да, я вручу их как только изучу, сразу же.

Председатель: Да, и господин Шампетье де Риб, насколько у него есть, что-то.

Максвелл-Файф: Как угодно вашей светлости, да.

Председатель: Очень хорошо, трибунал прервётся.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 1 апреля 1946*]

День девяносто шестой

Понедельник, 1 апреля 1946

Утреннее заседание

[*Подсудимый фон Риббентроп вернулся на место свидетеля*]

Председатель: Имеют ли защитники какие–нибудь вопросы которые они хотят задать подсудимому?

Зейдль: Да, ваша честь. Свидетель, преамбула секретного пакта заключенного

между Германией и Советским Союзом 23 августа 1939 сформулирована более менее следующим образом:

«В виду настоящего напряжения между Германией и Польшей, на случай конфликта согласовано следующее…»

Вы вспоминаете, соответствовала ли приблизительно преамбула этой формулировке?

Риббентроп: Я не помню точную формулировку, но это приблизительно верно.

Зейдль: Верно, что начальник правового департамента министерства иностранных дел, посол, доктор Гаусс, принимал участие в качестве юридического консультанта в переговорах в Москве 23 августа и поготовил договор?

Риббентроп: Посол Гаусс отчасти участвовал в переговорах и вместе со мной составлял соглашения.

Зейдль: Я зачитаю фрагмент из заявления посла Гаусса и задам вам несколько вопросов в связи с ним.

Председатель: Доктор Зейдль, какой документ вы будете читать?

Зейдль: Сейчас я зачитаю параграф 3 заявления сделанного доктором Гауссом и в связи с этим задам свидетелю несколько вопросов, потому что некоторые положения в связи с этим пактом кажется, до сих пор существенно не разъясняли.

Председатель: Да, генерал Руденко?

Руденко: Я не знаю, господин председатель, какое отношение имеют эти вопросы к подсудимому Гессу, которого защищает защитник Зейдль, и к подсудимому Франку. Я не хочу говорить по существу этого аффидевита, так как я ему не придаю никакого значения, я хотел бы только обратить внимание трибунала на то обстоятельство, что мы здесь не занимаемся исследованием вопросов связанных с политикой союзных государств, а рассматриваем конкретное дело главных немецких военных преступников, и подобные вопросы со стороны защиты есть попытка отвлечь трибунал от вопросов рассматриваемых на этом процессе. По этим основаниям, я бы считал, следует прекратить подобного рода вопросы, как не имеющие отношения к данному конкретному делу.

[*Была пауза в слушаниях пока судьи совещались*]

Председатель: Доктор Зейдль, вы можете задать вопросы.

Зейдль: Гаусс заявил в параграфе 3 своих письменных показаний:

«Самолет рейхсминистра иностранных дел, которого я должен был сопровождать в качестве юридического консультанта на запланированных переговорах, прибыл в Москву в полдень 23 августа 1939. Вечером того же дня состоялась первая беседа между господином фон Риббентропом и господином Сталиным, на которой, с немецкой стороны, кроме рейхсминистра

иностранных дел, присутствовал только советник посольства Хильгер, как переводчик, и возможно посол граф Шуленбург, но лично я не присутствовал.

Рейхсминистр иностранных дел вернулся очень довольным с этого долгого совещания и отметил, что почти наверняка это приведёт к заключению соглашений желаемых Германией. Продолжение совещания, на котором документы подлежавшие подписанию должны были обсудить и закончить, намечалось позже вечером. Во втором совещании, я принимал личное участие и также посол, граф Шуленбург и советник посольства Хильгер. С русской стороны переговоры вели господа Сталин и Молотов, переводчиком которых был господин Павлов[262]. Договоренность о тексте советско-германского Пакта о ненападении была достигнута быстро и без сложностей.

Господин фон Риббентроп сам вставил в преамбулу соглашения, которое я подготовил довольно далеко идущую фразу касавшуюся формирования дружеских германо–советских отношений, которой возразил господин Сталин заметив, что советское правительство не может внезапно представить общественности германо–советские заверения в дружбе после их обливания навозом за 6 лет нацистского правительства. Впоследствии фраза была исключена или скорее изменена.

Кроме пакта о ненападении достаточное время были переговоры, об отдельном секретном документе, который согласно моим воспоминаниям назывался «секретное соглашение» или «секретное дополнительное соглашение» и условия которого были направлены на демаркацию взаимных сфер интересов на европейских территориях расположенных между двумя странами.

Использовалось ли там выражение «сферы интересов» или другие подобные выражения, я не помню. В документе, Германия объявляла себя политически незаинтересованной в Латвии, Эстонии и Финляндии, но Литва рассматривалась частью её сферы влияния.

Относительно политической незаинтересованности Германии в двух балтийских странах, возник спор, когда рейхсминистр иностранных дел, согласно своим инструкциям хотел исключить определённую часть территории Балтики из этой политической незаинтересованности, однако в этом было отказано со стороны

262 Павлов Владимир Николаевич (1915 — 1993) — советский дипломат, переводчик высшей квалификации.

> Советов, в особенности из-за незамерзающих портов на этой территории.
>
> Из-за этого положения, которое видимо Риббентроп уже обсуждал в первой беседе, министр иностранных дел позвонил Гитлеру, дозвонившись только во время второй дискуссии и во время которой, в прямой беседе с Гитлером, его уполномочили принять советскую позицию. Демаркационная линия устанавливалась для польской территории. Я не могу вспомнить, была ли она начертана на карте, которая должна была прилагаться к документу или только описывалась в документе. Более того, соглашение было достигнуто относительно Польши, говорившее приблизительно о том, что две державы будут действовать во взаимном согласии при окончательном урегулировании вопросов касавшихся этой страны. Однако, могло быть возможно, что это последнее соглашение относительно Польши было достигнуто только, когда было внесено изменение в параграф 5 указанного ранее секретного соглашения.
>
> Относительно балканских государств, подтверждалось, что Германия имела там только экономические интересы. Пакт о ненападении и секретное соглашение были подписаны позже в тот самый вечер».

Свидетель, в письменных показаниях Гаусса, соответственно упоминалось, что две державы согласны действовать во взаимном согласии, относительно окончательного урегулирования вопросов касавшихся Польши. Было ли такое соглашение достигнуто уже 23 августа 1939?

Риббентроп: Да, это правда. В то время серьезный германо–польский кризис обострился, и, само собой разумеется, что он подробно обсуждался на этой дискуссии. Я хочу подчеркнуть, что ни у Сталина, ни у Гитлера не было ни малейшего сомнения в том, что если переговоры с Польшей сойдут на нет, территории которые забрали у двух великих держав силой оружия тоже можно возвратить силой оружия. Следуя этой договорённости, восточные территории были оккупированы советскими войсками, а западные территории, после победы, германскими войсками. Нет никакого сомнения в том, что Сталин никогда не мог обвинить Германию в агрессии или агрессивной войне из-за её акции в Польше. Если считать это агрессией, то в ней виновны обе стороны.

Зейдль: Демаркационная линия в этом секретном соглашении просто описывалась в письменном виде или была нарисована на карте, приложенной к соглашению?

Риббентроп: Демаркационная линия была приблизительно нарисована на карте. Она шла по рекам Рыся, Буг, Нарев и Сан. Эти реки я помню. Это была

демаркационная линия который следовало придерживаться на случай вооруженного конфликта с Польшей.

Зейдль: Верно, что на основании этого соглашения, не Германия, а Советская Россия получала большую часть Польши?

Риббентроп: Я не знаю точных пропорций, но в любом случае, соглашение заключалось в том, что территории к востоку от этих рек должны были отойти к Советской России и территории к западу от этих рек должны были быть оккупированы германскими войсками, в то время как организация этой территории намеченная Германией пока оставалась открытым вопросом и еще не обсуждалась Гитлером и мной. Затем, позднее из тех регионов, которые Германия потеряла после Первой мировой войны было создано Генерал–губернаторство, вошедшее в состав Германии.

Зейдль: Теперь, кое–что еще. В прошлую пятницу вы заявили о том, что вы хотели присоединения России к Тройственному пакту. Почему это не удалось.

Риббентроп: Это не удалось из–за русских требований. Русские требования касались, наверное, сначала я должен сказать, что я согласовал с господином Молотовым в Берлине проведение дальнейших переговоров через дипломатические каналы. Я хотел повлиять на фюрера относительно требований уже сделанных Молотовым в Берлине, для того, чтобы можно было прийти к некого рода соглашению или компромиссу.

Затем Шуленбург послал нам доклад из Москвы с русскими требованиями. В докладе было, прежде всего, обновленное требование Финляндии. Об этом фюрер, как известно, сказал Молотову, что он не желает, чтобы после зимней кампании 1940 еще одна война разразилась на севере. Теперь требование о Финляндии заявили снова и мы полагали, что оно означало бы оккупацию Финляндии. Это было сложно поскольку это являлось требованием которое фюрер уже отклонил.

Еще одно требование русских заключалось в Балканах и Болгарии. Россия, как хорошо известно, хотела там баз и желала войти в близкие отношения с Болгарией. Болгарское правительство, с которым мы связались, не хотело этого. Более того, такое русское проникновение на Балканы было и для фюрера и для Муссолини сложным вопросом из-за наших экономических интересов там: пшеница, нефть, и так далее. Но прежде всего это была воля самого болгарского правительства, которое было против такого проникновения.

Затем, в–третьих было требование русских о выходах в море и военных базах в Дарданеллах, и затем уже высказанная мне в Берлине просьба Молотова, о неком обеспечении безопасности, по крайней мере, выходов в Балтийское море. Сам господин Молотов сказал мне о том, что тогда Россия естественно была очень сильно заинтересована в Скагерраке и Каттегате.

Тогда я полностью обсудил эти требования и запросы с фюрером. Фюрер сказал о том, что надо бы связаться с Муссолини, который был очень заинтересован

в некоторых из этих требований. Это состоялось, но ни требования о Балканах, ни о Дарданеллах не встретили одобрения Муссолини. Что касается Болгарии я уже заявлял, что она тоже этого не хотела; и, в отношении Финляндии, ни Финляндия ни фюрер не хотели уступать требованиям Советского Союза.

Затем переговоры шли многие месяцы. Я вспоминаю, что при получении телеграммы из Москвы в декабре 1940 у меня была долгая беседа с фюрером. У меня была мысль о том, что если мы сможем прийти к компромиссу между русскими требованиями и желаниями различных заинтересованных сторон, можно было бы сформировать коалицию которая была бы настолько сильной, что это в конечном счёте заставит Англию оставаться мирной.

Председатель: На что этот ответ? Каким был ваш вопрос, на который должен быть этот ответ?

Зейдль: По сути, он уже ответил на вопрос.

Председатель: Доктор Зейдль, если он ответил на вопрос, вы должны были остановить его.

Зейдль: Очень хорошо. Теперь я перехожу к ещё одному вопросу: каким было мнение Адольфа Гитлера относительно военной силы России?

Риббентроп: Адольф Гитлер, однажды сказал мне, он так выразился, и это было, когда он стал беспокоиться о том, что происходило в России на пути приготовлений против Германии: «Мы конечно не знаем, что скрывается за этими воротами, если только однажды не будем вынуждены выбить их» Из этого и других заявлений которые тогда делал фюрер я сделал вывод, что на основании докладов о России, он страдал от сильной тревоги о силе и возможном выражении мощи Советского Союза.

Зейдль: Мой следующий вопрос: Какие обстоятельства заставили Гитлера ожидать угрожавшей опасности нападения Советского Союза?

Риббентроп: Это было следующим…

Председатель: Разве это не рассматривал обширно и исчерпывающе подсудимый Геринг? Вы здесь как защитник Гесса.

Зейдль: Если трибунал считает, что с вопросом разбирались исчерпывающе, я отзываю вопрос.

Председатель: Прежде чем вы сядете, доктор Зейдль, вы представили подсудимому письменные показания Гаусса, я полагаю с намерением, что он должен подтвердить подлинность показаний; верно?

Зейдль: Да.

Председатель: Вы вообще не предъявляли ему параграф 4 письменных показаний?

Зейдль: Я зачитал только параграф 3 письменных показаний. Я не зачитывал параграфы 1,2,4 и 5 с целью сэкономить время.

Председатель: Ответ на мой вопрос был «да», вы не предъявляли его. Не следует ли вам представить ему конец параграфа 4, который описывает следующее:

> «Рейхсминистр иностранных дел строил свои фразы в такой манере, что он допускает военный конфликт Германии с Польшей, не как окончательно решенный, но только как неминуемую возможность. Не было заявлений, которые могли бы включать одобрение или поощрение такого конфликта со стороны советских государственных деятелей. Скорее советские представители ограничились в данном отношении пониманием объяснений германских представителей»
>
> Это правильно?

Зейдль: Правильно.

Председатель: Я спрашиваю свидетеля. Это правильно?

Риббентроп: Я могу сказать об этом следующее. Когда я отправился в Москву фюрер не пришёл к окончательному решению…

Председатель: Что же, не могли бы вы прямо ответить на вопрос? Я спросил вас, было ли заявление в письменных показаниях верным или нет. Объяснения дадите после.

Риббентроп: Не совсем верно, господин председатель.

Председатель: Теперь можете пояснить.

Риббентроп: Это не верно, постольку поскольку тогда решение об атаке на Польшу не было принято фюрером. Однако, нет никакого сомнения в том, что во время дискуссий в Москве в любое время существовала возможность такого конфликта, если не удастся последняя попытка переговоров.

Председатель: Что же, в чем отличие между тем, что я зачитал вам? Я зачитал следующее:

> «Рейхсминистр иностранных дел строил свои фразы в такой манере, что он допускает военный конфликт Германии с Польшей, не как окончательно решенный, но только как неминуемую возможность»
>
> Я думаю, ваше объяснение было именно таким. Вот и все.

Зейдль: Господин председатель, могу я кое–что кратко отметить в этой связи? Этот свидетель Гаусс присутствовал только на втором совещании. Однако он не присутствовал на долгом совещании, которое состоялось ранее между свидетелем Риббентропом с одной стороны и Молотовым и Сталиным с другой стороны. На этих совещаниях присутствовал только советник посольства Хильгер, и я прошу трибунал вызвать свидетеля Хильгера, который в виду значимости этого положения уже одобрен мне.

Председатель: Доктор Зейдль, как вам известно, вы можете заявить любое ходатайство о вызове любого свидетеля какого хотите, и также трибунал желает, чтобы я сказал о том, что если обвинение желает вызвать свидетеля Гаусса для перекрестного допроса оно может так сделать.

Зейдль: Тогда я хочу приобщить как экземпляр Гесс номер 16 (документ номер Гесс-16) письменные показания под присягой посла Гаусса.

Председатель: Да, конечно.

Додд: С позволения трибунала, насколько я понимаю, есть небольшая опасность того, что свидетеля Гаусса увезут из Нюрнберга. Сейчас я хочу заявить о том, что мы хотим оставить его здесь на время достаточное для возможного перекрёстного допроса.

Председатель: Очень хорошо.

Остальные защитники желают задать вопросы?

Нельте: Подсудимый Кейтель заявил о том, что осенью 1940, когда идея войны против России обсуждалась Гитлером, он отправился в Фушль с целью переговорить с вами об этом вопросе. Он верил в то, что у вас тоже были сомнения в этом. Вы вспоминаете, что Кейтель в конце августа или начале сентября был в Фушле?

Риббентроп: Да, это верно. Он посетил меня тогда.

Нельте: Вы вспоминаете, что Кейтель тогда заявил о своем мнении о том, что возможно война неминуема?

Риббентроп: Да, это верно. Он тогда говорил об этом. Мне кажется, он сказал, что фюрер обсуждал это с ним.

Нельте: К чему я веду: Кейтель заявил, что он говорил с вами о меморандуме, который он намеревался вручить Гитлеру который ссылался на соображения которые следовало принимать во внимание на случай войны с Советской Россией.

Риббентроп: Верно. Фельдмаршал Кейтель тогда сказал мне, что он намеревался вручить меморандум Гитлеру, и он выражал сомнения относительно возможного конфликта между Советским Союзом и Германией.

Нельте: У вас сложилось впечатление о том, что фельдмаршал Кейтель тогда возражал войнн?

Риббентроп: Да, это верно. Я имел именно такое впечатление.

Нельте: Это правда, что он, в результате этой дискуссии, попросил вас поддержать его точку зрения у Гитлера?

Риббентроп: Да, это верно, и тогда я сказал ему, что я так сделаю, что я поговорю с Гитлером, и он должен сделать тоже самое.

Нельте: Ещё один вопрос, относительно побега французского генерала Жиро[263]. Это правда, что Кейтель, когда французский генерал Жиро сбежал из Кёнигштайна, попросил вас предпринять шаги с французским правительством, чтобы добиться добровольного возвращения генерала Жиро?

Риббентроп: Да, это верно. В то время он попросил меня нельзя ли путем переговоров с французским правительством, так или иначе заставить генерала Жиро вернуться в заключение.

263 Анри Жиро (1879 — 1949) — французский военачальник, армейский генерал, участник двух мировых войн.

Нельте: Состоялась встреча с генералом Жиро в оккупированной Франции через посредничество посла Абеца?

Риббентроп: Да, такая встреча состоялась. Мне кажется, посол Абец встретился с Жиро, который, насколько помню, появился в компании господина Лаваля. Посол делал все возможное с целью убедить генерала вернуться, но это было безуспешно. Генералу обещали безопасное проведение этой встречи и после её завершения генерал и Лаваль ушли.

Нельте: Обвинение представило приказ, предметом которого было клеймение советских военнопленных. Подсудимому Кейтелю вменяют ответственность за этот приказ. Он заявил о том, что он говорил с вами об этом вопросе в штаб–квартире расположенной тогда в Виннице, что он должен был сделать это, потому что все вопросы, относившееся к военнопленным также касались департамента международного права министерства иностранных дел. Вы вспоминаете, что в связи с этим Кейтель спросил вас, имелись ли у вас какие-нибудь возражения с точки зрения международного права клеймению которого желал Гитлер.

Риббентроп: Ситуация была такой: я услышал о намерении помечать военнопленных и отправился в штаб–квартиру поговорить с Кейтелем об этом вопросе, потому что по моему мнению отмечание военнопленных таким способом не обсуждалось. Кейтель разделял мое мнение, и насколько я помню, мне кажется он позднее отдал приказы, чтобы такое запланированное обозначение не применялось.

Нельте: У меня больше нет вопросов.

Кранцбюлер: Свидетель, когда вы познакомились с адмиралом Дёницем?

Риббентроп: Я познакомился с ним после его назначения главнокомандующим флотом.

Кранцбюлер: Это было в 1943?

Риббентроп: Мне кажется, так.

Кранцбюлер: Оказывал ли адмирал Дёниц до или после этого времени влияние или пытался влиять на немецкую внешнюю политику?

Риббентроп: Я никогда не слышал, чтобы адмирал Дёниц пытался оказывать влияние на немецкую внешнюю политику.

Кранцбюлер: Вы вспоминаете визит маршала Антонеску в ставку фюрера 27 февраля 1944?

Риббентроп: Я помню визит, но не дату. Маршал Антонеску часто посещал фюрера. Я должен сказать, каждые шесть месяцев или так, мне кажется вы сказали в начале 1944?

Кранцбюлер: Да, 27 февраля 1944.

Риббентроп: Да, я думаю, это правильно, что он посещал фюрера в начале 1944.

Кранцбюлер: Вы вспоминаете, присутствовал ли Антонеску на обсуждении военной обстановки в качестве гостя?

Риббентроп: Я совершенно уверен, потому что обычно так было дело, когда Антонеску прибывал на встречу с фюрером. Фюрер всегда объяснял ему военную обстановку, то есть, он приглашал его на так называемое полуденное обсуждение военной обстановки. Я не помню как именно, но несомненно, что маршал Антонеску присутствовал на обсуждении военной обстановки в феврале.

Кранцбюлер: Кроме военных вопросов обсуждались ли с Антонеску политические вопросы?

Риббентроп: Да, при каждом визите маршала Антонеску фюрер уходил либо с маршалом или иногда со мной, но в основном наедине с маршалом, потому что он был главой государства, следовали долгие подробные политические дискуссии, на которые меня в целом звали позже.

Кранцбюлер: Адмирал Дёниц принимал участие в этих политических дискуссиях?

Риббентроп: Разумеется нет, потому что фюрер редко приглашал военное руководство на эти политические дискуссии с маршалом Антонеску. Однако, позже, он так делал от случая к случаю, но я не помню, чтобы адмирал Дёниц принимал участие в дискуссии с Антонеску.

Кранцбюлер: У меня больше нет вопросов.

Симерс: Свидетель, обвинение представило документ, касающийся дискуссии между вами и японским министром иностранных дел Мацуокой[264] от 29 марта 1941. Документ имеет номер документа PS-1877, и это экземпляр USA–152. Часть этого документа оглашалась под протокол обвинением, и на странице 1007 немецкой расшифровки можно найти помимо прочего, следующий отрывок касающийся гросс-адмирала Рёдера:

> «Далее, RAM[265] (министр иностранных дел) снова обратился к вопросу Сингапура. В виду опасений высказанных японцами о возможных атаках подводных лодок базирующихся на Филлипинах и вмешательства английского средиземноморского и домашнего флотов, он снова обсудил ситуацию с гросс-адмиралом Рёдером. Последний заявил о том, что британский флот в течение этого года будет имеет руки связанными в английских водах и в Средиземноморье, что не сможет послать ни одного корабля на Дальний Восток. Гросс-адмирал Рёдер описал подводные лодки Соединенных Штатов настолько плохими, что Японии вовсе не нужно из-за них беспокоиться»

Свидетель, как чётко помнит подсудимый Рёдер, вы, как министр иностранных дел, никогда не говорили с ним о стратегических вопросах относительно Японии или даже о ценности или бесполезности американских подводных лодок. Я был бы вам обязан, если бы вы могли разъяснить не могло ли

264 Ёсукэ Мацуока (1880 — 1946) — японский политический деятель. Министр иностранных дел Японии в 1940-1941. Умер находясь под арестом во время Токийского процесса.

265 Аббр. с нем. Reichsminister des Auswärtigen – рейхсминистр иностранных дел.

быть путаницы по поводу людей участвовавших в дискуссии.

Риббентроп: Это совершенно возможно. Я не вспоминаю, чтобы я, когда-нибудь говорил с адмиралом Рёдером о германо–японской стратегии. Факт заключался в том, что мы имели очень слабые связи с Японией в таких вопросах. Если тогда я говорил Мацуоке, то, что здесь написано, то вполне возможно, что я цитировал фюрера, о том, что он говорил мне. Естественно я не мог бы сказать этого по своей инициативе, потому что не знал об этом. Я знаю о том, что фюрер часто говорил мне о таких положениях касающихся Японии. Следовательно, возможно, что это не исходило от адмирала Рёдера, а от фюрера. Я не знаю, кто подготовил эту запись. Это…

Симерс: Документ озаглавлен «Запись совещания между рейхсминистром иностранных дел и японским министром иностранных дел Мацуокой…»

Риббентроп: Я вижу это здесь. Возможно, что фюрер говорил мне об этом. Фактически, я считаю это возможным. Возможно, что была допущена ошибка при изготовлении записи, я не знаю.

Симерс: Свидетель, вы информировали подсудимого Рёдера о таких политических обсуждениях как вы имели с Мацуокой или Осимой?

Риббентроп: Нет, такого не бывало.

Симерс: Вы, когда-нибудь говорили с гросс-адмиралом Рёдером о других политических вопросах или позволяли ему присутствовать на политических переговорах?

Риббентроп: Нет, такой практики не было. В целом, фюрер держал военные и политические вопросы строго раздельно, таким образом у меня, как министра иностранных дел, никогда не было возможности обсуждать военные или стратегические вопросы в моем ведомстве, но когда вопросы внешней политики следовало обсуждать, это проходило в ставке фюрера, но как я понял из документов, которые я прочитал здесь впервые, даже там дела вели раздельно. Другими словами, если такие дискуссии вообще проходили, факт который я сейчас не вспоминаю, они могли бы проходить только в ставке фюрера.

Симерс: Спасибо.

Латернзер: Свидетель, государственный секретарь министерства иностранных дел, Штеенграхт, которого заслушивали здесь как свидетеля ответил отрицательно на мой вопрос о том, информировались ли высшие военные руководители о текущих политических вопросах. Теперь я спрашиваю вас, как министра иностранных дел, информировали ли вы высших военных руководителей о политических вопросах?

Риббентроп: Нет, я должен ответить на этот вопрос также как и на предыдущий. Это не являлось нашей практикой. Все политические и военные вопросы решались исключительно фюрером. Фюрер говорил мне о том, что я должен делать в дипломатической и политической сфере, и он говорил военным, что они должны делать по-военному. Меня между делом, но очень редко, фюрер информировал о

военных вопросах, и что бы не знали военные о политических вопросах, они никогда не узнавали о них от меня, но если они вообще и знали, то это было от фюрера.

Латернзер: У меня больше нет вопросов.

Бём: Свидетель, вы имели приказ или инструкцию, согласно которой вы должны были информировать руководство СА о развитии и обращении с внешнеполитическими вопросами?

Риббентроп: СА? Нет. Такого приказа не было, и я не имел никаких таких инструкций.

Бём: Руководство СА имело вообще какое–нибудь влияние на внешнюю политику?

Риббентроп: Нет.

Бём: И теперь я хочу задать вопрос за своего коллегу доктора Заутера который болен: в 1943 вы были свидетелем беседы между Гитлером и Гиммлером, на которой обсуждался вопрос о том, нужно ли, чтобы Ширах, который был рейхсляйтером, предстал перед Народным судом?

Риббентроп: Да, это верно.

Бём: Какие последствия имел бы такой суд для Шираха?

Риббентроп: Я, конечно, не могу сказать точно. Я не знаю деталей этого дела. Я знаю только о том, что Гиммлер, в моем присутствии, предложил фюреру, чтобы Ширах предстал перед Народным судом по той или иной причине. Я не знаю деталей. Я не интересовался ими. Я сказал фюреру о том, что это по моему мнению, произведет очень плохое впечатление в виду внешней политики и я знаю о том, что Гиммлер не получил от фюрера ответа, в любом случае, он не отдал приказа. Какие последствия имели бы место я не могу сказать, но когда такое предложение поступало от Гиммлера, последствия могли быть очень серьезными.

Бём: Как получилось, что вы были очевидцем этой беседы и как вы отреагировали на это?

Риббентроп: Это чистая случайность, я уже завил, что сказал и фюреру и Гиммлеру о том, что это произведет плохое впечатление.

Бём: У меня больше нет вопросов.

Председатель: У остальных защитников подсудимых, есть какие-нибудь вопросы?

Максвелл–Файф: Свидетель, когда вы в 1933 начали консультировать Гитлера по внешнеполитическим вопросам, вы были знакомы с декларацией Лиги наций 1927?

Риббентроп: Я не знаю, о какой декларации вы говорите.

Максвелл-Файф: Вы не помните декларацию Лиги наций 1927?

Риббентроп: Лига наций делала много деклараций. Пожалуйста, скажите мне, какую вы имеете в виду?

Максвелл-Файф: Она сделала довольно важную об агрессивной войне в 1927, не так ли?

Риббентроп: Я не знаю подробности этой декларации, но ясно, что Лига наций, как

всякий, была против агрессивной войны, и то, что Германия являлась членом Лиги наций.

Максвелл-Файф: Германия являлась членом, и в преамбуле декларации было:

> «Будучи убежденными, что агрессивная война никогда не будет служить средством разрешения международных споров, и в результате международным преступлением…»
>
> Вы были знакомы с ней, когда…

Риббентроп: Нет, в подробностях нет.

Максвелл-Файф: Она была довольно важной, чтобы ознакомиться ней, если вы собирались советовать Гитлеру, который тогда был канцлером, по внешней политике, не так ли?

Риббентроп: Эта декларация разумеется была важной, и точно соответствовала моему тогдашнему отношению. Но последующие события подтвердили, что Лига наций не в состоянии спасти Германию от хаоса.

Максвелл-Файф: Вы продолжаете придерживаться такого взгляда?

Риббентроп: Я не понял вопрос.

Максвелл-Файф: Вы продолжаете придерживаться высказанного мнения процитированного мною вам из преамбулы, как своего собственного?

Риббентроп: В этом заключалось моё фундаментальное отношение, но с другой стороны я разделял мнение, что Германии каким–то образом следует помочь.

Максвелл-Файф: Я так и понял. Теперь, помимо этого, если вы не были знакомы с подробностями этой резолюции, были вы знакомы с пактом Бриана—Келлога[266]?

Риббентроп: Да, я его хорошо знаю.

Максвелл-Файф: Были ли вы согласны с мнением, высказанным во вступительной части этого пакта, о том, что нужно отказаться от войны как от орудия национальной политики?

Риббентроп: Да.

Максвелл-Файф: Я хочу, чтобы вы рассказали, как вы это осуществляли. Возьмем первый пример. Вы заявляете трибуналу, что, насколько вам известно, никакого давления, никаких угроз в отношении господина фон Шушнига применено не было?

Риббентроп: Вы говорите о беседе с Гитлером в Оберзальцберге?

Максвелл-Файф: Да, 12 февраля.

Риббентроп: На этой дискуссии…

Максвелл-Файф: Свидетель, сначала ответьте на вопрос, и затем вы можете дать свои пояснения. Вы говорили, что 12 февраля никакого давления или угроз не оказывалось на господина фон Шушнига? Ответьте «да» или «нет», и мы далее

---

266 Пакт Бриана — Келлога, Парижский пакт — договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики; получил название по именам инициаторов — министра иностранных дел Франции А. Бриана и госсекретаря США Ф. Келлога. Подписан 27 августа 1928 года представителями 15 государств (позже к ним присоединились почти все существовавшие в то время страны).

продолжим с объяснениями.

Риббентроп: Нет, точно нет. Мне кажется, что доминирующая личность фюрера и представленные им аргументы так повлияли на Шушнига, что он, наконец, согласился с предложениями Гитлера.

Максвелл-Файф: Итак, давайте разберемся.

Риббентроп: Могу я продолжить? У меня лично тогда была беседа с господином Шушнигом после его первого разговора с Адольфом Гитлером, из которой его мне стала ясной его реакция на первое совещание. Эта реакция заключалась в глубоком впечатлении личностью Гитлера и аргументами которые ему представил Гитлер. Шушниг рассказал мне в этой беседе, которая была чрезвычайно сердечной, что он тоже – и мне кажется такими были его слова – относился как к исторической задаче объединению двух народов.

Максвелл-Файф: Кто присутствовал в Бергхофе - я не говорю в помещении, но в здании и поблизости? Там присутствовали Гитлер, вы, подсудимый фон Папен, подсудимый Кейтель, генерал Шперле[267], и генерал фон Рейхенау[268]?

Риббентроп: Думаю это верно, да.

Максвелл-Файф: И утром 12, я думаю, что Гитлер и фон Шушниг были вместе около 2 часов до утреннего ланча, не так ли?

Риббентроп: Я не помню точное время. В любом случае, у них был долгая беседа, это верно.

Максвелл-Файф: И затем, после ланча, фон Шушнигу разрешили недолго побеседовать со своим министром иностранных дел Гвидо Шмидтом[269], не так ли?

Риббентроп: Я не знаю точно, но это возможно.

Максвелл-Файф: Затем, после этого, фон Шушнига и Гвидо Шмидта вызвали к вам и подсудимому фон Папену, правильно?

Риббентроп: Я не помню этого. Я так не думаю.

Максвелл-Файф: Вы не помните этого? Подумайте снова.

Риббентроп: Вы имеете в виду – тогда мне кажется, что я не понял вопрос.

Максвелл-Файф: Тогда я задам его снова. После беседы Шушнига с Гвидо Шмидтом, он и Шмидт пришли к вам и подсудимому фон Папену и у них была беседа с вами, которую я вам сейчас представлю. Итак, правильно ли, что вы и фон Папен видели фон Шушнига и Гвидо Шмидта?

Риббентроп: Нет, мне так не кажется. Мне не кажется, что это правда.

Максвелл-Файф: Разве вы не помните, что вы показывали фон Шушнигу отпечатанный на машинке проект требований, которые предъявлялись фон

---

267 Хуго Шперле (1885 — 1953) — немецкий военный деятель, генерал-фельдмаршал люфтваффе во Второй мировой войне.

268 Вальтер фон Рейхенау (1884 — 1942) — генерал-фельдмаршал (с 1940). Во время Второй мировой войны командовал 6-й армией вермахта. Брал Париж (1940), Киев (1941) и Харьков (1941). Один из немногих высших военачальников вермахта, активно поддерживавших нацизм.

269 Гвидо Шмидт (1901 — 1957) — австрийский дипломат и политик, министр иностранных дел Австрии с 1936 по 1938 год.

Шушнигу? Просто подумайте.

Риббентроп: Это абсолютно возможно. Гитлер продиктовал меморандум, и возможно, что я передал именно этот меморандум Шушнигу. Я не уверен сейчас в деталях.

Максвелл-Файф: Какова была тема этого меморандума?

Риббентроп: Я не знаю этого, и, для того чтобы объяснить то, что я действительно был в неведении во время всего совещания, я хотел бы еще сказать, что меня вообще не информировали об австрийской проблеме, потому что Гитлер занимался этими вопросами, а я лишь несколько дней был на посту министра иностранных дел.

Максвелл-Файф: Если вы передаете кому-то меморандум, выработанный, как вы ему говорите, на историческом собрании, вы, по-видимому, можете рассказать трибуналу о содержании этого меморандума, хотя бы в общих чертах. Каковы были пункты этого меморандума?

Риббентроп: Нет, может быть, это странно, но я действительно не знаю подробностей. Встреча эта была встречей фюрера с Шушнигом, и все то, что там было достигнуто и сделано, либо было продиктовано самим фюрером, либо было предложено не нами, а кем-то ещё. Я не знаю деталей. Я знал только, что тогда речь шла, прежде всего, о том, чтобы добиться более хороших отношений между Германией и Австрией, так как в то время в Австрии было арестовано много национал-социалистов. Поэтому отношения между этими двумя государствами обострились.

Максвелл-Файф: Если я напомню вам, вы, может быть, восстановите это в памяти. Разве это не были три пункта о реорганизации австрийского кабинета, включая:

Назначение подсудимого Зейсс-Инкварта на пост министра безопасности по внутренним делам; 2. Общая политическая амнистия осужденных за преступления нацистов; 3. Провозглашение равноправия австрийских национал-социалистов и принятие их в «Отечественный фронт[270]».

Это те самые пункты, которые вы представили Шушнигу?

Риббентроп: Точно этого я сейчас не помню, но примерно это было так. Это соответствовало тому, что мне тогда было смутно известно относительно Австрии.

Максвелл-Файф: Говорили ли вы фон Шушнигу, что Гитлер сообщил вам, что эти требования, которые вы ему предъявили, были окончательными требованиями фюрера, и что Гитлер не собирался обсуждать их?

Риббентроп: Я не помню, как это было, но вполне вероятно, что я

270 Отечественный фронт — ультраправая австрофашистская политическая партия, основанная в 1933 году Энгельбертом Дольфусом. Фронт должен был «быть носителем австрийской идеи государства» и «политически объединить всех граждан Австрии».

что-либо подобное сказал фон Шушнигу.

Максвелл-Файф: Сказали ли вы ему такую фразу: «Вы должны эти требования в целом принять»?

Риббентроп: Нет, я не думаю, что я так сказал ему, и с моей стороны не было оказано никакого давления на Шушнига, сам я еще помню, что этот разговор, который длился от часа до полутора часов был посвящен общим положениям и личным вопросам и что я получил от этого разговора очень приятное впечатление о личности Шушнига, о чём я даже говорил своим сотрудникам. Я не оказывал давления на Шушнига.

Максвелл-Файф: Вы нам об этом уже говорили, но я хочу навести вас на следующую мысль: во время того разговора вы пытались заставить Шушнига подписать документ, содержащий эти требования. Я хочу, чтобы вы это вспомнили и напоминаю вам об этом.

Помните ли вы, как Шушниг, обращаясь к подсудимому Папену, сказал: «Вы мне говорили, что если я поеду в Берхтесгаден, то мне не будут предъявлены никакие требования»? А Папен начал извиняться и сказал: «Это действительно так, я не знал, что вам предъявят эти требования».

Вы этого не помните?

Риббентроп: Этого я не помню. Это не совсем верно.

Максвелл-Файф: Мы сейчас увидим. Вы помните, что фон Шушнига снова вызвали к Гитлеру, а Гвидо Шмидт тогда остался с вами, и вы стали вносить некоторые изменения в представленный вами документ?

Риббентроп: Да, возможно, что мы вносили некоторые изменения, но я не помню сейчас подробностей.

Максвелл-Файф: Слышали ли вы о том, что во время этого второго разговора с Гитлером Гитлер сказал Шушнигу, что он должен дать свое согласие на эти требования в течение трех дней?

Риббентроп: Нет, я слышу об этом впервые. Этого я не знал. Я не присутствовал при втором разговоре.

Максвелл-Файф: Будьте аккуратнее, говоря том, что вы слышите об этом впервые, потому что я покажу вам некоторые документы. Вы уверены в том, что не слышали, как Гитлер сказал Шушнигу, что он должен дать свое согласие в течение трех дней, иначе Гитлер даст распоряжение о вступлении в Австрию?

Риббентроп: Я считаю, что такая возможность совершенно исключена.

Максвелл-Файф: Если он действительно так сказал, то вы должны согласиться с тем, что это было бы самым сильным военным и политическим нажимом. Более сильного нажима, чем угроза вступить в Австрию, и не могло быть, не правда ли?

Риббентроп: Учитывая то, что отношения между этими двумя странами были

крайне напряженными, это, конечно, было бы давлением. Но следует принять одну вещь; то есть, что ни при каких обстоятельствах не было возможности продолжать поиск решения между двумя странами, и с самого начала - я хочу заявить здесь это – моим взглядом всегда было, чтобы две страны сформировали какого–либо рода союз, и я представлял себе таможенный и валютный союз…

Максвелл-Файф: Вы уже приблизительно три раза говорили о ваших взглядах. Вернемся к той встрече, о которой я вам снова напоминаю и которая имела место 12 февраля. Разве вы не знаете, что Шушниг сказал: «Я всего только бундесканцлер. Я должен обратиться к президенту Микласу[271], а я сам могу только подписать протокол в зависимости от решения президента Микласа».

Риббентроп: Нет, этого я сейчас не помню.

Максвелл-Файф: Разве вы не помните, как Гитлер открыл дверь и позвал Кейтеля?

Риббентроп: Нет; я только знал, что предположительно случилось. Ни о чем таком я не знал. Нет, я узнал только здесь об этом.

Максвелл-Файф: Вы знаете, что это правда, не так ли?

Риббентроп: Нет, я узнал только здесь об этом.

Максвелл-Файф: Вы не помните, что Кейтель был вызван к Гитлеру для беседы с ним?

Риббентроп: Я уже сказал, что я ничего не слышал об этом. Я не знаю, не могу сказать.

Максвелл-Файф: Вы знали, что Шушниг подписал этот документ на условии, что эти требования будут выполнены в течение трех дней, иначе германские войска вступят в Австрию?

Риббентроп: Нет, этого я не знал.

Максвелл-Файф: Я думаю, будет удобно, если у свидетеля перед глазами будет немецкая книга документов. Я попытаюсь согласовать большинство страниц.

Председатель: Сэр Дэвид, вероятно, нам следует прерваться.

[*Объявлен перерыв*]

Максвелл-Файф: Посмотрите, прежде всего, на дневник подсудимого Йодля, запись от 13 февраля. Это документальная книга Риббентропа, страница 9, экземпляр номер USA-72, документ номер PS-1780. Там сделана следующая запись:

> «Вечером генерал К.» — это Кейтель — «попросил адмирала К.» — это адмирал Канарис — «и меня самого прийти на его квартиру. Он сказал нам, что в приказе фюрера говорится о том, что военный нажим следует продолжать видимостью военных

271 Вильгельм Миклас (1872 — 1956) — австрийский политик. Президент Австрии с 1928 года до аннексии Австрии Германией в 1938 году.

действий до 15-го числа. Предложения об этих обманных маневрах намечены и представлены фюреру по телефону для одобрения».

В пятницу вы предположили, что до подсудимого Йодля дошли какие-то слухи, ходившие в Бергхофе, что эти слухи явились результатом четкого приказа его вышестоящего начальника генерала Кейтеля, это так?

Риббентроп: Я вообще ничего не знаю ни о каких военных мероприятиях, так что я не могу судить о значении этой записи. Фюрер не информировал меня о каких-либо военных мероприятиях в Австрии.

Максвелл-Файф: Вы хотите сказать трибуналу, что хотя вы были там, принимали участие в выработке документа, Гитлер ни разу не сказал вам ни слова о том, о чем он договаривался с подсудимым Кейтелем, который также там присутствовал?

Риббентроп: Да, это правильно.

Максвелл-Файф: Тогда посмотрите на следующую запись от 14 февраля:

«В 2 часа 40 минут было получено согласие фюрера. Канарис отправился в Мюнхен, в отдел контрразведки (Abwehrstelle VII), и принял необходимые меры. Результат был быстрым и эффективным. В Австрии создается впечатление, что Германия проводит серьезные военные приготовления».

Вы хотите сказать трибуналу, что вы ничего не знали ни об этих военных мероприятиях, ни о влиянии их на Австрию?

Риббентроп: Относительно военных мероприятий я ничего не знаю, но я считаю вполне возможным, что фюрер для того, чтобы придать большее значение своим пожеланиям, отдал какие-либо распоряжения в этой сфере…

Максвелл-Файф: Свидетель, подождите!

Риббентроп: … и это могло повлиять на окончательное решение проблемы.

Максвелл-Файф: Именно поэтому я и говорю, что это способствовало решению вопроса, но ведь, несомненно, вы как рейхсминистр иностранных дел, располагая всеми доступными вам как министру иностранных дел каналами информации, кое-что знали о результатах этого в Австрии, о которых Йодль говорил, что они были быстрыми и эффективными и что создалось впечатление, будто Германия ведет серьезную подготовку к войне. Вы хотите сказать трибуналу под присягой, что вы ничего не знали о результатах этого в Австрии?

Риббентроп: Я хочу еще раз подчеркнуть, что я ничего не знал о военных мероприятиях и если бы я знал, я не имел бы ни малейшей причины говорить, что это не так. Однако, факт заключается в том, что в дни перед встречей Гитлера с Шушнигом и после этой встречи я до такой степени был занят тем, что

принимал дела в министерстве иностранных дел, что я занимался австрийской проблемой как с второстепенным вопросом внешней политики. Я не играл ведущей роли в руководстве австрийской проблемой...

Максвелл-Файф: Мы знаем вы говорили ранее, что вы были заняты в министерстве иностранных дел, и мой вопрос совершенно ясен - мой вопрос: вы говорите трибуналу, что ничего не знаете об Австрии – вы как рейхсминистр иностранных дел? Ответьте на вопрос. Вы знали либо нет о воздействии на Австрию?

Риббентроп: Я не знал ничего об этом воздействии, и не касался его подробностей.

Максвелл-Файф: И вы хотите, чтобы мы приняли вашу версию за истину в последней инстанции, а не считали ее ложью, когда вы рассказываете о том, что, будучи министром иностранных дел, ничего, не знали о результатах мероприятий в Австрии, предпринятых Кейтелем по приказу фюрера? Это ваш окончательный ответ?

Риббентроп: Я могу точно ответить на этот вопрос. Я слышал от фюрера, когда я несколько позже поехал в Лондон, что события в Австрии проходят примерно так, как об этом было договорено в Берхтесгадене. И это вообще первое упоминание об австрийском вопросе, которое осталось у меня в памяти. Каких-либо особых наблюдений в эти дни я не сделал. Возможно, что сегодня я не помню некоторых подробностей, так как прошло уже много лет.

Максвелл-Файф: Посмотрите на две следующие записи в дневнике Йодля:

> «15 февраля. Вечером опубликовано официальное коммюнике о положительных результатах конференции в Оберзальцберге.
>
> 16 февраля. Изменения в австрийском правительстве и общая политическая амнистия».

Вы помните, я говорил вам, что господин фон Шушниг подписал документ и что было поставлено условие о том, чтобы разрешить эти вопросы в течение трех дней. В течение трех дней действительно было созвано совещание о результатах мероприятий и было объявлено об изменениях в Австрии в соответствии с вашим письмом Шушнигу. Вы видите, что это ясно – три дня - не правда ли?

Риббентроп: Как я вам сказал, о трех днях мне ничего неизвестно, но то, что эта встреча будет иметь умиротворяющие последствия, это было совершенно ясно.

Максвелл-Файф: Вы называете это «умиротворением»? Вы хотите, чтобы трибунал принял ваше утверждение, предполагая, что подсудимый Йодль говорит правду, или предполагая, что подсудимый Кейтель сказал ему, как утверждает Йодль, что эта подготовка к военным действиям должна быть реализована, что все это не представляет собой наиболее сильного политического и военного нажима, какой мог быть сделан на канцлера зарубежного государства?

Риббентроп: Если рассматривать эту проблему с моей точки зрения, то это не так. Здесь речь идет о проблеме, которая при определенных условиях могла бы привести к войне в Европе, и я считал и говорил в Лондоне Галифаксу, что эта проблема должна быть разрешена и это будет лучше, чем если в Европе будет существовать такой назревший нарыв.

Максвелл-Файф: Я не хочу подсказывать вам. Подразумеваете ли вы под вашим последним ответом, что было лучше всего оказывать политическое и военное давление на Шушнига до тех пор, пока эта проблема не будет разрешена? Это ваша точка зрения?

Риббентроп: Я не понял вопрос. Вы можете его повторить?

Максвелл-Файф: Мой вопрос был: на ваш взгляд лучше было бы, чтобы политическое и военное давление оказывалось на господина Шушнига если бы это привело к решению проблемы?

Риббентроп: Если бы таким путем мог быть предотвращен конфликт, то есть война, я считаю, что этот путь был бы наилучшим.

Максвелл-Файф: Скажите мне, почему вы и ваши друзья держали Шушнига в тюрьме в течение семи лет?

Риббентроп: Этого я не знаю, во всяком случае, мне кажется, что тогда Шушниг, очевидно, сделал что-либо такое, что нарушало интересы государства. Подробностей этого дела я не знаю. Но если вы говорите о тюрьме, то я должен сказать, что помню, как фюрер часто говорил и особо подчеркивал, что с Шушнигом следует обращаться особенно хорошо и вежливо и что он находится не в тюрьме, а в обыкновенном доме, что даже его жена находится вместе с ним и т. д. Больше я ничего не могу сказать по собственному опыту и собственным наблюдениям.

Максвелл-Файф: Вы имеете в виду «в тюрьме»? Я заменю это слово словами «Бухенвальд» и «Дахау[272]». Он был и в Бухенвальде, и в Дахау. Вы думаете, что он наслаждался пребыванием там?

Риббентроп: О том, что Шушниг находился в одном из концентрационных лагерей, я впервые услышал здесь, — раньше я об этом не знал.

Максвелл-Файф: Давайте внесем ясность, попытайтесь ответить на мой вопрос. Почему вы и ваши друзья держали Шушнига в тюрьме 7 лет?

Риббентроп: Я ничего не могу сказать об этом. Я только могу повторить, что, согласно тому, что я слышал тогда, он был не в тюрьме, но содержался на вилле со всеми удобствами. Вот то, что я слышал тогда, и я был рад этому, как я уже говорил, он мне нравился.

Максвелл-Файф: Свидетель есть только одна вещь, которой он не имел, у него не было возможности со своей стороны за эти 7 лет рассказать о том, что происходило

---

272 Дахау — один из первых концентрационных лагерей на территории Германии.

в Берхтесгадене или об аншлюсе[273], не так ли? Вполне очевидно, из сказанного вами, что ему было очень комфортно в Бухенвальде и Дахау, где бы он не был, комфортно или нет, у него не было шанса представить свой взгляд на события в мире, не так ли?

Риббентроп: Я не могу об этом судить.

Максвелл-Файф: Не можете судить? Вы прекрасно знаете, что господин фон Шушниг не мог опубликовать своё мнение в течение 7 лет? Вы об этом не знали?

Риббентроп: Можно предположить…

Максвелл-Файф: Итак…

Риббентроп: Однако, это могло быть в интересах государства.

Максвелл-Файф: Что же таков ваш взгляд. Сейчас переходим к другой теме

Я намереваюсь задать вам несколько вопросов относительно вашего участия в делах Чехословакии. Согласитесь ли вы со мной в том, что в марте 1938 года министерство иностранных дел, то есть вы, через вашего посла в Праге взяло под свой контроль деятельность партии судетских немцев, возглавляемой Конрадом Генлейном?

Риббентроп: Прошу прощения, но это не верно. Могу я объяснить…

Максвелл-Файф: Прежде чем объясните, я думаю, мы сэкономим время если вы взглянете на книгу документов на странице 20 в вашей книге, на странице 31 в английской книге, и послушаете как я обращусь к письму вашего посла.

Риббентроп: Какой номер, пожалуйста?

Максвелл-Файф: Страница 20. Письмо вашего посла в Праге министерству иностранных дел.

Я могу пояснить трибуналу, это не книга документов подсудимого, это книга обвинения. Это следует из нижеизложенного.

[*Обращаясь к подсудимому*] Слушайте, когда я буду зачитывать выдержки из письма к вам от вашего посла.

Риббентроп: Да, я знаю об этом письме. Могу я…

Максвелл-Файф: Посмотрите на первый абзац. Я отсылаю вас к параграфу 3, так что не волнуйтесь, что–либо пропустить.

Абзац 1:

«Линия германской внешней политики, как она проводится германской миссией, исключительно решительна в отношении политики и тактики Судето-немецкой партии. Мои» - то есть, вашего посла – «директивы должны неуклонно выполняться».

Абзац 2:

«Публичные выступления и пресса также должны быть согласованы со мной. Состав редакции «Zeit[274]» должен быть

273 Аншлюс (нем. Anschluss — присоединение, союз) — включение Австрии в состав Германии, состоявшееся 12—13 марта 1938 года.

274 «Время» (нем.)

усилен».

Абзац 3:

«Партийное руководство отказывается от предыдущей непримиримой линии что в конечном итоге может привести к политическим осложнениям и к принятию линии постепенного продвижения интересов судетских немцев. В каждом случае следует ставить задачи при моём участии и продвигать их путём параллельной дипломатической акции»...

(Документ номер PS-3060)

После того как мы прочли это, согласны ли вы с тем, что деятельность партии судетских немцев должна была проводиться в соответствии с вашими директивами?

Риббентроп: Могу я теперь высказать мнение?

Максвелл-Файф: Я хочу, чтобы вы сначала ответили на вопрос, и я уверен трибунал позволит вам сделать пояснения. Очень просто ответить на этот вопрос «да» или «нет». Верно ли, что письмо показывает, что Судето-немецкая партия действовала согласно вашим директивам; не так ли?

Риббентроп: Нет.

Максвелл-Файф: Почему нет?

Риббентроп: Я хочу пояснить. Это письмо само по себе является венцом доказательства того факта, что дело было прямо противоположным. Между Судето-немецкой партией и многими ведомствами в Рейхе существовали связи. И это совершенно естественно, так как среди судетских немцев было сильное движение, направленное к установлению более тесных связей с Рейхом, особенно после того, как Адольф Гитлер пришел к власти. Эти устремления начали оказывать отрицательное влияние на отношения между Германией и Чехословакией. И это письмо как раз является доказательством того, что я стремился эти бесконтрольные связи между судетскими немцами и Рейхом постепенно каким-то образом поставить под контроль.

Максвелл-Файф: Это не то, о чем я вас спросил, свидетель. Я спрашиваю вас, как мне кажется, совершенно ясно, показывает ли это письмо, что партия судетских немцев с того времени действовала согласно вашим директивам? Вы еще отрицаете это?

Риббентроп: Да, я категорически отрицаю это. Дело в обратном. Письмо указывает на попытку направить германо–чешские отношения, которые были очень сложными в силу естественного желания судетских немцев установить близкие отношения с немецким народом, в правильные и разумные каналы, которые, однако, вскоре после этого письма не удались.

Максвелл-Файф: Если вы отрицаете то, что я вам говорю, то что же значит

письмо вашего посла, который пишет министерству иностранных дел, что линия германской политики, как передает германское посольство, имеет решающее значение для политики и тактики партии судетских немцев? Что же это значит, если не то, что вы сказали, — что партия вела свою работу под вашим руководством? Что же это может быть иное, если это не так?

Риббентроп: Это как раз и означает то, что я сейчас сказал. Посольство хотело упорядочить руководство судетскими немцами так, чтобы эта их подпольная работа не вызывала бы затруднений в отношении между Германией и Чехословакией. Вот каков был смысл этих переговоров с посольством в Праге и об этом прямо сказано в письме.

Максвелл-Файф: Давайте, посмотрим, в чем заключалась эта «разумная программа», которую вы предлагали. На следующий день, 17 марта, Конрад Генлейн написал вам и предложил встретиться лично. Если вы посмотрите на страницу 26, вы найдете записи этой беседы, которую вы имели в министерстве иностранных дел 29 марта с Генлейном, Карлом Германом Франком и еще с двумя господами, чьи имена не так известны. (Документ номер PS-2788, экземпляр номер USA-95). Я хочу, чтобы вы посмотрели на четыре фразы. «Рейхсминистр начал с того, что подчеркнул необходимость провести намечаемое совещание в полной тайне».

И затем вы ссылаетесь на совещание фюрера с Конрадом Генлейном, которое имело место вечером ранее. Я хочу, чтобы вы запомнили.

Теперь, если вы посмотрите далее на странице, после «1» и «2», есть абзац, который начинается со слов «министр иностранных дел», и вторая фраза:

> «Очень важно предложить максимальную программу, конечной целью которой будет полная свобода для судетских немцев. Но опасно преждевременно удовлетвориться согласием чешского правительства; это, с одной стороны создаст впечатление за границей, что найдено решение этого вопроса, и, с другой стороны, это лишь частично удовлетворит судетских немцев»...

Если вы посмотрите на следующую фразу, после каких-то хвалебных фраз о Бенеше[275], там говорится:

> «Целью этих переговоров Судето-немецкой партии с чехословацким правительством, в конце концов, является следующее: избежать вхождения в правительство», — обратите внимание на следующие слова: «расширением и постепенной конкретизацией требований».

А затем вы вносите ясность в позицию рейхскабинета:

«Рейхскабинет» - через одну фразу – «сам должен воздерживаться от

---

275 Эдвард Бенеш (1884 — 1948) — государственный и политический деятель Чехословакии (Чехии). Второй президент Чехословакии в 1935—1948 годах (фактически в период с 1935 по 1938 и с 1945 по 1948 год, в 1938—1945 годах за границей, в 1940—1945 годах как президент в изгнании.

выступлений перед правительством в Праге или перед Лондоном и Парижем в качестве защитника», — обратите внимание на следующие слова: «или умиротворителя в отношении требований судетских немцев».

Политика, о которой я вам сейчас говорю, заключалась в руководстве деятельностью судетских немцев. Последние должны были избежать согласия с чехословацким правительством, избежать участия в чехословацком правительстве, а рейхскабинет, в свою очередь, должен был избегать положения, при котором оно бы действовало как посредник. Другими словами, свидетель, благодаря вашему влиянию на судетских немцев вы предпринимали всяческие меры и делали все, что было в ваших силах, для того, чтобы никакое соглашение не было достигнуто ни в отношении этих трудностей, ни в отношении проблемы меньшинства. Разве это не так? Разве это не то, о чем вы говорили во время той беседы?

Риббентроп: Нет, это не так.

Максвелл-Файф: Дайте свое объяснение. Что же, по-вашему, значили эти слова?

Риббентроп: Я вызвал тогда Конрада Генлейна и мне кажется это был единственный раз, или может быть я видел его ещё один раз, к сожалению, раз или два, для того, чтобы сказать о том, что проблема судетских немцев должна назревать постепенно и без эксцессов. Требования судетских немцев уже тогда были большими. Они хотели вернуться в Рейх. Это оставалось невысказанным или, в некоторых случаях, открыто высказывалось. Такое разрешение вопроса казалось мне опасным, и мне казалось, что надо это прекратить тем или иным образом, ибо иначе это могло привести к войне. Генлейн наконец–то прибыл ко мне, но я желаю отметить заранее, мне кажется, что это был единственный раз, чтобы я обсуждал этот вопрос с Генлейном, и вскоре после того я утратил контроль над вопросом. Вся проблема судетских немцев, то есть, то, что содержалось в письме и в чём нет сомнения это:

Во–первых, о том, что я хотел направить усилия судетских немцев в мирное русло для того, чтобы, чему мы могли помочь дипломатическим способом, что казалось мне абсолютно оправданным.

И во–вторых, что таким образом мы должны избежать внезапного развития ситуации, которая из–за террористических актов или других диких инцидентов, приведёт к германо–чешскому и европейскому кризису.

В этом заключались причины, почему я тогда вызвал Генлейна.

Итак, что касается различных фраз зачитанных обвинителем, ясно, что Судето-немецкая партия тогда имела самые далеко идущие требования. Естественно, они хотели, чтобы Адольф Гитлер послал в Прагу ультиматум говорящий: «Вы должны это сделать, и это окончательно», вот чего бы они хотели.

Конечно, мы этого не хотели. Мы хотели спокойного, мирного развития и решения таких вещей. Таким образом, тогда я обсудил с Генлейном путь, по которому должна была следовать Судето-немецкая партия, для того, чтобы постепенно предъявлять свои требования. Требования, о которых я тогда думал, были требованиями далеко идущей культурной автономии, и возможно автономии в других сферах.

Максвелл-Файф: Если вы думали о культурной и социальной автономии, почему вы сказали этим господам не соглашаться с пражским правительством?

Риббентроп: Я не могу сейчас это уточнить. Это могли быть тактические соображения. Я полагаю, что Конрад Генлейн сделал такое предложение и, что я согласился с этим. Естественно я не очень хорошо знал проблему в подробностях и это следует заметить – я предполагаю, случилось просто то, что Генлейн сам объяснил свою программу – подробностей там не содержалось - и что я более или менее с ней согласился. Поэтому, я полагаю, что тогда вероятно выглядело разумнее для Генлейна по тактическим причинам не входить в правительство и брать в тот момент ответственность, но скорее сначала попытаться подойти к вопросу с другой стороны.

Максвелл-Файф: Это было 29 марта, и вы говорили трибуналу несколько минут назад о своем стремлении к миру. Вы узнали через очень короткое время о том, что нечего было рассчитывать на мероприятия мирного порядка, не правда ли? Вы помните об этом? Попытайтесь и подумайте об этом, потому что очевидно вы пытаетесь это вспомнить. Вы помните, когда Гитлер раскрыл вам, что он ведет военную подготовку к захвату Чехословакии той осенью?

Риббентроп: Адольф Гитлер очень мало говорил со мной о военных делах. Такого сообщения я не помню, но мне, конечно, было известно о том, что фюрер принял решение в определенные сроки решить эту проблему, и по опыту, полученному Германией в прошлом, ему было ясно, что, может быть, придется прибегнуть к каким-либо военным мероприятиям для того, чтобы подкрепить свои требования.

Максвелл-Файф: Я помогу вам с этим. Переверните страницу 31 вашей книги документов. Это страница 37 английской книги документов. (Документ номер PS-2360, экземпляр GB–134)

Риббентроп: Страница, 31?

Максвелл-Файф: Страница 31 вашей документальной книги. Это цитата из речи Гитлера в январе 1939 года. Свидетель, вы нашли?

Риббентроп: Да, нашел.

Максвелл-Файф:

> «В связи с этой нетерпимой провокацией, которая приняла еще более определенные формы в поистине позорных преследованиях и терроре в отношении наших немцев, проживающих там, я

пришел к решению окончательно и радикально разрешить судетскую проблему. 28 мая я отдал:

1. Приказ о подготовке военных мероприятий против этого государства — то есть Чехословакии, которые должны были быть закончены ко 2 октября.

2. Я приказал решительно и быстро завершить подготовку наших укреплений на Западе». (Документ номер PS-2360)

Я хочу вам напомнить об этом, так как 28 мая состоялось совещание, и об этом есть собственное замечание Гитлера. Иначе говоря, он сказал: «Моим непреклонным желанием является стереть Чехословакию с карты мира». И затем он сказал об оборонительном фронте на Западе.

Вы теперь, быть может, вспомнили об этом совещании 28 мая?

Риббентроп: Мне кажется, что здесь я видел документ, относящийся к этому совещанию, но я не припоминаю этой встречи.

Максвелл-Файф: Что же, если - кажется, капитан Фриц Видеман был еще адъютантом фюрера тогда; это было до его отъезда за границу. Он говорил, что вы были там. Вы отрицаете это?

Риббентроп: Я видел это, но считаю, что это ошибка господина Видемана.

Максвелл-Файф: Итак, вы думаете, что вы там не были?

Риббентроп: Я предполагаю, что это ошибка. Я не помню этой встречи. Точно я не могу сейчас сказать. Вообще меня Гитлер не привлекал к решению военных вопросов. Но я знал, что поговаривали о том, будто фюрер в течение 1938 года принял решение, как он сам говорил, о том, чтобы отстоять права судетских немцев, и о том, что он именно с этой целью проводил военную подготовку. Это мне было известно, но в какой форме и в каком объеме это проводилось, — этого я не знаю.

Максвелл-Файф: Другими словами, ваша точка зрения такова: вы знали, что военные приготовления производились, но вы не знали деталей того, что нам сейчас известно под названием плана «Fall Grun[276]».

Риббентроп: Нет, подробности мне были неизвестны. Я никогда о нем не слышал, но я знал, что в последние недели и месяцы кризиса…

Хорн: Господин председатель, я возражаю данному вопросу. Мне кажется, я могу сэкономить время, указав, что в целом политика судетских немцев была одобрена четырьмя великими державами, Англией, Францией, Италией и Германией, и Мюнхенским соглашением которые решили о такой политики. Поэтому, я не понимаю какое это имеет отношение к нарушению международного права.

Председатель: Трибунал считает вопрос совершенно уместным.

Максвелл-Файф: Во всяком случае, вы знали достаточно для того, чтобы

276 Зеленый план (нем.) — кодовое наименование военной операции немецкого руководства по ликвидации Чехословакии до начала Второй мировой войны.

обсуждать с представителями зарубежных держав возможный ход развития возможной войны. Посмотрите на страницу 34 — это заметка о беседе с итальянским послом. Я не знаю, кто из ваших официальных лиц принимал участие в этой беседе, но я хочу, чтобы вы взглянули на этот документ. Это запись от руки с грифом: «только для рейхсминистра»

> «Аттолико затем заметил, что мы действительно безошибочно показали итальянцам наши намерения в отношении чехов». Кроме того на сегодняшний день у него была информация, что он пойдет в отпуск через 2 месяца или позднее…» (Документ номер PS-2800)

Если вы взглянете на дату, то увидите, что это 18 июля и два месяца от 18 июля это 18 сентября. Затем вы увидите, месяцем позднее, заметку, подписанную, кажется, лично вами 27 августа:

> «Аттолико нанес мне визит. Он получил новые письменные директивы от Муссолини с просьбой, чтобы Германия своевременно сообщила возможную дату акции против Чехословакии. Муссолини просил о таком уведомлении, так как Аттолико уверил меня, для того, чтобы иметь возможность своевременно принять необходимые меры на французской границе.
>
> Заметка: Я ответил послу Аттолико, так же как это было однажды в прошлом, что я не могу назвать ему какую-либо дату, но что, во всяком случае, Муссолини будет первым, кого информируют о любом решении». (Документ номер PS-2792)

Так что вполне ясно — не правда ли? — что вам было известно о том, что общая подготовка Германии к нападению на Чехословакию началась, но дата конкретно еще не была указана, имелось лишь общее указание Гитлера о завершении подготовки к началу октября. Таково было положение в июле и августе, не правда ли?

Риббентроп: В августе в отношениях между Германией и Чехословакией в связи с этой проблемой уже возник кризис, и было ясно, что в это время уже задумывались над тем, чем окончится этот кризис, и этот документ свидетельствует о том, что я говорил с итальянским послом, что в случае, если этот кризис перерастет в военную операцию, безусловно, об этом заранее будет сообщено Муссолини.

Максвелл-Файф: И Муссолини должен был быть готов к демонстрации на французской границе для того, чтобы помочь в осуществлении ваших военных планов. Это так?

Риббентроп: Это написано в документе. Об этом я ничего не знаю. Может быть, это сказал Аттолико. Если здесь это записано, — значит, он это сказал.

Максвелл-Файф: Теперь обратитесь примерно к тому же самому времени, страницы 36 — 38, страницы 41 и 43 английской книги. Я не хочу занимать время читая всё, но это отчет о вашем совещании с венгерскими министрами Имреди[277] и Канья[278], и мне хотелось бы в интересах времени, чтобы вы попытались ответить на этот общий вопрос.

Пытались ли вы во время этой беседы с Имреди и Канья обеспечить готовность венгров к нападению на Чехословакию в случае, если война разразится?

Риббентроп: Я не помню точного содержания документа. Разрешите мне еще раз прочитать его.

Максвелл-Файф: Я вам прочитаю…

Риббентроп: Может быть, я смогу ответить по памяти. Я не знаю точно, что написано в документе, но я помню, что тогда кризис уже начался и, вполне естественно, что ввиду возможности военного конфликта, в связи с судетской проблемой, Германия и устанавливала бы в какой-либо форме связь с пограничными государствами. Это само собой разумеется, но мне кажется…

Максвелл-Файф: Но вы зашли несколько дальше установления связи с ними, не правда ли? Документ гласит в конце шестого абзаца: «Фон Риббентроп повторил, что все, стремящиеся к пересмотру данного вопроса, должны использовать удобный случай и принять в нем участие». (Документ PS-2796)

Это немного больше чем контакты с людьми. Вы сказали венграм: «Если вы хотите пересмотра ваших границ, вам придется воевать с нами». Это вполне ясно, не так ли, свидетель, то что вы сказали, это то что вы пытались сделать?

Риббентроп: Да, это как раз совпадает с тем, что сказал я. Я не знаю только, был ли таков ответ. Но совершенно очевидно, что в тот момент, когда я беседовал с этими господами, такая возможность конфликта была налицо. Это я помню. Совершенно очевидно также и то, что в таком случае было необходимо согласовать наши интересы. Я хотел бы упомянуть еще один момент, а именно, что Венгрия всегда самым тягостным для себя пунктом из условий мирного договора считала отторжение территорий на севере и была в них, конечно, очень заинтересована.

Максвелл-Файф: Вы были чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы предложить пересмотр вопроса? Взгляните на два последних абзаца. Они озаглавлены: «25-го». В вашем документе — это страница 38 вашей документальной книги – самый конец заявления:

---

277 Бела Имреди де Оморавица (1891 — 1946) — премьер-министр Венгрии в 1938—1939 гг. Казнён по приговору венгерского суда.

278 Кальман Канья (1869 — 1945) — венгерский политический, государственный и дипломатический деятель. Министр иностранных дел Венгрии (с 4 февраля 1933 по 28 ноября 1938 года).

«В отношении военной готовности Венгрии в случае германско-чешского столкновения фон Канья упомянул несколько дней назад, что его стране потребуется один - два года для того, чтобы развить соответствующим образом военную мощь Венгрии. Во время сегодняшнего разговора фон Канья внес поправку в это замечание и сказал, что военное положение Венгрии значительно улучшилось и что в отношении вооружения его страна будет готова принять участие в столкновении к 1 октября текущего года». (Документ номер PS-2797)

Понятно? Я хочу сказать вам свидетель, что ваша позиция была совершенно ясна. Прежде всего, вы подчинили судетских немцев своему контролю. Затем вы узнали от Гитлера, что велись военные приготовления, затем вы привлекли к этому итальянцев, затем венгров. Вы привлекли всех, кто был готов к наступлению на Чехословакию. Вот о чем я сейчас вам говорю. Я хочу, чтоб вам это было совершенно ясно. Теперь посмотрите на…

Риббентроп: Разрешите мне ответить на этот вопрос?

Максвелл-Файф: Конечно, если хотите.

Риббентроп: Я уже говорил, что партия судетских немцев не находилась под моим контролем. А в общем я стоял и стою на той точке зрения, что судетские немцы на основании провозглашенного в 1919 году права народов на самоопределение пользовались основным правом решить, к кому они хотят присоединиться.

Когда пришел Гитлер, это давление с целью присоединиться к Рейху стало очень сильным. Адольф Гитлер решил разрешить эту проблему либо дипломатическим, либо если пришлось, иным путем. Это было совершенно ясно. Я лично принял все меры к тому, чтобы эта проблема была разрешена дипломатическим путем, но, с другой стороны, я делал все для того, чтобы создать такую ситуацию, которая позднее и привела к Мюнхену, я естественно делал все возможное, чтобы окружить Германию друзьями с целью усилить наши позиции перед лицом такой проблемы.

Максвелл-Файф: Вы прекрасно знали о плане «Fall Grun», не правда ли? О том, что военные планы Гитлера охватывали покорение всей Чехословакии, не правда ли?

Риббентроп: Нет, этого я не знал, и что касается германо-судетской проблемы, то нужно сказать, что британское правительство само заключило в Мюнхене это соглашение, и эта проблема была разрешена так, как я этого хотел с точки зрения немецкой дипломатии.

Максвелл-Файф: Свидетель, я не собираюсь спорить с вами на политические темы. Я напоминаю вам о том, что план «Fall Grun» и гитлеровские

планы в этом вопросе стали известны правительству его величества лишь только по окончании войны, после того, как этот документ был захвачен нами в качестве трофейного материала. Но я вас спрашиваю о следующем: вы говорите, что, будучи рейхсминистром иностранных дел, вы не знали об этих военных планах, о том, что предполагался захват всей Чехословакии? Вы это утверждаете? И вы хотите, чтобы трибунал вам поверил?

Риббентроп: Я еще раз повторяю, что само название план Зеленый я прочел впервые здесь, в документах, и этого термина до сих пор я не знал. Конечно, позднее мне стало ясно, что в ходе событий после создания Протектората Богемии и Моравии фюрер хотел решить эту проблему на более широкой основе.

Максвелл-Файф: Минуточку. Сейчас мы к этому перейдём. Я хочу, чтобы вы посмотрели на последний акт подготовки, которую вы проводили, и я предлагаю назвать это явной агрессией; если вы посмотрите на страницу 45 книги, лежащей перед вами, то увидите следующее письмо министерства иностранных дел посольству в Праге:

> «Пожалуйста, уведомите заместителя Кундта[279] о требовании Конрада Генлейна немедленно связаться со словаками побудить их начать завтра выступление за свои требования автономии». (Документ номер PS-2858)

Такова была дальнейшая деятельность вашего министерства? Не правда ли? Затруднить положение правительства в Праге? Вы старались, чтобы ваши друзья побудили — употребляю ваши собственные слова — словаков начать выступление за автономию, это так? Этим занималось ваше министерство?

Риббентроп: Безусловно, эта телеграмма была послана министерством иностранных дел. Я уже не помню подробностей, но согласно содержанию, Генлейн видимо обратился к нам о направлении телеграммы, потому что Генлейн считал, что тогда он должен предъявить требование автономии пражскому правительству. Как так получилось, я подробно не скажу. Я снова утверждаю, что деятельность Конрада Генлейна – я скажу, к сожалению, и я говорил ранее – была вне моего контроля. Я видел Генлейна только раз или два за все время.

Максвелл-Файф: Я не хочу, чтобы вы вдавались в детали. Вы понимаете, что я говорю о том, что ваше министерство сделало тогда один из своих последних шагов, так как это было в середине кризиса, 19 сентября, пытаясь ослабить чехословацкое правительство подстрекательством словаков к требованию автономии. Вы сказали, что вы лишь передавали желания Генлейна. Если вы настаиваете на такой формулировке, я не стану вас больше утруждать. Кроме того

279 Эрнст Кундт (1897 — 1947) — чехословацкий политик, нацистский военный преступник. Заместитель председателя Судетской немецкой партии Чехословакии. Генерал-губернатор дистрикта Радом. Казнён по приговору чехословацкого суда

вы предложили - я перехожу сейчас к тому, что произошло весной. Я задам вам один или два вопроса по этому поводу. Весной Гитлер разошелся и вы уступили его желаниям, без – я собирался сказать поглотить, но я хочу аккуратно подбирать слова – добиться присоединения Богемии и Моравии к Рейху и заставить Словакию отделиться от Богемии и Моравии. Теперь взгляните на страницу 65 книги документов, лежащей перед вами. Это секретная зашифрованная телеграмма от министерства иностранных дел, то есть от вас, посольству в Праге.

> «В отношении инструкций, переданных сегодня Кордтом[280] по телефону: в случае, если вы получите какие-либо письменные сообщения от президента Гаха, пожалуйста, не предпринимайте никаких шагов и не делайте никаких, ни письменных, ни устных замечаний, а передавайте их сюда шифрованной телеграммой. Более того, я должен просить вас и других членов посольства, чтобы правительство Гаха, если оно захочет связаться с вами, не смогло вас застать в течение нескольких ближайших дней». (Документ номер PS-2815)

Почему вы были так заинтересованы в том, чтобы ваш посол не выполнял своих обычных функций и не устанавливал связи с чешским правительством?

Риббентроп*:* Это произошло следующим образом. Я это хорошо помню. Причины были следующими: чехословацкий министр иностранных дел Хвальковский в один из этих дней — это, очевидно, было в тот же день — пришел к послу в Праге и заявил, что чехословацкий президент Гаха хочет иметь аудиенцию у фюрера. Я об этом сообщил фюреру, и фюрер заявил, что он согласен дать аудиенцию чехословацкому премьер-министру или президенту. Фюрер вместе с тем заявил, что он сам хочет вести эти переговоры и не хочет, чтобы кто-либо из посольства в этом принял участие. Это было основанием для указанной телеграммы, и послана она была для того, чтобы в Праге ничего не предпринимали, так как принять решение должен был фюрер.

Предварительно я должен заметить, что в отношениях между нами и Прагой уже появились признаки кризиса. Этим и следует объяснить посещение президента Гаха или, вернее, желание президента Гаха посетить фюрера.

Максвелл-Файф: Хорошо, теперь я хотел бы вам напомнить, что вы и фюрер делали в течение того дня. Вы это увидите, если посмотрите на страницу 66, которая это 71 в английской книге. У вас было совещание, у вас и фюрера с Мейснером[281] и

---

280 Эрих Кордт (1903 — 1969) — немецкий дипломат, профессор.

281 Отто Мейснер (1880 — 1953) — влиятельный государственный чиновник в Германии эпохи Веймарской республики и Третьего рейха. В Веймарской республике входил в ближайшее окружение президентов Рейха

подсудимым Кейтелем, а также с Дитрихом[282] и Кепплером[283], и у вас было совещание со словаками, с Тисо. Вы помните об этом совещании?

Риббентроп: Да, я хорошо помню это совещание.

Максвелл-Файф: Хорошо, тогда я задам вам общий вопрос и, пожалуй, без деталей. На этом совещании Гитлер и вы говорили словакам следующее: «Если вы не объявите свою независимость от Праги, мы оставим вас на милость Венгрии». В одной этой фразе содержится неплохое резюме того, что говорили Гитлер и вы на этом совещании. Не правда ли?

Риббентроп: Это правильно только в некоторой степени. Но я хочу добавить следующее заявление к этому. Ситуация в то время была следующей, и любому с политической точки зрения было видно: венгры были сильно недовольны и они хотели вернуть территории, которые они потеряли по мирному договору и уже была создана часть Чехословакии, то есть словацкая часть Чехословакии. Поэтому, существовали постоянные разногласия между Прессбургом и Будапештом и, в основном, также между Прагой и Будапештом. Начало вооруженного конфликта можно было ожидать в любое время; по крайней мере, более дюжины раз мы давали понять венгерскому правительству, что так вечно продолжаться не будет; они должны так или иначе пересмотреть своё отношение. Ситуация была такой, что достаточно длительное время у словаков существовало очень сильное движение за независимость. К нам часто обращались по этому вопросу, сначала Тука, потом Тисо. На конференции описанной здесь, ситуация была такой, что фюрер, который несколькими неделями ранее знал о стремлениях словаков к независимости, наконец принял Тисо, позднее президента государства, и сказал ему, конечно – мне кажется он сказал ему во время разговора – что он не заинтересован пускать вопрос на самотек. Но если вообще что-нибудь случиться, тогда словаки могут объявить о своей независимости настолько быстро насколько возможно. Не было сомнений, что тогда мы ожидали действий от Венгрии. Однако, верно…

Максвелл-Файф: Вы можете увидеть, как словаки стремились к независимости и что предпринимали Гитлер и вы сами, чтобы добиться ее, если вы попытаетесь найти на странице 67 следующее: «Теперь он разрешил министру Тисо приехать сюда...»

И несколько ниже, в середине абзаца, говорится о том, что Гитлер сказал , что он не потерпит этого неустойчивого положения внутри страны и поэтом

Фридриха Эберта и Пауля фон Гинденбурга (1919—1934), в Третьем рейхе руководил президентской канцелярией фюрера (1934—1945).

282 Отто Дитрих (1897 — 1952), партийный и государственный деятель нацистской Германии, рейхсляйтер, пресс-секретарь НСДАП, руководитель прессы НСДАП, пресс-секретарь правительства Рейха (26 ноября 1937 года — 31 марта 1945 года), государственный секретарь рейхсминистерства народного просвещения и пропаганды, президент палаты печати Рейха (апрель 1938 года — 31 марта 1945), обергруппенфюрер СС (20 апреля 1941 года). Американским трибуналом был приговорён к 7 годам лишения свободы.

283 Вильгельм Кепплер (1882 — 1960) — германский государственный деятель, промышленник, обергруппенфюрер СС (30 января 1942). Американским трибуналом осуждён к 10 годам лишения свободы. Освобожден досрочно.

у разрешил Тисо приехать и выслушать его решение. Это был вопрос не дней, а часов. И он тогда констатировал следующее: если Словакия хочет стать независимой, он будет поддерживать эту попытку и даже гарантировать ее осуществление; он будет держать свое слово до тех пор, пока Словакия будет явно стоять за независимость. Если же она начнет колебаться или выражать нежелание порвать связь с Прагой, он оставит Словакию на волю судеб и снимет с себя ответственность за нее.

Затем он спрашивает вас, не хотели ли вы что-нибудь сказать, и вы, как указывается там, ответили (Документ номер PS-2802, экземпляр USA-117);

> «Рейхсминистр иностранных дел также подчеркнул, со своей стороны, точку зрения о том, что в данном случае решение было вопросом часов, а не дней. Он показал Гитлеру донесение, которое он получил о том, что венгерские войска двигались к словацкой границе. Фюрер прочел этот доклад и упомянул о нем Тисо».

Отрицаете ли вы, свидетель, что Гитлер и вы сами оказывали сильнейшее давление, какое вы только могли, на словаков с тем, чтобы они порвали отношения с Прагой и таким образом оставили чехов одних встретить тот нажим, который должен был быть осуществлен через пару дней?

Риббентроп: Нет, это неправильно. Никакого сильного давления не было оказано. Не было сомнений, что со стороны Венгрии – и мое замечание относится к возможности военных приготовлений венгров – но о желании независимости словаки снова и снова сообщали нам. В то время это было возможно, и документы это показывают, Тисо был нерешителен, прежде всего, это был важный шаг для него. Но в свете желания фюрера, которое являлось тогда очевидным, так или иначе решить вопрос Богемии и Моравии, в интересах фюрера было со своей стороны дать независимость Словакии.

Максвелл-Файф: Еще вопрос, затем я перейду к беседе с Гаха. Помните ли вы, что за два дня до того господин Бюркель[284] – так я вспоминаю - Бюркель и другой австрийский национал-социалист, подсудимый Зейсс-Инкварт, и несколько немецких офицеров около 10 часов вечера в субботу 11 марта отправились на заседание кабинета в Братиславе и заявили так называемому словацкому правительству, что оно должно объявить независимость Словакии. Вы этого разве не знаете?

Риббентроп: Я не помню подробностей, однако мне кажется, что что-то в этом духе произошло. Мне кажется об этом распорядился фюрер. Мне кажется, не имел к этому большого отношения. Я уже я не помню подробностей.

Максвелл-Файф: Я очень кратко…

284 Йозеф Бюркель (1895 — 1944) — деятель нацистского режима, гауляйтер.

Председательствующий: Сэр Дэвид, уже четверть часа. Мы прервемся до двух.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Максвелл-Файф: Вы присутствовали во время беседы президента Гаха и Гитлера 15 марта 1939?

Риббентроп: Да, я присутствовал.

Максвелл-Файф: Помните ли вы, что во время этой беседы Гитлер сказал, что он отдал приказ германским войскам вступить в Чехословакию и что в 6 часов утра германская армия вторгнется в Чехословакию вдоль всей границы?

Риббентроп: Я уже не помню точно текста этого приказа, но я знаю, что Гитлер сказал Гаха, что он займет Богемию и Моравию.

Максвелл-Файф: Помните ли вы, что он сказал то, о чем я вас спрашивал, что он издал приказ германским войскам вступить в Чехословакию?

Риббентроп: Да, это как раз то, что я сейчас сказал.

Максвелл-Файф: Помните ли вы, что подсудимый Геринг, как он сам сказал трибуналу, сообщил президенту Гаха, что он отдаст германским воздушным силам приказ бомбить Прагу?

Риббентроп: Я не могу сказать об этом ничего подробного, потому что на этой дискуссии я не…

Максвелл-Файф: Я не прошу вас делать подробное заявление; я прошу вас вспомнить, то что я предполагаю, было достаточно заметным заявлением, о том что подсудимый Геринг сказал президенту Гахе, что он отдаст приказ германским воздушным силам бомбить Прагу, если будет оказано чешское сопротивление. Вы помните это?

Риббентроп: Нет: я этого не знал, я не присутствовал.

Максвелл-Файф: Вы присутствовали все время при этой беседе, не правда ли?

Риббентроп: Нет, я не присутствовал, и если британский обвинитель даст мне возможность, то я расскажу, как обстояло дело.

Максвелл-Файф: Я хочу, чтобы вы сейчас ответили на вопрос. Вы говорите, что вы не помните об этом. Во всяком случае, если подсудимый Геринг сам заявил, что он это сказал, согласитесь ли вы с тем, что это произошло?

Риббентроп: Если Геринг это сказал, то это действительно было так. Я только заявил, что я не присутствовал на этом совещании между президентом Гаха и рейхсмаршалом Герингом.

Максвелл-Файф: Помните ли вы, как Гитлер заявил, что в течение двух дней чешская армия прекратит свое существование?

Риббентроп: В деталях я не помню этого; это была очень длинная беседа.

Максвелл-Файф: Помните ли вы, что Гитлер заявил, что в 6 часов войска вступят в пределы страны? Ему даже было почти стыдно говорить, что на каждый чешский батальон приходится германская дивизия.

Риббентроп: Очень возможно, что нечто подобное было сказано, но деталей я не помню.

Максвелл-Файф: Если это действительно было сказано, тогда согласитесь ли вы со мной, что на президента Гаха оказывалось самое недопустимое давление?

Риббентроп: Несомненно, Гитлер говорил очень ясно. Но я должен сказать, что президент Гаха со своей стороны прибыл в Берлин для того, чтобы найти решение вместе с Гитлером. Он был ошеломлен тем, что должно начаться вступление войск. Я точно это помню. Но затем он заявил о своем согласии и связался со своим правительством и начальником генерального штаба для того, чтобы германским войскам не оказывалось сопротивления, а затем подписал с Гитлером и министром иностранных дел Чехословакии составленное мной соглашение.

Максвелл-Файф: Согласитесь ли вы со мной, что этого соглашения вы добились с помощью угрозы агрессивными действиями германской армии и воздушных сил?

Риббентроп: Верно то, что фюрер сказал президенту Гаха, — что германская армия вступит в Чехословакию, и что этот документ был подписан под впечатлением этого заявления.

Максвелл-Файф: Не думаете ли вы, что вы можете ответить прямо хотя бы на один из моих вопросов. Я вас снова спрашиваю, согласны ли вы со мной, что этого документа добились при помощи самого недопустимого давления и под угрозой агрессии? Это простой вопрос. Согласны ли вы?

Риббентроп: В такой формулировке — нет.

Максвелл-Файф: Какой же еще больший нажим можно было оказать на руководителя страны, если не тот, что ваша армия должна была вступить в его страну, имея большое превосходство сил, и что ваши воздушные силы должны были бомбить его столицу?

Риббентроп: Например, война.

Максвелл-Файф: А что же это, если это не война? Вы не считаете войной такое положение, при котором армия вступает в пределы другого государства с соотношением сил: дивизия против батальона — и при котором воздушные силы должны бомбить Прагу?

Риббентроп: Президент Гаха заявил фюреру, что он вручает судьбу своей страны в руки фюрера и фюрер…

Максвелл-Файф: Я хочу, чтобы вы ответили на мой вопрос. Мой вопрос совершенно простой, и я хочу, чтобы вы на него ответили. Вы заявили нам, что этого соглашения добились после того, как были высказаны эти угрозы?

Риббентроп: Нет, этого я не говорил.

Максвелл-Файф: Вы это говорили несколько минут назад.

Риббентроп: Нет.

Максвелл-Файф: Я говорю вам, что этого соглашения добились при помощи угрозы войны. Разве это не так?

Риббентроп: Я думаю, что эта угроза была несравненно меньшей, чем те угрозы, под влиянием которых Германия в течение десятка лет находилась из-за Версальского договора и его санкций.

Максвелл-Файф: Оставьте сравнения в стороне и ответьте теперь на мой вопрос. Вы согласны с тем, что это соглашение было достигнуто под угрозой войны?

Риббентроп: Оно было заключено под давлением, то есть под давлением вступления войск в Прагу. Это не подлежит сомнению. Но решающим во всем этом деле было то, что фюрер объяснил президенту Гаха причины того, почему он должен это сделать и Гаха, в конце концов, заявил о своем согласии, после того как он связался со своим правительством и со своим генеральным штабом и узнал их точку зрения. Правда, совершенно верным является то, что фюрер решил при всех условиях разрешить этот вопрос. Причиной было то, что фюрер считал, что здесь, в оставшейся части Чехии, составляется заговор против Германского Рейха. Рейхсмаршал Геринг уже говорил о русских комиссиях на чешских аэродромах. Итак, фюрер это сделал потому, что он думал, что он должен сделать это ради высших интересов и ради защиты Германского Рейха. Разрешите привести здесь сравнение: президент Рузвельт, например, заявил о своей сфере интересов в западном полушарии, — Англия распространила свои интересы на весь земной шар. Я думаю, что эта заинтересованность в пространстве, сама по себе проявленная фюрером в отношении Чехословакии, не является чем-то порочащим великую державу, — о методах можно говорить что угодно. Во всяком случае, верно одно, а именно то, что эти страны были заняты без пролития хотя бы одной капли крови.

Максвелл-Файф: Их заняли абсолютно без кровопролития, потому что вы угрожали ввести большое количество войск, бомбить Прагу, если они не согласятся. Так это или нет?

Риббентроп: Нет, не потому, что мы угрожали силой, а потому, что ранее было заключено соглашение о том, что германские войска беспрепятственно вступят в страну.

Максвелл-Файф: Я снова спрашиваю вас о том, что соглашение было достигнуто, однако, вашими угрозами выступить и угрозами бомбить Прагу, не так ли?

Риббентроп: Я уже раз сказал, что это не так, но что фюрер разговаривал с президентом Гаха и сказал ему, что он выступит. Разговор между президентом Гаха и Герингом мне неизвестен. Президент Гаха подписал соглашение после консультации по телефону со своим правительством и генеральным штабом. Нет сомнений в том, что личность фюрера, его доводы, и наконец, объявление о вводе германских войск заставили президента Гаху подписать соглашение.

Максвелл-Файф: Вы не помните – может это поможет, генерал не могли бы вы встать? *(Встаёт чехословацкий генерал)* Вы не помните, что генерал Эчер[285] задавал вам некоторые вопросы, этот генерал из Чехословакии?

Риббентроп: Так точно.

Максвелл-Файф: Вы сказали ему, что думаете, что действия 15 марта противоречили декларации Гитлера данной Чемберлену но, фактически Гитлер видел в оккупации жизненную необходимость для Германии?

Риббентроп: Да, это верно. Я ошибся в одном положении; я признаю это открыто; я вспомнил об этом потом. В Мюнхенском соглашении между Гитлером и Чемберленом ничего подобного не содержалось. Это не планировалось как нарушение этого соглашения. Во вторую очередь, я думаю, заявлял, что Гитлер верил в то, что он должен действовать таким образом в интересах своей страны.

Максвелл-Файф: Я хотел бы, чтобы вы сейчас сообщили нам ваши взгляды на один-два общих вопроса в отношении Великобритании. Верно ли то, что, когда вы направились в Лондон в качестве германского посла, вы считали, что возможности достигнуть соглашения — минимальны, что фактически в пользу взаимного понимания с Англией существует один шанс против ста.

Риббентроп: Когда я лично попросил фюрера направить меня в Лондон…

Максвелл-Файф: У меня простой вопрос: правильно ли, что когда вы отправились в качестве посла, вы думали, что есть маленький шанс на взаимопонимание с Англией, что шанс фактически сто к одному?

Риббентроп: Да, шансов было мало.

Максвелл-Файф: Это, как вам известно, ваши собственные слова…

Риббентроп: Я хочу кое–что добавить.

Максвелл-Файф: Сначала ответьте на мой вопрос. Эти ваши собственные слова, не так ли. Что шансы выражались пропорцией один на сто? Вы помните, что вы это сказали?

---

285 Богуслав Эчер (1893-1954) – чехословацкий генерал юстиции.

Риббентроп: Сто к одному? Я не помню, чтобы я так сказал, но я хотел бы кое-что добавить к этому. Я сказал Гитлеру, что шансы невелики, и я также сказал Гитлеру, что я сделаю все, чтобы добиться, несмотря ни на что, взаимопонимания между Англией и Германией.

Максвелл-Файф: Итак, когда вы покидали Англию, считали ли вы, что война неизбежна? Когда вы выехали из Англии, когда вы перестали быть послом, вы считали, что война неизбежна?

Риббентроп: Нет, я не думал, что война неизбежна, но я был убежден в том, что существовала возможность возникновения войны при том положении, которое имело место в Англии.

Максвелл-Файф: Я бы хотел, чтобы вы были аккуратны с этим. Когда вы выехали из Англии, сказали ли вы, что вы не считаете, что война неизбежна?

Риббентроп: Я не могу сказать, была ли война неизбежна или ее можно было избежать; во всяком случае, мне было ясно, что при таком развитии политики Англии по отношению к Германии могли иметь место военные эксцессы.

Максвелл-Файф: Теперь взгляните на страницу 211-Е документальной книги; английская книга, 170.

Риббентроп: Вы сказали 211?

Максвелл-Файф: Вы нашли?

Риббентроп: Да, нашёл.

Максвелл-Файф: Теперь посмотрите на второй абзац. В нем сказано следующее:

> «Он, RAM (рейхсминистр иностранных дел), был больше чем скептически настроен при приезде в Лондон и считал, что шансы против соглашения были сто против одного. В Англии преобладает мнение клики подстрекателей войны, — сказал он, когда он, RAM, покидал Англию, — и война неизбежна». (Документ номер PS-1834)
>
> Вы сказали это послу Осима[286]?

Риббентроп: Я не помню, сказал ли я действительно так. Но это дипломатический язык, и очень возможно, что мы тогда, исходя из общего положения, считали целесообразным говорить так с послом Японии. То, что я, может быть, сказал, с течением лет не имеет значения для того, что я сказал, когда уезжал из Лондона. Я не думаю, что это является каким-либо доказательством. Может быть, я хотел втянуть его в войну с Англией и поэтому так резко говорил.

Максвелл-Файф: Раз вы сказали «нет», взгляните на документ TC-75, экземпляр GB-28, а также на ваши выводы. Это внизу, ниже номера 5 «Поэтому следует

---

286 Хироси Осима (1886 — 1975) — барон, генерал Императорской Армии Японии, посол Японии в нацистской Германии во время Второй мировой войны.

сделать такой вывод…», это почти конец страницы 3.

«5) Поэтому следует сделать такой вывод:

1) внешне изображать дружбу и взаимопонимание с Англией, защищая интересы наших друзей;

2) более тайно, но неуклонно создавать коалицию против Англии, то есть на практике укреплять нашу дружбу с Италией и Японией, а также перетянуть на свою сторону страны, чьи интересы или косвенно совпадают с нашими — по дипломатической линии осуществлять сотрудничество трех великих держав для достижения этой цели».

И последняя фраза:

«Независимо от того, какие тактические шаги будут предприняты для сближения с нами, — каждый день, когда наши политические решения не основываются главным образом на мысли о том, что Англия является нашим самым опасным противником, пойдет на пользу нашим врагам».

Почему же вы минуту назад сказали трибуналу, что вы не советовали фюреру поддерживать видимые дружеские отношения с Англией, а на самом деле создавать коалицию против нее?

Риббентроп: Я вообще не знаю, что это за документ. Можно мне взглянуть на него?

Максвелл-Файф: Этот документ подписан вами 2 января 1938. Это ваш собственный отчет фюреру.

Риббентроп: Да. Это верно само по себе. Это действительно является решающим. Только таким путем мы в один прекрасный день могли прийти к соглашению с Англией или к конфликту. Ситуация тогда была совершенно ясна: Англия выступала против желания Германии произвести пересмотр который фюрер объявил жизненно важным и казалось возможным лишь с помощью сильного дипломатического давления побудить Англию к тому, чтобы дипломатическим, а не военным путем она в конце концов дала на это свое согласие.

Максвелл-Файф: Вы, вероятно, сказали ему неправду?

Риббентроп: Я не знаю. Я также не знаю, было ли это точно записано. Это длинная запись, я не знаю откуда она поступила.

Максвелл-Файф: Это ваш собственный протокол совещания, имеющийся в захваченном немецком документе.

Риббентроп: Вполне возможно. Но многие вещи говорятся по дипломатическим причинам, и не каждое слово взвешивается. Во всяком случае, справедливо то, что, когда я покидал Лондон, война не казалась неизбежной, но, несомненно, я, покидая Лондон, был настроен скептически, я не

знал, куда все это приведет в будущем, и это прежде всего потому, что английская военная партия была очень сильной.
Председатель: Подсудимый, можно говорить помедленнее?
Риббентроп: Да, сэр.
Максвелл-Файф: Когда вы покинули Англию, не считали ли вы, что германская политика должна внешне выражаться в дружбе с Англией, а на самом деле — проводиться по линии создания коалиции, направленной против нее?
Риббентроп: Это неверно. Мне было ясно, когда я стал министром иностранных дел, что осуществление германских устремлений в Европе было очень трудным делом и что, прежде всего Англия мешала осуществлению этих желаний. В течение многих лет я, по поручению фюрера, пытался путем дружественного взаимоотношения с Англией осуществить эти планы.
Максвелл-Файф: Теперь я хочу, чтобы вы ответили на мой вопрос: говорили ли вы фюреру, что правильной политикой было внешне поддерживать дружеские отношения с Англией, а в действительности создавать коалицию против нее? Говорили вы это или нет?
Риббентроп: Нет, в такой формулировке это неверно.
Максвелл-Файф: Я хочу знать, свидетель, почему пять минут назад вы сказали трибуналу, будто не давали Гитлеру советов, содержащихся в выдержке, которую я зачитал вам?
Риббентроп: Какой совет, простите, я не понял?
Максвелл-Файф: Внешне изображать взаимопонимание с Англией, а втайне создавать коалицию против нее. Я два раза задавал вам этот вопрос? А вы отрицали. Я хочу знать: почему вы отрицали?
Риббентроп: Я совершенно ясно оказал, что Англия выступала против германских стремлений и что поэтому Германии, если она хотела отстоять свои требования, ничего не оставалось, как только искать себе друзей и с помощью этих друзей побудить Англию начать дипломатические переговоры, в результате которых Англия согласилась бы на выполнение пожеланий Германии, причем все это нужно было достичь дипломатическим путем. Вот в чем заключалась моя задача.
Максвелл-Файф: Теперь я хочу, чтобы вы коснулись вопроса об отношениях с Польшей. Согласны ли вы с тем, что до момента заключения Мюнхенского соглашения в речах всех германских государственных деятелей очень много говорилось о любви и уважении к Польше? Вы согласны с этим?
Риббентроп: Да.
Максвелл-Файф: И какова была цель того, что отражено в меморандуме министерства иностранных дел от 26 августа 1938 г.? Я вам назову номер

страницы. Страница 107 вашей книги документов. Я хотел бы, чтобы вы взглянули на четвертый абзац, начинающийся со слов: «Метод примененный в отношении Чехословакии…»; и я предполагаю, что метод обращения был выдвинут Гитлером и вами хотевшими вернуть всех немцев в Рейх. Я предлагаю это вполне честно и объективно. Вот, что предшествовало этому. Я хочу, чтобы вы посмотрели на этот абзац.

Риббентроп: Какой абзац вы имеете в виду? Я не расслышал.

Максвелл-Файф: Четвертый, «метод применённый в отношении Чехословакии…» - там начало. Четвертый в моей копии.

Риббентроп: Я пока не нашел. Пятый абзац, да, нашел.

Максвелл-Файф:

> «Метод примененный в отношении Чехословакии рекомендуется ввиду наших отношений с Польшей. Тот факт, что Германия переместила свои интересы с юго-восточной границы на восточную и северо-восточную границы, неизбежно заставит поляков серьезно призадуматься. После ликвидации чешского вопроса общее мнение будет таково, что наступила очередь Польши, но чем позднее мировая общественность это поймет — тем лучше». (Документ номер TC-76)

Это правильно отражает намерения германской внешней политики в то время?

Риббентроп: Без сомнения, нет, ибо, во-первых, я даже не знаю, о каком документе идет речь. Как кажется, этот документ был составлен каким-нибудь референтом министерства иностранных дел, где иногда писались такие теоретические работы. Поэтому я не помню, чтобы я его читал. Попал ли он ко мне, я также сейчас не помню, но возможно, что такие идеи обуревали некоторых из наших сотрудников. Это возможно.

Максвелл-Файф: Понятно. Итак, если вы не согласны, то взгляните на страницу 110, где вы найдете выдержку из речи Гитлера в Рейхстаге 26 сентября 1938. Простите. Я сказал Рейхстаг; я имел в виду Sportpalast[287].

Риббентроп: Да, дворец спорта.

Максвелл-Файф: В конце этой выдержки говорится, что фюрер высказался в отношении Польши после того, как воздал должное Пилсудскому[288].

> «Мы все уверены в том, что это соглашение приведет к

287 Берлинский дворец спорта (нем. Berliner Sportpalast) — многофункциональный культурно-спортивный центр, рассчитанный на 100 тыс. посетителей. Берлинский дворец спорта был построен в берлинском районе Шёнеберг в 1910 году и снесён 13 ноября 1973 года.

288 Юзеф Клеменс Пилсудский (1867 — 1935) — польский военный, государственный и политический деятель, первый глава возрождённого Польского государства, основатель польской армии; маршал Польши.

длительному умиротворению. Мы понимаем, что здесь речь идет о двух народах, которые должны существовать вместе, и ни один из них не должен покидать другого. Народ из 33 миллионов всегда будет стремиться найти выход к морю. Поэтому было необходимо найти путь к взаимопониманию. Этот путь найден, и он все время будет расширяться. Конечно, в этом отношении были трудности. Национальные меньшинства и национальные группы часто ссорились между собой. Но основное — это то, что оба правительства и все благоразумные и дальновидные люди этих двух стран обладают крепкой волей и решимостью улучшить свои взаимные отношения. Это на самом деле является более ценными усилиями для достижения мира, чем вся болтовня во дворце Лиги наций в Женеве». (Документ номер ТС-73, номер 42)

Как вы думаете, это было честное высказывание?

Риббентроп: Да, думаю, что таково было личное мнение фюрера в то время.

Максвелл-Файф: Таким образом, в то время все вопросы об обращении с меньшинствами в Польше считались несущественными вопросами. Не так ли?

Риббентроп: Нет, они не были несущественными. Это был очень трудный пункт отношений между нами и Польшей, который постоянно существовал, и фюрер такими высказываниями пытался преодолеть это противоречие. Я настолько знаком с проблемами меньшинств в Польше, потому что я наблюдал за ними много лет по личным причинам. С того времени, когда я стал министром иностранных дел, снова и снова возникали большие сложности, которые, однако, урегулировались всегда с нашей стороны наиболее уважительным путем.

Максвелл-Файф: Во всяком случае, вы согласитесь со мной, что речи того времени были полны похвал и дружеских высказываний по отношению к полякам, не так ли?

Риббентроп: Да, мы надеялись на то, что мы сумеем удовлетворительно и разумно решить, таким образом, вопрос о немецком национальном меньшинстве в Польше. Это было нашей политикой, начиная с 1934 года.

Максвелл-Файф: И немедленно после Мюнхена вы впервые поставили вопрос о Данциге в беседе с господином Липски в октябре?

Риббентроп: Правильно, 28 октября.

Максвелл-Файф: 28 октября. А поляки дали ответ 31-го числа через Липски. Вы, вероятно, получили этот ответ днем позже. В нем содержалось предложение о двустороннем соглашении между Германией и Польшей, но

указывалось, что возвращение Данцига Германии приведет к конфликту. Я изложил вам этот вопрос в общих чертах. Я только хотел напомнить вам об общем содержании ответа. Вы помните?

Риббентроп: Насколько я помню, это было не совсем так. Фюрер поручил мне — это было как раз 28 октября — вызвать посла Липски в Берхтесгаден. Это поручение было дано, так как фюрер, по-видимому, продолжая придерживаться, может быть, этой своей речи во дворце спорта, — сейчас я уже не помню точно, желал теперь выяснить отношения со всеми своими соседями. И именно как раз с Польшей. Поэтому он поручил мне, чтобы я переговорил с Липски по вопросу о Данциге и по вопросу о воссоединении с Восточной Пруссией.

Я пригласил к себе посла Липски и в очень дружественной атмосфере представил ему эти положения. Посол Липски отнесся к ним очень сдержанно, сказав, что Данциг, во всяком случае, не является простой проблемой, но что он запросит об этом свое правительство. Я просил его это сделать в ближайшее время и сообщить мне об этом. Таким было началом переговоров с Польшей.

Максвелл-Файф: Итак, если вы перейдете – я не хочу вас останавливать, но я хочу быстро разобраться с этим вопросом – если вы найдете страницу 114, вы найдете протокол разговора господина Бека[289] с Гитлером 5 января. Я просто хочу обратить ваше внимание на последний абзац, где господин Бек сказал, что вопрос Данцига очень сложная проблема:

> «В ответ на это канцлер заявил, что необходимо попытаться найти для решения этой проблемы что–либо новое, какую–либо новую формулу, для которой он использовал термин «Korperschaft[290]», которая бы с одной стороны обеспечила сохранность интересов немецкого населения и с другой стороны польский интерес. В дополнение канцлер объявил, что министр может быть спокоен; в Данциге не будет свершившегося факта и ничего не будет предприниматься что осложнит ситуацию с польским правительством» (Документ ТС-73, номер 48)

Вы видели это, прежде чем я задам вопрос?

Риббентроп: Да я читал это.

Максвелл-Файф: Теперь взгляните на краткое изложение вашей беседы с Беком на следующий день. Это страница 115, в начале второго абзаца вы прочтете, что после того, как господин Бек упомянул о Данциге, вы сказали: «В ответ господин фон Риббентроп вновь подчеркнул, что Германия не ищет никакого

---

289 Юзеф Бек (1894 — 1944) — польский государственный деятель, министр иностранных дел Польши в 1932—1939 гг.

290 «Объединение» (нем.)

решения путем применения силы». (Документ TC-73, номер 49) Вот почти дословно то, что сказал Гитлер за день до этого. Вы видите это?

Риббентроп: Да

Максвелл-Файф: Теперь возвратимся к странице 113.(Документ номер С-137, экземпляр GB-33). Это приказы подсудимого Кейтеля, или точнее, передача Кейтелем приказа фюрера о Данциге, датированного 24 ноября, изданного за шесть недель до этого. Он является дополнением к приказу от 21 октября. Там сказано:

> «Помимо трех вариантов, упомянутых в инструкции от 21 октября, следует также проводить подготовку, которая дала бы возможность врасплох оккупировать германскими войсками свободный город Данциг.
>
> (4. Оккупация Данцига).
>
> Подготовка будет проведена на следующей основе. Условия оккупации следующие: революционный порядок оккупации Данцига, использование политически благоприятной обстановки, но не война против Польши». (Документ номер С-137)
>
> Вам известно об этих инструкциях?

Риббентроп: Нет, мне это было неизвестно. Этот приказ или что-то подобное я вижу в первый раз.

Максвелл-Файф: Гитлер должен был знать об этом приказе, не правда ли? Ведь это приказ фюрера?

Риббентроп: Безусловно, и я поэтому полагаю, и как раз хотел это добавить для того, чтобы британскому обвинению было ясно, что политика и военные дела — здесь две совершенно разные вещи. Нет сомнения в том, что фюрер, учитывая трудности, которые постоянно возникали в связи с Данцигом и коридором, отдавал какие-то военные приказы на всякий случай, и я полагаю, что здесь речь идет об одном из таких приказов. Я вижу его сегодня впервые.

Максвелл-Файф: Допустим, что вам было известно об этих приказах, и вы тем не менее утверждали бы 5 января, что Германия не стремится поставить поляков перед свершившимся фактом или перед решением, навязанным силой. Если бы вы знали об этом приказе, вы тем не менее, сказали бы это?

Риббентроп: Если бы я знал об этом приказе и рассматривал бы его так как я и должен был его рассматривать, а именно как приказ генерального штаба, рассчитанный на возможные осложнения, то я бы все равно остался при своем мнении, так как я считаю, что задачей генеральных штабов является принципиальная подготовка к решению всех проблем, которые могут возникнуть. К политике это, в конце концов, не имеет никакого отношения.

Максвелл-Файф: К политике не имеет отношения тот факт, что имеется совершенно определенный план, предусматривающий, каким образом свободный

город Данциг должен быть занят германскими войсками врасплох? Никакого отношения к политике не имеет то, что вы говорите полякам, что они не будут поставлены перед свершившимся фактом? По-видимому, так вы представляете себе, как надо вести дела? В таком случае, я оставлю этот вопрос.

Риббентроп: Нет, я должен добавить то, что я знаю, а именно то, что фюрер долгое время был озабочен, особенно в 1939 году, тем, что Польша может внезапно напасть на Данциг, так что хотя я человек и не военный, однако мне кажется естественным то, что решение таких проблем как-то подготавливается. О деталях этого приказа я, конечно, не могу судить.

Максвелл-Файф: Итак, когда вы узнали о том, что Гитлер решил напасть на Польшу?

Риббентроп: То, что Гитлер рассчитывал и на военные действия в Польше, я услышал в первый раз, насколько я помню, в августе 1939 года. То, что он уже до этого, безусловно, принял некоторые подготовительные меры какого-либо рода на всякий случай, — явствует из самого этого приказа в отношении Данцига. Но об этом приказе я, собственно, не узнал ничего, и я не помню, чтобы я в то время получал какие-либо сведения военного порядка. Я помню, что я ничего не знал об этом.

Максвелл-Файф: Утверждаете ли вы перед трибуналом, что вам не было известно в мае, что истинные взгляды Гитлера заключались в том, что Данциг не является основным спорным вопросом, а основной целью являлся захват Lebensraum на Востоке?

Риббентроп: Нет, в этом смысле я не знал об этом. Фюрер, правда, говорил иногда о жизненном пространстве, это верно, но я не знал, что он намеревается напасть на Польшу.

Максвелл-Файф: Хорошо, тогда взгляните на страницу 117 вашей папки. Там имеется запись совещания от 23 мая 1939 г. в новой рейхсканцелярии.

Риббентроп: Вы говорите 117?

Максвелл-Файф: 117. Она начинается:

> «Данциг вовсе не является предметом опора. Вопрос заключается в том, чтобы расширить наше Lebensraum на Востоке, обеспечить наши продовольственные ресурсы и решить проблему Балтики. Продовольственные ресурсы можно получить только в таких редко населенных районах, которые настолько плодородны, что после того, как Германия использует их, их плодородие все же сильно увеличится. Другой возможности в Европе нет».

Вы хотите сказать трибуналу, что Гитлер никогда не высказывал

вам подобной точки зрения?

Риббентроп: Может быть, это покажется странным, но я хотел бы прежде всего сказать, что я, очевидно, не был на этом совещании. Это военное совещание, а фюрер всегда проводил совещания по военным вопросам отдельно от политических совещаний. Правда, иногда фюрер, в общих чертах говорил о том, что мы должны иметь жизненное пространство, но о намерении напасть на Польшу в то время, то есть в мае 1939 года, я ничего не знал, и об этом он мне ничего не говорил. Я думаю это намерено скрывалось от нас, как и в других случаях, потому что он хотел, чтобы его дипломаты старались от всей души разрешить вопрос дипломатическим путем.

Максвелл-Файф: Вы хотите сказать, что Гитлер намеренно держал вас в неведении о своих истинных намерениях, о том, что Данциг не являлся предметом спора, и о том, что он в действительности желал добиться жизненного пространства. Это вы хотите сказать?

Риббентроп: Да, я полагаю, что он делал это сознательно...

Максвелл-Файф: Тогда взгляните еще на один, очень краткий абзац, немного дальше, где он говорит:

> «О том, чтобы пощадить Польшу, не может быть и речи, и перед нами нет другого выбора, чем при первой возможности напасть на нее. Мы не можем ожидать повторения чешских событий. Война будет. Наша задача заключается в том, чтобы изолировать Польшу».

Вы хотите сказать трибуналу, что он вам как министру иностранных дел никогда не говорил об этом?

Риббентроп: Я не совсем понял вопрос.

Максвелл-Файф: Вопрос совершенно прост. Вы говорите трибуналу, что Гитлер никогда не упоминал, то что я только зачитал из его речи о том, что не стоял вопрос не щадить Польшу, что вы нападете на Польшу при первой возможности, и ваша задача изолировать Польшу? Вы говорите трибуналу, что Гитлер никогда не упоминал, это вам своему министру иностранных дел, который практически осуществляет внешнюю политику?

Риббентроп: Нет, в то время он этого не говорил. Насколько я помню, лишь значительно позже, летом 1939 года, он говорил о том, что решил разрешить эту проблему — как он сам выразился — тем или иным путем.

Максвелл-Файф: И вы утверждаете, что вам не было известно в мае о том, что Гитлер хотел войны?

Риббентроп: Что он хотел чего?

Максвелл-Файф: Вы не знали, что в мае Гитлер хотел войны?

Риббентроп: Нет, я в этом вообще не был убеждён.

Максвелл-Файф: Из этого документа явствует, что он хотел войны, не так ли?

Риббентроп: Этот документ, без сомнения, говорит о том, что существовало намерение напасть на Польшу, но я знаю, что Гитлер часто использовал сильные выражения со своими военными, то есть, он говорил о том, что у него есть твердое намерение напасть на определенную страну каким–либо способом, но разрешал ли он в действительности в дальнейшем политическим путем, это совершенно другой вопрос. Я знаю, что он часто говорил мне, что сейчас следует общаться с военными так как если бы война уже шла или началась бы на следующий день.

Максвелл-Файф: Итак, теперь я хочу спросить вас о другом. В пятницу вы сказали, что никогда не выражали мнения о том, что Великобритания, воздержится от войны и нарушит свою гарантию Польше. Вы помните это?

Риббентроп: Да.

Максвелл-Файф: Это правда?

Риббентроп: Да.

Максвелл-Файф: Хорошо, я хочу, чтобы вы взглянули на пару документов. Вы помните, что 29 апреля 1939 в 15:30 принимали венгерского премьер–министра и министра иностранных дел?

Риббентроп: Нет, это я не помню.

Максвелл-Файф: Что же, у нас есть запись вашей встречи, подписанная я думаю, фон Эрдмансдорфом[291]. Вы сказали венгерскому премьер–министру и министру иностранных дел:

> «Рейхсминистр иностранных дел добавил, что его твердое убеждение, таково, что ни при каких обстоятельствах в Европе, ни французский или английский солдат не нападут на Германию. Наши отношения с Польшей в данный момент мрачные»
>
> Вы говорили это?

Риббентроп: Я не думаю, что так говорил. Я считаю это невозможным.

Максвелл-Файф: Что же, если у вас есть копия…

Рибеннотроп: Могу я посмотреть на документ?

Максвелл-Файф: Да, конечно, с удовольствием. Это будет экземпляр GB–289, документ D–737.

Риббентроп: Я, конечно, не могу сказать вам в подробностях, что я тогда сказал, но возможно это была попытка успокоить венгров, которые вероятно были обеспокоены польской проблемой; такое абсолютно возможно. Но я с трудом верю, что я говорил нечто похожее. Однако, фюрер определенно знал, и я говорил фюреру о том, что Англия придет на помощь Польше.

Максвелл-Файф: Если у вас есть сомнения посмотрите на документ номер D–738, который будет экземпляром GB–290. По всей видимости, вы увидели этих господ

291 Отто фон Эрдмансдорф (1888 — 1978) — дипломат, руководящий сотрудник министерства иностранных дел Германии.

снова 2 дня спустя. Посмотрите на последнее предложение:

> «Он (рейхсминистр иностранных дел) снова отметил, что Польша не представляет для нас военной проблемы. В случае военного столкновения британцы равнодушно бросят поляков в беде»

Вполне ясно сказано, не так ли «В случае военного столкновения британцы равнодушно бросят поляков в беде»

Риббентроп: Я не знаю, на какой это странице.

Максвелл-Файф: В шестом абзаце, это доклад от 1 мая, последнее предложение в цитате. Подписано господином фон Эрдмансдорфом; это указано над его подписью. Слова, о которых я спрашиваю ««В случае военного столкновения британцы равнодушно бросят поляков в беде»

Риббентроп: Это на странице 8 или где? Могу я спросить на какой странице?

Максвелл-Файф: Выше следует абзац 7. Он начинается:

> «Рейхсминистр иностранных дел вернулся к своему отношению к польскому вопросу и указал на то, что польское отношение ужесточилось»

Риббентроп: Вполне возможно, что я говорил нечто подобное, и что это было сказано не с целью не волновать венгров и сохранить их на нашей стороне. Совершенно ясно, что это не более чем дипломатический разговор.

Максвелл-Файф: Вы не думаете, что требуется говорить правду в политическом разговоре?

Риббентроп: Речь не об этом; речь о том, чтобы можно было разрешить этот и польский вопрос дипломатическим путем. Если бы сегодня мне пришлось говорить венграм, и тоже само относится к итальянцам, о том, что Англия поможет Польше и что в результате возникнет великая война, тогда бы возникла дипломатическая ситуация в которой было бы невозможно как–нибудь решить проблему. Без сомнений, я все время должен был использовать сильные выражения, как всегда приказывал фюрер, так как если бы его собственный министр иностранных дел намекал на иные возможности, то естественно было бы трудно, смею сказать, я подразумеваю, это бы означало, это в любом случае привело бы к войне. Но мы хотели усилить немецкие позиции настолько, чтобы можно было решить эту проблему мирно. Я могу добавить, что венгры были немного обеспокоены германской политикой, и фюрер сказал мне с самого начала использовать конкретный и сильный язык в таких предметах. Я использовал такой тип языка довольно часто с моими дипломатами по тем же самым причинам.

Максвелл-Файф: Вы хотите убедить нас, что вы говорили ложь венграм, но говорите правду трибуналу. Вкратце это так? То есть вы хотите, чтобы мы поняли – что вы говорили ложь венграм, но говорите правду трибуналу? Так нам следует это понимать?

Риббентроп: Господин обвинитель я не знаю можно ли говорить о лжи в данном

случае. Это дипломатический вопрос; и если мы хотели усилить свою позицию, тогда конечно мы не могли вешать лапшу на уши. Представьте, какое впечатление может произвести германский министр иностранных дел говоря что даже при самом маленьком немецком шаге весь мир нападет на Германию! Фюрер часто использовал такие сильные выражения и ожидал того же от меня. Я утверждаю снова, что я часто использовал такой язык, даже в своем министерстве иностранных дел, так что недопонимания не было. Если фюрер определился с решением проблемы, не важно как, даже с риском войны, нашим единственным шансом оставалось занять твердую позицию, так как если у нас не получилось, война была бы неминуема.

Максвелл-Файф: Теперь я хочу, чтобы вы имели в виду то, что, по словам Чиано, вы сказали ему, кажется, 11 или 12 августа, я полагаю, в Зальцбурге: там были вы и Гитлер. Помните, что согласно дневнику Чиано он спросил вас: «Что вы хотите — польский коридор или Данциг»? А вы взглянули на него и сказали: «Нет, мы этого больше не хотим. Мы хотим войны». Вы помните это?

Риббентроп: Да, Это абсолютная неправда. Я тогда сказал графу Чиано: «Фюрер решился так или иначе, разрешить польскую проблему». Вот установка, которую я получил от фюрера. То, что предполагается, чтобы я сказал «мы хотим войны» это абсурд по той причине, что это ясно для каждого дипломата, что о таких вещах не говорят, даже лучшему и преданному союзнику, но определенно не графу Чиано.

Максвелл-Файф: Я хотел бы, чтобы вы взглянули на запись более поздней беседы, которую вы имели с Муссолини и Чиано немного спустя, 10 марта 1940, то есть примерно через девять месяцев. Взгляните на документ PS-2835, который станет экземпляром GB-291 и если вы перейдете к, как я думаю это страница 18 или 19…

Риббентроп: Вы говорите о странице 18?

Максвелл-Файф: Я снова напоминаю вам, это беседа между вами, Муссолини и Чиано 10 марта 1940. Она начинается следующими словами:

> «Рейхсминистр иностранных дел напомнил, что в Зальцбурге он действительно сказал графу Чиано о том, что он не думает, что Англия и Франция помогут Польше без дальнейших вопросов, но что, тем не менее, надо всегда иметь в виду возможность вмешательства западных держав. Теперь он доволен ходом событий, так как, во-первых, всегда было ясно, что рано или поздно должны были возникнуть разногласия, так как они неизбежны».

Далее вы говорите, что хорошо было бы поскорее закончить с конфликтом, пока жив фюрер.

Риббентроп: Да, это было после того, как началась война, не правда ли?

Максвелл-Файф: Да. Я обращаю ваше внимание на следующие слова:

> «Он теперь доволен ходом событий, так как ему всегда было ясно, что рано или поздно должны были возникнуть разногласия, так как они неизбежны»
>
> И если вы посмотрите, где говорится «во-вторых»...

Риббентроп: Разрешите мне ответить на это?

Максвелл-Файф: Да, но я заявляю вам, что это совершенно очевидно показывает, что граф Чиано прав и что вы были очень довольны, что дело дошло до войны, так как вы считали, что это своевременно.

Риббентроп: Напротив, здесь также сказано, что мы всегда считались с возможностью вмешательства западных держав. Это же здесь ясно сказано.

Максвелл-Файф: Но я обращаю ваше внимание на вторую часть. Я не говорю о британском вмешательстве. Я говорю: «Он был теперь доволен ходом событий», и если вы посмотрите далее в абзаце, то вы задумаетесь, что третья строка говорит:

> «Во-вторых, в момент когда Англия ввела всеобщую воинскую повинность, стало ясно, что отношения между державами, в конце концов, не могли разрешиться благоприятно для Германии и Италии».

Риббентроп: Могу я спросить, где об этом сказано?

Максвелл-Файф: Несколько строчек ниже. Слово «во–вторых» подчеркнуто, не так ли?

Риббентроп: Нет, не здесь. Да, я нашел.

Максвелл-Файф: «Во-вторых, тогда, когда Англия ввела всеобщую воинскую повинность…», на десять строчек дальше.

Риббентроп: Я не совсем понимаю, что британский обвинитель хочет подтвердить этим; я не совсем понимаю?

Максвелл-Файф: Перед тем как вы ответите на мой вопрос, взгляните на следующую фразу:

> «Это, так же как и другие вещи, имело решающее влияние на решение фюрера разрешить польский вопрос, даже несмотря на угрозу вмешательства западных держав. Однако решающим фактором является то, что великая держава не могла оставить вещи неизменными».

Риббентроп: Это кажется мне правильным.

Максвелл-Файф: И такова была тогда ваша точка зрения и точка зрения, которую вы позже признали вашей, — что вы были полны решимости разрешить польский вопрос, даже если это бы означало войну? Чиано

был прав, когда сказал, что вы хотели войны. Вот что я утверждаю по поводу вас.

Риббентроп: Нет, это неверно. Я тогда сказал Чиано в Берхтесгадене, что фюрер решил разрешить эту проблему тем или иным путем. Это высказывание было уже нужно и потому, что фюрер был убежден, что, как и всегда, то, что становится известно в Риме, немедленно передается в Париж, Лондон. Поэтому он хотел, чтобы мы говорили ясно для того, чтобы Италия в дипломатическом отношении оставалась на нашей стороне. Если фюрер или лично я говорил о том, что фюрер не определился с проблемой, без сомнения это было бы немедленно передано. Но если фюрер определился с решением проблемы, если необходимо войной, если нельзя было её решить иным способом, что означало войну, это четко и твердо объясняет дипломатическое отношение, которое я занимал в Зальцбурге. Но я не знаю, как это противоречит сказанному мной ранее.

Максвелл-Файф: Я хочу перейти к последней неделе августа и кратко осветить её, потому что есть неохваченные моменты.

Вы согласны с вашими показаниями, что 25 августа фюрер отменил нападение, которое было намечено на утро 26-го. Вы помните это? Я хочу чтобы вы запомнили даты.

Риббентроп: Я хорошо помню дату.

Максвелл-Файф: Вы находились в суде, когда Далерус давал свои показания, не так ли?

Риббентроп: Да я находился здесь.

Максвелл-Файф: Позвольте мне напомнить дату, что вечером 24–го подсудимый Геринг попросил господина Далеруса на следующее утро обеспечить доставку предварительных наметок того, что фюрер собирался сказать сэру Невиллу Гендерсону 25–го. Таким было его свидетельство? И 25–го, в 13:30…

Риббентроп: Я не помню точных дат, но я предполагаю это верно.

Максвелл-Файф: Я хорошо знаю эти даты, и трибунал поправит меня если я ошибусь, но я называю просмотрев их. Это была ночь 24–го; Далерус отбыл утром 25-го, и затем в 13:30 25-го, вы сказали в полдень, я не спорю с вами в вопросе минут – в середине дня 25–го фюрер встретил сэра Невилла Гендерсона...

Риббентроп: Да, правильно.

Максвелл-Файф: И вручили ему то, что называется вербальной нотой, то есть, запрос в общих фразах.

Риббентроп: Нет, её вручили ему вечером. В полдень он только поговорил с ним, и вечером я поручил посланнику Шмидту передать ему вербальную ноту, я думаю, так это было, со специальным посланием в котором я снова просил его создать впечатление у своего правительства о том насколько серьезен был фюрер, выдвигая

это предложение. Я думаю, она содержится в британской «Синей книге[292]».
Максвелл-Файф: Как бы то ни было, вы вручили ему настоящую ноту, в которой господин Гитлер высказал ему общий взгляд в устной беседе, которая состоялась у него с сэром Невиллом, в середине дня?
Риббентроп: Верно.
Максвелл-Файф: И фактической отмены атаки утром 26–го, как вы сказали, не произошло до тех пор пока вы не получили сообщение от господина Муссолини около 3 часов, и не пришли новости о подписании англо–польского формального соглашения подписанного в тот вечер около 4 часов. Так вы сказали.

Теперь, первое положение, которое я хочу донести до вас: во время направления господина Далеруса, и во время этой ноты, слов сказанных фюрером сэру Невилу Гендерсону, немецкое намерение заключалось в нападении утром 26–го; и я предполагая, что оба сообщения, и господина Далеруса и слова сказанные сэру Невилу Гендерсону просто предназначались для того, чтобы создать проблемы британскому правительству; в надежде на то, что это окажет какое-нибудь влияние на отказ от помощи Польше; не так ли?
Риббентроп: Вы хотите, чтобы я ответил на это?
Максвелл-Файф: Разумеется; я спрашиваю вас.
Риббентроп: Ситуация заключается в том, что я не знаком с сообщением Далеруса, я ничего не могу о нём сказать. Относительно встречи между Гитлером и сэром Невиллом Гендерсоном, я могу сказать, что я читал переписку между господином Чемберленом и Гитлером утром, я думаю датированную 22–м, и оказался в каком-то тупике. После этого я разговаривал с фюрером о том следует ли нам продолжать попытки с целью достичь какого–либо решения с Англией или нет. Впоследствии, ближе к полудню, я думаю было 1 или 2 часа, фюрер встретил сэра Невилла Гендерсона в моем присутствии и сказал ему о том, что он должен взять самолет и лететь в Лондон для того, чтобы как можно скорее поговорить с британским правительством. После решения польской проблемы он намеревался снова обратиться к Англии на с всеобъемлющим предложением. Он привёл, как мне кажется, общие черты уже в вербальной ноте, но я не помню точно. Затем сэр Невилл Гендерсон вылетел в Лондон. В то время как фюрер вёл эту беседу, шли военные мероприятия. Я узнал об этом в течение дня, потому что пришёл отказ Муссолини, как мне кажется, не в 3 часа, а раньше, в течение утра или полудня. Затем в 4 или 5 вечера я услышал о ратификации польско–британского соглашения. Я немедленно пошёл к фюреру и предложил ему отменить военные меры, и он сделал это после коротко обдумывания. Нет сомнения в том, что в тоже время предпринимались определенные военные меры. Насколько далеко они зашли я, к сожалению не способен сказать. Но когда фюрер посылал это предложение, эту вербальную ноту Англии, я был убежден и находился под впечатлением того, что

292 «Синяя книга» - издававшийся в Великобритании сборник документом кануна Второй мировой войны.

если Англия как–нибудь ответит на неё, вооруженного конфликта не произойдет, и что в таком случае военные меры, которые, как мне кажется, автоматически вступят в силу, позже остановятся. Но я ничего не могу сказать об этом в подробностях. Я вспоминаю лишь одну вещь, что когда я получил вербальную ноту от фюрера, что, как я думаю было после полудня или вечером, эти меры уже или были остановлены или находились, во всяком случае, в процессе остановки. Сейчас я не могу представить вам хронологический порядок событий. Для этого мне нужны важные документы, которых, к сожалению, у меня нет в распоряжении здесь. Но одна вещь безусловна, предложение фюрера Англии было сделано для того, чтобы снова попытаться придти к решению польской проблемы. Когда я увидел вербальную ноту, я даже спросил его: «Что насчет польского решения?» - и помню, как он сказал мне: «Мы сейчас пошлем эту ноту британцам, и если они ответят, мы посмотрим, что еще можно сделать, еще есть время»

В любом случае мне кажется, что либо военные меры были остановлены, когда ноту вручили, или они остановились вскоре после этого.

Максвелл-Файф: Итак, вы не присутствовали на совещании фюрера со своими генералами 22 августа, но вы, наверное, неоднократно на этом процессе слышали оглашение протокола этого совещания. Вы помните, что, согласно протоколу, фюрер заявил:

> «Для того чтобы объяснить начало войны, я дам причину пропагандистского характера; неважно, — правдоподобна ли эта причина; победителя потом не будут спрашивать, сказал ли он правду. При развязывании войны имеет значение не право, а победа». (Документ номер PS-1014)

Вот что было сказано в Оберзальцбурге. Говорил ли вам Гитлер когда-нибудь что-либо подобное?

Риббентроп: Вы сказали 27–го?

Максвелл-Файф: 22–го. Я спрашиваю о том, говорил ли Гитлер вам, что-либо похожее?

Риббентроп: Нет, на совещании 22 августа я не присутствовал. Думаю, я был на пути в Москву.

Максвелл-Файф: Я сказал, что вы не присутствовали. Вот почему я так задал вопрос. Говорил ли он вам нечто подобное? Вы говорите «нет». Что же я хочу, чтобы вы перешли к 29–му.

Риббентроп: Могу я, что-нибудь сказать об этом?

Максвелл-Файф: Нет; если вы говорите, что он вам этого не говорил, я не буду развивать эту тему, потому что нам не нужно тратить слишком много времени на все эти детали. Я хочу, чтобы вы перешли к 29 августа, когда вы встретили сэра Невилла Гендерсона в то же время, приняв с определёнными оговорками, идею о прямых переговорах с Польшей, вы сказали о том, что должно быть условием

переговоров с поляками, чтобы они направили уполномоченного на следующий день 30–го. Вы помните это?

Риббентроп: Да, что же, это было…

Максвелл-Файф: На самом деле я не хочу останавливать вас, но я хочу немного задержаться на этом пункте.

Риббентроп: В таком случае я должен сказать «нет». Могу я сделать заявление?

Максвелл-Файф: Извиняюсь, это всего лишь начало. Я думал, это общеизвестно, что вы, встретив сэра Невилла 29–го, перечислили условия. Одно из условий заключалось в том, чтобы польский уполномоченный должен был присутствовать к 30–му. Если вы не согласны, пожалуйста, скажите мне, если я ошибаюсь, потому что я так вспоминаю все документы.

Риббентроп: Да, это верно.

Максвелл-Файф: Итак, 30–го, вы рассказывали нам о том, что причина не давать копию условий сэру Невилу, заключалась, во–первых, потому что Гитлер приказал вам не давать копию. И я думаю, вам привели причину о том, что польский уполномоченный не прибыл, и поэтому было неправильно вручать копию условий. Правильно?

Риббентроп: Верно.

Максвелл-Файф: Итак, эти условия, которые вручили, которые вы зачитали, были не готовы к 29–му, потому что в вашем сообщении с требованием уполномоченного вы сказали, что если бы он прибыл то они были бы готовы к 30–му. Таким образом я понимаю, что эти условия были подготовлены Гитлером при помощи министерства иностранных дел между 29–м и 30–м?

Риббентроп: Он лично их продиктовал. Я думаю было 16 пунктов, если я правильно помню.

Максвелл-Файф: Итак, вы на самом деле ожидали после обращения с Шушнигом, Тисо, Гаха, что поляки с готовностью пошлют муху в паутину[293]?

Риббентроп: Мы разумеется рассчитывали на это и надеялись на это. Я думаю, что намека британского правительства было бы достаточно для направления посланника в Берлин.

Максвелл-Файф: И вы надеялись поставить поляков перед дилеммой, либо эти условия выступят пропагандисткой причиной войны, используя фразу Гитлера – или же вы, оказав давление на польского уполномоченного, сможете сделать тоже самое, что вы ранее сделали с Шушнигом и Тисо и с Гахой и добиться от поляков капитуляции. Разве не об этом вы думали?

Риббентроп: Нет, ситуация отличалась. Я должен сказать, что 29–го фюрер сказал британскому послу о том, что он набросал эти условия или это соглашение и ко времени прибытия польского уполномоченного, предоставил их бы британскому

---

293 Ставшая афоризмом фраза из поэмы «Паук и муха» Мэри Хоувит – означающая ложное предложение помощи с целью загнать в ловушку.

правительству – или он надеялся на то, что это будет возможно, я думаю вот, что он сказал. Сэр Невилл Гендерсон принял ноту об этом, и я должен повторить, что фюрер, после получения британского ответа 28–го, еще раз, и несмотря на чрезвычайно напряженную ситуацию между Польшей и Германией, согласился на такого рода переговоры. Решающее в эти ключевые дни 30–го и 31–го, таким образом, следующее: фюрер набросал эти условия, Англия знала, что о том, что существовала возможность прийти к решению. Всё 30 августа мы ничего не услышали от Англии, по крайней мере, ничего определенного. Только в полночь, как я думаю, британский посол явился на дискуссию. Между тем, я должен заметить, что в 7 часов из Польши пришли вечерние новости о всеобщей мобилизации, которые крайне взволновали фюрера. В результате этого, ситуация чрезвычайно обострилась. Я всё ещё точно помню обстановку в канцелярии куда каждый час приходили доклады об инцидентах, потоках беженцев, и так далее. Атмосфера была сильно наэлектризована. Фюрер ждал всё 30–е; не пришло никакого чёткого ответа. Затем в полночь 30–го, состоялась беседа. Ход беседы уже описывали здесь я и свидетель, переводчик Шмидт. Я сделал больше чем мне было позволено, я целиком зачитал содержание сэру Невиллу Гендерсону. Я надеялся на то, что Англия вероятно еще что–нибудь предпримет. Фюрер сказал сэру Невиллу Гендерсону о том, что с польским уполномоченным будут обращаться исходя из таких же условий. Следовательно, существовала возможность встречи где-нибудь в назначенном месте, или чтобы кто–то прибыл в Берлин, или чтобы польскому послу Липски предоставили необходимые полномочия. Такими были возможности. Я даже пойду дальше. Просто нужно было, в течение 30–го и 31–го, до поздней ночи или следующего утра, когда началось выступление, чтобы польский посол Липски имел хотя бы полномочия взять в свои руки немецкие предложения. Будь это сделано, дипломатические переговоры во всяком случае бы шли, и таким образом можно было бы избежать кризиса, по крайней мере, на время.

Мне также кажется и я уже говорил, что возражений не было бы. Мне кажется, фюрер бы приветствовал если бы вмешался британский посол. Основа для переговоров, я уже упоминал об этом, называлась разумной сэром Невиллом Гендерсоном. Один намек от британского правительства в течение 30–го и 31–го, и переговоры продолжались бы на основании этих разумных предложений фюрера, названных разумными самими британцами. Это бы не вызвало у поляков никакого раздражения, и мне кажется, что на основе этих разумных предложений, которые абсолютно соответствовали уставу Лиги наций, который предусматривал плебисцит для района коридора, было бы возможно решение, совершенно приемлемое для Польши.

Председатель: Трибунал прервется на 10 минут.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Подсудимый, трибунал желает, чтобы я сказал вам о том, что он думает, что ваши ответы и объяснения слишком длинные, слишком подробные, и слишком повторяющиеся, и они касаются вопросов, которые снова и снова рассматривались в трибунале, таким образом, трибунал просит, пытаться сокращать свои ответы насколько это возможно.
Риббентроп: Да.
Максвелл-Файф: Правильно ли я вас понял, свидетель, что вам не было известно о контакте между Квислингом и подсудимым Розенбергом весной и летом 1939 года? Это было почти до войны.
Риббентроп: Да. Это верно, я знал, что Розенберг имел друзей в Норвегии, и, конечно, при этом упоминался и Квислинг, но для меня эта фамилия в то время ничего не означала. По желанию фюрера я предоставил Розенбергу определенные суммы денег для его друзей в Норвегии, для газет, пропаганды и тому подобных вещей.
Максвелл-Файф: Насколько я понял ваши показания, вам не было известно о том, что некоторые люди Квислинга обучались в тренировочной школе в Германии в августе 1939 года, до войны?
Риббентроп: Я не помню этого. Я узнал об этом здесь, из одного документа. Но, насколько я помню, в то время я ничего не знал об этом, а если бы и знал, то не в подробностях.
Максвелл-Файф: Было ли вам известно, что немцы, проживающие в Норвегии, были использованы для того, чтобы расширить штат различных германских официальных органов, посольств и консульств вскоре после начала войны?
Риббентроп: Нет, сейчас я этого вообще не помню. Я в то время ничего конкретного не знал об этом, если это и было так.
Максвелл-Файф: Это цитата из ежегодника НСДАП. Все, что я сейчас хочу знать знали вы либо нет об этом. Если вы говорите, что нет…
Риббентроп: Нет, я ничего не могу сказать об этом. Боюсь…
Максвелл-Файф: В то время, в декабре 1939 года, было ли вам известно, что Квислинг два раз беседовал с Гитлером — 16 и 18 декабря?
Риббентроп: Нет, этого я тоже не знал. Могу я спросить какого числа?
Максвелл-Файф: 16 и 18 декабря 1939, с помощью подсудимого Рёдера.
Риббентроп: Нет, я ничего не знал об этих беседах, по моим воспоминаниям.
Максвелл-Файф: То есть вы впервые практически коснулись Норвегии, когда получили письмо от Рёдера, датированное 3 апреля?
Риббентроп: Нет, мне кажется, что это было письмо от Кейтеля. Мне кажется, что это ошибка.
Максвелл-Файф: Прошу прощения. Моя ошибка. Извиняюсь. Вспоминаете ли вы об одном письме от Кейтеля, в котором он писал:

> «Военная оккупация Дании и Норвегии в течение долгого времени подготовлялась по приказу фюрера верховным командованием вооруженных сил. Поэтому у верховного командования вооруженных сил было много времени для того, чтобы заниматься всеми вопросами, связанными с осуществлением этой операции».

Так что свидетель – я, вероятно, могу сократить этот вопрос – вы действительно являетесь неподходящим лицом, чтобы спрашивать вас о ранних приготовлениях в отношении Норвегии, потому что вас не было на ранних дискуссиях с Квислингом и с Рёдером и Гитлером. Правильно? Если так я оставлю вопрос.

Риббентроп: Нет, я не присутствовал на этих дискуссиях. Я хочу лишь коротко пояснить следующее. Я не знаю почему, но я получил это письмо также несколькими днями позднее. Первое сообщение о намерении занять Норвегию ввиду предстоявшей там высадки англичан я получил от фюрера за тридцать шесть часов до выполнения этого плана. Следовательно, это письмо где-то задержалось. Я его увидел позднее.

Максвелл-Файф: Тогда я не буду занимать время, потому что есть много, что нужно охватить и я непосредственно перехожу к вопросу о Малых стран. Вы слышали, как я и, видимо, другие, неоднократно оглашали заявление Гитлера от 22 августа 1939, а именно:

> «Другая возможность — это нарушение голландского, бельгийского и швейцарского нейтралитета. У меня нет сомнения в том, что все эти государства, а также Скандинавия, будут защищать свой нейтралитет всеми средствами. Англия и Франция не нарушат нейтралитета этих стран». (Документ номер PS-798)

Вот, что сказал Гитлер 22 августа. Вас там не было, и я вновь вас спрашиваю: высказал ли он вам такое же мнение?

Риббентроп: Нет, он этого не сделал.

Максвелл-Файф: Но было ли вам известно, что 7 октября 1939. был отдан приказ по группе армий о том, что группа армий «В» должна провести полную подготовку для немедленного вторжения на голландскую и бельгийскую территории, если политическое положение этого потребует. Вам было известно об этом приказе от 7 октября?

Риббентроп: Нет, я думаю, что я только здесь его увидел. Я ранее не знал о существовании такого приказа.

Максвелл-Файф: А было ли вам известно о том, что 9 октября Гитлер принял следующую директиву:

> «Продолжительный период ожидания приведёт не только к

отказу, Бельгии и, может быть, также Голландии, от нейтралитета в пользу западных держав но также укрепит в большой степени военную мощь наших врагов, уменьшит веру нейтральных стран в окончательную победу Германии. Следует проводить подготовку к нападению на северный фланг Западного фронта через территорию Люксембурга, Бельгию и Голландию. Это нападение должно быть совершено как можно скорее и с применением крупных сил». (Документ номер С-62)

Вам было известно, что Гитлер издал эту директиву 9 октября?

Риббентроп: Нет, я ничего не знал об этом.

Максвелл-Файф: Таким образом, что касается вас, то, как вы утверждаете здесь, на суде, Гитлер делал многочисленные заверения в августе и октябре, не сообщив своему министру иностранных дел о том, что 7 и 9 октября он отдал директиву о нападении на Малые страны? Вы говорите о том, что он не сказал вам об этом приказе или директиве о нападении на Малые страны? Вы уверены в этом?

Риббентроп: Да, я почти, что уверен в этом, так как я бы помнил это. Я знаю одно, а именно то, что после окончания войны с Польшей поговаривали о наступлении на Западе. Но я ничего не слышал о каких-либо приказах.

Максвелл-Файф: Понятно. Если вы так говорите, тогда перейдем к вопросам, в отношении которых вы были немного лучше осведомлены. Помните ли вы встречу, которую Гитлер и вы имели с Чиано в Оберзальцбурге 12 августа 1939?

Риббентроп: Да, я видел здесь этот документ.

Максвелл-Файф: Я хотел бы, чтобы вы взглянули на этот документ. Это на странице 181. Я хочу, чтобы вы следили в то время, как я оглашу выдержку, которая ближе к 182: У меня он на второй странице и абзац начинается «Польша в целом прояснила свое отношение в случае конфликта…»

Риббентроп: Я пока не нашел.

Максвелл-Файф: Что же, если вы посмотрите «Польша в целом прояснила свое отношение в случае конфликта …»

Риббентроп: На странице 2?

Максвелл-Файф: Это должно быть на странице 2, у меня страница 2. У вас может быть следующей.

Риббентроп: В начале абзаца?

Максвелл-Файф: Да. «Польша в целом прояснила…» Там два абзаца, где говорится «Граф Чиано продемонстрировал признаки…»

Риббентроп: Да, нашел.

Максвелл-Файф:

«В общем и целом лучше будет ликвидировать псевдонейтралов одного за другим. Это можно довольно легко сделать, если один

партнер оси будет прикрывать тыл другого, в то время как этот приканчивает одного из таких ненадежных нейтралов. Во время посещения принца-регента Павла он, Гитлер, высказал пожелание, особенно имея в виду Италию, чтобы принц Павел каким-нибудь действием сделал ясной свою позицию в отношении Оси. Он имел в виду более тесную связь с Осью и то, чтобы Югославия вышла из Лиги наций. Принц Павел согласился на последнее. И недавно принц-регент посетил Лондон и стремился получить поддержку у западных держав. Произошло то же самое, что и в отношении Гафенку[294], который также вел себя очень понимающе, когда находился в Германии, и отрицал всякую заинтересованность в целях, преследуемых западными демократиями».

Такова была гитлеровская формулировка его политики, и, как я понимаю, вы содействовали этой политике — ликвидировать псевдонейтралов одного за другим и включить Югославию в число этих нейтралов?

Риббентроп: Нет, это нельзя так понимать. Я должен по этому поводу сказать следующее: ситуация в то время была такова, что Гитлер хотел во что бы то ни стало удержать Италию на нашей стороне. Италия всегда была ненадёжным партнером. Поэтому фюрер в то время и говорил в такой форме для того, чтобы сказать Италии, что в случае, если с Югославией возникнут трудности, он окажет Италии помощь. Это можно понять, только учитывая создавшееся положение, а положение было таково. Германия с помощью Италии уже добилась некоторых изменений в Европе мирным путем. Это касается Данцига и коридора, причем Муссолини помогал Гитлеру. Я помню, какова была ситуация.

Максвелл-Файф: Вы отрицаете, что такова была ваша политика — ликвидировать неустойчивых нейтралов?

Риббентроп: Нет, дело обстояло иначе, это нельзя понимать дословно. В дипломатических разговорах часто называют вещи не своими именами…

Максвелл-Файф: Я хочу…

Риббентроп: Это был вопрос Югославии.

Максвелл-Файф: Такова была постоянная точка зрения Муссолини, что на Балканы надо напасть при первой возможности?

Риббентроп: Этого я не знаю.

Максвелл-Файф: Взгляните на документ PS–2818, милорд это будет экземпляр GB-292. Помните это дополнительный секретный протокол к договору о дружбе и союзе

---

294 Григоре Гафенку (1892 — 1957) — румынский государственный и общественно-политический деятель, видный борец против коммунизма. Министр иностранных дел Румынии (1 февраля 1939 — 3 июля 1940). Доктор юридических наук. Журналист, мемуарист.

между Германией и Италией, заключенному 22 мая 1939. Здесь имеются некоторые комментарии Муссолини от 30 мая 1939. Вы видите?

Риббентроп: Какая страница?

Максвелл-Файф: Что же, я хочу показать вам два отрывка. Вы видите комментарии Муссолини в начале? Ниже самого пакта, вы видите комментарии Муссолини?

Риббентроп: Да, я нашел их.

Максвелл-Файф: Под номером 1 говорится:

> «Война между плутократическими и поэтому консервативными и эгоистичными нациями и густонаселенными и бедными нациями неминуема. Нужно быть готовым к такому положению».

В седьмом абзаце вы увидите, что Муссолини надеется, что войну можно отложить, но он говорит о том, что должно произойти, если наступит, война и он говорит:

> «Война, которую подготавливают великие демократии — это война на истощение. Поэтому нужно строить план, который имеет 100 процентную вероятность исходя из наихудших возможностей. Страны Оси ничего не получат от остальной части мира.В этом предположении речь идет о трудной ситуации, но стратегическая позиция, достигнутая державами Оси, в значительной мере уменьшает трудности и угрозу войны на истощение. С этой целью в первые часы войны надо захватить весь район Дуная и Балкан. Нельзя удовлетворяться декларациями о нейтралитете, но необходимо захватить территории и использовать их для обеспечения необходимого продовольствия и военных поставок промышленности».

Вы видите это?

Риббентроп: Да.

Максвелл-Файф: Не согласны ли вы с тем, что Муссолини считал, что на Балканы надо напасть при первой возможности?

Риббентроп: Эти высказывания Муссолини я слышу здесь впервые. До сих пор они мне были неизвестны.

Максвелл-Файф: Теперь перейдем к замечаниям Гитлера, которые вы видели неоднократно. Вспоминаете ли вы, что после переворота Симовича, 26 марта, состоялось совещание у Гитлера, где он объявил о своей политике.

> «Фюрер полон решимости, не ожидая возможной декларации о лояльности нового правительства, подготовить все для того, чтобы уничтожить Югославию в военном отношении, а также уничтожить ее как национальную единицу. Никакие дипломатические запросы не будут сделаны, ультиматумы не

будут представлены. Заверения югославского правительства, которым никак нельзя верить, будут приняты к сведению. Нападение начнется, как только будут готовы необходимые средства и войска».

Вы помните, что Гитлер сказал это 27 марта?

Риббентроп: Я этого не помню. Могу я посмотреть документ?

Максвелл-Файф: Вы не помните его? Это заявление Гитлера уже много раз зачитывалось в суде.

Риббентроп: Да, я помню, но только в целом, а не конкретные слова.

Максвелл-Файф: Вы помните, что смысл был таков. Я прочел его слова. Такова была политика…

Риббентроп: Я не знаю, что вы имеете в виду говоря «в таком смысле».

Максвелл-Файф: Что же, я сейчас вам скажу. Я имею в виду, что ваша политика заключалась в нападении на Югославию не запрашивая у неё заверений, без хотя бы какой-нибудь дипломатической акции. Вы решили напасть на Югославию и бомбить Белград. Это правильно?

Риббентроп: Нет, совершенно другое, и я прошу позволить мне пояснить подлинное положение дел.

Максвелл-Файф: Я хочу услышать ваши пояснения относительно особых положений, которые я зачитал и отметил. Никакие дипломатические запросы не будут сделаны. Почему вы решили или почему Гитлер с вашей помощью решил напасть на Югославию без каких-либо дипломатических запросов и не дал возможности новому правительству дать заверения. Почему вы это сделали?

Риббентроп: Потому что новое правительство было образовано в первую очередь Англией, как это признал один из британских офицеров дознания, в ходе предварительных слушаний. Поэтому, когда был проведен путч Симовича, фюреру было совершенно ясно, что за правительством Симовича стоят враги Германии и что они мобилизовали армию для того, чтобы напасть с тыла на итальянские войска. Это была не моя политика; напротив, я даже думаю, что на это совещание, о котором вы только что говорили, я был вызван позднее. Гитлер тогда совершенно ясно заявил о том, какова его позиция, и никто не возражал ему. Я прошу вас спросить военных об этом. Я присутствовал и сильно возражал фюреру.

Максвелл-Файф: Вы считали правильным напасть на страну без принятия каких-либо дипломатических мер — говоря словами Гитлера, «с беспощадной жестокостью» — и уничтожить столицу налетами бомбардировщиков? Вы считаете, что это правильный порядок действий? Я задаю вам простой вопрос: вы считали правильным так поступать?

Риббентроп: Я не могу ответить на этот вопрос так, как вы этого хотите, я не могу сказать ни «да», ни «нет», не дав необходимого разъяснения.

Максвелл-Файф: Тогда не стоит отвечать. Если вы не можете ответить «да» или «нет», тогда лучше совсем не отвечайте. Теперь перейдем к следующему пункту — к вопросу о России. Насколько я понял из вашего заявления, вы сказали, что Гитлер решил напасть на Советский Союз после визита господина Молотова в Берлин, я думаю, 12 ноября 1940.

Риббентроп: Я так не говорил, потому что я не знаю.

Максвелл-Файф: Что же, как я это понял, одной из причин, которой вы оправдывали нападение на Советский Союз было сказанное господином Молотовым во время его визита в ноябре 1940. Вы так сказали?

Риббентроп: Это была одна из причин заставившая фюрера насторожиться. Я не знал ничего о нападении в то время.

Максвелл-Файф: Вам известно, что подсудимый Иодль говорил, что даже во время кампаний на Западе, то есть в мае—июне 1940 года, Гитлер сказал ему о том, что он принял основное решение принять меры против Советского Союза, «как только наше военное положение сделает это возможным». Вам это было известно?

Риббентроп: Я об этом только сейчас, в Нюрнберге, услышал.

Максвелл-Файф: Это документ под номером L-172, USA-34, лекция Йодля. Известно ли вам, что 14 августа 1940. генерал Томас[295] был уведомлен во время беседы с Герингом о том, что фюрер желает, чтобы поставки в срок русским проводились только до весны 1941 года, что после этого «нас больше не будет интересовать полное удовлетворение требований русских». Вы знали об этом?

Риббентроп: Нет, я не знал.

Максвелл-Файф: А было ли вам известно, что в октябре 1940 года генерал Томас и государственные секретари Кёрнер[296], Нойман[297], Беккер и генерал фон Ханнекен[298] были уведомлены Герингом о действиях, намечавшихся на Востоке? Вы знали об этом?

Риббентроп: Нет, я и об этом ничего не знал.

Максвелл-Файф: Вы знали, не так ли, что задолго до любых вопросов поднятых в ходе визита Молотова о том, что Гитлер определился с нападением на Советский Союз?

---

295 Георг Томас (1890 — 1946) — генерал пехоты, один из руководителей военной экономики Германии.

296 Пауль Кёрнер (1893 — 1957) — государственный деятель, государственный секретарь правительства Пруссии (11 апреля 1933 года — 1945) и постоянный заместитель уполномоченного по 4-летнему плану Германа Геринга (22 октября 1936 года — 1945), обергруппенфюрер СС (30 января 1942 года). Американским военным трибуналом был осуждён к 15 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

297 Эрих Нойман (1892 — 1951) — государственный деятель эпохи Третьего Рейха, государственный секретарь управления по четырёхлетнему плану (1938—1945), оберфюрер СС (30.01.1939).

298 Герман фон Ханнекен (1890 – 1981) – немецкий военачальник. Командующий германскими войсками в Дании в 1942-1945.

Риббентроп: Нет, я ничего такого не знал. Я знал, что у Гитлера есть озабоченности, но я ничего не знал о нападении. Меня не информировали о военных приготовлениях, потому что эти вопросы всегда решались раздельно.

Максвелл-Файф: Даже 18 декабря, когда Гитлер издал директиву номер 21 о плане «Барбаросса[299]», он вам тоже ничего не сказал?

Риббентроп: Да, именно в декабре, как я случайно сейчас припомнил, я еще раз долго беседовал с фюрером, для того чтобы убедить его в том, что следует включить в Пакт трех держав Советский Союз как союзника и сделать из Пакта трех держав пакт четырех держав. Гитлер не совсем был согласен с этим, и я это заметил, но он сказал мне: «Мы вместе создали пакт, может быть, мы сделаем и это». Это были его слова. Это было в декабре. Об этом также сказано в письменных показаниях свидетеля, который представит защита.

Максвелл-Файф: Вы понимаете, что вы говорите? Вы говорите, что после того, как подсудимый Геринг сообщил об этом генералу Томасу и государственным секретарям, после того, как была издана директива «Барбаросса», Гитлер позволил вам попробовать втянуть Советский Союз в Пакт трех держав, даже не сказав вам, что у него уже были приказы о нападении на Советский Союз? Неужели вы думаете, что кто-нибудь вам поверит?

Риббентроп: Я не совсем понял вопрос.

Максвелл-Файф: Вопрос заключался в том, вы на самом деле верите в то, что после объявления о том, что Рейх собирается напасть на Советский Союз, и после самой директивы о нападении, Гитлер позволил, чтобы вы предложили о том, что подумаете о том, чтобы попросить его присоединиться к Тройственному пакту? В этом заключаются ваши показания?

Риббентроп: Да, это было именно так. Я еще раз сделал ему это предложение в декабре и получил разрешение вести дальнейшие переговоры. Я ничего не знал в декабре об агрессивной войне против России.

Максвелл-Файф: Что касается вашего ведомства, то было совершенно очевидно, что вы получали самые благожелательные отчеты о Советском Союзе и о том — что было маловероятно, — что Советский Союз предпринимал какие-то действия политического характера, направленные против Германии. Правильно ли это, если судить по сообщениям от вашего собственного посла и от ваших людей из России?

Риббентроп: Сообщения такого рода поступали из посольства из Москвы; я их неоднократно, вернее говоря, всегда представлял фюреру,

---

299 Операция «Барбаросса» (Директива № 21. План «Барбаросса»;, в честь короля Германии и императора Священной Римской империи Фридриха I Барбаросса) — разработанный в 1940—1941 гг. план нападения Германии на СССР и одноимённая военная операция, осуществлявшаяся в соответствии с этим планом на начальной стадии Великой Отечественной войны.

но фюрер считал, что дипломаты и военные атташе в Москве — вообще хуже всех информированные люди. Таков был его ответ.

Максвелл-Файф: Это был ваш честный взгляд, основанный на собственной информации, о том, что от России не исходит опасности, Россия честно выполняет свои обязательства по соглашению. Это был ваш честный взгляд?

Риббентроп: Нет, я так не говорил. Я сказал, что были доклады от дипломатов из Москвы.

Максвелл-Файф: Вы не верили им? Вы не верили своим сотрудникам?

Риббентроп: Я был очень скептически настроен относительно достоверности этих докладов, потому что фюрер, который получал доклады, имел доклады совершенно противоположного характера о политическом отношении в другом направлении.

Максвелл-Файф: Во всяком случае, весной 1941 года ваше министерство присоединилось к подготовке к нападению на Советский Союз, не так ли?

Риббентроп: Я не знаю точно, когда это было, но весной появились срочнее дела и, очевидно, имели место совещания, на которых обсуждался вопрос о возможности конфликта с Советским Союзом, но подробно я этого сейчас не помню.

Максвелл-Файф: Понимаю. И снова я не хочу занимать этим слишком много времени, но ведь правильно то, что в апреле 1941 года вы сотрудничали с ведомством Розенберга в подготовке к захвату восточных территорий и что 18 мая вы издали меморандум относительно подготовки к морской кампании?

Риббентроп: Что касается подготовки с Розенбергом, то это ошибка. Насколько я помню, я не говорил в то время с Розенбергом на эту тему, я говорил с ним об этом уже после того, как началась война. Что же касается этого меморандума флота, то я могу сказать, что увидел этот документ только здесь, — до сего времени я не знал о существовании этого документа. Мне кажется, что это экспертное заключение по вопросам, связанным с международным правом, то есть по вопросам, которые могли бы возникнуть в связи с военными действиями в Балтийском море. Такое экспертное заключение, несомненно, было представлено.

Максвелл-Файф: Здесь сказано: «Министерство иностранных дел подготовило к использованию при проведении плана «Барбаросса» прилагаемый проект относительно зоны операций». Об этом вы что-нибудь помните?

Риббентроп: Нет, я думаю, что я и тогда не получил этого проекта. Решение принималось другой инстанцией. Конечно, я ответственен за все то, что происходило в моем министерстве.

Максвелл-Файф: А посол Риттер[300] не осуществлял ли связь между вашим ведомством и Вермахтом?

Риббентроп: Да, это правильно.

Максвелл-Файф: Я хотел бы, чтобы вы также помогли мне разобраться в некоторых других вопросах. Вы сказали нам, что вели переговоры относительно Антикоминтерновского пакта в 1936 году. И, конечно, в то время — кажется вы сами это сказали — Антикоминтерновский пакт был направлен против Советского Союза. Так это?

Риббентроп: Да. Это был, конечно, пакт, построенный на противоположном мировоззрении и содержавший в себе некоторые политические моменты. Это правильно.

Максвелл-Файф: Он был расширен Тройственным пактом 27 сентября 1940 г. Этот второй пакт был продолжением первого?

Риббентроп: Этот второй пакт сам по себе не имел никакого отношения к первому пакту. Этот второй пакт был чисто политическим и военно-экономическим союзом.

Максвелл-Файф: Это факт, что вы настаивали на том, чтобы Япония вступила в войну через довольно короткий срок, еще в марте 1941 года, не правда ли?

Риббентроп: Да. Это, очевидно, правильно, в то время чтобы напасть на Англию.

Максвелл-Файф: Я остановлюсь на этом вопросе очень коротко, так как вы сказали, что воевали с Англией и поэтому имели право считать Японию союзником. Вы так считали, не правда ли?

Риббентроп: Я думаю, что я сделал то же самое, что пытались сделать, и другие дипломаты, как это делали дипломаты Великобритании в Америке, а позже в России.

Максвелл-Файф: Я не собираюсь предъявлять вам что-то по поводу самого факта, но вы довольно скоро поняли, что если Япония вступит в войну, то будет возможно, что вскоре после этого Соединенные Штаты также можно будет включить в войну? И в апреле 1941 года вы договорились о том, что, если вступление Японии в войну приведет к конфликту между Японией и Соединенными Штатами, — вы готовы воевать также и с Соединенными Штатами. Не так ли?

Риббентроп: Нет, это неверно. Напротив, я думаю, что я делал все до самого последнего дня, до Пирл-Харбора, для того, чтобы Америка не вступала в войну.

Максвелл-Файф: Раз вы это сказали, я хотел бы, чтобы вы взглянули на документ 352 вашей книги, страница 204 английской документальной книги.

300 Карл Риттер (1883 — 1968) — дипломат, руководящий сотрудник министерства иностранных дел Германии.

Риббентроп: Да. Мне знаком этот документ. Я уже читал его здесь.

Максвелл-Файф: Так. Это было за неделю до событий в Перл - Харборе, 29 ноября, и, по словам японского посла, вы сказали ему следующее, первый абзац:

> «Риббентроп: Важно, чтобы Япония установила новый порядок в Восточной Азии, не пропустив этой возможности. Не было и, вероятно, никогда не будет такого момента, когда так важно более тесное сотрудничество держав при Тройственном пакте. Если Япония будет колебаться в настоящий момент, а Германия будет продолжать и создавать новый порядок в Европе, тогда вся мощь Британии и Соединенных Штатов будет направлена против Японии. Как сказал фюрер сегодня: «Между самим правом на существование Японии и Германии и Соединенных Штатов имеется существенная разница. Мы получили сведения о том, что фактически нет надежды на то, что переговоры между Японией и Соединенными Штатами могут закончиться успешно, так как Соединенные Штаты заняли твердую позицию.
>
> Если действительно так, и если Япония примет решение воевать с Британией и Соединенными Штатами, то я уверен, что это не только будет в обоюдных интересах Японии и Германии, но также приведет к благоприятным результатам для самой Японии». (Документ D-656)

Принимая во внимание этот документ и это заявление, которое вы сделали японскому послу, вы еще утверждаете, что пытались предотвратить войну с Соединенными Штатами? Я считаю, что вы делали все, чтобы подстрекать Японию к войне против Соединенных Штатов.

Риббентроп: Это неверно, и я должен возразить вам, господин обвинитель. Я не знаю этого документа и не знаю также, откуда он. Во всяком случае, я никогда не говорил так, и я сожалею о том, что все документы, которые доказывают, что я все время стремился к тому, чтобы Соединенные Штаты не вступили в войну, не были здесь еще оглашены. Я все время думал, каким образом попал сюда именно этот документ. Все остальные документы, имеющиеся здесь, а их, я думаю, дюжина или полторы, доказывают, что я все время старался добиться того, чтобы Америка не вступала в войну. И я могу доказать, что я в течение многих лет старался во всех областях ничего не предпринимать против Америки, несмотря, на то, что они занимали непримиримую позицию. Я могу себе объяснить это только следующим образом. Очевидно, японский посол хотел, чтобы его страна что-нибудь сделала, и я знаю, что он от своего имени посылал бесчисленное множество телеграмм в Токио, для того чтобы склонить Японию

к войне, в первую очередь за Сингапур, и т. д. Я могу лишь предположить, что это, может быть, является неверной интерпретацией этого разговора. Я прошу возможности для моей защиты предоставить все иные документы до этой даты, которые подтверждают совершенно другой подход чем изложено в этом отрывке.

Максвелл-Файф: Это официальный доклад японского посла своему правительству. Вы говорите, что он ошибается, когда передает ваши точные слова о том, что вы уверены, что это не только в интересах Японии и Германии, но приведет к благоприятным результатам и для самой Японии.

Если вы отрицаете этот документ, то взгляните на следующий документ, на странице 356. Это еще один доклад японского посла. В нем говорится:

«В час дня…я позвонил министру иностранных дел Риббентропа и сказал ему, что мы желаем, чтобы Германия и Италия официально и немедленно объявили войну Соединенным Штатам. Риббентроп ответил, что Гитлер в данное время проводит совещание в главной ставке о том, как официально осуществить объявление войны, для того чтобы создать благоприятное впечатление у германского народа, что он передаст ваше пожелание тотчас же и что он сделает все возможное для оформления всего должным образом».

Теперь посмотрите на три последние строчки:

«В то время Риббентроп сообщил мне, что утром 8-го числа Гитлер издал приказы по всему германскому флоту нападать на американские суда, где и когда бы они их ни встретили». (Документ номер D-657)

Это было за три дня до объявления войны. Вы говорите, что этот доклад японского посла тоже неправильный?

Риббентроп: Я думаю, что это ошибка.

Максвелл-Файф: Что здесь неправильно?

Риббентроп: Я думаю, что это ошибка. Это было после нападения на Пирл-Харбор?

Максвелл-Файф: Правильно. Это спустя день после нападения на Пирл-Харбор.

Риббентроп: Это был приказ Адольфа Гитлера начать наступление на Америку, которая, как известно, уже в течение нескольких месяцев атаковала наши корабли. Это совершенно другое дело.

Максвелл-Файф: Когда вы говорите о нападении на германские суда, вы имеете в виду защиту от германских подводных лодок?

Риббентроп: Нет, насколько мне известно, за несколько месяцев до Пирл-Харбора, точную дату я сейчас не помню, мы подали официальный протест Соединённым Штатам и указывали в этом протесте на то, что два судна — «Greer[301]» и «Kearne[302]» — преследовали германские подводные лодки и сбрасывали на них глубинные бомбы. Мне кажется, что секретарь флота Нокс[303] на пресс-конференции открыто признал это. Я здесь вчера упомянул о том, что Гитлер в своей речи в Мюнхене сказал, что он не давал распоряжения стрелять по американским судам и нападать на них, но отдал приказ отвечать на залпы американских судов.

Максвелл-Файф: Я хочу у вас узнать следующее: вы одобряли политику, которая заключалась в том, чтобы за три дня до начала войны приказать всему германскому флоту нападать на американские суда, когда бы и где бы их ни встретили? Вы одобряли это?

Риббентроп: Я не могу сейчас высказать свою точку зрения по этому вопросу, так как я даже не знаю о документе.

Максвелл-Файф: Теперь, я спрошу вас об ином. Вы помните что…

Риббентроп: Было бы понятно, что я должен добавить.

Максвелл-Файф: Вы дали свой ответ. Помните ли вы, что в июне 1944 года состоялось совещание, показания о котором мы слышали, — совещание по вопросу о расстреле так называемых «летчиков-террористов».

Послушайте мой вопрос и постарайтесь на него прямо ответить. Верно ли то, как это указано в докладе, что в категорию летчиков-тёррористов вы хотели включить летчиков, которые участвовали во всяких террористических налетах на германское гражданское население, то есть включая бомбовые атаки на города? Правильно ли, что вы хотели включить летчиков, участвовавших в атаках на немецкие города, в категорию летчиков-террористов?

Риббентроп: Нет, это не соответствует действительности.

Максвелл-Файф: Что же, тогда взгляните на страницу 391. Это доклад, подписанный генералом Варлимонтом[304], о совещании, состоявшемся 6 июня, и в четвёртой строке – ладно, позвольте мне это прочитать. Он гласит:

> «Обергруппенфюрер Кальтенбруннер сообщил заместителю начальника оперативного штаба в Клессхайме вечером 6-го числа

---

301 «Грир» - американский эсминец. В составе флота США с 1918 по 1945. 4 сентября вступил в огневой контакт с немецкой подводной лодкой. Ясность в стороне начавшей боевые действия отсутствует до настоящего момента.

302 «Керни» - американский эсминец. В составе флота США с 1940 по 1971. 17 октября 1941 вступил в огневой контакт с немецкой подводной лодкой у берегов Исландии.

303 Франклин Уильям Нокс (1874 — 1944) — американский газетный редактор и издатель, кандидат в вице-президенты от Республиканской партии США, секретарь военно-морских сил США во время большей части Второй мировой войны.

304 Вальтер Варлимонт (1894 — 1976) — немецкий военный деятель, генерал артиллерии (1 апреля 1944), заместитель начальника штаба оперативного руководства в ОКВ (1939—1944). Осужден американским трибуналом к пожизненному заключению. В 1954 отпущен на свободу.

> о том, что незадолго до этого состоялось совещание по этому вопросу, на котором присутствовали рейхсмаршал, рейхсминистр иностранных дел и рейхсфюрер СС. Вопреки первоначальному предложению Риббентропа, который хотел включить в эту категорию любое нападение на германское гражданское население, то есть также бомбардировку городов, — на этом совещании было решено, что лишь нападение с применением пушечно-пулеметного вооружения должно быть включено в эту категорию». (Документ номер PS-135)

Вы говорите, что Кальтенбруннер был неправ, когда говорил, что вы хотели включить в эту категорию все виды нападения?

Риббентроп: Вчера я долго отвечал на этот вопрос. Я не знаю, могу ли я обратиться к этому положению снова. Я касался вопроса, я думаю, очень исчерпывающе. Если желаете, могу повторить.

Максвелл-Файф: Я хочу, чтобы вы ответили на мой вопрос. Вы говорите, что Кальтенбруннер был неправ, когда он сказал на этом совещании, что вы хотели включить в эту категорию тех летчиков, которые бомбили города?

Риббентроп: Это не соответствует действительности. Прежде всего, насколько я помню, такого совещания не проводилось; и во–вторых, я совершенно четко заявил о своем отношении вчера, как я желал обращаться с летчиками–террористами.

Максвелл-Файф: Что же ответьте на мой вопрос.

Риббентроп: Нет, как вы это заявляете это неправда.

Максвелл-Файф: Понял. Теперь ответьте на следующий вопрос. Были ли вы согласны с тем, что тех, кого вы называли «летчиками-террористами», следовало оставить населению для линчевания или передавать в СС?

Риббентроп: Нет, такого мнения я не придерживался.

Максвелл-Файф: Теперь взгляните на страницу 393, страница 214 английского? Это, как вам известно, меморандум министерства иностранных дел. На странице 396 говорится о том, что генерал Варлимонт сообщил, что посол Риттер передал нам по телефону о том, что министр иностранных дел одобрил этот проект (Документ PS-740). Проект касается двух мероприятий. В первом параграфе о линчевании говорится следующее: «Германские власти не несут прямой ответственности, так как смерть происходит до вмешательства германских чиновников» (Документ PS-728).

Вы согласны с этой точкой зрения? Такова ваша точка зрения на линчевание летчиков?

Риббентроп: Нет, это не моя точка зрения. Вчера я это исчерпывающим образом объяснял и заявил о своём отношении к данному документу. Это экспертное

заключение министерства иностранных дел. Я не помню сейчас, почему был составлен этот документ, по моему ли приказу или по ходатайству военных лиц. Я никогда не утверждал этого экспертного заключения, как это сказано здесь, но я послал его фюреру и попросил его решения. Фюрер назвал документ «бессмыслицей», мне кажется и соответственно это экспертное мнение министерства иностранных дел было отвергнуто и не было использовано.

Максвелл-Файф: Таким образом, принимая во внимание тот факт, что Варлимонт говорит, что посол Риттер 29 июня сообщил германским вооруженным силам о том, что вы одобрили этот проект, значит, или Варлимонт, или Риттер говорит неправду?

Риббентроп: Во всяком случае, это не соответствует действительности, потому что из другого документа, который я также видел здесь, видно, что я посылал этот документ фюреру, и что я просил одобрения фюрера. Я также видел другой документ касательно этого. Так я вспоминаю вопрос.

Максвелл-Файф: Раз вы ссылаетесь на точку зрения фюрера, тогда посмотрим, в чем она заключалась, взгляните на документ PS-3780, который будет GB-293, который отчёт о встрече, на которой присутствовали вы, Гитлер и Осима 27 мая 1944. Это страница 11, строчки с 9 по 12. Вы помните, что в вашем присутствии Гитлер советовал Осиме, чтобы японцы вешали, а не расстреливали каждого американского летчика-террориста, и тогда американцы призадумаются прежде, чем совершать такие нападения. С этой точки зрения вы были согласны?

Риббентроп: Нет, я не был согласен с этим, и если это здесь написано, то это не моя точка зрения, не моя установка.

Максвелл-Файф: Понимаю. Что же теперь…

Риббентроп: Я даже не знаю где об этом сказано в документе.

Максвелл-Файф: Вы найдете это на странице 11, строки с 9 по 12.

Риббентроп: Нет, я не помню этого, но я могу только сказать, что такое отношение Гитлера, как показано в документе было вызвано ужасными результатами воздушных атак в то время.

Максвелл-Файф: Я уже слышал об этом. Я спросил вас, согласны вы или нет; вы сказали «нет». Теперь мы перейдем к другому вопросу.

Риббентроп: Я, однако, хочу кое–что добавить, касательно этого положения имеющего решающий характер.

Максвелл-Файф: Вы можете поручить это своему учёному защитнику после того, как ответите на мой вопрос. Я обращаю ваше внимание на шталаг авиации III[305]. Определенно вы слышали, как я задавал ряду свидетелей ряд вопросов по этому поводу. Было 50 британских летчиков, которых убило СС после побега. Вы знали об этом? Вы знаете, о чем я говорю?

---

305 Шталаг III – лагерь ВВС Германии для военнопленных западных держав.

Риббентроп: Да.

Максвелл-Файф: Вы помните, что мой коллега, господин Иден, сделал решительное заявление в Палате общин, сказав, что эти люди были убиты и Великобритания будет требовать суда над убийцами? Вы помните это, в июне 1944?

Риббентроп: Я услышал об этом из речи господина Идена в Палате общин, да.

Максвелл-Файф: И вы помните, что правительство Рейха выпустило заявление, переданное Британии через Швейцарию, в котором недвусмысленное обвинение британского министра иностранных дел яростно опровергалось, оно было выпущено в июне 1944? Вы помните, что оно было выпущено?

Риббентроп: Нет, я не помню этого. Я только помню следующее: что в то время мы получили доказательства того, что случилось и что об этом нам сообщили в ноте от гарантирующих держав. Вот все, что мне известно.

Максвелл-Файф: Я хочу спросить вас о следующем: вы знали тогда, когда принималось заявление – вы знали, что эти офицеры были хладнокровно убиты?

Риббентроп: Нет. Я слышал о том, что эти люди застрелены при попытке к побегу. Уверен в то время, было впечатление, что здесь, что–то не так. Я знаю это. Я помню.

Максвелл-Файф: Позвольте выделить две стадии. Кто солгал вам, что эти люди были убиты при попытке к побегу? Кто проинформировал вас об этой лжи?

Риббентроп: Я не помню подробностей. В то время мы получили документацию от соответствующих властей и меморандум был передан швейцарскому правительству.

Максвелл-Файф: От кого вы получили документацию содержащую ложь? Вы получили её от Гиммлера или Геринга?

Риббентроп: Я не знаю.

Максвелл-Файф: Тогда скажите нам, я думаю, что у вас была правильная мысль, что здесь, что–то не так?

Риббентроп: Да.

Максвелл-Файф: Спасибо. Теперь я хочу, чтобы вы сказали нам о своем отношении к СС. Вы на данной стадии процесса не хотите утверждать, что являлись лишь почетным членом СС. Ваш защитник утверждает на основании какого-то, видимо, недоразумения, что вы были лишь почетным членом СС. Это не соответствует действительности?

Риббентроп: Это не недоразумение, это действительно так и было. Я получил от Гитлера форму СС; я никогда никаких функций в организации СС не выполнял, но как посол и затем министр иностранных дел я, как это было принято, должен был получить определенный чин фюрера СС.

Максвелл-Файф: Я утверждаю, что это совершенно неверно. Вы просили, чтобы вас приняли в СС еще до того, как вы стали чрезвычайным послом в мае 1933 года. Это правильно?

Риббентроп: Да, это мне известно, я всегда принадлежал к организации СС.

Максвелл-Файф: Вы только что сказали, что это имело почетный характер, потому что Гитлер хотел, чтобы вы имели форму? Я вас спрашиваю: в мае 1933 года вы подали заявление о том, чтобы вас включили в ряды СС обычным путем? Не правда ли?

Риббентроп: Конечно, надо было подать заявление. Но дело обстояло так. Я несколько раз появлялся в своем огромном сером пальто, и после этого Гитлер сказал, что мне следует иметь форму. Когда это было, я сейчас не помню. Я думаю, что это было в 1933 году. Я и получил как посол, высшее звание, а затем — как министр иностранных дел — я получил еще более высокое звание.

Максвелл-Файф: И в мае 1933 года, подав ходатайство, вы вступили в СС и получили не очень высокое звание штандартенфюрера. Не так ли?

Риббентроп: Да, это правильно.

Максвелл-Файф: А оберфюрером вы стали лишь 20 апреля 1935, бригадефюрером вы стали 18 июня 1935 и группенфюрером — 13 сентября 1936, обергруппенфюрером — 20 апреля 1940. До того как вы стали послом, вы состояли в СС в течение трех лет и получали повышение обычным путем, не правда ли?

Риббентроп: Да, но я никогда ничего не делал в СС и не выполнял никаких работ.

Максвелл-Файф: Просто взгляните. Это документ D–744(a), экземпляр GB–294. Переписка это 744 (b). Вы можете взять его; вам можно не вдаваться в подробности. Это ваше заявление, с приложением. Я просто хочу задать вам пару вопросов об этом. Вы просили, чтобы вас приняли в «Totenkopf[306]» — дивизию «Мертвая голова» СС?

Риббентроп: Нет, это неправильно.

Максвелл-Файф: Разве вы не помните, что получили от Гиммлера особое кольцо и кинжал дивизии «Мертвая голова»? Разве вы не помните этого?

Риббентроп: Нет, я не помню. Я никогда не принадлежал к дивизии «Мертвая голова». Вы же говорите о дивизии «Мертвая голова»?

Максвелл-Файф: Дивизия «Мертвая голова»

Риббентроп: Нет, это не так. То что здесь сказано неправда. Но я думаю, что я однажды получал так называемый кинжал, как все фюреры СС. Верно.

Максвелл-Файф: И кольцо. Здесь письмо, датированное 5 ноября 1935, личная канцелярия рейхсфюрера СС: «В ответ на ваш запрос сообщаю вам, что размер

306 Отряды «Мёртвая голова» — подразделение СС, отвечавшее за охрану концентрационных лагерей Третьего рейха. Подразделения размещались в лагерях на территории Германии, таких, как Дахау и Бухенвальд, в оккупированной немцами Польше лагерь Аушвиц и Маутхаузен в Австрии, а также многочисленных других концлагерях и лагерях смерти.

кольца бригадефюрера фон Рибентропа 17. Хайль Гитлер», (подпись) (адъютант) «Торнер». Вы помните, что получали его?

Риббентроп: Мне кажется, что каждый получил такое кольцо, но я точно не помню. Несомненно, это правда.

Максвелл-Файф: Вы постоянно интересовались СС, начиная с 1933 года и во время войны, не правда ли? Кажется, ваша переписка с Гиммлером продолжалась, по крайней мере, до 1941 или до 1942 года.

Риббентроп: Да, это вполне возможно. Конечно, мы часто сталкивались с СС в самых различных областях. Это совершенно ясно.

Максвелл-Файф: И в особенности в области концентрационных лагерей, не правда ли? Вы хотите сказать, что вы не знали о том, что концентрационные лагери использовались в огромных масштабах?

Риббентроп: Я ничего об этом не знал.

Максвелл-Файф: Обернитесь. *(Сзади свидетельского пульта — карта.)* Это увеличение той карты, которая была представлена французским обвинением. Красные пятна — это концентрационные лагери. Я бы хотел, чтобы вы взглянули на нее. Теперь посмотрим, какое имеет значение различное местонахождение ваших резиденций. Одна резиденция, к северу от Берлина — Зонненбург. Вы видите, где это приблизительно находится на карте?

Риббентроп: Да, из Берлина в Зонненбург на машине надо ехать примерно час.

Максвелл-Файф: К северу от Берлина?

Риббентроп: Нет, к востоку от Берлина.

Максвелл-Файф: Возьмем другую резиденцию. Вы сами недалеко от нее находитесь. Это ваш замок в Фушле. Это недалеко от границы и очень близко от группы лагерей, которые находились вокруг Маутхаузена[307]. Смотрите вправо, вы видите группу лагерей Маутхаузена?

Риббентроп: Я под присягой утверждаю, что я впервые услышал о лагере Маутхаузен здесь, в Нюрнберге.

Максвелл-Файф: Теперь возьмем еще одно поместье. Вы говорите, что не часто там бывали, но обычно...

Риббентроп: Я могу ускорить дело, заявив вам, что я вообще слышал лишь о двух, нет, о трех концентрационных лагерях до того, как попал сюда. Это — Дахау, Ораниенбург[308] и Терезиенштадт. Все другие

307 Маутхаузен — немецкий концлагерь около города Маутхаузен в 1938—1945 годах. Концлагерь представлял собой систему, состоящую из центрального лагеря и 49 филиалов, разбросанных по всей территории бывшей Австрии (Остмарка).

308 Ораниенбург (нем. Oranienburg) — один из первых концлагерей, организованный нацистами после захвата власти в Германии в 1933 году. В нём содержали политических противников нацистов, арестованных в берлинском регионе — в основном коммунистов и социал-демократов.

названия я услышал здесь впервые. Терезиенштадт был лагерем, мне кажется, приютом для престарелых евреев, и представители Красного Креста несколько раз посещали этот лагерь. Другие названия лагерей я услышал здесь впервые, и это я хочу здесь совершенно точно установить.

Максвелл-Файф: Знаете ли вы, что вблизи Маутхаузена было тридцать три лагеря в различных местах, в сравнительно небольшом радиусе, и приблизительно сорок пять других лагерей, названий которых сам комендант не мог привести, потому что их было слишком много? И в этих тридцати трех лагерях было более чем 100 тысяч заключенных? И вы хотите оказать трибуналу, что в течение всех ваших поездок в Фушль вы никогда не слышали об этих лагерях в Маутхаузене, где было заключено 100 тысяч человек?

Риббентроп: Это мне совершенно неизвестно. И я могу представить дюжину свидетелей, которые подтвердят это. Дюжину.

Максвелл-Файф: Меня не заботит, как много свидетелей вы представите. Я прошу вас снова посмотреть на карту. Вы были ответственным министром правительства этой страны с 4 февраля 1938. до поражения Германии в мае 1945 года — в течение семи с четвертью лет. И вы утверждаете перед этим трибуналом, что министр этой страны, где существовали сотни концентрационных лагерей, мог знать только о двух лагерях?

Риббентроп: Это, может быть, удивительно, но это на 100 процентов правда.

Максвелл-Файф: Я говорю, что это не только удивительно, но что это столь невероятно, что это должно быть неверно. Как могли вы не знать об этих лагерях? Вы с Гиммлером никогда не встречались?

Риббентроп: Нет, я никогда не разговаривал с ним о таких вещах. Все это держалось в строгом секрете, и мы только здесь услышали, что происходило там. Ни один человек не знал ничего об этом. Это звучит необычно, но я убежден, что господа на скамье подсудимых также ничего об этом не знали.

Максвелл-Файф: Мы послушаем их в свою очередь. Вам известно, что лишь в Аушвице…

Риббентроп: Об Аушвице я услышал здесь впервые…

Максвелл-Файф: В своем письменном показании под присягой один германский сотрудник из лагеря Аушвиц - показал, что в этом лагере было убито 4 миллиона человек. Вы хотите сказать трибуналу, что вы об этом - ничего не знали?

Риббентроп: Мне об этом ничего не было известно.

Максвелл-Файф: Что же, есть один вопрос, с которым я хочу разобраться; и здесь, к счастью, я могу помочь вам с документами. Это вопрос о партизанах. Я хочу, чтобы вы посмотрели на несколько документов, три документа, относительно этого.

Председатель: Вы завершите сегодня вечером?

Максвелл-Файф: Да, если ваша светлость даст мне 5 минут. Я попытаюсь уложиться.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы согласны с тем, что вы выступали за самое жестокое обращение с населением оккупированных стран?

Риббентроп: Я неправильно понял этот вопрос. Пожалуйста, повторите его.

Максвелл-Файф: Мой вопрос это, будет ли являться честным выражением вашей точки зрения, что вы выступали за строжайшее обращение – я скажу прежде всего – к партизанам?

Риббентроп: Я не знаю высказывался я, когда-нибудь об обращении с партизанами. Я не вспоминаю, чтобы так делал. Во всяком случае, я был против такого.

Максвелл-Файф: Хорошо, взгляните на документ D-735, который будет экземпляром GB-295. Это беседа между вами и графом Чиано в присутствии фельдмаршала Кейтеля и маршала Кавальеро[309]в ставке фюрера после завтрака 19 декабря 1942. Если вы посмотрите на вторую страницу, то увидите место, где фельдмаршал Кейтель говорит итальянскому господину о том, что:

> «Район Хорватии должен быть очищен совместно действующими германскими и итальянскими войсками еще зимой, ввиду сильного британского влияния в этом районе. Фюрер заявил, что сербские заговорщики должны быть выжжены и чтобы при этом не применялись никакие мягкие методы. Фельдмаршал Кейтель после этого добавил, что все деревни, в которых будут обнаружены партизаны, должны быть сожжены. После этого министр иностранных дел заявил, что Роатта не должен покидать третьей зоны, но, наоборот, должен продвигаться, действуя в самом тесном сотрудничестве с германскими войсками. В этой связи фельдмаршал Кейтель попросил итальянского господина не считать использование хорватских войск в этой операции благоприятным для хорватов. Рейхсминистр иностранных дел заявил в связи с этим, что поглавник, с которым он побеседовал очень недвусмысленно, на 100 процентов готов договориться с Италией».

Такова была ваша точка зрения на то, что «сербских заговорщиков следовало выжечь»?

Риббентроп: Пожалуйста?

Максвелл-Файф: Вы выразили точку зрения, что «сербских заговорщиков следовало выжечь»?

Риббентроп: Я не понимаю вашего выражения «выжечь». Во всяком случае, их следовало держать под замком.

309 Уго Кавальеро (1880 — 1943), граф, итальянский военачальник, маршал Италии (1942 год).

Максвелл-Файф: Это значит, что дотла надо сжечь их деревни.

Риббентроп: Где я это говорил? Я думаю, что я этого не говорил.

Максвелл-Файф: Это было точкой зрения фюрера. А было это также и вашей точкой зрения?

Риббентроп: Фюрер был очень строг в подобных делах, и я знаю, что время от времени соответствующие инстанции, также и военные инстанции, должны были издавать относительно этого строгие военные приказы. Борьба велась не на жизнь, а на смерть. Этого не следует забывать. Это ведь была война.

Максвелл-Файф: Вы отрицаете…?

Риббентроп: В любом случае я не вижу здесь, что бы я, что–нибудь говорил о партизанах…

Максвелл-Файф: Вы говорите, что это не было вашей точкой зрения? Вашей точкой зрения не было, что так следовало обращаться с партизанами? Можете пока не смотреть на следующий документ. Такова ваша точка зрения?

Риббентроп: Пожалуйста, повторите вопрос на который я должен ответить.

Максвелл-Файф: Вы говорите, что не одобряли жестокое обращение с партизанами?

Риббентроп: По моему мнению с партизанами которые нападают со спины следовало обращаться жестко. Да, у меня такое мнение, мне кажется у каждого в армии такое мнение, и у каждого политика.

Максвелл-Файф: Включая женщин и детей?

Риббентроп: Нет, никоим образом.

Максвелл-Файф: Посмотрите на это, если вы отрицаете отношение к женщинам и детям. Посмотрите на документ, номер D-741.

Милорд, это будет документ D-741, это будет GB-296.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы посмотрите в её конец. Это беседа с итальянским послом Альфиери[310] 21 февраля 1943 г. В последнем абзаце говорится:

> «Продолжая, рейхсминистр иностранных дел подчеркнул, что то, к чему привела политика Роатта в Хорватии, очень волнует фюрера. Со стороны Германии оценен тот факт, что Роатта хотел сберечь итальянскую кровь, но полагает, что он этой политикой как бы старался изгнать сатану Вельзевулом[311]. Следовало уничтожать партизанские банды, включая мужчин, женщин, детей, чье существование угрожает жизням немцев и итальянцев — мужчинам, женщинам и детям».

И вы все еще утверждаете, что не хотели, чтобы с женщинами и детьми жестоко обращались?

310 Эдоардо Альфиери (1886 — 1966) — итальянский фашистский политик. Посол Италии в Германии в 1940-1941.
311 Вельзевул (от ивр. «повелитель мух») — имя главы демонов в Новом Завете.

Риббентроп: Какая это страница?

Максвелл-Файф: Это страницы с 10 по 13. Последний абзац моего перевода.

> Следовало уничтожать партизанские банды, включая мужчин, женщин, детей, чье существование угрожает жизням немцев и итальянцев — мужчинам, женщинам и детям».

Риббентроп: Если я это и сказал, то я сказал это, будучи, может быть, крайне взволнован. В любом случае это не соответствует моему мнению, которое я подтверждал многими действиями во время войны. Мне больше нечего добавить.

Максвелл-Файф: Я покажу вам еще один документ, который будет заключительным, если трибунал меня потерпит. Это документ D-740, который будет GB-297. Это запись беседы рейхсминистра иностранных дел с государственным секретарем Бастианини[312] в присутствии послов фон Макензена[313] и Альфиери 8 апреля 1943 г. в замке Клейссхайм. Взгляните на начало этого документа. Думаю вы обсуждали какую-то забастовку в Италии. Вы сказали:

> «Предположения рейхсминистра иностранных дел о том, что эта забастовка была организована британскими агентами, была энергично опровергнуты Бастианини. Это были итальянские коммунисты которые всё ещё находились в Италии и получали приказы из Москвы. Рейхсминистр иностранных дел ответил, что в этом случае только самые безжалостные методы принесут хороший результат».

И затем, после заявления в отношении информации, вы говорите:

> «Он (рейхсминистр иностранных дел) не хотел говорить об Италии, а предпочтительно об оккупированных территориях, где, как было доказано, мягкими методами ничего нельзя было добиться при попытке достичь соглашения. Тогда рейхсминистр иностранных дел развил свою мысль, сравнив события в Дании и Норвегии. В Норвегии были приняты жестокие меры, которые вызвали, в особенности в Швеции, энергичные протесты.

И затем вы продолжаете, и после определенной критики доктора Беста…

Риббентроп: Я не могу найти это. Пожалуйста, какая страница?

Максвелл-Файф: Абзац начинается: «Рейхсминистр иностранных дел предположил, что забастовка инспирирована британскими агентами…»

Риббентроп: Да здесь.

Максвелл-Файф: Что же, вы видите, что я представляю вам. Вы сказали:

---

312 Джузеппе Бастианини (1889 – 1961) – итальянский политик и дипломат. Заместитель государственного секретаря иностранных дел в 1943-1945.

313 Ганс Георг фон Макензен (1883 — 1947) — немецкий государственный деятель. Капитан (1919). Группенфюрер СС (1942).

«Только безжалостные меры будут хороши. В Норвегии предпринимаются жесткие меры»

И в начале следующего абзаца:

В Греции также нужно будет принять жестокие меры, если греки будут сопротивляться. Он придерживается такого мнения, что демобилизованные греческие войска должны быть немедленно вывезены из Греции и что грекам нужно показать с железной энергией, кто хозяин в стране. Жестокие меры такого рода необходимы, если ведешь войну против Сталина. Это не война джентльменов, а жестокая война на уничтожение».

Далее о Франции. После небольшого высказывания о французах вы говорите:

«Возвратившись снова к вопросу о Греции, рейхсминистр иностранных дел еще раз подчеркнул необходимость жестоких мер».

На третьей строчке следующего абзаца говорится:

«Фюрер должен будет принять радикальные меры на оккупированных территориях, чтобы мобилизовать местные ресурсы рабочей силы для того, чтобы противодействовать потенциальной мощи американского вооружения равными силами».

Вы согласны? Это правильно отражает вашу точку зрения, что вы требовали самых строгих мер на оккупированных территориях для того, чтобы мобилизовать рабочую силу и увеличить военный потенциал Рейха?

Риббентроп: Я могу сказать по поводу этого документа только следующее. Я знаю, что тогда…

Максвелл-Файф: Хорошо, вы можете это сказать, но сначала ответьте на мой вопрос. Отражают ли эти взгляды вашу точку зрения на то, что…

Риббентроп: Нет.

Максвелл-Файф: …жесткие меры следует принимать с иностранными рабочими и населением оккупированных территорий. Так в документе выражен ваш взгляд?

Риббентроп: Нет, не отражают.

Максвелл-Файф: Почему же вы тогда это сказали? Почему вы сказали эти вещи?

Риббентроп: Потому, что я в то время по поручению фюрера должен был подбадривать итальянцев, так как во многих областях был полнейший хаос и итальянцы все время пытались изменить положение дел и, таким образом, создавали неразбериху в тыловых районах германской армии теми мерами которые они предпринимали. Поэтому я должен был говорить с итальянцами очень строго. Я очень хорошо помню это. Итальянцы объединились с

четниками[314] и частично вели борьбу против германских войск. Там царил полнейши й хаос. Поэтому я должен был часто несколько строже говорить с дипломатами и, может быть, все преувеличивал.

Максвелл-Файф: Но ведь это не было преувеличением ни в Норвегии, ни в Греции? Вы принимали самые жестокие меры на оккупированных территориях?

Риббентроп: Это неверно. Мы в Норвегии вообще не имели права голоса, мы только пытались изменить положение дел. А в Дании мы также делали все для того, чтобы предотвратить и смягчить эти жестокие мероприятия, хотя отчасти они были и необходимыми, потому что было очень много парашютистов, и т. д. и пытались их не проводить.

Думаю, что на основании многих документов можно доказать, что я и министерство иностранных дел делали все возможное в различных оккупированных областях, чтобы урегулировать отношения. Я не уверен, что это достаточно честно и верно брать пару таких заявлений из множества документов, в которых случайно использовались грубые слова. Очевидно, что в ходе 6 лет войны грубый язык время от времени применялся. Я могу напомнить вам, что иностранные деятели также использовали грубый язык относительно Германии. Но я уверен, что они не имели подобного в виду.

Максвелл-Файф: Скажите мне: каждый раз, когда вы сегодня опровергали документы содержащие ваши грубые высказывания или противоречили тому, что вы здесь говорили, вы говорили дипломатическую ложь. Так это понимать? Большое вам спасибо.

Председатель: Сэр Дэвид, все эти документы приобщены в качестве доказательств?

Максвелл-Файф: Да, ваша честь.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 2 апреля 1946*]

314 Четники — наименование сербских партизан, повстанцев и ополченцев как правило ирредентистского, националистического (великосербского), монархического и антикоммунистического толка.

День девяносто седьмой

Вторник, 2 апреля 1946

Утреннее заседание

[*Подсудимый фон Риббентроп вернулся на место свидетеля*]

Максвелл-Файф: Милорд, ваша светлость заметит, что я не рассматривал вопрос евреев. Этот вопрос сейчас рассмотрит мой учёный друг господин Фор, от французской делегации.

Кауффман: Господин председатель, могу я сказать несколько слов о важном вопросе? Вчера здесь обсуждали карту, карту, которую мы сейчас видим в суде. Из этой карты обвинение сделало вывод о большом количестве концентрационных лагерей разбросанных по всей Германии. Подсудимые категорически возражают этому. Рассматривая своё дело, дело подсудимого Кальтенбруннера, я надеюсь представить доказательства о том, что лишь немногие красные точки правильные. Я хочу сделать заявление здесь и сейчас, для того, чтобы в последующих делах не складывалось впечатление о том, что карта правильная.

Председатель: Доктор Кауффман, это всего лишь репродукция того, что уже приобщили к доказательствам.

Кауфман: Да, но я вправе представлять доказательства обратного.

Председатель: Конечно, но не нужно говорить об этом сейчас. Тот факт, что обвинение ранее приобщило доказательство, конечно, предоставляет вам любую возможность отвечать на него, но не отвечать сейчас.

Фор: Подсудимый, в качестве министра иностранных дел вы руководили всеми дипломатическими работниками?

Риббентроп: Да.

Фор: И они руководствовались вашими инструкциями?

Риббентроп: Да.

Фор: Вчера вы заявили, что вы ответственны за действия, совершенные вашими подчиненными?

Риббентроп: Да, это так.

Фор: Можете ли вы мне сказать, доктор Бест, полномочный представитель в Дании, также был сотрудником вашего министерства?

Риббентроп: Да.

Фор: Доктор Бест сообщил вам, что Гитлер отдал приказ убивать датчан в тех случаях, когда имели место акты саботажа?

Риббентроп: Могли бы вы повторить вопрос?

Фор: Согласно документам, которые были предъявлены трибуналу, доктор Бест виделся с вами 30 декабря 1943. и сообщил вам, что Гитлер отдал приказ убивать датчан в случае, если в Дании будут производиться акты саботажа. Так ли это?

Риббентроп: Да. Против тех, кто участвовал в саботаже, нужно было принимать такие меры. Гитлер действительно издал такой приказ.

Фор: Разве «казнить без суда лиц, являющихся террористами или не являющихся таковыми», — это слова доктора Беста в документе — не должно рассматриваться как призыв к убийству?

Риббентроп: С самого начала я категорически возражал против таких мер, и также доктор Бест. Мы дошли до того…

Фор: Подсудимый я не хочу сказать, что вас устраивало положение вещей. Я просто спрашиваю вас, знали ли вы об этом. Верно?

Риббентроп: Да, это так. Фюрер хотел этого. Отдельных деталей я не знаю.

Фор: Я вас не спрашиваю о деталях.

Риббентроп: Какие распоряжения последовали за этим, я не знаю. Насколько мне известно, они проходили через другие инстанции.

Фор: Я отмечаю, что вы были полностью в курсе этого приказа Гитлера, который был отдан в тот день относительно совершения этих убийств. Таким образом, вы считали нормальным входить в правительство, главой которого был убийца?

Риббентроп: Нет, правда, в совершенно другом, в совершенно другом…

Фор: Хорошо, хорошо, ответьте, пожалуйста.

Риббентроп: ...так как я говорил ему о том, что занял свою позицию и придерживался других взглядов. Фюрер был сам очень недоволен доктором Бестом и приказал другой инстанции заниматься рассмотрением этого вопроса, так как доктор Бест, так же как и я, были против.

Фор: Я прошу ответить на мой вопрос очень кратко. Вы можете пояснить подробности через вашего защитника.

Теперь о Дании. Здесь были осуществлены мероприятия в отношении депортации евреев из страны. Вы занимались этим?

Риббентроп: О том, что было с евреями в Дании, я ничего не знаю.

Фор: Вы об этом никогда не слышали?

Риббентроп: Я помню, что я как-то говорил с Бестом об этом. Бест сказал мне, что еврейский вопрос не имеет никакого значения в Дании. Поэтому он не хотел предпринимать ничего особенного в отношении

евреев в Дании. Я согласился с ним в этом.

Фор: Я попрошу, чтобы вам показали документ PS-2375. Я хотел бы огласить второй абзац этого документа. Документ является письменным показанием под присягой Мильднера[315], который был полковником полиции в Дании.

> «В качестве командира я являлся подчиненным уполномоченного Рейха, доктора Беста. Будучи против преследования евреев из-за соображений практического и морального порядка, я запросил у доктора Беста объяснения причины проведения этих мероприятий. Доктор Бест заявил мне, что рейхсминистру иностранных дел, безусловно, было известно о намерении Гитлера уничтожить евреев в Европе. Он представил Гитлеру доклад по еврейскому вопросу в Дании и ходатайствовал перед Гитлером о высылке евреев из Дании.
>
> Доктор Бест также заявил мне, что Риббентроп выразил опасение, что он не сможет нести ответственность в том случае, если евреи останутся в Дании.
>
> Таким образом, доктор Бест сам будет вынужден проводить в жизнь меры, предложенные Риббентропом Гитлеру.
>
> О своей беседе с доктором Бестом я могу в заключение сказать, что он поддерживал с Риббентропом непосредственный контакт лично или по телефону».
>
> Вы прочли это, не так ли?

Риббентроп: Все, что здесь написано это чистая выдумка. Это неправда.

Фор: Хорошо. Тогда я попрошу, чтобы вам передали документ PS-3688, который я хочу приобщить как французский экземпляр номер RF-1502. Это — записка от 24 сентября 1942, подписанная Лютером, и адресованная его сотрудникам. Я хотел бы зачитать вам два первых абзаца этого документа:

> «Министр иностранных дел отдал мне сегодня по телефону приказ по мере возможности ускорить эвакуацию евреев из различных стран Европы в связи с тем, что повсюду евреи настроены против нас, и должны рассматриваться как ответственные за акты саботажа и за покушения.
>
> После короткого доклада по вопросу об эвакуации евреев, проводимой в настоящее время в Словакии, Хорватии, Румынии и на оккупированных территориях, министр иностранных дел отдал приказал нам обратиться к датскому,

---

315 Рудольф Мильднер (1903-1953?) – штандартенфюрер СС. В сентябре 1943 – январе 1944 начальник Гестапо в Дании.

болгарскому и венгерскому правительствам».

Я считаю, что этот второй документ подтверждает указания первого о вашем участии в депортации евреев из Дании. Согласны ли вы с этим?

Риббентроп: Фюрер тогда намеревался эвакуировать евреев из Европы в Северную Африку и в связи с этим также называли Мадагаскар. Он дал мне приказ обратиться к некоторым правительствам с целью, по возможности, поощрения эмиграции евреев, и удаления всех евреев с важных правительственных постов. Такие указания действительно были даны мною министерству иностранных дел и если я правильно помню, определенные правительства несколько раз обращались с таким решением. Речь, как известно, шла об эмиграции евреев в одну из частей Северной Африки. Это правильно. Могу я вернуться к письменным показаниям? Эти письменные показания чистая фантазия полковника Мильднера и совершенная неправда.

Фор: В любом случае, вы признаете…

Риббентроп: Доктор Бест однажды обсуждал со мной еврейский вопрос, и он сказал, что касается Дании, вопрос не имеет существенного значения, поскольку там не было много евреев. Я объяснял ему, что ему придется дать событиям развиваться собственным ходом. Это правда.

Фор: Таким образом, вы признаете, что документ, подписанный Лютером, полностью соответствует действительности и что вы отдали приказ начать эвакуацию евреев из Дании? Ведь в письме говорится именно об этом.

Риббентроп: Нет, это неправильно. Я не знаю этого документа Лютера. Я его впервые вижу.

Фор: Пожалуйста, отвечайте на мои вопросы, чтобы не тратить много времени. Вы придерживаетесь мнения, что оба эти документа не соответствуют действительности? Перейдем к другому вопросу.

Германское посольство в Париже…

Риббентроп: Нет, этого я не сказал. Это не так. Я сказал, что я не знаю документ Лютера. Правильно то, что Гитлер дал мне указание сообщить министерству иностранных дел, чтобы оно обратилось к отдельным правительствам с предложением разрешить еврейский вопрос следующим образом: удалить евреев из важных правительственных учреждений и способствовать эмиграции евреев из Европы.

Фор: Германское, посольство в Париже находилось в вашем подчинении, не так ли?

Риббентроп: Германское посольство в Париже — то есть посол при правительстве Виши — получал, конечно, указания от меня

Фор: Перед трибуналом уже был оглашен французский документ RF-1061, в котором вы определили задачи, возлагаемые на посла Абеца. Это PS-3614.

В этом документе, который вам уже дважды здесь читали, я напомню вам, что вы поручили Абецу взять под охрану все произведения искусства — государственные или частные, как, например, те, которые принадлежали евреям, в соответствии с особыми инструкциями, которые излагаются в этом документе. Абец выполнил эту миссию, разграбив произведения искусства во Франции.

Риббентроп: Нет, это неправильно.

Фор: Тогда я попрошу, чтобы вам показали документ PS-3766, его ещё не предъявляли, и ему я хочу присвоить номер французского экземпляра RF-1505. Я хотел бы вместе с вами ознакомиться с несколькими строками из этого документа. Это — доклад военной администрации, который был распространен в семистах экземплярах. Он озаглавлен: «Доклад по вопросу об изъятии французских произведений искусства германским посольством и айнзацштабом Розенберга[316] во Франции».

Если вы обратитесь к странице 3, то увидите, что пометка на полях представляется весьма показательной «Германское посольство — попытка изъять картины из Лувра»

Страница 4, я читаю первое предложение сверху страницы…

Риббентроп: Когда я могу обратиться к отдельным положениям? Вообще нет, или здесь и сейчас?

Фор: Когда я задам вам вопрос. Я зачитаю отрывок:

> «Посол Абец, нарушая, таким образом, запрещение военного руководства, предпринял меры для того, чтобы вывезти произведения искусства из Лувра, которые были взяты на сохранение».

Вы были в курсе этого?

Риббентроп: Я заявляю о том, что это абсолютная неправда. Посол Абец не изъял ни одного предмета искусства из Лувра. Это бы противоречило прямым приказам фюрера, который строго это запретил. Отчет неправильный.

Я хотел бы здесь упомянуть, что однажды французское правительство хотело подарить мне одну картину Буше[317], которая находилась в Лувре. Эту картину я вернул в Лувр. Я ничем не владел, и министерство иностранных дел никогда даже не видело ни единого предмета искусства из Лувра.

Фор: Вы утверждаете, что этот доклад не соответствует действительности?

Председатель: Что за доклад вы предъявили ему?

Фор: Это документ PS-3766.

Председатель: Я знаю, но, что это за документ?

316 Оперативный штаб рейхсляйтера Розенберга — нацистская организация, занимавшаяся конфискацией и вывозом культурных ценностей с оккупированных территорий.

317 Франсуа Буше (1703 — 1770) — французский живописец, гравёр, декоратор. Яркий представитель художественной культуры рококо.

Фор: Это доклад немецкой военной администрации, из серии американских документов PS. Трибунал получил общее удостоверение относительно настоящего.

Председатель: Захваченные документы?

Фор: Да, захваченные документы. Я поясню трибуналу, что этот захваченный доклад содержит множество других отрывков относительно действий Абеца, но так как подсудимый заявил, что доклад неточен относительно одного из отрывков, я не буду продолжать зачитывать документ в целях экономии времени.

Кроме того…

Риббентроп: Но это не захваченный документ и не доклад.

Фор: Пожалуйста, отвечайте на мои вопросы. Мы сейчас не разбираемся с вашими возражениями. Ваш защитник сможет допросить вас позднее.

Хорн: Я прошу вашего разрешения установить происхождение документа представленного подсудимому. Если заявляется, что это захваченный документ и затем, что это не захваченный документ, следует разрешить вопрос здесь и сейчас.

Фор: Я уже указал, что этот документ относится к серии PS захваченных документов. Трибунал имеет много таких документов и я не думаю, что их подлинность оспаривается.

[*Обращаясь к подсудимому*] Теперь я задам вам следующий вопрос…

Председатель: Вы будете задавать дальнейшие вопросы относительно документа?

Фор: Нет, господин председатель.

[*Обращаясь к подсудимому*] Помимо вопроса культурных ценностей, Абец также касался вопроса общего обращения с евреями, не так, ли?

Риббентроп: У Абеца не было никакого приказа. Насколько я знаю, он не имел ничего общего с еврейским вопросом. Этот вопрос был поручен иным ведомствам.

Фор: Не правильно ли то, что в октябре 1940 года Абец связался с вами, чтобы решить вопрос о положении евреев немецкого и австрийского происхождения, которые находились во Франции?

Риббентроп: Этого я не знаю, меня это не интересовало.

Фор: Я хочу показать вам документ ЕС-265, который я хочу предъявить как французский документ RF-1504. Это — телеграмма Абеца, датированная 1 октября 1940. Я хочу огласить для вас только первую и последнюю фразы:

> «Решение еврейского вопроса на оккупированных территориях Франции требует, помимо прочих различных мер, как можно более скорого вынесения решения в отношении евреев немецкого происхождения, которые жили в Рейхе перед началом войны…».
>
> Последняя фраза:
>
> «Предложенные меры должны рассматриваться лишь как первый шаг к решению всего этого вопроса. Я оставляю за собой право делать дальнейшие предложения. Прошу сообщить ваше согласие

по телефону».

Риббентроп: Могу я сначала прочитать телеграмму?

Председатель: Это немного быстро.

Фор: Да.

Риббентроп: Если я не ошибаюсь, в этой телеграмме речь идет о том, чтобы австрийские и немецкие евреи были бы репатриированы из Франции в Германию и Австрию. Я с этой телеграммой не был знаком. Я вижу ее здесь впервые и поэтому не могу дать никаких разъяснений. Вероятно, она представляет собой одну из рутинных мер касающихся министерства иностранных дел в ходе рабочего дня; помимо этого, такие вопросы решались иными ведомствами, но не нашим.

Фор: Если вы посмотрите на левую часть телеграммы, то увидите список лиц, кому она предназначалась. Всего там указано девятнадцать адресатов, среди которых есть и вы сами. Не так ли? Ваша фамилия — на втором месте.

Риббентроп: Я позволю себе заметить, что каждый день около четырехсот, пятисот, шестисот, восьмисот таких телеграмм и писем прибывало в мое бюро, но лишь один-два процента из этого числа представлялись мне.

Фор: Помимо вопроса…

Риббентроп: Во всяком случае я ничего не знаю об этой телеграмме.

Фор: Помимо вопроса о евреях немецкого и австрийского происхождения ваши сотрудники и подчиненные в посольстве занимались также и французскими евреями. До того как я вам задам вопрос, я хотел бы огласить вам две фразы из документа, который был предъявлен трибуналу как французский документ номер RF-1207. Это — отчет Даннекера[318], который был уполномоченным по решению еврейского вопроса во Франции. Вот что сообщает Даннекер в заключительной части отчета:

> «В этом смысле я не могу говорить по этому вопросу, не упомянув о той, действительно дружественной поддержке, которая была нам оказана в нашей работе со стороны посла Абеца и его заместителя атташе Шлейера, а также со стороны штурмбанфюрера СС советника посольства Цейтшеля[319]. Я хочу уточнить, что германское посольство в Париже охотно пошло навстречу и предоставило значительную денежную сумму для финансирования антиеврейского института и будет продолжать делать так в будущем».

Из этого документа явствует достаточно четко, что Абец, Шлейер и

318 Теодор Даннекер (1913 – 1945) – гауптштурмфюрер СС. В 1940-1942 руководитель еврейского отдела СД в Париже. После ареста американской армией совершил самоубийство.

319 Карлтео Цейтшель (1893 – 1945) – немецкий врач и дипломат. Глава еврейского отдела посольства Германии во Франции.

Цейтшель оказывали достаточную помощь.

Председатель: Господин Фор, мы не видим где вы читаете.

Фор: Господин председатель, этот документ не был передан вам в этой папке, потому что уже представлялся трибуналу. Я просто хотел зачитать два предложения из него.

Председатель: Хорошо.

Фор: Следовательно, этим документом доказывается, что трое чиновников немецкого посольства, Абец, Шлейер и Цейтшель сотрудничали с Даннекером в урегулировании еврейских дел. Так следует из документа?

Риббентроп: Предполагается мой ответ? Это вопрос?

Фор: Это вопрос.

Риббентроп: На этот вопрос я должен ответить: «Само собой разумеется». Они, конечно, в какой-то мере сотрудничали еврейскому вопросу во Франции, это совершенно ясно. Но я могу здесь также сказать, что французское обвинение, конечно, осведомлено о том, что посол Абец не только получал от меня указания, но что он также действовал и по собственной инициативе, всегда пытаясь прийти к некого рода согласию в данном вопросе. Само собой разумеется, что посольство также участвовало во всем этом в какой-то степени. Само собой разумеется, что я должен принять ответственность за, что делали господа в посольстве, и хочу повторить, что мои инструкции, как и деятельность посла Абеца протекала велась в противоположном направлении. Если учесть антисемитскую позицию и политику германского правительства, то станет совершенно ясно, что это отражалось на деятельности всех германских учреждений и что каждое из них в какой-то степени занималось этим вопросом. Задачей министерства иностранных дел было — действовать в духе урегулирования всех возникающих трудностей, что можно подтвердить тысячами документов. Мы часто должны были проводить мероприятия в духе антисемитской политики, но мы также часто пытались решать эти вопросы в компромиссном духе. Я могу сказать, нам часто приходилось делать вещи в соответствии с этой антисемитской политикой, но всегда стремились предотвратить такие меры и придти к некому согласию. Фактически за проведенные во Франции мероприятия против евреев германское, посольство не ответственно.

Фор: Я хотел бы обратиться к другому документу номер RF-1210, который является вторым докладом Даннекера от 22 февраля 1942, страница 3 документа. Страница 2 немецкого текста.

Риббентроп: Здесь и сейчас я хотел бы сказать, что я не знаю, кто такой Даннекер. Возможно вы можете предоставить мне сведения об этом.

Фор: Я вам сказал, что Даннекер был уполномоченным по еврейскому вопросу во Франции. Фактически эти документы давно представили трибуналу и довели до защиты.

Итак, на странице 3 этого документа, которая третья страница на

немецком языке имеется выдержка под заголовком: «Мероприятия», — из которой я оглашаю лишь одну фразу: «До настоящего времени были проведены три крупных мероприятия, направленных против парижских евреев».

Если вы обратитесь к последней странице документа, предпоследний абзац, там найдете следующее:

> «Начиная с половины 1941 года, каждую неделю по вторникам собирались совещания, в которых принимали участие следующие отделы:… I, II и III, военное командование, административный, полицейский и экономический отделы; IV — германское посольство в Париже, V — айнзацштаб рейхсляйтера Розенберга»
> В результате этих совещаний, учитывая, разумеется, некоторые, очень редкие исключения в отдельных случаях, была получена возможность осуществления единой политики в отношении евреев на оккупированных территориях».

Из этого документа со всей очевидностью явствует, что ваши сотрудники были согласны с политикой по еврейскому вопросу, проводимой на оккупированной территории, а эта политика заключалась в аресте евреев?

Риббентроп: Могу я ответить на это заявление? Насколько мне известно, в данном случае, как часто происходило в подобных случаях, германские послы могли бы служить в качестве местных отделений. Они могли присоединиться к этому с целью направить дело в мирное русло.

Фор: Я прошу, чтобы вам показали французский документ номер RF-1220 — это письмо из германского посольства от 27 мая 1942, адресованное главе полиции безопасности и СД во Франции. Прежде чем задать вам вопрос, я оглашаю два первых абзаца из этого письма:

> «Как следствие моей беседы с гауптштурмфюрером Даннекером от 27 июня, в ходе которой последний указал, что ему необходимо в возможно более короткий срок 50 тысяч евреев из неоккупированной зоны для отправки на Восток и что, на основании нот направленных Даркье де Пельпуа[320], генеральным уполномоченным по еврейскому вопросу, с этим нужно, что-то сделать, я тут же об этом деле сообщил послу Абецу и посланнику Рану. Советник Ран должен после полудня встретиться с президентом Лавалем. Последний обещал мне, что тут же переговорит с ним о передаче 50 тысяч евреев, а также о предоставлении Даркье де Пельпуа полной свободы действия в соответствии с уже изданными законами о немедленном предоставлении ему обещанного кредита».

320 Луи Даркье де Пельпуа (1897 – 1980) – французский журналист. Глава комиссариата по делам евреев во Франции в 1942-1944.

Итак, я хочу задать вам вопрос. Я прошу ответить как можно короче. Был ли вам известен этот демарш относительно 50 тысяч евреев?

Риббентроп: Нет, я об этом ничего не знал. Я услышал об этом здесь впервые, когда, как мне кажется здесь читали документ.

Фор: Если ваши сотрудники Абец, Ран и Цейтшель предпринимали подобные шаги, не информируя вас о них, то не объясняется ли это тем, что они считали, что действуют в духе ваших общих инструкций?

Риббентроп: Нет, я так не думаю. Они в Париже действовали весьма самостоятельно. Но я еще раз заявляю: за все то, что они сделали, я беру на себя полную ответственность. Я подчеркнул данный факт. Однако, я не знал о каких–либо предложениях предусматривающих меры против 50 000 евреев. И я даже не знаю, были ли приняты меры по этому поводу, и каким образом эти господа участвовали в вопросе. Из письма это непонятно. Я знаю, только одну вещь, что моей общей инструкцией предусматривалось осторожное обращение с такими вопросами, чтобы преодолевать трудности согласно моим общим воззрениям и не делать того, чтобы усложнило вопрос, а напротив сглаживало его. Больше мне нечего добавить.

Фор: Во время допроса вашего свидетеля Штеенграхта представитель английского обвинения предъявил документ PS-3319, как британский экземпляр номер GB-287. Я обращаюсь к этому документу в связи с таким вопросом.

В этом документе имеется отчёт о встрече или конгрессе, на котором присутствовали все лица, связанные с решением еврейского вопроса, находившиеся в различных дипломатических миссиях в Европе. Этот конгресс состоялось 3—4 апреля 1944 в Крумухюбеле. Его организовал Шлейер. Об этом уже говорилось здесь. Я полагаю, вы знали об этом конгрессе?

Риббентроп: Нет, я об этом слышу в первый раз. Что это был за конгресс? Я никогда не слышал о том, чтобы этот конгресс состоялся. В чём он заключался?

Фор: Документ уже приобщен; конгресс проводился…

Риббентроп: Я знаю только об одном конгрессе, о котором я просил фюрера не проводить его. Об этом мне известно. Но я ничего не знаю о конгрессе, который проводился. Расскажите мне о подробностях.

Фор: Документ был вручен трибуналу, и я хочу задать вам один вопрос. Вы показали, что вам не было известно об этом совещании, на котором присутствовал тридцать один человек, причем почти все они принадлежали к дипломатическому корпусу. Я вам указываю, что в ходе этого совещания советник посольства фон Тадден сделал заявление, которое было записано в следующей форме:

> «Оратор изложил, почему нужно отказаться от сионистского решения еврейского вопроса в связи с Палестиной и от других подобных решений и почему следует осуществить депортацию

евреев на восточные территории».

Я предполагаю, что это заявление, которое было сделано советником посольства перед тридцатью одним человеком, которые находились в вашем министерстве, полностью освещает ваше отношение к этому вопросу.

Риббентроп: Да, но я не имею ни малейшего понятия о чём вы говорите. Могу я, начать с того, чтобы вы конкретизировали вопрос? Я ничего не понимаю. Я уже сказал вам, что я ничего не знал о каком–либо конгрессе, за исключением, того который я просил не проводить. Должен был проводиться международный конгресс. Я ничего не знаю о конгрессе дипломатов. Вы могли бы дать мне документ, чтобы я мог ответить?

Фор: Я не собираюсь показывать вам документ. Я прочитал одно предложение из документа, и я просто спрашиваю вас, согласуется ли это мнение с данной фразой. Ответьте мне «да» или «нет»

Риббентроп: Тогда я прошу вас повторить предложение. Я хочу снова убедиться, что такой конгресс не проводился; это не правда.

Хорн: Господин председатель, я возражаю данному вопросу, если подсудимому не предоставляется шанс на правдивый ответ.

Председатель: Трибунал думает, что вопрос допустим.

Фор: Я спрашиваю вас, соответствовало ли предложение вашему мнению.

Риббентроп: Повторите, пожалуйста предложение. Я не очень его понял.

Фор:

> «Оратор изложил, почему нужно отказаться от сионистского решения еврейского вопроса в связи с Палестиной и от других подобных решений и почему следует осуществить депортацию евреев на восточные территории».

Это было вашим тезисом?

Риббентроп: Нет.

Фор: Было ли доведено до вашего сведения то, что итальянские власти во Франции защищали евреев в связи с преследованиями их немцами?

Риббентроп: Да, я помню, что там действительно что-то такое было, но точно сейчас я сказать не могу.

Фор: Предприняли ли вы какие-либо шаги, обратившись к итальянскому правительству в связи с этим?

Риббентроп: Я помню, что я как-то раз говорил или с Муссолини, или с графом Чиано о том, что во Франции в последнее время имели место акты саботажа, шпионажа и нужно было быть начеку. Тогда же мы затронули еврейский вопрос.

Фор: Я прошу, чтобы вам показали документ D-734, который я хочу приобщить как французский экземпляр номер RF-1501. Эта запись озаглавлена:

«Отчет о беседе между рейхсминистром иностранных дел и дуче

в палаццо Венеция в присутствии послов фон Макензена и Альфиери и государственного секретаря Бастианини 25 февраля 1943».

Я хочу огласить второй абзац этого документа:

«Кроме того, рейхсминистр иностранных дел высказался по еврейскому вопросу следующим образом: «Дуче знает, что в отношении обращения с евреями Германия заняла радикальную позицию. Это стало еще более наглядно вследствие размаха, который приняла война с Россией.

Германия вывезла с немецких территорий и с территорий, оккупированных немцами, всех евреев в резервации на Восток. Он, рейхсминистр иностранных дел, знает, что эти меры рассматриваются как жестокие, а именно так они рассматриваются противником. Тем не менее их необходимо предпринимать для того, чтобы успешно вести войну».

Я не буду читать следующий абзац, а четвертый абзац:

«Франция также предприняла в отношении евреев исключительно полезные меры. Они носят временный характер. Окончательное решение вопроса будет заключаться в депортации евреев на Восток. Он, рейхсминистр иностранных дел, знает, что в рядах итальянских военных кругах, так же как иногда и среди немецких военных, еврейский вопрос не всегда бывает понят во всей его значимости. Только таким образом следует объяснить приказ Comando Supremo , в соответствии с которым меры, принятые французскими властями, побуждаемыми к этому немцами, в отношении евреев и направленные против них, не должны были проводиться в жизнь в итальянской зоне Франции. Дуче возразил, что эти сведения не являются достоверными, и заявил, что это лишь особая тактика французов, которые стремятся вызвать разногласия между Германией и Италией».

Теперь я хочу вас спросить о следующем. Только что вы нам сказали, что вы хотели, чтобы все евреи эмигрировали на Мадагаскар. Разве Мадагаскар является резервацией на Востоке, о которой говорится в этом документе?

Риббентроп: О чём? Я не понял?

Фор: Вы говорили в этом документе о депортации евреев в резервации на восточных территориях и недавно вы говорили нам о расселении евреев на Мадагаскаре. Здесь имели в виду Мадагаскар?

Риббентроп: Нет, это был план фюрера. Документ касается факта крупномасштабной системы шпионажа раскрытой, мне кажется во Франции. Фюрер

послал за мной, пока я был в поездке по Италии и попросил меня поговорить с Муссолини и проследить за этими делами для того, чтобы в случаях евреев вовлеченных в акты саботажа и шпионажа, итальянское правительство или итальянская армия не вмешивались в предотвращение таких действий. Также я хочу определенно заявить, что я знал, и это было планом фюрера, чтобы европейские евреи были переселены в большом количестве на Мадагаскар, Северную Африку, или в резервации на Востоке. Это было общеизвестно в Германии. Вот чего мы здесь касались, и я также знал, что в то время происходили некоторые печальные вещи, и я уверен, что фюрер был убежден, что все это связано с еврейскими организациями юга Франции. Я теперь вспоминаю очень хорошо, что в то время я обсуждал вопрос с Муссолини и убеждал его одобрить подходящие меры, поскольку эти евреи предоставляли информацию для британской и американской разведки. По крайней мере, и я, и фюрер постоянно получали такую информацию.

Фор: Вы сказали, не так ли, что всех евреев должны были депортировать в восточные резервации? Верно? Ответьте «да» или «нет».

Риббентроп: Одобрял ли я это?

Фор: Германия депортировала всех евреев с немецкой территории и территорий оккупированных ею в восточные резервации. Это правда или нет?

Риббентроп: Я не знаю подробностей содержания документа. Я не знаю, что именно я говорил. Но в любом случае я знал, что фюрер приказал о том, чтобы евреи из оккупированных территорий Европы были перемещены в резервации на Востоке и расселены там. Это я знаю. Проведение таких мер, однако, не являлось моей задачей как министра иностранных дел, но я знаю, что это была воля фюрера. В связи с этим, я помню, что я получил приказ от него обсудить вопрос с итальянским правительством, чтобы они также применяли соответствующие меры относительно еврейской проблемы. Это относилось и к другим странам, мы часто посылали такие телеграммы, чтобы эти страны решали еврейский вопрос.

Председатель: Господин Фор вы читали свидетелю, второй абзац начинающийся: «Далее рейхсминистр иностранных дел затронул еврейский вопрос…?

Фор: Да, господин председатель, второй абзац. Это абзац я зачитал.

Председатель: Что же, вы прочитали третий, но я не знаю прочли ли вы второй. Вы прочли второй, не так ли? Очень хорошо.

Фор: Да, я его тоже прочёл господин председатель.

Председатель: Этот документ новый, не так ли?

Фор: Да, господин председатель, этот документ я хочу приобщить под номером экземпляра RF–1501. Он относится к серии «D»; он D-734 в британской книге документов.

Председатель: Признает ли подсудимый соответствие документа разговору?

Риббентроп: Господин председатель, не могу сказать определенно, что я говорил в то время; я только помню, и почерпнул это из этого документа, из этих слов, что

евреи распространяли новости из британских и американских источников. Я помню, что в то время крупная шпионская и саботажная организация существовала тогда, и эта приводило к большим проблемам во Франции, и что фюрер приказал мне обсудить вопрос с Муссолини, поскольку итальянцы противостояли мерам, введенным нами во Франции. Я говорил Муссолини и рассказывал ему о том, что у фюрера было такое мнение, что, относительно этого вопроса, нам следует прийти к определенному пониманию.

Председатель: Я думаю, подсудимый, вы уже говорили нам об этом. Я спросил вас, согласны ли вы с тем, что документ по сути соответствует разговору.

Риббентроп: Я считаю определённые положения этого доклада неверными, но в основном положение было таким как я его объяснил.

Фор: Вы сказали также, что вы и с Хорти беседовали по еврейскому вопросу

Риббентроп: Да, у меня было несколько совещаний с венгерским правительством по этому вопросу для того, чтобы оно предприняло какие-либо меры против евреев. Фюрер решительно настаивал на этом. Я часто говорил по этому вопросу с венгерским послом. В этих беседах мы обсуждали следующее. Я предлагал ему сконцентрировать все еврейское население в той или другой части Будапешта, мне кажется, даже за Будапештом. Второй вопрос, который мы обсуждали, был следующий. Я просил его освободить с видных правительственных должностей евреев, поскольку последние использовали свое влияние для заключения сепаратного мира.

Фор: Здесь уже был предъявлен документ, касающийся этих переговоров, которые вы вели с Хорти. Это было 17 апреля 1943. Это документ D-736, который предъявлен как GB-283.

Во время допроса вашего свидетеля Шмидта британский обвинитель спросил его, признает ли он, что он сам составлял этот протокол. Это было подтверждено Шмидтом. Здесь имеется следующее указание в конце первого абзаца. «Министр иностранных дел заявил, что евреи должны быть либо уничтожены, либо направлены в концентрационный лагерь. Другого решения быть не может».

Вы действительно это сказали?

Риббентроп: Нет, в такой форме я этого не говорил. Но я хочу ответить следующим образом:

Эти записи были сделаны посланником Шмидтом несколько дней спустя после долгой беседы Гитлера с Хорти. У меня действительно тогда было поручение поговорить с венгерским правительством относительно разрешения еврейского вопроса. Во время посещения Хорти фюрера, фюрер начал беседу на эту тему, причем в очень откровенных тонах и я прекрасно помню, что после этой беседы я разговаривал с посланником Шмидтом и сказал ему, что я, строго говоря, не совсем понял фюрера.

Таким образом, я не делал тогда высказываний в такой форме. Очевидно, господин Хорти сказал, что не может же он убить всех евреев. Возможно, поскольку такого вопроса во всяком случае не было, что после этого я попытался воздействовать на Хорти в том направлении, чтобы он что-нибудь сделал с будапештскими евреями, чтобы он сконцентрировал, наконец, евреев в одной части Будапешта, о чем фюрер так давно мечтал. Может быть, в этот момент и я высказал свои возражения, сделал какое-нибудь замечание.

Я должен также добавить, что ситуация в то время была следующей: мы получали периодические указания от Гиммлера о том, что он хочет разобраться с венгерскими евреями лично. Я этого не хотел, поскольку, тем или иным путем могли возникнуть политические сложности за границей.

Впоследствии, действуя согласно воле фюрера, которого чрезвычайно раздражал этот вопрос, я, как известно, периодически пытался сгладить проблему, и в то же время, заставить венгров предпринять что–либо в этом направлении. Поэтому, если из длинного разговора, было выделено и обобщено краткое замечание, содержащие такое заявление, это совсем не значит, что я желал смерти евреям. Это на 100 процентов противоречило моему личному убеждению.

Фор: Я не понял, ответили ли вы на мой вопрос или нет. Я спрошу вас снова. Доклад верен, или нет?

Риббентроп: Нет, в такой форме не может быть верным. Эти записи, я лично никогда не видел этих записей; также я хочу сказать, что это бессмыслица и неправильно истолковано. Я не видел этих записей ранее; я увидел их впервые в Нюрнберге.

Я только могу сказать, что возможно случилось следующее. Я мог сказать…что же, да: «Евреев нельзя истреблять или мучить, так, что пожалуйста сделайте, что–нибудь согласно приказу фюрера, чтобы он наконец был удовлетворен, для централизации евреев»

Такой была наша цель, в любом случае. Мы не хотели обострять ситуацию еще сильнее, но мы пытались сделать, что–нибудь в Венгрии, чтобы другое ведомство не забрало вопрос себе, соответственно создавая политические трудности за рубежом для министерства иностранных дел.

Фор: Вы знали в то время, что многих евреев депортировали. Это следует из ваших объяснений.

Председатель: Подождите, пожалуйста. Вы закончили с этим документом?

Фор: Я продолжу говорить об общих вопросах.

Председатель: Вы с ним закончили, не так ли?

Фор: Да.

Председатель: Что же подсудимый, трибунал хочет знать, вы говорили регенту Хорти о том, чтобы евреев следовало забирать в концентрационные лагеря.

Риббентроп: Я считаю это возможным в этом случае, так как тогда, мы получили

приказ о том, чтобы был создан концентрационный лагерь рядом с Будапештом или где–то еще для того, чтобы евреи были централизованы там, и фюрер проинструктировал меня задолго до обсуждения с венграми возможного решения венгерского вопроса. Это решение состояло из двух пунктов. Первый, удаление евреев с важных государственных позиций и второе, поскольку в Будапеште было много евреев, централизовать евреев в определенных кварталах Будапешта.

Председатель: Как я понял из вашего суждения, документ неточен.

Риббентроп: Да, не точен. Господин председатель, я так представляю, что, когда документ зачитывался, можно представить, что я допускал возможность мучений евреев. Это совершенно неправильно, но я хочу сказать, что я позднее утверждал, что понятно, я желал, как–либо разрешить в Венгрии еврейский вопрос, чтобы другие ведомства не вмешивались в этот вопрос. Так как фюрер часто говорил со мной об этом, на самом деле очень серьезно говоря, что еврейская проблема в Венгрии должна быть решена…

Председатель: Вы нам уже это говорили. Я хочу спросить вас о следующем: вы предполагаете, что Шмидт, который составлял меморандум, придумал последние несколько предложений, начинающиеся со слов:

> «Если евреи не хотели работать, их расстреливали. Если они не смогут работать, им придется умереть. С ними нужно обращаться как с туберкулезной бациллой, которая может заразить здоровое тело. Это не было жестоким если вспомнить, что даже невинных существ природы, таких как зайцы и олени, приходиться убивать, чтобы они не причиняли вреда. Почему нужно сохранять зверей, которые хотели принести нам большевизм? Нации, которые не избавили себя от евреев, погибли. Один из самых знаменитых примеров падения народа которым однажды так гордились, персы, влачащие теперь жалкое существование, как и армяне».

Вы предполагаете, что Шмидт придумал эти предложения или вообразил их?

Риббентроп: Господин председатель, я хочу добавить, что я лично был опечален такими словами фюрера, и я не совсем понимал их. Но вероятно, такое отношение можно понять, если мы вспомним о том, что фюрер верил, что война началась из–за евреев, и что затем привело его к фанатичной ненависти к евреям.

Я помню, что позднее, после этого совещания, я обсуждал с переводчиком Шмидтом и двумя господами, тот факт, что фюрер впервые использовал такие выражения в связи с еврейской проблемой. Эти слова определенно не придумывались Шмидтом. Фюрер сам так выражался тогда. Это правда.

Председатель: Да, господин Фор.

Фор: Из документа следует, что вы думали о концентрационных лагерях в Венгрии и еще вчера вы говорили о том, что не знали о таких лагерях в Германии. Это так?

Риббентроп: Я не знал, о том, что в Венгрии были концентрационные лагери, но я сказал, что фюрер проинструктировал меня попросить Хорти попросить венгерское правительство сконцентрировать евреев Будапешта, в определенных частях города Будапешта. Что касается концентрационных лагерей в Германии, я уже говорил, вчера о моих знаниях по этому поводу.

Фор: Вы признали, что знали о гитлеровской политике депортации всех евреев и вы признали, что поскольку вы были компетентны как министр иностранных дел, вы проводили такую политику, не так ли?

Риббентроп: Как верный сторонник я подчинялся приказам фюрера даже в этой сфере но я всегда делал все возможное, чтобы облегчить ситуацию, насколько возможно. Это могут заявить и подтвердить многие свидетели. Даже в 1943 я предлагал обширный меморандум фюреру в котором я призывал его полностью изменить еврейскую политику. Я также могу привести другие примеры.

Фор: Если я правильно понял ваши показания, вы морально противостояли преследованию евреев, но помогали от них избавиться, не так ли?

Риббентроп: С самого начала своего допроса я периодически говорю, что в этом смысле я никогда не был антисемитом. Но я был преданным сторонником Адольфа Гитлера.

Фор: Помимо еврейского вопроса, вы также занимались арестами французов, не так ли?

Риббентроп: Аресты французов…

Фор: Да. Отдавали ли вы или нет приказы арестовывать французов?

Риббентроп: Очень возможно, что это было именно так.

Фор: Можете ли вы дать дополнительные объяснения?

Риббентроп: Нет. Я сейчас не могу припомнить никаких деталей, но я помню, что производились аресты французов. В какой степени это исходило от нас, я не знаю. В 1944 году, незадолго до вторжения, фюрер издал приказ арестовать большое число авторитетных лиц, участников движения сопротивления. Он знал, что мы также приняли участие в этих арестах. Но сейчас я не помню более подробных деталей этих событий.

Это был вопрос ареста тех элементов, которые раздували огонь движения сопротивления на случай вторжения, и атаковали бы немецкие армии с тыла. Но я не могу сказать ничего конкретного.

Фор: Я прошу, чтобы вам показали сейчас документ который будет предъявлен как экземпляр номер RF-1506. Это письменные показания доктора Г. Кнохена[321]. Я оглашу вам несколько выдержек из этого документа.

«В конце 1943 года — должно быть, в декабре — в министерстве

321 Гельмут Кнохен (1910 — 2003) — штандартенфюрер СС, профессор литературы и доктор философии. Начальник полиции безопасности и СД во Франции.

иностранных дел состоялось совещание по вопросу о проведении арестов во Франции. Так как я находился в Берлине, мне предложили участвовать в этом совещании. На совещании присутствовали: министр иностранных дел фон Риббентроп, государственный секретарь Штеенграхт, посол Абец, другой сотрудник министерства иностранных дел, фамилию которого я забыл, начальник Зипо и СД доктор Кальтенбруннер и представитель, военного главнокомандующего полковник Коссман, если я правильно помню.

Министр сообщил следующее: фюрер указывает на то, что отныне Франции следует уделять больше внимания: надо, чтобы силы противника не увеличивались, поэтому все германские службы должны выполнять свои задачи более эффективно»

Я пропускаю следующий абзац. Затем читаем следующее:

«Он видит, что в случае вторжения возрастает угроза со стороны французских кругов, которые не хотят сотрудничать с немцами и ведут нелегальную борьбу с Германией. Эти круги могут представлять серьезную опасность для войск — такие опасные элементы должны быть обнаружены в сфере экономики, в научной сфере, в политической и в военной сферах, а также во всех общественных кругах, с которыми они могут поддерживать связь. Он считаете необходимым немедленному ударить по этим людям. Он предлагает, что они с лёгкостью насчитывают 2 тысячи человек или более. В момент, когда речь идет о защите Европы от врага, нет оснований пугаться проведения таких превентивных мер даже во Франции. На вопрос о том, как надо действовать на практике, министр заявил, что посол Абец возьмет на себя лично эту задачу немедленно и составит список во взаимодействии с немецкими службами для того, чтобы учитывать все вопросы, которые встают в связи с обстановкой»

На этом я прекращаю оглашение цитату. Признаете ли вы, что он соответствует действительности?

Риббентроп: Да, я совершенно точно помню об этом документе. Это был приказ фюрера, в котором говорилось о том, что необходимо принять меры для устранения всех опасных элементов, которые могли бы разжигать сопротивление в тылу германской армии, ввиду намечавшегося вторжения. Я считал её совершенно уместной мерой, которую сделало бы любое правительство, заботящееся о войсках.

Тогда я провёл это совещание. Фюрер хотел, чтобы арестовали много

человек, но только относительно небольшое количество было арестовано тогда.

Впоследствии мы имели сравнительно мало общего с арестами; они в дальнейшем проводились полицией.

Но совершенно ясно, что это совещание состоялось в то время, и касалось сделанного тогда, как и предполагалось, арестов тех элементов, которые могли быть опасными в случае вторжения. Это правда.

Фор: У меня больше нет вопросов.

Председатель: Трибунал прервется.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Есть две вещи, которые я хочу сказать. Одна из них относится к обвинению, а другая к защите. Желательно, чтобы обвинение оформляло документы для переводчиков, когда оно собирается использовать документы в ходе перекрестного допроса. Документы не обязательно должны быть на языке, которым пользуется переводчик, но документ должен быть на каком-нибудь языке, одном из языков для помощи переводчикам.

Другое положение заключается в том, что мне сказали о том, что защитники подсудимых не вручают свои документы отделу переводов хотя бы за 2 недели на, что указывал трибунал. Трибунал, это правда, сказал, что документы должны предоставляться трибуналу или отделу переводов по возможности за, 2 недели. Эти слова «по возможности» воспринимают слишком легкомысленно и документы, как мне сказали, иногда поступают за 48 часов до рассмотрения конкретного дела. Этого времени мало и это приводит к задержкам. На этом все.

Додд: С позволения трибунала, в ходе перекрестного допроса подсудимого французским обвинением упоминался документ PS-3766, и я понял, что доктор Хорн, сказал о том, что документ не является захваченным документом. Я так понял это заявление. Я не совсем уверен, что он сказал, когда подходил к микрофону. Поэтому, чтобы протокол был совершенно ясным, я хочу сообщить трибуналу, что это захваченный документ и я не знаю в связи, с чем доктор Хорн сделал такое утверждение.

Председатель: Доктор Хорн.

Хорн: Господин председатель, у меня не до сих пор не было никакой возможности, говорилось о том, что мы рассматриваем захваченный документ, и у меня не было возможности проверить вопрос заранее. Вверху документа был экземпляр USA, документ номер PS-3766, и у меня не было возможности проверить его как только он поступил. Поэтому, я попросил о том, чтобы этот факт был любезно установлен французским обвинением. Это было мое единственное возражение. Я не отрицал, что это захваченный документ. Просто я не мог этого подтвердить.

Председатель: Остальные обвинители желают задать вопросы подсудимому? Полковник Эймен, трибунал надеется, что вы не будете проходить вопросы, которое уже прошли.

Эймен: Никак нет, сэр.

[*Обращаясь к подсудимому*] Риббентроп, вы говорите на английском достаточно хорошо?

Риббентроп: Раньше я говорил хорошо и думаю, сегодня я говорю вполне сносно.

Эймен: Почти также как по-немецки?

Риббентроп: Нет, я такого не скажу, но в прошлом я говорил на нем почти как на немецком, хотя я естественно многое забыл за годы и теперь он стал сложнее для меня.

Эймен: Вам известно, что значит «человек – да» на английском?

Риббентроп: «Человек – да» - per se. Человек, который говорит «да» даже, когда он лично – отчасти трудно точно сказать. В любом случае, я не знаю, что вы подразумеваете на английском. В немецком я могу определить его как человека выполняющего приказы, верного и лояльного.

Эймен: И, фактически, вы являлись «человеком – да» для Гитлера, верно?

Риббентроп: Я всегда был верен Гитлеру, выполняя его приказы, часто расходясь с ним в мнении, имея с ним серьезные споры, периодически приводившие к моей отставке, но когда Гитлер отдавал приказ, я всегда выполнял его инструкции согласно принципам нашего авторитарного государства.

Эймен: Итак, до процесса я вас часто допрашивал, не так ли?

Риббентроп: Да, раз или два, мне кажется.

Эймен: Итак, я прочту вам определенные вопросы и ответы, которые вы давали в ходе этих допросов, и просто попрошу сказать трибуналу, давали ли вы мне такие ответы. На эти вопросы можно отвечать «да» или «нет»; вы понимаете?

Риббентроп: Да.

Эймен:

> «Я был человеком верным фюреру до его последних дней. Я никогда не оставлял его. Я был верным ему до последних дней, последних часов, и я не всегда во всем с ним соглашался. Напротив, я иногда имел очень отличавшиеся взгляды, но я пообещал ему в 1941, что я буду хранить ему верность. Я дал ему честное слово, что я не оставлю его в трудностях»
>
> Верно?

Риббентроп: Да, по моим воспоминаниям верно. Я не видел документа, и я ничего не подписывал, но насколько я помню, это верно.

Эймен: Что же, что вы имеете в виду говоря о том, что не причинили бы ему никаких затруднений?

Риббентроп: Я видел в Адольфе Гитлере символ Германии и единственного человека, который может победить в войне, и поэтому я не хотел создавать ему, каких–то сложностей и оставался верным ему до конца.
Эймен: Что же, вы имеете в виду, то, что вы никогда не перечили ему, и вы обещали ему это в 1941, не правда ли?
Риббентроп: Я бы никогда не причинял ему никаких затруднений, да, я так сказал. Он часто считал меня достаточно сложным подчиненным, и это при том, когда я сказал ему, что я не хотел бы создавать для него проблем.
Эймен: В 1941 вы сказали ему, что как бы то ни было, если вы в будущем будете не согласны с его мнением, вы никогда не будете отстаивать свою позицию.
[*Ответа не последовало*] «Да» или «нет»?
Риббентроп: Нет, не совсем так, но…
Эймен: Что же, приблизительно так, верно?
Риббентроп: Нет, нельзя так сказать. Я лишь подразумевал, если я могу пояснить, что я никогда бы не причинил ему никаких трудностей; если бы у меня, когда-нибудь возникло серьёзное расхождение во мнении, я просто бы отказался от своего взгляда. Вот, что я имел в виду.
Эймен: Что же, вы дали ему в связи с этим честное слово, не правда ли?
Риббентроп: Да, это верно, да.
Эймен: И тогда вы говорили об отставке, разве не так?
Риббентроп: Да, это тоже верно, да.
Эймен: И это вызывало его сожаление и болезнь, верно?
Риббентроп: Да. «Болезнь» неправильное выражение, но он тогда очень волновался. Я бы предпочёл не вдаваться в детали.
Эймен: Что же, он говорил о том, что это вредит его здоровью, не так ли, и просил вас прекратить спорить с ним о каких–нибудь вопросах и делать то, что он говорит? Правильно?
Риббентроп: Я больше не хочу ничего говорить о личных причинах, как и не представляю, чтобы такие вопросы представляли здесь интерес. Это останется личными вопросами между мной и фюрером.
Эймен: Что же, меня это не интересует. Меня интересует только констатация того не является ли фактом, и не давали ли вы клятву, по случаю присяги Гитлеру, что вы никогда не будете выражать взгляды или поддерживать взгляды противоречащие тому, чего желал он. Верно?
Риббентроп: Нет, нет! Это абсолютная неправда, интерпретация ложная. Я сказал фюреру, что я никогда не буду создавать ему никаких трудностей. После 1941 у меня было много расхождений с ним, и даже тогда я всегда озвучивал своё собственное мнение.

Эймен: Что же, Риббентроп, в чём бы ни заключались расхождения во взглядах, вы никогда не могли представить их после 1941, не так ли? «Да» или «нет».

Риббентроп: Я не понял вопрос. Пожалуйста, повторите.

Эймен: Я сказал, не важно насколько расходились ваши взгляды, или какие бы взгляды вы не выражали фюреру по любому из этих вопросов после 1941, ваши предложения противоречащие фюреру никогда не воплощались. Верно? В конечном счёте вы всегда делали то, что фюрер говорил вам делать, независимо от ваших взглядов.

Риббентроп: Вы поставили мне два вопроса. На первый я должен ответить, что это не верно, что Гитлер никогда не принимал моих предложений. Вопрос номер 2, однако, правильный. Я могу ответить на него, сказав, что если фюрер в любое время высказывал мне мнение и приказывал, я исполнял приказ, что было естественным в нашей стране.

Эймен: Другими словами, в конечном счёте вы всегда говорили «да», правильно?

Риббентроп: Я выполнял его приказ, да.

Эймен: Итак, я собираюсь зачитать вам кое–что еще из ваших показаний:

> «Он – относится к Гитлеру – «считал меня ближайшим соратником. У нас была очень серьезная беседа, и когда я хотел уйти, я пообещал ему это, и я хранил его до последнего момента. Иногда было очень трудно, могу вас заверить, держать обещание, и сегодня я сожалею, что дал его. Вероятно, было бы лучше, если бы я не давал его. Это ставило меня в такое положение, что я не мог говорить с Гитлером, в очень серьезные и важные моменты войны, таким образом, какой нравился мне, и так как, вероятно, я мог бы общаться с ним после этой беседы в 1941.
>
> Я должен объяснить вам всё это. Если вы не знаете подоплеку событий, вы можете, наверное, подумать, что как министр иностранных дел в течение последних лет я хочу сказать больше об этом. Возможно я могу сказать, кто-то может дать больше информации об этом, но я хочу быть и оставаться верным этому человеку, даже после его смерти, насколько возможно. Но я оставляю право доказать потомкам, что я сдержал свое обещание, а также право показать какую роль я сыграл в этой драме».

Вы делали или нет такие заявления мне под присягой?

Риббентроп: Они…

Эймен: «Да» или «нет»?

Риббентроп: Снова здесь два вопроса. По вопросу номер 1, я скажу, что я вообще ничего не знаю. По второму вопросу, я отвечаю «нет». Разумеется я никогда не свидетельствовал об этом под присягой. Я давал клятву только дважды, но это не относится к происходящему здесь. Заявление не дословное и может быть

неправильно переведено. Верно то, что я сказал о том, что я был верен фюреру и, что далее у меня было множество споров с ним, что мы не всегда были одного мнения, и что в этом суть моего заявления. Это верно.

Эймен: Я задал вам только один вопрос, и снова прошу ответить вас «да» или «нет». Вы делали или нет такие заявления такими словами, как я зачитал вам?

Председатель: Полковник Эймен, думаю он на самом деле ответил, что это не дословно.

Эймен: Но это дословно.

Председатель: Это вопрос мнения. Он сказал, что не дословно.

Эймен: Что же, очень хорошо, ваша светлость.

[*Обращаясь к подсудимому*] В любом случае, вы можете понять, что по сути вы это сказали, правильно?

Риббентроп: Как я уже сказал, да.

Эймен: Риббентроп, фактически, вы свидетельствовали и дали именно эти показания на английском языке, не так ли?

Риббентроп: Я часто говорил по-английски на допросах, это совершенно верно, но было ли точно таким это заявление на английском я не знаю. В любом случае, я повторяю, эти заявления в обеих пунктах следует понимать таким образом, вот, что они означали.

Эймен: И когда вы давали показания на английском, это была ваша просьба, не так ли?

Риббентроп: Нет, не верно.

Эймен: По чьей просьбе?

Риббентроп: Я не знаю. Мне кажется, просто так получилось, не могу вспомнить. Мне кажется, я в основном говорил на английском, и немного по-немецки. Однако большую часть времени, я говорил по-английски.

Эймен: Итак, я собираюсь прочитать вам кое–что еще из ваших показаний и прошу вас ответить на тот же вопрос, на который надеюсь, вы ответите «да» или «нет», а именно: Вы давали такие показания в ходе допроса:

> «Вопрос: Вы чувствуете, что имеет обязанность перед немецким народом исторически излагать не только хорошие вещи, но и плохие вещи, для его воспитания в будущем?
>
> Ответ: На этот вопрос ужасно тяжело ответить.
>
> Вопрос: Это противопоставляется верности фюреру?
>
> Ответ: Я не хочу предстать перед немецким народом как неверный фюреру»
>
> Вы делали такие заявления?

Риббентроп: Да, это вполне возможно, хотя я уже точно не помню. Но это вполне возможно. Так много было сказано за последние месяцы, и затем также, с

физической точки зрения, я, как вы знаете, не совсем здоров, так что я не помню каждое слово.

Эймен: Хорошо. Теперь посмотрим, сможете ли вы вспомнить такие заявления:

> «Я всегда открыто говорил фюреру о своём взгляде, если он хотел услышать их, но я сам держался подальше от всех решений, но если фюрер уже решил, я согласно моему отношению к фюреру, слепо исполнял его приказы и действовал в духе его решения. В нескольких решающих событиях внешней политики, я усиленно продвигал свое мнение. Это было во время польского кризиса и также в русском вопросе, потому что я считал это совершенно важным и необходимым, но с 1941 у меня был очень малый вес и мне сложно было донести мнение до фюрера»

Вы помните, что делали такие заявления? «Да» или «нет», пожалуйста.

Риббентроп: Это более или менее, правда. Да, я практически помню это.

Председатель: Полковник Эймен, трибунал уже слышал очень долгий перекрестный вопрос подсудимого, и он думает, что это немного добавляет к уже сказанному. Подсудимый уже давал похожие показания.

Эймен: Очень хорошо, сэр. Я перейду к другому предмету.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы свидетельствовали, что существовала строгая черта между политическими и военными вопросами. Верно?

Риббентроп: Между – я не понял.

Эймен: Вы свидетельствовали, что была чёткая разделительная линия между политическими и военными вопросами.

Риббентроп: Да. Фюрер всегда достаточно сильно различал эти два элемента; верно.

Эймен: И информация относившаяся к военным предназначалась исключительно для военных и не была доступна вашему ведомству? Верно?

Риббентроп: Я немного слышал о военных планах; да это так.

Эймен: И напротив это правда, что информация, которую получали вы не была доступна военным; верно?

Риббентроп: Я не могу об этом судить, но я бы так полагал, поскольку я не знаю, какую информацию военные получали от фюрера.

Эймен: Что же, вы сказали нам о том, что в целом план фюрера заключался в том, чтобы политические и военные каналы были отделены друг от друга. Верно?

Риббентроп: Да, в целом он строго разделял их. Я уже несколько раз говорил об этом. Вот почему я только сейчас ознакомился с многими военными документами. Это совершенно соответствовало распоряжениям фюрера о секретности, чтобы ни одно ведомство не знало больше, чем было ему необходимо.

Эймен: Итак, фактически это вообще неправда, не так ли, Риббентроп?

Риббентроп: Я уже дал свой ответ.

Эймен: Фактические вы имели секретных агентов, которые совместно работали в разных странах на ваше ведомство, на армию, и на флот; разве не правда?

Риббентроп: Нет, не верно.

Эймен: Вы совершенно уверены в этом?

Риббентроп: Да, я убежден.

Эймен: Вы клянетесь?

Риббентроп: Вы имеете в виду агентов, которые делали кое–что, которые…

Эймен: Которые в то же время добывали информация для вашего ведомства, для армии, флота, совместно?

Риббентроп: Я считаю это в высшей степени маловероятным. Конечно, возможно, что кто–то или другой, некий человек мог работать для различных ведомств, но это точно не делалось в организованном масштабе. Организация - мы поддерживали небольшую зарубежную разведывательную службу – и разведывательные службы других ведомств Рейха в основном работали, насколько я был информирован, совершенно помимо нас. Возможно, что здесь и там какой-то человек или другие работали на другие, разные ведомства. Это совершенно допустимо. Например, некий человек или другие нашей легации, как заведено в английской, американской, русской, и других легациях, которые числились помощниками советников или помощниками иного рода, и проводили разведывательную работу для тех или иных организаций.

Эймен: Так вы хотите изменить ответ, данный минуту назад; правильно?

Риббентроп: Нет, я не хочу ничего изменять. Фундаментально, как организованный рутинный вопрос, я никогда не вводил каких–нибудь секретных агентов которые работали для различных ведомств за рубежом. Однако, возможно, что ведомство иностранных дел занимаясь такими вопросами могло кого-нибудь назначить. Однако, это было довольно незначительным делом. Сегодня я скажу «к сожалению». Вполне вероятно, что другие агенты из этого ведомства, работали на другие ведомства, так как контрразведка или СД, и т.д., согласовывали деятельность. Позже мы даже – я хочу добавить следующее: я имел известные разногласия с Гиммлером, о разведывательных службах за рубежом, и только благодаря ведомствам подсудимого Кальтенбруннера я добился соглашения о том, чтобы мне предоставляли определённую информацию. Но позднее это соглашение не уважали. Думаю оно практически не действовало, потому что было слишком поздно. Мне кажется, это было в 1944.

Эймен: Посмотрите пожалуйста на документ номер PS-3817? Вы можете сначала сказать трибуналу кто такой Альбрехт Хаусхофер[322]?

322 Альбрехт Хаусхофер (1903 — 1945) — немецкий географ, геополитик, дипломат, публицист и участник немецкого движения Сопротивления. Казнён за участие в покушении на Гитлера.

Риббентроп: Альбрехт Хаусхофер был моим бывшим сотрудником и человеком, который, занимался вопросами немецких меньшинств. Вероятно я сначала могу прочитать письмо? Это письмо от Хаусхофера? Оно не подписано.

Эймен: Да. Вы закончили читать?

Риббентроп: Нет, не совсем, пока нет. Мне прочитать и другие, или только первое письмо?

Эймен: Мы сейчас перейдем к другим письмам. Я пытаюсь сократить это насколько возможно. Это письмо освежает вашу память о том, что Хаусхофер находился на востоке изучая различные вопросы и докладывая вам, начиная с 1937?

Риббентроп: Сейчас я не могу вспомнить, чтобы Хаусхофер был в Токио, но это возможно.

Эймен: Что же письмо адресовано вам и к нему прилагается доклад, не так ли?

Риббентроп: Это не письмо от графа Дюркгейма[323]? Нет, ли недопонимания? Но если вы говорите, что это написано Хаусхофером, тогда вероятно он был в Токио; возможно. Я не знаком с подробностями. Я послал графа Дюркгейма в Токио в то время, но возможно, что Хаусхофер тоже был там. Сейчас я уже все позабыл.

Хорн: Господин председатель, я увидел это письмо только сейчас, оно не полностью датировано и не подписано, но я слышу от полковника Эймена, что предположительно оно написано в 1937. В 1937 Риббентроп еще не являлся министром иностранных дел. Он был назначен министром иностранных дел только 4 февраля 1938.

Эймен: Дата есть – 3 октября – и оно захвачено с документами Хаусхофера.

Риббентроп: Но я считаю, вполне вероятным что это письмо от Хаусхофера, хотя, я точно не помню, чтобы он был в Токио в 1937.

Эймен: Что же…

Риббентроп: Он был сотрудником, который работал у нас в ранние годы, но позднее больше занимался вопросами немецких меньшинств, так что я потерял его след в последние годы.

Эймен: Я пропускаю этот документ. Вы найдете следующий документ датированный 15 апреля 1937 с просьбой компенсации и оплаты его поездки.

Риббентроп: Да.

Эймен: И затем переходя к следующему документу, вы найдете письмо заместителю фюрера Гессу, где говорится:

> «С помощью курьера я лично посылаю вам короткий доклад, который также направлен Риббентропу. В нем кратко изложено то, что я мог наблюдать и слышать за 4 недели»
>
> Вы видите?

Риббентроп: Да, я вижу письмо. Да, да!

---

323 Карлфрид Дюркгейм (1896 — 1988) — немецкий психолог, психотерапевт и философ. Дипломат Третьего рейха в Японской империи; буддийский мастер школы Риндзай-дзэн

Эймен: Перейдем к другому письму, датированному 1 сентября 1937, адресованному вам.

Риббентроп: Да.

Эймен: Прилагается доклад за 4 недели.

Риббентроп: Да, я нашел.

Эймен: Теперь мы перходим к письму датированному 17 декабря 1937.

Председатель: Полковник Эймен, трибунал думает, что это очень далеко от вопросов, которые он должен рассматривать.

Эймен: Очень хорошо, сэр. Мне кажется, что это указывает на то, что копии одинакового доклад которые здесь включены одновременно направлялись армии, флоту – Рёдеру - и один армии и Риббентропу.

Председатель: Да, это правда, что первый ответ свидетеля заключался в том, что у них не было совместных агентов, но впоследствии он квалифицировал это так, что иногда могли быть совместные агенты.

Эймен: Верно, сэр. Если вы думаете, что он уступил в этом…

Я хочу приобщить это как экземпляр USA–790.

Риббентроп: Да, но могу я сказать, что в этом случае мы не рассматриваем агента. Господин Хаусхофер являлся нашим добровольным сотрудником, в целом интересовавшимся политикой и в особенности вопросом немецких меньшинств. Если он находился тогда в Токио, и он несомненно там находился, хотя я смутно это помню, тогда я просил поговорить его с несколькими людьми и доложить мне. Он видимо, как я понял из письма, либо потому что ему нравилось этим заниматься или по какой-то другой причине неизвестной мне, или потому что он знал других господ, предоставил эти доклады в распоряжение иных господ, по своей инициативе. Но он конечно не был агентом отправленным от разных ведомств. Я думаю единственным кто его хорошо знал, был Рудольф Гесс; в противном случае, мне кажется, он никого больше не знал. Я боюсь, что не представил вам совершенно правильные мысли; он был частным туристом, который предоставил свои впечатления.

Эймен: Итак, мне кажется вы говорили трибуналу о том, что вы не были близки с Гиммлером; верно?

Риббентроп: Я всегда говорил о том, что мои отношения с Гиммлером были хорошими в первые годы, но я с сожалением говорю, что в поздние годы у меня были с ним плохие отношения. Я естественно – это было не очень заметно для окружающему миру, но я не хочу обсуждать подробности. Многие вещи уже сказаны об этом, и существовали серьезные разногласия между нами в силу причин…

Эймен: Меня не интересуют разногласия. В какие годы вы были близки с ним?

Риббентроп: Первые разногласия межу Гиммлером и мной появились, мне кажется, в 1941, из–за Румынии и сложностей в Румынии. Эти разногласия сглаживались, и

естественно для всех окружающих мы должны были работать совместно как и раньше, и мы часто обменивались письмами по соответствующим дням рождения и по другим случаям. Но позднее отношения не были очень хорошими. Окончательный разрыв случился в 1941. Ранее я был с ним в хороших отношениях и также разделял его мнение о создании руководящего класса, что было его целью.

Эймен: И у вас было по крайней мере 50 общественных встреч с Гимллером в 1940 и 1941?

Риббентроп: Сколько?

Эймен: Пятьдесят?

Риббентроп: Пятьдесят? Нет, это определенно не тот случай. Возможно, пять или около того, я точно не скажу. Но после 1941 отношения между нами были более натянутыми, и позднее они не были хорошими. Остальные, мне кажется, уже свидетельствовали об этом.

Эймен: Что же, я не хочу тратить на это время…

Председатель: Вы рассматриваете общественные встречи между Риббентропом и кем-то ещё?

Эймен: Да.

Председатель: Трибуналу следует вникать в этот вопрос?

Эймен: Что же, сэр, я ожидаю, что любой человек который имел столько встреч как указано в этих книгах разумеется обсуждал с Гиммлером вопросы концентрационных лагерей и все вопросы, которыми исключительно занимался Гиммлер. Он рассказал трибуналу, что от Гиммлера никогда ничего не слышал о концентрационных лагерях.

Риббентроп: Я хочу повторить свое заявление о том, что никогда Гиммлер не обсуждал со мной этот вопрос. Что касается наших 50 встреч, я не знаю, мы могли часто встречаться несмотря ни на что, но я не могу вспомнить 50 встреч. Возможно, пять или десять, не знаю. Мне не кажется, что у этого жизненно важное значение поскольку не это решающий фактор. Конечно, мы должны были работать вместе в различных сферах и это сотрудничество зачастую было сложным.

Эймен: Что же, было много деловых встреч, которые у вас были с ним, не так ли? Посмотрите на книгу приёмов Гиммлера и скажите мне подтверждает ли она…

Председатель: Полковник Эймен, трибунал не желает продолжать обсуждение данного вопроса…

Эймен: Очень хорошо, сэр, но это были деловые встречи отличавшиеся от общественных. Больше нет вопросов.

Руденко: Подсудимый Риббентроп, в течение последних заседаний трибунала вы в пространной форме изложили основы внешней политики Германии. Я задам вам несколько итоговых вопросов и прошу дать вас на эти вопросы лаконичные ответы «да» или «нет». Считаете ли вы аншлюс германской агрессией?

Риббентроп: Австрия?
Руденко: Да.
Риббентроп: Нет, он не являлся агрессией. Это было завершение задачи.
Руденко: Я прошу вас…
Риббентроп: Но я понимаю, что могу сказать, по крайней мере, несколько предложений, после ответа «да» или не могу говорить ничего кроме «да» или «нет»?
Руденко: Нет, я прошу вас, отвечайте на мои вопросы. Вы слишком пространно объясняли все эти вопросы. Я хотел бы суммировать именно в лаконичных ответах «да» или «нет».
Риббентроп: Это зависит от моего состояния здоровья. Я прошу меня простить.
Руденко: Вы сумеете. Понимаю. Значит я…
Риббентроп: Я не считаю аншлюс актом агрессии, то есть «нет». Я считаю его реализацией взаимной цели обеих наций. Они всегда желали быть вместе и правительство до Адольфа Гитлера уже боролось за него.
Руденко: Я еще раз вас прошу отвечать мне «да» или «нет». Вы считаете, что аншлюс Австрии не является германской агрессией? Считаете ли вы…
Председатель: Генерал Руденко, он дал вам категорический ответ; что это не было агрессией.
Руденко: Правильно, правильно, господин председатель, я…
Председатель: Мы уже установили, что свидетели не обязаны отвечать «да» или «нет». Они должны сначала ответить «да» или «нет», а затем сделать короткое пояснение, если хотят. Но, в любом случае, на этот вопрос был дан категорический ответ.
Руденко: Второе: считаете ли вы захват Чехословакии германской агрессией?
Риббентроп: В этом смысле это не было агрессией, но соответствовало праву на самоопределение народов, как было предложено в 1919 президентом Соединенных Штатов Вильсоном. Аннексия Судетов была санкционирована соглашением четырех великих держав в Мюнхене.
Руденко: Вы очевидно не поняли мой вопрос. Я вас спросил, захват Чехословакии, считаете вы германской агрессией, Чехословакии, всей Чехословакии?
Риббентроп: Нет. Я считаю это, по словам фюрера, и я считаю, что это правильно, что это была необходимость, которая проистекала из географического положения Германии. Это означает, что остававшаяся часть Чехословакии, еще существующая, могла быть использована как авианосец против Германии. Поэтому, фюрер, считал себя обязанным оккупировать территорию Богемии и Моравии, с целью защитить Германский Рейх от воздушных атак – полет из Праги до Берлина занимает всего полчаса. Фюрер рассказывал мне тогда, что США фактически объявили все западное полушарие сферой интересов, Россия являлась мощнейшей страной с огромными территориями, и что Англия охватывала весь земной шар. Германия совершенно оправданно могла иметь

небольшое пространство своей сферы интересов.
Руденко: Ясно. Считаете ли вы нападение на Польшу германской агрессией?
Риббентроп: Нет. Я снова должен сказать «нет». Я считаю, что нападение на Польшу было вызвано позицией других держав. Могло быть мирное разрешение немецких требований, и я думаю, фюрер истоптал мирный путь, в надежде на то, что остальные державы пойдут по его пути. Как следует из фактов, ситуация стала такой напряженной, что Германия больше не могла принимать её, и такая великая держава как Германия не могла больше терпеть польские провокации. Так возникла война. Я убежден, что фюрер не был заинтересован в завоевании Польши.
Руденко: Считаете ли вы нападение на Данию германской агрессией?
Риббентроп: Нет. «Вторжение» в Данию, как это здесь определяется, означает всего лишь вмешательство в дела Дании, и это, после того, что говорил фюрер в отношении этой меры, означает всего лишь превентивную меру по отношению к той неминуемой высадке британских боевых сил. Насколько достоверной была наша информация, подтвердилось тем, что спустя несколько дней английские и немецкие войска столкнулись в Норвегии. Это значило, что подтверждались сведения о том, что английские войска долгое время готовились к битве в Норвегии, и это вытекало из документов обнаруженных и опубликованных позднее, и из отданных приказов о том, что английская высадка в Скандинавии готовилась в малейших деталях. Следовательно, фюрер думал о том, что захват Скандинавии, предотвратит появление нового театра военных действий. Поэтому, вторжение в Данию нельзя считать актом агрессии.
Руденко: А захват Норвегии вы также не считаете агрессией?
Риббентроп: Сейчас мы говорили о Норвегии и Дании. Это было совместное мероприятие, которое касалось и Дании, и Норвегии.
Руденко: Вместе с Данией. Хорошо. Понятно. Считаете ли вы нападение на Бельгию, Голландию и Люксембург германской агрессией?
Риббентроп: Это тот же вопрос: Я должен опять ответить: «нет», но я хочу сделать пояснение.
Руденко: Нет, я прошу вас пространно... Я бы просил вас, один момент, я бы просил давать более короткие объяснения, потому что вы слишком пространно излагаете. Основной вопрос, вы отрицаете, что это агрессия? Прошу вас.
Риббентроп: Русский обвинитель понимает, что мы разбираемся с очень важными вопросами, которые не просто объяснить предложением, в особенности, поскольку у нас нет возможности разъяснить вопрос в деталях. Я буду краток.
Руденко: Я учитываю, что вы уже три дня излагаете эти вопросы.
Риббентроп: Я буду очень краток. После польской кампании военные соображения подтверждались как решающие факторы. Фюрер не желал разрастания войны. Что касается Голландии, Бельгии и Франции, Франция объявила войну Германии, и мы не объявляли войну Франции. Следовательно, мы готовились к атаке от другой

стороны. Фюрер рассказывал мне тогда, что ожидается такая атака на Рур, и документы, обнаруженные позднее подтвердили то, что без тени сомнения эти документы было совершенно подлинными. Следовательно, фюрер решил предпринять превентивные меры на этот случай и не ждать атаки в сердце Германии, но атаковать первым. И поэтому начал действовать германский генеральный штаб.

Руденко: Считаете ли вы нападение на Грецию германской агрессией?

Риббентроп: Нападение на Грецию и Югославию Германией уже обсуждалось. Я не думаю, что нужны дополнительные пояснения. Здесь…

Руденко: Я тоже не думаю, что детально нужно говорить. Я вас спрашиваю, считаете ли вы нападение на Грецию германской агрессией? «Да» или «нет».

Риббентроп: Я считаю, что нет, меры принятые Югославией и меры принятые Грецией, разрешение баз, и т.д. для врагов Германии оправдывало интервенцию Адольфа Гитлера, так что нельзя говорить об агрессивных действиях в этом смысле. Совершенно ясно, что британские войска были готовы к высадке в Греции, поскольку они уже высадились на Крите и Пелопонессе, и мятеж врагов в Югославии, соглашение с врагами Германии, как я отмечал вчера, являлось причиной начала атаки Германии на эту страну. Документы французского генерального штаба, обнаруженные позднее во Франции ясно показывали, что планировалась высадка в Салониках…

Руденко: Вы об этом уже говорили, подсудимый Риббентроп, подсудимый Риббентроп вы об этом уже подробно излагали, в отношении документов, пространно объясняли, не находите ли вы, что можно дать более краткое объяснение. Последний вопрос в связи с этими агрессивными действиями. Считаете ли вы нападение на Советский Союз германской агрессией?

Риббентроп: Нет. В буквальном смысле этого слова это не была агрессия, но…

Руденко: А в каком смысле это была агрессия, простите, подсудимый Риббентроп, вы говорите, в буквальном смысле слова это не была агрессия, а в каком смысле это была агрессия?

Председатель: Генерал Руденко, позвольте ему ответить на вопрос.

Риббентроп: Разрешите мне сделать пояснение по этому вопросу.

Руденко: Пожалуйста.

Риббентроп: Концепция «агрессии» — это очень сложное понятие, которое даже сегодня не готов определить мир. Это я хочу подчеркнуть в первую очередь. Здесь, бесспорно речь идет о превентивной интервенции, превентивной войне. То, что мы напали, — действительно нельзя оспаривать. Я надеялся, что можно по-иному урегулировать вопросы с Советским Союзом, дипломатически, и я делал все в этом направлении. Но информация получаемая о политических действиях Советского

Союза в 1940 и в 1941 до начала войны, убеждала фюрера, как он часто мне говорил, что рано или поздно так называемые восточно–западные клещи применят к Германии, то есть с Востока, Россия с её огромным военным потенциалом, и на Западе, Англия и Соединенные Штаты, будут оказывать давление на Европу с целью подготовить крупномасштабную высадку. Фюрер очень волновался по этому поводу. Более того, фюрер сообщил мне о тесном сотрудничестве между генеральными штабами Лондона и Москвы. Я этого не знаю; я лично не получал таких новостей. Но доклады с информацией, которую я получал от фюрера, имели твердую основу. В любом случае, он боялся того, что однажды, Германия столкнется с политической ситуацией, угрожающей катастрофой и пожелал предотвратить крах Германии и нарушения баланса сил в Европе.

Руденко: В своих показаниях вы неоднократно делали заявление о том, что, преследуя мирные цели, вы считали необходимым ряд спорных вопросов решить дипломатическим путем. По-видимому, эти показания являются очевидным лицемерием, поскольку теперь вы признаете правильными все акты агрессии Германии.

Риббентроп: Я не имел этого в виду, я сказал только о том, что мы не имеем дела с актами агрессии, господин обвинитель, я объяснял, как возникла эта война и как развивалась война. Я также объяснял, как я всегда делал все возможное в моей власти для предотвращения войны в ходе польского кризиса. За стенами этого трибунала, история подтвердит мои слова и покажет, что я стремился локализовать войну и предотвратить её распространение. Я надеюсь, это установлено. Следовательно, в качестве вывода, я хочу сказать еще раз, что начало войны было вызвано обстоятельствами, которые уже не зависели от воли Гитлера. Он мог действовать только таким путем, и когда война распространялась, даже последующие решения были принципиально основаны на соображениях военного характера, и он действовал исключительно в интересах собственного народа.

Руденко: Ясно.

Вы представили трибуналу под номером 311, документ, это вами написанная характеристика Гитлеру, озаглавленная: «Личность фюрера». Я не буду его предъявлять вам, так как вы помните, очевидно, этот документ, это недавно вы его написали. Помните этот документ?

Риббентроп: Нет, я не совсем уверен, что это за документ. Могу я посмотреть на него?

Руденко: Этот документ находится у вашего защитника под номером 311, Риббентроп-311, это документ представленный вами вашему защитнику. На странице 5, я напомню, может быть...

Риббентроп: Вы могли бы дать мне копию документа?

Председатель: Что это 111, PS-111 или 111?

Руденко: Господин председатель, это документ защиты, представленный от имени

подсудимого под номером Риббентроп–311. И мы располагаем только русским переводом, в связи с полученной немецкой книгой документов. Я полагал, что эта книга документов представлена трибуналу.

Председатель: Это Р-111 – Риббентроп–111, вы подразумеваете. Это не 111; это Риббентроп–111.

Руденко: Господин председатель, документ 311.

Председатель: Да я понял. В книге документов номер 9.

Руденко: Можно продолжить, господин председатель?

Председатель: Да.

Руденко: На странице 5 этого документа вы, характеризуя Гитлера, сообщаете о следующем: «После победы над Польшей, на Западе планы Гитлера вследствие влияния, которое, по моему мнению, следует приписать Гиммлеру, пошли дальше, то есть в направлении установления гегемонии Германии в Европе». Вы помните это место из этого документа, подсудимый Риббентроп? Этот документ вами написан?

Риббентроп: Могу я увидеть документ? Я не знаю.

Руденко: Я бы попросил защитника подсудимого Риббентропа господина Хорна представить документ подзащитному своему.

Хорн: Господин председатель, мы рассматриваем…

Председатель: Минуточку.

Доктор Хорн, трибунал склонен думать, что документ не совсем относится к делу. Это видимо документ подготовленный подсудимым Риббентропом, о личности фюрера. Я не знаю, когда он был подготовлен, но он выглядит не относящимся к делу.

Хорн: Да, господин председатель, у меня такое же мнение, что документ не относится к делу. Я включил этот документ на случай того если у подсудимого не будет возможности рассказать в подробностях о его отношениях с Гитлером. Поскольку у него была такая возможность, я хочу отозвать документ.

Председатель: Генерал Руденко, трибунал считает документ не относящимся к делу.

Руденко: Господин председатель, этот документ был представлен в книге документов защиты. Написан подсудимым Риббентропом уже в ходе судебного процесса. Все обвинители считали возможным допустить этот документ, так как ряд положений в этом документе, характеристика которую излагает подсудимый Риббентроп, даёт основание для постановки этого вопроса. Но если трибунал считает, что этот документ вообще не относится к делу, я разумеется не буду использовать его для допроса.

Председатель: У нас пока не было возможности распорядиться о допустимости этих документов. Мы впервые увидели их сегодня утром. Все мы считаем, что документ не относится к делу.

Руденко: Да, господин председатель. Понятно.

[*Обращаясь к подсудимому*] Я хочу несколько поставить вам вопросов в связи с агрессией против Югославии. Я вас попрошу ознакомиться с документом PS-1195. Этот документ называется «Предварительные указания о разделе Югославии». Я обращаю ваше внимание на четвёртый абзац первого пункта этого документа. Там написано: «Фюрер дал по вопросу о разделе Югославии…». Вы нашли это место?

Риббентроп: Скажите, пожалуйста, какая страница?

Руденко: На первой странице, четвёртый абзац: «Фюрер дал по вопросу о разделе Югославии, следующие указания…»

Риббентроп: У меня не тот документ.

Руденко: Документ PS–1195.

Риббентроп: О, да. Начало.

Руденко: Есть, да правильно, значит:

> «Фюрер дал по вопросу о разделе Югославии, следующие указания:
>
> Передача территорий Югославии занятой итальянцами, проводится по непосредственному распоряжению министерства иностранных дел»
>
> Вы нашли это место?

Риббентроп: Нет, не нашел.

Руденко: Где написано: «по непосредственному распоряжению министерства иностранных дел»? Четвертый абзац первой страницы, начинается со слов: «фюрер…».

Риббентроп: Да.

Руденко: Есть. Я уже это огласил, по существу этот абзац, он кончается…

Риббентроп: Он начинается: «В связи с разделом Югославии, фюрер издал следующие инструкции». Так начинается документ. Могу я спросить – какой отрывок вы цитировали?

Руденко: Так, так, правильно. Вот заканчивается: «…проводится по непосредственному распоряжению министерства иностранных дел». А дальше следует ссылка «Телеграмма ОКХ[324], квартирмейстер».

Риббентроп: Здесь какая–то ошибка. Здесь такого нет.

Руденко: Очевидно, вы не нашли.

Председатель: Генерал Руденко, сейчас 12:45. Вероятно, нам следует прерваться.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

---

324 ОКХ от нем. OKH (нем. Oberkommando des Heeres) — верховное командование сухопутных сил вермахта с 1936 по 1945 год. Находилось в Вюнсдорфе под Цоссеном.

Вечернее заседание

Руденко: Подсудимый Риббентроп, вы ознакомились с содержанием документа?
Риббентроп: Да.
Руденко: Вы ознакомились полностью с документом или только с абзацем 4?
Риббентроп: Я прочитал абзац 1, о котором вы ранее говорили.
Руденко: Вы установили место, где говорится о полномочиях министерства иностранных дел по передаче территории Югославии?
Риббентроп: Да, в моем документе сказано, что передача территорий оккупированных итальянцами подготовлена письмом фюрера к дуче и проводится по инструкциям министерства иностранных дел.
Руденко: Правильно. Я именно имел в виду это место, на раздел второй этого же документа который озаглавлен «Протяжённость границ». Там указывается, это раздел второй, страница вторая. Там указывается, что:

> «Поскольку протяжённость границ не установлена в этом документе, то это проводится по согласованию с министерством иностранных дел…»

Риббентроп: Я вижу.
Руденко: Я только имею в связи с этим один вопрос. Таким образом, этим документом была регламентирована роль министерства иностранных дел в разделе югославских территорий. Правильно это?
Риббентроп: Это следовало из факта того, что министерство иностранных дел должно было принять участие в закреплении границ, в дополнение к определенным здесь, основные линии которых были возможно, уже совершенно ясны. Верно.
Руденко: Ясно. По Югославии, я ещё имею к вам два вопроса, в связи с Югославией.

4 июня – это уже не касается этого документа – 4 июня 1941 в германском посольстве под председательством германского посла в Загребе, Зигфрид Каше[325], состоялось заседание, которое приняло решение о принудительном переселении словенцев из Словении в Хорватию и Сербию, и сербов из Хорватии в Сербию, это заседание было разрешено телеграммой министерства иностранных дел, номер 389 от 31 мая 1941. Вам известно об этом мероприятии?
Риббентроп: Нет, я могу сказать, что я не знаю её, но вероятно я могу прочитать её.
Руденко: Пожалуйста.
Риббентроп: Я вспоминаю, что расселение было предпринято, но я не знаю подробностей.
Руденко: Разумеется, это трудно конечно вам помнить детали. Но вы помните, что такое переселение имело место и именно по указаниям министерства иностранных

325 Зигфрид Каше (1903 — 1947), дипломат, посланник Германии в Независимом государстве Хорватия, один из высших руководителей СА, обергруппенфюрер СА (9 ноября 1936 года). Казнён по приговору югославского суда.

дел?

Риббентроп: Да. Там сказано, что фюрер одобрил программу расселения, но я не помню подробностей. В любом случае, мы несомненно касались этого, и встреча определенно проходила в министерстве иностранных дел; это точно. К сожалению, я не могу добавить подробностей, поскольку меня не информировали.

Руденко: Понимаю вас. Ещё один вопрос в связи с этим. Это принудительное переселение?

Риббентроп: Я не знаю; не могу сказать. Нет.

Руденко: Не знаете? Хорошо. И последний вопрос в связи с Югославией: после нападения Германии на Югославию около 200 югославских дипломатических работников пытавшихся выехать в Швейцарию, были взяты под стражу, а затем несмотря на протесты посланные вашему министерству, были силой доставлены в Белград, откуда многие из них были направлены в концентрационные лагеря и там умерли. Почему вы не предприняли мер, которые должны были предпринять после этого грубейшего нарушения дипломатического иммунитета?

Риббентроп: Я могу сказать, что я этого не помню; но насколько я знаю, основной принцип инструкций заключался в том, чтобы с дипломатами обращались как с дипломатами и они возвращались в свои страны. Если этого не произошло в данном случае, я не знаю, почему этого не было сделано. Однако вы сказали, что они были отправлены в Белград. В любом случае, это соответствовало моим инструкциям. Почему они были интернированы в Белграде, я должен сказать, что не знаю. Я не думаю, что мы имели к этому какое-то отношение.

Руденко: О том, что они были заключены в концлагере, вы не знаете?

Риббентроп: Нет, не знаю.

Руденко: Не знаете. Хорошо. Следующая группа вопросов. Кем, кроме Гитлера, был подписан указ о Судетской области от 21 ноября 1938 г.? Вы можете вспомнить?

Риббентроп: Я не знаю, какой приказ вы имеете в виду. Разрешите мне прочесть его. Я один из подписавших его. Это закон о присоединении Судетов к Рейху.

Руденко: Вы припоминаете, что вы действительно подписывали этот закон?

Риббентроп: Да, безусловно. Если здесь есть моя подписи, то, очевидно, это было так. Однако в деталях я не помню об этом.

Руденко: Понятно. Ясно. Кем, кроме Гитлера, был подписан указ о Протекторате Богемии и Моравии от 16 марта 1939, которым, по существу, был ликвидирован всякий намек на государственный суверенитет Чехословацкой республики?

Риббентроп: Мне кажется, что я также подписал этот указ. По крайней мере, я так полагаю. Да, я вижу, что подписал его, он здесь.

Председатель: Генерал Руденко, эти документы говорят сами за себя. Подсудимый

не оспаривает, что подписывал эти документы.

Руденко: Я понимаю господин председатель. Я просто хотел бы напомнить подсудимому, поскольку, он забывает, я просто представляю эти документы.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы также подписали указ от 12 октября 1939 об управлении оккупированными польскими областями. Вы помните это?

Риббентроп: 12 октября 39? Нет, не помню.

Руденко: Совершенно правильно.

Риббентроп:Я подписал очень много документов в эти годы. Подробностей я уже не помню.

Руденко: Это от 12 октября.

Председатель: Генерал Руденко, если он не оспаривает свою подпись, зачем вы тратите время, предъявляя ему документы? Его подпись на документе. Он не оспаривает её. Это просто трата времени.

Руденко: Понятно. Ясно. Тогда я ещё имею в связи с этим только один вопрос.

[*Обращаясь к подсудимому*] Что также значится ваша подпись на указе от 18 мая 1940 о присоединении к Германии бельгийских областей Эльмен, Мальмеди и Морена.

Я эти поставил вопросы в связи с тем, чтобы заключить следующим вопросом. Правильно ли будет констатировать, что всякий раз, когда указом гитлеровское правительство пыталось создать видимость обоснования своих территориальных захватов, под таким указом появлялась подпись рейхсминистра Риббентропа?

Риббентроп: Мне кажется, что это не так. Если предпринимались какие-либо территориальные изменения, то в этом отношении приказы издавал фюрер, и, как видно из этих документов, министры, которых в какой-либо степени касались эти вопросы, подписывали также эти документы — само собой разумеется, что я тоже подписывал большинство этих документов.

Руденко: Ясно. Я вас просил бы ознакомиться с документом, который уже представлен трибуналу в качестве доказательства под номером СССР-120. Это — ваше соглашение с Гиммлером об организации разведывательной работы. Это — пространный документ, и я бы вас просил ознакомиться с пунктом 6 этого документа, чтобы не…

Риббентроп: Прошу прощения. Это другой документ. Он касается разведывательной службы. Вы говорите о рабском труде, но этот касается разведывательной службы.

Руденко: Это вам перевели неточно. Я не сказал о каторжных работах; я сказал о разведывательной работе. Обратите внимание на пункт 6 этого пространного документа, не будем занимать время у трибунала. Здесь говорится, я цитирую:

> «Министерство иностранных дел оказывает секретной разведывательной службе всякую возможную помощь.

Имперский министр иностранных дел будет, поскольку это будет терпимо во внешнеполитическом отношении, включать определенных сотрудников разведывательной службы в состав заграничных представительств»

Я опускаю еще здесь абзац длинный и заключительный:

«Ответственный сотрудник разведывательной службы регулярно информирует главу миссии о всех существенных вопросах деятельности секретной разведывательной службы в данной стране».

Вы подписали такое соглашение, не правда ли?

Риббентроп: Да.

Руденко: Таким образом, следует констатировать, что заграничный аппарат министерства иностранных дел Германии занимался шпионажем.

Риббентроп: Нет, в этом отношении этого нельзя утверждать и, собственно, по следующим причинам. Между Гиммлером и мной имелись противоречия в отношении разведывательной службы за границей. Затем благодаря усилиям подсудимого Кальтенбруннера удалось подписать это соглашение. При этом предусматривалось сотрудничество, и я ни в коем случае не отрицаю, что при этом имелось намерение также использовать людей, которые относились к разведывательной службе, в нашем аппарате. Однако, это не было осуществлено на практике. Соглашение не могло стать эффективным, потому что это вытекало из того, что уже было поздно. Я думаю дата заключения соглашения, которая отсутствует в копии, может быть 1944 или даже 1945. Таким образом, действительного взаимодействия не было. Однако такое взаимодействие планировалось; и я естественно был в нем заинтересован. Существовало множество разногласий, и я хотел прекратить их и решать вопросы в более унифицированной манере. Такой была моя причина. В любом случае, я думаю такие процедуры предпринимаются во всех странах. Я не думаю, что в этом есть нечто необычное.

Руденко: Я вас не спрашиваю, что вам кажется, я интересовался этим документом, правильно ли, что вы такое соглашение подписали. Вы утвердительно ответили. Я по этому документу к вам вопросов не имею.

Риббентроп: Да. Я ответил утвердительно – да.

Руденко: Вот именно. Я имею к вам ешё один документ из этой серии. Вспоминаете ли вы письмо подсудимого Кальтенбруннера, в котором он просит у вас миллион томанов для подкупа в Иране?

Риббентроп: Один миллион…? Что это? Я не расслышал; пожалуйста, повторите. Я не очень хорошо расслышал…

Руденко: Томанов. Это в иранской валюте. Я бы вас просил ознакомиться с этим документом; он небольшой.

Риббентроп: Могу я его увидеть?

Руденко: Конечно.

Риббентроп: Да, так точно, я вспоминаю об этом. Мне кажется, что тогда для этого, была выделена известная сумма.

Руденко: Предоставлены Кальтенбруннеру, так?

Риббентроп: Я не помню точно. Но мне кажется, что я дал распоряжение министерству иностранных дел, чтобы была оказана финансовая помощь. Это верно.

Руденко: Именно это обстоятельство меня интересовало. Сам документ за себя говорит.

Я перехожу к следующей группе вопросов, нескольких.

Вы показали, что уже в августе—сентябре 1940 года в замке Фушле вы встретились с подсудимым Кейтелем для обсуждения меморандума о возможном наступлении Германии против Советского Союза. Следовательно, почти за год до нападения на Советский Союз вы были осведомлены об этом нападении?

Риббентроп: Нет, это неправильно. Подсудимый Кейтель тогда действительно был у меня в Фушле, говоря со мной о том, что фюрер имеет некоторые сомнения в отношении России, что имеется возможность военного конфликта, что это нельзя оставить без внимания. Он, со своей стороны, написал меморандум и хотел переговорить об этом с фюрером. У него были сомнения в мудрости любого конфликта на Востоке, и он просил меня подействовать в этом отношении на фюрера. Я обещал ему это. Однако о каком-либо нападении или о планах нападения речи не было. Это было скорее, я бы сказал, совещание, носившее характер о точке зрения генерального штаба. О конкретных вещах он ничего не говорил.

Руденко: Хорошо. Я не хотел бы задерживать внимание трибунала на этом вопросе, потому что он достаточно исследовался. Я имею в связи с этим следующий к вам вопрос: вы ответили Кейтелю во время этой беседы, что вы выскажете также свои сомнения по поводу войны с СССР Гитлеру. И вы об этом сейчас заявили. Вы имели на эту тему беседу с Гитлером?

Риббентроп: Я несколько раз говорил с Гитлером на эту тему, и в этом случае я ему говорил об опасности превентивной войны. Гитлер высказал мне свои сомнения, о которых я уже говорил.

Руденко: Да, вы показывали, это не нужно. Хорошо. Скажите, вам было известно, что так называемая «Зеленая папка» подсудимого Геринга, содержавшая указания об ограблении и эксплуатации временно оккупированных областей Советского Союза, была подготовлена задолго до нападения на Советский Союз?

Риббентроп: Нет, я этого не знал. Название «Зеленая папка» я услышал в первый

раз только здесь.

Руденко: Хорошо – название. А саму папку вы, когда узнали, содержание её?

Риббентроп: Ни папку, ни название.

Руденко: Не знали. Понятно. Вам известно было, что ещё до войны были разработаны директивы об истреблении мирного советского населения?

Риббентроп: Нет. Об этом я также не знал.

Руденко: Тоже. А когда вы узнали об этом?

Риббентроп: О таких планах я вообще ничего не знал.

Руденко: А о директивах?

Риббентроп: Относительно подготовки таких планов…

Руденко: А о директивах о подсудности в районе «Барбаросса» это вы, знали уже очевидно?

Риббентроп: В отношении чего? Я не понял последнего вопроса.

Руденко: О подсудности в районе «Барбаросса». Это — приложение к плану «Барбаросса».

Риббентроп: Я должен сказать, что этой темой я лично никогда не занимался. Возможно, что какой-либо орган моего министерства и занимался этим, но я, насколько помню, не занимался вопросами подсудности, так как с момента начала военных действий с Советским Союзом министерство иностранных дел не занималось вопросами, связанными с этой областью.

Руденко: Я бы просил ознакомиться вас с телеграммой которую вы направили 10 июля 1941, в 14 часов 51 минуту, германскому послу в Токио. Мы представляем этот документ под номером СССР-446. Вы должны помнить эту телеграмму, но…

Риббентроп: Кому она адресована? Здесь не сказано.

Руденко: Германскому послу в Токио.

Риббентроп: О, Токио, да.

Руденко: Вы, очевидно, помните её. Я бы просил вас обратить внимание на слова которые помещены в конце этого документа, на странице 4, там подчёркнуто, мне подсказывают. Если вы нашли, я оглашу одну часть. Там так говорится.

Риббентроп: Какую часть вы имеете в виду? Последняя страница?

Руденко: Да, на последней странице, на четвертой странице. Подчеркнутое.

Риббентроп: Да я нашел её.

Руденко: Вот я буду её цитировать:

> «Я прошу вас всеми находящимися в вашем распоряжении средствами повлиять на Мацуока, чтобы как можно быстрее Япония вступила в войну с Россией. Чем быстрее произойдет это, тем лучше. Конечной целью должно оставаться и в дальнейшем то, что

Япония и мы перед наступлением зимы протянем друг другу руки на Сибирской железной дороге. С крахом России позиции держав оси во всем мире будут настолько гигантскими, что вопрос краха Англии или полного уничтожения английских островов будет являться только вопросом времени».

Вы нашли это место?

Риббентроп: Да, я нашел это место.

Руденко: Это что, одно из ваших усилий по локализации войны?

Риббентроп: Война с Россией уже началась, и я тогда пытался — фюрер был того же мнения — втянуть Японию в войну против России, для того чтобы по возможности быстрее закончить войну с Россией. Таково было содержание телеграммы.

Руденко: Это не только фюрера позиция, но и ваша позиция, как министра иностранных дел в то время?

Риббентроп: Да, да.

Руденко: Я ещё несколько имею к вам вопросов. Вы утверждаете, что никогда ничего не слышали о жестокостях, творившихся в концлагерях?

Риббентроп: Да, это правильно.

Руденко: Во время войны, вы как министр иностранных дел знакомились с иностранной печатью, с иностранными газетами. Известно ли вам было, что сообщалось в заграничной прессе?

Риббентроп: Нет, это только в некоторой степени правильно. Я каждый день много читал и много работал, в принципе, я получал только иностранные политические новости отобранные для меня из иностранной прессы. Таким образом, в ходе всей войны я никогда не имел новостей из заграницы о концентрационных лагерях, до того дня пока ваши армии, то есть советско–русские армии, не захватили Майданек в Польше.

По этому случаю поступили новости из наших посольств и я попросил предоставить прессу, и т.д. Как я преподнес эти новости фюреру и какой результат получил уже обсуждалось здесь. Ранее я ничего не знал о жестокостях или мерах предпринимаемых в концентрационных лагерях.

Руденко: Известны ли вам были ноты министра иностранных дел Советского Союза Молотова о злодеяниях немецких фашистов на временно оккупированных территориях Советского Союза, об угоне в рабство советских людей, об ограблении?

Риббентроп: Эта нота, мне кажется, дошла до меня по дипломатическим каналам. Я уже не помню точно, но возможно, что это было мне передано через телеграфные агентства. Во всяком случае, я вспоминаю, что тогда (мне кажется, речь шла даже о нескольких нотах, а одну

из них я очень хорошо помню) я показал ее фюреру. Но поскольку с начала русско–германской войны мы никак не взаимодействовали с этими территориями, у меня не было на это влияния. Следовательно, я не знал о подробностях.

Руденко: Меня прежде всего интересовал один основной факт — установить, что вы были осведомлены о нотах министра иностранных дел Советского Союза. Скажите, вам известно, что миллионы граждан угонялись в рабство в Германию?

Риббентроп: Нет. Я не знаю об этом.

Руденко: Не знаете! А, что в Германии эти граждане находились и использовались как рабы – это вам неизвестно было?

Риббентроп: Нет. Согласно тому, что я слышал, со всеми этими иностранными рабочими хорошо обращались в Германии. Я думаю, возможно, что другие вещи могли случаться; но в целом, я уверен, что во многих случаях с этими рабочими обращались хорошо. Я знаю, что по случаям департаменты министерства иностранных дел взаимодействовали в таких вопросах с целью предотвратить подобные вещи. В целом, однако, у нас не было влияния в этой сфере, мы были исключены из восточных вопросов.

Руденко: Почему вы были информированы достаточно, что хорошо обращались с иностранными рабочими, а почему вы не были осведомлены о том, что с ними обращались как с рабами?

Риббентроп: Нет, я не думаю что это верно. Мы в министерстве иностранных дел – в случае с французами, и большим количеством других иностранных рабочих – взаимодействовали в получении музыкантов, и т.д., из Франции для них. Мы советовали по вопросам их обеспечения. И я знаю, что Германский трудовой фронт делал все возможное, по крайней мере в том секторе в котором мы принимали участие, чтобы обращаться с рабочими хорошо, поддерживая их желание работать, и создавая им удобства. Я знаю, по крайне мере, что мы взаимодействовали в таких направлениях.

Руденко: И предпоследняя группа вопросов это связанных с деятельностью «батальона Риббентропа». Я вас прошу ознакомиться с показаниями оберштурмфюрера СС Нормана Пауля Фёрстера. Этот документ представляется под номером СССР-445. Обратите внимание на странице 3 показаний Фёрстера. Там подчеркнуто. Там говорится:

> «В августе 1941 года я прибыл по указанному адресу в город Берлин и узнал, что я назначен в зондеркоманду СС министерства иностранных дел. Всего в команде было 80—100 человек, а потом 300—400 человек личного состава. Позднее зондеркоманда была переименована в батальон особого назначения министерства иностранных дел.

Бароном фон Кюнсберг я был принят в помещении, принадлежавшем министерству иностранных дел, где была размещена зондеркоманда. Он мне разъяснил, что зондеркоманда создана по указанию министра иностранных дел Германии фон Риббентропа. По указанию фон Риббентропа, — говорил Кюнсберг, — наша зондеркоманда должна следовать на оккупированные территории с передовыми частями, с таким расчетом, чтобы сохранить культурные ценности (музеи, библиотеки, научно-исследовательские институты, картинные галереи и т. д.) от разгрома и уничтожения немецких солдат, с тем, чтобы затем все эти ценности реквизировать и вывезти в Германию...

Далее пропуск небольшой:

«...5 августа 1941 г. вечером в присутствии Ницше, Паульзена, Либера, Кралена, Раперсен... и других фон Кюнсберг показал личный приказ фон Риббентропа основательно прочесывать в России все научные учреждения, институты, библиотеки, дворцы, перетрясти архивы, забирать все, что имеет определенную ценность»...

Вы нашли это место в показаниях?

Риббентроп: Да. Мне отвечать?

Руденко: Да, я бы просил вас прежде ответить на мой вопрос такого содержания: вы знаете, что существовал такой батальон министерства иностранных дел и что по вашему указанию он занимался, как говорилось здесь, в документе, «сохранением культурных ценностей»? Прошу ответить.

Риббентроп: Так, как написано в этом документе, — это неправильно. Правильным является следующее:

Этот господин фон Кюнсберг является человеком, который вместе с некоторыми сотрудниками уже задолго до русской кампании получил поручение (речь шла тогда о Франции) — собирать важные документы, которые могут иметь значение для нас, реквизировать их. Я одновременно хотел бы сказать, что у него было поручение заботиться о том, чтобы там не проводилось ненужных разрушений памятников искусства и т. д. Но от меня он не получал задания направлять эти вещи в Германию или грабить их. Я не знаю, каким образом были даны эти показания, во всяком случае, они не соответствуют действительности.

Руденко: Хорошо. Вы очень против многих документов здесь протестовали, это ещё не означает, что они неправильные, но я не буду цитировать дальше этого показания. Я обращусь к документу — это письмо подсудимого Геринга на имя подсудимого Розенберга, — представленное уже трибуналу PS-1985. Я цитирую

здесь абзац второй этого документа, он уже предъявлялся, поэтому я оглашу. Это письмо подсудимый Геринг, адресует Розенбергу. Он пишет:

«После долгих поисков, я особенно приветствовал когда, наконец, было избрано место для коллекции, хотя я должен указать, что также и другие инстанции ссылаются на полномочия фюрера. Так, в первую очередь это относится к имперскому министру иностранных дел, направившему уже несколько месяцев тому назад циркуляр во все инстанции, которым он, между прочим, говорит, что ему переданы полномочия на сохранение культурных ценностей в оккупированных областях».

Будем полагать, что подсудимый Геринг точнее знает обстоятельства сохранности культурных ценностей. Вы не помните это письмо?

Риббентроп: Я не знаю, при каких обстоятельствах Герингом было написано это письмо. Этого я не знаю. Во всяком случае, если там говорилось о каких-либо полномочиях или о чем-либо другом, то речь могла идти только о том, чтобы эти произведения искусства сохранялись. Я уже заявлял, что в ходе войны ни я лично ни министерство иностранных дел не конфисковали или требовали культурные ценности, ни для моего личного пользования ни для нашего пользования. Возможно, что эти культурные ценности были временно переданы на хранение. Ни одна из них не попала в мое владение. Следовательно, в письме могло быть недопонимание, потому что я четко помню, что в то время мы занимались вопросом сохранения культурных ценностей. Во Франции, например совершали ограбления в частных домах или галереях искусств, и т.д.; я помню как просил Вермахт предоставить охрану этим культурным ценностям, и т.д. В любом случае, мы в министерстве иностранных дел никогда не видели таких предметов искусства.

Руденко: Я думаю, что мы не будем углубляться в детали этого вопроса. Я бы хотел только один вопрос в связи с этим. Не считаете ли вы, что под термином «охрана культурных ценностей» по существу скрывалась грабёж культурных ценностей оккупированных территорий?

Риббентроп: Мы определенно никогда не имели такого намерения; и я никогда не отдавал приказов с такой целью. Я хочу категорически заявить. Вероятно, я могу добавить, что когда я услышал, что Кюнсберг внезапно собрал такой крупный штаб, я немедленно приказал распустить целый батальон – это не был батальон, это плохо сказано, в любом случае, он был немедленно распущен; и я думаю я даже помню его увольнение из министерства иностранных дел, потому что он не хотел выполнять мой приказ. Я думаю, он был уволен из моего ведомства.

Руденко: Хорошо. Я заканчиваю. Вы были министром иностранных дел фашистской Германии с 4 февраля 1938 г. Ваш приход на этот пост совпадал с началом периода, когда Гитлер предпринял ряд внешнеполитических акций,

приведших, в конечном счете, к мировой войне. Возникает вопрос, почему Гитлер назначил вас министром иностранных дел как раз перед началом осуществления широкой программы агрессии? Не находите ли вы, что он считал вас самым подходящим человеком для этого, с которым у него не может возникнуть разногласий?

Риббентроп: О мыслях Гитлера я ничего не могу сказать. Он ничего мне не рассказывал об этом. Он знал, что я был его верным сотрудником, и он знал, что я придерживался того же мнения, как и он о том, что необходимо создать сильную Германию и что я должен добиться этого через дипломатические и мирные каналы. Больше я ничего не могу сказать. Я не знаю, какие у него были мысли.

Руденко: Последний вопрос. Чем объяснить, что даже теперь, когда перед вами по всей полноте раскрылась картина кровавых преступлений гитлеровского режима, когда вы убедились в полном крахе гитлеровской политики, которая привела вас на скамью подсудимых – чем объяснить, что вы по прежнему защищаете этот режим; возносите похвалы Гитлеру и более того заявляете даже, что правящая преступная клика была группой идеалистов? Чем объяснить?

Председатель: Похоже, что здесь ряд вопросов в одном, и я не думаю, что вопрос правильный вопрос, чтобы задавать свидетелю.

Руденко: Мне казалось, что это один вопрос, обобщающий.

[*Обращаясь к подсудимому*] Пожалуйста, подсудимый Риббентроп?

Председатель: Я говорю вам, генерал Руденко, что трибунал не думает, что вопрос правильно задан.

Руденко: У меня больше вопросов нет.

Председатель: Доктор Хорн, вы хотите провести повторный допрос?

Хорн: У меня больше нет вопросов к подсудимому.

Председатель: Тогда подсудимый может вернуться на свое место.

Итак, доктор Хорн, я понимаю, что вы собираетесь сейчас рассмотреть свои документы, не так ли?

Хорн: Да.

Председатель: Я вижу время, наверное мы можем прерваться на 10 минут.

[*Объявлен перерыв*]

Баррингтон: С позволения трибунала, я говорю за всех четырёх обвинителей, высказывая комментарии обвинения о документальных книгах, которые предъявил подсудимый фон Риббентроп. Я говорю за всех четырёх обвинителей, за одним исключением, что французский главный обвинитель желает высказаться по двум конкретным группам документов, которые особо интересуют французскую делегацию. Думаю, если так удобно трибуналу, я могу выразить всю позицию

обвинения, перед тем как доктор Хорн выскажет свой ответ о том приемлимо ли это для него.

Председатель: Доктор Хорн, вы согласны, чтобы он сначала выразил свой взгляд? Это приемлимо, чтобы господин Баррингтон сначала выразил позицию?

Хорн: Да.

Баррингтон: Прежде всего, в английской версии есть девять книг, и последние две мы получили только сегодня, таким образом, так как они содержат, наверное около 350 документов, я сожалею о том, что я не смог согласовать список с самим доктором Хорном, хотя я ознакомил его с комментариями которые предлагает сделать обвинение.

Первые две книги, включающие документы 1-44, уже оглашались в открытом заседании 27 марта доктором Хорном, и я понимаю, что ваша светлость не хочет, чтобы их снова проходили.

Председатель: Нет.

Баррингтон: Таким образом, остались только книги 3-9, и я подготовил рабочую записку, копия которой у меня есть. Я не знаю, есть ли они у членов трибунала.

Председатель: О, да.

Баррингтон: О, да. Ваша светлость увидит, что в левой колонке документы которым обвинение возражает и в средней колонке те которые мы допускаем и с правой стороны есть замечания.

Хотя это не видно, я для удобства, разделил эти документы на девять групп, и поэтому я думаю, мне не требуется подробно проходить все документы, пока не имеется конкретного вопроса в отношении одной из них.

Перед тем как сказать в чём заключаются группы, наверное, я могу сделать два общих замечания о том, что обвинение занимает позицию о том, что германские «Белые книги», которые значительно фигурируют в данном списке – «Белые книги» изданные правительством нацистских заговорщиков – не могут рассматриваться в качестве доказательства о фактах указанных в них, и во-вторых, что среди этих документов значительное количество которых является обсуждением предметов очень расплывчатого и незначительного этапа, и многие из них, на взгляд обвинения являются кумулятивными.

Итак, первую из девяти групп, я разбил для Чехословакии, и если вы посмотрите на записку, которую я передал, она состоит из первых документов до 45. Я прошу прощения вашей светлости. Это неправильно. Начиная с 45, есть шесть документов PS, которые уже являются экземплярами и есть 46 и 47, и на странице есть ещё 7 по Чехословакии, и позиция обвинения заключается в том, что допущены шесть документов PS и 46 и 47, но через страницу, 66, 67 и 69 имеют возражения на том основании, что являются кумулятивными – кумулятивными, думаю до номера 68.

Председатель: В каком они томе, 66 и 69?

Баррингтон: В третьем томе, милорд.

Председатель: Так как их уже перевели, есть ли большая разница, если есть возражения тому, что они кумулятивны?

Баррингтон: Что же, милорд, никакой разницы нет, за исключением того, что они будут зачитаны под протокол.

Председатель: Все они переведены?

Баррингтон: Все они переведены.

Председатель: И на остальные языки тоже?

Баррингтон: Понимаю так, милорд, да.

Председатель: Таким образом, их не требуется оглашать под протокол.

Баррингтон: Как угодно вашей светлости.

Председатель: Это правило, не так ли, о том, что если они переведены на четыре языка их не нужно оглашать под протокол.

Баррингтон: Это применимо ко всем документам во всех девяти книгах, потому что все они переведены.

Председатель: Да, будет так, но могут быть другие возражения документам кроме кумулятивности.

Баррингтон: По соображению обвинения, будет очень много кумулятивного in toto[326].

Председатель: Будет очень много?

Баррингтон: Да.

Председатель: Да, но суть заключалась в том, что будучи переведёнными они уже есть.

Баррингтон: Да, милорд.

Председатель: Очень хорошо.

Баррингтон: Это единственный момент, против которого обвинение. Милорд, суть в том, что обвинение говорит, что они кумулятивные. Конечно же, доктор Хорн может так не сказать и возможно он приветствовал бы распоряжение о том нужно ли их использовать или нет.

Председатель: Нет. То, что я вам предлагаю это то, если единственное возражение им заключается в кумулятивности, их можно приобщить в качестве доказательства, потому что уже переведены – это сэкономит время – нежели все их обсуждать.

Баррингтон: Да, милорд, если доктор Хорн не желает оглашать какие-нибудь из этих документов и ссылаться.

Председатель: Что же, вы имеете в виду, что он может все их прочитать и тогда…

Баррингтон: Я не знаю, что позволит ему ваша светлость. Я понимаю, что, наверное, он бы зачитал какие-то из них.

Председатель: Предположительно, если бы он читал много того, что является кумулятивным, мы бы его остановили.

---

326 В общем (лат.)

Баррингтон: Я перехожу к второй группе, которая номера 48-62 включительно, и тем которые по поводу перевооружения союзников и предположительных воинственных намерений перед началом войны. Номер 54 кажется, исчез из моей книги, и я не знаю намеренно ли его исключили.

Обвинение возражает всем по тому основанию, что они не относятся к делу. Они в книге 3, милорд.

Председатель: 59, это другое, не так ли? 59 касается речи сэра Малькольма Макдональда[327] о колониях.

Баррингтон: Да. Это не конкретно перевооружение, но, конечно же это такая же тема, это провокация войны. Конечно, это скорее иная категория, чем другие.

Председатель: Да.

Баррингтон: Третья группа касается Польши, и это очень большая группа, потому что она включает все переговоры перед началом войны и номера группы 74-214.

Думаю, будет удобнее разбить эту группу на две фазы. Первой будут вопросы меньшинств Данцига и коридора и инциденты связанные с ним, и вторая фаза – немного совпадающее время, но вряд ли они следуют друг за другом – будут дипломатические события включающие страны иные чем Польша, то есть, очень приблизительно с 15 марта 1939 и после. Первая фаза этой группы будет номерами 74-181 и вторая стадия 182-214.

Итак, в отношении первой стадии, есть два пункта. Обвинение говорит о том, что они, за очень малым исключением, не относятся к делу, потому что они рассматривают инциденты и проблемы вытекающие из вопроса меньшинств и обвинение говорит о том, что они не относятся к делу по двум причинам. Один из документов в их числе состоит из обмена нотами между германским и польским правительством 28 апреля 1939. Это ТС-72, номер 14, в книге 5. И этот обмен нотами состоит из признания обеими сторонами того, что обе стороны безусловно отказываются от использования силы на основе Пакта Келлога. Это было сделано ранее 26 января 1934, как видно из ещё одного документа здесь. Это страница 2 моей записки, ТС-21.

Председатель: Какая дата у ТС-72?

Баррингтон: ТС-72, номер 14, было 28 апреля 1939.

Председатель: Да.

Баррингтон: И к тому основанию, что две страны безусловно отказались от использования силы на основе Пакта Келлога, добавляется тот факт, что подсудимый Риббентроп сам сказал о том, что в течение 1938 Германия имела очень хорошие отношения с Польшей. И также была декларация Германии и Польши от 5 ноября 1937 о меньшинствах – то есть, номер 123 в этом списке документов, это видно вверху страницы 4 записки. В виду этих вещей, обвинение говорит о том, что

327 Малькольм Макдональд (1901 — 1981) — британский политик и государственный деятель. В 1938-1940 государственный секретарь по делам колоний.

отчёт об этом и отчёты об этих инцидентах и проблемах меньшинств не относятся к делу и очень старая история.

Думаю, возможно я могу…

Биддл: Вы считаете, все их кумулятивными или не относящимися к делу начиная с 76. Вы имеете в виду кумулятивные?

Баррингтон: Что же, боюсь, ваша честь, это изначально рассмотрено в рабочей записке, и это скорее ошибка. Это не должно относится к делу из-за ТС-21.

Председатель: Да.

Баррингтон: Милорд, я собирался сказать, что возможно я могу ожидать возражения которое будет любезен высказать доктор Хорн, и он сделает это, так вчера он утверждал, что некоторые инциденты до Мюнхена урегулированы Мюнхенским соглашением, и по этому аргументу я говорю также как их вчера отклонил трибунал.

Но, конечно же, есть разница, Мюнхенское соглашение обсуждалось при неведении о Fall Grun, и что с точки зрения урегулирования предыдущих инцидентов, это не такое же основание, как и соглашение обсуждавшееся при полных сведениях об обстоятельствах.

Таким образом, милорд, рассматривая группу 3, Польша, её первая стадия, обвинение предложит – посмотреть на средний столбец на странице 2 – разрешить номер 75, который польский договор 1919 и ТС-21, которые я уже упоминал, которые подтверждали Пакт Келлога, и номер 123 и ТС-72, номер 14 и 16, который я уже упоминал. Остальное, можно сказать, не относится к делу, но было бы разумнее, возможно, допустить номера 117, 149, 150, 153, 154, 159, 160, 163 и ТС-72, номер 18. По большей части это дискуссии между послами и главами государств, которые могут быть довольно важны, нежели другие документы в этой конкретной группе.

Фактически, милорд, думаю все они приобщаются, те которые я назвал.

Это идёт до 182. Начиная с 182, и первые пять, 182-186…

Председатель: Почему вы возражаете 155 который является призывом польских резервов, 155-158?

Баррингтон: Что же, милорд, возражение этому основано на том…

Председатель: Думаю, все они указаны в беседе которая 159, и возможно это причина.

Баррингтон: Да. Я обязан вашей светлости, это отчёты германских поверенных в разных столицах и обвинение говорит о том, что это не будет надлежащим доказательством.

Биддл: Почему нет?

Баррингтон: Что же, это просто отчёты германских поверенных о наблюдениях и выводах о факте, какие по большей части они передавали в своё министерство иностранных дел.

Биддл: Вы имеете в виду, что они не относятся к делу как слухи?

Баррингтон: Прошу прощения.

Биддл: Так как это слухи их нельзя допускать, это вы имеете в виду?

Баррингтон: Что же, они, конечно же, отчасти слухи. Они также расплывчатые и снова, они передавались с целью. По крайней мере, по соображению обвинения, их направляли с целью приукрасить немецкую точку зрения.

Биддл: Вы бы допустили их, если бы их подготовили поверенные других государств?

Баррингтон: Если бы их подготовили поверенные других государств?

Биддл: Да.

Баррингтон: Что же, они бы были допустимыми если бы их предъявили как правительственные отчёты союзных наций в соответствии с уставом, но они недопустимы если бы они были немецкими документами.

Биддл: Извините, я не знаю, что вы имеете в виду.

Баррингтон: Что же, статья 21 устава…

Биддл: Извините. Возможно, я не объяснил. Я не понимаю, почему это отличается от каких-то других отчётов поверенных любой страны. Это потому что они немецкие доклады?

Баррингтон: Потому, что они немецкие доклады.

Биддл: О, понимаю. Другими словами, вы считаете, что немецкие доклады следует исключать.

Баррингтон: Думаю, согласно уставу их следует исключить, за исключением, конечно использованных обвинением как допущенных против самого германского правительства.

Председатель: Доктор Хорн мы вас сейчас выслушаем. Всё равно, господин Баррингтон, ваше возражение 182-214 это самоочевидное доказательство и поэтому не является допустимым, не так ли?

Баррингтон: Правильно, милорд.

Председатель: Им есть какое-то другое возражение?

Баррингтон: Что же, они, как я сказал, выводы о факте сделанные наблюдателем в зарубежной стране. Они склонны к расплывчатости.

Председатель: Это можно применить к многим доказательствам.

Баррингтон: Номерам 187-192 и ТС-77 нет возражения.

Номер 193 и 194 это меморандумы германского министерства иностранных дел и это просто дискуссии, присущие германскому министерству иностранных дел. 193 это меморандум государственного секретаря министерства иностранных дел и он касается визита к нему французского посла. И номер 194 похожий, визит британского посла. Номер 195, это официальное сообщение сэра Невилла Гендерсона «Провал миссии» и из неё есть ряд фрагментов, это книга и из неё есть ряд фрагментов в документальной книге и утверждается, что это

кумулятивные доказательства которые уже давали, и что в данной части они на самом деле провокационные. Это особо применимо к первому фрагменту.

Председатель: Что вы имеете в виду под провокационным?

Баррингтон: Что же, ваша светлость увидит, что в первом фрагменте есть довольно резко сформулированные мнения.

Председатель: В какой они книге?

Баррингтон: В шестой книге, милорд. Есть довольно резко сформулированные мнения о позиции Советской России.

Председатель: Да, продолжайте.

Баррингтон: Номер 196 и 197 немецкие меморандумы и отчёты для использования министерством иностранных дел, и они охватывают такую же категорию как 193 и 194. Один из них относится к министерству иностранных дел, а другой от германского поверенного в Вашингтоне.

С номерами 198-203 всё в порядке.

Номеру 204 возражение как не являющемуся доказательством, это меморандум от директора политического департамента министерства иностранных дел в Берлине и это просто разговор о сообщении в «Berliner Borsenzeitung[328]». И это вторичное доказательство.

Следующее, TC-72, номер 74, нет возражения.

Номер 207 тоже самое, как и предыдущий. Это просто повторение.

Итак, номер 208, милорд, состоит из сборника фрагментов из британской «Синей книги», и я боюсь у меня не было времени проверить, какие из них уже приобщили в качестве доказательств. Но, ясно, что большинство из них очевидно относятся к делу, но предлагается, что находящиеся в левом столбце включают ненужные детали в виду остальных.

Номеру 209 нет возражения.

Номер 210 это беседа между подсудимым Риббентропом и сэром Невиллом Гендерсоном 30 августа 1939, и это конечно уже являлось предметом доказательств, и возможно во всяком случае кумулятивно по этой причине.

Номер 211 (a) и 211 (b) просто повторение документов цитированных из британской «Синей книги».

Номер 212 это польская радиопередача и номер 213 это германское коммюнике немецкой общественности, и утверждается, что оно не имеет доказательственного значения.

Номер 214 это фрагмент из книги в которой трибунал уже отказал подсудимым.

Итак, следующая страница записки, милорд, касается моей следующей группы, которая Норвегия и Дания.

---

328 «Газета берлинской биржи» — ежедневная немецкая экономическая газета издававшаяся с 1855 по 1944 гг. С 1921 по 1930 Вальтер Функ являлся её главным редактором.

Председатель: Группа 4, не так ли, правильно?

Баррингтон: Это группа 4, милорд, да.

215(a) и 215(b) касается вопроса Исландии и Гренландии. Это не очень длинные документы, они просто считаются не относящимися к делу. Им есть не очень сильное возражение.

Нет возражения 216(a) и 216 (b), которые уже приобщены как доказательства, как я думаю, и D-629 уже приобщили в качестве доказательства.

Номер 217 это просто интервью, которое подсудимый Риббентроп дал прессе, которое обвинение не считаете доказательством.

Номер PS-004 это уже доказательство.

Номер 218 и 219, как я думаю, также доказательство.

Номеру 220 снова возражают, так как это просто интервью для прессы.

Председатель: Почему вы возражаете этим двум сообщениям Риббентропа прессе?

Баррингтон: Милорд, это самосозданное доказательство. Он предположительно уже дал эти показания. Он не давал их в то же время.

Председатель: То, что он говорил 6 лет назад, может относиться к делу.

Баррингтон: Что же, если ваша светлость так считает, но моя мысль заключается в том, что это просто самосозданное доказательство и созданное во время с целью создания впечатления. Это пропаганда.

Председатель: Можно так сказать, да.

Баррингтон: Затем, милорд, следующая группа это Малые страны. Эта группа начинается с 218, конечно и идёт до 240…

Председатель: Это ещё одна группа? Коммюнике из 5-й группы?

Баррингтон: Милорд это пятая группа, да. Это идёт с 218 по 245, и я не буду подробно это рассматривать, потому что французский главный обвинитель собирается высказаться об этом. И тоже самое со следующей группой, номер 6, которая Балканы. Французский главный обвинитель рассмотрит это, документы 246-278.

Следующая группа, номер 7, это Россия, то есть документы 280-295, за исключением, как я думаю, 285 (a), который кажется, взяли по ошибке, кажется, он относится к Соединённым Штатам.

Номер 279, я не могу установить по английскому переводу о чём он вообще. Возможно, ваша светлость будет любезен, взглянуть на исправление напротив номеров 282 и 283, они должны быть в среднем столбце, им нет возражения. Но есть возражение всем остальным русским документам. Ваша светлость увидит, начиная внизу группы, 291-295, все они касаются Антикоминтерновского пакта. Страница рассматривается ниже 290, 1-5, фрагменты из книги в которой уже отказал трибунал. И, о документах выше него, 280 это речь Гитлера о России в октябре 1939. И 281 это повторение документа, который уже был, номер 274, который это Пакт трёх держав. Он касается этого.

Председатель: Вы имеете в виду воспроизведение текста?

Баррингтон: Думаю я прав, сказав о том, что это на самом деле воспроизведение текста.

Биддл: Но почему есть возражение если это просто воспроизведение текста? Обвинение вручило воспроизведение текста.

Баррингтон: Вообще нет возражения.

Биддл: Вы имеете в виду, что он в неправильном столбце?

Баррингтон: Я вставил в союзный столбец только те которые полностью соответствуют на взгляд обвинения.

Биддл: Это правда, также по 284, советско-германскому пакту?

Баррингтон: Я не знаю, был ли он ранее…

Биддл: Почему вы им возражаете?

Председатель: «Пакт» это германский пакт от 28 сентября 1939?

Баррингтон: Это 28 сентября 1939. Мне сказали, что этому нет возражения.

Номер 285 это снова просто германский отчёт которые делает выводы о фактах и обвинение говорит о том, что он не имеет надлежащей доказательственной ценности. Это очень длинный отчёт германского министерства иностранных дел по поводу агитации в Европе против Германского Рейха со стороны Советского Союза и это полностью выводы о фактах и мнениях.

Председатель: Это после даты начала войны против России?

Баррингтон: Это после начала войны, милорд, да. Номер 286 и 287, им возражают как не имеющим доказательственную ценность. Они из «Volkischer Beobachter».

Номер 288, как сказано, захваченный советский документ, но он в целом непонятный в английской версии, не имеет ни даты ни подписи, и кажется имеет сомнительную ценность.

Номер 289 это отчёт югославского военного атташе в Москве, который рассматривается обвинением как не относящийся к делу.

Затем группа номер 8, милорд, это группа по поводу Соединённых Штатов Америки, документы 299-310 и включая 285 (а). Первые десять документов, ваша светлость увидит, доклады от, как мы скажем очень косвенного источника, текущий доклад польского посла о политической обстановке в Соединённых Штатах в 1939. Следующий, кажется поступил из Португалии, следующий снова польский посол, следующие два также от польского посла. Затем, следующий, номер 300 это карантинная речь президента Рузвельта в 1937, которая кажется слишком далекой, чтобы иметь отношение к делу. Номер 301 это немецкая сводка о событиях в Соединённых Штатах, о которой мы говорим как не относящейся к делу по таким причинам: что это немецкие сводки, скорее более ненадёжные и не относящиеся к делу. Номер 302 снова отчёт польского посла. Номер 303 это выступление президента Рузвельта в 1936, и номер 304 это послание президента Рузвельта Конгрессу 4 января 1939. Не думаю, что здесь, есть, что-то спорное. Номерам

305-308 нет возражения, 309 – в моей копии есть две разных версии 309. Первая это немецкая сводка о фактах без каких-либо дат и без указания источников. Кажется она не имеет надлежащей доказательственной ценности и вторая, 309 и 309 (а), декларации Панамериканской конференции и германская нота в ответ на неё. Я не думаю, что обвинение может сильно возражать этому, но это не кажется очень близким смыслу.

ТС-72, номер 127 и ТС-72, номер 124, оба призывы президента Рузвельта к Гитлеру и им не возражают. 310 это ещё одна немецкая сводка о фактах без указания источников.

Девятая группа это просто разная группа, и если ваша светлость вернётся обратно на первую страницу моей записки, это первые 8 документов на странице до 45 номера. Все они допущены. Им нет возражения, за исключением номера 12, который является объявлением о результатах выборов в Рейхстаг. Это не выглядит ни с какой стороны как подлежащее приобщению.

Номер 45 это книга предсказаний и пророчеств лорда Ротемира «Предупреждения и пророчества». Думаю, обвинение утверждает, что она не относится к доказательствам по делу.

Следующий фрагмент разного на странице 2, номера 70-73. Номер 71 это германо-литовский договор о Мемеле и здесь нет возражения. Номер 70 как думается, скорее не относится к делу. Номерам 72 и 73 возражают, потому что они рассматривают Четырнадцать пунктов президента Вильсона.

Следующая часть разного это последняя страница моих записей начиная внизу, номер 296 и это речь Гитлер о Рейнланде. Все доказательства об этом представлены. Скорее это кажется кумулятивным, если его уже не приобщили. Я на самом деле, не проверял приобщали ли его.

Номер 298 вверху страницы, фактически, лишний. Это тоже самое, что номер 274. И внизу последней страницы, милорд, 311, бумага написанная подсудимым Риббентропом о личности фюрера.

Председатель: Его уже отклонили.

Баррингтон: Думаю, его ваша светлость отклонил этим утром. Номер 312 это письменные показания госпожи фон Риббентроп. Номер 313 это письменные показания доктора Готтфридсена. Я понял от доктора Хорна, хотя ему разрешили доктора Готтфридсена в качестве свидетеля, он посчитал, что это сэкономит время если он огласит письменные показания или часть из них. Возможно, если ваша светлость позволит обвинению делать комментарии там, где оно считаете уместным, когда дойдет до этого, то так будет лучше всего рассмотреть их.

На этом всё – всё мои пункты, милорд. Есть только Малые страны и Балканы.

Додд: С позволения трибунала, это правда, что господин Баррингтон говорил за всех нас, и я не намерен проходить какие-либо из документов, за исключением этих,

потому что, боюсь у членов трибунала есть какой-то вопрос о нашем возражении идущему от 76 через 116, 118-122, и 114-148, польские документы. Мы, конечно же, вместе с майором Баррингтоном говорим о том, что они кумулятивные, но мне кажется, что есть более существенное возражение. Возможно, все они имеют отношение к предполагаемым инцидентам внутри Польши, и они были опубликованы в этих «Белых книгах». Эти инциденты включали плохое обращение с польскими гражданами внутри Польши, которые возможно имели немецкое происхождение. Что же, наш взгляд заключается в том, что такие документы не относятся к делу, потому что в этом вообще нет защиты по обвинениям; мы не можем позволить, как мы говорим, нации защищать себя или этим подсудимым защищать себя от обвинений предъявленных здесь, доказывая, что с гражданами другого государства, хотя и имевшими немецкое происхождение или любое другое происхождение плохо обращались внутри государства. Начиная с 76 до 116, 118-122, 114-148, и 151-152, это 124-148, нежели 114-148, 124-148. Последние 151 и 152.

де Риба: Я прошу разрешения трибунала сделать два коротких замечания о документах которые являются частью пятой и шестой группы и которые полностью касаются французских документов взятых из германской «Белой книги». Фактически причина только такая: французское обвинение не имело о них никаких сведений, так, вопреки тому, что думает трибунал, французское обвинение пока не получило перевод документов представленных доктором Хорном. Первая группа, номер 5, документы 221-245, это документы генерального штаба, и кажется из них доктор Хорн хочет сделать вывод, что Англия и Франция нарушили нейтралитет Бельгии. Если мы просим трибунал отклонить 25 документов то лишь потому, что мы понимаем серьёзный риск потерять время в бесполезных дискуссиях. Будучи далеки от страха дискуссии, мы считаем, что наоборот и Франция и Британия будут признаны скурпулёзно уважавшими два пакта которые они подписали: первый в отношении нейтралитета Бельгии, и второй в отношении пакта которым они гарантировали нейтралитет Бельгии.

Господа, и в чём же здесь вопрос? Только выяснить нарушали ли Германия, Франция и Англия нейтралитет Бельгии. Подсудимого Риббентропа спрашивал об этом его защитник, и он ответил на это самым чётким образом, в ходе субботнего заседания, в заявлении которое трибунал чётко помнит. Подсудимый Риббентроп сказал: «Конечно же, всегда очень трудно в подобной войне нарушать нейтралитет страны, и вы не должны думать о том, что мы с радостью делали подобные вещи».

Это, господа, формальное признание того, что Германия нарушила нейтралитет Бельгии. Почему мы должны тратить время обсуждая отношение к делу 25 этих документов?

Я перехожу ко второй группе, группе номер 4. Это документы

генерального штаба, которые как заявляют, захватила Германия, и они касаются событий на Балканах в 1939 и 1940. Французское обвинение просит отказать в 22 документах предъявленных доктором Хорном по двум причинам. Нет никакого подтверждения их подлинности, и они не относятся к делу. Они абсолютно не могут считаться аутентичными – все они это фрагменты из «Белой книги», и трибуналу известны взгляды обвинения на этот счёт. Более того, большая часть этих документов является фрагментами исходящими из союзных генеральных штабов. Не представлено никаких подлинников, и даже предполагаемые копии не представлены в полном объеме. Во-вторых, они не относятся к делу, так как все они касаются планов изучавшихся в генеральных штабах в последние месяцы 1939 и ранней части 1940. Эти планы о французской и британской интервенции в Югославию и Грецию естественно предполагали согласие заинтересованных правительств в качестве неотъемлимого условия. Планы никогда не исполнялись. От них чётко отказались после июньского перемирия 1940. Документы датированы 1939-1940, и трибунал вспомнит, что агрессия против Югославии и Греции состоялась 6 апреля 1941, когд гитлеровское правительство уже не имело никакой причины опасаться планов подготовленных в 1939.

Эти документы, которые никак не могут считаться аутентичными также никоим образом не относятся к данной дискуссии и по этой причине французское обвинение просит трибунал отклонить их.

Председатель: Итак, доктор Хорн. Доктор Хорн, трибунал думает, что вы, возможно сможете, в виду показаний которые дал подсудимый Риббентроп, посчитать возможным отозвать некоторые документы, в виду времени которое это займет. Я имею в виду, подсудимый Риббентроп разобрал предмет очень полно, и поэтому, может быть, вы сможете отозвать какие-нибудь документы для того, чтобы сэкономить время.

Хорн: Да, господин председатель, я отзову все документы которые являются кумулятивными. Я хочу сначала…

Председатель: Если вы дадите нам знать, что вы хотите отозвать…

Хорн: Да, господин председатель.

Для начала могу я высказать свою позицию по некоторым главным вопросам? Это о доказательственном значении «Белых книг» и докладах послов. Я хочу отметить, что эти документы имели решающее влияние на политическое мнение. Эти применимо к подсудимому фон Риббентропу также как и к Гитлеру. И в дополнение, я хочу отметить, что обвинение полагалось по большей части на доклады подобного рода. Поэтому, я прошу равных прав для защиты.

Затем я хочу сказать несколько слов о документах французского генерального штаба которые были обнаружены в городе Ла-Шарите во время французской кампании. Если высокий трибунал разделяет сомнения и мысли, высказанные представителем французского обвинения, я прошу разрешения

допросить главнокомандующего группой армий 10, фельдмаршала Лееба[329], о том факте, что эти штабные документы были обнаружены в городе Ла-Шарите.

Польские документы на которые я ссылался, находились в польском министерстве иностранных дел в Варшаве. Главнокомандующий в то время, фельдмаршал или генерал-полковник Бласковиц[330], может свидетельствовать об этом. И в связи с этим я также вызываю генерал-полковника Бласковица в качестве свидетеля, если трибунал имеет какие-нибудь сомнения.

Более того, я могу подытожить мнение защиты, сказав о том, что мне кажется, что можно заявить возражения против документа только если его неточность очевидна из содержания или если можно показать, что это подделка. Я прошу трибунал допустить все остальные документы находящиеся в «Белых книгах» или посольских отчётах.

Что касается документов о вопросах польского меньшинства, я хочу отметить, что премьер-министр Чемберлен сам описывал вопрос меньшинства как решающий вопрос между Германией и Польшей. Поскольку эти переговоры, в которых основным предметом, кроме Данцига и коридора, был вопрос меньшинства, привел к войне, следовательно вопрос меньшинства одна из причин войны. Поэтому я прошу о том, чтобы документы об этом, которые доказывают постоянное нарушение пактов о меньшинствах со стороны Польши, были допущены в качестве доказательства.

Если высокий трибнал согласен, я начну предъявлять документы трибуналу для уведомления или оглашать отдельные важные отрывки, и я хочу сказать трибуналу от каких документов я откажусь.

Дикс: Я был бы благодарен трибуналу, если я смогу высказать свою позицию – не в отношении дела Риббентропа, которое меня не касается. Мой коллега, доктор Хорн, рассмотрел его – но просто из принципа, не исключительно с точки зрения защиты, но совершенно объективно и в целом в отношении разных проблем которые трибунал должен учитывать перед вынесением своего решения о допустимости любого доказательства – как в форме вопроса свидетелю или при предъявлении документа.

Я не прошу разрешения поговорить впустую, а потому что, мне кажется, что сделав так, я могу сократить следующие стадии разбирательства, потому что я надеюсь на то, что трибунал будет согласен с основными пунктами моих заявлений и таким образом защите не нужно будет делать такие заявления на следующей стадии.

Я полностью оставляю на трибунал то, считает ли он время подходящим

329 Вильгельм фон Лееб (1876 — 1956) — немецкий генерал-фельдмаршал, участник Первой и Второй мировых войн. В начале войны против СССР командующий группой армий «Север». Был осуждён американским военным трибуналом к 3 годам лишения свободы.

330 Йоханнес Бласковиц (1883 — 1948) — германский военачальник, генерал-полковник. Покончил жизнь самоубийством находясь под американским арестом

или мне стоит сделать это только после того как мой коллега Хорн закончит со своими документальными доказательствами. Во всяком случае, я хочу сделать свои заявления, перед тем как трибунал распорядится о ходатайствах обвинения и доктора Хорна.

Я хочу спросить вашу светлость, позволит ли мне трибунал прояснить насколько возможно, позицию которую я занимаю в принципиальных вопросах которые я считаю жизненно важными для решения. Могу я это сделать?

Председатель: Да.

Дикс: Мне кажется, не имея желания критиковать юридическую ценность заявлений которые мы здесь услышали, что имеется некоторая путаница в мыслях. Мы должны проводить в уме совершенно чёткую разницу: 1. Фрагмент доказательства – и это применяется к свидетелям, также как документам – относится к делу? 2. Фрагмент доказательства полезен как таковой? 3. Фрагмент доказательства кумулятивен и следовательно неприемлим?

Если трибунал распоряжается о том, что что-то предъявленное в качестве доказательства не относится к делу, не полезное или кумулятивное, тогда в ходатайстве о нём следует отказывать на данной стадии разбирательства. С другой стороны, вопрос достоверности чего-то представленного в качестве доказательства – то есть, верить ли ответу свидетеля или нет, можно ли считать достоверным содержание документа, можно ли например верить высказываниям изложенным в «Белой книге», или не верить – это, по моему мнению, вопрос о котором можно решить только, когда спорное доказательство предъявлено на разбирательстве и трибунал вынес о нём уведомление и способен, при свободной оценке доказательств – способе который открыт для трибунала – вынести суждение о его достоверности или наоборот. По этой причине, я думаю, что в настоящий момент, кажется, нет причины говорить, например, о том, что этот документ вообще нельзя использовать, потому что это часть «Белой книги» опубликованной германским правительством. Никто не отрицает, что «Белая книга» то есть, публикация, официальная публикация, издаваемая любым правительством, как таковая может быть полезным и относящимся к делу доказательством. Можно ли читать и представлять на разбирательстве это тот вопрос о котором трибунал решает после того как доказательства связанные с «Белой книгой» представлены на разбирательстве, и трибунал принял официальное уведомление о спорном фрагменте.

Итак, я перехожу к вопросу относимости и эффективности. Представитель британского обвинения заявил здесь о том, что доклады германских послов своему министру иностранных дел, per se, не являются полезными. По крайней мере, я так его понял. Они будут допущены, только если обвинение, пожелает их использовать. Другими словами, их следует допускать, только если обвинение желает использовать их во вред подсудимым. Я не думаю, что можно придерживаться такой точки зрения. Представитель британской делегации цитировал в связи с этим

статью 21 устава. Статья 21 вообще не имеет никакого отношения к данному вопросу. Статья 21 устава просто говорит, насколько я её помню, у меня нет устава на руках, но мне кажется, я хорошо знаю содержание – о том, что документы относящиеся к расследованию правительств победивших держав о военных преступлениях в собственных странах не нужно оглашать, а просто представлять трибуналу для уведомления. Однако этот вопрос вообще не имеет никакого отношения к вопросу полезности или относимости доклада представленного в любое время германским послом министерству иностранных дел. Признавать или не признавать доклад, трибунал может решить согласно относимости предмета который он может доказать – если факт который следует доказать считается трибуналом относящимся к делу и адекватно установленным одной или обеими сторонами. Тогда, по моему мнению, этот доклад посла следует допускать, и после его допуска трибунал может, свободно взвешивая доказательства, учитывать ценность доказательства, то есть, его достоверность и более того его цель, а также, а также его субъективную достоверность. Довольно с чёткой дифференциацией концепций относимости и полезности и с концепцией ценности доказательства, то есть, целью и субъективной достоверности доказательства.

Итак, в отношении вопроса являются ли доказательства кумулятивными. Разумеется, что всякий юрист в этом зале суда согласен с тем, что не следует допускать кумулятивные доказательства, но вопрос о том кумулятивно ли доказательство ни в коем случае не должен разрешаться формально, так сказать, механически. Я легко могу представить, что вопрос с такой же формулировкой как тот, что уже задавали не обязательно кумулятивен, по причинам которые я вам сейчас перечислю и что вопрос который по форме не повторяет уже заданный, вместе с тем может быть кумулятивным, потому что он требует ответа от свидетеля по поводу одинакового доказательства, но высказанного другими словами. Тот факт, что вопрос может быть идентичным по формулировке с тем который уже задали, не обязательно означает, что он кумулятивен как показывает старая поговорка Si duo faciunt idem non est idem[331]. Если, например, я спрашиваю свидетеля который имеет клеймо фанатичного сторонника нацистского режима о его субъективном впечатлении о свидетеле который известен как фанатичный оппонент нацистского режима, тогда такие два вопроса точно не кумулятивные, так как это первостепенная значимость, если трибунал будет в состоянии сформировать мнение и принять решение, установив, является ли зафиксированное впечатление одинаковым в двух словах, так сказать – от двух диаметрально противоположных людей. Таким образом, следует принимать во внимание свидетеля, при суждении о том является ли вопрос кумулятивным или нет. Дальнейший пример факта, что вопрос который точно похож на предыдущий, не обязательно будет кумулятивным был бы, например если бы я задал вопрос подсудимому и затем свидетелю который

331 Если двое делают одно и то же, это не одно и то же (лат.)

не заинтересован. Говоря об этом, я никоим образом не желаю принижать показания данные под присягой подсудимым. Это далеко от моего намерения. В принципе, показания обеих свидетелей похожие. Однако, есть большая разница. Для того, чтобы не занимать слишком долго, я приведу только один пример – исследую ли я какую-то стадию внутренней жизни подсудимого о которой он сам лучше всего информирован. Я допрошу свидетеля, у которого сложилось впечатление об этом инциденте по поводу подсудимого, или же спрошу самого подсудимого чьё внутреннее впечатление является частью психологического отношения к деянию.

Я хочу остановиться на этом пункте для того, чтобы не занимать много времени трибунала теоретическими рассуждениями. Моё намерение в данном выступлении заключалось только в просьбе к высокому трибуналу при вынесении своего решения, я повторяю в отношении относимости и полезности, проводить чёткую разницу в вопросе ценности придаваемой субъективному доказательству, о котором следует решать после его допуска и прошу трибунал, рассматривая то является ли доказательство кумулятивным, не руководствоваться исключительно внешней формой вопроса или документа, а исследовать не будет ли в интересах правды и вникания в дело задавать одинаковые вопросы разным людям, или подтверждать одинаковый вопрос, или не подтверждать, письменные заявления разных людей.

Моя совесть неспокойна по поводу этого академическиго изложения, но я надеюсь, что разъяснение того, что я сделал, в чём я в некоторой степени преуспел, может как-то помочь сократить последующие стадии разбирательства.

Председатель: Трибунал хочет знать, сколько вы думаете продолжать по поводу этих документов, потому что мы продвигаемся дальше и дальше. И сколько вы займете? Вы подумали над тем, какие документы готовы отозвать, и готовы ли?

Хорн: Господин председатель, мне требуется около двух часов – то есть без возражений со стороны обвинения, и мне кажется, что за это время я закончу всю презентацию, включая оглашение наиболее важных отрывков, которые ограничены немногими документами. Таким образом, без возражений два часа.

Председатель: Вы слышали возражения обвинения. Мы их слышали. Мы их рассмотрим, и мы рассмотрим любой ответ, который вы на них дадите, но мы не желаем на данной стадии, когда нужно заслушивать дела всех подсудимых, чтобы вы подробно вникали в документы и оглашали их, и мы надеемся на то, что вы не считаете нужным оглашать из этих документов после вашего ответа на возражения обвинения некоторым документам.

Хорн: Я намерен…

Председатель: Вы поняли, что вы закончили свою аргументацию в ответ на возражения обвинения или нет? Вы намерены далее рассматривать допустимость каких-либо конкретных документов или нет?

Хорн: Согласно пожеланиям высказанным трибуналом я намерен предъявить эти

документы группами, с коротким связанным текстом и в каждой группе в которой обвинение заявило возражения добавить несколько замечаний по затронутым пунктам. Я не намерен делать больше этого.

Председатель: Доктор Хорн, понимаете, положение такое. Обвинение возразило некоторым документам по отдельным основаниям, и мы хотим предоставить вам полную возможность ответить на эти возражения. Когда вы ответите на эти возражения, мы думаем, будет правильно, чтобы мы отложились и решили об этих возражениях и вашей аргументации. Вы понимаете? О том, что мы должны распорядиться, после вашего ответа на возражения, мы должны отложиться и решить о допустимости каких документов мы распорядимся.

Хорн: Если трибунал намерен вынести распоряжение после выражения мною позиции по возражениям обвинения, тогда я прошу о том, чтобы мне предоставили возможность сейчас, начать, я хочу…

Председатель: Минуточку, доктор Хорн. Как вы понимаете, сейчас 5 часов, и мы не сможем закончить до вечера.

Доктор Хорн если бы вы могли закончить свою аргументацию в ответ на принципиальные вопросы затронутые обвинением, мы думаем это было бы удобнее всего, если бы вы смогли это сделать в самое короткое время. Я имею в виду, вы слышали то, что говорит обвинение об этих разных группах и было бы удобнее, как мы думаем, если бы вы могли ответить на это в промежуток четверти часа.

Хорн: Прежде всего, я хочу сослаться на документы пронумерованные 48-61. В их отношении я могу занять следующую позицию.

Председатель: Да.

Хорн: Номер 48-61. Возможно, я снова могу использовать эти страницы обвинения, с их возражениями в качестве основы. Документы 48-61 отклонены как не относящиеся к делу, но эти документы рассматривают перевооружение и подготовку к войне противоположной стороны. Я могу придти к основным мотивам движущим Гитлером и Риббентропом только противопоставив германские доказательства доказательствам другой стороны. Я не могу судить о законности деяния, пока не знаю обо всех фактах. Зная об этих фактах, я должен знать отношение другой стороны. Таким образом, я считаю эти документы относящимися к делу в высшей степени.

Председатель: Да.

Хорн: Следующая группа решающего значения состоит из документов рассматривающих проблему польского меньшинства. Представитель обвинения сказал о том, что по германо-польскому соглашению от 5 ноября 1937, проблема меньшинства была санкционирована обеими странами. То есть, нарушения международного права в отношении вопросов меньшинств считались бы закрытой главой если они случились до этого года. Такой взгляд, разумеется, неверный, потому что каким-то соглашением нельзя санкционировать нарушение

предыдущего соглашения. Более того, во время переговоров о пакте 1934 между Германией и Польшей прямо было согласовано, что я могу подтвердить посредством этих документов, что после заключения общеполитического соглашения, должны быть урегулированы вопрос меньшинств также как Данцига и коридора.

Эти вопросы прямо находились в состоянии неопределённости предусматривая дальнейшее урегулирование по соглашению, и так как никакого такого соглашения по двум вопросам не заключили, документы касающиеся нарушения поляками международного права в отношении пактов о меньшинствах не могут быть отклонены из-за этого соглашения. По поводу этого соглашения я хочу подчеркнуть ещё раз, конкретное дальнейшее соглашение об урегулировании данного вопроса.

Второе возражение данной группе заключается в том факте, что проблема меньшинств в целом названа не относящейся к делу. Ранее я кратко сказал о том, что британский премьер-министр Чемберлен лично сознавал необходимость урегулирования данной проблемы. Я тоже представляю этот документ, это документ номер 200 в моей документальной книге. Все политические круги занимала мысль о том, что следует найти решение данного вопроса и поэтому считали это относящимся к делу, я прошу трибунал допустить указанные документы. В этих документах нельзя отказать как отчасти кумулятивных, как сделали здесь, так как в силу этих документов, я хочу доказать, что эти пакты меньшинств постоянно нарушали с 1919, и я представлю документы из международного трибунала в Гааге и Лиги Наций в Женеве, показывающие, что эти нарушения имели место в период 20 лет.

Я принимаю возражения советской делегации к документам 286-289, и отзываю документы 286-289.

Поскольку трибунал недавно возразил книге «Америка в битве континентов», я также отзываю документы, представленные под номером 290, 1-5. Я также ссылался на эту книгу под другими номерами, и я отзываю все эти номера, которые ссылаются на книгу «Америка в битве континентов». Что касается докладов послов, я снова ссылаюсь на своё заявление и главные заявления сделанные недавно моим коллегой доктором Диксом. Я принципиально убеждён в этом и в силу приведённой правовой аргументации, а также в виду того факта, что обвинение обширно использовало доклады, защите также следует предоставить право ссылаться на эти доклады, особенно поскольку они сформировали основание на котором основывалось германское политическое мнение.

Я также по указанным причинам не способен отказаться от материалов французского генерального штаба. Говорится, что документы 221-269 не относятся к делу. Они не не относятся к делу, потому что мы имели пакты о нейтралитете с этими странами, и в пактах о нейтралитете было согласовано, что Германия будет

уважать их нейтралитет до тех пор пока другая сторона его тоже уважает. Так как сейчас возможно подтвердить, что другая сторона не уважала этот нейтралитет, доказательство о том была ли война агрессией против этих стран со стороны Германии…

Председатель: Господин Шампетье де Риба сказал, что Франция вышла из войны в 1940. Таким образом, документы, подготовленные французским генеральным штабом в 1940 не имеют отношения к 1941. Разве не так? Вот, что он сказал.

Хорн: Вы имеете в виду французского обвинителя?

Председатель: Да, французского обвинителя.

Хорн: Да. Однако, тот факт, что нарушения нейтралитета совершались Францией и известны германскому правительству в тот момент, полностью меняют правовую ситуацию. Вы не можете говорить, что Германия вела агрессивную войну против этих стран, когда мы знаем от нашей разведывательной службы о том, что наши противники намеревались оккупировать эти страны, и фактически это сделали, направив офицеров генерального штаба. Таким образом, противоположная сторона виновна в нарушении, и материалы которые обнаружили, подтвердили доклады разведки представленные тогда нам, я скажу тогда.

Таким образом, в таких случаях вы не можете обвинять Германию в нарушении пакта о нейтралитете. Я хочу попросить трибунал, поэтому, допустить эти материалы как относящиеся к делу по указанным причинам. В связи с другими документами, я прошу разрешить сделать своё заявление, когда я представлю документы трибуналу на презентации доказательств.

Председатель: Доктор Хорн, понимаете, мы хотим распорядиться об этом, заслушав вашу аргументацию, мы не хотим снова распоряжаться о каждом документе. Мы хотим рассмотреть их группами, таким же образом как обвинение, чтобы мы подумали и распорядились.

Хорн: Это основные возражения, которые я заявляю по аргументам обвинения. Я прошу трибунал снова провести разницу между принципиальными соображениями доктора Дикса и между фактическими соображениями, высказанными мною по поводу индивидуальных групп.

Председатель: Очень хорошо, мы откладываемся.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 3 апреля 1946*]

День девяносто восьмой

Среда, 3 апреля 1946

Утреннее заседание

Председатель: Трибунал прочёл и рассмотрел каждый из документов представленных доктором Хорном от имени подсудимого Риббентропа и трибунал распорядился о следующем.

Я ссылаюсь только на документы по которым не были приняты возражения, где трибунал отклонил их, то есть, документы которым не заявили возражения допускаются за исключением тех о которых я скажу.

Относительно документов, по которым приняты возражения, трибунал отклонил номера 12, 45, 48-61 включительно. Он допускает документ 62. Он отклоняет документы 66, 67 и 69. Он допускает документ 70. Он отказывает в документах 72, 73, 74. Он отклоняет документы 76-81 включительно. Он допускает документ 82. Он отказывает в документе 83. Он допускает документы 84-87 включительно. Он отказывает в документах 88-116 включительно. Он отказывает в документах 118-126 включительно. Он допускает документ 127. Он отказывает в документах 128-134 включительно. Он отказывает в документах 135-148 включительно. Он отказывает в документах 151 и 152. Он допускает документы 155 и 156. Он отказывает в документах 157 и 158. Он отказывает в документе 161. Он допускает документ 162. Он допускает документ 164. Он допускает документы 165-183 включительно. Он отказывает в документе 184. Он допускает документы 185 и 186. Он отклоняет документ 191. Он допускает документы 193 и 194. Он отказывает в документе 195, параграфы, 1, 2, 3 и 4. Он допускает документ 195, параграфы 5, 6, 7, 8, 9. Он отказывает в документе 196 и 197, и 198. Он отказывает в документе 204. Он отказывает в документе 207. Он одобряет весь документ 208. Он одобряет документ 210. Он отказывает в документе 211(a) и (b) и документе 212. Он одобряет документ 213. Он отказывает в 214. Он отказывает в 215 (a) и (b). Он допускает документы 217 и 220. Он допускает документы 221-245, за исключением документа 238, а также исключает все комментарии содержащиеся в этих документах. Он отказывает в документах 246-269. Он отказывает в 270 и 271. Он отказывает в 275. Он отказывает в 276. Он одобряет 277 и 278. Что касается 279, трибунал хочет, чтобы доктор Хорн проинформировал его о том, что это за документ, потому что копия которая у него есть не идентифицирована. Это 279. Доктор Хорн, в книге 8, думаю.

Хорн: Документ содержит Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом от 23 августа 1939. Он содержит текст договора.

Председатель: Да, что же, тогда он допускается. 280 и 281 допускаются. 282, 283 и 284 допущены. 285 отказано. 286-289 отозваны. 290 отказано. 291 одобрен. 292 отказано. 293 отказано, 294 отказано. 295 отказано. 296 одобрен. 298-305, включительно – отказано. 306 одобрен. 307 отказано. 308 одобрен. 309 и 309(а) отказано. 310 отказано. 311 уже отклонён. 313 допущен. 314 отказан. 317 одобрен. 318 отказан. Что же, 312, одобрен, ему не возражали. У меня нет записи о 315 и 316, о них просили?

Хорн: 315, господин председатель, это воспроизведение номера PS, это PS-1834 и его уже предъявили и поэтому не нужно предъявлять снова.

Председатель: Это также относится к 316, доктор Хорн?

Хорн: 316 тоже номер PS и поэтому не нужно предъявлять заново.

Председатель: Что же, тогда я думаю это касается всех номеров.

Хорн: Господин председатель, я отказываюсь от номера 312 и прошу вместо этого номер 317. Он содержит нотариальное заявление под присягой…

Председатель: 317 допущен.

Хорн: Благодарю, господин председатель.

Председатель: Итак, доктор Хорн вы рассмотрите то, что осталось, насколько вы хотите это рассмотреть. Если вы желаете прокомментировать то, что допустили, вы можете это сделать. Мы не желаем, чтобы вы это делали, но если вы хотите, то можете это сделать.

Хорн: Могу я попросить у вашей светлости разрешения представить свои аргументы. Я представлю очень краткие аргументы во время установленное высоким трибуналом, таким образом, я смогу сортировать документы и не потрачу не нужное время? Все документы разбежались и это займет больше времени, если я буду представлять дело сейчас нежели чем, если я смогу представить отсортированные документы. Поэтому я прошу трибунал установить время, когда я могу представить документы.

Председатель: Ходатайство удовлетворено.

Хорн: Да. Тогда я закончу своё дело и мне потребуется сравнительно короткое время, чтобы кратко прокомментировать некоторые, но не все документы.

Председатель: Если доктор Нельте уже продолжить с делом подсудимого Кейтеля, трибунал предлагает, что вы можете вкратце рассмотреть свои документы в 2 часа.

Хорн: Да, господин председатель.

Председатель: Это приемлимо для доктора Нельте?

Хорн: Я проконсультируюсь со своим коллегой.

Доктор Нельте сообщил мне о том, что он получит свои документы и тогда немедленно приступит к презентации своего дела.

Председатель: Очень хорошо.

[*Доктор Нельте вернулся в зал суда*]

Председатель: Доктор Нельте, трибунал обязан вам за то, что вы сейчас представите свою аргументацию.
Нельте: Господин председатель, я начну презентацию дела Кейтеля, попросив вас вызвать подсудимого на место свидетеля и опросив его. Документы, которые я использую в допросе представлены вчера списком. Я надеюсь, что эти документы находятся в вашем распоряжении для того, чтобы вы могли следить за моими вопросами таким способом который желателен в интересах правильно организованного допроса.
Председатель: Значит, вы вызываете подсудимого Кейтеля?
Нельте: Да.

[*Подсудимый Кейтель занимает место свидетеля*]

Председатель: Назовите своё полное имя?
Кейтель: Вильгельм Кейтель.
Председатель: Повторите за мной следующую клятву: «Я клянусь господом всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду, и не утаю и не добавлю ничего».

[*Подсудимый повторяет клятву на немецком*]

Председатель: Если желаете, можете сесть.
Нельте: Пожалуйста, кратко опишите свою военную карьеру.
Кейтель: В 1901, в начале марта, я стал кандидатом в офицеры артиллерийского полка прусской армии. В начале Первой мировой войны, в 1914, я был полковым адъютантом в своём полку. Я был ранен в сентябре 1914, и в начале ноября я стал командиром батареи в своём полку. С весны 1915 я служил на различных должностях генерального штаба, сначала с высшими командующими действующей армии, позднее как офицер генерального штаба дивизии. В конце я был первым офицером генерального штаба в корпусе морской пехоты во Фландерсе. Затем я добровольцем вступил в Рейхсвер. Начиная с 1929 я был начальником отдела, организационного управления армии в министерстве Рейхсвера. После перерыва с 1933 по 1935, я стал 1 октября 1935, начальником управления Вермахта в военном рейхсминистерстве, то есть начальником штаба военного министерства. За время действительной службы я стал генерал–майором. В то время я был начальником пехотной бригады. 4 февраля 1938, к своему удивлению я был назначен начальником штаба фюрера, или начальником ОКВ – высшего командования Вермахта. 1 октября 1939, я стал генералом пехоты и после кампании на Западе в 1940, я стал генерал–фельдмаршалом.

Нельте: Вы являлись членом Немецкой национал–социалистической рабочей партии?

Кейтель: Нет, я не являлся членом. Согласно военному закону я не мог ни быть ни стать членом.

Нельте: Но вы получили золотой партийный значок. Почему?

Кейтель: Верно. Гитлер подарил мне этот золотой партийный значок в апреле 1939, в то же время, что и главнокомандующему армией, генералу фон Браухичу[332]. Фюрер сказал, что он в память о марше в Чехословакию. На значке было выгравировано «16 и 17 марта»

Нельте: Поздним летом или осенью 1944 закон о военной службе был изменен для того, чтобы военнослужащие могли становиться членами партии. Что вы делали тогда?

Кейтель: Верно. Поздним летом или осенью 1944 закон о военной службе был изменен для того, чтобы действующие солдаты также могли стать членами партии. Тогда мне предложили представить личные данные с целью включения в партийные списки. В то же время меня попросили внести членский взнос для партии. Я отправил личные данные в штаб партии и внес членский взнос, но насколько я знаю я никогда так и не стал членом. Я никогда не получал членский билет.

Нельте: В какой мере вы участвовали в партийных функциях?

Кейтель: Учитывая своё положение и тот факт, что я постоянно сопровождал фюрера, я несколько раз участвовал в публичных партийных функциях, например, на партийных съездах в Нюрнберге, а также каждый год после начала кампании Зимней помощи[333]. Наконец, согласно приказам, каждый год на 9 ноября, я должен был присутствовать вместе с представителем партии на памятной церемонии у могил жертв 9 ноября 1923[334]. Она проводилась символически в память схватки между Вермахтом и партией 9 ноября. Я никогда не участвовал во внутренних совещаниях или встречах рейхсляйтунга. Фюрер дал мне понять, что он этого не хочет. Таким образом, например, каждый год на 9 ноября я бывал в Мюнхене, но никогда не участвовал в собраниях так называемых Hoheitstrager.

Нельте: Какие награды вы получили во время войны?

Кейтель: Во время войны – это должно быть зимой 1939–1940 – я получил Рыцарский крест Железного креста. Я не получал никаких других немецких наград.

Нельте: У вас есть сыновья?

Кейтель: У меня было трое сыновей, все они служили офицерами на фронте во время войны. Младший погиб в бою в России в 1941. Второй был майором в России

---

332 Вальтер фон Браухич (1881 - 1948) — главнокомандующий сухопутных войск (1938—1941), генерал-фельдмаршал немецкой армии (с 1940). Умер находясь в плену.

333 Зимняя помощь — ежегодная кампания в нацистской Германии по сбору средств на топливо для бедных. Также фонд средств, собранных в помощь бедным и безработным.

334 «Пивной путч» (известен также как путч Гитлера и Людендорфа, нем. Hitler-Ludendorff-Putsch) — неудачная попытка захвата государственной власти, предпринятая Национал-социалистической рабочей партией во главе с Гитлером и генералом Людендорфом 9 ноября 1923 года в Мюнхене.

и пропал без вести и старший сын, который был майором, военнопленный.
Нельте: Фельдмаршал Кейтель, начиная с вопросами по существу, я хочу задать вам следующий основной вопрос: каким было ваше отношение, как солдата, офицера и генерала, к проблемам, с которыми вам пришлось столкнуться в своей профессии?
Кейтель: Я могу сказать, что я был солдатом по призванию и убеждению. Так, более чем 44 года я без перерыва служил своей стране и народу как солдат, и я пытался делать лучшее в служении своей профессии. Я верил в то, что должен так делать руководствуясь долгом, безустанно трудясь и полностью отдаваясь тем задачам, которые возлагались на меня на многих и разных должностях. Я делал это с одинаковой преданностью при кайзере, президенте Эберте[335], при фельдмаршале фон Гинденбурге, и при фюрере, Адольфе Гитлере.
Нельте: В чём заключается ваше отношение сейчас?
Кейтель: Как немецкий офицер, я естественно считаю своим долгом отвечать за то, что я сделал, даже если это было неправильным. Я благодарен, за то, что мне дали возможность отчитаться здесь и перед немецким народом, о том, кем я был и о своём участии в случившихся событиях. Не всегда бывает возможно четко отделить вину и запутанность в нитях судьбы. Но я не считаю возможным, чтобы людям на фронте и руководителям и подчиненным на фронте предъявляли обвинения, в то время как высшие руководители отрицают ответственность. Это, по моему мнению, неправильно, и я считаю это недостойным. Я убежден в том, что большое число наших храбрых солдат были действительно достойными, и что где бы они не переступали границы приемлемого поведения, наши солдаты действовали добросовестно, уверенные в военной необходимости, и приказы, которые они получали.
Нельте: Обвинение, представляя доказательства о нарушениях законов войны, преступлениях против человечности, периодически указывает на письма, приказы, и т. д., которые содержат ваше имя. Были представлены так называемые приказы Кейтеля и распоряжения Кейтеля. Теперь мы должны исследовать являетесь ли вы виновным и ответственным, и в какой мере за свои действия и результаты этих приказов. Что вы желаете сказать на это главное обвинение?
Кейтель: Верно то, что есть большое количество приказов, инструкций и директив связанных с моим именем и следует признать, что такие приказы часто содержат отклонения от существовавшего международного права. С другой стороны, есть группа директив и приказов, основанных не на военных соображениях, а на идеологической основе и точке зрения. В связи с этим я думаю о группе директив, которые были приняты перед кампанией против Советского Союза и также приняты

335 Фридрих Эберт (1871 — 1925) — немецкий социал-демократ, один из ведущих деятелей СДПГ, лидер её правого, «ревизионистского» крыла. Первый рейхсканцлер Германии после Ноябрьской революции 1918 г., первый президент Германии (Веймарская республика, 1919—1925), а также первый в истории Германии демократически избранный руководитель государства.

впоследствии.

Нельте: Что вы можете сказать в свою защиту по поводу этих приказов?

Кейтель: Я могу сказать, что фундаментально я несу ответственность, вытекающую из своей должности за все те вещи которые возникали в результате этих приказов и которые связаны с моим именем и моей подписью. Далее, я несу ответственность, поскольку она основана на правовых и моральных принципах, за те ведомства и подразделения ОКВ, которые мне подчинялись.

Нельте: Чем могли определяться ваши официальные полномочия и сфера вашей юридической ответственности?

Кейтель: Это содержалось в распоряжении фюрера от 4 февраля 1938, которое здесь часто цитировали.

Нельте: Я представляю вам этот распоряжение, для того, чтобы у вас был текст перед глазами. В этом распоряжении фюрера, в параграфе 1, вы найдете:

> «С настоящего момента я лично и непосредственно принимаю верховное главнокомандование всем Вермахтом»

Что это означает в сравнении с условиями существовавшими до этого?

Кейтель: До этого времени у нас был главнокомандующий Вермахтом, фельдмаршал фон Бломберг[336]. Также был верховный главнокомандующий Вермахта, которым согласно конституции был глава государства – в данном случае, Гитлер. С отставкой главнокомандующего Вермахта фон Бломберга, остался только верховный главнокомандующий и это был сам Гитлер. С этого времени он лично осуществлял командование всеми тремя родами войск Вермахта: армией, флотом и воздушными силами. Там также сказано «с настоящего момента непосредственно». Это должно было однозначно установить, что должность посредника с правом отдачи приказов больше не существует, но, что приказы Гитлера как верховного главнокомандующего отдавались непосредственно трем родам войск Вермахта и их командующим. Здесь также сказано «непосредственно» и «лично». Это также, имело своё значение, так как слово «лично» должно было выражать тот факт, что не было и не будет, как я скажу, «делегирования» полномочий.

Нельте: Таким образом, я полагаю, что вы никогда не подписывали свои приказы «исполняя обязанности»?

Кейтель: Нет, я не помню ни одного случая, в котором бы я подписывался «исполняя обязанности». Согласно нашим военным принципам, если возникал вопрос для назначения заместителя, это мог быть только один человек, главнокомандующие тремя родами Вермахта, а именно старшие по званию.

Нельте: В параграфе 2 указа от 4 февраля 1938 сказано:

> «…бывшее управление Вермахта в военном министерстве, функционально передается под мое командование как ОКВ и мой

336 Вернер фон Бломберг (1878 — 1946) — немецкий военачальник, генерал-фельдмаршал, в 1933—1938 годах министр обороны Рейха (с 1935 — военного министерства) Германии.

военный штаб».

Какую значимость имело это, относительно штаба, который соответственно был сформирован?

Кейтель: Главнокомандующий Вермахтом имел свой военный штаб в управлении Вермахта, то есть, управлении Вермахта военного министерства. Гитлер, как верховный главнокомандующий, принял управление Вермахта, как свой военный штаб. Таким образом, этот штаб должен был быть его личным рабочим штабом. В то же время, с ликвидацией поста верховного главнокомандующего Вермахта, должность военного рейхсминистра также была ликвидирована. Не существовало военного министерства и не существовало военного министра как такового. Таким образом, можно было чётко понять, чего хотел Гитлер, а именно, чтобы между ним и подразделениями Вермахта не должно было быть никого обладавшего должностью с какими-нибудь полномочиями ни в командных каналах, ни с министерскими функциями.

Нельте: Когда это распоряжение было принято, вас ввели как обладателя новой должности с названием «начальник ОКВ». Разъясните, пожалуйста, был ли правильным этот термин «начальник ОКВ»; то есть, был ли он тем, на, что указывало его наименование.

Кейтель: Я должен добавить, что я только сейчас осознал, что этот термин в сокращённой форме на совсем подходит. Если быть точным, можно было сказать: «Начальник штаба высшего командования Вермахта» не сокращая до «начальника ОКВ». Из материалов представленных обвинением я понял, что понятие «начальник» было интерпретировано как если бы был командир, начальник ведомства с правом отдавать приказы. И это конечно, ошибочный вывод. Это была ни позиция начальника в смысле командира, ни, как могли бы полагать или полагали, не являлось положением начальника генерального штаба. Это также неправильно. Я никогда не был начальником генерального штаба Вермахта. Безошибочным желанием Гитлера было сконцентрировать у себя все полномочия, всю командную власть. Это не просто ретроспективное заявление. Он четко выражал мне такое желание несколько раз, отчасти в связи с тем, что он периодически говорил мне: «Я никогда не смогу сделать это с Бломбергом»

Нельте: У меня есть заявление сделанное фельдмаршалом фон Браухичем и представленное обвинением.

Кейтель: Возможно, я могу добавить кое-что ещё. Я обсуждал тот факт, что это не было положение начальника генерального штаба, так как основной взгляд Гитлера заключался в том, чтобы главнокомандующие родов войск Вермахта имели свои генеральные штабы или оперативные штабы, и он не хотел, чтобы высшее командование Вермахта, включая оперативный штаб Вермахта, приняло функции генерального штаба. Таким образом, на практике работа выполнялась генеральными штабами родов войск Вермахта, в то время как оперативный штаб

Вермахта ОКВ, который специально оставался небольшим, был рабочим штабом Гитлера, штабом стратегического планирования и специальных задач.

Нельте: Значит сказанное фельдмаршалом фон Браухичем в письменных показаниях верно? Здесь сказано:

> «Когда Гитлер решал использовать военное давление или военную силу для достижения своих политических целей, главнокомандующий армией, если он принимал участие, получал свои инструкции, как правило, устно, или соответствующим приказом. После этого ОКВ работало над оперативным и планом развертывания. Когда их представляли Гитлеру и одобрялись им, следовал письменный приказ ОКВ родам войск Вермахта».
>
> Верно?

Кейтель: Да, в принципе верно, постольку поскольку окончательная формулировка приказа главнокомандующего армией принимала форму директивы, как мы это называли, основанную на общих планах, которые уже были представлены и одобрены. Такая работа проводилась оперативным штабом Вермахта; таким образом, оперативный штаб Вермахта не являлся независимым ведомством и не занимался вопросами, независимо отдавая приказы; скорее оперативный штаб Вермахта и я принимали участие в основном уточнении или одобрении таких предложений и формулировали их таким образом, каким их затем проводил Гитлер как главнокомандующий. Технически говоря, затем мы передавали эти приказы.

Нельте: Затем у меня есть письменные показания генерал–полковника Гальдера[337], которые рассматривают такой же предмет. Вам знакомы эти письменные показания номер 1. Мне кажется, я могу обойтись без их оглашения и как доказательство ссылаюсь только на письменные показания Гальдера номер 1, которые представило обвинение (документ номер PS-3702)

Дополнительно обвинение представило другой трактат без отдельного номера. Трактат озаглавлен «Основы организации германского Вермахта»

Председатель: Это документ о котором вы говорите, что его представило в качестве доказательства обвинение, но не присвоило ему номер?

Нельте: Господин председатель, этот документ вручило нам обвинение, мне кажется американское обвинение, 26 ноября 1945. Я не знаю…

Председатель: Вы имеете в виду, он никогда не сдавался на хранение в качестве доказательства?

Нельте: Мне не кажется, что я могу решить это. Я полагаю, что документ, который представили защите был одновременно представлен высокому трибуналу, если и не как доказательство, но, по крайней мере, для вынесения уведомления.

Председатель: Что это за документ? Это письменные показания или нет?

---

337 Франц Гальдер (1884 —1972) — военный деятель Германии, генерал-полковник (1940 год). Начальник Генерального штаба сухопутных войск вермахта в 1938—1942 годах.

Нельте: Это не письменные показания; это исследование американского обвинения. И я полагаю, это основа обвинения организации ОКВ, и так далее.
Председатель: У вас он есть в документальной книге или нет?
Нельте: Нет, у меня его нет в документальной книге, потому что я предполагал, что он в распоряжении высокого трибунала. Кроме того, господин председатель, это короткий документ.
Председатель: Возможно господин Додд, скажет нам, о чем идет речь.
Додд: Если бы я мог на него посмотреть я бы мог помочь. Я не знаком с ним. Возможно это один из документов, которые мы представили защите, но которые мы не приобщали в качестве доказательств и это произошло, как я думаю, в начале трибунала.
Председатель: Да.
Нельте: Я ссылаюсь на короткий параграф этого исследования, который я хочу зачитать. Возможно, мы, таким образом, избежим приобщения документа.
Председатель: Вы приобщаете в качестве доказательства все письменные показания? Я не имею в виду настоящий момент, но вы предлагаете их приобщить?
Нельте: Я полагаю, что обвинение уже представило их. Я только ссылаюсь на них.
Председатель: Письменные показания в целом? Какой у них номер, если их представили?
Нельте: Письменные показания тоже не имеют номера. Обвинение…
Председатель: Значит, они не приобщались, если не имели номера.

Мне предлагают, что возможно эти письменные показания Гальдера предъявляли и были отклонены.
Нельте: Нет. В тот раз представлялась серия письменных показаний: Браухича, Гальдера, Хойзингера[338], и многих других генералов, находящихся в Нюрнберге. Ни у одних их этих письменных показаний не было номера экземпляра.
Додд: Эти письменные показания предъявлены Соединенными Штатами как экземпляр. У меня нет на руках номера, но я думаю, они были представлены в тот раз, когда полковник Телфорд Тейлор представлял от имени обвинения дело против высшего командования и ОКВ. Эти «письменные показания» Гальдера, первый документ, который упоминал доктор Нельте, не являются письменными показаниями. Эта бумага представлена трибуналу и защите полковником Тейлором. Там излагались основные принципы организации высшего командования и ОКВ, до представления его части дела. На самом деле это просто работа наших сотрудников здесь в Нюрнберге.
Председатель: Доктор Нельте, так как документ на который вы ссылаетесь не является письменными показаниями Гальдера, а выглядит просто компиляцией, трибунал считает, что у него может не быть номера экземпляра, но вы можете

338 Адольф Хойзингер (1897 — 1982) — немецкий военачальник, генерал (с 1957 года). Во время Второй мировой войны — начальник оперативного отдела генерального штаба сухопутных сил Третьего рейха, после войны — генеральный инспектор бундесвера, затем председатель военного комитета НАТО.

спросить о нем свидетеля.

Нельте: [*Обращаясь к подсудимому*]. В эссе, которое находится перед вами, обвинение утверждает следующее: после 1938 существовало четыре подразделения: ОКВ (высшее командование Вермахта); ОКХ (высшее командование армии); ОКЛ[339] (высшее командование воздушных сил); ОКМ[340] (высшее командование флота) и каждое имело свой генеральный штаб. Что вы на это можете сказать?

Кейтель: Я могу сказать только то, что это неправильно, и также противоречит описанию, которое я уже дал о функциях высших командований родов войск Вермахта и ОКВ. Не существовало четырех таких ведомств. Было только три: высшее командование армии, высшее командование флота, и высшее командование воздушных сил.

Как я только, что заявил, высшее командование Вермахта как личный, непосредственный рабочий штаб, никоим образом не являлось независимым органом в таком смысле. Главнокомандующие родами войск Вермахта были командирами, имели полномочия отдавать приказы и осуществлять командование войсками подчиненными им. ОКВ не имело ни власти отдавать приказы, ни подчиненных войск, которым могло бы приказывать. Это также неправильно, если я вспомню речи обвинения, использующего выражение: «Кейтель был главнокомандующим Вермахта». Я говорю об этом, чтобы подчеркнуть это. Далее, я хочу, кратко, обратить внимание на схему на последней странице документа, который мне показали.

Нельте: Это рисунок схемы названный «Вермахт». Это изображение, схематическое изображение всего Вермахта и его родов войск.

Кейтель: Мне кажется я должен кратко отметить тот факт, что эта схема легла в основу этой ошибочной концепции, потому что на ней высшее командование Вермахта обозначено как особое ведомство или командное ведомство и это неправильно.

Нельте: Какие задачи вы имели в этом военном секторе как начальник ОКВ?

Кейтель: Прежде всего, это была важная задача - обеспечить фюреру вместе с оперативным штабом Вермахта и через него все документы и всю необходимую ему информацию и отчеты. Осмелюсь сказать, что оперативный штаб Вермахта имел, в связи с этим функцию, можно сказать подготовки и создания прямой и тесной связи между Гитлером и генеральными штабами родов войск Вермахта. Дополнительно к обеспечению бесчисленным количеством таких документов, которые требовались ежедневно, существовала вторая функция, а именно регулярное присутствие на всех совещаниях, в которых принимали участие главнокомандующие родами войск Вермахта и начальники их штабов, также как и начальник оперативного штаба

---

339 ОКЛ (нем. Oberkommando der Luftwaffe, нем. OKL) — Верховное командование люфтваффе, верховный орган управления ВВС Германии до и во время Второй мировой войны.

340 ОКМ (нем. Oberkommando der Marine; нем. OKM) — верховное командование кригсмарине, высший орган управления ВМФ Германии до и во время Второй мировой войны.

Вермахта. По таким поводам, как только давались серии устных приказов, эти приказы, в соответствии с военными правилами, естественно позднее должны были получать подтверждение в письменном виде. Только таким образом мы могли предотвратить возникавшие ошибки или недопонимание, то есть, подтверждая эти приказы тем, кто уже устно их получил. То есть цель и смысл приказа.

Нельте: Как вы подписывали приказы и документы, которые вы составляли?

Кейтель: Верно то, что приказы и директивы почти всегда подписывались исключительно мною. На самом деле они были приказами, которые уже были отданы и давно передавались по военным каналам. Как можно видеть из собрания представленных здесь документов, это привело к форме, которую я взял за привычку использовать, в которой я всегда писал в начале или после нескольких предварительных слов «Таким образом, фюрер приказал…»

В большинстве случаев этот приказ давно не являлся неожиданным для ведомства, которое его получало. В нем не было ничего нового, но он был только подтверждением. Похожим образом у меня естественно было также значительное количество организационных и других директив и приказов, не в чисто организационных сферах разрабатываемых и передаваемых под моим надзором. В этом отношении я в особенности хочу отметить, что ни в коем случае я не направлял приказы не показывая их снова верховному главнокомандующему, когда делал ежедневные доклады, для того, чтобы убедиться в том, что я всё правильно понял по поводу формы или способа или чтобы я не издал ничего, что – и я хочу это подчеркнуть – не имело его одобрения в письменном виде.

Нельте: Существовала и иная категория приказов и директив…

Кейтель: Могу я добавить пару слов?

Нельте: Пожалуйста.

Кейтель: Для того, чтобы это прояснить: среди документов представленных здесь есть те, которые Гитлер подписал и выпустил лично под названием «Фюрер и верховный главнокомандующий Вермахта». Есть некоторые исключения, в которых такие директивы подписаны мною «по приказу», я также хочу объяснить этот вопрос. В таком случае правда заключается в том, что если эти директивы, которые по большей части несколько раз корректировались лично фюрером, нужно было срочно издать, и подписанию верховным главнокомандующим имелись препятствия, мне требовалось их подписывать, чтобы выпустить, никогда как «заместителю» но всегда «по приказу». В противном случае приказы отдавались так , как я уже сказал, в форме директив, которые подписывались мною.

В то же время я хочу сказать, что даже если мы имеем серию документов озаглавленных «Начальник, верховный главнокомандующий Вермахта» или, некоторые из них отличаются: «Высшее командование Вермахта» - если они подписаны «по приказу, Йодль». Я могу сказать, что это автоматически подтверждает, что меня тогда не было на месте; иначе бы я бы сам их подписал,

знаяв о том, что я начальник штаба, который согласно военным правилам должен подписывать такие документы.

Нельте: Меморандум, который находится перед вами, содержит следующую фразу:

«ОКВ объединил в себе деятельность штаба и министерства; соответствующие вопросы, которыми ранее занималось военное рейхсминистерство, возможно тоже передали ОКВ»

Пожалуйста, разъясните министерские функции ОКВ.

Кейтель: Да, эта формулировка, как она изложена в документе не совсем неправильная, но, по крайней мере в важных положениях, открыты для неправильного понимания, так как это вообще неправда, что все функции, которые ранее осуществлялись военным министром были переданы ОКВ. Было много функций и прав, которые военный министр, в качестве министра, и таким образом лицо ответственное за них, мог и решал даже за рода войск Вермахта и их командиров, которые никогда не передавались начальнику ОКВ, то есть мне.

Тогда случилось следующее: все, что касалось этого вопроса, включая полномочия отдавать приказы или осуществлять верховное главнокомандование, и то, что фюрер не пожелал принять на себя, были переданы главнокомандующим родами войск Вермахта, постольку поскольку это касалось верховных полномочий и полномочий принимать решения. Кратко затронув предмет, я хочу отметить несколько существенных фактов, которые я помню. Например, личные дела офицеров, решения по жалобам, документальные материалы по бюджетным вопросам, подсудность и судебная власть, которые ранее относились к военному министерству, были переданы главнокомандующим, как и все вопросы, касавшиеся чиновников и все вопросы прав чиновников. Я могу отметить больше, но я просто хотел отметить, что даже в вопросах, в которых нужно было принимать решения, например, отставки чиновников или увольнения сотрудников, начальник ОКВ не решал о них. Эти полномочия были делегированы главнокомандующим в дополнение к власти имевшейся ранее и переданной из компетенции военного министерства. Были только отдельные оговорки сделанные фюрером для себя. Похожим образом какие-то другие сферы ОКВ ограничивались в своих задачах в ходе следующих лет в результате роспуска управления экономического вооружения (был назначен министр вооружений). Была распущена служба внешней разведки, то есть контрразведывательная служба, из которой Вермахту осталась только служба самообороны войск; всё остальное передали и так далее.

Мои полномочия включали следующее: моя обязанность заключалась во всех случаях в получении решения Гитлера по всем основным вопросам, которые касались министерской сферы. Я был свободен от необходимости делать это только по текущим вопросам или если было полное согласие между лицами, вовлеченными в министерский или административный вопрос и родами войск Вермахта в моём ведомстве. В таком случае решение Гитлера не требовалось. В итоге, я утверждаю,

что ОКВ не имело собственных полномочий, и можно сказать о том, что только Гитлер действительно функционировал как верховный главнокомандующий Вермахта, также и функции военного министра объединялись в его лице, повторю, чтобы устранить любой ценой посредников. То есть, чтобы между ним и главнокомандующими родами войск Вермахта не было промежуточных звеньев.
Председатель: Мы прервемся до двух часов.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Председатель: Доктор Нельте, хотя трибунал сказал, что заслушает доктора Хорна в два часа, он не желает прерывать допрос подсудимого Кейтеля если вы предпочитаете его продолжать. Вопрос в том согласны ли вы.
Нельте: Доктор Хорн согласен, чтобы я продолжал допрос.
Председатель: Очень хорошо.
Додд: С позволения трибунала, для помощи трибуналу я удостоверился, что первые письменные показания Гальдера, упомянутые утром доктором Нельте, были представлены полковником Тейлором, как экземпляр USA-531 (документ номер PS-3702) 4 января, и вторые письменные показания Гальдера упомянутые доктором Нельте были представлены полковником Тейлором, как экземпляр USA–533 (документ номер PS-3707) 5 января.
Председатель: Спасибо.
Нельте: Господин председатель, господин Додд любезно предоставил мне ряд копий брошюры «Принципы организации германских вооруженных сил», что я могу представить его трибуналу. Я это делаю.

[*Обращаясь к подсудимому*] Последнее, о чем вы рассказывали было о том, что 4 февраля 1938, часть полномочий военного министерства была передана родам войск вооруженных сил, и частично высшему командованию Вермахта. В этом указе, который упоминается, сказано, относительно этого предмета:

> «ОКВ в то же время занимается вопросами военно рейхсминистерства. Начальник ОКВ, по моим приказам исполняет полномочия военного рейхсминистра которые он имел»

Расскажите мне кратко, к каким областям это применялось. Я сам представлю трибуналу схему, которая уже направлена в отдел переводов для перевода. Однако, я не знаю, есть ли уже у трибунала перевод.
Кейтель: Министерские функции, на самом деле переданные ОКВ осуществлялись рядом ведомств. Я назову наиболее важные, с указанием на их функции.

Прежде всего, несколько слов об оперативном штабе Вермахта, который будучи управлением ОКВ, подчинялся ему таким же образом как остальные управления ОКВ, но имел статус выше, чем другие управления. Как следует из названия, оперативный штаб Вермахта был органом высшего командования фюрера, с которым он часто - я могу сказать, по большей части - сотрудничал лично. У него не было никаких министерских полномочий.

Затем было общее управление вооруженных сил, которое занималось в основном министерскими и административными вопросами. Можно назвать его военным министерством в миниатюре.

Затем управление контрразведки, которое являлось в большей степени министерским, но в какой–то степени помогало в оперативных вопросах.

Затем было управление экономики вооружений, относительно которого я должен заметить, что в 1940 это управление распустили и осталось только маленькое управление оборонной экономики, которое в основном занималось вопросами снабжения всеми потребительскими товарами необходимыми армии, такими как топливо, уголь, бензин, и т.д., и которые нет необходимости упоминать.

Затем важная сфера деятельности: управление пополнений всех вооруженных сил, или сокращенно, призыв, центральное управление которое предназначалось в основном, чтобы заниматься вопросами личного состава внутри ОКВ.

Затем было правовое управление, бюджетное управление и ряд иных ведомств, которые нет необходимости перечислять.

В этих ведомствах ОКВ осуществляло министерские функции. Я хочу…

Председатель: Доктор Нельте, я думаю, трибунал понял разницу, которую делает подсудимый между генеральными штабами высших командований и положением ОКВ, но есть ли необходимость трибуналу вдаваться во все эти детали?

Нельте: Я закончил с этим разделом.

Председатель: Очень хорошо.

Нельте: Я хочу задать ещё один…

Председатель: Прежде чем вы закончите с этим документом, который вы представили трибуналу, этой схемой, вы желаете присвоить ему номер?

Нельте: Я хочу приобщить её в качестве доказательства. Вы также получите перевод.

Председатель: Если так, какой номер вы ей присваиваете? Вы должны пронумеровать все ваши экземпляры.

Нельте: Пожалуйста, присвойте ей номер Кейтель – 1(а)

Председатель: Кто её подготовил?

Нельте: Мы её подготовили, и технический отдел обвинения воспроизвёл её. Обвинение также имеет эту схему.

Председатель: Вы просили подсудимого подтвердить её правильность?

Нельте: Фельдмаршал, не могли бы вы, пожалуйста, посмотреть на эту схему и подтвердить, правильная ли она?

Кейтель: Да, я признаю схему…

Руденко: Господин председатель, обвинение не получило этой схемы. И поэтому, желало бы, прежде чем дать заключение, ознакомиться с этой схемой.

Председатель: Доктор Нельте, у вас есть дополнительные копии?

Нельте: Их можно получить и раздать прямо сейчас. Тогда я хочу, чтобы трибунал оставил свое решение до тех пор, пока копии не будут представлены в необходимом количестве.

Кейтель: Я признаю таблицу правильной. Она не содержит небольших изменений, которые произошли со времени создания ОКВ до времени указанного мною, изменений внесённых реорганизацией министерств вооружений, и т.д., но она показывает способ работы в последние годы.

Председатель: Продолжайте доктор Нельте.

Нельте: Для того, чтобы закончить эту группу вопросов я хочу сказать следующее: верно то, что согласно этому, все приказы Кейтеля, распоряжения Кейтеля, которые представлены обвинением, были в действительности приказами фюрера, то есть, приказами, которые выражали волю Гитлера, основываясь на его инструкциях и командах?

Кейтель: Да, это правильное определение вывода данных мной показаний. Я хочу снова заявить, чтобы подытожить, что как я заявлял в начале, я признаю и признал ответственность за такие приказы, поскольку они связаны с моим именем и моим положением, я, конечно, знал о содержании этих приказов, которые я исполнял. Я, конечно, признаю свою подпись на документах предъявленных мне и, следовательно, я принимаю документы как подлинные. Я могу добавить, что поскольку я имел военные и иные возражения приказам, я естественно выражал их очень настойчиво и, стремился предотвратить принятие приказов которые я считал спорными. Но я должен заявить со всей правдивостью, что если окончательное решение принималось Гитлером, затем я отдавал такие приказы и передавал их, я могу почти сказать, без их проверки.

Нельте: Господин председатель, прежде чем я перейду к следующей стадии вопросов я хочу заявить следующее:

Обвинение установило соучастие Кейтеля во многих преступлениях, которые описывали здесь из разных фактов, фактов, которые не всегда могут быть связаны друг с другом и не согласуются. Обвинение заявляет, что он являлся властным и важным штабным офицером. Так гласит обвинительное заключение. Затем обвинение заявляет, что он был безвольным орудием и, что отношения между ним и Гитлером были близкими.

Вы поймете, что если подсудимый хочет пояснить или возразить против таких вещей он должен объяснить отношения между ним и Гитлером.

Председатель: Доктор Нельте, именно это и делает подсудимый. Он объясняет свои отношения с Гитлером, и если вы далее хотите это выяснить вы должны задавать ему вопросы.

Нельте: Я только хотел позволить ему рассказать о его личных отношениях с Гитлером. До сих пор мы говорили об официальных отношениях.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы расскажите нам что–нибудь о вашем сотрудничестве с Гитлером? Я прошу вас быть как можно кратким и рассказать нам о наиболее важных фактах, но в то же время дающих нам правильную картину.

Кейтель: Сотрудничество можно охарактеризовать, только как существующее между вышестоящим начальником и его подчиненным. Другими словами, такие же отношения какие я всегда имел за свою военную карьеру со старшими офицерами штабов, в которых я служил. Отношения между Гитлером и мной никогда не отклонялись от строго военных и солдатских отношений. Конечно, моим правом и долгом было выражать свое мнение. Насколько сложным это было, может судить только тот, кто знает, что Гитлер, после нескольких слов, имел обыкновение вести всю дискуссию и исчерпывающе рассматривать вопрос со своей точки зрения. Конечно, затем было очень сложно снова вернуться к вопросу. Я могу сказать, в виду своей службы на разных высших должностях штабных учреждений, я вполне привык работать с вышестоящими командирами, если можно так выразиться. Однако, я так и не привык к условиям с которыми столкнулся здесь. Они меня удивляли, и нередко они приводили меня в состояние неуверенности. Это можно понять, если знать о том, что Гитлер, в солдатских или военных вопросах, мягко выражаясь, был человеком с далеко идущими планами реформ, которым я, как человек с 37 годами службы солдатом старой закалки, сопротивлялся.

Нельте: Это было одинаково во время войны или вы ссылаетесь на время до её начала?

Кейтель: Во время войны разногласия сглаживались событиями, так как на действительность сильно влияла неотложная обстановка. Поэтому, эти вещи не проявлялись в такой форме. С другой стороны, положение тогда заключалось в том, что Гитлер в своих дискуссиях об обстановке собирал сравнительно большой круг из приблизительно двадцати человек собравшихся вокруг него, и говоря на военном языке, безжалостно обвинял - возражениями и критикой – направленными, как правило, на людей, которые не присутствовали. Я принципиально занимал сторону отсутствующего человека, потому что он не мог себя защитить. Результатом было то, что обвинения и критика нацеливались на меня, и моя солдатская подготовка заставляла меня в конце концов себя сдерживать, потому что это невиданно возражать или пытаться перечить вышестоящему начальнику перед лицом присутствующих очень молодых подчиненных, таких как были там. Оппозиция вышестоящему начальнику или личностям, не важно, какого звания, была невыносима фюреру. Можно было только пробовать лично говорить с ним о таких

вещах.
Нельте: Вы чувствовали, что имеете доверие фюрера?
Кейтель: Не могу сказать да. Я должен откровенно признать, что доверие Гитлера ко мне было с оговорками, и сегодня я слишком хорошо знаю, что было много вещей относительно которых, он никогда не говорил мне откровенно и в которых он никогда мне не доверял. Факт заключался в том, что Гитлер был очень подозрителен к старым или старшим генералам. Для него они были продуктами старой и устаревшей школы и в этом смысле он был, для нас старых солдат, человеком, вносящим новые революционные идеи в Вермахт и желавшим внедрить их в подготовку Вермахта. Это часто приводило к серьезным кризисам. Мне кажется, мне не нужно это разбирать. Однако, настоящим злом был недостаток доверия приводивший его к уверенности в том, что я участвую в заговоре генералов за его спиной, и что я поддерживаю их против него. Возможно, это было результатом моей привычки защищать их, потому что они не могли защитить себя. В разных ситуациях это приводило к острым и серьезным кризисам.
Нельте: Многое зависит от того как оценивать ваше взаимодействие с Гитлером, в частности в какой мере вас можно считать его соратником или советником. Расскажите, обсуждал ли Гитлер свои планы с вами в той же манере как принято при тесном сотрудничестве?
Кейтель: В целом я должен отрицать это. Это никоим образом не согласовывалось со своеобразным выражением и личностью Гитлера иметь советников такого типа, то есть, если вы называете советником кого–либо, кто давал советы в смысле представления, скажем так, большого количества военных элементов исходя из длительного опыта офицера, но не в смысле советника помогавшего формулировать решение, такие далеко идущие решения, которые, несомненно, имеются здесь в виду. В принципе, такому решению предшествовали недели и месяцы внимательного рассмотрения. В течение этого времени, нужно было помогать в получении документов, но по главному положению, самому решающему, он не терпел никакого влияния. Поэтому, как бы ни странно это не звучало, окончательным ответом всегда был: «Это моё решение и оно неизменное». Так объявлялось о его решениях.
Нельте: Но если различные ведомства спорили о таких решениях, разве не было общих совещаний?
Кейтель: Нет. Я не могу вспомнить, чтобы какие–то действительно важные решения после 1938 года формулировались в результате совместных совещаний между политиками, солдатами или другими министрами, потому что способ разговора Адольфа Гитлера, как правило заключался в том, чтобы каждое ведомство и каждый руководитель ведомства в частном порядке узнавал от него, чего он хотел, и затем бы искал какой–нибудь элемент, который можно было использовать в его планах. Все происходило не так, как представлено в протоколах совещаний

генералов, встреч и похожих вещей со списком присутствующих. Никогда такая встреча не носила характера обсуждения. Об этом не могло идти и речи. Скорее, фюрер имел некую идею, и по различным причинам он думал, что мы внутренне противостоим его идее, он использовал такой повод, чтобы разъяснить свои мысли перед широким кругом без какой-либо дискуссии. Другими словами, на таких собраниях, которые документы здесь называют совещаниями, не было никакого обсуждения. Я должен добавить, что даже внешняя форма которую принимали такие вещи, следовала военному образцу, старший командир собирал определенное число генералов, все садились, прибывал фюрер, говорил и уходил. Никто в такой ситуации не имел возможности что–нибудь сказать. Используя одно слово для этого, и определенно не преувеличивая, это была отдача приказа, но не совещание.

Нельте: Переходя к другому предмету, обвинение утверждает, что вы являлись членом правительства Рейха. Что вы можете сказать об этом?

Кейтель: Я никогда не принадлежал к правительству Рейха и никогда не являлся членом кабинета. Я должен также заявить, что я никогда не становился министром, но как сказано в распоряжении 1938: «Он имеет ранг рейхсминистра», а не «он рейхсминистр». Выражение «министр», конечно, просто направлено на то, чтобы указать на ранг министра и это было хорошим поводом для этого. Мне нужно только указать на то, что я говорил этим утром: не планировалось, чтобы был кто-то имевший должность с полномочиями министра между Гитлером и Вермахтом, и родами войск Вермахта. Я должен разъяснить вопрос, который часто поднимается обвинением, о том, что «у него был ранг министра» сказав что, до принятия указа, я спросил, должен ли я работать с государственными секретарями или другими министрами, и Гитлер сказал: «Если по моим приказам вы взаимодействуете с другими рейхсминистрами, тогда, конечно, вы можете делать это только в ранге министра, но не на уровне государственного секретаря»

В этом заключается выражение в распоряжении: «Он имеет ранг рейхсминистра».

Нельте: Вы, в ставке проводили какие-нибудь совещания с другими важными и компетентными личностями, такими как Риббентроп, Розенберг, Шпеер, Заукель, и т.д.?

Кейтель: Министры или специальные уполномоченные посещали ставку согласно плана, который очень редко приводил одновременному присутствию нескольких из них. В целом, аккуратно устанавливали время, чтобы они были порознь. Как правило, меня, конечно, информировали о том, что «здесь министр иностранных дел» или «здесь министр Шпеер» или «здесь генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы Заукель». Однако, меня вызывали только касательно военных вопросов, которые фюрер обсуждал с этими господами частным образом и могу привести примеры этого. Однако, как недавно упоминалось во время допроса государственного секретаря Штеенграхта, ошибочно думать, что эти господа

посещавшие ставку составляли небольшое или избранное правительство. Гитлер работал с каждым из них по отдельности, давал им приказы и отпускал их. Иногда случалось так, что эти господа по пути домой посещали меня, по большей части, чтобы спросить меня о небольших вопросах и небольших услугах, которые я мог сделать для них или с указаниями проинформировать меня о решении или приказе подлежащем передаче тем военным ведомствам, которые нужно было уведомить.

Нельте: В заключение, я хочу знать, правильно ли выражение «близкие», которое содержится в обвинительном заключении, для описания ваших отношений с Гитлером, частных или официальных?

Кейтель: Я нашёл слово «близкие» в обвинительном заключении, и я задал себе вопрос: «Откуда исходит эта концепция?» Если совсем откровенным, у меня есть только один ответ на это, что никто никогда не слышал от меня ни единого слова о действительных и постоянных сложностях, которые я имел. Я умышленно молчал о них. Близкие отношения, согласно моему определению «близости» - я не знаю, выражает ли английский перевод «близости» то же, что мы называем «близостью» - отношений в которых есть доверие и откровенная дискуссия не существовало. Я уже охарактеризовал их. Гитлер не рассматривал генералов с точки зрения близости, чье старшее поколение я представлял. Помимо этого очень формального отношения, которое иногда длилось неделями и в котором даже внешние формы строго соблюдались - я не хочу обсуждать здесь подробности – отношения никогда не достигали точки, которую можно классифицировать так, чтобы я был близким советником или близким сотрудником, как я задумывал исходя из моей армейской штабной должности. Я должен сказать, что со своей стороны я был преданным и верным и всегда выполнял свои обязанности таким образом. Однако, я должен также сказать, что искренние и личные отношения основанные на взаимопонимании и доверии никогда не существовали. Они всегда были корректными, но военными и официальными, и никогда больше этого.

Нельте: По распоряжению от 4 февраля 1938 был создан секретный кабинетный совет. Согласно содержанию этого распоряжения, вы предположительно являлись членом кабинетного совета. С целью сэкономить время, я просто хочу спросить вас: вы подтверждаете своими сведениями, заявление рейхсмаршала Геринга о том, что секретный кабинетный совет был введен только для вида, и что секретный кабинетный совет никогда не формировался и не проводил заседаний?

Кейтель: Я могу ответить только: «Да, никогда».

Нельте: Теперь я перехожу к вопросу совета обороны Рейха. На заседании 23 ноября, обвинитель представил в качестве доказательства, как подтверждение перевооружения и активного участия Вермахта в планировании агрессивной войны, помимо прочего:

Документ ЕС–177, который обозначен как «Встреча совета обороны Рейха от 22 мая 1933». Я должен сказать, что я взял перевод протокола, и я не уверен,

правильно ли переведено выражение «Reichsverteidigungsrat[341]». В протоколе сказано, что это встреча рабочего комитета. Для вашего сведения могу я сказать, что совет обороны Рейха предполагался как своего рода министерский орган и, что в дополнение был рабочий комитет.

Второй документ, EC–405, был представлен по поводу встречи этого же органа 7 марта 1934; и третий документ, PS-2261, связан с законом об обороне Рейха 1935 и одновременного назначения доктора Шахта генеральным уполномоченным по военной экономике.

Без сомнения, вы активно занимались вопросами национальной обороны. Эти документы также представлены как доказательства против вас. Поэтому, я прошу вас сказать касались ли эти встречи, в которых вы принимали участие и которые вы проводили, подготовкой к войне и перевооружению.

Кейтель: С самого начала, до тех пор пока мы работали над этими вещами посредством комитета экспертов, всё остальное менялось, я лично участвовал в этих делах, и я могу назвать себя основателем этого комитета министерских экспертов, который был создан для взаимодействия с военным министерством. В качестве начальника организационного отдела армии, зимой 1929–30, то есть за 3 года до прихода Гитлера к власти, я сформировал и лично собрал этот комитет после того как канцлер – мне кажется это был Брюнинг – и министр внутренних дел Рейха и Пруссии Зеверинг[342] согласились с этим. Я хочу добавить, что всегда присутствовал представитель министра Зеверинга, чтобы следить за тем, чтобы не было нарушений Версальского договора. Эта работа была очень сложной, потому что ни один рейхсминистр, ни один глава ведомства официально не был обязан выполнять пожелания национального министерства обороны, это было чисто добровольно. Соответственно, работа шла прерывисто и медленно. В этом комитете экспертов, который возможно встречался два или три раза за год, мы работали над тем, если можно коротко сказать, какое содействие может оказать гражданское управление, для того, чтобы освободить маленькую армию в 100 000 солдат, для чисто военных задач, естественно ограничивая себя обороной наших границ, как говорилось в Версальском договоре: «Оборона границ»; я еще, наверное, смогу повторить нашу дискуссию по памяти, поскольку, за исключением периода с 1933 по 1935, я лично проводил каждое из таких заседаний, то есть как руководитель дискуссии, а не председатель. Однако, я могу, обратиться к мобилизационным наставлениям для гражданских властей, которые являлись итогом этой работы и о которых я расскажу позже. Возможно их здесь представить. Мы рассматривали только вопросы обороны, такие как защита наших границ, и, с для того, чтобы пояснить, я хочу назвать некоторые из них. Вермахт следовало освободить от охраны железнодорожного имущества, почтового имущества, передающих станций,

341 Совет по обороне Рейха (нем.)

342 Карл Зеверинг (1875 —1952) — германский политический деятель, социал-демократ, министр внутренних дел Пруссии.

радиостанций, и пополнить границы вместе с подразделениями безопасности, за которые должна была быть ответственной таможенная служба. Кабельные и морские сообщения с Восточной Пруссией также следовало улучшить.

Я не буду утомлять вас всем этим. Все они были оборонительными мероприятиями с целью освободить немного солдат для чисто военных функций, потому что для целей собственно военных операций мне не нужно вам говорить, что мы были в силах сделать с армией в 100 000 человек. Любые вопросы, которые выходили за такие рамки никогда не рассматривались в этом комитете. Способ, которым мы работали над этим: я просил экспертов представить свои пожелания руководителям ведомств или государственным секретарям и затем пытался убедить руководителей ведомств принять от нас задачи, таким образом мы могли сказать, что это сделают другие и мы могли не волноваться об этом. Я могу гарантировать, что оперативные вопросы, стратегические вопросы, вопросы вооружения, вопросы снабжения военным оборудованием, никогда не обсуждались в данном комитете. Это были только организационные вопросы о передачи функций которые в целом должны были выполнять солдаты, но которые мы хотели передать гражданским властям.

Итак, что касается встречи от 22 мая 1933, которая обсуждалась здесь несколько раз, в заголовке сказано: «Компетенция – до сих пор министерство Рейхсвера, теперь совет обороны Рейха» - я только, что объяснял это. До настоящего времени министр Рейхсвера, теперь комитет, добровольное участие министров из остальных ведомств, теперь обязательное участие министров других ведомств, то есть, группа министров, которая получила название «совет обороны». Я выскажу это даже более четко, чтобы не было недопонимания. Каждый член комитета представлял министерство. Министр, перед которым был ответственным член комитета, вместе со своими коллегами формировал совет обороны Рейха, как это нами тогда предусматривалось. Они были советом, и мы были комитетом. Таким образом «до сих пор министр Рейхсвера» - теперь, можно сказать, как я уже выразился, остальные министры должны были делать это.

В параграфе 3, особо упоминались рабочие планы. Эти рабочие планы, словом, предтечи мобилизационных наставлений, которые явились заключительным этапом. Затем касаясь завершающих слов встречи 22 мая 1933, которым обвинением придаёт особое значение, и которые касались обеспечения секретности – отрывок, где я сказал, согласно протоколу, что ничего из того, что могло привести к возражениям на Конференции по разоружению и не оставалось в столах в министерствах – это правильно. Я сказал это, и сказал потому, что эксперты говорили мне о том, что за исключением маленькой деревянной коробки или ящика в столе, которые нельзя было закрыть, у них не было мест для хранения чего-либо, и потому что фон Бломберг, тогда военный рейхсминистр, который находился в Женеве на Конференции по разоружению почти два года, дал мне четкие приказы

перед этой встречей, отметить эти вещи, потому что в Женеве окружало чрезвычайно большое количество агентов, которые только и ждали возможности представить доказательства того, что несмотря на переговоры по разоружению, происходили вещи, которые можно было интерпретировать как нарушения Версальского договора. Вот, что я должен сказать об этом документе.

Нельте: Я вручаю вам мобилизационные наставления для гражданской администрации. Это документ PS-1639. Он был представлен для того, чтобы подтвердить, что планировались агрессивные войны. Вы объясните предназначение этих наставлений?

Кейтель: Я уже заявил, что на ранней стадии, то есть, в течение 1932-33, отдельные министерства имели так называемые рабочие планы, обозначавшие для них, что они должны делать, если случиться, что-то требующее их участия в обороне страны. С течением лет, естественно, добавлялись новые задачи и это, наконец, привело к этим мобилизационным наставлениям для гражданских властей, работе, которая совершенно не имела бы никакого отношения к стратегической, оперативной или другой подготовке к войне. С другой стороны, я не в состоянии подтвердить, что ничего из содержащегося в этих наставлениях не могло быть использовано в военных операциях, которые могли возникнуть из агрессивной войны. Многие мероприятия, можно сказать почти все, на случай мобилизации не укажут на поверхности, является ли мероприятие обороной или мероприятием которое нужно или обязательно для агрессивной акции. Это нельзя было определить. Но мне кажется, я могу сказать, потому что я, сам, настолько глубоко был погружен в эту работу, возможно больше чем остальные, что не было никакой причины обременять гражданских экспертов, они являлись высокими правительственными советниками, стратегическим или оперативным планированием. Мне не кажется, что нужно подтверждать, что такая работа вне сферы их деятельности. Я просмотрел и изучил здесь мобилизационные наставления. Я не желаю утомлять вас цитированием положений, которые носили чисто оборонительный характер. Я могу назвать их: преграды, подкрепления от пограничной охраны, разрушения, нарушение железных дорог и похожие вещи, всё это есть в наставлениях. Одной из наиболее важных глав, которую если я правильно помню, мы обсуждали на четырех или пяти заседаниях, был вопрос эвакуации, то есть эвакуации на территориях близких к границе, ценных военных материалов и кадров для того, чтобы, на случай войны с соседом, они не попали в руки врага. Проблема эвакуации являлась одной из самых сложных, потому что определение того, что нужно эвакуировать в первую очередь, было одним из самых трудных решений.

Я хочу сказать, кое–что еще дополняющее идеи уже высказанные мной о комитете обороны Рейха. До 1938, не проводилось ни одного заседания или встреч совета обороны Рейха, то есть, министры которые являлись начальниками членов комитета, никогда не собирались, ни разу. Я бы знал об этом, хотя на заседании

кабинета, мне кажется уже в марте 1933, мы приняли резолюцию, вменявшую министрам ответственность за совет обороны Рейха и обязавшую их принять такие задачи, как необходимый вклад в оборону Рейха, и конечно финансировать их. В этом заключалась основная цель, иначе совет обороны Рейха никогда не собирался.

Нельте: Действительно, протоколы, которые представлены за период с 33-го по 38-й это встречи рабочего комитета. Но вам известно, что восемь дней назад были представлены два документа которые выглядит протоколами встреч совета обороны Рейха. Одно заседание или собрание предположительно имело место в ноябре 1938, и второе, в марте 1939. К сожалению, эти документы мне не представили, но я взглянул на них, и вы тоже видели их. Вы можете нам объяснить, как эти протоколы, то есть, эти встречи происходили, и что они значили?

Кейтель: Я просто хочу добавить несколько дополняющих слов к заявлению которое уже сделал рейхсмаршал Геринга. В декабре 1938 был принят закон об обороне Рейха, который подготовили в 1935, закон с полки, то есть, закон который не опубликовали и который требовал изменений, по той причине, что закон об обороне Рейха 35–го был разработан военным рейхсминистром, главнокомандующим фон Бломбергом, который уже не занимал должность. Вместе с рейхсмаршалом Герингом мы обсудили и нашли новую основу для закона, который до этого времени не был опубликован. Этот закон осени 1938 имел ряд дополнительных норм по сравнению со старым, и возможно я смогу пояснить детали позднее. Среди прочих вещей, согласно этому закону, рейхсмаршал Геринг также являлся делегатом фюрера, функция ранее принадлежащая военному рейхсминистру и которую я не мог осуществлять.

Это совещание в ноябре 1938, кратко вспоминая, было созвано рейхсмаршалом Герингом для того, чтобы представить этот закон, который не был опубликован и который не должны были публиковать широкому кругу сотрудников министерств. Было около семидесяти или более человек, которым рейхсмаршал объяснял назначение и сущность этого закона в форме речи. Дискуссии не было, кроме этой речи и разумеется здесь нет речи о встречи совета обороны Рейха.

Вы также недавно показали мне второй документ о встрече совета обороны Рейха как его назвали, и что видно из заголовка протокола лета 1939.

Нельте: Нет, марта 1939.

Кейтель: Об этом здесь говорили, и мне кажется, это была вторая встреча совета обороны Рейха. Я могу объяснить это. Это было так: я созвал встречу комитета и, конечно подготовил для рейхсмаршала Геринга повестку дня и перечень лиц которые должны были присутствовать. Рейхсмаршал Геринг проинформировал меня о том, что он придет лично и, что поскольку он желал обсудить и другие вопросы, он соответственно расширит число участников. Поэтому, это совещание имело повестку, которую я запланировал для комитета и для обсуждения были представлены конкретные вопросы. Однако, заметно, что согласно списку

присутствующих, то есть, согласно количеству, члены совета обороны Рейха были представлены очень малым числом, почти ни кем, хотя там было около сорока или пятидесяти человек. Совет обороны Рейха сам являлся органом из 12 человек, и не нужны никакие дополнительные пояснения, чтобы из формы, в которой проходили эти два совещания, можно было сказать, что это было пленарное заседание совета обороны Рейха основанное на точно определенной повестке, но скорее это были две встречи, мотивы и степень которых я описывал здесь.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Доктор Нельте, трибунал думает, что вы можете быстрее работать с подсудимым. Трибунал вспоминает, что вы сказали несколько дней назад, что вы можете приобщить письменные показания подсудимого в качестве доказательства и вашей документальной книге есть письменные показания. Все проходите, все эти вопросы в письменных показаниях гораздо длиннее, чем прошли бы их, если бы зачитывали письменные показания, и мы надеемся, что вы способны в дальнейшем более кратко работать с доказательствами.

Нельте: Господин председатель, я приложил все усилия, чтобы быть настолько кратким и точным насколько возможно в своих вопросах, но показания, конечно всегда субъективны. Подсудимый, к сожалению один из тех, кто наиболее часто называли на этом процессе и естественно он заинтересован разъяснить те вопросы, которые он считает существенными для ясного представления своего дела.

Председатель: Что же, доктор Нельте, я не думаю, что далее необходимо обсуждать вопрос, но трибунал выразил свое пожелание.

Нельте: Господин председатель, насколько смогу, я буду следовать вашей просьбе.

[*Обращаясь к подсудимому*] Фельдмаршал Кейтель, вы дали нам объяснение о совете обороны Рейха и комитете обороны Рейха. Вы, наверное, осознаете, что мы не касались и не должны были касаться того принимались ли решения советом обороны Рейха или комитетом обороны Рейха. Нас интересует, что происходило на самом деле и оправдывают или нет такие вещи, вменённое обвинением. В связи с этим я прошу рассказать мне о том оправдывают ли те вещи, которые вы обсуждали и планировали о комитете обороны Рейха подозрения обвинения о том, что вы рассматривали агрессивную войну?

Кейтель: Я полностью осознаю, что нас не касается формальность о том был ли это совет или комитет, поскольку совет являлся комиссией министров, в то время как комитет являлся комиссией младших экспертов. Нас касается то, что действительно происходило, и что делалось. За исключением 1934 и до осени 1935, я не присутствовал на этих дискуссиях и поэтому не могу поручиться за каждое слово сказанное тогда, я должен заявить, что ничего о планировании войн, подготовки войн, оперативной, стратегической или вооруженной готовности к войне, даже не

обсуждалось.

Нельте: Обвинение обозначило вас как члена коллегии трех человек, из чего оно предполагает наличие у вас особых полномочий в правительстве Германского Рейха. Я представляю вам документ PS-2194. В этом документе закон об обороне Рейха 1938, параграф 5, раздел 4, вы поймете, что источник этого термина сам по себе неофициальный.

Кейтель: Закон об обороне Рейха 1938 предусматривал генерального уполномоченному по администрации для того, чтобы ограничить размер органа. Рейхсминистр внутренних дел должен был иметь эту должность и далее, согласно параграфу 5, разделу 4, верховное главнокомандование армии должно было иметь приоритетное влияние на государственные железные дороги и государственную почтовую службу, так как в случае мобилизации, должны были идти транспорты и должны были предоставляться услуги для передачи информации, как бывает во всех странах.

Коллегия трёх человек это концепция, о которой я до сих пор не слышал. Наверное, она ссылается на генерального уполномоченного по администрации, генерального уполномоченного по экономике и начальника ОКВ. Она ссылается на этих троих. В этом нет никакого сомнения, потому что, согласно закону об обороне Рейха, уже предусматривалось, что они должны иметь ряд готовых распоряжений в ящиках столов, которые должны были быть опубликованы, когда закон должны были предать огласке, и каждый из этих троих должен был провести необходимые приготовления в своей сфере. Их права, вытекающие из этих функций являются причиной, происхождения концепции коллегии трех человек.

Нельте: Затем обвинение утверждает, что согласно документу PS-2852 вы являлись членом совета министров по обороне Рейха. Вы стали министром из-за членства в совете обороны Рейха?

Кейтель: Возможно, я могу сказать несколько слов, начав с совета министров, постольку поскольку закон об обороне Рейха, комитет обороны Рейха и совет обороны Рейха, исчезли в результате закона о совете министров по обороне Рейха, то есть, они никогда не стали публичными и никогда не действовали. Совет министров по обороне Рейха был заново создан 1 сентября 1939, что привело к тому, что все подготовительные бумаги в совете обороны Рейха, комитете обороны Рейха и закон стали недействительными и были заменены новой вещью, учреждением. Это учреждение, совет министров по обороне Рейха, теперь являлся небольшим военным кабинетом, который, если я могу сказать, раньше должен бы быть советом обороны Рейха с ограниченным количеством членов. Таким образом, была создана новая основа и нужно было ввести в действия новые распоряжения которые ввёл совет министров по обороне Рейха, после его создания и официального формирования.

Меня призвали в этот совет министров или скорее я получил кресло в

совете министров. Я предпочитаю не приводить причины, потому что они совершенно частные. Это являлось компенсацией за оппозицию этим вещам – я никогда не становился активным в этом совете министров по обороне Рейха, но я был членом; не было необходимости быть активным, поскольку в чисто военной сфере, то есть, вещах которые непосредственно касались Вермахта, фюрер лично, без совета министров, принимал необходимые распоряжения за своей подписью и согласования совета министров в Берлине не требовалось, и по моему мнению, я должен отрицать, что таким назначением я стал министром. Полномочия осуществлять функции министра не передавались. Я был только представителем Вермахта в совете министров.

Нельте: Однако, ваше имя бесспорно содержится внизу многих законов и распоряжений, которые принимались. Как вы объясняете эти подписи на законах?

Кейтель: Да, я подписал серию распоряжений принятых советом министров, потому что их мне представил секретариат, то есть, начальник рейхсканцелярии, министр Ламмерс[343], с просьбой моей подписи. Когда я спрашивал о необходимости этого, я получал формальный ответ Ламмерса в том смысле, чтобы остальные ведомства Рейха могли видеть, что Вермахт не исключили из этих распоряжений или законов. Вот почему включалась моя подпись. Это означает, что Вермахт тоже должен соблюдать эти распоряжения и законы. Вот почему я не имел никаких сомнений подписываясь своим именем.

Нельте: Обвинение далее вменяет вам то, что вы являлись политическим генералом. Несомненно, вы осуществляли некоторые специальные функции. Будьте добры ответить на это обвинение и рассказать нам как это происходило?

Кейтель: Я могу с готовностью понять тот факт, что функции министерского характера, которые вынужденно заставляли меня часто вступать в контакт с рейхсминистрами – в ходе войны всё так или иначе связано с Вермахтом – выглядят так, будто я осуществлял в таких вопросах политическую функцию. Такой же вывод можно сделать из других событий. То есть, мое присутствие на государственных визитах и похожие функции обозначенные многими документами позволяют предположить, что я осуществлял политические функции или каким–то образом призывался осуществлять такие функции. Ни то ни другое не правда, ни относительно внутренних немецких министерских функций, ни в отношении вопросов связанных с внешней политикой. Естественно было много очень вещей для урегулирования министерствами, техническими министерствами. Вермахт должен был участвовать и имел голос почти во всех распоряжениях, которые принимались гражданскими министерствами. Эта работа естественно велась в Берлине. Тот факт, что я должен был находится с фюрером в его ставке держал меня

343 Ганс-Генрих Ламмерс (1879 – 1962) - государственный деятель нацистской Германии, начальник рейхсканцелярии в ранге государственного секретаря, министр без портфеля и шеф рейхсканцелярии, постоянный член и заместитель председателя Совета по обороне Рейха , обергруппенфюрер СС. Американским трибуналом был приговорён к 20 годам лишения свободы. Освобожден досрочно.

вдали, и это означало, что мои ведомства, ведомства ОКВ, должны были решать эти вопросы с ведомствами Рейха и их экспертами в целом достаточно независимо. Таким образом, случалось, естественно, что распоряжения такого рода требовали моих комментариев и согласия фюрера, которое получалось через меня и в этой связи, я был лицом которое координировало различные пожелания и взгляды высших командиров родов войск Вермахта и приводил их, так сказать, к общему знаменателю. В результате этой деятельности я естественно втягивался в основной механизм такой работы, но я мне не кажется, что это оправдывает использование термина «политический генерал» в отношении начальника военного штаба фюрера.
Нельте: Что вы можете сказать нам относительно внешней политики и встреч, на которых обсуждалась внешняя политика?
Кейтель: Рассматривая сферу внешней политики, я просто хочу подтвердить уже сказанное бывшим рейхсминистром иностранных дел о сотрудничестве с руководством Вермахта. Если вообще, два ведущих партнера шли своими путями, то по одной стороне внешняя политика и по другой Вермахт, особенно под личным влиянием самого фюрера, который не желал сотрудничества и возражал взаимному обмену идеями. Он прямо держал нас в разных лагерях, и желал работать с каждым по отдельности. Я должен это решительно подтвердить. Как вывод, это относилось ко всем другим ведомствам, которые прибывали в ставку, то есть, все обсуждалось с ним наедине. И они в одиночку покидали ставку.

Были контакты с министерством иностранных дел, как заявил государственный секретарь фон Штеенграхт, относительно вопросов международного права, или к тому же, вопросов влиявших на военнопленных, вопросов связи с гарантирующими державами, и вопросов, которые Штеенграхт имел в виду говоря: «Вся сфера работы с Вермахтом как атташе», поскольку все доклады присылаемые военными атташе в нейтральных и дружественных странах главнокомандующим родами войск Вермахта шли через каналы министерства иностранных дел. Они все поступали туда и получались оттуда. Было совершенно естественно, что во время войны любые особо интересные новости могли вызывать особые контакты на которых нам часто приходилось жаловаться на то, что доклады вовремя не приходят к нам из министерства иностранных дел, и что наше министерство хотело бы, чтобы их направляли нам напрямую. Однако, иначе, я должен подчеркнуть, что не было никакого сотрудничества ни в каких других сферах как и не могу сказать об общей работе с министерством иностранных дел в сфере стратегии.
Нельте: Приблизительно десять дней назад обвинением был представлен документ D–665. Документ озаглавлен «Идеи фюрера о Ваффен–СС » датированный 6 августа 1940. В этом документе есть отрывок от ОКВ который гласит следующее:
«В связи с этим начальник ОКВ решил о том, чтобы идеи фюрера получили большую огласку»

Вам известен этот документ?

Кейтель: Да, я прочитал этот документ, когда его предъявили, и я запомнил его. В объяснение происхождения документа я должен кратко сказать: после войны с Францией Гитлер планировал предоставить подразделениям СС, подразделениям Ваффен–СС, независимый статус, или сформировать из них полностью военные подразделения. До этого времени они являлись частями пехотных войск закрепленными за различными армейскими подразделениями. Теперь эти группы должны были сделать независимыми и полностью снаряженными подразделениями и таким образом стать независимыми подразделениями. Это вызвало крайнее беспокойство в армии, и вызвало острое раздражение среди генералов. Об этом говорили как явной конкуренции с армией и нарушением обещания армии, что «есть только один носитель оружия в Германии, и это Вермахт». Они спрашивали: «К чему это приведет»?

Тогда главнокомандующий армией попросил главного адъютанта Гитлера об информации, об этом будоражащем деле и генерал Шмундт[344] с одобрения Гитлера, написал отрывок, упоминавшийся в документе.

Я лично пошёл к фюреру по поводу этого вопроса, прямо сказать ему, что в армии это считают оскорблением. Он решил разобраться с вопросом через своего главного адъютанта, так как это не имело отношения к высшему командованию Вермахта. Затем это объявление было сделано в армии для того, чтобы успокоить возмущенные умы. Мой личный комментарий заключался в том, что не было никакого возражения против широкой огласки для удовлетворения генерала фон Браухича, который запросил право распространить его в каждом подразделении, для того, чтобы заверить армию, что это вопрос полицейских войск, которые в любых обстоятельствах должны иметь опыт действительной службы, так как иначе их бы не воспринимали дома как войска. Вот так получилось, и если бы меня сегодня спросили о моих взглядах на вопрос, я могу сказать кратко: тогда я тоже думал о том, что такие вещи должны быть ограничены, мне кажется называлась цифра в 10 процентов. С развитием событий в связи с созданием новых подразделений после 1942, эти войска утратили свой первоначальный характер элиты отобранной по физическому и расовому признаку. Безошибочным был тот факт, что оказывалось существенное давление, и я сам очень сильно опасался, что однажды инструмент Ваффен–СС, которые выросли до более чем 20 дивизий, перерастёт в новую армию с другой идеологией. У нас были очень сильные сомнения в этом, особенно так как мы видели перед собой уже не элиту в любом смысле слова, и поскольку мы даже наблюдали офицеров и унтер-офицеров и людей переводимых из этих войск в Вермахт. Это не были отборные добровольцы. Я не думаю, что тут есть что–то еще добавить.

---

344 Рудольф Шмундт (1896 — 1944) — генерал пехоты вермахта, участник Первой и Второй мировых войн. Главный адъютант А. Гитлера. Убит в результате покушения на Гитлера.

Нельте: Обвинение представило мне документ L–211. Он озаглавлен «Военные операции как организационная проблема» и содержит комментарии ОКВ в меморандуме главнокомандующему армией относительно организации руководства Вермахтом. Документ был представлен, чтобы подтвердить, что ОКВ и вы, как начальник высшего командования Вермахта, придерживались взглядов, поощрявших агрессию и выразили их в этой работе.
Я полагаю, что вы помните эту работу. Что вы можете сказать об обвинении, основанном на этой работе?
Кейтель: Эту работу представили мне во время предварительного допроса и таким образом напомнили о его существовании. В связи с этим я также должен дать краткое описание подоплеки. Не будет преувеличением сказать, что в ранние двадцатые, то есть, вскоре после завершения Первой мировой войны, издавали много литературы, мне кажется, во всех странах которые принимали участие в войне, о наиболее эффективной организации и координации на высшем уровне вооруженных сил. Я сам писал об этом предмете и знаю мнения которые разделяли в Соединенных Штатах, Англии и Франции. Тогда каждый был занят вопросом организации и фон Бломберг сказал, что склонялся в пользу восьмого решения – седьмое уже было отброшено.

В связи с этим возникла борьба, возглавляемая высшим командованием армии и генеральным штабом армии, которые постоянно возражали идее объединенного верховного главнокомандования Вермахта, и требовали, чтобы верховные полномочия находились в руках генерального штаба армии, как было раньше.

Когда было создано высшее командование Вермахта и Бломберг ушел, армия подумала, что настал благоприятный момент вернуться с новой силой к атаке. Результатом был меморандум главнокомандующего армией, написанный генералом Беком, и ответ на него это работа названная здесь, так как я участвовал в подготовке ответа я могу назвать двух человек ответственных за него, а именно, генерал–полковника Йодля и себя, которые вдвоем работали над ним. Я могу заявить, что тогда нас не мотивировала никакая острая проблема или какая-то предварительная работа генерального штаба по подготовке войны, но только тот факт, как я могу выразиться, что из всех меморандумов и исследований самого подходящего способа, мы выработали такой какой был самым практичным.
Председатель: Доктор Нельте, разве документ не говорит сам за себя? Он говорит, что принял в нём участие, но это не было связано с войной, вот все, что нужно сказать. Документ говорит сам за себя.
Нельте: Но, безусловно, он может разъяснить некоторые идеи, содержащиеся в документе. Более того, господин председатель, относительно этого вопроса я вправе представить письменные показания в документальной книге номер 2: «Высшее командование Вермахта и генеральный штаб», которые подписаны подсудимым

Кейтелем, также как господином Йодлем. Он представлен вам как документ номер 2 в документальной книге 2.

Председатель: Это письменные показания от 8 марта?

Нельте: Господин председатель, 29 марта.

Председатель: Первая из книг, или где?

Нельте: Нет, вторая часть.

Председатель: Какая страница?

Нельте: Страницы не пронумерованы последовательно, есть содержание и вы найдете номер 2.

Председатель: Вы сейчас цитировали их из L–211? Вы закончили с этим?

Нельте: Письменные показания относятся к L–211.

Председатель: Я думал свидетель сказал, что он сотрудничал в исследовании, которое L–211, и что оно не касалось войны. Вы можете его оставить.

Нельте: Господин председатель, мне кажется, на этом процессе важно услышать, что есть сказать подсудимым об этих документах, которые предположительно их обвиняют. Объяснение документа L-211 которое подсудимый Кейтель пожелал дать, содержится в письменных показаниях, которые я представил в документальной книге номер 2.

Председатель: Если то, что он желает сказать изложено в письменных показаниях, тогда его не следует спрашивать об этом, следует зачитать письменные показания.

Нельте: Разница между длительностью его устного выступления и длительностью письменных показаний можно определить как 1 к 10. Он дал только краткий итог ответа который он хотел дать. Письменные показания длиннее, и поэтому, я думал, что смогу избежать чтения письменных показаний, если бы он дал нам краткий итог основных положений, которых мы касались.

Председатель: У меня и у вас разное понимание слова итог.

Нельте: Могу я продолжать, господин председатель?

Председатель: Да, продолжайте.

Нельте: Теперь я перехожу к вопросу перевооружения, и отдельных случаев Австрии, Чехословакии и т.д. Я хочу спросить вас об обвинении в том, что вы принимали участие в планировании и подготовке агрессивных войн. Чтобы мы могли понять друг друга, и чтобы вы могли дать свои ответы правильно, нам следует разобраться с тем, что означает агрессивная война. Вы расскажите нам о своих взглядах на вопрос?

Кейтель: Как солдат, я должен сказать, что термин «агрессивная война» используемый не имеет смысла, что касается меня, мы учились тому как проводить наступательные действия, оборонительные действия, действия по отступлению. Однако, согласно моим личным чувствам, как военного, концепция «агрессивной войны» чисто политическая концепция, а не военная. Я имею в виду, что если Вермахт и солдаты это инструменты политиков, они не могут по моему мнению

судить или решать о том являются или нет эти военные операции агрессивной войной. Думаю, я могу подытожить свои взгляды, сказав о том, что военные ведомств не должны иметь полномочий решать этот вопрос и не состоянии это делать, и что такие решения это не задача солдата, а исключительно государственного деятеля.

Нельте: Значит, вы имеете в виду, что это относится также и ко всем участвующим командирам и ведомствам, этот вопрос о том агрессивная ли война или нет, нужно ли вести её для защиты страны, другими словами, справедливая ли это война, находился вне сферы ваших профессиональных обсуждений и решений?

Кейтель: Нет, это я хочу выразить, поскольку…

Нельте: То, что вы приводите это пояснения. Но вы являлись не только солдатом, вы также человек имеющий свою жизнь. Когда до вашего сведения в профессиональном качестве доходили сведении которые казалось раскрывали, что планируемая операция была несправедливой, вы это не учитывали?

Кейтель: Мне кажется, я могу правдиво сказать, что за всю свою военную карьеру я был воспитывался, так сказать, в старой традиционной концепции, что никто никогда не обсуждал такие вопросы. Естественно, у каждого есть свое мнение и своя жизнь, но при исполнении профессиональных обязанностей как солдата и офицера, отрекаются от своей жизни. Таким образом, я не мог сказать ни тогда ни позднее, что я сомневался о вопросах чисто политического характера, так как я занимал позицию о том, что солдат имеет право доверять государственному руководству, и соответственно он обязан выполнять свой долг и подчиняться.

Нельте: Теперь перейдем к отдельным вопросам. Вы знали, что первоначальный план Гитлера это перевооружение, и позднее агрессия, как обвинение называет это? Я в основном думаю о периоде с февраля 1933 по 1938.

Кейтель: Мне было ясно, что когда Гитлер станет канцлером, мы солдаты несомненно будем иметь совершенно другое положение в Рейхе при новом руководстве, и что военный фактор будут рассматривать по-другому нежели было раньше. Поэтому, мы совершенно честно и открыто приветствовали тот факт, что главой правительства Рейха был человек, который решился принести новую эру, которая бы вывела нас из плачевной ситуации преобладавшей тогда. Должен признаться, во многом я приветствовал план и намерение насколько возможно перевооружаться, как и идеи в этом направлении. В любом случае, уже в 1933, поздним летом, я ушел из военного министерства. Я провел два года на действительной службе и вернулся только тогда, когда был возвращен военный суверенитет, и мы открыто перевооружались. Поэтому, за время моего отсутствия я не касался этих вопросов. В любом случае, в период с 1935 по 1938, когда я был начальником в подчинении Бломберга, я естественно видел и был очевидцем, всего, что происходило в связи с перевооружением и всего, что делало в этой сфере военное министерство, для того, чтобы помогать родам войск Вермахта.

Нельте: Вы знали о том, что оккупация Рейнланда в демилитаризованной зоне , восстановление военного суверенитета, введение призыва, строительство воздушных сил и увеличение количества контингентов Вермахта нарушали Версальский договор?

Кейтель: Формулировка Версальского договора, до тех пор, пока она считалась обязательной для нас, конечно, не разрешала такие вещи. Версальский договор, могу сказать, очень подробно изучался нами с целью найти лазейки, позволявшие нам, не нарушая договор, принимать меры, которые не делали бы нас виновными в нарушении договора. В этом заключалась ежедневная задача комитета обороны Рейха. С 1935 условия были совершенно другими, и после моего возвращения как начальника в подчинение Бломберга, я должен откровенно сказать, что у меня больше не было никаких сомнений в том нарушается ли Версальский договор или нет, потому что то, что делали, делали открыто. Мы объявили о том, что мы создадим 36 дивизий. Дискуссии проводили совершенно открыто, и я не мог видеть ничего чем мы, солдаты, нарушали договор. Всем нам было ясно, и наша воля заключалась в том, чтобы освободить себя от территориальных и военных оков Версальского договора. Я должен честно сказать, что любой солдат или офицер, у которого не было похожих чувств, был бы в моем понимании бесполезным. Для солдат это было очевидным.

Нельте: Во время этого процесса, был представлен приказ, С–194, который содержит вашу подпись. Он касается воздушной разведки и перемещений подводных лодок во время оккупации Рейнланда. Этот приказ приводит к выводу, что вы участвовали в оккупации Рейнланда. В каком качестве вы подписали этот приказ?

Кейтель: Приказ уже показывает будущую вступительную фразу: «Главнокомандующий Вермахта, министр фон Бломберг, на основании доклада, приказал…». Я передал в такой форме инструкцию главнокомандующему воздушными силами, которую генерал фон Бломберг вручил мне, и я помню, что она касалась проведения контрольных мероприятий в те дни, когда три батальона вступили в демилитаризованную зону.

Нельте: До того как вы были назначены начальником ОКВ, вы знали от самого Гитлера или из других источников о том, что существовали планы которые вопреки мирным заверениям Гитлера можно было реализовать силой, то есть в результате войны?

Кейтель: В этот промежуток времени до первых практических мер, предпринятых в случае с Австрией, я не помню, чтобы имел какие-нибудь сведения о программе, или создании программы или далеко идущего плана, охватывающему годы. Я также должен сказать, что мы были заняты преобразованием маленькой армии из семи дивизий в силу составлявшую в два или три раза больше от первоначального размера, помимо создания крупных воздушных сил, у которых вообще не было

снаряжения, что в эти годы визит в наше ведомство показал бы, что мы были полностью заняты чисто организационными проблемами и в результате того каким образом работал Гитлер, что я уже описывал, совершенно очевидно, что мы не видели ничего такого.

Нельте: У вас были личные связи с Гитлером до 4 февраля 1938?

Кейтель: В годы с 1935 по 1938 как начальник под руководством Бломберга, я видел фюрера три раза. Он ни разу не сказал мне ни одного слова, и он не знал меня. Если он и знал, что–то обо мне, он знал это только от господина фон Бломберга. У меня абсолютно не было никакого контакта с фюрером, ни лично, ни через других людей, которые были видными в партии или политике. Мой первый разговор с ним состоялся в последние дни января перед моим назначением на должность.

Нельте: Вы слышали, что–нибудь о встрече или дискуссии с Гитлером в ноябре 1937? Я ссылаюсь на совещание, на котором Гитлер, как предполагается, огласил свое завещание.

Кейтель: Я уже заявлял под присягой на предварительном допросе, что я не знал об этом, и о том, что я увидел документ или протокол этой встречи впервые на процессе. Мне кажется, это документ Хоссбаха и я не помню, чтобы фон Бломберг давал мне какие–нибудь указания для осуществления подготовительных мероприятий после этого совещания. Такого не было.

Нельте: Вы знали о каких–нибудь намерениях Гитлера относительно территориальных вопросов?

Кейтель: Да. Я должен ответить утвердительно. Я знал о них, и я также знал из общественно-политических дискуссий о том, что он предлагал урегулировать какой–нибудь форме, постепенно, рано или поздно, серию территориальных проблем которые являлись результатом Версальского договора. Это правда.

Нельте: И что вы думали о реализации этих территориальных целей, я имею в виду способ, которым они должны были быть решены?

Кейтель: Тогда я понимал эти вещи и судил о них только согласно на, что мы были способны в военном понимании. Я только могу сказать, когда я оставил войска в 1935, ни одна из 24 дивизий которые должны были создать не существовала. Я вообще не смотрел на это с точки зрения политических целей, но с грустной мыслью: можем ли мы добиться чего-нибудь нападением и ведением войны, если у нас нет в распоряжении никаких военных средств? Соответственно для меня всё в связи с этим вращалось вокруг программ перевооружения, которые должны были быть закончены в 1943 – 1945, и для флота в 1945. Таким образом, у нас было 10 лет которые строился Вермахт. Отсюда, я не считал эти проблемы острыми даже, когда они привлекали мое внимание политическим путем, так как я думал, что невозможно реализовать такие планы ничем кроме переговоров.

Нельте: Как вы объясните общие директивы июня 1937 по подготовке мобилизации?

Кейтель: Этот документ на самом деле инструкция по мобилизации выдержанная в общих терминах и соответствующая нашей традиционной политике генерального штаба до войны и до мировой войны, Первой мировой войны, о том, что в принципе нечто подобное должно быть подготовлено заранее. По моему мнению, это не имело ничего общего с политическими планами Гитлера, так как тогда я уже являлся начальником штаба в подчинении Бломберга и генерал Йодль являлся тогда начальником отдела национальной обороны. Возможно, мне покажется несколько высокомерным сказать, что мы были очень довольны тем, что наконец-то начали каждый год сообщать Вермахту, что он должен делать интеллектуально и теоретически. В подготовке бывшего генерального штаба, которую я получил перед мировой войной, главная цель этих инструкций заключалась в том, чтобы поездки генерального штаба в целях изучения предоставляли возможность теоретической разработки всех проблем. Такой была предыдущая подготовка большого генерального штаба . Я уже не знаю, придумал ли в этой связи сам Бломберг изначально эти яркие идеи возможных осложнений или возможных военных непредвиденных обстоятельств, или, возможно, на него повлиял фюрер.

Точно то, что Гитлер никогда не видел этого. Это была внутренняя работа генерального штаба Вермахта.

Нельте: Но здесь можно найти ссылку на «план Отто », и вам известно, что это касается Австрии.

Кейтель: Конечно, я помню план Отто, который своим именем указывал на Отто фон Габсбурга . Здесь должны были быть, конечно были, определенные доклады о попытках реставрации и в таком случае интервенции, в конечном счёте вооружённой, которая должна была состояться. Фюрер, Адольф Гитлер, желал предотвратить реставрацию монархии в Австрии. Позднее этот вопрос снова возник в связи с аншлюсом. Мне кажется, я могу опустить это сейчас и вероятно объяснить позднее. В любом случае, мы верили в то, что на основании обсуждений с армией велась некого рода подготовка которая приведет к плану Отто, потому что кодовым словом было «План Отто вступает в силу»

Нельте: Вы имеет в виду, что никаких конкретных приказов не отдавали в связи с планом Отто на основе общей директивы?

Кейтель: Вы имеете в виду аншлюс в начале февраля?

Нельте: Прошу прощения?

Кейтель: Я могу заявить только о том, что я испытал, когда Гитлер отправил меня в армию. Я поехал в ведомство генерала Бека и сказал: «Фюрер требует вашего срочного доклада и информации о подготовке, которая проведена для возможного вторжения в Австрию» - и генерал Бек сказал: «Мы ничего не подготовили, ничего не сделано, вообще ничего».

Нельте: Обвинение утверждает, что вы участвовали в планировании акции против Австрии как это произошло в марте 1938. У меня есть директива относительно

плана Отто, С–102.

Вы можете подтвердить, что всё дело было импровизацией?

Кейтель: Я помню о том что такой приказ не был отдан главнокомандующему армией и другим главнокомандующим до тех пор пока осуществлялся весь проект. Ничего не было подготовлено. Все это было импровизацией и должна быть документальная регистрация фактов которые проводились на практике. Устно и индивидуально отдавались команды, относительно того, что нужно было делать утром 12 марта, когда в Австрию состоялось вторжение.

Нельте: Я должен вернуться к событиям предшествовавшим случаю с Австрией. Вы знаете, что в дневнике генерала Йодля сказано: «На Шушнига оказывается сильнейшее политическое и военное давление». Каким образом вы участвовали в совещании в Оберзальцберге с участием Шушнига?

Кейтель: Могу я добавить к своему предыдущему ответу, что мы можем понять из этого, что вторжение состоялось утром 12 марта и приказ отдали поздним вечером 11 марта. Таким образом, этот документ не мог иметь никакого реального влияния на события. Такой приказ нельзя разработать между 10 вечера и 6 утра.

Я могу сказать следующее относительно моего участия в совещании в Оберзальцберге 10 и 11 февраля:

Это было мое первое официальное мероприятие, в котором я принимал участие. Вечером 4 февраля Гитлер покинул Берлин. Он вызвал меня в Оберзальцберг 10 февраля. Там, днем состоялась встреча с австрийским федеральным канцлером Шушнигом, которая уже часто здесь обсуждалась. Вскоре после моего прибытия, я не знал почему меня вызвали – генерал фон Рейхенау прибыл из Мюнхена и генерал воздушных сил Шперле , таким образом, мы, трое генералов присутствовали, когда около 10:30 господин Шушниг прибыл с господином фон Папеном. Поскольку я никогда не присутствовал на совещаниях или политических акциях или встречах такого характера, я не знал, зачем я здесь. Должен откровенно это сказать, иначе вы не поймете. В течение дня причина присутствия трех представителей Вермахта естественно стала мне понятной. В определенных отношениях они представляли военную, по крайней мере, военную демонстрацию – я могу спокойной назвать её такой. На предварительном допросе и позднее меня спрашивали о значимости того факта, что после полудня моё имя внезапно назвали в доме, и я должен был посетить фюрера. Я пошёл в его комнату. Возможно будет странно говорить о том, что когда я вошел в комнату я думал, что он отдаст мне директиву, но слова были такими: «Вообще ничего». Он использовал такие слова: «Пожалуйста, присаживайтесь». Затем он сказал: «Да, федеральный канцлер желает коротко поговорить со своим министром иностранных дел Шмидтом ничего другого нет». Я могу только заверить вас, что не было сказано ни одного слова о политических действиях помимо того факта, что господин Шушниг не уехал до вечера и что состоялось дальнейшее совещание.

Мы, генералы, сидели в приемной и когда вечером, незадолго до моего отъезда, я получил указание направить доклады о том, что мы предпринимаем определенные меры по мобилизации, о которых вас здесь информировали из документа, тогда мне стало совершенно ясно, что этот день служил развитию дискуссии с помощью военных представителей, и указание распространить доклады поддерживало давление, как здесь показали.

По возвращению в квартиру в Берлине, в присутствии Геббельса и Канариса, мы обсудили доклады, которые нужно было отправить и которые Канарис передал в Мюнхен. Наконец, для того, что завершить вопрос, может быть интересно отметить, что начальник разведки австрийского федерального министерства, Лахузен, который присутствовал в суде, сказал Йодлю и мне, когда позднее он поступил на службу в Вермахт: «Нас не обманул этот блеф». И я, несомненно, дал Йодлю повод для его записи в дневнике, хотя даже это в чём-то резко сформулировано, так как естественно я находился под первым впечатлением.

Нельте: В чём заключается ваша позиция в отношении мер против Австрии?

Кейтель: Нет необходимости рассказывать о дальнейшем развитии событий. Оно здесь уже детально представлено. В день вторжения войск я вылетел с Гитлером на фронт. Мы проехали по шоссе через Браунау, Линц. Мы остановились на ночь и направились в Вену. Мягко выражаясь, правда заключается в том, что в каждой деревне нас встречали с энтузиазмом и австрийская федеральная армия маршировала бок о бок с немецкими солдатами по улицам, по которым мы проезжали. Не было ни одного выстрела. С другой стороны единственным подразделением, имевшим определенное военное значение было бронетанковое подразделение на дороге из Пассау в Вену, которое прибыло в Вену только с несколькими машинами. Эта дивизия была на месте для парада на следующий день. Это была самая грустная картина которую я видел.

Нельте: Теперь мы переходим к вопросу Чехословакии. Когда Гитлер впервые обсуждал с вами вопрос Чехословакии и его намерения в этом отношении?

Кейтель: Мне кажется 6-8 недель спустя после вступления в Австрию, то есть, после аншлюса ближе в конце апреля. Аншлюс был приблизительно в середине марта, и тоже состоялся в форме внезапных вызовов, однажды вечером, в рейхсканцелярию, где фюрер объяснял мне дела. Результатом этого была известная директива плана «Зелёный ». История этого плана хорошо известна по документам Шмундта все из которых я опознал на предварительном допросе. Тогда он дал мне первые указания в довольно быстрой манере. У меня не было возможности задать никаких вопросов, так как немедленно хотел покинуть Берлин. Такими были основания для вопросов об условиях в которых могла возникнуть или возникнет военная акция против Чехословакии.

Нельте: У вас сложилось впечатление о том, что Гитлер хотел напасть на Чехословакию?

Кейтель: В любом случае инструкции, которые он дал мне в тот вечер должны были быть о необходимости подготовки военной акции со всей предварительной работой, которая являлась ответственностью генерального штаба. Он выразился очень точно, хотя он объяснял, что вопрос даты полностью открыт и сказал, что в настоящее время у него нет такого намерения. Слова были такими: «…в настоящее время это не мое намерение».

Нельте: В связи с этим проводилась разница между Судетами и остальной Чехословакией?

Кейтель: Мне не кажется, что мы вообще обсуждали это тем вечером во время короткого совещания. Фюрер не обсуждал со мной политические аспекты, он просто поручил мне рассмотрение необходимых военных мер. Он не сказал, будем ли мы довольствоваться Судетами либо будем прорываться через чехословацкую линию укреплений. Тогда такой проблемы не стояло. Но в любом случае, если их нужно было решить ведением войны, тогда нужно было готовиться к войне, если бы возник конфликт с чешской армией, то есть, нужно было подготовиться к реальной войне.

Нельте: Вам известно, что запись совещания Гитлера–генерала Кейтеля от 21 апреля, у которой есть две версии, говорит молниеносной акции в случае инцидента. В первой, после слова «инцидент» написано: «Например, убийство германского посланника» понимаемой демонстрацией враждебности к Германии. Во второй, после слова «инцидент» написано только: «Например, в случае инцидента». Пожалуйста, вы объясните какой смысл можно придавать этой записи, которая не запись в подлинном смысле слова?

Кейтель: Я впервые увидел здесь записи Шмундта. Мы не получали их тогда как документ для работы. Это не запись. Эти записки впоследствии сделаны адъютантом. Я не хочу сомневаться в их верности или точности, так как память не позволяет мне сегодня вспомнить точные слова, которые использовались. Однако этот вопрос, который считается здесь существенным, убийство немецкого посланника в Праге, это ситуация о которой я никогда не слышал, только по той причине, что никто об этом не говорил. Говорилось, о том, что посланника могли убить, соответственно я спросил какого посланника, или что–то похожее. Затем, насколько я вспоминаю, Гитлер сказал, что война 1914 также началась с убийства в Сараево, и что такие инциденты могут случиться. Тогда у меня никоим образом не сложилось впечатление о том, что войну следует создать в результате провокации.

Нельте: Вы расскажете подробнее об этом.

Председатель: Наверное, нам лучше прерваться.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 4 апреля 1946*]

День девяносто девятый

Среда, 4 апреля 1946

Утреннее заседание

Председатель: Продолжайте, доктор Нельте.
Нельте: Вчера мы обсуждали вашу встречу 21 апреля, с Гитлером, и адъютантом Шмундтом. Я снова передаю вам документ PS-388 и прошу ответить вас ответить, когда спрошу вас. Такого совещания в принципе не было?
Кейтель: В некоторой степени это правда, что, меня вызвали и к моему полному удивлению представили идеи касавшиеся подготовки войны против Чехословакии. Это произошло за очень короткое время, перед одним из отбытий Гитлера в Берхтесгаден. Я не помню, чтобы даже сказал слово во время этого краткого инструктажа, но я задал только один вопрос, и затем с этими чрезвычайно неожиданными указаниями я пошёл домой.
Нельте: Что касается вас, что случилось потом?
Кейтель: Мои размышления в течение первого часа после этого заключались в том, что это нельзя было осуществить с точки зрения военной силы, которой мы располагали. Затем я успокоил себя мыслью, что беседа предполагала, что ничего не планируется в измеримый промежуток времени. На следующий день я обсудил вопрос с начальником оперативного штаба, генералом Йодлем. Я никогда не получал никакого протокола обсуждения, ни какой–нибудь записи. Вывод из наших обсуждений заключался в том, чтобы «предоставить события самим себе, потому что было много времени, и потому что любая такая акция не могла обсуждаться по военным причинам». Я также объяснил Йодлю, что вступительными словами были: «В мои намерения не входят военные действия против Чехословакии в измеримый промежуток времени».

Затем, в следующие недели мы начали теоретические обсуждения, однако, без консультаций с родами войск Вермахта, потому что я считал себя не вправе делать это. В следующий период следует отметить, как можно понять из папки Шмундта, что адъютанты, военные адъютанты, постоянно задавали бесчисленные подробные вопросы по поводу силы дивизий, и так далее. На эти вопросы старался отвечать оперативный штаб Вермахта.
Нельте: Мне кажется, мы можем существенно сократить это, господин маршал, однако ваши объяснения важны. Сейчас решающее – не возьмете ли вы документ перед вами и не сравните проект, который вы подготовили окончательно под давлением Оберзальцберга и не скажите мне, что произошло после этого.
Кейтель: Да. Приблизительно четыре недели спустя после того как мне дали эту

работу, я отправил в Оберзальцберг проект директивы о подготовительных мероприятиях. В ответе меня проинформировали о том, что Гитлер сам прибудет в Берлин для разговора с главнокомандующим. Он прибыл в Берлин в конце мая, и я присутствовал на совещании с генерал–полковником фон Браухичем. На этом совещании основной план полностью изменили, а именно, в таком плане, что Гитлер выразил намерение предпринять военную акцию против Чехословакии в самом ближайшем будущем. В качестве причины, почему он передумал, он привёл тот факт, что Чехословакия, мне кажется это было 20 или 21 мая объявила всеобщую мобилизацию, и тогда Гитлер заявил о том, что она может быть направлена только против нас. Германия не вела военную подготовку. В этом заключалась причина полного изменения его намерений, о чём он устно сообщил главнокомандующему армией и сразу же приказал ему начать приготовления. Этим объясняется изменение основных приказов – то есть, директива которую теперь следовало принять имела своей основной мыслью: «Моим безусловным решением является предпринять военную акцию против Чехословакии в ближайшем будущем».

Нельте: Благодаря Мюнхенскому соглашению войны с Чехословакией удалось избежать. Каким было ваше мнение и мнение генералов об этом соглашении?

Кейтель: Мы были чрезвычайно рады тому, что это не привело к военной операции, потому что в течение всего времени подготовки у нас всегда было мнение о том, что наши средства нападения против пограничных укреплений Чехословакии незначительны. С чисто военной точки зрения у нас не хватало средств для атаки, включающей в себя прорыв пограничных укреплений. Соответственно мы были чрезвычайно удовлетворены достигнутому политическому решению.

Нельте: Какой эффект произвело это соглашение на престиж Гитлера среди генералов?

Кейтель: Мне кажется, я могу сказать, что в результате престиж Гитлера среди генералов сильно возрос. Мы осознавали, что с одной стороны военными средствами и военными приготовлениями не пренебрегали, и с другой стороны было найдено такое решение, которого мы не ожидали, и за которое мы были чрезвычайно благодарны.

Нельте: Это не удивительно, что спустя 3 недели после Мюнхенского соглашения так хорошо принятого каждым, включая генералов, Гитлер дал указания по оккупации остальной Чехословакии?

Кейтель: Мне кажется, недавно рейхсмаршал Геринг во время своего допроса рассматривал этот вопрос. Моё впечатление, как я его помню, заключалось в том, что Гитлер сказал мне тогда о том, что он не уверен в том, что Чехословакия переступит утрату судето–немецких территорий с их сильными укреплениями; и более того, его беспокоили близкие отношения, существовашие между Чехословакией и Советским Союзом и мысль о том, что Чехословакия может и

вероятно станет военной и стратегической угрозой. Такими были военные причины, о которых он сказал мне.

Нельте: Гитлеру никто не замечал, что силовое решение проблемы остальной Чехословакии представляет собой большую опасность, а именно тем, что остальные державы, то есть Англия, Франция будут оскорблены?

Кейтель: Я не был информирован о последней беседе в Мюнхене между британским премьер–министром Чемберленом и фюрером. Однако, я относился к этому вопросу постольку поскольку обращение с ним являлось политическим и соответственно у меня не было никаких возражений, если можно выразиться, особенно в связи с тем, что после мюнхенской встречи было приказано о существенном ослаблении военной подготовки. Когда бы ни возникал политический вопрос, фюрер отказывался обсуждать его.

Нельте: В связи с вопросом Чехословакии я хочу упомянуть подполковника Кёхлинга[345], который был охарактеризован обвинением как связной с Генлейном. Был ли Вермахт или ОКВ вовлечены в этот вопрос?

Кейтель: Работа Кёхлинга оставалась мне неизвестной; Кёхлинга назвал я. Гитлер спросил меня нет ли офицера для специальной задачи, и если так то он должен явиться ко мне. После отправки подполковника Кёхлинга из Берлина я ни видел, ни разговаривал с ним снова. Однако я знаю, как я слышал позднее, он являлся у Генлейна, своего рода военным советником.

Нельте: Обвинение указало на то, что вы присутствовали при визите министра-президента Тисо в марте 1939, а также при визите президента Гахи, и из этого сделало вывод, что вы участвовали в политических дискуссиях которые состоялись. Какую роль вы играли в связи с этим?

Кейтель: Это, правда, мне кажется в каждом случае, что по поводу таких государственных визитов и визитов зарубежных государственных деятелей, я присутствовал в рейхсканцелярии или на приёме. Я никогда не принимал участия в самих дискуссиях о политических вопросах. Я присутствовал на приёме и чувствовал, что меня должны представить как высокопоставленного представителя Вермахта. Но в каждом отдельном случае, я могу вспомнить, что меня с благодарностью провожали или я ожидал в приемной на тот случай если буду нужен. Я могу положительно сказать, что я в ту ночь не сказал ни одного слова ни Тисо ни президенту Гахе, как ни участвовал в непосредственных дискуссиях Гитлера с этими людьми. Могу я добавить, что только в ночь визита президента Гаха я должен был присутствовать в рейхсканцелярии потому, что в течении той ночи высшее командование армии нужно было проинструктировать о том, как следует проводить запланированное вступление.

Нельте: В связи с этим я желаю установить только это, поскольку я полагаю, что

345 Фридрих Кёхлинг (1893-1970) – германский военачальник. Генерал пехоты. Уполномоченный ОКВ при судето-немецком фрайкоре в сентябре-октябре 1938.

этот вопрос был разъяснен в показаниях рейхсмаршала Геринга. Вы никогда не говорили президенту Гахе о возможной бомбардировке Праги, в случае если он не согласиться подписать.

Кейтель: Нет.

Нельте: Теперь мы переходим к вопросу Польши. Обвинение также вменяет вам участие в планировании и подготовке военной акции против Польши и содействие в осуществлении этой акции. Вы можете кратко обозначить ваше основное отношение к восточным проблемам?

Кейтель: Мне был известен вопрос, касавшийся проблемы Данцига и коридора. Я также знал о том, что намечались политические дискуссии и переговоры относительно этих вопросов. План нападения на Польшу, который с течением времени должен быть готов и готовился, конечно был тесно связан с этими проблемами.

Поскольку лично я не касался политических вопросов, у меня лично было такое мнения, что как и в случае с Мюнхеном и до Мюнхена, военные приготовления, то есть военное давление если можно его так назвать, сыграет такую же роль, какую, по моему мнению, оно сыграло в Мюнхене. Мне не верилось, что дело можно было довести до конца без военных приготовлений.

Нельте: Это вопрос не мог быть разрешен путём предыдущих прямых переговоров?

Кейтель: Мне трудно об этом говорить, хотя я знаю, что прошли несколько дискуссий касавшихся как решения вопроса Данцига, так и коридора. Я вспоминаю замечание, которое тогда впечатлило меня, когда Гитлер однажды сказал, что он сожалеет о смерти маршала Пилсудского, потому что он верил, что он бы достиг или мог достичь соглашения с этим государственным деятелем. Так он однажды заявил мне.

Нельте: Обвинение заявляет, что уже осенью 1938 Гитлер работал над вопросом войны против Польши. Вы принимали в этом участие в 1938?

Кейтель: Нет. Я этого не помню. Я склонен думать, что согласно моим воспоминаниям в то время, даже были признаки того, что такой вопрос не стоит. Тогда я сопровождал фюрера в обширном туре по инспекции восточных укреплений. Мы проехали весь фронт от Померании через болота Одер–Варте вплоть до Бреслау для того, чтобы проинспектировать различные пограничные укрепления против Польши. Вопрос укреплений в Восточной Пруссии также тогда обсуждался. Когда я рассматриваю это в связи с сегодняшним днем, я могу только полагать, что для него такие обсуждения, вероятно, были связаны с проблемой Данцига и коридора и он просто хотел понять являлись ли восточные укрепления достаточно крепкими, если вопрос Данцига и коридора приведет к войне с Польшей.

Нельте: Когда осуществлялась подготовка к оккупации Данцига?

Кейтель: Мне кажется, что уже поздней осенью 1938 были приняты приказы об оккупации Данцига в подходящий момент coup de main из Восточной Пруссии. Это

все, что мне известно.

Нельте: Обсуждалась ли война с Польшей в связи с этим?

Кейтель: Да, это видимо было связано с изучением возможностей обороны границы, но я не вспоминаю ни о каких, как и не было никаких приготовлений, никаких военных приготовлений, кроме неожиданного нападения из Восточной Пруссии.

Нельте: Если я правильно помню, вы однажды сказали мне, когда мы обсуждали вопрос, что Данциг должен был быть оккупирован только если бы это не привело к войне с Польшей.

Кейтель: Да, это так. Тогда это заявление делали снова и снова, что эту оккупацию, или неожиданное нападение на Данциг следует провести, только если бы она не привела к войне.

Нельте: Когда этот взгляд изменился?

Кейтель: Мне кажется, отказ Польши обсуждать любого рода решение данцигского вопроса видимо являлось причиной для дальнейших обсуждений и шагов.

Нельте: Обвинение располагает директивой от 3 апреля 1939…

Кейтель: Я могу, наверное, добавить, что в целом после Мюнхена на ситуацию относительно восточной проблемы также смотрели по-другому, вероятно, или как мне кажется, с такой точки зрения: проблема Чехословакии была удовлетворительно решена без единого выстрела. Такое же вероятно было бы возможно и в отношении немецких проблем на востоке. Кажется, я помню, Гитлер говорил о том, что он не думал, что западные державы, в частности Англия, заинтересованы в немецкой восточной проблеме и будут скорее посредниками, чем заявят какие-то возражения.

Нельте: Это документ С–120, план «Белый[346]». Согласно нему, была принята директива от 3 апреля 1939.

Кейтель: Давайте сначала рассмотрим документ. В его первом предложении уже заявлено, о том, что этот документ должен был заменить обычные ежегодные инструкции Вермахта относительно возможной мобилизационной подготовки, дальнейшая разработка предметов известна нам из инструкций которые принимались на 1937–38, и которые принимались каждый год. Но фактически, тогда или незадолго до этого, Гитлер, в моем присутствии, прямо проинструктировал главнокомандующего армии провести стратегическую и оперативную подготовку для нападения, для войны с Польшей. Затем и принял эти первые соображения, как можно видеть из документа, то есть, фюрер уже распорядился о следующем: все должно быть проработано ОКХ армии к 1 сентября 1939, и что после этого времени должен быть составлен график. Этот документ я тогда подписал.

Нельте: Каким было ваше отношение и остальных генералов к этой войне?

Кейтель: Я должен сказать, что тогда, как и в случае с подготовкой против

346 Белый план, Вайс-план, План «Вайс» (нем. Fall Weiß) — немецкий стратегический план военных действий против Польши. Разрабатывался в апреле — июне 1939 года, был реализован с началом вторжения в Польшу 1 сентября 1939 года.

Чехословакии, и главнокомандующий армией и генералы с которыми я разговаривал, и также я сам, возражали идее ведения войны против Польши. Мы не хотели этой войны, но, конечно, мы немедленно начали исполнять отданные приказы, по крайней мере, что касалось разработок генерального штаба. Наша причина тогда заключалась в том, что по нашим сведениям о военных средствах которыми мы обладали, то есть, дивизиях, их снаряжении, их вооружении, не говоря уже о совершенно неадекватном их снабжении боеприпасами, напоминало нам как солдатам, что мы не готовы начинать войну.

Нельте: Вы имеете в виду, что соображения чисто военного характера определяли ваше отношение?

Кейтель: Да. Я должен признать это. Меня не касались политические проблемы, но только вопрос: сможем ли мы или нет?

Нельте: Я хочу установить только это. Итак, 23 мая 1939 было совещание на котором Гитлер обратился к генералам. Вам известно это выступление? В чём заключалась причина этого обращения и его содержание?

Кейтель: Я впервые увидел здесь протокол во время моих допросов. Он напомнил мне тогдашнюю обстановку. Цель выступлении заключалась в том, чтобы показать генералам, что их сомнения были необоснованными, устранить их сомнения, и наконец, указать на то, что условия еще не созрели и что политические переговоры об этих вопросах еще могут изменить ситуацию.

Нельте: У вас тогда было мнение, что война действительно начнется?

Кейтель: Нет, тогда – и это возможно достаточно наивно – я верил в то, что война не начнется, что в виду приказанных военных приготовлений, переговоры возобновятся, и будет найдено решение. В наших военных соображениях всегда преобладала строго военная точка зрения. Мы, генералы, верили, что Франция – в меньшей степени Англия - ввиду своего пакта о взаимопомощи с Польшей вмешается и, что у нас вообще нет никаких оборонительных средств для этого. По этой самой причине я лично всегда был убеждён в том, что войны не будет, потому что мы не сможем вести войну против Польши, если Франция нападет на нас на Западе.

Нельте: Итак, в чём заключалось ваше мнение о ситуации после речи 22 августа 1939?

Кейтель: Эту речь произнесли в конце августа и адресовали генералам, собравшимся в Оберзальцберге, главнокомандующим войск подготовленных для востока. Когда Гитлер, ближе к концу речи, объявил о том, что заключен пакт с Советским Союзом, я был твердо убежден в том, что войны не будет, потому что я верил, что такие условия создают основу для переговоров, и что Польша не пойдет на это. Я также верил, что теперь нашлась основа для переговоров, хотя Гитлер сказал в своей речи, копию которой я впервые прочитал здесь, что всё готово, и что он намерен пустить их в дело.

Нельте: Вам известно о том, что Англия действительно пыталась действовать как посредник?

Кейтель: Нет, я ничего не знал об этих вопросах. Первой вещью, которая была очень удивительной для меня, было то, что в один из тех дней, которые периодически обсуждаются здесь, а именно 24–е или 25–е, всего несколько дней спустя после совещания в Оберзальцберге, меня внезапно вызвали к Гитлеру в рейхсканцелярию, и он сказал мне лишь: «Остановите все, свяжитесь немедленно с Браухичем. Мне нужно время для переговоров». Мне кажется, что после этих слов меня проводили.

Нельте: Что происходило потом?

Кейтель: Я сразу позвонил главнокомандующему армией и передал приказ, и Браухича вызвали к фюреру. Все было остановлено и все решения о возможной военной акции были приостановлены, сначала без каких-либо временных ограничений, на следующий день на определённый ограниченный период, мне кажется это было 5 дней согласно вычислениям, которые можно сделать сегодня.

Нельте: Вы знали о так называемых минимальных требованиях к Польше?

Кейтель: Мне кажется, что я видел их в рейхсканцелярии, что Гитлер сам показал их мне, для того, чтобы я знал о них.

Нельте: Так как вы их видели, я хочу спросить, считали ли вы эти требования серьезными?

Кейтель: Тогда я бывал всегда по несколько минут в рейхсканцелярии, и как солдат я естественно верил, что они были совершенно честными.

Нельте: Были ли тогда, разговоры о пограничных инцидентах?

Кейтель: Нет. Вопрос пограничных инцидентов также обширно обсуждался на моих предварительных допросах. В той ситуации и на нескольких дискуссиях в рейхсканцелярии мы не обсуждали этот вопрос.

Нельте: Я передаю вам документ PS-795, записи которые касаются польской формы для Гейдриха.

Кейтель: Могу я добавить…

Нельте: Пожалуйста.

Кейтель: …а именно, что 30 августа, мне кажется, день нападения, которое состоялось 1 сентября, снова перенесли на 24 часа. По этой причине Браухича и меня снова вызвали в рейхсканцелярию, и по моим воспоминаниям указали причину о том, что ожидается польский уполномоченный. Всё перенесли на 24 часа. Затем изменений военных инструкций не происходило.

Этот документ касается польской формы для пограничных инцидентов или некого рода незаконных действий. Мне его показывали, я знаю его; это последующая запись беседы со мной адмирала Канариса. Он сказал, что он должен был достать польскую форму. Об этом сообщил ему фюрер через адъютанта. Я спросил: «С какой целью?». Мы оба согласились в том, что намечается какая-то

незаконная акция. Если я правильно помню, тогда я сказал ему о том, что я не верил в такие вещи, и чтобы он держался от них подальше. Затем у нас была короткая дискуссия о Диршау, который также должен был быть взят coup de main Вермахта. Вот все, что я слышал об этом. Мне кажется, я сказал Канарису, что он может уклониться от дела сказав, что у него нет польской формы. Он просто мог сказать, что у него её нет и вопрос был бы решён.

Нельте: Вам конечно известно, что этот вопрос был связан с последующим нападением на радиостанцию в Гляйвице[347]. Вы знаете, что–нибудь об этом инциденте?

Кейтель: Этот инцидент, эта акция стала известна мне здесь впервые из показаний свидетелей. Я никогда узнавал, кто был ответственным за такие вещи и я ничего не знал о рейде на радиостанцию Гляйвица до тех пор, пока я не услышал об этом из показаний перед трибуналом. Я ничего не слышал тогда, о том, что произошел такой инцидент.

Нельте: Вы знали об усилиях Америки и Италии после 1 сентября 1939 каким–либо образом закончить войну?

Кейтель: Я ничего не знал о политических дискуссиях, которые состоялись в эти дни с 24–го по 30–е, 31 августа или в начале сентября 1939. Я ничего не знал о визитах господина Далеруса. Я ничего не знал о вмешательстве Лондона. Я помню только о том, во время недолго пребывания в рейхсканцелярии, я встретил Гитлера, который сказал мне: «Не беспокойте меня, я пишу письмо Даладье». Это должно было быть в первые дни сентября. Ни я, ни другие генералы никогда не знали, о делах о которых я услышал здесь или шагах которые всё ещё предпринимались после 1 сентября. Вообще ничего.

Нельте: Что вы говорили Канарису и Лахузену в поезде фюрера 14 сентября, то есть, незадолго до наступления на Варшаву, относительно так называемой «уборки дома»

Кейтель: Меня здесь об этом допрашивали, но я вообще не помню этот визит. Но из показаний Лахузена кажется, как я помню, он говорил, что я повторил сказанное Гитлером и передал эти приказы, как он выразился. Я знаю о том, что главнокомандующий армией, который тогда руководил военными операциями в Польше на ежедневных совещаниях уже жаловался из-за вмешательства полиции на оккупированных польских территориях. Я могу лишь сказать, что я видимо повторил, сказанное об этих вещах в моем присутствии между Гитлером и Браухичем. Я не могу заявить о подробностях.

Я могу добавить, что по моим воспоминаниям главнокомандующий армией тогда несколько раз жаловался, что до тех пор пока он имел исполнительную

347 Гляйвицкий инцидент, или Гляйвицкая провокация, также операция «Консервы» — инсценирование нападения Польши на немецкую радиостанцию в городе Гляйвиц (ныне Гливице), проведённое СС в рамках широкомасштабной «операции Гиммлер», и послужившее одним из поводов к нападению Германии на Польшу 1 сентября 1939 года, ставшему началом Второй мировой войны.

власть на оккупированных территориях он ни при каких обстоятельствах не потерпит других ведомств в этом районе и, чтобы по его просьбе его освободили от ответственности за Польшу в октябре. Поэтому мне кажется, что эти заявления свидетеля сделанные по памяти или в силу записей не совсем правильные.

Нельте: Теперь мы переходим к вопросу Норвегии. Вам известно, что в октябре 1939 Германии заявила о нейтралитете Дании и Норвегии?

Кейтель: Да, я знал об этом.

Нельте: Вас и ОКВ брали для участия в консультациях о декларациях нейтралитета в этом или других случаях?

Кейтель: Нет.

Нельте: Вас о них проинформировали?

Кейтель: Нет, нас не информировали. Это были дискуссии касавшиеся внешнеполитических вопросов, о которых нас, солдат не информировали.

Нельте: Вы имеете в виду не информировали официально. Но вы как человек знали об этом из газет?

Кейтель: Да.

Нельте: Хорошо. Перед нашим обсуждением проблемы агрессивной войны я задал вам вопрос, который, с целью экономии времени, я не хочу повторять. Однако, мне кажется, что вопрос поставленный вам о вашем мнении по поводу агрессивной войны следует задать снова, потому что нападение на нейтральную страну, страну которой дали гарантию должно было вызвать особые сомнения со стороны людей которые должны были иметь отношение к этим вещам, началу войны.

Поэтому, я снова задаю вам вопрос и прошу вас описать ваше солдатское отношение к этому.

Кейтель: В связи с этим, я должен сказать, что мы уже воевали. Существовало состояние войны с Англией и Францией. Для меня было бы неправильным говорить, что, я, по крайней мере, вмешивался в эти вопросы, но я относился к ним скорее как к политическим вопросам и как солдат, разделял мнение о том, что подготовка военных акций против Норвегии и Дании не означала их начало и, что эти приготовления, очевидно, займут месяцы если такую акция вообще бы провели, между тем обстановка могла измениться. Такой ход мыслей, заставлял меня не предпринимать каких-то шагов в отношении невозможности рассмотрения и стратегической подготовки этой интервенции в Норвегию и Данию, поэтому, я оставил эти вещи, должен сказать, тем, кого касались политические вопросы. По другому я не могу сказать.

Нельте: Когда началась подготовка к этой акции?

Кейтель: Я думаю, первые обсуждения состоялись уже в октябре 1939; с другой стороны, первые директивы были приняты только в январе, то есть, несколько месяцев спустя. В связи с обсуждениями на этом трибунале и информацией предоставленной рейхсмаршалом Герингом в его заявлениях, я тоже помню, что

однажды мне приказали вызвать гросс–адмирала Рёдера к фюреру. Он хотел обсудить с ним вопросы относительно войны на море в Гельголанде и в Атлантическом океане и опасности с которыми мы могли столкнуться при ведении войны в этом районе.

Затем Гитлер приказал мне составить специальный штаб, который должен был изучить все эти проблемы с точки зрения морской, воздушной и сухопутной войны. Я вспомнил об этом просмотрев здесь документы. Этот специальный штаб обходился без моего личного содействия. Гитлер тогда сказал, что он сам подготовит задачи для этого штаба. Такими были, мне кажется, военные соображения в месяцы с 1939 по начало 1940.

Нельте: В связи с этим далее я хочу знать были ли у вас разговоры с Квислингом на этапе подготовительных мероприятий.

Кейтель: Нет, я не видел Квислинга ни до, ни после кампании в Норвегии, я увидел его впервые приблизительно год или два тому назад. У нас не было ни контактов, ни даже обмена информацией. Я уже заявлял на предварительных допросах, что по приказу Гитлера я отправил офицера, мне кажется это был полковник Пикенброк[348], в Копенгаген для совещаний с норвежцами. Я не знал Квислинга.

Нельте: Что касается войны на Западе, есть еще один вопрос нарушения нейтралитета в случае с Люксембурга, Бельгии и Голландии. Вы знали о том, что этим трем странам были даны гарантии неприкосновенности нейтралитета?

Кейтель: Да, я знал и мне говорили об этом тогда.

Нельте: Я не хочу спрашивать вас о тех же вопросах как по поводу Норвегии и Дании, но в связи с этим, однако, я хочу спросить: вы считали честными эти гарантии Гитлера?

Кейтель: Когда я вспоминаю обстановку, какой она тогда была, тогда мне казалось, когда я узнал об этих вещах, о том, что не было никакого намерения втягивать в войну любое другой государство. В любом случае, у меня не было причины, ни оправдания, считать противоположное, а именно, что это планировалось как обман.

Нельте: После завершения польской кампании вы еще верили в возможность, что есть возможность завершить или локализовать войну?

Кейтель: Да, я верил в это. Мои взгляды укрепила речь в Рейхстаге после польской войны, в которой были сделаны намеки убедившие меня в том, что политические дискуссии по этому вопросу ведутся, прежде всего, с Англией, и потому что Гитлер снова и снова говорил мне, когда бы ни затрагивали эти вопросы: «Запад на самом деле не заинтересован в этих восточных проблемах Германии». Эту фразу он всегда использовал, чтобы успокоить народ, а именно, что западные державы не заинтересованы в этих проблемах.

Кроме того, глядя с чисто военной точки зрения, следует добавить, что мы

348 Ганс Пикенброк (1893 − 1959) — немецкий разведчик, генерал-лейтенант Вермахта, с 1936 по 1943 годы — начальник отдела военной разведки Абвера (A-I), одновременно, заместитель начальника Абвера. Осуждён в СССР в 1952 к 25 годам заключения. В 1955 передан ФРГ.

солдаты, конечно всегда ожидали нападения западных держав, то есть, Франции во время польской кампании, и были очень удивлены, что на Западе, кроме каких-то перестрелок на линии Мажино[349] и Западном вале, на самом деле ничего не случилось, хотя мы имели – это я точно знаю – вдоль всего Западного фронта от голландской границы до Базеля только пять дивизий, помимо небольших сил обслуживающих укрепления Западного вала. Таким образом, с чисто военно–оперативной точки зрения, французское нападение во время польской кампании столкнулось бы только с немецким военным прикрытием, а не настоящей обороной. Поскольку ничего такого не случилось, мы солдаты думали, что конечно у западных держав нет серьезных намерений, потому что они не воспользовались преимуществом чрезвычайно благоприятной обстановки для военных операций и ничего не предприняли, по крайней мере, ничего серьезного против нас за время 3-4 недель, когда все боевые германские подразделения были заняты на востоке. Это также укрепило наши взгляды на то, каким будет отношение западных держав в будущем.

Нельте: Какие планы были у Гитлера на Западе?

Кейтель: В течение последней фазы польской кампании, он уже перевёл все лишние войска на Запад, учитывая тот факт, что в любое время там могло, что–нибудь случиться. Однако, в течение последних дней польской кампании, он уже сказал мне, что он намерен как можно быстрее перебросить войска с востока на запад и если возможно наступать на Западе зимой 1939–1940.

Нельте: Эти планы включали нападение проход через Люксембург, Бельгию и Голландию?

Кейтель: Сначала нет, но, во-первых, если можно выразиться с военной точки зрения, развертывание на Западе должно было быть оборонительной мерой, то есть, укрепляя границы, конечно предпочтительнее было проводить там, где не было ничего кроме пограничных постов. Соответственно, уже в конце сентября и начале октября, состоялась транспортировка армии с востока на запад, в качестве меры безопасности, однако, не имея какой-то определённой точки притяжения.

Нельте: Что знало военное руководство об отношении Бельгии и Голландии?

Кейтель: Это естественно менялось несколько раз в течение зимы. Тогда, осенью 1939 – я могу говорить только за себя, и могли быть и иные мнения по данному вопросу - я был убежден в том, что Бельгия хотела при любых обстоятельствах оставаться вне войны, и сделает всё, чтобы сохранить свой нейтралитет. С другой стороны, мы получали, через близкие связи между бельгийским и итальянским королевскими дворами, ряд докладов звучавших очень угрожающе. У меня не было никакого способа выяснить, правдивы ли они, но мы узнали из них, и они указывали на то, что на Бельгию оказывали сильное давление для отказа от нейтралитета.

349 Линия Мажино — система французских укреплений, на границе с Германией от Бельфора до Лонгийона. Была построена в 1929—1934 годах (затем совершенствовалась вплоть до 1940 года). Длина около 400 км. Названа по имени военного министра Андре Мажино.

Что касается Голландии, тогда мы знали только о том, что у её генерального штаба были отношения с Англией.

Но затем в течение месяцев с октября 1939 по май 1940 ситуация существенно изменилась и напряжение усилилось. С чисто военной точки зрения, мы знали одну вещь: что все французские быстроходные подразделения, то есть моторизованные подразделения, были сконцентрированы на бельгийско–французской границе, и с военной точки зрения, мы интерпретировали эту меру как означавшую, по крайней мере, что идёт подготовка для прохода быстроходными подразделениями через Бельгию в любое время и продвижения к границам области Рура.

Мне кажется, я должен опустить подробности, потому что они не важны для дальнейшего развития, они чисто оперативного и стратегического характера.

Нельте: Имелись ли разногласия во мнениях Гитлера и генералов относительно нападения на Западе, которое нужно провести через нейтральную территорию.

Кейтель: Мне кажется, я должен сказать, что тогда это был один из самых серьезных кризисов за всю войну, а именно, мнения разделявшиеся рядом генералов, включая главнокомандующего армией Браухича, и его начальника генерального штаба, и я также лично относился к этой группе, которая хотела любой ценой попытаться предотвратить нападение на Западе, которое Гитлер намеревался осуществить той зимой. Этому были различные причины: сложность переброски восточной армии на Запад, затем точка зрения - и я это я должен заявить – тот факт, что тогда мы верили, наверное больше с политической точки зрения, что, что если мы не нападем, будет существовать и можно реализовать возможность мирного решения. Таким образом, мы считали возможным за период с этого времени до весны, что произойдёт много политических изменений. Во–вторых, как солдаты, мы решительно были против ведения зимней войны, в виду коротких дней и длинных ночей, которые всегда большая помеха для всех военных операций. На возражение Гитлера о том, что французские быстроходные войска могут пройти через Бельгию в любое время и оказаться перед областью Рура, мы отвечали, что мы превосходили их в такой обстановке маневрённой войны, мы в этом были равны; таким был наш взгляд. Я могу добавить, что такая обстановка привела к очень серьезному кризису между Гитлером и главнокомандующим армией и также мной, потому что я думал в том направлении, которое Гитлер решительно отвергал, потому как он заявлял, что это было стратегически ошибочно. В наших разговорах он обвинял меня в самой резкой манере в сговоре против него вместе с генералами армии и усиления их оппозиции его взглядам. Я должен заявить здесь, что тогда я попросил его немедленно отправить меня в отставку с моей должности и дать другой пост, потому что я чувствовал, что в таких обстоятельствах доверие между мной и Гитлером совершенно разрушено, и я был сильно оскорблен. Я могу добавить, что отношения с главнокомандующим армией также сильно

пострадали от этого. Но идея моей отставки или перемещения куда–либо была резко отвергнута; я не был вправе так делать. Здесь это уже обсуждалось; мне не требуется вдаваться в подробности. Но эта утрата доверия не была восполнена, даже в будущем. В случае с Норвегией, уже был похожий конфликт, потому что я покинул дом. В дневнике генерала Йодля об этом упоминается как о «серьезном кризисе». Я не буду вдаваться в детали.

Нельте: В связи, с чем Гитлер 23 ноября 1939 произнес речь перед главнокомандующими в рейхсканцелярии?

Кейтель: Я могу сказать, что это было очень близко связано с кризисом между Гитлером и генералами. Он тогда созвал встречу генералов, чтобы представить и обосновать свои взгляды, и мы знали о его намерении изменить отношение со стороны генералов. В записях об этой встрече, мы видим, что отдельные лица более чем раз прямо и резко упрекались. Повторялись причины которые приводили те кто выступал против атаки на Западе. Более того, теперь он хотел сделать безусловное заявление о своей воле осуществить наступление на Западе этой же зимой, потому что это, на его взгляд было единственным стратегическим решением, так как каждая отсрочка была преимуществом для противника. Другими словами, тогда, он уже не рассчитывал ни на какое другое решение, кроме как решение силой оружия.

Нельте: Когда, затем было принято решение идти через Бельгию и Голландию?

Кейтель: Подготовка к такому выступлению и нападению через Бельгию и Голландию уже велась, но Гитлер придержал решение о том осуществлять ли такое крупное наступление или нарушение нейтралитета этих стран, и оставил это открытым до весны 1940, очевидно по всякого рода политическим причинам и наверное также с мыслью о том, что проблема будет автоматически решена, если противник вторгнется в Бельгию или если маневренные французские войска выступят, или что–то вроде этого. Я могу только заявить, что решение об осуществлении этого плана было придерживалось до самого последнего момента и приказ был отдан практически перед самым началом. Мне кажется, что существовал еще один фактор для этого, который я уже назвал, а именно, отношения между королевскими дворами Италии и Бельгии. Гитлер всегда окружал свои решения секретностью так как он, вероятно, опасался, что они могут стать известны благодаря таким отношениям.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Доктор Нельте, трибунал будет благодарен, если при упоминании Чехословакии или любого другого государства вы будете ссылаться на правильное название, вы и подсудимые, и остальные свидетели.

Нельте: Господин председатель, подсудимый Кейтель желает внести небольшую поправку в заявление, сделанное ранее при моём вопросе относительно оккупации

на Западе во время польской кампании.

Председатель: Очень хорошо.

Кейтель: Я ранее сказал, что на Западе во время войны против Польши, находилось пять дивизий. Я должен уточнить это заявление. Я перепутал с 1938 годом. В 1939 там было приблизительно 20 дивизий, включая резервы в Рейнланде и западном округе позади укреплений. Поэтому, сделанное мной заявление было сделано нечаянно и было ошибкой.

Нельте: Теперь мы переходим к балканским войнам. Обвинение, говоря о войне против Греции и Югославии, обвиняет вас в соучастии в подготовке, планировании, и прежде всего ведении этих войн. В чём заключается ваше отношение к этому?

Кейтель: Мы были втянуты в войну против Греции и против Югославии весной 1941 к нашему полному удивлению не имея никаких планов. Позвольте начать с Греции: я сопровождал фюрера во время его путешествия через Францию для встречи с маршалом Петэном и с Франко на испанской границе, и во время этого путешествия мы получили первые новости относительно намерения Италии напасть на Грецию. Решили немедленно ехать во Флоренцию, по прибытии во Флоренцию, мы получили сообщение Муссолини, которое уже упоминалось рейхсмаршалом Герингом, а именно, что нападение на Грецию уже началось.

Я могу лишь сказать по своим сведениям, что Гитлер был чрезвычайно зол из-за такого развития событий и втягиванием Балкан в войну и только тот факт, что Италия являлась союзником, удержал его от разрыва с Муссолини. Я никогда не знал о ни о каких намерениях начать войну против Греции.

Нельте: Была ли у Германии необходимость вступить в эту войну и как она возникла?

Кейтель: Сначала необходимости не существовало, но в течение первых месяцев, октябрь–ноябрь, этой итальянской кампании, уже стало ясно, что положение итальянцев в этой войне стало чрезвычайно неустойчивым. Поэтому, уже в ноябре или декабре, со стороны Муссолини были призывы о помощи, призывы помочь ему в той или иной форме.

Более того, смотря с военной точки зрения, было конечно ясно, что для всего военного положения, поражение Италии на Балканах привело бы к существенным и очень серьезным последствиям. Поэтому, импровизированными средствами, было оказано содействие. Думаю должны были направить горную дивизию, но это было технически невозможно из–за отсутствия транспортных возможностей. Затем ещё одно решение было испытано посредством воздушного транспорта и подобным образом.

Нельте: Однако, в то время импровизации закончились, мы переходим, к плану представленному обвинением под названием «Марита[350]». Когда это было?

350 Греческая операция, также известная как операция «Марита» (6 апреля—30 апреля 1941) — общее название военных действий во время вторжения нацистской Германии в Грецию в апреле 1941 года.

Кейтель: Война в Греции и Албании стала принимать определенное равновесие в силу зимних условий. В течение этого времени, были составлялись планы с целью избежать катастрофы для Италии, направив против Греции определенные войска с севера для отвлекающей атаки, как я должен её назвать. Это заняло бы, и конечно потребовало нескольких месяцев.

Могу я только пояснить, что тогда идея прохода через Югославию, или даже предположение о том что войска нужно направить через Югославию чётко отвергались Гитлером, хотя в частности армия предлагала такую возможность как наиболее подходящий путь для переброски войск.

Относительно «операции Марита» наверное нельзя сказать больше чем сказав, что проход через Болгарию, обсуждался и дипломатически готовился в Болгарии.

Нельте: Я хочу задать вам еще один вопрос по данному предмету. Обвинение заявляет, что даже до свержения югославского правительства, то есть, до конца марта 1941, с Венгрией вели переговоры с целью нападения на Югославию. Вы или ОКВ были проинформированы об этом или с вами консультировались?

Кейтель: Нет. Я вообще не вспоминаю никаких военных дискуссий со стороны ОКВ с Венгрией относительно возможности военной акции в случае с Югославией. Мне это совершенно неизвестно. Напротив, все, что случилось позднее – нужно будет сказать несколько слов о Югославии – было совершенной импровизацией. Ничего не готовили, в любом случае не с ведома ОКВ.

Нельте: Но вам известно, не так ли, о том, что военные дискуссии с Венгрией тогда состоялись? Я полагаю, что вы просто хотите сказать, что они не касались Югославии?

Кейтель: Конечно, мне было известно о нескольких дискуссиях с венгерским генеральным штабом.

Нельте: Вы сказали, что хотели сказать, что–то еще о случае с Югославией. Рейхсмаршал Геринг сделал заявления по этому вопросу. Вы можете добавить, что–то новое? Иначе, у меня больше нет вопросов по этому предмету.

Кейтель: Я просто хочу еще раз подтвердить, что решение выступить против Югославии военными средствами означало полное расстройство всех военных передвижений и приготовлений проведённых к этому времени. «Мариту» нужно было полностью переделывать. Также пришлось перебрасывать новые силы через Венгрию с севера. Все это было сплошной импровизацией.

Нельте: Теперь мы перейдем к плану «Барбаросса». В частности советское обвинение, утверждает, что верховное главнокомандование вооруженных сил и вы как начальник штаба, уже летом 1940 занимались планом нападения на Советский Союз. Когда Гитлер впервые говорил с вами о возможности конфликта, вооруженного конфликта с Советским Союзом?

Кейтель: Насколько я вспоминаю, это было в начале августа 1940, по случаю

дискуссии об обстановке в Берхтесгадене, или даже в его доме в Бергхофе. Это был первый раз, чтобы обсуждалась возможность вооруженного конфликта с Советским Союзом.

Нельте: В чём заключались причины, которые приводил тогда Гитлер, как способные привести к войне?

Кейтель: Думаю, я могу сослаться на сказанное рейхсмаршалом Герингом по этому поводу.

По нашим сведениям, значительные войска были сконцентрированы в Бессарабии и Буковине. Министр иностранных дел, также называл цифры, которые я уже не помню, и существовала тревога, которую периодически озвучивал Гитлером о том, что такое развитие может привести к тому на румынском театре военных действий, что поставит под угрозу наш источник нефти, снабжение топливом для ведения войны, которое по большей части шло из Румынии. Помимо этого, я думаю, он говорил о сильных или показательных концентрациях войск в балтийских провинциях.

Нельте: Тогда вам дали какие-нибудь указания или тем родам войск Вермахта которых это касалось?

Кейтель: Нет. Насколько я могу вспомнить, сначала это ограничивалось усилением активности разведывательной или шпионской службы против России и во–вторых, определенными исследованиями относительно возможности переброски войск с Запада, из Франции, как можно быстрее в юго–восточные районы или Восточную Пруссию. Определенный возврат транспортов из восточных военных округов состоялся уже в конце июля. Помимо этого никаких других указаний не было.

Нельте: Как была оккупирована демаркационная линия?

Кейтель: Были постоянные доклады с границы или демаркационной линии о пограничных инцидентах, перестрелках, и особенно частых пересечениях этой линии самолетами Советского Союза, которые вели к последующему обмену нотами. Но в любом случае были постоянные небольшие пограничные бои и перестрелки, в частности на юге, и мы получали информацию от наших пограничных войск о том, что постоянно или временами против них появлялись новый русские военные части. Я думаю это все.

Нельте: Вам известно, сколько дивизий германского Вермахта дислоцировалось там тогда?

Кейтель: В течение западной кампании там было – я не думаю, что ошибусь в этот раз – семь дивизий, семь дивизий от Восточной Пруссии до Карпат, две из которых, в течении западной кампании были отправлены на Запад, но позднее вернулись обратно.

Нельте: Обвинение полагает, что в конце июля 1940, генерал–полковник Йодль дал нескольким офицерам оперативного штаба Вермахта в Рейхенхалле общие инструкции по изучении русской проблемы и в частности изучению проблем

железнодорожного транспорта. Поскольку вы сказали немного раньше, что до августа не слышали от Гитлера, какой была ситуация, я спрашиваю вас, были ли вы информированы об этих совещаниях генерал–полковника Йодля.

Кейтель: Нет. Я не слышал, пока не оказался здесь, о том, что такое совещание состоялось в Берхтесгадене в конце июля или начале августа. Это было из-за того факта, что я тогда отсутствовал в Берхтесгадене. Я не знал об этом совещании, и думаю, генерал Йодль, возможно, забыл рассказать мне об этом тогда. Я не знал об этом.

Нельте: В чём тогда заключался ваш личный взгляд относительно проблемы, которая возникла из совещания с Гитлером?

Кейтель: Когда я стал сознавать тот факт, что вопросу придается действительно серьезное значение я был очень удивлен, и я считал это самым неудачным. Я серьезно рассматривал, что может оказать влияние на Гитлера используя военные соображения. Тогда, как кратко обсуждал здесь министр иностранных дел, я написал личный меморандум, содержащий мои мысли по этому поводу, я хочу сказать, независимо от экспертной работы генерального штаба и оперативного штаба Вермахта и хотел представить этот меморандум Гитлеру. Я решил о таком методе, потому что, как правило, никто не мог дойти в дискуссии с Гитлером дальше второй фразы. Он забирал слово у выступавшего и после никто не мог сказать того, что хотел. И в связи с этим я хочу сказать прямо сейчас, что у меня возникла идея - в первый и последний раз - лично посетить министра иностранных дел, для того, чтобы попросить его поддержать меня с политического угла. Это визит в Фушль, который уже здесь обсуждали и о котором министр иностранных дел фон Риббентроп подтвердил во время своего недавнего допроса.

Нельте: Значит, вы подтверждаете сказанное господином фон Риббентропом, таким образом, мне не нужно это повторять?

Кейтель: Я подтверждаю, что поехал в Фушль. Со мной был меморандум. Он был написан от руки, поскольку я не хотел, чтобы кто–то еще держал его. Я покинул Фушль с осознанием того факта, что он хотел попытаться оказать влияние на Гитлера с такой же целью. Он обещал мне это.

Нельте: Вы передали этот меморандум Гитлеру?

Кейтель: Да. Спустя некоторое время в Бергхофе, после доклада об обстановке. Я вручил ему этот меморандум, когда мы были наедине. Я думаю, он сказал мне тогда, что он изучит его. Он взял его, и не дал мне возможности дать какие–нибудь объяснения.

Нельте: Учитывая его важность, вы позднее нашли возможность снова сослаться на него?

Кейтель: Да. Сначала вообще ничего не случилось, поэтому спустя некоторое время я напомнил ему об этом и попросил его обсудить со мной проблему. Он так и сделал, и рассмотрел вопрос очень кратко, сказав, что военные и стратегические

соображения, представленные мной были неубедительными. Он, Гитлер, считал эти идеи ошибочными, и отверг их. В связи с этим я могу, наверное, очень кратко сказать, что я был снова очень огорчен и возник еще один кризис, когда я попросил отставки, и чтобы другого человека назначили на мою должность, и чтобы меня отправили на фронт. Это еще раз привело к острой перепалке как уже описывал рейхсмаршал, когда он сказал о том, что Гитлер занимал позицию, что он не потерпит, чтобы генерал с чьими взглядами он не соглашался просил его об отставке со своих постов из-за такого несогласия. Я думаю, он сказал, что должен был иметь право отвергать такие предложения и идеи, если считал их ошибочными. У меня не было права предпринять какие–нибудь действия.

Нельте: Он вернул вам меморандум?

Кейтель: Нет, я не думаю, что получил его обратно. Я всегда полагал, что его нашли в захваченных документах Шмундта, что по-видимому не так. Я не получал его обратно, он сохранил его.

Нельте: Я не желаю занимать время трибунала в связи с этим. Я оставлю на вас то желаете ли вы раскрыть содержание меморандума. Меня не столько интересует военная презентация – можно представить, в чём она заключалась – но вопрос такой: вы ссылались в этом меморандуме на пакт о ненападении 1939?

Кейтель: Да, но я должен сказать, что основная часть моего меморандума была посвящена военным исследованиям, военным исследованиям относительно количества сил, требований эффективности и распылению сил во Франции и Норвегии, и Люфтваффе в Италии, и нашей связанности на Западе. В этом меморандуме я совершенно точно указывал на тот факт, что существовал пакт о ненападении. Но остальное являлось военными соображениями.

Нельте: Тогда отдали какие-то военные приказы?

Кейтель: Нет. Тогда ни отдали никаких приказов, за исключением, я думаю, улучшения линий связи с Запада на Восток позволявших ускорить войсковые транспорты, в частности в юго–восточный сектор, другими словами, к северу от Карпат и в секторе Восточной Пруссии. Помимо этого не было никаких приказов.

Нельте: Дискуссия с министром иностранных дел Молотовым тогда уже состоялась?

Кейтель: Нет. Напротив, тогда, в октябре всё еще намечалась идея дискуссии с русскими. Гитлер также говорил мне тогда, и он всегда подчёркивал в этой связи, что до тех пор пока такая дискуссия не состоялась, он не будет отдавать никаких приказов, поскольку генерал Йодль подтвердил ему, что в любом случае технически невозможно перебросить мощные войсковые подразделения в угрожаемые сектора Востока, которые я назвал. Соответственно, ничего не было сделано. Готовился визит или скорее дискуссия с русской делегацией, в связи, с чем я хочу сказать, что я тогда сделал предложение, чтобы Гитлер лично поговорил с господином Сталиным. Это единственная вещь которую я сделал по этому поводу.

Нельте: Во время совещания обсуждались военные вопросы?

Кейтель: Я не принимал никакого участия в дискуссиях с господином Молотовым, хотя данном случае, я также присутствовал на приёме и на определённых общественных встречах. Я помню, что по двум поводам я сидел за столом рядом с Молотовым. Я не слышал каких–либо политических дискуссий, и не вел политических дискуссий с соседом по столу.

Нельте: Что сказал Гитлер после завершения дискуссий?

Кейтель: После отбытия Молотова он на самом деле сказал очень мало. Он более или менее сказал, что он разочарован дискуссией. Я думаю он кратко назвал, что общим образом обсуждались проблемы относительно районов Балтийского моря и Черного моря и, что он не смог занять положительное или желаемое отношение. Он сказал, что не будет вдаваться в детали. Я спросил его о военных вещах, которые имели тогда существенное значение – сильные силы, например, в секторе Бессарабии. Я думаю, Гитлер уклонился от ответа и сказал, что это очевидно связано со всеми вопросами и что он не вникал в это подробно, или нечто похожее, я не помню точно. В любом случае, в этом для нас не было ничего нового и ничего окончательного.

Нельте: После совещания были отданы какие-нибудь военные приказы?

Кейтель: Я не думаю, что тогда же, но Гитлер сказал нам, что он желал подождать реакции на эти дискуссии по восточному району после возвращения делегации в Россию. Определенные приказы также отдали послу, в таком отношении, однако не сразу после визита Молотова.

Нельте: Могу я попросить указать дату, когда были отданы первые четкие указания?

Кейтель: Я могу лишь восстановить это ретроспективно, в силу инструкции Барбаросса, которую показывали мне здесь и которая вышла в декабре. Мне кажется, это должно было быть в течении первой половины декабря, когда были отданы приказы, хорошо известный приказ Барбаросса. Для точности, эти приказы отдали в начале декабря, а именно, приказы по разработке стратегического плана.

Нельте: Вам известно о совещании, которое состоялось в Цоссене в декабре и которое упоминалось здесь обвинением? Вероятно, я могу напомнить вам, что присутствовал финский генерал Хейнрикс[351].

Кейтель: Нет, я ничего не знаю о совещании в Цоссене, и я думаю, генерал Бушенхаген[352] также присутствовал там, согласно его заявлениям. Я ничего не знал о присутствии финского генерала Хейнрикса в Цоссене и услышал об этом здесь впервые. Единственное как я могу объяснить это, это то, что генеральный штаб армии хотел получить информацию или другие вещи и с этой целью они обсуждали

351 Эрик Хейнрикс (1890 — 1965) — финский военный деятель; с 1918 года майор, с 1919 года подполковник, с 1928 года полковник, с 1933 года генерал-майор, с 19 февраля 1940 года генерал-лейтенант, с 3 марта 1941 года генерал пехоты.

352 Эрих Бушенхаген (1895 — 1994) — немецкий офицер, участник Первой и Второй мировых войн, генерал пехоты.

это с заинтересованными лицами. Я не видел генерала Хейнрикса до мая 1941. Тогда у меня было совещание с ним и генералом Йодлем в Зальцбурге. До этого я никогда его не видел и никогда не говорил с ним.

Нельте: Есть какое-то значение у того факта, что директива номер 21 говорит о том, что Гитлер прикажет о действительном развертывании войск за 8 недель до того как начнет действовать оперативный план?

Кейтель: Да, этому придавалось существенное значение. Меня допрашивала об этом советская делегация. Причина заключалась в том, что согласно расчетам армии, получение этих войск, которые перевозились по железной дороге на позиции, заняло бы 8 недель; то есть, если бы войска с территории Рейха размещались бы на позициях начальной оперативной линии. Гитлер подчеркивал, когда проводились постоянные пересмотры плана, что он хотел иметь полный контроль над таким развертыванием. Другими словами, перемещения войск без его одобрения не производились. В этом заключался смысл инструкции.

Нельте: Когда стало ясно, что Гитлер решил о нападении на Советский Союз?

Кейтель: Насколько я могу вспомнить, это было начало марта. Идея заключалась в том, чтобы атаку можно осуществить приблизительно в середине мая. Поэтому, решение относительно перевозки войск по железной дороге нужно было принять в середине марта. По этой причине, в течение первой половины марта была созвана встреча с генералами, то есть, инструктаж генералов в ставке Гитлера и его пояснения которые им представили, имели чёткой целью сказать генералам, что решил проводить развёртывание хотя приказ пока не отдали. Он выдвинул целую серию идей и принял определенные инструкции о вещах, которые содержались в этих директивах для отдельных частей плана Барбаросса. Это документ PS-447, и эти директивы в конечном счете тоже подписал я. Он затем дал нам директивы о руководящих принципах и идеях, для того, поэтому генералы уже были проинформированы о содержании, что в свою очередь привело к её подтверждению в письменном виде в такой форме, так как в ней не было ничего нового для тех кто принимал участие в дискуссиях.

Нельте: Однако, мне кажется, что то, что Гитлер сказал генералам в своем послании было чем–то новым, и мне также кажется, что вы, кого касались эти вопросы, то есть, тот кто должен был их разработать, понимали или должны были понимать, что теперь должен был возникнуть совершенно ненормальный метод войны, по крайней мере глядя с вашей традиционной точки зрения солдата.

Кейтель: Верно. Выражались взгляды относительно управления и экономической эксплуатации территорий которые должны были покорить и оккупировать. Это была совершенно новая мысль ввести рейхскомиссаров и гражданские администрации. Было чёткое решение поручить делегату четырехлетнего плана[353]

353 Четырёхлетний план – совокупность экономико–административных мероприятий, предусмотренных для повышения экономической силы, автаркии и перевода нацистской Германии на военные рельсы.

верховное руководство в экономической сфере, и что являлось для меня наиболее важным положением, и что сильнее всего воздействовало на меня, было фактом, что кроме права военного командира осуществлять исполнительную власть оккупационных сил, туда должна была следовать полиция, которой как это было ясно высказано рейхсфюрером СС Гиммлером должны были быть предоставлены даны обширная полномочная власть касавшаяся всех полицейских акций на этих территориях, о которых стало известно позже. Я твердо возражал этому, поскольку для меня казалось невозможным, чтобы две власти находились друг рядом с другом. В директивах сказано: «Этим не затрагиваются полномочия главнокомандующего армией».

Это было полной иллюзией и самообманом. Случилось прямо противоположное. До тех пор пока это было совместимо с моими функциями, я боролся против этого. Думаю должен сказать, что у меня нет свидетелей кроме генерала Йодля, который разделял со мной этот опыт. Однако, в конечно счёте, Гитлер, более или менее, лично разработал эти директивы, придал им такой смысл который хотел. Вот как появились эти директивы.

То, что я не имел никакой власти приказать о вещах которые содержатся в этих директивах ясно из того факта, что они говорят о том, что рейхсмаршал получает эту задачу… рейхсфюрер СС получает свою задачу, и т.д. У меня не было вообще никаких полномочий отдавать им приказы.

Нельте: Никогда не обсуждалось, что если хотели начать нападение на Советский Союз, следовало бы заранее предпринять дипломатические шаги или же объявление войны, или ультиматум?

Кейтель: О, да, я обсуждал это. Уже зимой 1940–41, когда бы ни шли дискуссии относительно силы русских войск на демаркационной линии, то есть, в декабре–январе, я просил Гитлера послать ноту Советскому Союзу с целью прояснить ситуацию, если я могу так выразиться. Я могу добавить, что в первый раз он вообще ничего не сказал, и во второй раз он отказался, утверждая, что это бесполезно, поскольку он получит ответ, что это внутреннее дело и что это не наше дело, или что–то вроде этого. Во всяком случае он отказался. Я попытался снова, на более поздней стадии, то есть, я озвучил просьбу, чтобы был представлен ультиматум перед началом действий, для того, чтобы в какой-то форме сформировать основу для превентивной войны, как мы её назвали, для атаки.

Нельте: Вы говорите «превентивная война». Когда было принято окончательное решение, каким было военное положение?

Кейтель: Мне лучше напомнить о том как мы, или даже армия судили о положении, изучив меморандум. Мне кажется это документ PS-872, доклад начальника генерального штаба армии Гитлеру о состоянии оперативной и стратегической подготовки. И в этом документе я нашел информацию имевшуюся у нас тогда о силе Красной армии или иной существовавшей информации известной нам, которая

полностью рассматривалась в этом документе.

Помимо этого, я также должен сказать, что разведывательная служба ОКВ, адмирал Канарис, предоставил в мое распоряжение или в распоряжение армии очень мало материалов, потому что русская территория была плотно закрыта от германской разведки. Другими словами, существовали пробелы в определенных точках. Были известны только вещи, содержавшиеся в документе PS-872.

Нельте: Не хотите ли вы кратко сказать, что в нём содержалось, что обосновывало ваше решение?

Кейтель: Да, там было – Гальдер докладывал, что было 150 дивизий Советского Союза развернутых вдоль демаркационной линии. Имелись воздушные снимки множества аэродромов. Короче, у Советской России был градус готовности, который мог в любое время привести к военной акции. Только настоящая схватка позволила прояснить насколько далеко в подготовке зашёл противник. Я должен сказать, что мы полностью осознали все эти вещи только во время самой атаки.

Нельте: Вы присутствовали во время последней речи Гитлера к командующим на Востоке, произнесенной в рейхсканцелярии 14 июня 1941 , не так ли? Я прошу вас, не проходя старое, кратко сказать, о чем Гитлер говорил по этому поводу, и как это повлияло на генералов?

Председатель: Разве нет документа в связи с этим? Все это должно быть в документе. Не так ли?

Нельте: Я хотел задать один вопрос по этому поводу и затем представить документ; или, если трибунал так желает, я вообще не буду зачитывать документ, но просто процитирую краткие выводы, содержащиеся в конце документа. Трибунал с этим согласен?

Председатель: Но вы собирались спросить подсудимого о том, что было в документе.

Нельте: Документ содержит, если я могу кратко отметить, следующее: развитие событий, и всё нараставшее влияние организаций чуждых Вермахту по ходу войны. Это подтверждение того, что Вермахт, во время войны, которую следует называть дегенеративной войной, пытался насколько возможно, придерживаться рамок международного права и, что когда…

Председатель: Я лишь хочу знать, в чём заключается ваш вопрос, вот и все.

Нельте: Мой вопрос фельдмаршалу Кейтелю должен был рассказать мне о речи 14 июня 1941, и о том, что Гитлер приказал генералам делать, и какой это произвело на них эффект. Этим я намерен завершить с подготовкой русской кампании.

Председатель: Он может рассказать о том какой эффект оказала речь на него, но я не понимаю как он может рассказать о том, какой эффект она произвела на остальных генералов.

Нельте: Он, конечно, может лишь предполагать это, но он может сказать, была ли реакция такой же или другой. Кто-то может говорить, а кто-то может занять

противоположную позицию. Я просто хотел знать, случалось ли такое или нет.

Председатель: Наверное, вам лучше спросить его о том, что случилось в тот день на совещании; если вы хотите знать, что случилось на совещании, почему бы вам не спросить об этом?

Нельте: Пожалуйста, расскажите нам об этом.

Кейтель: После коротких докладов относительно оперативных приказов отдельным командующим, последовало отступление, которое я должен описать как чисто политическую речь. Главная тема заключалась в том, что это была решающая битва между двумя идеологиями, и что такой факт приводил к невозможности, что руководство этой войной, практики которые мы знали как солдаты и которые мы считали единственно правильными согласно международного права, нужно было измерять по совершенно другим стандартам. Войну нельзя было вести такими средствами. Это был совершенно новый тип войны, основанный на совершенно других аргументах и принципах.

При таких объяснениях, затем были отданы различные приказы покончить с правовой системой на территориях которые не были умиротворены, бороться с сопротивлением жестокими средствами, рассматривать каждое местное сопротивление как выражение глубокой бездны между двумя идеологиями. Такими были решительно совершенно новые очень впечатляющие идеи, но также мысли, которые нас глубоко взволновали.

Нельте: Вы, или остальные генералы заявляли возражения или противостояли этим объяснениям, директивам и приказам?

Кейтель: Нет, я лично не делал увещеваний, помимо тех, которые я уже выдвигал и возражений которые уже заявил. Однако, я никогда не знал чтобы генералы, если вообще кто-то из генералов, обращались к фюреру. В любом случае, они так не делали после дискуссии.

Нельте: Господин председатель, я думаю, что теперь подошло время решить примите ли вы письменные показания подсудимого Кейтеля содержащиеся в моей документальной книге номер 2, под номерами 3 и 5, как экземпляры. Возможно, обвинение выразит свое мнение об этом.

До сих пор мы просто обсуждали историю до самой русской войны. Постольку поскольку рассматриваются подсудимый Кейтель и ОКВ, я хочу сократить допрос представлением двух письменных показаний. Письменные показания номер 3 раскрывают условия наличия полномочий по изданию приказов на Востоке. Масштаб территории и множество организаций приводили к чрезвычайно сложной процедуре отдачи приказов. Чтобы позволить вам убедиться являлся ли подсудимый Кейтель, или ОКВ, или иное ведомство ответственными, подробно представлены условия наличия полномочий по отдаче приказов на Востоке. Мне кажется, это сэкономит много времени, если вы примите этот документ в качестве доказательства.

Максвелл–Файф: Милорд, господин Додд и я не имеем возражений процедуре предложенной защитой и мы уверены, что это поможет трибуналу иметь у себя напечатанные отчёты.

Председатель: Доктор Нельте намерен зачитать или только подытожить эти письменные показания?

Нельте: Я намерен просто представить их вам после того как спрошу подсудимого написано и подписано ли им содержание письменных показаний.

Председатель: И обвинение, конечно, имеет эти письменные показания?

Максвелл–Файф: Да.

Нельте: То же самое относится, если я правильно понимаю сэра Дэвида, к письменным показаниям номер 5.

Максвелл–Файф: Да.

Председатель: Доктор Нельте, я думаю, было бы удобнее, если бы вы присвоили этим письменным показаниям порядковые номера своих экземпляров и представили нам даты для того, чтобы можно было их идентифицировать. Вы можете дать нам даты письменных показаний?

Нельте: Мне разрешат решить вопрос у секретаря за время перерыва?

Председатель: Да. Первые датированы 8 марта, не так ли? Другие 18–м, не так ли? Доктор Нельте, вы можете сделать это во время перерыва и присвоить им номера. Вы можете присвоить им номера во время перерыва.

Уже почти час, и мы собирались прерваться. Вы можете присвоить им номера. На этом ваш допрос завершится?

Нельте: Теперь мы переходим к отдельным случаям, которые я надеюсь, однако, завершатся вечером. Господин председатель, прошу прощения, но я должен обсудить вопросы военнопленных и несколько отдельных вопросов. Я думаю, мне всё же потребуется этот вечер. Мне кажется, что если я имею в виду интересы подсудимого Кейтеля, я себя достаточно ограничил.

Председатель: Вы желаете задать ему вопросы сейчас или нет?

Нельте: Я думаю – я не знаю, как председатель об этом думает – было бы удобнее если бы сейчас был перерыв, чтобы за это время я смог упорядочить письменные показания. Я еще не завершил обсуждение этого вопроса.

Председатель: Мы прервемся.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Нельте: Господин председатель, из двух документов названных этим утром, первому документу, номер 3 из документальной книги номер 2, под названием

«Командные взаимоотношения на Востоке», будет присвоен номер 10 в документах Кейтеля.

Председатель: Он датирован 14 марта 1946?

Нельте: Да, 14 марта 1946.

Председатель: Документ что у меня есть, озаглавлен 23 февраля 1946, и в конце, 14 марта 1946. Это он?

Нельте: Документ сначала был написан и позднее засвидетельствован. Отсюда, разница в двух датах.

Председатель: Я прост хотел установить какой это, вот и всё.

Нельте: Это документ от 14 марта 1946.

Председатель: Очень хорошо.

Нельте: Письменные показания датированы 14 марта.

Председатель: И какой номер вы им присвоили?

Нельте: Я присвоил им номер Кейтель–10. Второй документ, который пятый в документальной книге, датирован в заголовке 18 марта и имеет удостоверение подсудимого в конце от 29 марта 1946. Этот документ получил номер Кейтель–12. Разрешите мне зачитать выводы из нескольких пунктов на страницах 11 и 12 немецкой копии. Это, как мне кажется, имеет очень важное значение для данного процесса.

Председатель: Из какого документа?

Нельте: Документ номер 12.

Председатель: Да.

Нельте: Вопрос в этом документе…

Председатель: Минуточку. Я не думаю, что переводчики уже нашли документ, не так ли? Он идёт сразу за удостоверением от Кэтрин Бедфорд, и я думаю, он приблизительно в середине книги, и, хотя страницы последовательно не пронумерованы, кажется, это цифра 51.

Нельте: Я начну там где сказано: «Подводя итог…» Это последние три страницы документа:

> «Подводя итог следует установить что:
>
> 1. В дополнение к Вермахту как законному внутреннему и внешнему защитнику Рейха (как в любом государстве)» - я отмечаю - «в организациях СС» - возник и был легализован особый и полностью независимый фактор, который политически, биологически, в полицейских и административных вопросах на самом деле забрал себе государственные полномочия.
>
> 2. Уже в начале военных затруднений и конфликтов СС стали действительным проводником и стандартным носителем политики завоевания и власти.
>
> 3. После начала военных действий рейхсфюрер СС разработал

методы, которые всегда выглядели подходящими, которые поначалу скрывались или с трудом были видимы, по крайней мере извне, и которые позволяли ему в действительности выстраивать свою власть под прикрытием защиты аннексированных или оккупированных территорий от политических противников.

4. От оккупации территории Судетов, начиная с организации политического беспокойства, то есть, так называемых освободительных действий и «инцидентов», дорога пролегала прямо через Польшу и западные районы с резким всплеском на русской территории.

5. Директивами для плана «Барбаросса» об управлении и использовании завоеванных восточных территорий, Вермахт, вопреки своим намерениям, и не зная условий, втягивался дальше и дальше в последующее развитие и деятельность.

6. Я, (Кейтель) и мои коллеги не имели подробных сведений о влиянии всевластия Гиммлера, и не представляли себе возможный эффект такой власти.

Я полагаю без дальнейшего обсуждения, что это же самое является правдой и для ОКХ, которое по приказу фюрера заключало соглашения с сотрудниками Гиммлера и отдавало приказы подчиненным армейским командирам.

7. В действительности, не главнокомандующий армией обладал исполнительной властью переданной ему и властью устанавливать и поддерживать закон на оккупированных территориях, но Гиммлер и Гейдрих решали исходя из своих полномочий судьбу людей и заключенных, включая военнопленных в тех лагерях в которых они осуществляли исполнительную власть.

8. Традиционная подготовка и концепция долга немецких офицеров, которых учили безоговорочному подчинению вышестоящим, которые несли ответственность, привела к отношению – печальному в ретроспективе – которое заставляло их уклоняться от бунта против таких приказов и таких методов, даже когда они осознавали их незаконность и внутренне отвергали их.

9. Фюрер, Гитлер, безответственно по отношении к нам злоупотреблял своим авторитетом и своим фундаментальным приказом номер 1. Этот приказ номер 1 гласил более или менее:

1.Никто не должен знать о секретных вопросах, которые не

относятся к его сфере задач.

2. Никто не должен знать больше чем нужно для выполнения поставленной ему задачи.

3. Никто не должен получать информацию раньше, чем это необходимо для выполнения обязанностей поставленных перед ним.

4. Никто не должен передавать подчиненным ведомствам, больше чем нужно или раньше чем необходимо для выполнения задачи, приказы которые следует держать в тайне.

10. Если бы все последствия, которые возникли из передачи Гиммлеру полномочий на Востоке можно было предвидеть, в таком случае ведущие генералы первыми заявили бы однозначный протест против этого. Это мое убеждение.

Так как эти жестокости получили развитие, одно за другим, шаг за шагом, и не предвидя последствий, судьба приняла трагический ход, с его роковыми последствиями».

Свидетель, подсудимый Кейтель, вы собственноручно написали это заявление, то есть, продиктовали его как его прочитал? Вы совершенно знакомы с его содержанием и вы поклялись в этом?

Кейтель: Да.

Нельте: Я представляю вам оригинал документа.

[*Обращаясь к подсудимому*]*:* Мы остановились на документе С–50, который касается отмены военной юрисдикции в районе «Барбаросса». Я не знаю, хотите ли вы всё ещё выразить ваше мнение об этом, или это лишнее после того, что было сказано.

Кейтель: Я хочу только сказать, что эти документы С–50 и PS-884, начиная со страницы 4, являются записью директив которые дали на этой встрече генерального штаба 14 июня. Согласно военным правилам и обычаям правилами они были даны в форме письменных приказов и затем отправлены в подчиненные ведомства.

Нельте: У меня есть еще несколько коротких вопросов относительно войны против Америки. Обвинение утверждает, что Германия влияла на Японию для ведения войны против Америки и, во время своей презентации, обвинило вас в участии и пособничестве этому плану. Вы хотите сделать какое–нибудь заявление относительно этого?

Кейтель: Документ С-75 это директива верховного главнокомандования Вермахта, которая касается взаимодействия с Японией. Конечно, я участвовал в подготовке этого приказа и подписал данный приказ. Другой документ, номер PS-1881, относительно совещания между фюрером и Мацуокой, я не знаю, и ничего не знал об этом. Я могу только сказать следующее для нас как солдат:

В ходе всего этого времени, до вступления японцев в войну против

Америки, существовало две точки зрения об общих директивах или принципах которые Гитлер подчеркивал нам. Одна заключалась в том, чтобы предотвратить вступление Америки в войну при любых обстоятельствах; соответственно отказ от военных операций в морях, насколько это касалось флота. Другая, мысль, которая руководила нами солдатами, заключалась в надежде, что Япония вступит в войну против России, и я помню, что приблизительно в ноябре и начале декабря 1941, когда продвижение германских армий к западу от Москвы остановилось, и я посещал вместе с фюрером фронт, меня несколько раз спрашивали генералы: «Когда Япония вступит в войну?». Причины таких вопросов заключались в том, что снова и снова под Москвой вводились в бой русские дальневосточные дивизии, то есть, свежие войска, прибывшие с Дальнего Востока. Это были приблизительно 18-20 дивизий, но я не могу сказать точно.

Я присутствовал в Берлине в ходе визита Мацуока, и я видел его на общественных мероприятиях, но я не имел с ним каких–либо разговоров. Все умозаключения, которые можно сделать из директивы 24, С–75, о которых я узнал на предварительном следствии во время моего допроса, не имеют никакого основания для нас, солдат, и не оправдывают чью–то уверенность в том, что мы руководствовались мыслями о начале войны между Японией и Америкой, или предпринимали что-то с такой целью.

В заключении, я могу лишь сказать, что этот приказ был необходим, потому что рода войск Вермахта оказывали сопротивление в передаче Японии определенных вещей, военных секретов в производстве вооружений, до тех пор, пока она не воевала.

Нельте: Также было письмо представленное обвинением, письмо от майора фон Фалькенштейна[354] из оперативного штаба Люфтваффе. Рейхсмаршал Геринг свидетельствовал об этом в своем допросе. Я лишь хочу спросить вас известно ли вам об этом письме, или можете ли вы добавить, что–либо еще к показаниям рейхсмаршала Геринга?

Кейтель: Мне нечего добавить, так как я никогда не видел этого письма фон Фалькенштейна до тех пор, пока я не увидел его на допросе.

Нельте: Теперь мы переходим к отдельным фактам, которые вам и ОКВ вменяет обвинение. Из-за большого количества пунктов предъявленных обвинением я могу естественно выбрать только отдельные группы и наиболее серьезные обвинения, для того, чтобы выяснить были ли вы и в какой степени вовлечены и в чём заключалось ваше отношение к их последствиям. В большинстве случаев это вопрос о приказах от Гитлера, но в своём заявлении о самих событиях вы признали определенное участие в таких вещах и их осведомлённости о них. Таким образом, мы должны обсудить эти положения. Одно из наиболее важных - это заложники. В этой связи я хочу показать вам документ С–128. Это приказы об операциях на Западе. Позвольте,

354 Сигизмунд фон Фалькенштейн (1903-1971) – немецкий офицер ВВС.

прежде всего, спросить вас, на чем основывалось взятие заложников, как его обычно проводил Вермахт?

Кейтель: Это напечатанные правила «Секретно G–2» (Служебные наставления армии G-2) и озаглавленные, согласно приказу «Служебные инструкции для армейских подразделений»

Нельте: Я прошу вас господин председатель, обратиться к документальной книге номер 1, номер 7 на странице 65 моей документальной книги. Я прошу вас установить, что это копия из вышеуказанных военных правил, раздел 9, который касается вопроса заложников. Это документ К–7, и там написано следующее:

> «Заложников можно брать только по приказу командира полка, командира отдельного батальона или командира равного уровня. В отношении проживания и питания, следует заметить, что хотя их должны содержать под строжайшей охраной, они не являются осужденными. Кроме того, только старшие офицеры занимающие должность не младше командира дивизии могут решать о судьбе заложников».

То есть, если вы хотите назвать его так назвать, это закон о заложниках германского Вермахта.

Кейтель: В связи с этим я могу сказать, что документ С–128, который предварительный оперативный приказ армии для сражения на Западе, это особо указано под заголовком: «3а. Меры безопасности против населения оккупированных территорий. А) Заложники».

Председатель: Доктор Нельте, вы приобщили это как Кейтель–7?

Нельте: Я прошу считать эти напечатанные армейские инструкции как экземпляр Кейтель–7 (документ номер Кейтель–7).

Председатель: Будьте любезны говорить, что вы предъявляете каждый раз, потому что просто сказав «7» это непонятно.

Нельте: Кейтель–7.

[*Обращаясь к подсудимому*]*:* Документ С-128 был приказом высшего командования армии в связи со вступлением во Францию?

Кейтель: Да.

Нельте: Итак, у меня есть ещё один документ, документ номер PS-1585, который содержит мнение выраженное ОКВ. Это письмо рейхсминистру авиации и главнокомандующему Люфтваффе; и в этом письме, я полагаю, содержались убеждения которые разделяло ваше ведомство главой которого вы являлись.

Кейтель: Да.

Нельте: Что вы скажете сегодня в связи с этим письмом?

Кейтель: Я могу сказать только, что точно такую же позицию я представляю сегодня, потому что здесь есть, со ссылкой на вышеуказанный приказ, следующий абзац, начинаясь со слов: «для охраны от всякого злоупот…» и так далее. Затем

цитировался приказ.

Нельте: Это ссылка на правила G-2, и далее о том, что «решение относительно судьбы заложников…»

Кейтель: Сказано: «Согласно которому решение о судьбе заложников остается за старшими офицерами, занимающими должность не младше командира дивизии».

Нельте: Это верно, когда я скажу, что это письмо было подготовлено правовым управлением ОКВ после изучения обстановки с учетом международного права и его норм?

Кейтель: Да, это видно из самого документа, что эта точка зрения принималась во внимание.

Нельте: Вы отдавали какие–либо общие приказы по этому вопросу заложников как начальник ОКВ, помимо тех которые мы рассмотрели до сих пор?

Кейтель: Нет, ОКВ участвовало, только помогая в подготовке этого приказа. Никаких других главных приказов или указаний не принималось по этому вопросу.

Нельте: Вместе с тем в отдельных случаях вы имели какое-нибудь отношение к вопросу заложников? Вы и ОКВ обвиняетесь в вашем выражении некого рода отношения, когда Штюльпнагелем[355] и Фалькенхаузеном[356] направлялись запросы.

Я покажу вам документ PS-1594.

Кейтель: Этот документ, PS-1594, сообщение от фон Фалькенхаузена, военного командующего в Бельгии, и направленное в ОКХ, генеральный штаб, генерал–квартирмейстеру, и, далее, главнокомандующему и военному командующему во Франции, и для сведения командующему Вермахтом в Нидерландах и воздушному округу Бельгии.

Мне не известен данный документ и не мог быть известен, так как он направлен армии. Предположение, высказанное французским обвинителем о том, что я получил письмо от Фалькенхаузена это неправда. Я не знаю это письмо, и его мне не отправляли. Официальные сообщения между военными командующими во Франции и Бельгии происходили только между ОКХ и этими двумя военными командующими подчиненными ему. Эти командующие не подчинялись ни мне, ни ОКВ.

Нельте: Французское обвинение представило документ номер UK–25 и утверждает, что данный документ являлся основой для узаконения заложничества во Франции, что есть, другими словами, основная связь между приказом подписанным вами 16 сентября 1941 и обращением с заложниками во Франции. Я покажу вам эти документы, PS-1587 и PS-1588, в дополнение к UK–25 и прошу вас прокомментировать их.

---

355 Карл-Генрих фон Штюльпнагель (1886 — 1944) — немецкий военный деятель, генерал пехоты (1939 год). Участник военных преступлений. Участник антитигитлеровского заговора 20 июля 1944 года. Повешен 30 августа 1944 года.

356 Александр фон Фалькенхаузен (1878 — 1966) — генерал вермахта, в 1940—1944 годах — глава оккупационного правительства Бельгии.

Кейтель: Я должен сначала ответить на вопрос о том, имел ли я индивидуальные дискуссии с военными командующими относительно вопроса заложников. Вы меня не спрашивали об этом?

Нельте: О Штюльпнагеле и Фалькенхаузене?

Кейтель: Да, о Штюльпнагеле и Фалькенхаузене. Возможно, я вспоминаю один такой случай, Штюльпнагель позвонил мне из Парижа по такому вопросу, потому что он получил приказ от армии расстрелять определенное число заложников за нападение на военнослужащих германского Вермахта. Он хотел, чтобы этот приказ был удостоверен мной. Это произошло, и мне кажется, это подтверждается телеграммой, которую мне здесь показали. Это также подтверждает, что тогда я встречался со Штюльпнагелем в Берлине. Иначе говоря, отношения между мной и этими двумя военными командующими ограничивались исключительными вопросами, в которых как они считали, что с моей помощью они могут получить определенную поддержку относительно вещей очень неприятных для них, например, в таком вопросе как распределение рабочей силы, то есть, рабочих из Бельгии или Франции предназначенных для Германии, где также, в одном случае, возникли конфликты между военными командующими и полицейскими властями. В таких случаях меня призывали для посредничества.

Позвольте мне, пожалуйста, посмотреть сначала на документы.

Нельте: Вам следует начать с UK–25, 16 сентября 1941.

Кейтель: Да.

Председатель: Трибуналу невозможно держать в головах все эти документы, называя их номера, и у нас нет документов перед нами. Мы не знаем, что за документы вы рассматриваете. Для нас это невозможно.

Нельте: Господин председатель, я взял смелость представить трибуналу до начала заседаний список документов. Я извиняюсь, если это не сделали. Я не могу представить сами документы. Вы всегда найдете номер слева в списке.

Председатель: Да, я это понимаю, но все, что я здесь вижу это PS-1587, который по-видимому не тот на который вы ссылаетесь, и он описан как доклад верховному главнокомандованию армии. Это нам не сильно указывает о чём это. Следующий это PS-1594, письмо в ОКХ. Тут снова нет указания для нас, о чем он, за исключением того, что он как–то связан с вопросом заложников.

Нельте: Он касается вопроса, на который собирался ответить подсудимый Кейтель. У вас тоже нет приказа имеющего документальный номер С-128?

Председатель: Да, есть. Это указания по операциям на Западе.

Нельте: И UK–25?

Председатель: Да.

Нельте: И PS-1588?

Председатель: У нас есть все. Единственное, что я отметил заключалось в том, что их описание недостаточно адекватное для объяснения, того, что они означают и чем

являются. Возможно, парой слов вы можете обозначить нам, когда вы переходите к документу, о чем он.

Нельте: Документ UK–25, о котором подсудимый Кейтель собирается дать показания, что это подписанный им приказ от 16 сентября 1941, относительно «Коммунистических восстаний на оккупированных территориях». Он содержит, помимо прочего, фразу: «Фюрер приказал, чтобы наиболее жесткие меры предпринимались повсюду с целью сокрушить это движение как можно быстрее». Французское обвинение утверждает, что на основе этого приказа, что узаконение заложничества было введено во Франции, что содержится в документе PS-1588. Если у вас есть документ PS-1588, вы найдете на третьей странице обычные правила о взятии и обращении с заложниками.

Подсудимый должен высказаться, существовало ли такое обычное отношение, и в какой степени ОКВ и он сам вообще были компетентны в этих вопросах.

Кейтель: Документ UK-25, приказ фюрера от 16 сентября 1941, как только, что сказали, касался коммунистических восстаний на оккупированных территориях, и фактически этот приказ фюрера уже упоминался. Я должен разъяснить тот факт, что данный приказ, что касается его содержания, ссылался только на восточные регионы, в частности балканские страны. Мне кажется, что я могу подтвердить это тем фактом, что к нему приложен список рассылки, то есть, список адресов начиная с «Командующему Вермахтом в Юго–Восточной Сербии, Южной Греции и на Крите». Он был, также конечно же, передан остальным командующим Вермахта и также ОКХ с возможностью его передачи подчиненным. Мне кажется, что данный документ, который, для экономии времени, мне можно не читать, имеет несколько указаний на то, что предположения французского обвинения о том, что он являлся основой для закона о заложниках, находящегося в документе номер PS-1588 ложные, и что здесь нет причинно–следственной связи между этими двумя. Это правда, дата этого закона о заложниках тоже сентябрь, номер трудно прочитать, но, что касается его содержания, два этих вопроса, по моему мнению не связаны. Более того, двое военных командующих во Франции и Бельгии никогда не получали этот приказ от ОКВ, но могли получить его через ОКХ, данный вопрос я не могу проверить, потому что не знаю.

Относительно этого приказа от 16 сентября 1941, я хочу сказать, что его большую жестокость можно проследить от личного влияния фюрера. Тот факт, что он касался восточного региона виден уже из содержания и из введения и не требует дальнейших пояснений. Верно то, что приказ от 16 сентября 1941 подписан мной.

Нельте: Мы теперь переходим ко второму индивидуальному факту, «Мрак и туман». Обвинение вменяет вам участие в распоряжении «Мрак и туман» от 12 декабря 1941, документ номер L–90…

Кейтель: Могу я сказать еще одну вещь относительно другого вопроса?

Нельте: Пожалуйста, если это кажется необходимым. В сообщении от 2 февраля 1942 мы находим слова: «В приложении передаются: 1) распоряжение фюрера от 7 декабря 1941…». Вы хотите сказать, что–нибудь еще, если это важно, пожалуйста. У вас есть документ номер L–90?

Кейтель: L–90, да.

Нельте: В чём заключалась причина данного приказа, имевшего такие ужасные последствия?

Кейтель: Я должен заявить, что мне совершенно ясно, что связь моего имени с так называемым приказом «Мрак и туман»» это серьезное обвинение против меня, хотя даже из документов и видно, что это приказ фюрера. Соответственно я хочу заявить, как возник этот приказ. С начала восточной кампании и поздним летом 1941 до весны 1942, движения сопротивления, саботажа и всего связанного с ними значительно выросли на оккупированных территориях. С военного угла это означало, что силы безопасности были связаны, вынужденно находясь в неспокойных районах. Вот как я тогда это видел с военной точки зрения. И день за днем, из ежедневных докладов мы могли составить картину событий в отдельных оккупационных секторах. Было невозможно справиться с этим общим порядком, скорее Гитлер требовал, чтобы его информировали о каждом отдельном событии, и он был очень недоволен, если такие вопросы скрывали от него в докладах военных властей. Он хотел знать об этом все тоже самое.

В связи этим он говорил мне о том, что для него это неприятно и очень неблагоприятно для создания мира что, ввиду этого возросли смертные приговоры военных трибуналов против саботажников и их сообщников, что он не желал, чтобы такое случалось, поскольку с его точки зрения это только усложняло умиротворение и отношения с населением. Тогда он сказал о том, что состояния мира можно достичь только если бы мы снизили их и вместо смертных приговоров – короче – в случае если смертный приговор нельзя было ожидать и исполнить в кратчайшее время, как сказано здесь в распоряжении, подозреваемый или виновный человек подлежал – если можно использовать слово «виновный» - высылке в Германию без уведомления своей семьи и подлежал интернированию или лишению свободы, вместо длительных процедур военного трибунала со множеством свидетелей.

Я выразил сильнейшие сомнения по данному вопросу и знаю очень хорошо, что я сказал тогда, что я опасался результатов совершенно противоположных тем на которые, видимо надеялись. Затем у меня была серьезная дискуссия с юрисконсультом Вермахта который имел схожие сомнения, потому что этим ликвидировались обычные правовые процедуры. Я снова пытался предотвратить принятие этого приказа или изменить его. Мои усилия были напрасными. Мне высказали угрозу о том, что министру юстиции поручили бы издать соответствующее если бы Вермахт не смог его издать. Теперь могу я

обратиться к подробностям лишь постольку, поскольку эти способы предусматривались в приказе, L–90, о предотвращяя произвольное применение, и они были в основном следующими:

Общие принципы о приказе предусматривали, что такая депортация или перемещение на территорию Рейха должна была иметь место только после обычных процедур военного трибунала, и что в каждом случае офицер ответственный за судопроизводство, то есть, командир дивизии должен рассматривать дело вместе со своим юрисконсультом, правовым путем, на основе предварительного разбирательства.

Я должен сказать, что тогда я верил, что каждое произвольное и чрезмерное применение этих принципов избегалось этой нормой. Вы, наверное, согласитесь со мной, что слова приказа: «Волей фюрера после долгого изучения…» внесенные с такой целью, не без причины и не без надежды на то, что адресованное военным командирам, будет воспринято как то, что это был метод который мы не одобряли и не считали правильным.

Наконец мы ввели в приказ процедуру пересмотра для того, чтобы через высшие апелляционные каналы, то есть, военного командующего во Франции и верховное главнокомандование или командующего армией, было бы возможно попытаться рассмотреть дело законно в апелляционном разбирательстве если вердикт вызывал вопросы, по крайней мере, в смысле распоряжения. Я впервые узнал здесь о полнейшей и ужасающей трагедии, а именно о том, что данный приказ, который намечался только для Вермахта с единственной целью определять может ли исчезнуть правонарушитель которому грозит тюремный приговор посредством процедуры «Мрак и туман», повсеместно применялся полицией, как показали свидетели которых я здесь слышал, и согласно обвинительному заключению, которое я также слышал, и таким образом доказан ужасающий факт существования целых лагерей полных людей депортированных по процедуре «Мрак и туман».

По моему мнению, Вермахт, по крайней мере, я и военные командующие на оккупированных территориях, которые были связаны с этим приказом, не знали об этом. В любом случае об этом мне никогда не сообщали. Поэтому, данный приказ, который сам по себе являлся очень опасным и пренебрегал определенными требованиями закона, как мы его понимали, смог перерасти в это непростое дело, о котором говорит обвинение.

Намерение заключалось в том, чтобы депортировать таких людей из родной страны в Германию, потому что Гитлер считал, что тюремный срок в военное время не должен был считаться нечестным в отношении лиц, где стоял вопрос действий, так называемых патриотов. Это могло быть короткое заключение, которое завершилось бы с окончанием войны.

Эти размышления уже были отчасти подготовлены в записке. Если у вас

есть дальнейшие вопросы, пожалуйста, задайте их.

Нельте: Приказ об исполнении этого распоряжения «Мрак и туман» заявляет о том, что Гестапо должно было быть ответственным за перевозку в Германию. Вы заявили о том, что людей прибывших в Германию должны были передавать министру юстиции, то есть, в обычное полицейское заключение. Вы поймете что, в связи с Гестапо, возникают определенные подозрения из того, что с самого начала было известно о том, что случалось с такими людьми. Вы можете сказать что–либо в разъяснение этого вопроса?

Кейтель: Да. Приказ который тогда отдали заключался в том, чтобы этих людей передавали германским органам правосудия. Это письмо подписано «по приказу» и затем подпись, была сделана на 8 недель позже, чем само распоряжение управлением внешней разведки как я могу видеть из своей официальной корреспонденции. Это указывает совещания, то есть, соглашения, к которым нужно были прийти, относительно метода, которым этих людей должны были забирать из родных стран в Германию. Они, видимо проводились управлением разведки, которое очевидно приказало об отрядах полиции как сопровождении. Это можно понять из него.

Я могу сказать в связи с этим, я должен был увидеть это, что это не выглядело тогда спорным, потому что я не мог, и не имел, причин полагать, что этих люди передавая Гестапо, откровенно говоря, будут ликвидировать, но о том, что Гестапо просто бы использовали как посредника при перевозке в Германию. Я хочу в особенности подчеркнуть, что, не может быть сомнения в том не наша идея заключалась в том, чтобы избавляться от людей, как позднее делалось в лагере «Мрак и туман».

Нельте: Теперь мы переходим к вопросу парашютистов, саботажных групп, и операций коммандос[357]. Французское обвинение подробно рассмотрело происхождение и эффект двух приказов фюрера от 18 октября 1942 относительно обращения с коммандос.

У трибунала есть копия приказа фюрера? Это 498…

Председатель: У нас нет копии приказа. Вы подразумеваете PS-553 или 498?

Нельте: Второй это документ номер PS-553.

Председатель: У нас нет также: «Борьбы с отдельными парашютистами, распоряжение от 4.8.42».

Нельте: Вы можете повторить ваше заявление? То, что вы сказали не прошло.

Председатель: PS-553 - «Борьба с отдельными парашютистами, распоряжение от 4.8.42» Вот, что у нас есть, ничего более. У вас также есть 498.

Нельте: Документ номер PS-553 это меморандум подписанный Кейтелем. Французское обвинение правильно полагало, что есть некоторая связь между

357 Британские коммандос — специальные подразделения британской армии, сформированные в июне 1940 года по распоряжению премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля с целью проведения рейдов на оккупированной немцами территории континентальной Европы.

документом PS-553 и приказом фюрера от 18 октября 1942. Подсудимый должен дать показания, что существовали причины, вызвавшие приказ фюрера и это уведомление.

Кейтель: Прежде всего, документ PS-553, записка: меморандум был принят мной в августе 1942. Как я уже описал в связи с распоряжением «Мрак и туман», акты саботажа, заброска агентов на парашютах, сброс вооружений, боеприпасов, взрывчатки, радиостанций и небольших групп саботажников достигал больших и больших пропорций. Их выбрасывали ночью с самолетов в слабозаселенных районах. Эта деятельность охватывала всю территорию подконтрольную тогда Германии. Она шла от Запада до Чехословакии и Польши, и с Востока вплоть до района Берлина. Конечно, большое число людей вовлеченных в эти действия захватывали, и изымали много материала. Меморандум должен был объединить все ведомства вне Вермахта, а также полицию и гражданские власти для службы против этого нового метода ведения войны который был, по нашим мыслям незаконным, своего рода «войной в глубоком тылу». Даже сегодня, после чтения данного документа ещё раз, его уже давали мне здесь, я считаю данный меморандум бесспорным. Он прямо предусматривает, что военнослужащих вражеских сил, то есть военнослужащие любых вражеских сил, при захвате полицией, следовало передавать в ближайшее учреждение Вермахта после их опознания. Я знаю о том, что во французском секторе французская полиция полностью участвовала в арестах этих войск и помещала их в безопасность. Она сотрудничала в предотвращении актов саботажа. Это, наверное, даст понять насколько обширной была эта деятельность, если я скажу, что в определенные дни было более 100 подрывов на железных дорогах. Это в меморандуме.

Теперь, что касается приказов фюрера от 18 октября 1942, которые упоминались здесь очень часто, и которые я могу описать как дальнейшее развитие правил указанных в данном меморандуме: что касается методов, такой способ ведения незаконной войны возрастал и отдельные парашютисты переросли в небольшие отряды коммандос, которые высаживались с тяжелых самолетов или на парашютах, и систематически использовались, не для создания нарушений или разрушений в целом, но атакуя специальные, жизненно важные военные объекты. В Норвегии, например, я вспоминаю, что у них была задача взорвать производство алюминия. Может звучать странным, но в течение этого периода от половины до трех–четвертей часа ежедневных обсуждений обстановки посвящалась проблеме о том, как справиться с этими инцидентами. Эти инциденты во всех секторах заставляли фюрера требовать других методов, решительных мер, в борьбе с такой деятельностью, которую он характеризовал как «терроризм» и говорил о том, что единственный метод, который можно использовать для борьбы с такой деятельностью это жестокие контрмеры. Я вспоминаю, что в ответ на наши возражения, как солдат, были сказаны следующие слова: «До тех пор пока

десантник или саботажник подвергается опасности, только будучи захваченным в плен, он не подвержен риску; в обычных обстоятельствах он ничем не рискует, мы должны предпринять меры против этого». В этом заключались причины побудившие его мысли. Меня несколько раз просили представить мнение и представить проект. Генерал Йодль тоже вспомнит это. Мы не знали, что как солдаты, мы должны были сделать. Мы не смогли внести никакое предложение.

Если я могу кратко подытожить, мы слышали всплески ярости Гитлера в связи с этим почти каждый день, но мы ничего не делали, не зная, что мы можем сделать. Гитлер заявлял о том, что это было вопреки Гаагской конвенции[358] и незаконно, что такой метод ведения войны не предусмотрен Гаагской конвенцией и не может быть предусмотрен. Он сказал, что это была новая война с которой нам пришлось столкнуться, требующая новых методов. Затем, вкратце, как я уже свидетельствовал на предварительном следствии, эти приказы – сам этот приказ и хорошо известная инструкция о том, что те, кто не исполняют первый приказ будут наказаны, были приняты в сжатой форме и подписаны Гитлером. Затем их распространил, мне кажется начальник оперативного штаба, Йодль. Я могу добавить, что много раз командиры, получавшие эти приказы задавали вопросы о том, как их применять, особенно в связи с угрозой, что они будут наказаны если они не будут их исполнять. Единственным ответом, который мы могли дать был: «Вам известно, о чем эти приказы», так мы были не в состоянии изменить эти подписанные приказы.

Нельте: Обвинение вменяет лично вам издание приказа убить английских саботажников, захваченных при операции коммандос в Ставангере. В связи с этим я представляю вам документ PS-498, PS-508, и PS-527. [*Документы передаются подсудимому*].

Господин председатель, это была миссия коммандос в окрестностях Ставангера. Войска, попавшие в немецкие руки должны были быть убиты, согласно распоряжению фюрера. Существовала отдаленная возможность допроса этих людей, если бы это было вызвано военной необходимостью. В данном случае главнокомандующий в Норвегии, генерал фон Фалькенхорст[359], занимался вопросом. Он обратился в ОКВ, как он уже свидетельствовал в протоколе допроса.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы сделаете какое–нибудь заявление в связи с этим?

Кейтель: Меня допрашивали об этом, и во время допроса мне противопоставили генерала фон Фалькенхорста. Насколько я вспоминаю, я не помнил, чтобы он задавал мне вопросы относительно исполнения данного приказа. Я не знал об этом.

358 На первой и второй мирных конференциях в Гааге в 1899 и 1907 годах приняты международные конвенции о законах и обычаях войны, включённые в комплекс норм международного гуманитарного права.

359 Николаус фон Фалькенхорст (1885 — 1968) — германский военачальник времен Первой и Второй мировых войн. Именно он осуществлял операцию «Везерюбунг», в результате которой были завоеваны Дания и Норвегия. Командующий армией «Норвегия» в 1940-1944. Был приговорён к смертной казни британско-норвежским судом в 1946. Позднее наказание было смягчено до 20 лет лишения свободы. В 1953 вышел на свободу.

Даже само событие не осталось в моей памяти, и я вспомнил его, снова только просмотрев документы. В течение допроса, я сказал дознавателю, что я не имел никаких полномочий изменить этот приказ, что я мог сослаться любому только на этот приказ. Относительно моего противопоставления генералу фон Фалькенхорсту, я хочу сказать только о том, что сказано здесь протоколе: «Он, очевидно, отложил ответы и изменил свои ранние заявления, но не отрицал их. Кейтель не отрицал, что у него был разговор со мной, но отрицал, что предметом было то, что я сказал».

Нельте: Господин председатель, я могу лишь сказать, что эта сводка из допроса генерала фон Фалькенхорста, не имеет номера документа.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы закончили заявление?

Кейтель: Да. Мне кажется этого достаточно.

Председатель: Доктор Нельте, обвинение не предъявило этот документ, не так ли? Они не представили его в качестве доказательства?

Нельте: Мне кажется, что представили.

Председатель: Я думаю, они могли предъявить его подсудимому Кейтелю во время одного из допросов, не так ли? Правильно? Это не означает, что его представили как доказательство, потому что сам по себе допрос, поймите, не приобщали как доказательство. Вы должны приобщить его сейчас если хотите его приобщения.

Нельте: Господин председатель, здесь есть какая-то ошибка. Этот документ был предъявлен здесь обвинением как доказательство утверждения о том, что подсудимый Кейтель отдал приказ убить этих парашютистов. Я получил этот документ здесь.

Председатель: Обвинение скажет мне, так ли это, но я не думаю, что какой-то документ который приобщали не имел номера экземпляра.

Додд: Мы не вспоминаем о его приобщении. Многие из допросов не имели номеров документов, но, конечно, если бы их приобщали, у них были бы номера экземпляров США или Великобритании.

Председатель: Что же, наверное представителю обвинения лучше удостоверится не оглашался ли он как доказательство.

Додд: Ваша честь, это займет несколько минут.

Председатель: Да, я имею в виду на досуге. Будет ли подходящее время для перерыва на 10 минут?

Нельте: Да.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Трибунал будет отложен вечером в четверть пятого. Затем он будет заседать снова в данном суде в закрытом режиме, и он желает, чтобы и представители защиты и представители обвинения присутствовали здесь, так как он желает обсудить с этими представителями обеих сторон лучший способ избежать

ненужного перевода документов.

Имеется, как вам известно, очень большое количество приобщенных документов, и тяжкое бремя пало на отдел переводов. Это проблема, которую трибунал желает обсудить в закрытом режиме с представителями обвинения и представителями защиты: поэтому он будет, как я сказал, заседать здесь в закрытом режиме где есть место для всей защиты. То есть в 5 часов.

Нельте: Вы помните запрос главнокомандующего Западом, в июне 1944, относительно обращения с саботажными войсками в тылу фронта вторжения? Новая ситуация возникла из-за вторжения и таким образом проблема коммандос.

Кейтель: Да, я помню, поскольку эти документы тоже предъявляли мне здесь, и было несколько документов. Это правда, что главнокомандующий на Западе, после высадки англо–американских сил в северной Франции, считал, что возникла новая ситуация связанная с приказом фюрера от 18 октября 1942 направленного против парашютированных коммандос.

Запрос был, как обычно, доложен, и генерал Йодль и я представили взгляд главнокомандующего Западом, а именно о том, что данный приказ не применим там. Гитлер отказался принять такую точку зрения и дал определенные указания в ответ, которые согласно документу, имели по крайней мере две редакции; после того как одну отменили как бесполезную, документ PS-551 остался как окончательная версия одобренная фюрером во время данного доклада.

Я настолько точно помню всё это, потому что по поводу представления ответа во время обсуждения обстановки, это рукописное приложение было добавлено генералом Йодлем со ссылкой на применение также на итальянском театре военных действий. С этим приложением, эта версия, которая была одобрена и требовалась Гитлером, затем была отправлена главнокомандующему Западом.

Нельте: В связи с этим обсуждался вопрос о том как можно судить с точки зрения международного права, об активной поддержке таких актов саботажа местным населением?

Кейтель: Да, этот вопрос периодически возникал в связи с приказом от 18 октября 1942, и хорошо известного меморандума обсуждавшегося ранее. Я считаю, что оказание любого содействия агентам или иным вражеским органам в таких актах саботажа, это нарушение Гаагских правил сухопутной войны. Если население принимает участие, помогает или поддерживает такую акцию, или укрывает исполнителей – скрывает их или помогает им в той или иной форме, это, по моему мнению, как ясно выражено в Гаагских правилах сухопутной войны, а именно, что население не должно совершать такие действия.

Нельте: Французское обвинение представило письмо от 30 июля 1944, документ PS-537. Этот документ касается обращения с членами зарубежных военных миссий пойманных вместе с партизанами. Вам известен данный приказ?

Кейтель: Да, известен. Да, меня уже допрашивали о документе PS-537 во время

предварительного следствия, и я сделал заявление, которое повторяю здесь: сообщалось о том, что были военные миссии приданные к штабам этих партизан, в частности таких лидеров сербских и югославских партизан, которые как мы считали, разумеется были отдельными агентами или командами для поддержания связей с государствами, с которыми мы воевали. Мне сообщали, и меня спрашивали о том, что нужно делать, если такую миссию, как её называли, захватывали. Когда об этом сообщили фюреру, он решил отвергнуть предложения заинтересованных военных властей, а именно обращаться с ними как с военнопленными, поскольку согласно директиве от 18 октября 1942, их нужно было рассматривать как саботажников и соответственно обращаться. Следовательно, данный документ это передача приказа за моей подписью.

Нельте: Проблема лётчиков-террористов и линчеваний упоминалась во время допроса рейхсмаршала Геринга. Я ограничу себя несколькими вопросами касающимися лично вас в связи с этой проблемой. Вам известно, что нас касалось в связи с концепцией лётчиков-террористов и обращения с ними? В чём заключалось ваше отношение к данному вопросу?

Кейтель: Тот факт, что начиная с определенной даты лета 1944, значительно возросли уже упомянутые пулеметные атаки самолетов против населения, с 30-40 погибшими в отдельные дни, заставил Гитлера категорически требовать адекватного распоряжения по данному вопросу. У нас солдат, было мнение о том, что существовавших норм было достаточно, и что новые правила не требуются. Вопрос линчевания тянул за собой проблему и вопрос о том, что значило лётчик-террорист. Эти две группы вопросов привели к очень большому количеству документов, которые вам известны, и которые содержат тексты обсуждений данных вопросов.

Нельте: Я думаю, нет необходимости повторять подробности которые уже обсуждали. В связи с вашей ответственностью, меня интересуют слова, которые вы написали на документе. Пожалуйста, вы объясните это?

Кейтель: Я просто хотел, прежде всего, заявить о том, что я предложил, следуя линии предупреждения, когда немецких военнопленных взятых в Дьеппе[360] заковали, чтобы было также принято предупреждение, в форме похожей официальной ноты, говорившей о том, что мы должны предпринимать репрессалии до тех пор пока вражеские командиры не прекратят свою практику. Это отвергли как неподходящее действие.

А теперь перейдем к документам, которые важны для меня.

Нельте: Документ PS-735.

Кейтель: Есть какие-то рукописные пометки сделанные мной и Йодлем. Это запись о докладе написанная мной на полях, которая гласит следующее: «Военные трибуналы не сработают»; по крайней мере, таким было содержание. Тогда это было

360 Битва за Дьеп, также операция «Раттер» (англ. Operation Rutter), позднее — операция «Юбилей» (англ. Operation Jubilee) — морской десант вооруженных сил Великобритании и Канады на французское побережье Ла-Манша и атака на оккупированный немцами порт Дьеп на севере Франции в 1942 году.

написано, потому что возникло обсуждение вопроса приговора военных трибуналов, поскольку именно в этом самом документе впервые изложены подробности того чем являлись лётчики-террористы, и потому что он заявлял о том, что террористические атаки всегда были атаками проводимыми низколетящим самолетами из пулеметов. В целом, у меня возникла мысль о том, что в 99 из 100 случаев экипажи атакующие с бреющих полётов не могли захватить живыми, если они разбивались, так как не существует возможности спастись при бреющей атаке. Поэтому, я написал замечание на полях. Кроме того, я считал, помимо того факта, что нельзя было провести разбирательство в отношении такого летчика, никто бы не смог, во-вторых, провести удовлетворительный процесс или удовлетворительное расследование если атака производилась со значительной высоты, потому что ни один суд, по моему мнению, не смог бы доказать, что такой человек должен был иметь намерение атаковать те цели, по которым возможно попали.

Наконец, была последняя мысль, которая заключалась в том, что согласно правилам, приговоры военных трибуналов против военнопленных нужно было передавать противнику через гарантирующую державу, и нужно предоставлять трёхмесячную отсрочку в течение которой государство может заявить возражения приговору. Поэтому, не стоял вопрос о том, что через такие каналы можно получить за короткий период устрашающие результаты. Вот, что на самом деле я имел в виду. Я также сделал ещё одну пометку, и она ссылается на линчевание. Она гласит: «Если вы вообще допускаете линчевание, тогда вряд ли можно установить для него правила».

Об этом я не могу много сказать, поскольку, моё убеждение заключается в том, что не существует никакой возможности сказать при каких обстоятельствах, такой метод можно регулировать или считать оправданным как правосудие толпы, и у меня все ещё такое же мнение, что нельзя устанавливать правила, если такие процедуры допускаются.

Нельте: Но в чём заключалось ваше отношение относительно вопроса линчевания?

Кейтель: Моя точка зрения заключалась в том, что такой метод для нас солдат совершенно невозможен. Одно дело о котором сообщал рейхсмаршал в котором шли разбирательства против солдата, который остановил такую акцию прекратили. Я не знаю такого случая в котором солдаты, при исполнении своего долга, обращались с военнопленным как–либо иначе, чем было установлено общими правилами. Такое мне неизвестно.

Я также хочу заявить и об этом пока не говорили, что я обсуждал с рейхсмаршалом Герингом в Бергхофе вопрос в целом, и он, тогда, совершенно чётко согласился со мной: мы, солдаты, при любых обстоятельствах должны отвергать линчевание. Я попросил его, в таком трудном положении, в котором мы находились ещё раз обратиться к Гитлеру, убедить его не заставлять нас отдавать приказ по этим вопросам или готовить приказ. Такой была ситуация.

Нельте: Теперь мы переходим к вопросам, относящимся к военнопленным.
Кейтель: Могу я, наконец, сказать, что приказ от ОКВ никогда не представлялся и не издавался.
Нельте: Вряд ли есть какая-то проблема в военном праве, в которой все нации и все народы так страстно заинтересованы, как вопрос военнопленных. Вот почему, также и здесь, обвинение особо подчеркивало такие случаи которые следует рассматривать как нарушения законов о военнопленных согласно Женевской конвенции или международному праву в целом.

Поскольку ОКВ, и вы как его начальник, являлись ответственными за вопросы военнопленных в Германии, я хочу задать вам следующие вопросы: что делалось в Германии для того, чтобы все ведомства и учреждения Вермахта знакомились с международными соглашениями, которые относились к военнопленным?
Кейтель: Существовало специальное военное руководство по данной теме, которое как я думаю доступно, и которое содержало все нормы существовавших международных соглашений и порядок их применения. То есть, я думаю, директива номер 38, которая касалась как военное руководство армии и флота, и также Люфтваффе. Оно являлось основой, основным приказом.
Нельте: Как это применялось на практике? Людей, которые на практике занимались этими вопросами инструктировали или было это достаточным, чтобы обратить их внимание на директивы армии?
Кейтель: Каждое ведомство вплоть до самого малого имело эти директивы, и каждый солдат в определенной степени инструктировался о них. Помимо этого, к началу войны не принималось дальнейших пояснений и правил.
Нельте: Я думаю об инструкторских курсах созданных в Вене именно с этой целью. Вы знали о том, что они проводились в Вене?
Кейтель: Мне известно о том, что такие вопросы являлись предметом инструкторских курсов для тех лиц, которые непосредственно занимались вопросами военнопленных. Они приняли форму курсов подготовки.
Нельте: Кроме того, правильно, что каждый солдат имел памятку в своей расчетной книжке?
Кейтель: Да. Это уже подтвердил генерал Мильхом[361], у которого она была с собой.
Нельте: Когда были приняты первые инструкции относительно военнопленных в нашем случае?
Кейтель: Насколько мне известно, первые инструкции появились после начала польской кампании на Востоке, поскольку каждое – я хочу сказать – подготовительное мероприятие по приему военнопленных отвергалось Гитлером. Он запретил это. Впоследствии нужно было в срочном порядке импровизировать.

361 Эрхард Мильх (1892 – 1972) немецкий военный деятель, генерал-фельдмаршал. Заместитель Геринга, генеральный инспектор люфтваффе. Осуждён американским военным трибуналом за военные преступления к пожизненному заключению. Освобождён досрочно.

Нельте: Что было приказано?

Кейтель: Было приказано о том, чтобы три рода войск Вермахта, флот, армия и Люфтваффе – последнее должно было иметь отношение в ограниченной степени, но в частности армия должна была проводить соответствующие приготовления о лагерях, охране, и всём, что угодно, что было необходимо для создания и организации таких вещей.

Нельте: Пожалуйста, расскажите нам в чём заключались функции ОКВ относительно обращения и заботы за военнопленными?

Кейтель: Принципиальная инструкция заключалась в обращении согласно КГВ[362]–38 (Правила о военнопленных 38) основанных на международных соглашениях; по моему мнению, она содержала абсолютно все, что должны были знать заинтересованные люди. Помимо этого, тогда не издавалось никаких дополнительных инструкций, но применялась вышеуказанная директива.

Нельте: Я хочу прежде всего знать о том насколько ОКВ имело компетенцию относительно обращения с военнопленными.

Кейтель: ОКВ являлось, должен сказать, министерским руководящим ведомством, которое должно было издавать и готовить все основные правила и директивы касавшиеся данных вопросов. Оно было вправе проверять, посредством инспекций и неожиданных визитов исполнение инструкций. Другими словами, оно являлось головным ведомством которое издавало директивы и было вправе проводить инспекции, но не командовало самими лагерями.

Нельте: Не следует добавить сюда контакт с министерством иностранных дел?

Кейтель: Конечно, я забыл. Одна из главных задач всего Вермахта, и также, следовательно, флота и Люфтваффе, заключалось в общении с гарантирующими державами через министерство иностранных дел, а также общение с Международным красным крестом и всеми ведомствами заинтересованным в социальном обеспечении военнопленных. Я забыл об этом.

Нельте: Таким образом, ОКВ являлось, в общем, говоря, законодателем и контролирующим органом.

Кейтель: Верно.

Нельте: Что должны были делать рода войск Вермахта?

Кейтель: Флот и Люфтваффе имели лагеря под своим командованием, которые были предназначены для военнопленных своих родов войск; тоже самое делала армия. Но ввиду того, что большое количество относилось к армии, заместители командиров внутри Рейха, то есть, командующие военными округами являлись командной властью, которые на своей территории отвечали за лагеря.

Нельте: Итак, перейдем к лагерям военнопленных. Кто являлся главой такого лагеря?

---

362 Аббр. С немецкого Kriegsgefangenwessen – организация по делам военнопленных.

Кейтель: В командовании военного округа, был командир или генерал ответственный за вопросы, относящиеся к военнопленным в соответствующем военном округе, сам лагерь находился под командованием коменданта лагеря, который имел небольшой штаб офицеров, среди них офицера разведки и похожий личный состав, который был необходим для таких вопросов.

Нельте: Кто являлся вышестоящим офицером генерала по делам военнопленных в военном округе?

Кейтель: Командующий военным округом являлся вышестоящим офицером для командира по делам военнопленных в военном округе.

Нельте: Кто являлся вышестоящим над командующим военным округом?

Кейтель: Командующие военных округов подчинялись главнокомандующему внутренней армии и резерва, и он подчинялся главнокомандующему армией.

Председатель: Трибунал отложен.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 5 апреля 1946*]

День сотый

Пятница, 5 апреля 1946

Утреннее заседание

Нельте: Последний вопрос заданный вам вчера, касался канала, по которому передавались приказы по вопросам военнопленных. Вы сказали, что эти приказы шли от командира лагеря, к командующему военным округом и затем от

командующего армии резерва в ОКХ, высшему командованию армии. Я хочу, чтобы вы сказали мне, кто был ответственным, если, что-то случалось в лагере военнопленных, что нарушало Женевскую конвенцию или нарушало общепризнанное международное право. Чем вы занимались? ОКВ являлось ответственным?

Кейтель: ОКВ было ответственным в случае инцидентов, которые нарушали общие приказы, то есть основные инструкции принятые ОКВ, или в случае ненадлежащего исполнения обязанностей при инспектировании. В таких обстоятельствах, я бы сказал, что ОКВ было ответственным.

Нельте: Как ОКВ осуществляло право на инспекцию лагерей?

Кейтель: Сначала, в ранние дни войны, через инспектора организации по делам военнопленных (КГВ), который также являлся начальником отдела или департаментом КГВ в общем управлении вооруженных сил. В определенном смысле, он исполнял двойную функцию. Мне кажется позднее, после 1942, это было сделано путём назначения генерального инспектора, который не имел никакого отношения к переписке или официальной работе министерского характера.

Нельте: В чём заключался контроль гарантирующих держав и Международного красного креста?

Кейтель: Если гарантирующая держава желала направить делегацию в инспектируемые лагеря, это готовилось отделом или инспектором по вопросам военнопленных, и он сопровождал делегацию. Возможно, я должен сказать, что касалось французов, посол Скапини[363] лично выполнял эту функцию, что гарантирующая держава не существовала в такой форме.

Нельте: Могли представители гарантирующих держав и Красного креста свободно говорить с военнопленными или только в присутствии офицеров германских вооруженных сил?

Кейтель: Я не знаю, применялась ли процедура в лагерях всегда в соответствии с основными инструкциями, которые должны были обеспечивать прямой обмен взглядами между военнопленными и посетителями из своих стран. Как общее правило, это допускалось и было возможно.

Нельте: Вы как начальник ОКВ лично занимались общими инструкциями по вопросам военнопленных?

Кейтель: Да. Я сам занимался общими инструкциями. Помимо этого, моя привязка к фюреру и ставке естественно делала невозможным для меня продолжительные контакты с моими ведомствами. Однако существовало ведомство КГВ и инспектор, также как и начальник общего управления вооруженных сил, который являлся, в любом случае ответственным передо мной и занимался этими вопросами. Эти три ведомства должны были заниматься рутинной работой; и меня самого, призывали,

363 Жорж Скапини (1893–1976) — французский юрист и политик. Представитель Франции в Германии по делам военнопленных в ранге посла.

когда следовало принимать решения, и когда фюрер вмешивался лично, как он часто делал, и отдавал собственные приказы.

Нельте: Согласно документам, представленным здесь в суде, советские военнопленные видимо имели другое обращение, чем остальные пленные. Что вы можете об этом сказать?

Кейтель: Это правда, что в связи с этим была разница в обращении в виду взгляда часто высказываемого фюрером о том, что Советский Союз со своей стороны не соблюдал и не ратифицировал Женевскую конвенцию. Это было также ввиду того, что играли роль «идеологические концепции о ведении войны». Фюрер подчёркивал, что у нас в этой сфере развязаны руки.

Нельте: Теперь я покажу вам документ ЕС–388, экземпляр СССР–356. Он датирован 15 сентября 1941.

Часть 1 это запись о докладе управления внешней разведки ОКВ. Часть 2 это директива ОКВ, датированная 8 сентября 1941, относительно обращения с советско–русскими военнопленными. Часть 3, это меморандум об охране советских военнопленных, и последний документ это копия распоряжения Совета народных комиссаров относительно вопроса военнопленных датированное 1 июля 1941.

[*Документ передали подсудимому*]

Кейтель: Возможно, я могу сказать в качестве вступления, что эти директивы не принимались до сентября, что можно отнести к тому факту, что первый существовавший приказ Гитлера, говорил о том, что русских военнопленных не должны были доставлять на территорию Рейха. Позже приказ отменили.

Итак, относительно директивы от 8 сентября 1941, полный текст, которой у лежит передо мной, я хочу сказать, что все эти инструкции вытекали из идеи о том, что это была битва национальностей, так как вступительная фраза гласит: «Большевизм это смертельный враг национал–социалистической Германии». Это, по моему мнению, непосредственно демонстрирует основу, исходя из которой эти инструкции принимались, и мотивы и идеи из которых они произрастали. Это факт, что Гитлер, как я вчера объяснял, не считал это битвой между двумя государствами которую следовало вести в соответствии с нормами международного права, но конфликтом между двумя идеологиями. В документе есть также несколько заявлений относительно отбора с двух точек зрения: отбора людей, которые казались, если я могу так выразиться, не опасными для нас; и отбора тех кого, из-за их политических занятий и их фанатизма, следовало изолировать как представлявших особо опасную угрозу для национал–социализма.

Обращаясь к сопроводительному письму, я могу сказать, что его уже представил здесь обвинитель от Советского Союза. Это письмо от начальника разведывательной службы ОКВ, адмирала Канариса, напоминающее один из общих приказов, которые я назвал и добавляющее серию замечаний, в которых он формулирует и подчёркивает свои сомнения о распоряжении и свои возражения

ему. Про меморандум, который прилагается, я не могу больше ничего сказать. Это выдержка, и также приказы, которые Советский Союз принял со своей стороны 1 июля, об обращении с военнопленными, то есть, директивы по обращению с немецкими военнопленными. Я получил его 15 сентября, в то время как другой приказ был принят неделей ранее; и после изучения данного доклада Канариса, я должен признать, я разделял его возражения. Поэтому, я взял все бумаги к Гитлеру и попросил его отменить нормы и сделать дальнейшее заявление по данному предмету. Фюрер сказал, что мы не могли ожидать, что с немецкими военнопленными обращались бы согласно Женевской конвенции или международному праву на другой стороне. У нас не было никакого способа изучить это, и он не видел никакой причины изменять принятые им на этот счет директивы. Он наотрез отказался, а значит я вернул папку с моими пометками на полях адмиралу Канарису. Приказ остался в силе.

Нельте: В чём на самом деле заключалось обращение в отношении советских военнопленных? Это соответствовало принятым инструкциям или на практике применялось по-другому?

Кейтель: По моим личным наблюдениям и докладам, которые мне представляли, если можно так сказать, на практике было гораздо лучше и более благоприятно, чем в принятых сначала очень жестоких инструкциях, когда было согласовано, что военнопленных следует переводить в Германию. В любом случае, я видел многочисленные доклады говорившие о том, что условия труда, в частности в сельском хозяйстве, но также в военной экономике, и в частности в общей структуре военной экономике, такой как железные дороги, строительство дорог, и так далее, были значительно лучше, чем можно было ожидать, учитывая жесткие условия инструкций.

Нельте: Господин председатель, могу я обратиться по этому поводу к документу номер 6 в документальной книге?

Председатель: Какая документальная книга?

Нельте: Документ номер 6, в документальной книге номер 1 – в моей документальной книге, номер 6 - «Условия трудоустройства рабочих с Востока а также, советско–русских военнопленных». В данную документальную книгу я включил из предъявленной книги только такие отрывки, которые касаются условий использования советско–русских военнопленных. Я приобщаю эту книгу в качестве доказательства как экземпляр К–9, и прошу трибунал допустить её в качестве доказательства не зачитывая из её. Данные инструкции прямо ссылаются на положения, которые указывают на то, что в последующий период с советско–русскими военнопленными должны были обращаться в соответствии с Женевской конвенцией, как излагалось ОКВ, автором распоряжения.

Могу я продолжить?

Председатель: Да, очень хорошо. Вы не желаете читать из него?

Нельте: Нет, не хочу.

[*Обращаясь к подсудимому*] Пожалуйста, вы объясните мне об отношениях, существовавших между полицией, или даже Гиммлером, с одной стороны и организацией по делам военнопленных, КГВ, с другой?

Кейтель: Могу я прежде всего сказать, о том, что существовало постоянное трение между Гиммлером и соответствующими полицейскими службами и ведомствами Вермахта, которые работали в этой сфере, и эти трения никогда не прекращались. С самого начала было видно, что Гиммлер по крайней мере желал держать всё в своих руках, и он никогда не прекращал попыток получить влияние того или иного рода над делами военнопленных. Естественные обстоятельства побегов, захватов полицией, розыска и поисков, жалобы на недостаточную охрану пленных, недостаточные меры безопасности в лагерях, нехватку охраны и её неэффективность – все эти вещи вменялись им, и он эксплуатировал их в разговорах с Гитлером, когда он непрерывно обвинял Вермахт за его спиной, если я могу так выразиться, о каждом возможном недостатке и ненадлежащем исполнении обязанностей. В результате этого Гитлер постоянно вмешивался, и в большинстве случаев я не знал причины. Он выдвигал обвинения и постоянно вмешивался в дела так, что ведомства Вермахта находились в состоянии, которое можно назвать состоянием постоянной тревоги. В связи с этим, поскольку я не мог сам разобраться в вопросе, я был вынужден давать инструкции своим ведомствам ОКВ.

Нельте: В чем заключалась подлинная причина и настоящая цель которой пытался добиться Гиммлер?

Кейтель: Он хотел не только насколько возможно получить влияние, но также, подчинить себе дела военнопленных как начальнику полиции Германии для того, чтобы он являлся высшим органом в этих вопросах, если можно так сказать.

Нельте: Разве сюда не входил вопрос получения рабочей силы?

Кейтель: Позже это стало заметным, да. Думаю, я обращусь к этому позднее, но сейчас я могу сказать, что по крайней мере следовало одно наблюдение которое нельзя было понять неправильно: розыски и поиски сбежавших людей проводимые в определенные интервалы в Германии, давали понять, что большинство этих военнопленных не возвращали обратно в лагеря из которых они бежали, таким образом очевидно они удерживались в полицейских отделениях и вероятно использовались как рабочие под юрисдикцией Гиммлера. Естественно, число побегов росло с каждым годом и становилось шире и шире. Для этого, конечно, есть вполне правдоподобные причины.

Нельте: Система военнопленных, конечно, хорошо связана с проблемой рабочей силы. Какие ведомства были ответственными за трудоустройство военнопленных?

Кейтель: Ведомствами, которые занимались этим, были государственные отделы труда в так называемой службе распределения рабочей силы Рейха, которая изначально находилась в руках министра труда и позднее была передана

уполномоченному по распределению рабочей силы. На практике это работало так. Государственные отделы труда запрашивали рабочих у командующих округами армии. Этими рабочими обеспечивали постольку поскольку это соответствовало существовавшим общим директивам.

Нельте: Какое отношение ОКВ имело к распределению рабочей силы?

Кейтель: В целом, конечно, оно должно было надзирать за тем, чтобы распределение регулировалось согласно основополагающим приказам. Конечно, это было невозможно, и инспектор был не в состоянии проверить то, как работает каждый отдельный человек; в конце концов, командующие округами армии и их генералы КГВ были ответственными за это и были подходящими людьми. Подлинная борьба, как я могу её назвать, за рабочую силу военнопленных не начиналась до 1942. С тех пор, такие рабочие использовались в основном в сельском хозяйстве и немецких железных дорогах и ряде общих учреждений, но не в промышленности. Это в особенности относилось к советским военнопленным, которые в основном являлись сельскохозяйственными рабочими.

Нельте: В чём заключалась настоящая причина этих потребностей в рабочей силе?

Кейтель: В течение зимы 1941–42 возникла проблема замены солдат, которые выбывали, в частности на восточном театре военных действий. Значительные количества солдат пригодных для действительной службы были необходимы на фронте и в армейских службах. Я помню цифры. Только армии необходимо было пополнение в 2-2,5 миллиона человек каждый год. Предположив, что около 1 миллиона из них поступило бы от обычного призыва и около полумиллиона от выздоравливающих людей, то есть, от больных и раненых которые выздоравливали, тогда всё ещё нужно было восполнить 1,5 миллиона в каждом году. Это могло быть изъятие из военной экономики и передача в распоряжение служб, вооруженных сил. Из этого факта следовал возникло близкое соотношение между изъятием этих людей из военной экономики и их заменой новыми рабочими. Эту рабочую силу военнопленных приходилось передавать с одной стороны уполномоченному Заукелю, чьи функции можно подытожить как задачу получения рабочей силы с другой стороны. Такая концепция постоянно приводила меня к этим вопросам, поскольку я был ответственным за систему пополнений всего Вермахта – армии, флота и воздушных сил – другими словами, систему призыва. Вот почему я присутствовал на дискуссиях между Заукелем и фюрером относительно пополнений и того как нужно искать эти пополнения.

Нельте: Что вы можете рассказать мне о распределении военнопленных в промышленности и промышленности вооружений?

Кейтель: Вплоть до 1942 или около того, мы не использовали военнопленных в промышленности даже косвенно связанной с вооружениями. Это было в виду прямого запрета принятого Гитлером, который он сделал, потому что он боялся попыток саботажа машин, средств производства, и т. д. Он относился к таким вещам

как возможным и опасным. До тех пор пока необходимость не вынудила нас использовать каждого рабочего в каком-то качестве на местных фабриках, мы не отказывались от этого принципа. Это уже не обсуждалось, и естественно военнопленных пришлось использовать после этого в общем военном производстве, в то время как мой взгляд, который я, то есть ОКВ, выражал в моих общих приказах, заключался в том, что их использование запрещается; я думал, что недопустимо использовать военнопленных на фабриках, которые исключительно производили вооружения, под чем я подразумевал военное снаряжение, оружие и боеприпасы.

Для полной законченности, возможно, мне следует добавить, что приказ принятый фюрером позднее указывал на дальнейшее ослабление ограничений существовавших приказов. Я думаю, обвинение заявляло о том, что министр Шпеер предположительно говорил о многих тысячах военнопленных работавших на военную экономику. Однако я могу сказать, что в промышленности вооружений нужно было делать много работы, которая не имела никакого отношения к самому производству вооружений и боеприпасов.

Нельте: Обвинение часто заявляло, что военнопленные задерживались полицией и даже отправлялись в концентрационные лагеря. Вы можете дать этому объяснение?

Кейтель: Я думаю объяснение этого в том, что уже упоминавшийся мной процесс отбора имел место в лагерях. Кроме того есть документы показывающие, что военнопленные, в чьих случаях дисциплинарной власти командира было не достаточно отделялись и передавались секретной государственной полиции. Наконец, я уже упоминал предмет о военнопленных, которые бежали и были схвачены, значительное число которых, если не большинство, не возвращали в лагеря. Инструкции со стороны ОКВ или начальника организации по делам военнопленных приказывающие сдавать пленных в концентрационные лагери мне не известны и никогда не принимались. Но тот факт, что когда их передавали полиции, они часто заканчивали концентрационными лагерями, стал известен здесь разными способами, документами и свидетелями. Вот моё объяснение.

Нельте: Французское обвинение представило документ, который содержит номер PS-1650. Это приказ, или, скорее, предположительно приказ ОКВ приказывающий о том, чтобы бежавшие военнопленные, которые не были трудоустроены, передавались службе безопасности. После того, что вы нам рассказали, вы дадите этому объяснение. Я покажу вам дополнительно, документ PS-1514, приказ командования военным округом VI, из которого вы сможете понять процедуру принятую ОКВ в связи с передачей военнопленных секретной государственной полиции.

Кейтель: Прежде всего, я хочу обсудить документ PS-1650. Начнем с того, для начала я хочу заявить, что я не знал об этом приказе, что он никогда не был у меня в руках, и что до сих пор я не смог понять как его приняли.

Нельте: Прежде всего, не хотите ли вы сказать, что документ как таковой не

документ ОКВ?

Кейтель: Я подхожу к этому.

Нельте: Я боюсь, вы должны начать с этого приказа, чтобы прояснить дело.

Кейтель: Документ начинается подобно документу который конфискован в полицейском управлении. Он начинается со слов: «ОКВ приказало следующее»: после этого идут номера 1, 2, 3 и затем сказано: «В данной связи я приказываю…» - и это верховный полицейский начальник главного управления безопасности Рейха; он подписан Мюллером, не Кальтенбруннером, а Мюллером. Я точно не подписывал данный приказ ОКВ 1-3, и не видел его; в этом нет сомнений. Тот факт, что использовались технические выражения: «Стадия 3 b» и т. д., сам по себе это доказывает. Эти термины использовались полицией и они мне неизвестны. Поэтому, я должен сказать, что я не уверен в том как был подготовлен документ. Я не могу это объяснить. Есть предположения и возможности, и я хочу кратко их назвать, потому что я много думал над этим. Первое, мне не кажется, что какое–нибудь ведомство ОКВ, то есть, начальник организации по делам военнопленных или начальник общего управления, могли бы независимо издать такой приказ без инструкций так сделать. Я считаю, это совершенно невозможно, так как это полностью противоречило общей тенденции. Я не вспоминаю, чтобы я, когда-либо получал какие–нибудь подобные инструкции от Гитлера или, чтобы я передавал какую-то такую инструкцию кому–нибудь ещё. Я делаю вывод, что даже если это может выглядеть оправданием, конечно были другие каналы, которые фюрер использовал без учета компетенции. И, если я должен дать объяснение, такие приказы могли бы дать через адъютанта без моего уведомления. Я подчёркиваю, что это предположение и что это не снимает с меня позора.

Есть только одна вещь, которую я хочу сказать и это в связи с документом PS-1514. Это захваченный приказ командования военным округом VI, в Мюнстере, датированный 27 июля 1944, другими словами, летом 1944. Он касается сбежавших военнопленных и того, что с ними делать. Он говорит: «Ссылка», и затем он цитирует семь различных приказов с 1942 вплоть до начала июля 1944. Данный приказ касался вопроса сбежавших военнопленных и должен был быть включён в этот документ, если бы военное ведомство военного округа VI имело такой приказ ОКВ. Это характерный факт, и он приводит меня к выводу, что никогда не было письменного приказа, и что ответственные военные власти вообще никогда не получали такого приказа. Я не могу сказать больше, поскольку не могу это подтвердить.

Нельте: Вам известно, что обвинение представило приказ, согласно которому советско–русских пленных должны были отмечать средствами татуировки, для того, чтобы их можно было идентифицировать. Пожалуйста, вы сделаете об этом заявление?

Кейтель: Факты следующие: в течение лета 1942, фюрер вызвал генерал–

квартирмейстера армии в ставку для доклада длившегося несколько часов, в котором фюрер попросил его доложить об условиях в восточном тыловом районе. Меня внезапно вызвали и сказали, что генерал–квартирмейстер говорил о тысячах русских военнопленных бежавших каждый месяц о том, что они исчезали среди населения, немедленно сбрасывая свою форму и получая гражданскую одежду, и их уже нельзя было опознать. Мне приказали провести расследования и пересмотреть некоторые средства опознания, которые бы позволили опознавать их, даже после того, как они надевали гражданскую одежду. Соответственно я отправил инструкции в Берлин, говорившие, что нужно подготовить такой приказ, но сначала управление международного права министерства иностранных дел должно было провести исследование для того, чтобы выяснить можно ли вообще отдавать такой приказ; и, во–вторых, можно ли осуществить это технически.

Я хочу сказать, что мы думали о татуировочных отметках, таких же, как у многих моряков или каменщиков в Германии. Но больше я об этом не слышал. Однажды я встретил в ставке министра иностранных дел и поговорил с ним об этом вопросе. Министр иностранных дел фон Риббентроп знал о запросе направленном в министерство иностранных дел и считал эту меру крайне сомнительной. Это были первые новости, полученные мной о предмете. Я принял немедленные инструкции, либо лично, либо через адъютанта, я не могу вспомнить, о том, чтобы приказ не выпустили. Я не видел ни проекта и ничего не подписывал. В любом случае я отдал безошибочный приказ: «Приказ не принимать ни при каких обстоятельствах». Я тогда не получил дальнейшей подробной информации. Я ничего не слышал об этом и был убежден в том, что приказ не приняли.

Когда меня допрошивали, я сделал заявление в таких же чертах. Теперь мне рассказал мой защитник, что секретарша начальника организации по делам военнопленных вызвалась свидетельствовать о том, что приказ был отменён и не был принят, и далее, что она получила такие инструкции лично. Однако она сказала в своем заявлении о том, что это произошло только спустя несколько дней после выпуска приказа и что это было единственное возможное объяснение того, как этот приказ оказался в полицейском участке как действующий.

Нельте: Господин председатель, я представлю письменные показания свидетеля, полученные в установленное время.

[*Обращаясь к подсудимому*] Теперь мы переходим к делу Сагана. Обвинение изначально обвинило вас в отдаче приказа об убийстве 50 офицеров королевских воздушных сил, которые сбежали из шталага авиации III в Сагане.

Мне пока не ясно поддерживает ли всё ещё обвинение, такое тяжкое обвинение поскольку допрошены рейхсмаршал Геринг и свидетель Вестхоф[364], последний вне рамок этих слушаний. У меня есть сообщение о допросе Вестхофа, и

364 Адольф Вестхоф (1899 – 1977) – генерал-майор Вермахта. В 1943-1944 начальник службы по делам военнопленных в ОКВ.

я представил его вам. Я хочу спросить вас вы подтверждаете заявление, которое свидетель Вестхоф сделал в течение предварительного следствия и которое он кратко сделает в данном суде, и скажет о том, что вы лично знали об этом крайне тяжком инциденте.

Кейтель: Факты такие, что однажды утром мне сообщили о том, что состоялся побег. Одновременно я получил информацию о том, что около 15 сбежавших офицеров настигли в окрестностях лагеря. Я не собирался докладывать об этом случае на полуденном совещании о военной обстановке проводимом в Берхтесгадене, или скорее в Бергхофе, так как это было неприятно, будучи третьим массовым побегом за очень короткий период. Так как это случилось только за 10 или 12 часов до этого, я надеялся на то, что в ходе дня большинство из них будут пойманы и что таким образом вопрос удовлетворительно разрешится.

Во время моего доклада, появился Гиммлер. Я думаю, это было ближе к концу моего доклада, что он объявил в моем присутствии об инциденте, так как он уже начал обычный всеобщий розыск сбежавших пленных. Была чрезвычайно жаркая дискуссия, серьезная стычка между Гитлером и мной, поскольку он немедленно предъявил самые неслыханные обвинения против меня из-за этого инцидента.

В отчёте Вестхофа вещи иногда неправильно представлены, и вот почему я делаю подробное заявление. Во время этой стычки фюрер заявил в большом волнении: «Этих заключенных не должны возвращать вооруженным силам; они должны остаться у полиции». Я немедленно резко возразил. Я сказал о том, что такая процедура была невозможной. Общее волнение Гитлера снова привело к категорическому заявлению: «Гиммлер, я приказываю вам задержать их, вы не должны их отдавать».

Я начал борьбу за людей, которые уже вернулись и которых согласно первоначальному приказу должны были снова передать полиции. Я добился этого, но я не мог сделать большего.

После этой очень тяжелой стычки…

Нельте: Скажите мне, пожалуйста, кто присутствовал во время этой сцены?

Кейтель: Насколько я помню, генерал–полковник Йодль точно присутствовал, по крайней мере часть времени, и слышал кое–что, хотя наверное не каждое слово, поскольку он находился сначала в примыкающей комнате. В любом случае, Йодль и я вернулись в наши квартиры вместе. Мы обсудили это дело и говорили о чрезвычайно неприятных последствиях, которые могло иметь дело. По возвращении в свою квартиру я немедленно приказал генералу фон Гравеницу[365] доложить мне на следующее утро.

В связи с этим я должен пояснить, что рейхсмаршал не присутствовал.

365 Ганс фон Гравениц (1894 – 1963) – немецкий генерал. В 1943-1944 начальник организации по делам военнопленных.

Если я был немного не уверен в этом во время своего допроса это, потому что мне сказали о том, что свидетель уже заявил о том, что Геринг присутствовал. Но с самого начала я думал, что это невероятно и сомнительно. Следовательно, также неправильно, что Геринг выдвигал тогда предъявлял мне какие-то обвинения. В Берлине также не было совещания. Это ошибки который я думаю, могу объяснить, сказав, что Гравениц, который прибыл с Вестхофом и увидел меня впервые, присутствовал во время доклада и стал очевидцев сцены несвойственной в военной жизни, из-за жестокости моих замечаний в связи с инцидентом.

Вы хотите, чтобы я сказал, что–нибудь еще о дискуссии с Гравеницем?

Нельте: Единственная вещь, которая меня интересует в связи с этим, повторили ли вы Гравеницу приказ, ранее отданный Гитлером таким образом, что и у Гравеница и Вестхофа, которые также присутствовали, могло сложиться впечатление о том, что вы сами приняли приказ о расстреле сбежавших офицеров.

Кейтель: Согласно записи о допросе Вестхофа, которую я видел, я могу объяснить её, я думаю следующим образом: прежде всего, я предъявил серьезные обвинения. Я сам был чрезвычайно взволнован, так, я должен сказать, что даже приказ о том, что этих пленных должна была задержать полиция, вызвал у меня чрезвычайную тревогу за судьбу этих людей. Я откровенно признаю, что возможность их расстрела при попытке побега оставалась у меня в подсознании. Разумеется, тогда я говорил в крайнем волнении и не взвешивал свои слова. И я разумеется повторил слова Гитлера, которыми были: «Мы должны показать пример», поскольку я опасался дальнейших упрёков организации по делам военнопленных с других сторон, помимо случая невозвращения пленных Вермахту. Читая доклада сообщение о допросе, я увидел заявление Гравеница, или даже Вестхофа, о том, что я сказал: «Их расстреляют, и большинство из них должно быть уже мертвы». Я, возможно, сказал что–то вроде: «Вы поймете, что это за катастрофа; наверное многие из них уже расстреляны».

Однако, я не знал о том, что их уже расстреляли, и должен признаться, что в моем присутствии Гитлер никогда не говорил ни слова о чьем–либо расстреле. Он лишь сказал: «Гиммлер, вы оставите их у себя, не передавайте их». Только спустя несколько дней я выяснил, что их расстреляли. Я видел среди других бумаг также официальный доклад британского правительства заявляющий, что до 31–го – побег состоялся 25–го, что до 31–го их действительно не расстреляли.

Таким образом, Вестхоф также ошибся считая о том, что уже приняты приказы, говорившие о том, что должно было быть сделано объявление в лагере говорящее о том, отдельных людей расстреляли или не вернут и о том, чтобы был вывешен список имен. Такой приказ позже не отдавали, и я помню это; я помню это, из-за следующего инцидента:

Несколько дней спустя, я думаю приблизительно 31–го, перед докладом об обстановке, один из адъютантов рассказал мне о том, что поступил доклад о том,

что некоторых расстреляли. Я попросил дискуссию наедине с Гитлером и сказал ему о том, что я услышал о расстреле этих людей полицией. Все, что он сказал, было то, что он тоже получил его – естественно, поскольку это был доклад ему. С крайним отвращением я высказал ему своё мнение. Тогда он сказал мне о том, что это нужно опубликовать в лагере в качестве предупреждения для других. Только после этого было приказано об объявлении в лагере. В любом случае, воспоминания Вестхофа о некоторых фактах, о которых он дал присягу, не совсем точные, даже если такие высказывания которые он использовал и которые я пояснил могли случиться. Мы услышим его отчёт об этом.

Нельте: Гитлер, когда-нибудь говорил вам о том, что он приказал расстрелять этих людей?

Кейтель: Нет, он никогда не говорил мне такого. Я никогда не слышал об этом от него. Я услышал это гораздо позже, насколько я могу вспомнить, от рейхсмаршала Геринга, с которым весь инцидент, являлся конечно, предметом обсуждений и разговоров, особенно с учетом того, что это был лагерь воздушных сил.

Нельте: Я хочу сказать в заключение: здесь вы заявляете под присягой о том, не приказывали о том, что этих офицеров королевских воздушных сил должны были расстрелять, ни получали и не передавали такой приказ, как и не знали о том, кто отдал приказ?

Кейтель: Это верно. Я ни получал такой приказ, не знал и не слышал о нем; как и не передавал такой приказ. Я повторяю это под присягой.

Нельте: Теперь мы переходим к депортациям. Обвинение относит к депортации рабочих перемещение физически здоровых граждан оккупированных территорий в Германию или другие оккупированные территории с целью использования их для «рабского труда» на оборонительных работах или других задачах связанных с войной. В этом заключается обвинение, которое я зачитал вам.

Обвинение периодически связывало ваше имя с этими обвинениями и говорило о том, что вы, то есть, ОКВ, оказывали содействие в обеспечении рабочими германской военной экономики. Вам известно, что фактически подсудимый Заукель являлся уполномоченным в этой сфере. Я хочу спросить вас, забирали ли рабочих с оккупированных территорий и доставляли в Германию до назначения уполномоченным Заукеля.

Кейтель: Насколько мне неизвестно, рабочие прибывали с оккупированных территорий особенно на Западе: Бельгии, Голландии - я не знаю про Голландию, но конечно Франции – в Германию. Согласно тому, что я слышал, тогда я понимал, что это делалось путём вербовки добровольцев. Думаю, я помню, что генерал фон Штюльпнагель, военный командующий в Париже, рассказывал мне однажды в Берлине во время встречи о более чем 200 000 добровольцев, но я не могу точно вспомнить, когда это было.

Нельте: ОКВ являлось полномочным органом по таким вопросам?

Кейтель: Нет, ОКВ не имело к этому никакого отношения. Эти вопросы решались через обычные каналы, ОКХ, военных командующих во Франции и Бельгии и северной Франции с компетентными центральными властями Рейха, ОКВ никогда не имело к этому никакого отношения.
Нельте: Что насчёт гражданской администрации на оккупированных территориях?
Кейтель: На оккупированных территориях с гражданской администрацией, Вермахт был исключён из каких-либо исполнительных полномочий в администрации, так что на этих территориях Вермахт и его службы конечно не имели к этому никакого отношения. Только на тех территориях, которые ещё были оперативными районами армии существовали исполнительные полномочия переданные войскам, высшим командирам, командующим армиям, и т. д. ОКВ и здесь не вмешивалось в официальную процедуру.
Нельте: Согласно сообщению о допросе предъявленному здесь, подсудимый Заукель сказал о том, что вы, то есть, ОКВ, были ответственными за принятие инструкций военным командующим на оккупированных территориях и что он, Заукель, должен был получать их поддержку в своих вербовочных кампаниях для получения квот. Что вы скажете об этом?
Кейтель: Взгляд, разделяемый уполномоченным Заукелем можно очевидно, объяснить тем фактом, что он ничего не знал об официальных служебных каналах, ни о функциях Вермахта, что он видел меня раз или два на обсуждениях об обеспечении рабочей силой, и, в–третьих, что он иногда приходил на встречи со мной, когда он делал свой доклад и получал свои приказы наедине. Возможно ему отдавали приказы так делать, в обычной манере Гитлера: пойдите, повстречайтесь с начальником ОКВ; он сделает остальное. ОКВ не имело случая что-то делать. ОКВ не имело никакого права отдавать приказы, но в случае с Заукелем я брал на себя работу информировать ОКХ или технические ведомства генерал–квартирмейстера. Я никогда не издавал собственных приказов или инструкций для военных командующих или других служб на оккупированных территориях. Это не являлось одной из функций ОКВ.
Нельте: Здесь предъявили документ, согласно которому генералы Шапф[366] и Нагель[367] согласовали попросили вас осуществлять давление или принуждение во время вербовочных кампаний на Востоке. Во всяком случае, это утверждение обвинения. Вам известно, как это случилось?
Кейтель: Я вспомнил это, когда был предъявили документ. Очевидно это была попытка со стороны Шапфа, который долгие годы работал со мной в армии, получить поддержку или содействие фюрера в результате моего посредничества. Шапф, который был тогда директором экономического штаба Восток, и генерал Нагель, которого тоже назвали в этой связи и который был ответственным за

366 Отто Шапф (1890 – 1963) – немецкий генерал. В 1941 начальник экономического штаба «Восток».
367 Ганс Нагель (1882 – 1962) – немецкий генерал. Сотрудник экономического штаба «Восток».

департамент экономической инспекции на Востоке, очевидно, пытались вовлечь меня в это дело. Согласно документу нужно было какое-то давление от высших учреждений, но я вообще не предпринял никаких шагов, так как не имел к этому никакого отношения.

Нельте: Я собираюсь перейти к вопросу расхищения культурных ценностей.

Председатель: Наверное, мы прервемся.

[*Объявлен перерыв*]

Нельте: Французское обвинение обвиняло вас, помимо прочих вещей, в издании директив относительно сохранности и конфискации предметов искусства, библиотек, и т. д. Какими были военные приказы, директивы, или инструкции принятые перед кампанией на Западе или Востоке, относительно предметов искусства, библиотек, и обращения с ними на оккупированных территориях?

Кейтель: Нет, насколько я знаю, не было вообще ничего по таким вопросам, хотя подробные нормы разрабатывались относительно того, что могло случиться в ходе войны. Я не осведомлён ни о каких приказах отданных с такой мыслью.

Нельте: Я собираюсь показать вам три документа представленных французским обвинением, которые упоминают вас в связи со айнзацштабом Розенберга, который уже упоминали здесь по различным поводам. Это документы PS-137, PS-138, и PS-140. Это документы от начальника ОКВ главнокомандующему армией во Франции и в Нидерландах.

Кейтель: Первые два документа, PS-137 и PS-138, пришли из ставки. Они были продиктованы частично лично мною и отправлены в учреждения армии. Один говорит: «Главнокомандующему армии», другой: «Главнокомандующему армией в оккупированной Франции» и «Командующему Вермахта в Нидерландах». Частично они проявились в ответах на запросы различных военных учреждений, которые считали себя ответственными за сохранность или охрану чего угодно на оккупированных территориям, и также от учреждений, которые очевидно планировали собирать, инспектировать, регистрировать, иначе говоря исследовать эти культурные ценности, библиотеки и т. д., и конфисковать их. В одном случае мне позвонил по телефону главнокомандующий армией, я думаю, который протестовал против этого, а в другое время рейхсляйтер Розенберг. Фюрер распорядился, чтобы я проинструктировал военные службы уступать в этом и выражать согласие, так как это были директивы которые он лично принял и одобрил. Тот способ, каким были подготовлены документы сам по себе показывает, что они не исходят из ведомства ОКВ. Мой адъютант подписал их, но я лично продиктовал их как приказы фюрера и отправил их. Эти запросы могли быть сделаны только потому, что не было подготовлено никаких норм и не было отдано никаких приказов. Я не знал, что должны были делать с этими культурными

ценностями, и т. д, но я естественно занял точку зрения, что предмет следовало охранять. Никак не упоминался ни транспорт, ни конфискация, ни экспроприация; и вопрос не касался меня, я просто дал эти инструкции в довольно краткой форме и больше не волновался об этом деле. Я воспринимал их как меры предосторожности и не считал их неоправданными.

Нельте: Значит, вы подразумеваете, что ОКВ не имело никакой юрисдикции в этих делах?

Кейтель: Нет.

Нельте: Это был просто вопрос передачи писем военным властям для осведомления их о желании Гитлера помогать Розенбергу в его задаче?

Кейтель: Верно.

Нельте: Я хочу задать вам личный вопрос в связи с этим. Вы, когда-либо приобретали для себя какие–либо культурные ценности из общественной или частной собственности на оккупированных территориях, или же какое-нибудь ведомство передавало вам какие-нибудь предметы искусства?

Кейтель: Нет, я никогда не имел никакого отношения к таким вещам.

Нельте: Теперь мы переходим к вопросу так называемой экономической эксплуатации оккупированных территорий. Вы обвиняетесь в соучастии, в своей официальной должности начальника ОКВ, в экономической эксплуатации оккупированных восточных территорий и западных оккупированных стран. Данный вопрос уже обсуждался в допросе рейхсмаршала Геринга, поэтому я могу рассмотреть его сравнительно коротко. Однако, вам необходимо разъяснить степень в которой ОКВ, и вы сами в частности, были связаны с этими вопросами, также как и управление экономики вооружений, которое являлось ведомством ОКВ. Генерал Томас из этого ведомства подготовил сборник, который был представлен обвинением. Что вы можете сказать по этому вопросу, если я покажу вам документ PS-1157 и СССР–80?

Кейтель: PS-1157 касается «плана Барбаросса-Ольденбург[368]». Я хочу сказать об этом:

Управление военной экономики, которое уже тогда не было известно как управление экономики вооружений проводило под руководством своего начальника, генерала Томаса, определенные организационные приготовления, сначала для кампании на Западе и позднее для кампании Барбаросса на Востоке. Их готовила внутренняя военно-экономическая организация в Рейхе, которая имела команды, приданные ко всем командованиям военных округов. Как результат, консультанты и какой-то личный состав с опытом в проблемах снабжения военной экономики и несколько небольших подразделений, названных полевыми экономическими отрядами были приданы командованиям армиями (АОК[369]).

368 План «Ольденбург» («Зелёная папка» Геринга) — кодовое именование экономического подраздела плана нападения Германии на СССР «Барбаросса».
369 Аббр. с нем. Armee Oberkommando – Командование армии.

Личный состав, приданный штабам квартирмейстеров АОК был ответственным за обеспечение, или предназначался для обеспечения, поставок, топлива и продовольствия на оккупированных или завоеванных территориях, также как и других вещей необходимых для немедленных потребностей войск. Затем они должны были взаимодействовать со старшим квартирмейстером, который следил за снабжением моей армии, и интендантом ответственным за перевозку припасов, обеспечивая их для боевых частей. Информацию выявленная о военной экономике в важных районах Франции и Бельгии, постольку поскольку такую информацию можно было получить, сохранялась для дальнейшего использования. Восток, как уже долго объяснял рейхсмаршал Геринг, был организован на совершенно другой основе с видом не только на снабжение войск, но также эксплуатацию покорённых территорий. Была выстроена организация, служившая этой цели, названная экономической организацией Восток–Ольденбург. Её связь с ОКВ лежала в том факте, что необходимые приготовления по организации и развитии комиссий экспертов, нужно было обсуждать с министерством экономики, четырехлетнем планом и министерством продовольствия и сельского хозяйства. Такой была экономическая организация Ольденбург. ОКВ и его начальник, то есть я, не имел власти отдавать приказы или инструкции в отношении её деятельности. Организация была создана и передана в распоряжение ответственных за практическое применение, дававших инструкции и работавшим с ней. Если генерал Томас написал в своей книге, которую предствили здесь как документ…

Нельте: PS-2353 (экземпляр номер USA–35), страница 386. Возможно, вы прочитаете это, чтобы сделать вывод.

Кейтель: Да. Это отрывок из книги генерала Томаса, где он подробно описывает свои функции и функции организации, которой он руководил в ОКВ, с её возникновения до войны. Здесь сказано:

> «Функции, осуществляемые управлением экономики вооружений при проведении восточной кампании заключались в основном состояли в организационном управлении работой экономического механизма и консультациях оперативного штаба военной экономики Восток»

Нельте: Вам нужно прочесть только четвёртый абзац для вашего вывода.

Кейтель: Оперативный штаб военной экономики Восток, приданный четырехлетнему плану как Барбаросса-Ольденбург, был ответственным за всё экономическое руководство всем восточным районом. Он был ответственным за технические инструкции государственных секретарей в оперативном штабе военной экономики, за организацию управления экономикой вооружений Томаса, и за применение всех мер подлежавших принятию оперативным штабом военной экономики Восток под руководством и командованием рейхсмаршала.

Нельте: Какими были условия на Западе?

Кейтель: Я очень кратко описал небольшую группу экспертов приданных ведомствам квартирмейстеров высшего командования на Западе. Позднее, как я уже сказал, в начале июня, все экономическое руководство было передано четырехлетнему плану и уполномоченным четырехлетнего плана, в части того, что выходило за рамки текущих поставок, предназначенных для покрытия ежедневных потребностей, топлива и т. д. Это было сделано специальным распоряжением, которое уже упоминалось рейхсмаршалом и которое было принято фюрером.

Нельте: Это изложено генералом Томасом на странице 304 в документе PS-2353, который мы уже упоминали. Мне не нужно его читать, и я прошу трибунал позволить мне представить письменные показания подсудимого в документальной книге номер 2 о военно-экономическом управлении ОКВ, как документ Кейтель–11 в качестве доказательства, таким образом будут не нужны дальнейшие вопросы. Я полагаю, что обвинение согласится с такой процедурой.

Председатель: Что за номер у него в книге 2?

Нельте: Номер 4 в этой документальной книге номер 2. Это страница 27 и следующая, в представленной суду документальной книге 2. Документ датирован 29 марта 1946.

Председатель: Что за дата, вы сказали?

Нельте: 29–е марта 1946. Я не думаю, что есть какие–нибудь даты в документальной книге. Я представлю оригинал, у меня есть.

Председатель: Как это описано в самом документе? У нас есть документ, датированный 4 марта 1946, «управление экономики вооружений верховного главнокомандования Вермахта». Правильно?

Нельте: Данный документ был написан 4 марта 1946, но письменные показания были добавлены 29 марта 1946.

Председатель: Но кажется это 9 марта? Этот документ?

Нельте: Управление военной экономики ОКВ. Возможно.

Председатель: Здесь.

Нельте: В любом случае, нет сомнений в идентичности документа.

[*Обращаясь к подсудимому*] Теперь я перехожу к теме, которую снова и снова представляли высокому трибуналу и которая очень трудная, из-за того, что причина для этих вопросов не понята правильно.

Вам предъявлено обвинение, которое заключается в том, что в качестве члена правительства, как утверждает обвинение, вы знали или должны были знать о событиях в концентрационных лагерях. Поэтому, я вынужден спросить вас о том, что вы знали о существовании концентрационных лагерей, как много вы знали и какое отношение к ним имели. Вы знали об их существовании? Вы знали о том, что существовали концентрационные лагери?

Кейтель: Да, уже до войны я знал о том, что существуют концентрационные лагери, но тогда я знал, по названию только два из них, и я предполагал и полагал, что были

другие концентрационные лагери кроме этих двух о которых я знал. У меня не имело других подробностей о существовании концентрационных лагерей. Что касается заключенных в таких лагерях, я знал о том, что они включали рецедивистов и политических противников. Как сказал рейхсмаршал Геринг в этом заключалась суть учреждения.

Нельте: Вы что–нибудь слышали, об обращении с заключенными?

Кейтель: Нет, я не слышал ничего точного об этом. Я полагал, что это была суровая форма заключения, или такая которая в определённых обстоятельствах обращалась к суровым воспитательным мерам. Я ничего не знал об условиях выявленных здесь, особенно о жестоком обращении с заключенными, пытках, и т. д.

Я пытался в двух случаях освободить людей, которые находились в концентрационном лагере. Один был пастором Нимёллером[370], при вмешательстве гросс–адмирала Рёдера. С помощью Канариса по просьбе гросс-адмирала Рёдера, я пытался вызволить пастора Нимёллера из концентрационных лагерей. Попытка была безуспешной. Я предпринял вторую попытку по просьбе семьи из своей родной деревни, в случае когда крестьянин оказался в концентрационном лагере по политическим причинам; и в этом случае мне это удалось. Человека освободили. Это было осенью 1940. Я поговорил с этим человеком, и когда я спросил его как там дела, он дал мне ни к чему ни обязывающий ответ о том, что с ним всё в порядке. Он не привёл подробностей. Я не знаю о других случаях.

Нельте: Когда вы говорили с этим человеком у вас сложилось впечатление о том, что с ним, что-то случилось?

Кейтель: Несомненно, он не производил такого впечатления. Я не видел его сразу после освобождения. Я увидел его позднее, когда находился дома. Причиной, по которой я говорил с ним, было то, что он пришел поблагодарить меня. Он ничего не сказал мне о плохом обращении или чем–нибудь таком.

Нельте: Здесь время от времени говорили о том, что эти концентрационные лагеря посещали военнослужащие Вермахта, офицеры – также высокопоставленные офицеры. Как вы это объясните?

Кейтель: Я убежден в том, что эти визиты проходили по приглашению Гиммлера. Я сам однажды получил личное приглашение от него нанести визит в лагерь Дахау в Мюнхене. Он сказал о том, что хочет мне его показать. Я также знаю о том, что крупным и небольшим группам офицеров и комиссиям показывали лагеря. Думаю едва ли мне нужно рассказывать, как эти визиты организовывали в связи с вещами которые должны были показывать. Дополняя своё заявление, я хочу сказать, что необычно было услышать такие замечания как: «Вы закончите в концентрационном лагере!» или - «там случается всякое». Однако, я знаю, что, когда бы любой не приходил ко мне с такими слухами и историями, я спрашивал о том, что именно они

370 Мартин Нимёллер (1892 — 1984) — немецкий протестантский богослов, пастор протестантской евангелической церкви, один из самых известных в Германии противников нацизма, президент Всемирного совета церквей, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (1967).

знали и откуда получили информацию, ответом всегда было: «На самом деле я не знаю, я просто слышал об этом». Таким образом, что бы кто ни думал, ни у кого не было фактов и их нельзя было получить.

Нельте: Вы слышали, о том, что над этими заключенными проводили медицинские эксперименты и это делали по согласованию с высшими инстанциями. Я спрашиваю вас, знали ли вы об этом, либо лично или от верховного главнокомандования Вермахта.

Кейтель: Нет, я никогда ничего не слышал о медицинских опытах на заключённых, которые мне здесь описали в деталях, ни официальным образом ни иначе. Ничего.

Нельте: Теперь я перехожу к группе вопросов относящихся к утверждению обвинения о том, что вы намеревались убить генерала Вейгана[371] и генерала Жиро, или, по крайней мере, принимали участие с такой целью. Вам известно, что свидетель Лахузен, 30 ноября 1945 заявил о том, что адмирал Канарис некоторое время подвергался вашему давлению, ноябрь–декабрь 1940 для того, чтобы устранить начальника французского генерального штаба генерала Вейгана.

Лахузен добавил, что Канарис рассказал это своим начальникам отделов после беседы с вами. Вы обсуждали дело генерала Вейгана с Канарисом?

Кейтель: Возможно это правильно, так как тогда были доклады о том, что генерал Вейган отправился в Северную Африку, посещая войска и инспектируя колониальные войска. Я считаю совершенно естественным, что я сказал Канарису, который являлся начальником контрразведки, что нужно уточнить цель поездки генерала Вейгана, места в которых он остановился в Северной Африке, и можно ли придавать какое–нибудь существенное значение этому визиту, в отношении применения колониальных войск в деле или введения остальных мер касавшихся их в Северной Африке. Разумеется, он должен был получить инструкции о том, чтобы постараться получить информацию через своё разведывательное ведомство о том, что происходило.

Нельте: Я полагаю, также, чтобы следить за ним?

Кейтель: Да.

Нельте: Могло управление контрразведки направить своих сотрудников в Северную Африку?

Кейтель: Мне кажется, что определенные каналы информации существовали в испанском Марокко; и я знаю о том, что Канарис поддерживал разведывательные каналы с Марокко через Испанию.

Нельте: Своим вопрос я подразумевал то, возможен ли был официальный визит в Северную Африку по согласованию с Францией.

Кейтель: Конечно, это было возможно. После перемирия, в Северной Африке существовали комиссии по разоружению, как и во Франции. Мы имели там

371 Максим Вейган (1867 — 1965) — французский военный деятель. Командующий французскими войсками в Северной Африке.

несколько армейских ведомств в связи с проверкой вооружений североафриканских войск.

Нельте: В чем заключался смысл, и если смысл вообще был, в желании болезни генерала Вейгана? Он был объявлен противником политики которой желала Германия? В чём заключалась причина?

Кейтель: У нас не было причины думать о том, что генерал Вейган может быть, скажем, неудобным. В виду связи с маршалом Петэном, который начал с конца сентября и начала октября того года, хорошо известную политику сотрудничества, которая достигла пика зимой 1940–41, абсурдно было даже подумать устранять начальника штаба маршала. Акция такого рода не согласовывалась бы с общей политикой, которой следовали в Северной Африке. Мы выпустили большое число офицеров регулярной французской колониальной армии из лагерей французских военнопленных зимой 1940–1941 для службы в колониальных силах. Среди них были генералы: я помню в частности генерала Жюэн[372], который, как тогда мы знали, многие годы был начальником генерального штаба в Северной Африке. По моему предложению он был передан в распоряжение маршала Гитлером, очевидно с целью его использования на колониальной службе. Не было малейшего мотива желать болезни генерала Вейгана или думать о чем–либо таком.

Нельте: Верно, что даже состоялись совещания с французским генеральным штабом и Лавалем о сотрудничестве в операциях в Африке и усилении Западной Африки?

Кейтель: Да. Среди документов французской делегации по перемирию должно быть большое число документов с просьбами о всякого рода уступках в связи с Северной Африкой и в особенности с Центральной и Западной Африкой, ввиду того факта, что в течение зимы 1940–41 имели место восстания во Французской Центральной Африке против которых французское правительство хотело предпринять меры. Мне кажется, что весной 1941 в Париже состоялось совещание с французским генеральным штабом занявшее несколько дней, с целью подготовить меры в которых принял бы участие германский Вермахт у которого уже имелись войска дислоцированные в Триполи на итальянской территории.

Нельте: Таким образом видимого мотива не было?

Кейтель: Нет.

Нельте: Однако, кое–что следует сказать, о разговоре с Канарисом, что привело к таком недопониманию. Вы можете предположить, что–либо, что могло вызвать недопонимание?

Кейтель: Может быть только то, что согласно очень подробным деталям, описанным Лахузеном в своих показаниях, я сказал при последующей встрече: «Что с Вейганом?».Такую фразу использовал Лахузен, и он мог наверное сделать вывод, что смысл слова, как он его представил, он постоянно говорил: «В этом смысле

372 Альфонс Жюэн (1888 — 1967) — Маршал Франции, ветеран Первой и Второй мировых войн.

слова» - и когда его спросили, что это значило, он сказал: «Убить его». Это может быть из-за этого, может быть только из-за этого. Я должен сказать, что Канарис часто бывал со мной наедине. Часто он вместе приводил с собой начальников отделов. Когда мы обсуждали между собой дела, я думаю, он был совершенно откровенным со мной. Если бы он неправильно меня понимал, то это бы точно обсуждалось, но он никогда не говорил ничего такого.

Нельте: Вам ясно, что если существовала идея устранить Вейгана, это бы расценивалось как акт имевший бы весьма вообразимое политическое значние?

Кейтель: Да, конечно. Для сотрудничества фюрера Адольфа Гитлера и маршала Петэна акт такого рода имел бы величайшие вообразимое политическое значение.

Нельте: Значит вы всё также верите в то, что если бы это случилось, это означало бы разрыв с политикой начатой Гитлером?

Кейтель: Разумеется, пришлось бы ожидать этого.

Нельте: Только в силу большой значимости личности генерала Вейгана?

Кейтель: Да.

Нельте: Вы можете представить какое-нибудь другое объяснение, или какое-то доказательство того, что замыслы приписываемые вам, слава богу никогда не нашли воплощения на практике?

Кейтель: Хотя это было гораздо позднее даты, когда генерала Вейгана забрали в Германию, с оккупацией ранее не оккупированной зоны Южной Франции, фюрер лично мне сказал о том, что лично он отдал приказы лишь о том, чтобы генерала интернировали в своём доме, не причиняя неудобства охраной, почетный арест, но не обращение к с обычным военнопленным. Конечно, это было в 1942.

Нельте: Таким образом, вы окончательно и непрерывно отрицаете под присягой то, что вы давали какие–нибудь приказы или высказывались каким–либо образом способным привести ваших слушателей к выводу о том, что вы намеревались или желали устранить генерала Вейгана?

Кейтель: Да. Я могу категорически это подтвердить.

Нельте: Свидетель Лахузен также говорил о Жиро и описал случай весьма похожий на Вейгана. Ни в том, ни в другом случае он был не в состоянии сказать по сведениям из первых рук о том, что вы отдали такой приказ, но он сообщил о том, что Канарис рассказал ему и проиллюстрировал свои показания с помощью последующего расследования. Я прошу вас рассказать нам, о том, что вам известно о случае с Жиро, который произвел сенсацию тогда и сейчас, и сказать какое участие вы принимали в дискуссиях о Жиро.

Кейтель: Успешный побег Жиро из крепости Кёнигштайн около Дрездена 19 апреля 1942 произвел сенсацию; и я меня сурово отчитали из-за охраны генеральского лагеря, военной крепости. Побег был успешным, несмотря на все попытки поймать генерала, в результате полицейской или военной акции, на его пути во Францию. Канарис имел от меня инструкции зорко следить за всеми

местами, в которых он мог пересечь границу с Францией или Эльзас–Лотарингией для того, чтобы мы могли его поймать. Полицию также привлекли к этой работе; через 8 или 10 дней после побега стало известно, что генерал безопасно вернулся во Францию. Если бы я отдал какие–нибудь приказы во время этих поисков я, наверное бы использовал слова сказанные на предварительных допросах, а именно: «Мы должны вернуть генерала, живым или мертвым». Я, возможно, говорил нечто такое. Он сбежал и находился во Франции.

Вторая фаза: усилия, предпринимаемые посольством Абеца и министром иностранных дел Риббентропом заставить генерала вернуться в плен по своей воле, не казались неудачными и невозможными, так как генерал заявил о своей готовности отправиться в оккупированную зону, чтобы обсудить это. У меня было мнение, что генерал возможно мог это сделать из-за уступок маршалу Петэну в связи с личными желаниями связанными с освобождением из плена французских генералов. Встреча с генералом Жиро состоялась на оккупированной территории, в штабе германского армейского корпуса, где обсуждался вопрос его возращения. Военный командующий информировал меня по телефону о присутствии генерала на оккупированной территории, в отеле, где жили немецкие офицеры.

Командующий предложил о том, что если генерал не вернется добровольно то было бы очень просто схватить его, если ему дадут такие полномочия. Я сразу же категорически в этом отказал так как считал это нарушением обещания. Генералу дали обещания надлежащего обращения и беспрепятственного возвращения.

Третья фаза: попытка или желание как–нибудь захватить генерала в военное заключение вытекала из того факта, что Канарис рассказал мне о том, что семья генерала жила на территории оккупированной немецкими войсками; и почти точно было то, что генерал постарался бы встретиться со своей семьей, даже спустя определённый период времени, пока инцидент сошёл на нет. Он предложил мне сделать приготовления для поимки генерала, если был он совершил подобный визит на оккупированную территорию. Канарис сказал, что он сам инициирует такие приготовления через отдел контрразведки в Париже и через свои остальные отделы. Некоторое время ничего не происходило и для меня было совершенно естественно спросить по нескольким поводам, неважно кто находился с Канарисом или если с ним был Лахузен: «Что стало с делом Жиро?» или похожим образом: «Как продвигается дело Жиро?». Словами, использованными господином Лахузеном были: «Это очень сложно, но мы должны сделать всё возможное». Таким был его ответ. Канарис не ответил. Это поразило меня как значимое только сейчас, но тогда мне это не приходило в голову.

Третья фаза: на поздней стадии – я продолжу?

Нельте: Четвертая фаза.

Кейтель: Четвертая фаза. Она началась с Гитлера сказавшего мне: «Всё это

бессмыслица. У нас нет результатов. Контрразведка не подходит для этого и не может разобраться с этим вопросом. Я передам его Гиммлеру и контрразведке лучше держаться от этого подальше, так как она не смогла достать генерала». Тогда адмирал Канарис сказал, что он учитывал необходимые меры безопасности принятые французской секретной государственной полицией в случае поездки генерала Жиро в оккупированную зону; и мог возникнуть бой, так как генерал был печально известен как вдохновленный солдат, человек шестидесятилетний человек спустивший на 45 метров с утёса с помощью веревки – так он сбежал из Кёнигштайна.

Пятая фаза: Согласно объяснениям Лахузена в Берлине, желание Канариса передать дело секретной государственной полиции, что, как сказал Лахузен, произошло в результате представлений от начальников отделов, было из-за того, что я снова задавал вопросы, как идут дела с Жиро, и он хотел избавиться от этой неприятной задачи. Канарис прибыл ко мне и спросил, может ли он передать дело в главное управление безопасности Рейха или в полицию. Я сказал да, потому что фюрер уже периодически говорил мне о том, что он хотел передать его Гиммлеру.

Следующая фаза: некоторое время спустя я хотел предупредить Канариса, когда Гиммлер прибыл ко мне и подтвердил, что он получил приказы от Гитлера ненавязчиво присматривать за Жиро и его семьей и, что я должен был остановить проведение Канарисом какой-нибудь акции. Ему рассказали о том, что Канарис работал параллельно. Я немедленно согласился.

Теперь мы переходим к фазе, которую долго описывал Лахузен. Меня спрашивали о «Густаве» и похожих вопросах. Я хотел приказать Канарису немедленно прекратить свои действия в данном деле, так как Гитлер подтвердил приказ. Что случилось в Париже согласно подробным докладам Лахузена, о том, что искали оправдания, и т. д., о том, что о деле думали как о самом загадочном, то есть, Густав это сокращение от «Ж» в Жиро, все это скорее забавно, нежели является фактом. Я вызвал к себе Канариса, так как он находился в Париже, а не в Берлине. Он с самого начала ничего не сделал. Таким образом он оказался в очень неудобном положении в отношении меня так он врал мне. Когда он прибыл, я лишь сказал: «Вы больше не имеете к этому никакого отношения, держитесь подальше от этого».

Затем последовала следующая фаза: генерал без затруднений сбежал в Северную Африку на самолете, о чем внезапно доложили – если я правильно помню – перед вторжением в Северную Африку англо–американских войск. Так и закончилось дело. Контрразведка которой я поручил следить за ним не предприняла никакой акции, и я никогда не использовал слова избавиться от генерала. Никогда!

Последняя стадия всего дела может звучать, как сказка, но вместе с тем это правда. Генерал отправил самолет из Северной Африки в Южную Францию около Лиона в феврале или марте 1944, со связным, который явился в контрразведку и

спросил о том может ли генерал вернуться во Францию и о том, что случиться при его приземлении во Франции. Вопрос передали мне. Генерал–полковник Йодль мой свидетель в том, что это случилось в действительности. Начальник управления контрразведки вовлеченный участвовал в этом деле вместе со мной. Ответ был: «Обращение именно такое как с генералом Вейганом, который уже находится в Германии. Без сомнений фюрер согласится».

На самом деле ничего не случилось, и я больше не слышал об этом. Но эти вещи случились на самом деле.

Нельте: Для полноты нашей информации, я должен задать вам несколько вопросов так как французское обвинение говорило о том, что позднее, в последней фазе, семья генерала Жиро страдала от неудобств или утрат серьезного характера. Когда вы искали Жиро вы причиняли проблемы его семье, которая жила в оккупированной Франции? Вы принимали какие–нибудь которые как-либо ограничивали или причиняли неудобства семье?

Кейтель: Нет. У меня была только ненавязчивая слежка за домом семьи семьи с целью получить информацию о запланированных визитах. Но против семьи никогда не предпринимали никаких шагов. В таком деле это было бы глупо.

Нельте: Вашей глупостью?

Кейтель: Да.

Нельте: Чтобы совершенно понять вопрос: у вас не было никаких сведений о чём-то происходившем позднее?

Кейтель: Нет, вообще ничего.

Нельте: Что же, генерал Жиро всё ещё жив, и я хочу спросить вас, в заключение под присягой: вы можете подтвердить, что вы ни в какое время не отдавали, приказ или директиву, которые можно интерпретировать как подразумевавшие то, что генерала Жиро должны были убить?

Кейтель: Нет. Я никогда не отдавал такого приказа, до тех пор пока фразу: «Мы должны поймать его живым или мертвым» может считаться весомой в этом отношении. Я никогда не отдавал приказов о том, чтобы генерала должны были убить или устранить, или что–нибудь в таком роде. Никогда.

Нельте: Я завершил свой прямой допрос подсудимого Кейтеля. Могу я попросить вас приобщить в качестве доказательства последние письменные показания, номер 6 в документальной книге номер 2. Я хочу приобщить эти письменные показания в качестве доказательства. Они на странице 51 и следующей и это документ К…

Председатель: Вы не приобщали их вчера как К–12?

Нельте: Сегодня я приобщаю Кейтель–13…

Председатель: Эти письменные показания, которые вы хотите приобщить, где они и от какой даты?

Нельте: Это страница 51 и следующие, и они датированы 9 марта 1946.

Председатель: Да, я вижу.

Нельте: Эти письменные показания удостоверены также генерал–полковником Йодлем. Я прошу разрешения спросить его об этих письменных показаниях или показать их ему, когда он будет вызван для дачи показаний.

Председатель: Очень хорошо.

Додд: С позволения суда, мы изучили вопрос так называемого допроса генерала фон Фалькенхорста упомянутого вчера доктором Нельте. Насколько мы смогли установить, эту бумагу никогда не предъявлял как доказательство, никто из сотрудников обвинения. На него ссылался господин Дюбост – я имею в виду, он его не упоминал, но включил его в досье. Я не ссылался на него, и не приобщал его в качестве доказательства. Так он оказался в руках доктора Нельте, но не в материалах дела.

Председатель: Доктор Нельте хочет представить его в качестве доказательства?

Нельте: Я прошу приобщить его как документ Кейтель–14.

Председатель: У него есть номер PS или другой номер?

Нельте: Нет, господин председатель, у него нет другого номера.

Председатель: Спасибо.

Итак, кто–нибудь из остальных защитников хочет задать вопросы?

Штамер: Господин подсудимый, так как вы поправили ваше предыдущее заявление, ответив на вопрос, заданный вашим защитником заявлением о том, что рейхсмаршал Геринг не присутствовал на совещании, на котором Гитлер отдал приказы по летчикам, сбежавшим из лагеря Саган, чтобы их задержала полиция и поскольку далее вы сказали, что в Берлине не проходило совещание с рейхсмаршалом Герингом, у меня есть только следующие вопросы по этому предмету: несколько недель спустя после побега, вы получили письмо от генерал–квартирмейстера генерального штаба Люфтваффе сообщавшее вам, что Люфтваффе хотело передать свои лагеря пленных ОКВ?

Кейтель: Да, я получил это письмо и после беседы с Гитлером я отклонил это предложение.

Штамер: У меня больше нет вопросов.

Зейдль: В начале войны, подсудимый, доктор Франк являлся лейтенантом в 9–м пехотном полку, это верно?

Кейтель: Да.

Зейдль: В 1942 вы помните получение письма от доктора Франка, который тогда являлся генерал–губернатором, говорившее о том, что он хотел перейти в Вермахт?

Цель данного письма, конечно, заключалась в том, чтобы его освободили от должности генерал – губернатора таким способом. Это верно?

Кейтель: Да, я получил такое письмо и вручил его фюреру, который просто махнул рукой и сказал: «Не обсуждается». Я проинформировал Франка об этом решении, через связного, который тогда временно находился с ним.

Зейдль: У меня все.

Дикс: Ваша светлость, уже три минуты первого и я не займу много времени, но это может занять время после часа, поэтому может нам лучше прерваться. Затем после перерыва я задам свидетелю вопрос.
Председатель: Хорошо, мы прервемся до двух часов.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Дикс: С позволения трибунала, данный свидетель компетентный эксперт, который может дать трибуналу точные цифры о расходах Рейха на вооружение. Однако, свидетель разумеется не в состоянии вспомнить все эти цифры сразу же. Поэтому профессор Краус, мой коллега, в моё отсутствие, любезно записал эти цифры и проверил их вместе со свидетелем. Письменное изложение было затем подписано свидетелем, с целью избежать любое недопонимание. Для того, чтобы помочь ему вспомнить эти цифры, я сейчас прошу вашего разрешения представить свидетелю это изложение, которое он подписал. Я подготовил переводы этого изложения на трех языках, и теперь я представляю его трибуналу в восьми копиях. У меня также есть четыре копии для четырех делегаций обвинения, и немецкие копии для защитников подсудимых Кейтеля, Йодля, Рёдера, Дёница и ОКВ.

Могу я попросить одну секунду, чтобы свидетель прочитал это.

[*Обращаясь к подсудимому*] Свидетель, не будете ли вы любезны посмотреть только на первый столбец, который озаглавлен «Общие расходы». Второй и третий столбцы, показывают, какие из сумм были обеспечены Рейхсбанком с одной стороны, и какие были обеспечены из других источников, с другой стороны. Эти цифры я хочу удостоверить во время допроса Шахта, потому что они являются результатом расчетов Шахта и, следовательно, свидетель может, дать о них информацию. Могу я спросить вас относительно этих военных расходов Рейха, начиная с 1935 налогового года, налоговый год длится с 1 апреля по 31 марта: цифры указанные здесь такие: 5000 миллионов в 1935, 7000 миллионов в 1936, 9000 миллионов в 1937, 11 000 миллионов в 1938, и 20500 миллионов в 1939. Эти цифры правильные?
Кейтель: По моему убеждению, эти цифры правильные. Могу я добавить, что с начала своего плена я также имел возможность поговорить с рейхсминистром финансов об этих цифрах и согласовать наши мнения.
Дикс: Итак, вопрос о силе вооружений Рейха к 1 апреля 1938. Правильно сказать, что тогда существовали: 24 пехотных дивизии, 1 танковая дивизия, не было моторизованных дивизий, 1 горная дивизия, 1 кавалерийская дивизия, и что дополнительно формировались 10 пехотных дивизий и 1 танковая дивизия? Я хочу

добавить, что 3 резервных дивизий не были готовы к 1 апреля 1938; и только 7-8 находились в процессе формирования и ожидались к 1 октября 1938.

Кейтель: Я считаю, эти цифры правильными и поэтому подтвердил их в этих письменных показаниях.

Дикс: Это, что касается показаний. Я хочу задать свидетелю еще два вопроса, которые не обсуждались с ним, поэтому я не знаю, помнит ли он цифры в этом вопросе.

Я считаю возможным, что трибунал был бы заинтересован в соотношении силы между Рейхом, с одной стороны, и Чехословакией, с другой стороны, ко времени марша Гитлера в Чехословакию, то есть соотношение между силой (а) в вооружённой мощи и (б) в гражданском населении.

Кейтель: Я не помню точных цифр об этом. На предварительном допросе меня спрашивали об этом, и мне кажется цифры были бы правильными если бы я сказал, что осенью 1938, действующие военные подразделения, то есть дивизии…

Дикс: Я имею в виду время, когда Гитлер вступил в Чехословакию, весной 1939.

Кейтель: Это был также год мобилизации, то есть в то время, что касается цифр, было меньше дивизий, чем имела в своем распоряжении Чехословакия. Осенью 1938 количество подразделений, то есть дивизий, было наверное равным. Весной 1939, когда мы выступили, сила, которую использовали, была меньше чем находилась в готовности осенью 1938. Точные цифры, если они важны для трибунала скорее вы можете получить у генерала Йодля.

Дикс: Что касается количества дивизий, которые Чехословакия имела в своем распоряжении в марте 1939, можете вы сказать нам, что–нибудь об этом?

Кейтель: Нет, я точно не знаю.

Дикс: Тогда я позднее спрошу об этом генерала Йодля.

Председатель: Наверное, вы на самом деле приобщите этот документ в качестве доказательства, когда подсудимый Шахт даст показания. Вы намерены это сделать?

Дикс: Я собираюсь предъявить его в качестве доказательства, и он будет включен в мою документальную книгу. Сейчас это не нужно, потому что я снова вернусь к нему, когда будут допрашивать Шахта, и тогда вы найдете его в документальной книге. Однако, я хочу предложить, чтобы копия, которую я передал свидетелю была включена в материалы дела, потому что мои вопросы относятся к документу. По этой причине может быть полезно внести эту копию в материалам дела.

Председатель: Если вы хотите приобщить его к материалам дела лучше присвоить ему номер. Лучше чтобы он имел Ш–1, не так ли?

Дикс: Да. Ваша светлость, могу я предложить Шахт–1?

Председатель: Да.

Штамер: Свидетель, 4 января 1944, между фюрером и Заукелем предположительно состоялось совещание о предоставлении рабочей силы. Вы присутствовал на этом совещании?

Кейтель: Да.
Штамер: Заукель по этому поводу заявил о том, что он не может выполнить в требуемой мере, запросы о предоставлении рабочей силы?
Кейтель: Да, он подробно обсуждал это и также приводил причины.
Штамер: Какие причины он приводил?
Кейтель: Он отмечал огромные сложности возникавшие в районах в которых он предполагал вербовать или набирать рабочую силу, сильную активность повстанцев и партизан в этих районах, сильные препятствия в получении достаточных полицейских сил для охраны акции, и похожие причины. Я не помню подробностей.
Кранцбюлер: Фельдмаршал, вы являлись руководителем германской делегации, которая подписала капитуляцию завершившую войну в Европе?
Кейтель: Да.
Кранцбюлер: Когда и где это состоялось?
Кейтель: В Берлине 8 мая, то есть в ночь с 8 на 9 мая 1945.
Кранцбюлер: У вас попросили полные полномочия, которые позволили бы вам вести переговоры о капитуляции?
Кейтель: Да. Я взял полные полномочия с собой в Берлин. Они были подписаны гросс–адмиралом Дёницем в качестве главы государства и главнокомандующего Вермахта и говорили в нескольких словах о том, что он уполномочил и приказал мне вести переговоры и подписать капитуляцию.
Кранцбюлер: Эти полномочия проверялись и были признаны союзниками?
Кейтель: В течение вечера 8 мая меня попросили предоставить полные полномочия. Очевидно, их проверили и несколько часов спустя их вернул высокопоставленный офицер Красной Армии, который сказал, чтобы я снова показал их при подписании.
Кранцбюлер: Вы показали их снова?
Кейтель: Моя доверенность была у меня в руках в ходе акта капитуляции и передана им, чтобы стать частью документа.
Яррейс: Свидетель, во время своих показаний вы объяснили организацию верховного главнокомандования Вермахта. Эта организация основывалась на распоряжении фюрера и рейхсканцлера от 4 февраля 1938. В данном распоряжении, ОКВ предусматривалось как военный штаб верховного главнокомандующего вооруженными силами. Таким образом в этом аспекте вы являлись начальником штаба. Итак, обвинение периодически называет Йодля вашим начальником штаба. Это верно?
Кейтель: Нет, генерал Йодль никогда не являлся моим начальником штаба, он был начальником оперативного штаба вооруженных сил и как я уже заявлял одним из начальников управлений высшего командования вооруженных сил, хотя и первым среди равных.
Яррейс: Так сказать, начальником нескольких смежных и взаимодействующих учреждений.

Кейтель: Да, у меня никогда не было начальника штаба.

Яррейс: Здесь было упоминание о дискуссии между Гитлером и Шушнигом в Оберзальцберге 12 февраля 1938. Вы помните это? Запись в дневнике Йодля отсылает к этому разговору представленному трибуналу. Йодль был на этом совещании?

Кейтель: Нет, его не было на совещании и его сведения о совещании возникли из совещания которое я уже описывал и которое провёл с ним и Канарисом о необходимости распространения новостей об определенных военных приготовлениях в течение дней последовавших за совещанием с Шушнигом, следовательно возникшее у генерала Йодля впечатление являлось результатом моего описания ему.

Яррейс: В ходе подготовки проводимой из-за обострения германо–чехословацкого вопроса, то есть судетского вопроса, план подставного инцидента играл большую роль. Вы когда-либо отдавали приказ отделу II контрразведки Канариса, подготовить такой инцидент в Чехословакии или на границе?

Кейтель: Нет, таких приказов никогда не отдавали ни разведке, во всяком случае не мной.

Яррейс: Фельдмаршал, после Мюнхена, то есть в октябре 1938, тогдашний начальник национальной обороны, подсудимый Йодль, оставил свою должность и был переведен в Вену. Кто являлся его преемником?

Кейтель: Йодля перевели на действительную службу. Он стал командиром артиллерийской дивизии в Вене и его преемником был Варлимонт, тогда полковник Варлимонт.

Яррейс: То есть его преемником…

Кейтель: Да.

Яррейс: Если я правильно вас понял, то есть, Йодль не просто ушёл в отпуск, а явно оставил должность?

Кейтель: Йодль явно покинул высшее командование вооружённых сил и являлся кадровым офицером в дивизии, Варлимонт не являлся его представителем, а преемником на должности Йодля.

Яррейс: Итак, обвинение сказало о том, что по поводу известного совещания 23 мая 1938 – нет, 1939 – Варлимонт присутствовал как заместитель, назначенный для Йодля. Какое отношение имел Йодль к этому совещанию?

Кейтель: Вообще никакого, он был тогда фронтовым офицером и командиром в Вене.

Яррейс: Почему вы выбрали Йодля начальником оперативного штаба вооруженных сил?

Кейтель: Это было следствием нашего сотрудничества с 1935 по 1938. По моему мнению я бы не нашел лучшего человека для этой должности.

Яррейс: Как Йодль представлял свою военную карьеру, раз уж его артиллерийское

командование в Вене или Брюне должно было завершиться?

Кейтель: Я знал о его страсти и желании стать командиром горной дивизии. Он часто рассказывал мне об этом.

Яррейс: Что же, был бы хотя бы какой-то шанс получить такое командование?

Кейтель: Да, я пытался использовать своё влияние на главнокомандующего армией и я помню, что в течение лета 1939, я написал ему, о его желании стать командиром горной дивизии в Рейхенхалле – я не помню номер – что стало правдой. Я был рад сообщить ему об этом.

Яррейс: Это было ваше решение или ОКХ?

Кейтель: Я сделал запрос главнокомандующему армией, и он принял решение.

Яррейс: И если я понимаю правильно, вы сами уведомили Йодля?

Кейтель: Я написал ему письмо, потому что я знал, что он будет этому очень рад.

Яррейс: Фельдмаршал могу я спросить, вы регулярно переписывались с Йодлем?

Кейтель: Нет; мне кажется, что это было единственное письмо, написанное мной ему в тот год.

Яррейс: Я спросил об этом по определенной причине: Йодль покидает ОКВ. Он знает о том, что если возникнет необходимость он станет начальником будущего так называемого оперативного штаба вооруженных сил, то есть, довольно важная должность. Он идёт на действительную службу, как вы говорите. Можно подумать, что тогда он не только иногда получал частные письма от вас, но регулярно информировался вами.

Кейтель: Я это точно не делал и согласно моему личному мнению, каждый офицер генерального штаба, который идёт на действительную службу очень рад тому, если его больше не беспокоят такие вещи.

Яррейс: Да, но судьба не всегда даёт то, что нас радует. Например могло быть так, что кто-то получил официальный приказ, чтобы информировать этого господина.

Кейтель: Я точно не делал этого. Мне не кажется, что это происходило, но я не знаю точно, пытался ли кто–нибудь делать это.

Яррейс: В течение периода, когда Йодль находился в Вене и Брюне, то есть, не в Берлине, он периодически бывал в Берлине с целью получения информации?

Кейтель: Я не видел его, и он не приходил ко мне. Мне кажется это не очень вероятно, потому что в таком случае он бы посещал меня.

Яррейс: Значит из сказанного вами, я должен понять, что когда он прибыл в Берлин незадолго до начала войны, в ответ на телеграмму, сначала ему нужно было получить информацию о том, что происходит?

Кейтель: Да, и это была первая вещь, сделанная между мной и ним.

Яррейс: Вы информировали его?

Кейтель: Да.

Яррейс: Фельдмаршал ещё одна вещь. Вы, наверное помните, довольно бурное утро в рейхсканцелярии после путча Симовича, это было 27 марта 1941, не так ли?

Кейтель: Да, Югославия.

Яррейс: Если отразить политику и историю войн последних 200 лет в Европе, можно спросить: в рейхсканцелярии не было никого на совещании, кто мог предложить, чтобы вместо немедленного нападения, было бы лучше выступить к границам государства отношение которого, было совершенно неопределенным и затем разъяснить ситуацию ультиматумом?

Кейтель: Да, в течение всех этих за и против в бурных условиях утреннего заседания, лично Йодль, по моим сведениям поднял этот вопрос. Предложение: выступить и отправить ультиматум; вот такой был способ.

Яррейс: Если я правильно информирован, вы находились на Востоке в октябре 1941 с целью инспекции или визита в группу армий «Север»; верно?

Кейтель: Да, осенью 1941 я часто летал в группу армий «Север» с целью получения информации для фюрера.

Яррейс: Фельдмаршал фон Лееб являлся командующим группой армий «Север»?

Кейтель: Да.

Яррейс: Фон Лееб рассказывал вам об особенных волнениях, которые имелись тогда?

Кейтель: Я думаю это был мой последний или предпоследний визит к фон Леебу где вопросы капитуляции, то есть, вопрос населения Ленинграда, играл важную роль, который беспокоил его очень сильно, потому что были определенные указания на то, что население вытекало из города и проникало в его район. Я помню, что тогда он попросил меня сделать фюреру предложение о том, чтобы, так как он не мог принять и прокормить 1 миллион гражданских внутри района его группы армий, щель, так сказать, следовало сделать в направлении Востока, то есть, в русскую зону для того, чтобы население могло вытекать в этом направлении. Тогда я доложил об этом фюреру.

Яррейс: Что же, население направили в другое направление?

Кейтель: Да, в особенности на юг в южные леса. Согласно фон Леебу определенное давление оказываемое населением для прохода через немецкие позиции ощущалось в то время.

Яррейс: И это бы мешало вашим операциям?

Кейтель: Да.

Яррейс: Фельдмаршал, вы осведомлены, я полагаю, поскольку это упоминалось этим утром, о приказе принятом фюрером и верховным главнокомандующим о коммандос, датированном 18 октября 1942, то есть документе PS-498, который здесь предъявили. Он публично заранее объявлял о том, что такой приказ будет отдан. Вам об этом известно?

Кейтель: Да, спорный пункт был включен в одно из ежедневных коммюнике Вермахта.

Яррейс: Мы рассматриваем коммюнике Вермахта от 7 октября 1942, которое, после

ниже обычного доклада, говорит в связи с тем, что случилось: «Таким образом высшее командование вооруженных сил, считает себя обязанным издать следующие приказы». Первый пункт не имеет здесь интереса, и затем появляется второй пункт в следующей фразе:

> «В будущем со всеми террористическими и саботажными британскими коммандос и их сообщниками, которые не ведут себя как солдаты, а скорее как бандиты, будут обращаться как с таковыми со стороны немецких войск и будут безжалостно уничтожать при всяком появлении»

Фельдмаршал, кто подготовил такую формулировку?

Кейтель: Лично фюрер. Я присутствовал, когда он диктовал и правил его.

Латернзер: Свидетель, я хочу продолжить положение, которое упоминалось профессором Яррейсом. Обсуждался приказ о коммандос, документ номер PS-498. В этом приказе о коммандос, под номером IV, Гитлер угрожал, что все командиры, не исполняющие этот приказ будут предаваться военным трибуналам. Вам известно, какие соображения заставили Гитлера включить этот конкретный отрывок в приказ?

Кейтель: Да, они совершенно ясные, я думаю, что цель заключалась в том , чтобы подчеркнуть требование, о том, что этот приказ на самом деле следует исполнять, поскольку он явно считался генералами и теми кто должен был его исполнять, очень суровым приказом, и по этой причине исполнение нужно было подкрепить угрозой наказания.

Латернзер: Итак, я хочу задать вам несколько вопросов касающихся характера так называемых групп генерального штаба и ОКВ. Что вы понимали под германским генеральным штабом?

Кейтель: Под генеральным штабом я понимаю тех офицеров, которые специально готовились как помощники для высшего руководства.

Председатель: Подсудимый уже потратил очень много времени объясняя разницу между ОКВ и штабами различных командований, и обвинение уточнилось и совершенно ясно, что это за группа, которую оно просит признать преступной, и поэтому, я не понимаю, как относится к делу дальнейшие показания теме. Что вы пытаетесь показать, спросив его о том, что он понимает под генеральным штабом?

Латернзер: Это был чисто подготовительный вопрос. Я намеревался связать этот вопрос с ещё одним; и ответом на второй вопрос, я хотел подтвердить, что предполагаемая группа, группа обвиняется под ошибочным названием.

Председатель: Я не понимаю, какое имеет значение ошибочное ли это название если группу определили. Но, в любом случае, подсудимый уже сказал нам о том, что он понимает под генеральным штабом. Вы зададите ему второй вопрос.

Латернзер: Свидетель, если высшее военное руководство рассматривать коллективно образующим группу, которая обозначена как генеральный штаб и ОКВ, вы считаете такое обозначение правильным или неправильным?

Кейтель: Согласно нашим немецким военным концепциям такое обозначение неправильное, потому что для нас генеральный штаб всегда означал орган помощников, в то время как командующие армиями и группами армий и командующие генералы представляли руководящий состав.

Латернзер: Военная иерархия достаточно обсуждалась на данном процессе. Я лишь хочу узнать от вас следующее: взаимоотношения этих эшелонов друг к другу было как у начальников и подчинённых или существовала дополнительная организация в этих рядах которая выходила за рамки чисто профессиональных военных обязанностей?

Кейтель: Нет, генеральный штаб, то есть, генеральный штаб офицеров как помощников руководителей, можно было опознать по форме. Руководители или так называемые командующие сами не имели отношений друг с другом через какие-нибудь межведомственные каналы или через какие–то другие организации любого рода.

Латернзер: Вчера вам были предъявили письменные показания генерал–полковника Гальдера. Сейчас я хочу обсудить с вами последнее предложение данных письменных показаний; я его прочту: «Это на самом деле был генеральный штаб и высшее руководство вооруженных сил». Это заявление правильное или нет?

Кейтель: Я понимаю, это так, что Гальдер хотел сказать, что те немногие офицеры которые имели должности генерального штаба были теми, кто выполнял реальную работу в генеральном штабе армии, в то время как остальные более чем 100 офицеров генерального штаба в ОКХ не имели никакого отношения к этим вопросам. Я думаю, он это имел в виду, небольшую группу, которая занималась этими проблемами.

Латернзер: Вам известно хотя бы об одном инциденте, в котором Гитлер советовался с военным руководителем о политическом вопросе?

Кейтель: Нет, такого не случалось.

Латернзер: Я полагаю, что вы присутствовали на большинстве совещаний с Гитлером, когда обсуждалась обстановка. Вы можете сказать мне, что–нибудь о протестах, вносимых с успехом или без, любыми командующими прибывшими с фронта, и кто случалось, присутствовал при этом?

Кейтель: Как правило фронтовые командиры, которые присутствовали, были молчаливыми слушателями общей дискуссии об обстановке; и после, согласно обстоятельствам, такие командующие привычно делали специальный доклад Гитлеру об обстановке в своих ответственных районах. Затем была также возможность, мне кажется уже упоминавшаяся Кессельрингом[373], обсудить эти вопросы лично и предложить мнения. Но иначе никто ничего не говорил об этих вопросах.

---

373 Альберт Кессельринг (1885 — 1960) — генерал-фельдмаршал Люфтваффе. С 1941 командующий германскими войсками на Юго-Западе Европы. Британским военным трибуналом был приговорён к смертной казни. Приговор был заменён на лишение свободы и он был досрочно освобождён в 1952.

Латернзер: Свидетель, вы, когда-нибудь присутствовали, когда бы особенно категорические возражения заявлялись, каким–либо командующим Гитлеру?

Кейтель: Во время обсуждения обстановки?

Латернзер: Нет, я имею в виду любой представившейся случай.

Кейтель: Я, конечно, не присутствовал на каждом совещании, которые Гитлер имел с высокопоставленными командующими в своём штабе, но я не знаю о таких инцидентах. Я подробно ссылался на такие случаи, которые играли роль в этой войне, а именно оппозицию генералов на Западе, перед началом войны, и я понимаю, что ваш вопрос означает, знал ли я о случаях помимо этого.

Латернзер: Да.

Кейтель: Я ссылался на это и должен категорически подчеркнуть снова, что главнокомандующий армией тогда вышел за рамки оправданные с военной точки зрения.

Латернзер: Каким было отношение Гитлера к генеральному штабу армии?

Кейтель: Не очень хорошим. Можно сказать, что он имел предубеждение против генерального штаба и думал, что генеральный штаб высокомерный. Мне кажется этого достаточно.

Председатель: Мы всё это уже слышали, и не раз.

Латернзер: Господин председатель, мне не кажется, что этого свидетеля спрашивали об этом. Насколько я помню, именно этого свидетеля об этом не спрашивали.

Председатель: Трибунал думает, что его спрашивали.

Латернзер: Я хотел бы уделить особое внимание этому положению и снял бы этот вопрос если бы уже один из моих коллег его задал раньше.

[*Подсудимому*] Гитлер, в случае ходатайства об отставке поданным одним или более фронтовым командиром готов был отозвать приказ который уже отдал…

Председатель: Доктор Латернзер, почти каждый офицер который приходил и давал показания в суде говорил об этом предмете, конечно же многие из них.

Латернзер: Господин председатель, ваше возражение относится к вопросу, который я сейчас задал?

Председатель: Почти все офицеры, которых допрашивали в этом суде рассказывали о том, что было невозможно подать в отставку. Вы спросили об этом, не так ли?

Латернзер: Да. Я буду рад опустить этот вопрос, если я могу полагать, что трибунал примет факты, которые я хотел подтвердить, как правдивые.

Председатель: Трибунал считает это кумулятивным; принимает ли он их как правду или нет, это другой вопрос.

Латернзер: Господин председатель, я хочу сказать кое–что еще по этому вопросу. Мне не кажется, что это можно считать кумулятивным, поскольку как уже отмечал мой коллегой доктор Дикс, одинаковый вопрос, заданный двум разным свидетелям в каждом случае это другой вопрос, потому что желателен субъективный ответ по

конкретному положению. Но я опущу этот вопрос.

Председатель: Есть другие вопросы, которые вы хотите задать?

Латернзер: Да, у меня есть еще несколько вопросов.

[*Обращаясь к подсудимому*] Свидетель, в какой степени ставка фюрера охранялась от нападений во время войны?

Кейтель: Существовало специальное охранное подразделение армии и как мне кажется одна рота Ваффен–СС. Применялись самые тщательные меры, такие как колючая проволока, препятствия, и похожие вещи. Она хорошо охранялась от неожиданного нападения.

Латернзер: Было несколько зон?

Кейтель: Да, была внутренняя зона и внешняя зона и несколько районов огороженных раздельно.

Латернзер: Да. Вы уже заявляли о том, что командующие группами армий и армиями на Востоке не имели никаких полномочий за границами своих оперативных районов. Существовала тенденция сохранять оперативный район как можно меньшим, или насколько возможно крупным?

Кейтель: Изначально тенденция заключалась, чтобы иметь большие оперативные районы для того, чтобы получить максимально большую свободу перемещений в тылу армий и групп армий. Фюрер был первым кто, решительными средствами, заставил ограничить эти зоны, делая их насколько возможно небольшими.

Латернзер: По какой причине?

Кейтель: Как он говорил, для того, чтобы освободить военных офицеров от административных мероприятий и вытащить их из протяжённого пространства для их снаряжения и сконцентрировать их в специально узких ограниченных районах.

Латернзер: Вы упоминали во время допроса части Ваффен–СС, которые придавали армии для оперативных, то есть, для боевых задач. Меня в особенности интересует прояснить этот вопрос, потому что, насколько я понимаю, превалирует какое-то заблуждение. Силы СД имели, какое-либо отношение к частям Ваффен–СС, которые подчинялись армейским подразделениям для целей оперативного характера?

Кейтель: Нет, подразделения Ваффен–СС в составе дивизий включались как таковые в армии и не имели никакого отношения к чему-то другому. В этом случае они являлись чисто армейскими силами.

Латернзер: Для командира было возможно, наказывать эсэсовца за какое–либо нарушение?

Кейтель: Если человека ловили на месте, мне кажется никакой командир не замедлил бы, но помимо этого, последней инстанцией по дисциплинарным мерам и подсудности являлся рейхсфюрер СС, а не командующий армии.

Латернзер: Исполнители из айнзацгрупп[374] СД должны были докладывать

374 Айнзацгруппы полиции безопасности и СД (нем. Einsatzgruppen der Sicherheitspolizei und des SD, сокр. EGr, рус.

командующим армиями о том, что они делали по приказам Гиммлера?

Кейтель: Этот вопрос подробно разбирался здесь свидетелем Олендорфом[375], и я не информирован о связях, которые существовали между командирами и айнзацгруппами и командами. Я не принимал в этом участия.

Латернзер: Я хотел узнать у вас, были ли обязаны айнзацгруппы СД по вашим сведениям о правилах, сообщать военным командирам тех тыловых районов в которых они действовали.

Кейтель: Мне так не кажется, я не знаю приказов, которые действовали в связи с этим, я их не видел.

Латернзер: Вам известно о том информировали ли высших военных командиров о намерении Гитлера или Гиммлера убивать евреев?

Кейтель: По моему мнению, такого не было, поскольку меня лично тоже не информировали.

Латернзер: Итак, у меня остался только один вопрос о предмете военнопленных. Уже во время войны стало известно о том, что условия, относящиеся к снабжению продовольствием советско–русских военнопленных во время первоначального периода восточной кампании были жалкими. В чём заключалась причина таких условий, которые преобладали в этот начальный период?

Кейтель: Я могу основывать свое заявление только на том, что говорил главнокомандующий армией во время докладов об обстановке. Насколько я помню, он периодически докладывал о том, что была ясной проблема больших масс, которая требовала чрезвычайных организационных усилий обеспечения продовольствием, размещения и безопасности.

Латернзер: Итак, эти условия были, несомненно, хаотичными в течение определенного периода времени. Я думаю, по конкретной причине которая существовала, и с целью освежить вашу память, свидетель, я хочу напомнить следующее:

Армия уже подготовила лагеря на родине для будущих военнопленных, потому что в начале планировалось, что этих пленных должны были переводить на родину. Однако, несмотря на эти приготовления, как было здесь сказано, это было остановлено по внезапному приказу Гитлера, который запретил переводить этих русских пленных на родину.

Кейтель: Этим утром я объяснял, и сказал, что в течении определенного периода до сентября, перевод советско–русских военнопленных в Рейх был запрещен и только после этого перевод в домашние лагери был подготовлен с целью использовать рабочую силу.

«целевые группы», «группы развёртывания») — военизированные эскадроны смерти нацистской Германии, осуществлявшие массовые убийства гражданских лиц на оккупированных ею территориях стран Европы и СССР.

375 Отто Олендорф (1907 — 1951) — деятель германских спецслужб, группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции. Начальник III управления РСХА, занимавшегося сбором сведений о положении дел внутри страны, начальник айнзатцгруппы D. Казнён по приговору американского трибунала.

Латернзер: И недостатки, которые проявлялись во время этого первого периода, не могли быть исправлены средствами, имевшимися в распоряжении войск?

Кейтель: Этого я не знаю. Меня об этом не информировали. Только ОКХ, которое имело исключительную ответственность, знает об этом.

Латернзер: У меня есть еще несколько вопросов о положении заместителя начальника оперативного штаба вооруженных сил. Когда была введена эта должность?

Кейтель: Мне кажется в 1942.

Латернзер: 1942. Какому званию соответствовала эта должность?

Кейтель: Это мог быть полковник или генерал.

Латернзер: Я подразумеваю, была ли это почти такая же должность, как и у командира дивизии?

Кейтель: Что же, я бы сказал, она была равной должности командира бригады или дивизии, начальнику отдела.

Латернзер: Сколько начальников отделов было в ОКВ?

Кейтель: Я не могу сказать по памяти. Оценивая, у меня было восемь начальников управлений, каждое из которых имело один, два, три или четыре отдела. Поэтому, было около 30 или 35 начальников отделов.

Латернзер: Заместитель начальника оперативного штаба вооруженных сил был одним из восьми или 30 начальников отделов?

Кейтель: Нет, я не скажу точно. Мы имели среди начальников управлений, так называемых начальников межведомственных отделов, которые объединяли несколько небольших отделов. Таким было его положение.

Латернзер: Какими были его официальные обязанности связанные с этой должностью?

Кейтель: Естественно надзор и руководство всей работой той части оперативного штаба вооруженных сил, которая была придана к ставке фюрера. Его задача заключалась в том, чтоб руководить этой работой согласно директивам отданным Йодлем, начальником оперативного штаба вооруженных сил.

Латернзер: Заместитель начальника оперативного штаба вооруженных сил был ответственным за стратегическое планирование высшего уровня, как утверждает обвинение?

Кейтель: Он, конечно, не являлся ответственным за это в таком качестве, но по факту он принадлежал к небольшой группе высокопоставленных и видных офицеров генерального штаба, которые занимались такими вещами, как отмечал Гальдер.

Латерзнер: Итак, у меня есть последний вопрос. Следовательно, позиция заместителя начальника оперативного штаба вооруженных сил не равна по важности другим позициям, которые включены в эту группу генерального штаба и ОКВ?

Кейтель: Я сказал начальником группы отделов в оперативном штабе вооруженных сил и сотрудником в небольшой группе тех, кто должен был заниматься оперативными и стратегическими вопросами, но подчинённый генерала Йодля и руководитель рабочего процесса в рабочем штабе.

Латерзнер: Фельдмаршал, мне кажется, что на вопрос, который я задал вам, не полностью дан ответ. Я спросил о том, была ли значимость этой должности равной или даже приблизительно равной той, как была у группы генерального штаба и ОКВ.

Кейтель: Нет, разумеется, нет, потому что в группе генерального штаба и ОКВ были главнокомандующие, верховные главнокомандующие, и начальники генеральных штабов. Он точно не принадлежал к ним.

Латерзнер: Спасибо.

Бабель: Свидетель, вы сказали в письменных показаниях Кейтель–12 о том, что СС, с начала войны, стали чемпионами и носителями стандартов политики завоевания и силы. Для того, чтобы исключить любое недопонимание, я хочу разъяснить следующее: что вы имеете в виду под СС в данном случае?

Кейтель: На это я могу сказать, что то, что зачитал мой защитник было кратким итогом гораздо больших письменных показаниях. Если бы вы прочли последние, вы нашли бы ответ на свой вопрос. Говоря точнее: это касалось руководства СС в подчинении Гиммлера и при тех функционерах внутри его сферы командования, полиции и СС, которые появилиь и действовали на оккупированных территориях. Концепция так называемых общих СС на родине не имела к этому никакого отношения. Надеюсь я пояснил.

Бабель: Да, спасибо.

Бергольд: Свидетель, обвинение в своем судебном обзоре также обвиняет подсудимого Бормана, также в его деятельности в так называемом фольксштурме[376]. В этой связи, я хочу задать вам несколько вопросов.

Наступательная или оборонительная деятельность планировалась для фольксштурма как он был сформирован по распоряжению фюрера от 18 октября 1944?

Кейтель: На это я могу сказать только о том, что рейхсляйтер Борман отказывался предоставлять военным властям, какое–либо разъяснение, какое–либо содействие, и какую–либо информацию о фольксштурме.

Бергольд: Вы подразумеваете, что вас вообще не информировали о предназначении фольксштурма?

Кейтель: Только то, что я понимал это как последний призыв мужчин для защиты своей земли.

Бергольд: Это означает, что в рамках Вермахта, фольксштурм не предназначался ни

376 Фольксштурм — отряды народного ополчения Третьего рейха, созданные в последние месяцы Второй мировой войны для отражения натиска союзников на его территорию.

для каких наступательных целей?

Кейтель: Нет, но все службы Вермахта которые сталкивались с подразделениями фольксштурма в своих районах, или включали их в себя или отправляли домой.

Бергольд: Я правильно понял, что вы хотите сказать, что это учреждение, фольксштурм, являлось продуктом мыслей Бормана или исходило от Гитлера?

Кейтель: Я не знаю этого, возможно от обоих.

Бергольд: Гитлер тоже не говорил вам о нем?

Кейтель: Нет, он только говорил о фольксштурме и похожих вещах, но военные власти не имели к этому никакого отношения.

Бергольд: Борман докладывал о каких–либо военных вопросах фюреру кроме странных вещей о фольксштурме?

Кейтель: Он часто обвинял Вермахт в разного рода вещах, я могу заключить это из того, что мне говорили, и полагаю, что это исходило от Бормана. Я не знаю.

Бергольд: Спасибо.

Хорн: Это верно, что подсудимый фон Риббентроп после своего возвращения из Москвы в августе 1939, в связи с переменой внешнеполитической ситуации – ратификация пакта о гарантии между Англией и Польшей – советовал Гитлеру остановить военные меры, которые предпринимались?

Кейтель: У меня тогда сложилось впечатление, что приказы, отданные мне Гитлером были основаны на беседе между ним и его министром иностранных дел. Я не присутствовал при разговоре.

Хорн: Верно, что фон Риббентропа, также как других министров с портфелем, как правило, не информировали о стратегических планах?

Кейтель: Я могу говорить, только за себя и за начальника оперативного штаба вооруженных сил, что нас не уполномочивали это делать и мы никогда такого не делали. Если министра иностранных дел Рейха информировали о таких вопросах, эта информация могла придти только от самого Гитлера. Я сомневаюсь, чтобы он делал здесь исключения.

Хорн: Обвинение представило письмо от 3 апреля 1940, относительно предстоящей оккупации Дании и Норвегии, которое вы направили тогдашнему рейхсминистру иностранных дел. В этом письме вы информировали рейхсминистра иностранных дел о предстоящей оккупации и просили его предпринять необходимые политические шаги. Вы уже инструктировали фон Риббентропа до этой даты о намерении оккупировать Норвегию и Данию?

Кейтель: Нет, мне бы не позволили это сделать, согласно способу которым фюрер работал с нами. Это письмо было необычным способом предоставить такую информацию, по приказу фюрера, рейхсминистру иностранных дел, который ничего не знал об этих вещах. Мне приказали написать ему.

Хорн: В связи с показаниями генерала Лахузена, я хочу задать вам один вопрос. Во время польской кампании, была директива или приказ Гитлера об уничтожении

евреев в польской Украине?

Кейтель: Я не могу вспомнить никакие такие вещи. Я знаю, только о том, что во время оккупации Польши – то есть после оккупации – проблема польских евреев играла роль. В связи с этим я однажды задал Гитлеру вопрос, на который мне кажется, он ответил, что этот район хорошо подходил для их расселения. Я не знаю или не помню чего–либо еще.

Хорн: Во время польской кампании, существовал план возбудить мятеж в польской Украине в тылу поляков?

Кейтель: Я не могу ответить на этот вопрос, хотя я слышал, что о таких вещах говорил здесь Лахузен. Я не знаю и ничего об этом не помню.

Хорн: Спасибо.

Бём: Фельдмаршал, вы являлись начальником ОКВ и соответственно начальником КГВ, то есть организации по делам военнопленных. Вы, когда-нибудь отдавали приказы или имели приказы, на основе которых члены СА или подразделения СА предназначались для охраны военнопленных или лагерей военнопленных, или использовались для таких целей?

Кейтель: Я не могу вспомнить, чтобы какую-то такую директиву принимало ОКВ. Мне кажется, что это не тот случай.

Бём: В этом отношении, вам, когда-нибудь докладывали о том, что такие охранные обязанности несли?

Кейтель: Я не могу вспомнить об этом, но я не могу отрицать, что некоторые подразделения армии в отдельных местах могли временно использовать членов СА для содействия в несении охраны, о чём я не знаю.

Бём: Спасибо.

Председатель: Возможно, нам лучше прерваться на 10 минут.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Трибунал будет заседать завтра с 10 часов утра. В 12:30 он примет дополнительные ходатайства о свидетелях и документах, и после этого без четверти час он перейдёт в закрытый режим.

Руденко: Подсудимый Кейтель, я прошу вас, уточните, когда вы получили первый офицерский чин?

Кейтель: 18 августа 1902 г.

Руденко: Какое вы получили военное образование?

Кейтель: Я вступил в армию в качестве кандидата в офицеры. Начав как простой солдат, я прошёл через разные звания сначала в качестве простого солдата и, пройдя затем все звания ефрейтора и унтер-офицера, фенриха и лейтенанта.

Руденко: Я спросил о военном образовании.

Кейтель: Я был армейским офицером до 1909, затем почти шесть

лет полковым адъютантом, затем во время Первой мировой войны, командиром батареи, а после весны 1915 г. я находился на службе в генеральном штабе.

Руденко: Очевидно, не точно перевели вам, вы окончили академию военную или другую военную подготовку образовательную прошли?

Кейтель: Я никогда не посещал военную академию. Два раза я в качестве полкового адъютанта принимал участие в командировках большого генерального штаба[377] и летом 1914 г, был откомандирован в большой генеральный штаб и в начале войны 1914 г. возвратился в свой полк.

Руденко: Какую военную подготовку и военный чин имел Гитлер?

Кейтель: Только несколько лет назад я узнал от самого Гитлера, что он после окончания Первой мировой войны был лейтенантом в баварском пехотном полку. Во время войны он был рядовым, затем он получил чин ефрейтора, очень может быть, что в последнее время он получил чин унтер-офицера.

Руденко: Не следует ли сделать вывод, что вы, обладая солидной военной подготовкой и большим опытом, вмели возможность оказывать существенное влияние на Гитлера при решении военно-стратегических и других вопросов, касающихся вооруженных сил?

Кейтель: Нет. Я должен заявить о том, что в степени, которая практически недостижима для неспециалиста и профессионального офицера, Гитлер изучал публикации генерального штаба, военную литературу, эссе по тактике, операциям и стратегии и, что у него были знания в военных сферах, которые можно назвать поразительными. Могу я привести пример того как это подтверждалось иными офицерами Вермахта. Гитлер был настолько хорошо информирован относительно организации, вооружений, руководства и снаряжения всех армий, и что еще более замечательно, всех флотов мира, что невозможно было подтвердить какую–либо ошибку с его стороны; и я должен добавить, что также, что во время войны, пока я находился в его ставке и в его ближайшем окружении, Гитлер изучал по ночам все крупные труды генерального штаба - Мольтке[378], Шлиффена[379] и Клаузевица[380] и черпал для себя из них обширные знания. Поэтому, у нас складывалось впечатление: только гений способен на это.

Руденко: Но надеюсь, вы не станете отрицать, что в силу своей подготовки и военного опыта вы являлись советником Гитлера в ряде важнейших вопросов?

Кейтель: Я относился к его ближайшему военному окружению, и я слышал многое

---

377 Официальное наименование генерального штаба в Германии в 1804-1918.

378 Хельмут фон Мольтке (1800 — 1891) — граф (1870), германский генерал-фельдмаршал (16 июня 1871), русский генерал-фельдмаршал (1872), военный теоретик. Наряду с Бисмарком и Рооном считается одним из основателей Германской империи.

379 Альфред фон Шлиффен (1833 — 1913) — граф, прусский генерал-фельдмаршал (1 января 1911 года), начальник германского Генерального штаба с 1891 по 1905 год. Получил широкую известность благодаря разработанному им к 1905 году плану Шлиффена по разгрому Третьей французской республики и Российской империи.

380 Карл Филипп Готтлиб фон Клаузевиц (1780 — 1831) — прусский военачальник, военный теоретик и историк. В 1812—1814 годах служил в русской армии. Своим сочинением «О войне» произвёл переворот в теории и основах военных наук.

от него, но я вчера отметил на вопрос моего защитника, что даже в простых, повседневных вопросах касающихся организации и снаряжения Вермахта, я должен открыто признать, что я был учеником, а не учителем.

Руденко: С какого времени, вы считаете, началось ваше сотрудничество с Гитлером?

Кейтель: Как раз в тот день, когда я был призван на эту должность, 4 февраля 1938 г.

Руденко: Итак, вы работали в контакте с Гитлером весь период, подготовки и осуществления агрессивных войн?

Кейтель: Да, мне кажется, что я уже дал все нужные разъяснения относительно того, как для меня, оказавшегося в этой ситуации, развивались события, уготовившие мне много неожиданностей.

Руденко: Кто, кроме вас, из руководящих военных работников ОКВ и ОКХ был приравнен к рангу министра Рейха?

Кейтель: Ранг рейхсминистра имели трое главнокомандующих родами войск вооруженных сил, причем главнокомандующий воздушным флотом рейхсмаршал Геринг был, кроме того, рейхсминистром авиации, точно так же и я получил, как я уже показал вчера, ранг, но не полномочия и титул министра.

Руденко: Кто кроме вас, из руководящих военных работников ОКВ и ОКХ, подписывал законы вместе с Гитлером и другими министрами?

Кейтель: В министерском секторе правительства Рейха, был способ подписей фюрера и рейхсканцлера и непосредственно заинтересованных министров, и наконец, начальника рейхсканцелярии. Это не годилось для военного сектора, так как согласно традициям германской армии и Вермахта подписи давали принципиальные эксперты, которые работали над вопросом, начальник штаба, или кто бы то ни было, кто бы ни отдал или хотя бы подготовил приказ, и инициал добавляли на полях.

Руденко: Но вы уже вчера сказали, что вы такие декреты подписывали вместе с другими имперскими министрами.

Кейтель: Да, вчера я упоминал отдельные распоряжения и также приводил причины, почему я подписывал их, и что делая это, я не являлся рейхсминистром и не получал функций должности министра.

Руденко: Какой орган, начиная с февраля 1938 года, выполнял функции военного министерства?

Кейтель: До последних дней января или первых дней февраля тогдашний военный рейхсминистр фон Бломберг. После 4 февраля, как известно, не существовало больше ни военного министерства, ни военного министра.

Руденко: Я поэтому вас и спрашиваю, какой орган заменял и выполнял функции военного министерства, зная, что этого министерства

не было?

Кейтель: Я вместе с управлением вооруженных сил, тогдашним штабом военного министерства, во главе которого я стоял, вел дела дальше, распределив их, как я указал, то есть, передав все высшие полномочия главнокомандующим родами войск вооруженных сил. Но это был не мой приказ, а приказ Гитлера.

Руденко: Из представленной вами схемы суду видно, что ОКВ являлось центральным объединяющим и высшим военным звеном в Рейхе, непосредственно подчиненным Гитлеру. Правильно сделать такой вывод?

Кейтель: Да. Это был военный штаб Гитлера.

Руденко: Кто непосредственно в ОКВ руководил разработкой военно-стратегических планов? Я имею в виду планы нападения на Австрию, Чехословакию, Польшу, Бельгию, Голландию, Францию, Норвегию, Югославию и Советский Союз.

Кейтель: Мне кажется, что вчера я очень подробно заявил, сказав, что все оперативные, стратегические планы, после приказа отданного Гитлером, готовились и доводились главнокомандующими родов войск вооруженных сил, например, в сухопутных войсках — ОКХ и генеральным штабом сухопутных сил Гитлеру, и затем принимались соответствующие решения.

Руденко: Я хочу вас спросить в связи с Югославией о следующем. Признаете ли вы, что изданная за вашей подписью директива о предварительном разделе Югославии является документом большого политического и международного значения, которым предусмотрено фактическое уничтожение Югославии как государства?

Кейтель: Я не сделал ничего, помимо оформления письменного распоряжения Гитлера, и препроводил его в инстанции, которых это интересовало и касалось. Я не мог оказать ни личного, ни политического влияния на решение этого вопроса.

Руденко: За своей подписью?

Кейтель: По поводу подписей, которые я давал, я вчера сделал обширное объяснение, о том, как они появлялись и в чем их значение.

Руденко: Правильно, вы об этом говорили, я вам ещё поставлю в связи с этим вопрос, но сейчас я хотел уточнить вашу позицию в вопросе Югославии. Согласны ли вы, что при прямом участии ОКВ организовывались провокационные акции для создания повода германской агрессии и оправдания этой агрессии в глазах общественного мнения?

Кейтель: Этим утром, в ответе на вопросы защитников остальных подсудимых, я четко отвечал, что я не принимал участия в подготовке каких-либо инцидентов, и военные инстанции по желанию Гитлера никогда не принимали участия в обсуждении, подготовке, разработке или проведении такого рода инцидентов. Под

инцидентом подразумевается провокация.

Руденко: Безусловно. Какое участие принимало ОКВ в обеспечении вооружения «фрайкорпуса[381]» в Судетах?

Кейтель: Генерал, какой фрайкор? Я не знаю, на какой фрайкор вы ссылаетесь?

Руденко: В Судетах.

Кейтель: Я не осведомлен о том, что какая-либо военная инстанция, если можно так выразиться, поставляла или направляла туда тайным образом оружие. Я об этом не знаю. Такой приказ не отдавали, или во всяком случае не передавали через мои руки. Я не помню этого.

Руденко: Кто и почему дал приказ об оккупации Моравской Остравы и Витковиц германскими военными частями 14 марта 1939 года, после полудня, когда президент Гаха еще находился в пути в Берлин с целью переговоров с Гитлером?

Кейтель: Приказ был окончательно выпущен и решен фюрером. Были сделаны приготовления с тем, чтобы в результате coup de main, до планировавшегося ранее вступления в Чехословакию, занять этот район, где находился известный крупный современный сталелитейный завод, расположенный в Моравской Остраве, я не могу сейчас вспомнить, как он называется. Гитлер мне сказал, что причина такого решения заключается в том, чтобы воспрепятствовать тому, чтобы поляки внезапно напали с севера и чтобы, кроме того, на всякий случай завладеть наиболее современным прокатным станом в мире. Это он привел в качестве причины, то есть, оккупация действительно состоялась в поздние часы 14 марта.

Руденко: Да, но в это же время президент Гаха ехал в Берлин, чтобы вести переговоры с Гитлером?

Кейтель: Да, это правильно.

Руденко: Это вероломство!

Кейтель: Мне не кажется, что я должен давать свою оценку этих событий. Правильно то, что эта оккупация состоялась в указанный вечер. Я привёл причины и президент Гаха узнал об этом лишь тогда, когда он приехал в Берлин.

Теперь я вспомнил название. Это был прокатный стан в Витковице.

Руденко: Ясно. Я имею к вам несколько вопросов в связи с агрессией против Советского Союза. Вы вчера давали уже трибуналу по этому поводу свои показания. Вы изложили свою позицию по поводу нападения на Советский Союз. Но вы заявили трибуналу, что распоряжения о подготовке варианта «Барбаросса» последовали в начале декабря 1940 года?

Кейтель: Да.

---

381 Добровольческий корпус судетских немцев (Судетско-немецкий фрайкор, нем. Sudetendeutsches Freikorps, SFK), или Немецко-судетский легион, — паравоенная организация (фрайкор, ополчение), образованная нацистами из судетских немцев под командованием Конрада Генлейна, лидера Судетско-немецкой партии (SdP). Сформирована по приказу рейхсканцлера Германии Адольфа Гитлера 17 сентября 1938 — в период апогея Судетского кризиса.

Руденко: Вы точно это припоминаете и утверждаете?

Кейтель: Я не знаю или не вспоминаю о каком-то определенном приказе главного командования вооруженных сил, который призывал о подготовке плана под названием «Барбаросса» как-нибудь раньше. Однако, я вчера объяснял, что был отдан какой-то приказ, наверное в сентябре о транспорте и железных дорогах и тому подобных вещах. Подписал ли я такое указание — я сейчас не помню, но вчера я отмечал такой подготовительный приказ для улучшения средств сообщения между Западом и Востоком.

Руденко: В сентябре?

Кейтель: Это могло быть в сентябре или октябре, но я не могу установить точную дату.

Руденко: Я хочу несколько...

Кейтель: Более точную информацию вы, вероятно, можете получить от генерала Йодля, который должен лучше об этом знать.

Руденко: Конечно, когда он будет допрашиваться, мы его спросим по этому вопросу. Я несколько хочу, чтобы кратко вспомнили все обстоятельства, впервые вы узнали о замыслах Гитлера о нападении на Советский Союз летом 1940 года?

Кейтель: Нет. Записанный в дневнике Йодля разговор относится к лету 1940 года. Вы, очевидно, имеете сейчас в виду тот разговор, который записан в дневнике Йодля, но я не присутствовал на этой, очевидно, очень краткой и беглой беседе. Мои воспоминания об этом периоде тоже подтверждают мою уверенность в том, что я не присутствовал, потому что я в то время постоянно находился в разъездах, летал на самолете и не присутствовал на совещаниях, где обсуждалось военное положение.

Руденко: А когда у вас происходила беседа с Риббентропом?

Кейтель: Это могло быть, в последние дни августа, мне кажется, это было в начале сентября. Точной даты я, однако, сообщить не могу. Я восстанавливаю этот период в моей памяти, исходя из того, что приблизительно 10 августа я вновь прибыл в Берхтесгаден и в последующее время составил тот меморандум, о котором я говорил.

Руденко: Итак, вы утверждаете трибуналу, что впервые о замыслах Гитлера напасть на Советский Союз вы узнали из беседы с Риббентропом?

Кейтель: Нет, нет, дело в том, что после того, как я 14 дней отсутствовал в Берхтесгадене, находясь частично в отпуску, частично при исполнении служебных обязанностей в Берлине, я возвратился в главную ставку в Берхтесгадене и затем в один из следующих за моим прибытием дней, приблизительно в середине августа, я услышал впервые об этих планах Гитлера. После этого мной был составлен меморандум.

Руденко: Таким образом, правильно я вам ставил вопрос, что вы летом 1940 года знали о замыслах Гитлера?

Кейтель: Да. Середина августа это, в конце концов, еще лето.

Руденко: Август, конечно лето, безусловно. Дальше, я хотел бы напомнить вам показания свидетеля Паулюса[382], которые он дал здесь, перед трибуналом, 11 февраля сего года. Паулюс как вы припоминаете, очевидно, сообщил трибуналу, что при поступлении на службу в ОКХ 3 сентября 1940. он среди прочих планировок застал там еще незаконченный предварительный оперативный план нападения на Советский Союз, известный под названием «Барбаросса». Вы припоминаете это свидетельство Паулюса?

Кейтель: Я помню лишь то, что он сказал, что там имелся план проведения маневров, что, когда он был переведен на должность в ОКХ в генеральный штаб, он обнаружил там соответствующий документ. Этот документ мне неизвестен и не мог быть известным, так как документы и материалы генерального штаба никогда не находились в моем распоряжении, и я никогда не видел их.

Руденко: Стало быть, я хочу установить одно обстоятельство: вы не отрицаете, что в сентябре 1940 года в ОКХ уже велись разработки в связи с вариантом «Барбаросса»?

Кейтель: Если имеется свидетельство генерал-фельдмаршала Паулюса, то я не могу сказать, что оно неправильно, потому что я не могу знать, было ли это так в действительности. Я не могу этого ни оспаривать, ни утверждать.

Руденко: Так. Вы заявили здесь трибуналу, что вы были противником войны с Советским Союзом?

Кейтель: Да.

Руденко: Вы заявили, что вы специально входили с предложением к Гитлеру, чтобы он изменил свои замыслы в отношении Советского Союза?

Кейтель: Да, не только изменить этот план, но вообще отказаться от этого плана и не вести войны против Советского Союза. В этом заключался смысл моего меморандума.

Руденко: Я так именно – так вас и спрашиваю. Сейчас я хочу вас спросить об известном, очевидно вам совещании, которое произошло через три недели после нападения Германии на Советский Союз, о совещании от 16 июля 1941 года. Вы припоминаете это совещание, которое было посвящено вопросу задачам войны против Советского Союза?

Кейтель: Нет, я сейчас не знаю о чём вы говорите, я не знаю.

Руденко: Я не намерен вам предъявлять сейчас этот документ. Если вспомните, я его предъявлял подсудимому Герингу, где речь шла

382 Фридрих Паулюс (1890 — 1957) — немецкий военачальник (с 1943 года — генерал-фельдмаршал) и командующий 6-й армией, окружённой и капитулировавшей под Сталинградом. Один из авторов плана Барбаросса.

о расчленении Советского Союза, о присоединении, вспоминаете?

Кейтель: Да, этот документ я знаю. Мне кажется, он отмечен вверху «BO-FU», и во время моего допроса я опознал это как меморандум рейхсляйтера Бормана.

Руденко: Правильно.

Кейтель: Я сделал такое заявление. Я тогда также показал, что меня пригласили участвовать лишь во второй половине этого совещания, я не присутствовал на первой половине совещания. Я также показал, что этот документ не является протоколом, а свободной продиктованной записью рейхсляйтера Бормана.

Руденко: Но вы помните, что уже тогда — 16 июля ставился вопрос о присоединении к Германии Крыма, Прибалтики, волжских районов, Украины, Белоруссии и других территорий.

Кейтель: Нет, мне кажется, что об этом говорилось на первой половине совещания. Я помню о той части совещания, когда обсуждался вопрос о кадрах, об определенных лицах, которые должны были быть назначены. Это я припоминаю. Эту запись я увидел только здесь, раньше я не знал о ней, на первой половине этого совещания я не присутствовал.

Руденко: Тогда позвольте вас спросить иначе. Какие же конечные цели ставил Гитлер и его окружение в этой войне против Советского Союза?

Кейтель: Я считал, основываясь на тех заявлениях, которые мне сделал Гитлер, что более глубокие причины этой войны заключались в том, что он был убежден, что в течение ближайших лет между великой славянской коммунистической империей и великой германской империей национал-социализма так или иначе вспыхнет война и если столкновение между этими двумя народами неизбежно, то гораздо лучше, чтобы оно произошло сейчас, а не позже. Вот, как я могу приблизительно все это сформулировать. Но я не помню, по крайней мере, сейчас, эти вопросы, из этого документа о расчленении некоторых районов. Вероятно, они были плодом фантазии.

Руденко: И вы утверждаете трибуналу под присягой, что вам неизвестно было о гитлеровских планах захватить территории Советского Союза и колонизировать их?

Кейтель: Нет, в такой форме это не говорилось. Я, конечно, сознавал, что предполагалось сделать прибалтийские провинции зависимыми от Германии, установить между Украиной и Германией тесные экономические отношения в области снабжения продуктами питания, но мне не были известны конкретные объекты, которые должны были быть завоеваны, и если эти вопросы когда-нибудь и затрагивались, то я к ним не относился серьезно. Так я тогда это понимал. Я не должен объяснять как я это понимаю сегодня, но только о том как понимал это тогда.

Руденко: Известно ли вам было, что на этом совещании 16 июля Гитлер заявил о необходимости стереть с лица земли город Ленинград?

Кейтель: Я не уверен, что в ходе этого совещания – я снова прочитал здесь этот документ. Того, что содержится в документе я не могу вспомнить. Но документ был у меня в руках, я читал его в присутствии американского обвинителя; и если в нём это сказано, тогда вопрос заключается в том слышал ли я об этом тогда, когда я был вызван на совещание.

Руденко: Я говорю, что я не намерен вам предъявлять этот документ, он уже неоднократно предъявлялся. Но в записи, которая цитировалась здесь уже подсудимому Герингу и который сам её читал, говорится: «На Ленинградскую область претендуют финны. Фюрер хочет сравнять Ленинград с землей, с тем, чтобы затем отдать его финнам».

Кейтель: Я могу лишь сказать, что необходимо установить, с какого момента я присутствовал на совещании. Я не слышал, чего-либо сказанного до этого момента, и я могу только попросить, чтобы мне дали документ или если можно зачитали протокол моего предварительного допроса. Вот, что я говорил дознавателю.

Руденко: Хорошо. Мы сейчас вам дадим этот протокол совещания от 16 июля. Пока ищете то место, я вам ещё в связи с этим поставлю вопросы, а тем временем найдут место из этого документа.

А о разрушении Ленинграда, из других документов вам не было известно?

Кейтель: Меня спрашивала об этом русская делегация и генерал, который присутствует в зале суда. Он обращал мое внимание на этот документ.

Руденко: На предварительном следствии вас спрашивали, правильно.

Кейтель: Я знаю документ, который поступил из флота, от адмирала, а также второй документ, который содержал краткую директиву, мне кажется, по приказу Йодля, относительно Ленинграда. Меня уже допрашивали по этим двум документам. Я могу по этому поводу лишь констатировать, что ни действия германской авиации, ни обстрел осадной артиллерией не произвели тех разрушений, какие имели место позже в других местах. До этого дело не дошло, этого в действительности не было. Насколько мне известно, систематического обстрела Ленинграда не было. Поэтому можно констатировать лишь то, что я сказал тогда под присягой господам из советской делегации.

Руденко: Это кому, вам известно, что Ленинград никогда не обстреливался?

Кейтель: Конечно, артиллерия действовала в районе Ленинграда. Но обстрел не ставил своей целью разрушение города, до этого дело не дошло. Генерал, это бы происходило, при наступлении на Ленинград.

Руденко: Вы ознакомьтесь с этим документом, а я поставлю, вам потом ещё дополнительно вопрос. [*Документ передается подсудимому*]

Кейтель: Это очень просто. Я вошел именно после того, как было сделано замечание. Я тогда сказал американскому дознавателю, что когда я вошел в комнату, я лишь услышал про дискуссию, о назначении гауляйтера Лозе[383]. Я не

383 Генрих Лозе (1896 — 1964) — высокопоставленный деятель НСДАП и Третьего рейха, один из организаторов и

слышал предшествующих замечаний.

Руденко: Вы появились… Пожалуйста. Вы ознакомились с этим местом протокола совещания от 16 июля, о Ленинграде?

Кейтель: Да, там где я вошел.

Руденко: Увидели? Вы убедились, что такая запись в протоколе совещания есть. Вы появились на этом совещании именно сразу, как только закончили говорить о Ленинграде?

Кейтель: Да. Я вошел в комнату, когда они говорили о качествах гауляйтера Лозе, подходил ли он для административной должности. Это были первые слова, которые я услышал. Когда я вошел, шло обсуждение этого вопроса.

Руденко: Там совершенно четко записано: «Стереть Ленинград с лица земли»

Кейтель: Да, я прочитал это.

Руденко: Правильно. Это же записано и в приказе?

Кейтель: Да, но со мной он прямо не связан. Вы имеете в виду приказ флота, приказ, связанный с флотом?

Руденко: Вам известно, что было два приказа, один по линии военно-морских инстанций и один приказ по линии ОКВ, за подписью Йодля? Вам это известно?

Кейтель: Да, я видел здесь оба распоряжения. Они были представлены русской делегацией.

Руденко: И вам известно, что в приказе за подписью подсудимого Йодля говорилось о разрушении города Москвы также?

Кейтель: Это я точно не помню, только ли ссылались на Ленинград. Если это имеется в протоколе, то я не хочу оспаривать.

Руденко: Я вас спрашиваю: приказы издаются для чего? По линии ОКВ издавались для того, чтобы их исполняли?

Кейтель: Директива или сообщение флота это, прежде всего, не приказ, ОКВ, и его происхождение мне неизвестно. Короткий приказ ОКВ, подписанный «по приказу Йодль», был составлен, когда я отсутствовал, как я уже говорил. Если бы я в тот момент находился там, то я, вероятно, подписал бы его, но меня тогда не было и я не знаю предпосылок и обсуждений, обусловивших этот приказ.

Руденко: Вы не ответили на мой ясный совершенно вопрос. Я спрашиваю: приказы издаются для того, чтобы их исполняли, кратко вы можете ответить?

Кейтель: То, о чем мы сейчас говорим, директива, а не приказ. Приказ может быть издан только руководящей на данном участке инстанцией сухопутных сил. Это была директива, где излагалась цель и намерение.

Руденко: А указания, указание не подлежит исполнению, исходящее из ОКВ?

Кейтель: Конечно, они должны выполняться.

Руденко: Должны. А, что касается вашего заявления по поводу того, что никто не обстреливал Ленинград, то оно не нуждается в опровержении, ибо

руководителей оккупационного режима на территории СССР, рейхскомиссар рейхскомиссариата Остланд.

разрушения Ленинграда — общеизвестный факт. Я перехожу дальше, вам известно…

Кейтель: Я разрешу себе заметить, что я не издавал этого приказа, Поэтому я и не знаю этого.

Руденко: Нет, это у меня не был вопрос к вам. Пожалуйста. Вам известно, что до начала войны с Советским Союзом подсудимым Герингом была издана так называемая «Зеленая папка», содержащая директивы по руководству экономикой подлежащих оккупации районов СССР?

Кейтель: Да, это мне известно.

Руденко: Вы подтверждаете, что своим распоряжением от 16 июня 1941 г. вы дали указание всем германским вооруженным силам о неуклонном выполнении этих директив?

Кейтель: Да, имеется директива, которая доводит до сведения всех войсковых частей, какие организации используются для осуществления важных задач и какого рода ответственность при этом существует. Далее говорилось, что все военные инстанции сухопутных сил должны действовать в полном соответствии с директивой. Я препроводил эту директиву всем соответствующим инстанциям, не издал её, а препроводил другим инстанциям.

Руденко: Это было ваше указание или опять же таки вы только исполняли указание фюрера?

Кейтель: Я лишь передавал данные мне фюрером поручения. Я вообще не мог отдавать приказов рейхсмаршалу Герингу в этом направлении.

Руденко: Вы дали приказ не рейхсмаршалу Герингу, как вы здесь выразились, а приказ вооруженным силам?

Кейтель: Я ему и не мог давать приказов, я мог лишь повеление фюрера довести до сведения главнокомандующего сухопутными силами, который в свою очередь должен был сообщить о нем дальше своим группам армий.

Руденко: Вы не расходились с этим желанием фюрера?

Кейтель: Я не заявил никаких возражений, поскольку это не касалось обязанностей ОКВ. Я исполнил приказ и передал его.

Руденко: Вы подтверждаете, что в этом распоряжении вами была поставлена задача немедленной и полной эксплуатации оккупированных областей Советского Союза в интересах военной экономики Германии?

Кейтель: Такого рода приказ, где говорилось о целях и задачах, которые должны были осуществляться экономической организацией «Ольденбург», я не издавал, поскольку не имел к этому никакого отношения. Я передал лишь основное содержание «Зеленой папки» - известно, что стоит под этим названием – высшему командованию армии, чтобы потом были даны дальнейшие распоряжения.

Руденко: Вы признаете, что директивы, содержавшиеся в «Зеленой

папке» Геринга были направлены на разграбление материальных ценностей Советского Союза и его граждан?

Кейтель: Нет, по моему мнению, об уничтожении в «Зеленой папке» ничего не говорилось. Вместо уничтожения следует сказать использование лишних продуктов, главным образом в области питания, а сырье должно было использоваться для военной экономики Германии, а не уничтожаться.

Руденко: Один момент, вас не слышно. Я прошу вас повторить ответ ваш.

Кейтель: Я сказал, что в «Зеленой папке» были принципы использования существующих и будущих резервов, которые считались полезными, но никогда об их уничтожении. Дело было не в том, чтобы позволить советскому населению голодать. Я видел происходящее на месте и могу со знанием об этом говорить.

Руденко: Это вы не считаете грабежом?

Кейтель: Споры о словах, будь то трофеи, или эксплуатация резервов выявляемых во время войны, или грабёж или похожее это вопрос концепций которые как мне кажется, не требуют здесь определения. Каждый говорит об этом по-своему.

Руденко: Хорошо, не будем спорить. Я последний вопрос в связи с нападением на СССР имею к вам. Согласны ли вы с тем, что способы ведения германской армией войны на Востоке самым резким образом расходились с элементарным представлением о воинской чести армии и с понятием военной необходимости и целесообразности?

Кейтель: Нет, я не могу признать этого в такой форме. Я скорее скажу, что фактически это ожесточение - я ранее использовал такой термин – эта ожесточенность войны против Советского Союза и то, что происходило на Востоке, не относится к действиям германской армии, но к обстоятельствам о которых я заявлял в письменных показаниях представленных трибуналу моим защитником. Кроме того я попрошу русского обвинителя зачитать их, чтобы он мог понять моё мнение об этом.

Руденко: Хорошо. Чтобы закончить с вопросами агрессии и перейти к вопросам о зверствах, я имею к вам следующий вопрос, и я надеюсь, что вы сообщите трибуналу те сведения, которыми вы располагаете как ближайший человек Гитлера в вопросах военных планов.

Мой вопрос следующий: Какие задачи ставились немецким верховным главнокомандованием перед германскими вооруженными силами в случае успешного для Германии окончания войны против Советского Союза?

Кейтель: Я не знаю, что вы имеете в виду. Какие требования должны были предъявить военному руководству в случае успешной войны? Могу я попросить задать его по-другому? Я его не понял.

Руденко: Я имею в виду задачи дальнейшего ведения войны после окончания восточной кампании.

Кейтель: Затем могло произойти то, что произошло позднее, то есть, высадка

британских и американских сил во Франции, в Дании, или Германии, и т.д. Различные возможности могли произойти в войне которых не предугадать.

Руденко: Я вам ставлю не вообще этот вопрос. Вы очевидно, знакомы с документом «Руководство морской войной», который был уже запроектирован 8 августа 1941 г. по вопросу задач дальнейшего ведения войны после окончания восточной кампании. Речь идет о разработке планов вторжения в Ирак, Сирию, Египет. Вы знаете этот документ?

Кейтель: Его мне до сих пор не предъявляли. Сейчас это неожиданно, и я не могу его вспомнить.

Руденко: Вы не знаете этого документа. Это документ, господа судьи, С–57; он предъявлен трибуналу под номером СССР–336. Я вам покажу сейчас этот документ. Дайте подсудимому этот документ. [*Документ передали подсудимому*]

Кейтель: Этот документ я вижу в первый раз, во всяком случае здесь на процессе. Он начинается предложением: «У штаба военно-морских сил имеется проект директивы относительно дальнейших планов после окончания восточной кампании». Этой директивы или этого приказа военно–морских сил я никогда не видел и не мог его видеть. Этот проект директив должен был, очевидно, исходить из ОКВ, в штабе оперативного руководства имелись офицеры армии, флота и авиации. Очень может быть, что здесь в форме проектов директив изложены мысли, которые в свое время были доведены до сведения офицеров оперативного штаба Вермахта. Я сейчас не помню такой директивы оперативного штаба. Может быть, генерал-полковник Йодль даст сведения об этом.

Руденко: Вы не помните это указание? Я не буду вас подробно допрашивать по этому документу, но вы видели, что этот документ планирует захват Гибралтара при активном участии Испании, он планирует нападение на Сирию, Палестину в направлении на Египет и т. д. И вы говорите, что об этом документе вы не имеете представления?

Кейтель: Я охотно дам объяснение по этому поводу, а именно: захват Гибралтара, который является входом в Средиземное море, был запланирован на предыдущую зиму 1939/40 года, но этот план не был реализован. Мне кажется, что и в этом не было ничего нового. Но остальное, о чем упоминалось в проекте, было лишь выражением идей, которые возникали в связи с той обстановкой, которая создалась в ходе операции севернее Кавказа. Я отнюдь не собираюсь утверждать, что это были идеи, которые не занимали умы. Но я просто этого не помню, я не читал всех документов и бумажек, которые исходили из оперативного штаба в виде проектов.

Руденко: Если такие документы, считаются всякие бумажки как вопрос захвата стран, тогда что же у вас считается важным документом?

Кейтель: Я могу сказать только следующее, что является

искренним и соответствует действительности. Во время войны составляются некоторые планы, обдумываются различные возможности, которые не реализуются в суровой действительности, да и подчас не могут быть реализованы и поэтому уже, потом с исторической точки зрения нельзя рассматривать эти бумажки как выражение воли всего оперативного и стратегического военного руководства.

Руденко: Да я с вами согласен, конечно, что с исторической точки зрения сейчас этот документ значения не имеет. Но в планах германского генерального штаба, который полагал, что он победит Советский Союз, этот документ тогда приобретал другое значение. Но я вас сейчас не буду допрашивать по этому больше документу.

Я перехожу к вопросам зверств и ваше отношение к этим преступлениям. Ваш защитник доктор Нельте предъявил вам основные документы обвинения по вопросам злодеяний. Поэтому я не намерен вам предъявлять и подробно останавливаться на этих документах. Я только спрошу об основных положениях этих документов, которые были упущены во время допроса вашим защитником.

Прежде всего, я обращаюсь к документу: «Распоряжение о применении военной подсудности в районе «Барбаросса» и об особых мероприятиях войск». Вы помните этот документ? Он был составлен 13 мая 1941. Это больше чем за месяц до начала войны с Советским Союзом. Вы помните, в этом документе, составленном до начала войны, указывалось, что заподозренные элементы должны быть немедленно доставлены к офицеру и последний решает вопрос, должны ли они быть расстреляны. Вы помните это положение? Вы подписали этот документ?

Кейтель: Так точно. Я никогда не оспаривал этого. Но я дал необходимые пояснения о том, как появился документ и кто его инициатор.

Руденко: Но я всё таки вам хочу поставить вопрос в связи с этим документом…

Председатель: Дата документа, кажется май?

Руденко: 13 мая, господин председатель, 13.

Председатель: Какой у документа номер?

Руденко: Документ С–50, 13 мая 1941 года.

Председатель: Очень хорошо.

Руденко [*Подсудимому*]: Я вас, хотя вы заявляете, что вы уже объяснили своему защитнику по этому вопросу, но тем не менее я обязан вам поставить вопрос и несколько в иной форме: вы считали, что право офицера расстреливать людей недопустимо без суда и следствия?

Кейтель: В германской армии уже издавна как для своих солдат, так и для солдат противника имелись военно-полевые суды, состоявшие всегда из одного офицера и одного-двух солдат, которые втроем выступали в качестве судей. Это мы называем военно-полевым судом. В этом суде должен всегда присутствовать в качестве старшего офицер. Но так как вопрос принципиальный я должен повторить заявление, которое сделал вчера…

Руденко: Простите, один момент! Я спрошу ответить на вопрос, этим документом устранялось судебное разбирательство дел в отношении лиц заподозренных, как говорится, и право расстрела предоставлялось офицеру германской армии? Правильно это?

Кейтель: В случае, если были заподозрены германские солдаты, это было так и это допускалось. Имеется военный трибунал, который состоит из судебных офицеров и имеется военно-полевой суд, который состоит из солдат. Последние имеют право в результате слушания дела в военно-полевом суде выносить приговор в отношении любого солдата германской армии и приводить его в исполнение.

Председатель: Вы не отвечаете на вопрос. Вопрос был задан: какое право дает этот документ, а не каковы вообще приказы в германской армии.

Руденко: Вы можете ответить мне на этот вопрос? Что этот документ устранял судебное разбирательство и предоставлял право расстреливать заподозренных, как здесь говорится, офицеру германской армии?

Кейтель: Это был приказ, который был дан мне Гитлером. Он отдал этот приказ мне, и я поставил под ним своё имя. Что это означало, я вчера подробно объяснял.

Руденко: Вы, фельдмаршал, подписываете этот приказ. Вы считаете, что это неправильный приказ, вы понимаете какие последствия этого приказа. Почему же вы подписываете этот приказ?

Кейтель: Я не могу вам сказать больше того, что я подписал этот приказ и что тем самым я взял на себя определенную долю ответственности.

Руденко: И ещё один вопрос. 13 мая 1941 датирован этот приказ, почти за месяц до войны. Таким образом, заранее планировалось вами убийство людей?

Кейтель: Это я не понимаю. Правильно то, что этот приказ действительно был издан за четыре недели до начала похода по плану «Барбаросса» и ещё за четыре недели до этого Гитлер сообщил о нём генералам. Они знали об этом уже за несколько недель до начала войны.

Руденко: О том как этот приказ был в действии вы знаете?

Кейтель: На предварительных допросах я также высказывал свое мнение в ходе допроса генералом советской армии; обсуждали ли со мной этот вопрос генералы не упоминалось, но я в особенности хочу указать на то, что в нем говорилось, что высшие офицеры для умиротворения в своем районе имели право приостанавливать приказ, касающийся подсудности. Я давал такой же ответ каждому генералу, который спрашивал меня о причинах этого приказа и его применении. Я сказал, что он предусматривает то, что им было позволено приостанавливать этот приказ, если они считали умиротворенным свой район. Это отдельный вопрос благоразумия командующих и тем подтверждается.

Руденко: И последний вопрос в связи с этим приказом или распоряжением. Этим

распоряжением фактически устанавливалась обстановка безнаказанности для германских солдат и офицеров за произвол и беззакония?

Кейтель: В определенных границах, в определённых границах! Граница строго устанавливалась в устных приказах, предназначенных для генералов и требовавших от своих собственных частей самой строгой дисциплины.

Руденко: Я думаю, подсудимый Кейтель, что вы эти «определенные границы» уже видели из представленных документов здесь на суде и из кинодокументов.

Я имею следующий вопрос. 12 мая 1941 разработан был вопрос об обращении с пленными русскими политическими и военными работниками. Вы помните этот документ?

Кейтель: Я в настоящий момент не могу знать, какой документ вы имеете в виду. Мне не понятно, на какой документ вы ссылаетесь.

Руденко: Я имею в виду документ от 12 мая 1941, которым устанавливалось, чтобы политических руководителей Красной армии не признавать военнопленными, а уничтожать.

Кейтель: Я видел лишь предварительные замечания по этому поводу. Я не помню сейчас документа. Обстоятельства дела мне неизвестны. О содержании документа я не могу в данный момент вспомнить. Могу я на него, пожалуйста посмотреть.

Руденко: Пожалуйста. [*Документ вручили подсудимому*]

Председатель: Какой у него номер?

Руденко: PS-884. Это документ от 12 мая 1941. Он озаглавлен «По вопросу обращения с пленными русскими политическими и военными работниками».

Кейтель: Это не приказ, а меморандум к отчёту отдела обороны страны с замечанием о том, что не достает еще соответствующих решений фюрера. Меморандум, наверное, ссылается на предложенный приказ. Я сейчас вспоминаю об этом. Я тогда видел его, но результаты доклада не зафиксированы, здесь только говорится о предложении которое излагалось, как правило. Насколько мне известно, правило принятое в таких чертах сообщили затем высшему командованию армии, как об одобренном фюрером, или, обсуждённому или согласованному напрямую между фюрером и главнокомандующим армией.

Руденко: Что вы имеете в виду, когда говорите «регулирование»? Потому, что мы знаем столько терминов из германской армии, «регулирование», «особый режим», «экзекуция», всё это в переводе на прямой язык называлось убийством. Что вы имеете в виду, когда говорите «регулирование»?

Кейтель: Я не сказал «регулирование». Я не знаю, какое слово было понято как регулирование. Я так сказал, в смысле того меморандума, согласно моим воспоминаниям, Гитлером тогда была принята директива армии, то есть, как одобрение предложения, которое было сделано в меморандуме.

Руденко: Значит, вы не отрицаете, что еще в мае, более чем за месяц до войны, уже

был запроектирован документ об уничтожении русских политических и военных работников? Вы не отрицаете это?

Кейтель: Нет, я не отрицаю этого, это было результатом тех распоряжений, которые были доведены до сведения и письменно разработаны, генералами в данном документе.

Председатель: Трибунал отложен.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 6 апреля 1946*]

День сто первый

Суббота, 6 апреля 1946

Утреннее заседание

Руденко: Подсудимый Кейтель, я вас буду спрашивать по приказу о так называемом коммунистическом повстанческом движении в оккупированных областях. Вам вчера ваш защитник показывал этот приказ. Это приказ от 16 сентября 1941, R-98. Я вам напомню одно место из этого приказа. Там говорится:

> «Чтобы в корне задушить недовольство, необходимо по первому поводу, незамедлительно принять наиболее жестокие меры, чтобы утвердить авторитет оккупационных властей и предотвратить дальнейшее распространение...»
>
> И, дальше:
>
> «…при этом следует иметь в виду, что человеческая жизнь в

странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит и что устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычной жестокости».

Вы помните это положение, основное положение приказа, что человеческая жизнь абсолютно ничего не стоит. Помните вы эту фразу?

Кейтель: Да.

Руденко: Вы подписали этот приказ с этим утверждением?

Кейтель: Да.

Руденко: Вы считаете, что этот зловещий приказ был вызван необходимостью?

Кейтель: Я вчера объяснял некоторые причины этого приказа и указывал на то, что эти инструкции были адресованы в первую очередь ведомствам главнокомандующего Вермахтом на Юго–Востоке; то есть в балканском регионе, где обширная партизанская война и война между руководителями приняла огромный размах, и во–вторых, потому что такой же феномен наблюдался и возник в похожем или подобном масштабе в некоторых определённых районах оккупированной советской территории.

Руденко: Значит, вы считаете, что этот приказ был правильный?

Кейтель: Я уже подробно объяснял, отвечая на вопросы, о своём фундаментальном взгляде относительно приказов касающихся обращения с населением. Я подписал приказ и сделав так я полагаю себя ответственным с точки зрения своей официальной юрисдикции.

Председатель: Трибунал считает, что вы не ответили на вопрос. Вопрос совершенно доступен для ответа «да» или «нет» и последующего пояснения. Это не ответ на вопрос, сказать, что вы уже отвечали своему защитнику.

Руденко: Я ещё раз вас спрашиваю, считаете ли вы этот приказ, именно этот приказ - я подчеркиваю, в котором указывается, что «человеческая жизнь абсолютно ничего не стоит» - считаете вы этот приказ правильным?

Кейтель: Эти слова в приказе не стоят, но фактом является то, что на Юго-Востоке и частично на территориях советских областей человеческая жизнь не уважалась в такой же мере.

Руденко: Вы говорите, что эти слова не стоят в приказе?

Кейтель: Насколько я знаю, там так не написано. Там написано, что «человеческая жизнь мало стоит на этих территориях». Я помню, что-то такое.

Руденко: По вашим воспоминаниям. Вы помните, вас допрашивал генерал Александров 9 ноября 1945 г., на вопрос по существу этой фразы вы ответили: «Эту фразу я должен признать подлинной, но ее фюрер сам лично сюда включил».

Помните ваше объяснение?

Кейтель: Это соответствует действительности.

Руденко: Я могу вам предъявить этот приказ. Я вам не предъявлял, потому что вы

вчера знакомились с ним.

Кейтель: Вчера я не прочёл все пункты. Я просто признал, его фактическое существование.

Руденко: Я думаю, что нет смысла…

Председатель: Трибуналу бы помогло если бы у вас был перевод документа. Когда вы перекрёстно допрашиваете о документе и о его фактических словах, нам очень неудобно не иметь у себя документ.

Руденко: Я сейчас, господин председатель, предъявлю подсудимому этот приказ.

[*Документ вручили подсудимому*]

Кейтель: Я вчера не прочитал всех пунктов этого приказа, я признал только то, что он действительно существовал.

Председатель: Это документ PS-389?

Руденко: Да, господин председатель, это документ PS-389.

Председатель: Когда вы цитируете документ было бы правильно, если бы вы цитировали медленнее, потому что очень часто до нас не доходит правильный перевод.

Руденко: Понимаю. Хорошо, господин председатель, я назвал номер этого документа R-98. Но он двойной имеет номер, R–98 и PS-389. Я цитировал пункт б) этого приказа.

Подсудимый Кейтель, вы ознакомились?

Кейтель: Да, текст на немецком языке говорит о том, что: «В соответствующих странах человеческая жизнь часто не ценится».

Руденко: И дальше?

Кейтель: Так точно: «И устрашающие действия могут быть достигнуты путем необычайной жестокости, как искупление за жизнь немецких солдат…».

Руденко: Ясно. В этом же приказе в этом пункте «б» говорится:

> «Искуплением за жизнь немецкого солдата в этих случаях, как правило, должна служить смертная казнь 50—100 коммунистов. Способ казни должен увеличивать степень устрашающего воздействия».

Правильно?

Кейтель: Немецкий текст несколько другой. Сказано: «В целом в таких случаях смертная казнь для 50—100 коммунистов может считаться адекватной».

Это немецкая формулировка.

Руденко: За одного немецкого солдата?

Кейтель: Да. Я это знаю и вижу здесь.

Руденко: Я об этом вас и спрашиваю. Итак, я еще раз вас спрашиваю…

Кейтель: Вы хотите пояснений или, чтобы я ничего не говорил?

Руденко: Я по этому вопросу вас спрошу сейчас. Я вас спрашиваю: подписывая этот приказ, вы этим самым высказали и свое мнение об этих жестоких мероприятиях, то есть согласны были с Гитлером?

Кейтель: Я этот приказ подписал, однако, те числа, которые там указаны, являются личными изменениями в приказе, именно личными изменениями Гитлера.

Руденко: А какие числа вы представили Гитлеру?

Кейтель: Пять-десять человек. Это — та цифра, которую я указал в оригинале.

Руденко: Значит, у вас расхождение с Гитлером было только в числах, а не по существу?

Кейтель: Смысл был таков, что для достижения устрашающего воздействия за жизнь одного немецкого солдата необходимо было потребовать несколько человеческих жизней.

Руденко: Я имел в виду…

Председатель: Это не ответ на вопрос. Вопрос был таков: действительно ли расхождение между вами и Гитлером при составлении этого документа заключалось в цифрах, и на этот вопрос вполне можно ответить «да» или «нет». Действительно ли вы расходились во взглядах только по вопросу о цифрах?

Кейтель: Тогда я должен сказать, что существовало принципиальное разногласие, которое, однако, в последнем счете не может быть оправдано, так как я подписал этот приказ, этого требовала занимаемая мною должность. Имелась принципиальная разница в отношении решения всего вопроса.

Руденко: Хорошо. Перейдем дальше.

Я еще хочу вспомнить об одном приказе. Это приказ от 16 декабря 1942 г., так называемый «Борьба с бандами». Этот документ предъявлен суду под номером СССР-16. Я также не буду подробно вас спрашивать об этом приказе. Этот приказ вам вчера предъявлялся вашим защитником.

Кейтель: Я не помню этого документа.

Руденко: Не помните?

Кейтель: Не тот, что был представлен вчера.

Руденко: Хорошо. Если вы не помните, я могу вам предъявить этот документ, чтобы освежить вашу память.

Председатель: Какой у документа был номер PS?

Руденко: Это документ, представленный советским обвинением, господин председатель, под номером СССР–16.

Председатель: Я понял это так, что это USA–516, но я полагаю, что ослышался. Это СССР–16, не так ли?

Руденко: СССР–16.
Председатель: Очень хорошо.
Руденко: [*Документ вручили подсудимому*] Я вас буду спрашивать, подсудимый Кейтель, по одному только вопросу в связи с этим приказом. В пункте первом этого приказа (абзац третий) обратите внимание на следующую фразу:

«Войска поэтому имеют право и обязаны применять в этой борьбе любые средства без ограничения также против женщин и детей, если это только способствует успеху».

Вы нашли это место?

Кейтель: Да.
Руденко: Вы нашли, что дается указание, применять любые средства без ограничения против женщин и детей?
Кейтель: «Без ограничения по отношению к женщинам и детям применять любые средства, если это необходимо». Я нашел это.
Руденко: Я об этом именно и спрашиваю вас. Я вас спрашиваю, вас подсудимого Кейтеля, фельдмаршала бывшей германской армии, вы считаете правильным этот приказ — применять любые средства в отношении женщин и детей?
Кейтель: Мероприятия применялись постольку, поскольку нужно было женщин и детей удалить из района боевых действий или района действий партизанских банд, однако никогда не имелись в виду жестокости или убийства женщин и детей. Никогда!
Руденко: Устранить (термин германский) — это значит убить?
Кейтель: Нет. Мне кажется, что никогда не было необходимости говорить немецким солдатам, чтобы они не убивали женщин и детей.
Руденко: Вы не ответили на мой вопрос. Вы считаете правильным этот приказ в отношении мер против женщин и детей или неправильным? Вы ответьте — да или нет? Правильно или неправильно?
Кейтель: Я считал правильными эти мероприятия и признаю их, но это ни в коей степени не были мероприятия по убийству людей. Это было бы преступлением.
Руденко: Любые средства, включает убийство?
Кейтель: Да, но не по отношению к женщинам и детям.
Руденко: Да, но здесь сказано: любые средства в отношении женщин и детей?
Кейтель: Нет, там написано «...не останавливаться перед мероприятиями против женщин и детей».

Никогда немецкому солдату и немецкому офицеру не могла прийти в голову мысль убивать женщин и детей.

Руденко: А в действительности…?
Кейтель: Я не могу в каждом отдельном случае подтвердить это,

так как я этого не знаю и так как я не мог быть во всех местах, и не получал донесений об этом.

Руденко: Но таких случаев было миллионы.

Кейтель: Это мне неизвестно, но я не верю, что это происходило в миллионах случаев.

Руденко: Вы не верите?

Кейтель: Нет.

Руденко: Я перехожу дальше. Я сейчас хочу обратиться к одному вопросу, к вопросу обращения с советскими военнопленными. Я не намерен вас допрашивать по вопросу клеймения советских военнопленных и другим фактам, они достаточно известны трибуналу. Я вас хочу спросить по одному документу — по докладу Канариса который вам вчера предъявлялся. Вчера вам, ваш защитник предъявил доклад Канариса, это доклад от 15 сентября 1941 г. Он зарегистрирован под номером ЕС-338. Как вы помните, даже германский офицер обратил внимание на исключительный произвол и беззаконие, допускаемые в отношении советских военнопленных. В этой докладной Канарис указывал о массовых убийствах военнопленных советских и говорил о необходимости решительного устранения этого произвола. Вы были согласны с положениями, которые выдвинул Канарис в своем докладе на ваше имя?

Кейтель: Я не понял последнего заявления. Относительно меня?

Руденко: Мой вопрос сводится к следующему: Вы, лично вы, Кейтель, были согласны с теми предложениями, которые сделал Канарис в своем докладе, чтобы ликвидировать произвол, допускаемый в отношении советских военнопленных?

Кейтель: Я вчера уже ответил своему защитнику...

Руденко: Вы можете ответить кратко на мой вопрос — вы были согласны с этим?

Кейтель: Да, я буду краток – получив это письмо, я немедленно представил его фюреру, Адольфу Гитлеру в особенности в связи с прилагаемой публикацией народных комиссаров от начала июля, и просил нового решения. Я разделял, в общем, возражения Канариса, но я должен добавить, что...

Руденко: Разделяли? Очень хорошо. Я вам предъявлю сейчас подлинник доклада Канариса, на котором есть ваша резолюция.

Я сейчас, господин председатель, предъявлю подсудимому документ с его резолюцией. Эта резолюция в суде не оглашалась и текст этой резолюции я предъявлю также суду.

Председатель: У вас имеется оригинал этого документа?

Руденко: Да, я дам подсудимому копию.

Итак, следите подсудимый Кейтель, следите.

Кейтель: Я знаю этот документ с пометками на полях.

Руденко: Вы слушайте меня, вы слушайте мой вопрос, следите за моим вопросом, следите за резолюцией. Это на документе Канариса, который вы считаете, говорите

правильным. Ваша резолюция следующего содержания:

> «Эти положения соответствуют представлениям солдата о рыцарском способе ведения войны. Здесь речь идет об уничтожении целого мировоззрения, поэтому я одобряю эти мероприятия и покрываю их. Кейтель».
>
> Это ваша резолюция?

Кейтель: Да, это я написал в качестве решения после доклада фюреру. Я это написал.

Руденко: Там не написано, что это фюрер так сказал, там написано: «я... покрываю» — я, Кейтель, стало быть.

Кейтель: И заявляю это под присягой, и говорил это ещё до того как прочёл.

Руденко: Значит, вы признаете эту резолюцию? Еще одно место в этом документе, я обращаю ваше внимание, на вторую страницу этого документа. Обратите внимание, что против текста доклада Канариса который говорит о следующем:

> «Выявление гражданских лиц и политически нежелательных военнопленных, а равно принятие решения об их судьбе, производится оперативными командами полиции безопасности и СД, согласно инструкций, которые незнакомы органам вооруженных сил и исполнение которых они не в состоянии проверить».

Это пишет Канарис, на полях ваша резолюция, ваша, подсудимого Кейтеля: «Вполне целесообразно». Правильно? Я повторяю, на полях…

Кейтель: Пожалуйста, повторите последний вопрос. Последние слова, услышанные мной «Канарис написал»

Руденко: Да, да, а я теперь указываю, что против этого абзаца есть ваша резолюция, собственноручно вами положенная: «вполне целесообразно». Вы нашли эту резолюцию?

Кейтель: Да, именно это «целесообразно» относится к тому, что части вооруженных сил не имеют ничего общего с айнзацкомандами и ничего не знают о них. Там стоит, что они им незнакомы.

Руденко: И к тому, что полиция безопасности и СД расправляются с этими гражданскими лицами и военнопленными? Вы считали это целесообразным?

Кейтель: Нет, я считал целесообразным то, чтобы части вооруженных сил не знали ничего о деятельности этих команд. Это я хотел сказать этой пометкой. В тексте я подчеркнул слово «неизвестно».

Руденко: Я спрашиваю вас, в связи с этой резолюцией, итак, вы, подсудимый Кейтель, именуемый фельдмаршалом, неоднократно здесь, перед трибуналом, именовавший себя солдатом, вы своей резолюцией, кровавой

резолюцией в сентябре 1941 года подтвердили и санкционировали убийство безоружных солдат, попавших к вам в плен? Это правильно?

Кейтель: Я подписал оба приказа и тем самым несу ответственность в связи с занимаемой мною должностью. Я беру на себя эту ответственность.

Руденко: Ясно. Я ещё в связи с этим, хочу вас спросить, так как вы здесь неоднократно указывали трибуналу о солдатском долге. Я хочу вас спросить, совместимо ли с понятием «солдатского долга» и «чести офицера» издание таких приказов о репрессии в отношении военнопленных и мирных граждан?

Кейтель: В той степени, в которой это касается репрессалий в августе и сентябре, в виду того, что случилось с немецкими военнопленными, которых мы нашли на поле боя и во Львове где мы нашли сотни убитых.

Руденко: Довольно это…Подсудимый Кейтель, подсудимый Кейтель! Вы хотите обратно взять тот же путь к которому уже прибегали здесь, измышлениям о якобы существоваших расправах с немецкими пленными? Но мы же с вами вчера установили, что, еще в мае месяце 1941 года, до начала войны, вы подписали директивы о расстреле политических и военных работников Красной армии. Я имею к вам…

Кейтель: Да, эти приказы перед началом войны я подписал, но в них не содержится слово «убийство».

Руденко: Я не намерен спорить, ибо это спорить против документов, а документы говорят сами за себя. Я имею к вам несколько последних вопросов.

Вы заявили трибуналу, что генералы германской армии только слепо выполняли приказы Гитлера?

Кейтель: Я заявил, что не знаю, заявляли ли вообще генералы протесты. Насколько я помню, это не происходило в моем присутствии, когда Гитлер прокламировал основные положения о борьбе мировоззрений и приказывал применять их на практике.

Руденко: А известно ли вам, чтобы генералы по своей инициативе издавали приказы о зверствах, о нарушении законов и обычаев войны и эти приказы одобрял Гитлером?

Кейтель: О том, что высшие инстанции армии, например, в связи с вопросом о подсудности издали в марте приказ и проводили другие мероприятия, а также издавали приказы, смягчающие и отменяющие эти мероприятия, я знаю, так как они обсуждались со мной.

Руденко: Вы меня не поняли. Я спрашивал не о смягчении, а я спрашивал о том, что сами генералы издавали приказы о нарушении законов и обычаев ведения войны по своей инициативе издавали?

Кейтель: Это мне неизвестно.

Руденко: Это вам неизвестно. Не знаете. Я только сошлюсь…

Кейтель: Я не знаю, о каких приказах идет речь, генерал.

Руденко: Я только сошлюсь на один приказ. Я имею в виду приказ генерал-фельдмаршала фон Рейхенау[384] о поведении войск на Востоке. Этот документ, господин председатель, предъявлен советским обвинением за номером СССР-12. Здесь в этом приказе, о поведении войск на востоке, я только одну цитату оглашаю:

> «Снабжение питанием местных жителей и военнопленных является ненужной гуманностью».

Кейтель: Я знаю этот приказ. Он был мне предъявлен во время предварительного допроса.

Руденко: Этот приказ издан по инициативе Рейхенау и одобрен Гитлером и, как образцовый, разослан всем командующим фронтов?

Кейтель: Это я узнал только здесь. Я услышал о нём здесь впервые. По моим сведениям я никогда не видел приказ.

Руденко: Конечно, такие приказы у вас, очевидно, считались малозначащими, ибо разве могла интересовать начальника ОКВ судьба советских военнопленных или советских граждан? Жизнь их ничего не стоила?

Кейтель: Я не имел никакого соприкосновения по служебным вопросам с командующими на фронте. С ними имел дело только, командующий сухопутными силами.

Руденко: Я заканчиваю ваш допрос. Вы здесь, отдавая показания трибуналу, очень часто, употребляли, а до вас это делали ваши сообщники, подсудимые Геринг и Риббентроп, о Версальском договоре. Я вас спрашиваю: разве Вена, Прага, Белград, Крым до Версальского договора принадлежали Германии?

Кейтель: Нет.

Руденко: Нет. Вы заявили здесь, что в 1944 году, после изменения закона, вы получили предложение вступить в члены нацистской партии. Приняли это предложение, передали личные данные руководству партии и внесли вступительный взнос. Скажите, принятие вами предложения вступить в нацистскую партию не следует ли рассматривать как ваше согласие с программой партии, ее целями и методами?

Кейтель: Я считал требование прислать мои личные данные после того, как я три с половиной года носил золотой значок партии, только формальной регистрацией и выполнил требование уплатить партийные

---

384 Вальтер фон Рейхенау (1884 — 1942) — генерал-фельдмаршал (с 1940). Во время Второй мировой войны командовал 6-й армией вермахта. Брал Париж (1940), Киев (1941) и Харьков (1941). Один из немногих высших военачальников вермахта, активно поддерживавших нацизм.

взносы. Я сделал то и другое.

Руденко: То есть до этого формального предложения, по существу, вы себя считали нацистом?

Кейтель: Я всегда смотрел на себя как на солдата, а не как на политического деятеля.

Руденко: Не следует ли признать после всего того, что здесь сказано, что вы были гитлеровским генералом не по долгу, а по убеждению?

Кейтель: Я здесь уже показал, что я был лояльным, верным и покорным солдатом своего фюрера. И я не думаю, что в России были генералы, которые бы беспрекословно не подчинялись маршалу Сталину.

Руденко: Я исчерпал свои вопросы.

Максвелл-Файф: Подсудимый, вы помните письмо, написанное 2 октября 1945 полковнику Эймену, объясняющее вашу позицию? Это было после ваших допросов, и в свое время вы написали письмо, объясняющее вашу точку зрения. Вы помните это?

Кейтель: Да, я помню о том, что написал письмо, но я уже не помню содержание. Однако, оно касалось допросов.

Максвелл-Файф: Да.

Кейтель: И я думаю, оно содержало просьбу о том, чтобы мне дали дальнейшую возможность переосмыслить вещи, так как вопросы, заданные мне были неожиданными, и я часто не мог вспомнить ответов.

Максвелл-Файф: Я хочу напомнить вам один отрывок и спросить вас правильно ли он выражает ваш взгляд:

> «При выполнении этих неблагодарных и сложных задач, мне приходилось исполнять долг в тяжелейших крайностях войны, часто действуя вопреки внутреннему голосу своей совести и вопреки своим убеждениям. Выполнение срочных задач поставленных Гитлером, перед которым я был ответственным, требовало полного самоотречения».
>
> Вы помните это?

Кейтель: Да.

Максвелл-Файф: А теперь, я просто хочу, чтобы вы рассказали трибуналу, о самых, на ваш взгляд, наихудших вещах, в которых вы действовали вопреки внутреннему голосу вашей совести? Просто расскажите нам о некоторых наихудших вопросах, в которых вы действовали, против внутреннего голоса вашей совести.

Кейтель: В такой ситуации, я достаточно часто находил себя, но решающими вопросами, которые наиболее жестоко конфликтовали с моей совестью и моими убеждениями были те, которые противоречили подготовке, которую я проходил в течение 37 лет как офицера германской армии. Это был удар по моим самым

близким личным принципам.

Максвелл-Файф: Подсудимый, я хотел, чтобы это исходило от вас. Вы можете рассказать трибуналу о трех наихудших вещах, которые вам пришлось сделать которые противоречили вашему внутреннему голосу совести? Что вы выберите, как три наихудших вещи которые вам пришлось сделать?

Кейтель: Наверное, начав с конца, приказы, отданные о ведении войны на Востоке, постольку поскольку они противоречили признанному обычаю войны, затем кое–что касающееся британской делегации, вопрос о 50 офицерах КВВС, вопрос, который особенно тяжко лег на меня, это лётчики-террористы и хуже всего, распоряжение «Мрак и туман» и возникшие на поздних стадиях фактические последствия, о которых я не знал. Это было худшей борьбой которую я вёл с собой.

Максвелл-Файф: Мы возьмем «Nacht und Nebel».

Милорд, этот документ и многие, на которые я сошлюсь, находятся в британской документальной книге номер 7, Вильгельм Кейтель и Альфред Йодль, и он на странице 279. Это L–90, экземпляр USA–503.

[*Обращаясь к подсудимому*]. Подсудимый, я передам вам немецкую документальную книгу. Это 279 в британской документальной книге, и 289…

Кейтель: Номер 731?

Максвелл-Файф: Это страница 289. Я не знаю, какой это том; часть 2, я думаю, он.

Вы поймете, цель распоряжения изложена в нескольких строчках в начале распоряжения, где сказано о том, что во всех случаях, где смертный приговор не объявлен и не исполнен в течение недели,

> «…обвиняемые в будущем секретно депортируются в Германию, и дальнейшие процедуры в связи с нарушениями состоятся там. Устрашающий эффект этих мер выражается в: (a) полном исчезновении обвиняемого; (b) том факте, что можно не давать никакой информации об их местонахождении и судьбе».

Вы согласны, что обе эти цели являлись чрезвычайно жестокими и ожесточенными, не так ли?

Кейтель: Я говорил об обеих недавно и вчера, что я лично думал о том, что секретная депортация лиц гораздо более жестокая, чем вынесение смертного приговора. Я…

Максвелл-Файф: Вы перевернете на страницу 281–291 у вас – 281 в английской книге?

Кейтель: Да, есть.

Максвелл-Файф: Вы говорите об этом в своем сопроводительном письме:

> «Мнение фюрера: - строка 4 – «В случае подобных нарушений, наказание лишением свободы, или даже пожизненная каторга, будут считаться признаком слабости. Эффективного и длительного устрашения можно достичь, либо смертной казнью

или мерами, которые держат родственников виновника и население, неосведомленными о его судьбе».

Вы согласны с тем, здесь снова эти фразы фюрера которые вы здесь передавали были жестокими и ожесточенными, не так ли?

Кейтель: Да.

Максвелл-Файф: Итак, что я…

Кейтель: Могу я что–нибудь добавить?

Максвелл-Файф: Разумеется, как можно короче.

Кейтель: Я вчера сделал заявление по этому предмету, и я обращаю ваше внимание в частности на слова: «Это длительно обдуманная воля фюрера», которые замышлялись, чтобы донести до генералов, которые получали эти приказы, то, что было написано между строк.

Максвелл-Файф: Но, подсудимый вам известно о том, что это никоим образом не означало завершение серии приказов, не так ли? Данный приказ был безуспешным в достижении своих целей, несмотря на свою жестокость и ожесточенность, не так ли? Данный приказ, приказ «Nacht und Nebel», в этой форме не достиг своей цели, он не остановил того, против чего предназначался? Правильно?

Кейтель: Нет, это не прекратилось.

Максвелл-Файф: Поэтому в 1944 вам пришлось подготовить ещё более суровый приказ. Вы посмотрите на документ D–762? Милорд, он станет экземпляром GB–298.

[*Обращаясь к подсудимом*]*:* Он гласит:

«Постоянный рост актов терроризма и саботажа на оккупированных территориях, все более и более совершаемых бандами под единым руководством, вынуждают нас принимать самые суровые меры в степени соответствующей той свирепой войне, которую нам навязали. Те, кто нападает на нас с тыла в решающий момент нашей борьбы за существование не заслуживают внимания.

Таким образом я приказываю:

Все насильственные акты совершенные не немецким населением на оккупированных территориях против германского Вермахта, СС, или полиции, или против сооружений используемых ими, отражаются как акты терроризма и саботажа: - (1) – «Войска» - СС и так далее – «должны бороться на месте… всех террористов и саботажников». – (2) – «Те, кто задержан позднее подлежат передаче в ближайшее отделение полиции безопасности и СД». – (3) – «Сообщники, в особенности женщины, не принимавшие активного участия в борьбе, следует использовать в работе. Детей следует щадить».

Теперь посмотрите на параграф II:

«Начальник ОКВ примет необходимые исполнительные инструкции. Он имеет право вносить изменения и дополнения насколько требуют потребности военных операций».

Вы думали, что это был жестокий и суровый приказ или нет?

Кейтель: Да, я так думаю, но могу я внести одну маленькую поправку? Должно быть это неправильно перевели. Фактическая формулировка: «Женщин следует использовать на работе. Детей следует щадить». Так сказано у меня в оригинале.

Максвелл-Файф: Я сказал «щадить». «Щадить» означает, что с ними не должны были обращаться таким образом. Я был аккуратен, упоминая это.

Кейтель: Да.

Максвелл-Файф: Итак, у вас имелись полномочия вносить изменения и дополнения. Вы пытались каким–либо образом, своими изменениями или дополнениями смягчить жестокость приказа?

Кейтель: Я не помню принятия, каких–либо дополнительных приказов смягчающих его жестокость. Я могу также сказать, что я никогда бы ничего не принял сначала не представив это фюреру.

Максвелл-Файф: Давайте посмотрим на то, что вы принимали. Посмотрите на документ D–764, который будет экземпляром GB–299?

Итак, это ваш исполнительный приказ, контрассигнованный[385] я думаю старшим военным судьей, передавшим ваш приказ, основанный на этом распоряжении, и посмотрите на абзацы 4 и 5:

«Все правовые процедуры, проводимые в связи с актами терроризма, саботажа, или иными преступлениями совершёнными не немецкими гражданскими лицами на оккупированных территориях, которые угрожают безопасности или боеготовности оккупирующей державы следует прекратить. Обвинительные заключения следует отменить. Уже провозглашенные приговоры не следует исполнять. Виновных лиц следует передавать вместе с докладом о разбирательстве в ближайшее местное отделение полиции безопасности и СД. В случае смертных приговоров которые стали окончательными, продолжает применяться действующее законодательство.

Преступления, затрагивающие немецкие интересы, но которые не угрожают безопасности или боеготовности оккупирующей державы не оправдывают сохранение юрисдикции над не немецкими гражданскими лицами на оккупированных территориях. Я уполномочиваю командиров на оккупированных

385 Контрассигнация - подпись, скрепа министра на акте, исходящем от главы правительства, означающая, что ответственность за этот акт падает на министра.

> территориях подготовить новое регулирование по согласованию с высшими руководителями СС и полиции».

И затем вы просите их, прежде всего рассмотреть, передачу их СД для принудительного труда.

Это конечно не являлось смягчением приказа, не так ли? Вы их не смягчили.

Кейтель: Здесь добавлено несколько фраз. Это вытекало из ежедневных дискуссий об этих вопросах, которыми я позднее занимался в таких же чертах, как в первом распоряжении. Я сделал подходящие аннотации и подписал их.

Максвелл-Файф: А теперь, вот то, что вы называли терроризмом и саботажем. Посмотрим на то, что случалось с людьми, которые были виновны в чем–то меньшем чем терроризм или саботаж. Посмотрите на документ D–763. Это будет GB–300. «Не немецкие гражданские…»

Кейтель: Да.

Максвелл-Файф:

> «Не немецкие гражданские лица на оккупированных территориях, которые угрожают безопасности или тактической готовности оккупирующей державы иначе, чем актами терроризма и саботажа, подлежат передаче СД. Раздел I, номер 3…» - то есть часть, говорящая о том, что женщины будут использовать на работе и детей будут щадить – «приказ фюрера также распространяется на них».

Что же, вы прекрасно знали, что случилось бы с любым кого передавали СД, что их, наверное бы, убили, разумеется, направили в концентрационный лагерь, не так ли?

Кейтель: Я не интерпретировал его таким образом, всегда использовались слова «для распределения рабочими», но из того что я узнал, мне стало ясно, что они часто заканчивали концентрационным лагерем. Однако, они всегда описывались нам, мне, как трудовые лагеря. Описание было таким «трудовые лагеря секретной государственной полиции».

Максвелл-Файф: Но это август 1944. Вы согласитесь с тем, что это наиболее суровый метод обращаться с людьми виновными в чем-то меньшем, чем терроризм и саботаж, не так ли?

Кейтель: Да.

Максвелл-Файф: Что же, позвольте…

Кейтель: Я полагаю, вы не желаете, чтобы я обсуждал здесь происхождение и развитие. Иначе я смогу их объяснить, но я просто отвечу на вопрос. Ответ: да, это была очень суровая мера. Объяснение, если я могу о нём кратко заявить, заключается в том, что, как известно, во время бесконечных ежедневных докладов об обстановке об инцидентах на всех оккупированных территориях, я получал от

фюрера инструкции и приказы, которые далее кристаллизовались в форме похожей на этот документ; и я думаю я, уже подробно описывал способ, которым я с ним обсуждал эти вещи и как я работал, что в принципе я никогда не принимал и ничего не подписывал, что принципиально не согласовывалось с его волей.

Максвелл-Файф: Это было для вас достаточно суровым только на протяжении трёх недель, не так ли, потому что 4 сентября, которое почти три недели спустя, вы приняли другой приказ, документ D–766, экземпляр GB–301. Итак, как это видно, он был принят, как соглашение с Гиммлером, Кальтенбруннером, рейхсминистром юстиции и доктором Ламмерсом. Теперь я смотрю на:

> «Не немецкие гражданские лица на оккупированных территориях, приговорённые германскими судами за уголовное деяние против безопасности или тактической готовности оккупирующей державы, по вступлению в силу приговора, и находящиеся под арестом на оккупированных территориях или фронтовой территории родины, подлежат передаче, совместно с докладом о фактах, в ближайшее местное отделение полиции безопасности и СД. Исключение составляют лица, приговоренные к смертной казни по которым отдан приказ на исполнение.
>
> II. Лица, осужденные за уголовные деяния против Рейха или оккупирующей державы и ограниченные, в соответствии с директивами…принятыми фюрером о преследовании за такие деяния, от общения с внешним миром, получают особый отличительный знак».

Итак, у вас была какая-нибудь мысль на скольких людей распространялся этот приказ?

Кейтель: Нет, я не могу сказать ничего об этом сказать. Я знаю только то, что это стало необходимо ввиду возрастания напряженности на оккупированных территориях, в силу нехватки войск для поддержания порядка.

Максвелл-Файф: Что же, позвольте мне напомнить вам. Вы созвали совещание для рассмотрения этого вопроса. Это показано в документе D–765, и также покажу вам D–767, отчёт о совещании. Не волнуйтесь о 765, который просто говорит, что было совещание, но в документе D–767, который будет экземпляром GB–303, есть отчёт о совещании. Второй абзац говорит:

> «Рейхсфюрер СС» - Гиммлер – «потребовал в своем письме немедленно передать СД приблизительно 24 000 не немецких гражданских лиц содержащихся под арестом или задержанных для допроса» - Теперь послушайте это: «Не последовало ответа на вопрос возникший во время дискуссии о том, зачем их требуется передать СД в настоящий момент, несмотря на

значительное количество требуемой административной работы».

Вы можете дать какой–либо ответ о том, почему 24 000 приговоренных человек следовало передать на милость СД?

Кейтель: Могу я прочитать запись? Я её не знаю; пожалуйста, могу я её сейчас прочесть?

Максвелл-Файф: Разумеется. Вы поймете, что я вас вообще этим не затруднил, но она говорит о том, о чём я вам уже сказал, что распоряжение «Nacht und Nebel» стало излишним в результате распоряжения о терроре и саботаже, и что правовое управление Вермахта представило эти вещи для обсуждения.

Итак, вы можете дать нам какой-нибудь ответ, почему эти 24 000 несчастных человек, которых приговорили, следовало передать на милость СД?

Кейтель: Я должен сказать, что в целом я удивлен инцидентом. Я не присутствовал на совещании, и видимо, я не читал до сих пор запись, и я принципиально всегда отмечал каждый документ, который представили мне своими инициалами. Я не знакомился с цитируемыми цифрами, я впервые их вижу, я не знакомился с ними и не помню их, вместе с тем другой приказ был…

Максвелл-Файф: Я дам вам кое-что, что вы читали.

Кейтель: Что касается фактов, о которых вы спросили, я должен ответить утвердительно. Я не знаю цифр, только факты.

Максвелл-Файф: И вы не можете ответить на мой вопрос. Вы не привели причину, по которой Вермахт и другие ведомства отправили 24 000 человек, которых приговорили обычные суды, СД? Вы не можете привести нам никакую причину?

Кейтель: Нет; я могу сказать, что в определенной степени могу. Я думаю «СД» это неправильная интерпретация. Я думаю, подразумевался полицейский арест. Это не одно и тоже.

Максвелл-Файф: Конечно нет.

Кейтель: Я не знаю могло ли это быть одинаковым.

Максвелл-Файф: Конечно, вы на этом процессе слишком долго, чтобы думать, что передача людей СД означает полицейский арест. Обычно оно подразумевает концентрационный лагерь и газовую камеру, не так ли? Вот что это фактически значит, знали вы об этом или нет.

Кейтель: Я не знал этого, но в конце это очевидно приводило к концентрационному лагерю. Я считаю это возможным; в любом случае, я не могу сказать, что такого не было.

Председатель: Сэр Дэвид, предпоследний абзац ссылается на ОКВ.

Максвелл-Файф: Да, милорд, я подхожу к этому.

[*Обращаясь к подсудимому*] Подсудимый, если вы заметите, два абзаца ниже того, который я вам привел:

«Так как ОКВ не особо заинтересовано в рассмотрении незначительных дел, остающихся у военных трибуналов, их

следует урегулировать распоряжениями согласованными с местными властями».

Подсудимый, совершенно ясно, что ваше ведомство тщательно занималось этим делом, не так ли?

Кейтель: Я не знаю точно, что это значит, но об этом очевидно упоминали на совещании.

Максвелл-Файф: Итак, перед предъявлением следующего документа, я хочу, чтобы вы понимали, куда мы идём. Мы начали с указа «Nacht und Nebel», который исчез, и мы перешли к распоряжению о терроре и саботаже. Затем мы перешли к актам меньшим, чем террор и саботаж, но являющимися уголовными деяниями по правилам оккупационной державы.

Теперь я хочу, чтобы вы рассмотрели, что делали с людьми, которые просто отказывались работать. Вы посмотрите на документ D–769? То есть экземпляр GB–304. Это телеграмма от генерала Люфтваффе Христиансена[386], который был в Нидерландах, командующим воздушными силами в Нидерландах, через своего начальника штаба.

Послушайте это:

Ввиду железнодорожной забастовки, всё сообщение в Голландии остановилось. Железнодорожные служащие не реагируют на призывы возобновить работу. Требования автомобилей и иных транспортных средств для передвижения войск и обеспечения снабжения больше не выполняются гражданским населением. Согласно распоряжению фюрера от 18 августа 1944» - то есть распоряжению о терроре и саботаже, которое у вас есть – «и дополнительным исполнительным инструкциям начальника ОКВ» - которые мы уже видели – «войска могут использовать оружие только против лиц которые совершают насильственные акты как террористы или саботажники, в то время как лица, которые угрожают безопасности или тактической готовности оккупационных властей, в какой–либо иной форме чем террористическими или саботажными актами, подлежат передаче СД».

Затем генерал Христиансен выступает с:

«Данное регулирование зарекомендовало себя как слишком сложное, и следовательно неэффективное. Прежде всего, мы не располагаем необходимыми полицейскими силами. Войска должны снова получить полномочия также и расстреливать, с применением или без военно–полевого суда, лиц которые не

386 Фридрих Христиансен (1879 — 1972) — немецкий лётчик-ас, специалист по морской авиации, генерал авиации, военный преступник. Судом был приговорен к 12 годам лишения свободы. В 1952 освобождён досрочно.

террористы или саботажники в смысле распоряжения фюрера, но которые угрожают боевым силам путём пассивного сопротивления. Настоящим запрашивается, чтобы распоряжение фюрера было соответственно изменено, так как в противном случае войска не могут эффективно выступать против населения, которое в свою очередь, проявляет угрозу проведению операций.

Итак, подсудимый, вы согласитесь, что расстрелы, железнодорожников, которые не работали, с судом или даже без суда, это настолько ожесточенная и жестокая мера насколько может себе представить человеческий разум?
Вы согласны?

Кейтель: Это жестокая мера, да.

Максвелл-Файф: Каким был ваш ответ на эту жестокую меру?

Кейтель: Я не могу сказать. Я совсем не вспоминаю инцидента, но вероятно здесь есть.

Максвелл-Файф: Что же посмотрите на документ D–770, который, я думаю, ваш ответ; это экземпляр GB–305. Вы заметите в списке рассылки, что он отправлен командующему вооруженными силами в Нидерландах, и далее отметка, на которую мы смотрим. Итак, вы говорите:

«Согласно приказу фюрера от 30 июля 1944, не немецкое гражданское население на оккупированных территориях, которое нападает на нас с тыла в кризисное время нашей борьбы за существование не заслуживает внимания. Это должно быть нашим руководящим принципом при толковании и применении самого распоряжения фюрера и исполнительной директивы начальника ОКВ от 18 августа 1944.

Если военная обстановка и состояние сообщений делают невозможным их передачу СД, следует предпринимать другие эффективные меры безжалостно и самостоятельно. Естественно» - и я прошу вас отметить слово «естественно» - «нет возражения вынесению и исполнению смертных приговоров военно–полевым судом в таких обстоятельствах».

Подсудимый, я не могу припомнить, имели ли вы самостоятельное командование. Не так ли? Вы имели самостоятельное командование, помимо своего ведомства? Я думаю, это было последнее самостоятельное командование, что вы имели. Вы сами не имели самостоятельного командования, не так ли? Я ясно выразился?

Кейтель: Я не понял. Что вы имеете в виду под «самостоятельным»?

Максвелл-Файф: Я подразумеваю, что вы сами не являлись командующим или начальником армии или группы армий, если я правильно помню, или района, не так ли?

Кейтель: Нет, не являлся.

Максвелл-Файф: Я прошу вас поставить себя на место генерала Христиансена. Ваш ответ был прямым поощрением, практически учитывавшемся как приказ, расстрелять этих неподконтрольных железнодорожников, не так ли? «Предпринять другие эффективные меры безжалостно и самостоятельно».

Кейтель: Это объясняется формой военно–полевого суда. Это не оставляли на усмотрение отдельного человека, предусматривалась подсудность военно–полевому суду.

Максвелл-Файф: Подсудимый, посмотрите как сказано. Я предполагаю, что это совершенно ясно. Одно предложение заявляет: «Если военная обстановка и состояние сообщений делают невозможным их передачу СД, следует предпринимать другие эффективные меры безжалостно и самостоятельно».

Затем следующее предложение: «Естественно» - посмотрите на слово «естественно». Я полагаю это «naturlich» на немецком. Правильно?

Кейтель: У меня здесь нет слова «naturlich». Насколько я понимаю, были вставлены два слова.

Максвелл-Файф: Но сказано: «Естественно нет возражения вынесению и исполнению смертных приговоров по процедуре военно–полевого суда». То, что вы сказали это то, что, конечно, нет возражения военно–полевому суду, но вы сказали ему, в дополнение к этому о том, что он должен предпринимать эффективные меры безжалостно и самостоятельно. Если бы генерал Христиансен расстрелял этих неподконтрольных железнодорожников после получения вашего письма, ни вы, ни другой начальник не обвиняли бы его, не так ли?

Кейтель: Согласно последнему предложению, он был обязан проводить военно–полевую процедуру. Сказано: «В таких обстоятельствах нет возражений исполнению такого приговора военно–полевым судом». Вот, что это значило.

Максвелл-Файф: Но что означало «предпринимать эффективные меры безжалостно и самостоятельно»? Что вы подразумевали этим, если это была обычная процедура военно – полевого суда?

Кейтель: Не помимо процедуры военно–полевого суда, а такими же средствами. Вот, что значит последнее предложение. Это уже необычно, назначать военно–полевой суд в таких случаях.

Максвелл-Файф: Да, даже по вашим правилам, использование военно–полевых судов для расстрела железнодорожных рабочих, которые не работали, заходило довольно далеко, не так ли? Заходило довольно далеко, не так ли?

Кейтель: Это была очень суровая мера, да.

Максвелл-Файф: Вы говорите трибуналу, что когда вы вносили все эти дополнения, проводя вас через цепочку дополнений, которые вы вносили для приказа заменяющего приказ «Nacht und Nebel», который вы не одобряли, вы говорите, что вы ходили к Гитлеру со всеми исполнительными приказами и

ответами?

Кейтель: Да. Я ходил к нему по поводу каждого такого приказа. Я должен подчеркнуть тот факт, что я не принимал никаких этих приказов предварительно не представив их фюреру. Я должен прямо отметить, что так и было.

Нельте: Господин председатель, я думаю, недопонимание вкралось в перевод. Перевод интерпретирует «Standgericht» как военно–полевой суд. Мне не кажется, что слова «военно–полевой суд» точно отражают, то, что мы понимаем в немецком языке под «Standgericht». Я не знаю, что вы понимаете в английском и американском языке под «военно–полевым судом», но я могу представить нечто означающее какую-то итоговую процедуру.

Максвелл-Файф: Я принял это в пользу подсудимого, что это означало суд на который он вчера ссылался, один офицер и два солдата. Я так это понял. Если я ошибся, подсудимый меня поправит. Правильно, подсудимый?

Кейтель: Я вчера кратко описывал военно–полевую процедуру, и критерием военно–полевого суда являлось то, что не всегда было нужно иметь подготовленного правового эксперта, хотя это было желательно.

Председатель: Пока мы затронули вопрос перевода, подсудимый, кажется, предполагает, что нет такого слова в немецком, которое перевели на английский словом «естественно». Это правда?

Максвелл-Файф: Я это проверил и мне сказали, что перевод правильный.

Председатель: Есть немецкое слово, которое перевели как «естественно»? Я хочу узнать это у доктора Нельте.

Нельте: Я сказал о том, что ложная концепция или ложное суждение может возникнуть в данной связи, поскольку в британском и американском праве военно–полевой суд не имеет права выносить смертные приговоры. Я сказал о том, что военно–полевой суд…

Председатель: Извините меня, доктор Нельте, я не задавал этого вопроса. Вопрос, который я задал, был о том есть ли, какое–либо немецкое слово, которое перевели на английский словом «естественно». Этот вопрос не ясен?

Нельте: В немецком тексте сказано: «Конечно, в таких обстоятельствах». Я думаю, английский перевод неправильный при использовании слова «естественно» вставленном после «в таких обстоятельствах» вместо начала, так что можно прийти к заключению, что оно значит «естественно нет возражений» (es gibt naturlich keine Einwendungen), в то время как в немецком тексте сказано: «Против вынесения и исполнения смертных приговоров военно–полевым судом – в таких обстоятельствах, конечно – нет возражений».

Председатель: Тогда ответ на мой вопрос «да». Есть слово на немецком языке которое перевели как «естественно».

Нельте: Да, но слова «естественно» и «в таких обстоятельствах» разделены в английской версии, в то время как в немецкой версии они рядом. «Естественно»

относится к «в таких обстоятельствах».

Максвелл-Файф: Итак, я хочу перейти к другому вопросу. Вы вчера рассказывали нам о том, что относительно принудительного труда вы занимались им, потому что сокращались трудовые ресурсы, и вам приходилось забирать людей из промышленности в Вермахт. Ваше ведомство касалось использования военных сил с целью пытаться сгонять людей для принудительного труда, не так ли?

Кейтель: Я не думаю, что это достаточно правильная концепция. Управление пополнений высшего командования Вермахта…

Максвелл-Файф: Если вы собираетесь это отрицать, я представлю вам документ. Я представлю вам взгляды генерала Варлимонта и посмотрю, согласны ли вы. Я думаю это сэкономит время в конце. Если вы посмотрите на документ PS-3819, который будет экземпляром GB–306, страница 9 английской версии. Это доклад о встрече в Берлине 12 июля 1944. Вам нужно посмотреть документ после писем подсудимого Заукеля и подсудимого Шпеера, отчет о встрече в Берлине. Я думаю это страница 10 немецкой версии. Он начинается выступлением доктора Ламмерса и продолжается выступлением подсудимого Заукеля, затем выступлением свидетеля фон Штеенграхта, затем выступлением генерала Варлимонта: «Заместитель главы ОКВ, генерал Варлимонт сослался на недавно принятый приказ фюрера». Вы нашли отрывок? Я вам его зачитаю.

Кейтель: Да, я нашел абзац «представитель начальника ОКВ…»

Максвелл-Файф:

> «Представитель начальника ОКВ, генерал Варлимонт, сослался на недавно принятый приказ фюрера, согласно которому все германские войска должны были принимать участие в задаче вербовки рабочей силы. Всюду где расквартирован Вермахт, если его не используют исключительно при исполнении военных обязанностей (как, например сооружение береговой обороны), он будет доступен, но не специально предназначен для целей ГБА[387].
> Генерал Варлимонт внёс следующие практические предложения:
> a) Войска используемые в борьбе с партизанами должны дополнительно принять задачу вербовки рабочей силы в партизанских районах. Всякий кто не сможет представить удовлетворительной причины своего пребывания в таких районах подлежит принудительной вербовке».
> b) Когда крупные города полностью или частично эвакуируются в связи со сложностями в обеспечении продовольствием, такое население которое, пригодно для работы, следует использовать для работы при содействии Вермахта.

387 Аббр. с нем. - Generalbevollmächtigter für den Arbeitseinsatz – генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы

с) Беженцев из прифронтовых районов следует решительно сгонять при содействии Вермахта».

После чтения этого доклада о словах генерала Варлимонта, вы все еще говорите о том, что Вермахт…

Кейтель: Я не осведомлен о том, чтобы вооруженные силы, когда-либо получали приказ упоминающий угон рабочих. Я хочу сказать, что мне не известно о таких требованиях и я не нахожу им никакого подтверждения. Мне неизвестно совещание, как и упомянутые вами предложения. Для меня это в новинку.

Максвелл-Файф: Совершенно ясно, что генерал Варлимонт предложил, что Вермахт должен помогать в угоне для принудительного труда, не так ли?

Кейтель: Но, насколько мне известно, этого никогда не случалось. Мне неизвестно, чтобы такой приказ отдали. Согласно записи, это предложение внес генерал Варлимонт, да.

Председатель: Сэр Дэвид, возможно в таких обстоятельствах вы должны прочитать три строчки после прочитанного вами отрывка.

Максвелл-Файф: Милорд, я должен. Следующая строка:

«Гауляйтер Заукель принял эти предложения с благодарностью и выразил надежду насчёт определённого успеха которого можно добиться таким образом»

Кейтель: Могу я, что–нибудь сказать об этом? Могу я попросить, чтобы гауляйтера Заукеля спросили в соответствующее время о том использовались ли и в какой степени войска вооруженных сил в таких вопросах. Мне это неизвестно.

Максвелл-Файф: Несомненно, подсудимому Заукелю в своё время зададут ряд вопросов. Сейчас я спрашиваю вас. Вы говорите, что ничего об этом не знаете?

Кейтель: Нет, я не вспоминаю, никакой приказ принятый в связи с этим. Я понял из заявления Варлимонта, что состоялась дискуссия.

Максвелл-Файф: Сейчас я хочу задать вам несколько вопросов об убийстве различных военнопленных. Я выяснить это. Вы вчера подразумевали оправдание приказа о расстреле коммандос, датированном 18 октября 1942? Вы желаете сказать, что он был правильным и оправданным, или нет?

Кейтель: Я вчера заявил, что ни генерал Йодль ни я, не думали о том, что мы были в состоянии, или считали возможным, подготовить или представить такой письменный приказ. Мы не делали этого, потому что мы не могли его оправдать и не находили ему причин.

Максвелл-Файф: Следующий вопрос, что я поставлю вам такой: вы одобряете и считаете правильным приказ который был подготовлен о том, что коммандось нужно было расстреливать?

Кейтель: Я больше не возражал, во-первых из-за угрозы наказания, и во–вторых, потому что я больше не мог изменить приказ без личного приказа Гитлера.

Максвелл-Файф: Вы думали, что приказ был правильным?

Кейтель: Согласно моим внутренним убеждениям я не считал его правильным, но после его принятия я не возражал ему и никак не выступал против него.
Максвелл-Файф: Вам известно о том, что ваши приказы содержали положения об использовании парашютистов заброшенных для саботажных задач, не так ли? Ваши собственные приказы содержали положение о применении парашютистов для саботажных задач. Вы не помните план «Fall Grun» против Чехословакии? Если хотите я представлю его вам, но я хочу, чтобы вы попытались вспомнить сами. Вы не помните, что ваши собственные приказы содержали положение о заброске парашютистов для саботажных целей в Чехословакии?
Кейтель: Нет.
Максвелл-Файф: Не помните?
Кейтель: Нет, я не помню приказ.
Максвелл-Файф: Я обращаю на него ваше внимание. Милорд, это страницы 21 и 22 документальной книги.
Кейтель: Какая документальная книга, пожалуйста?
Максвелл-Файф: Да. Это должна быть ваша первая документальная книга, в начале. Это часть плана «Fall Grun», который документ PS-388, и это пункт 11. Я думаю, это где–то на странице 15 или 16 или 20. Вы помните записи Шмундта и что они, затем были разделены на пункты.

Трибунал найдет его вверху страницы 21:

[*Обращаясь к подсудимому*]

«Для успеха этой операции, будет важным взаимодействие с судето-немецким пограничным населением, с дезертирами из чехословацкой армии, с парашютистами или десантными войсками и с подразделениями саботажных служб».

Кейтель: Могу я прочитать абзац, который вы имеете в виду?
Максвелл-Файф: Да, он озаглавлен «Задачи родов войск вооруженных сил…»
Кейтель: «Задачи родов войск вооруженных сил». Сказано:

«Для успеха операции может быть важным взаимодействие судето-немецким пограничным населением, с дезертирами из чехословацкой армии, с парашютистами или десантными войсками и с подразделениями саботажных служб».

Как я вчера объяснил, эти парашютисты и десантные войска фактически направлялись для работы с пограничными укреплениями, поскольку военные власти верили в то, что артиллерийских ресурсов под нашим командованием недостаточно, чтобы позволить нам бороться с ними артиллерией.

Это не означает парашютистов или саботажников, но действующих военнослужащих германских воздушных сил, и саботажные службы названы в конце.
Максвелл-Файф: Саботажной службой должны быть люди, которые собираются осуществлять диверсии, если их собирались как–либо использовать, не так ли? Они

проводят диверсии, не так ли?

Кейтель: Несомненно, но не средствами десантных войск и парашютистов, но путем саботажников в приграничных районах, которые предлагают свои услуги для такого рода работы. Да, вот о чем они думали. У нас было много таких в судетском районе.

Максвелл-Файф: Я не собираюсь спорить с вами, но я хочу прояснить это. Я теперь хочу перейти к способу, которым было объявлено о приказе фюрера. Вы найдете приказ – трибунал найдет его на странице 64 – но то на, что я хочу, чтобы он взглянул, если он будет так любезен, страница 66 книги, страница 25, подсудимый, вашей книги. Второе предложение подсудимого Йодля «Командирам» об этом приказе. Это на странице 25, и подсудимый Йодль говорил: «Данный приказ только для командиров и не при каких обстоятельствах не должен попасть во вражеские руки». Это было, потому что вы и подсудимый Йодль стыдились приказа, что вы предусмотрели такую секретность о нём?

Кейтель: Я еще не нашел его, и я хочу знать связь. Страница 25 это письмо по телетайпу.

Максвелл-Файф: От Oberkommando[388] Вермахта, датированное 19 октября. Теперь вы нашли, второе предложение?

Кейтель: Датированное 18 октября 1942?

Максвелл-Файф: 19 октября, приказ принят 18-го. «Данный приказ только для командиров и не при каких обстоятельствах не должен попасть во вражеские руки». Это было, потому что вы стыдились приказа, что это так выразили?

Кейтель: Я не видел письмо и думаю, что об этом нужно спросить генерала Йодля. Я не знаю содержания, но я уже заявлял о наших мнениях. Я не могу привести вам причину.

Максвелл-Файф: Вы не можете привести причину такой секретности?

Кейтель: Я не знаю мотивов стоящих за этим и я попрошу вас задать этот вопрос генералу Йодлю. Я его не видел. Но я уже высказался о собственных взглядах и взглядах генерала Йодля.

Максвелл-Файф: А теперь, я хочу, чтобы вы посмотрели на то как даже Гитлер выражался об этом. Если вы посмотрите – я полагаю это страница 31 в нашей книге. Это сообщение от Гитлера в котором он говорит:

> «Доклад, который должен появится по этому поводу в коммюнике вооруженных сил кратко и лаконично скажет, что саботажные, террористические или диверсионные подразделения столкнуться с уничтожением вплоть до последнего человека» (Документ номер PS-503)

Вы старались – и когда я говорю «вы», я подразумеваю вас коллективно, Гитлера, вас, и Йодля и каждого вовлеченного. Вы старались, помалкивать об этом, обо всём, что было известно о приказе, не так ли?

---

388 «Высшего командования» (нем.)

Кейтель: У меня не сложилось такое впечатление; напротив, в каждом случае мы впоследствии публиковали факты в приказах Вермахта, сводке Вермахта. Я вспоминаю, а именно, что в сводке Вермахта мы заявляли о таких–то и таких–то случившихся инцидентах, вызвавших такие–то и такие–то последствия. Так я вспоминаю.

Максвелл-Файф: Я теперь только собираюсь попросить вас посмотреть на один документ дальше, потому что в этом отношении, вы помните, после того как Советский Союз судил неких людей в Харькове[389], когда вы попытались собрать какую-то контрпропаганду – итак, посмотрите на этот документ, об этих казнях, это страница 308, документ UK–57. У вас есть его копия. Я собираюсь спросить вас только о двух инцидентах. Вы увидите это меморандум и отрывок, на который я хочу, чтобы вы посмотрели, под номером 2, четвертый меморандум, абзац 2, который озаглавлен «Попытки нападения на линкор «Tirpitz[390]». Вы видите это?

Кейтель: Секунду, я еще не нашел. Линкор «Tirpitz», о, да.

Максвелл-Файф: Вы нашли? Просто послушайте:

> «В конце октября 1942 британский коммандос прибывший в Норвегию на катере, имел приказы осуществить нападение на линкор «Tirpitz» во фьорде Тронхейма, посредством двухместных торпед. Акция не состоялась поскольку, обе торпеды, которые были прикреплены к катеру, были утеряны в штормовом море. Из экипажа, состоявшего из шести англичан и четырех норвежцев, группа из трех англичан и двух норвежцев перешла шведскую границу; однако, единственный британский моряк в гражданской одежде, Роберт Пол Эванс, родившийся 14 января 1922 в Лондоне, был арестован, а остальные сбежали в Швецию.
>
> Эванс имел с собой кобуру для переноски оружия под мышками, а также кастет».
>
> И теперь следующая страница:
>
> «Насилие, представляющее нарушение международного права не может быть доказано»

Инциденты, такие как этот, согласно этому приказу, попадали в ваше внимание?

Кейтель: Я не помню сам инцидент, но я могу понять, что о нём сообщило ведомство.

Максвелл-Файф: А теперь, вы сказали нам, что вы являетесь солдатом 41 год, это подчеркивает вашу военную позицию. Что, во имя всех военных традиций, сделал неправильного этот парень, прибыв с двухместной торпедой для нападения на линкор,

---

389 15 декабря 1943 года начался первый в мире открытый процесс над нацистскими преступниками. На скамье подсудимых находись трое немецких палачей: капитан военной контрразведки В. Лангхельд, Г. Риц, Р. Рецлав. Рядом с ними сидел советский предатель — их подручный М. Буланов.

390 «Тирпиц» — второй линкор типа «Бисмарк», входивший в состав Кригсмарине. В боевых действиях практически не участвовал, однако своим присутствием в Норвегии угрожал арктическим конвоям в СССР и сковывал значительные силы британского флота. 12 ноября 1944 полностью выведен из строя в результате бомбардировки.

что он сделал не так?

Кейтель: Нет, это атака против орудия войны, если бы проводилась солдатами в качестве военнослужащих вооруженных сил, это нападение с целью уничтожения линкора посредством саботажа.

Максвелл-Файф: Но почему, почему, если вы должны были быть готовы к нападению двухместной торпеды на линкор, что плохого с моряком делающим это? Я хочу понять, о чем вы думали. Что вы, как человек бывший солдатом 40 лет, понимаете плохого в человеке, буксировавшим торпеду против линкора? Расскажите нам. Я не понимаю, что здесь плохого.

Кейтель: Это не более неправильно, чем нападение воздушной бомбой, если оно успешно. Я осознаю, что это правильно, то есть это совершенно допустимое нападение.

Максвелл-Файф: Что же, итак, если вы не видели этот инцидент, я не буду проходить другие, так как все они почти одинаковые, люди в форме прибыли в Жиронду для нападения на германские корабли.

Что я хочу понять из этого. Вы были фельдмаршалом, находясь на месте Блюхера[391], Гнейзенау[392] и Мольтке. Как вы допускали все эти убийства молодых ребят, одного за одним, не заявляя никаких протестов?

Кейтель: Я подробно заявлял здесь о своих причинах не оказывать никакого дальнейшего сопротивления или возражения, и я не могу сейчас изменить свое заявление. Я знаю, что эти инциденты случались, и я знаю о последствиях.

Максвелл-Файф: Но фельдмаршал, я хочу, чтобы вы это поняли. Насколько я знаю, в германском военном уставе, как и во всяком военном уставе, нет никакого обязательства со стороны солдата соблюдать приказ известный ему как ошибочный, известный ему как противоречащий законам войны и праву. Это одно и то же в вашей армии, и в нашей армии, и я думаю в каждой армии, не так ли?

Кейтель: Я лично не исполнял приказы от 18 октября 1942. Я не присутствовал ни на мысе Жиронды, ни при нападении на линкор «Tirpitz». Я лишь знал о том, что приказ был принят, вместе со всеми угрозами наказания которые создавали трудность для командиров изменять или отступать от приказа по своей инициативе. Сэр Дэвид вы сами меня спросили, считал ли я этот приказ правильным или служащим какой–нибудь полезной цели и я дал вам точный ответ: что я не смог бы предотвратить действия на мысе Жиронда или в случае «Tirpitz» если бы я хотел.

Максвелл-Файф: Поймите мое затруднение. Я привел вам только два случая, есть гораздо больше. Есть другие, которые случались в Италии и о которых мы слышали. То, что я хочу донести до вас: вы были представителем; о чём вы сказали нам сотню раз, военной традиции. Вы имели за собой офицерский корпус со всем его…

---

391 Гебхард Леберехт фон Блюхер (1742 — 1819) — прусский фельдмаршал, участник ряда Наполеоновских войн, командующий прусскими войсками в боевых действиях против вернувшегося Наполеона, победитель при Ватерлоо.

392 Август фон Гнейзенау (1760 — 1831) — прусский военачальник (генерал-фельдмаршал) эпохи наполеоновских войн.

Кейтель: Сэр Дэвид, нет, я должен отрицать это. Я не был ответственным ни за флот ни за армию ни за воздушные силы. Я не являлся командиром, я был начальником штаба, и у меня не было полномочий вмешиваться в исполнение приказов в остальных родах войск вооруженных сил, каждый из которых имел своего главнокомандующего.

Максвелл-Файф: Мы слышали о вашем штабном ранге, но я хочу понять этот момент. Вы были фельдмаршалом, Кессельринг был фельдмаршалом, Мильх был фельдмаршалом, все, как я понял, с военной подготовкой за спиной и имевшие влияние если не в командовании, то среди вооруженных сил Германии. Как получилось так, что ни один человек вашего ранга, ваших военных традиций, отважно не выступил против хладнокровного убийцы? Вот, что я хочу знать.

Кейтель: Я не делал этого, я не заявляли никаких дальнейших возражений этим вещам. Я могу сказать больше и не могу говорить за остальных.

Максвелл-Файф: Итак, оставим этом, если вы не можете больше говорить об этом. Я хочу понять, что вы делали в отношении наших французских союзников, потому что меня попросила разобраться с некоторыми вопросами французская делегация.

Вы помните, что на Восточном фронте вы захватили неких французов, которые сражались за русских? Вы помните, что отдавали об этом приказ? Вы захватили нескольких голлистов, как вы их называли, то есть людей «Свободной Франции[393]», которые сражались за русских. Вы помните акцию в отношении них?

Кейтель: Я вспоминаю передачу приказа фюрера относительно передачи французов их законному правительству, которое признавалось нами.

Максвелл-Файф: Это конечно не так, я хочу показать вам часть приказа.

> «Тщательные расследования следует провести в соответствующих делах в отношении родственников французов сражающихся за русских. Если расследование раскроет то, что родственники оказали содействие в облегчении побега из Франции, тогда следует предпринимать суровые меры.
>
> OKW/Wi.Ru[394] должно провести необходимые приготовления с соответствующим военным командующим или высшим руководителем СС и полиции во Франции. – подписано – Кейтель».

Вы можете представить, что-то более кошмарное, чем принятие суровых мер против матери молодого человека, которая помогала ему пойти сражаться за союзников своей страны? Вы можете представить, что–то более презренное?

Кейтель: Я могу думать о многих вещах, поскольку я потерял своих сыновей на войне. Я не придумывал эту идею, она не исходила от меня, я лишь передал её.

Максвелл-Файф: Подсудимый, вы оцените разницу, между сказанным вами, и тем, что сделал я. Потеря сыновей на войне ужасная трагедия. Принятие суровых мер против матери парня, который хочет идти и сражаться за союзников своей страны, я

393 «Сражающаяся Франция», до июля 1942 года — «Свободная Франция» (la France libre) — патриотическое движение французов за освобождение Франции от нацистской Германии в 1940—1943 годах.
394 Аббр. С нем. Wirtschafts und Rüstungsamt – управление снабжения ОКВ.

полагаю для вас презренно. Одно трагедия, другое это вершина ожесточения. Вы не согласны?

Кейтель: Я только могу сказать, что здесь не сказано о последствиях расследований и поисков. Я не знаю.

Максвелл-Файф: Что же, если это все, что вы можете сказать в ответ, я спрошу вас о чем–нибудь другом.

Кейтель: Нет, я хочу добавить, что я сожалею, что какие–нибудь семьи оказались ответственными за проступки своих сыновей.

Максвелл-Файф: Что же, я не буду тратить время, разбираясь со словом «проступки». Если вы думаете, что это проступок, дальше нет смысла это обсуждать. Я просто хочу заявить протест против такого вашего слова.

Итак, давайте посмотрим; это не изолированный случай. Просто взгляните на страницу 110 (а) документальной книги, которая у вас есть, страница 122. Это довольно ранний приказ от 1 октября 1941.

> «Нападения, в последнее время совершённые на военнослужащих вооруженных сил на оккупированных территориях дают основание указать военным командирам на рекомендацию, всегда иметь в своем распоряжении ряд заложников различных политических направлений, а именно:
>
> (1) Националистов,
>
> (2) Буржуазных демократов, и
>
> (3) Коммунистов
>
> Важно, что они должны включать в себя известных руководящих лиц или членов их семей, чьи имена должны быть преданы огласке.
>
> Заложники, относящиеся к той же группе, что и виновник подлежат расстрелу в случае нападений.
>
> Требуется соответствующим образом проинструктировать командиров. – подписано – Кейтель» (Документ PS-1590)

Почему вы были настолько конкретны, случись вам арестовывать буржуазных демократов, ваши командиры должны были иметь охапку буржуазных демократов для расстрела как заложников? Я думал вы не являлись политиком.

Кейтель: Я вообще не был конкретным и идея не исходила от меня, но это соответствует инструкциям, официальным правилам, относительно заложников которые я обсуждал вчера или позавчера, и которые говорили о том, что те кого удерживали как заложников должны были происходить из кругов ответственных за нападения. Это объяснение или подтверждение этого, насколько я помню.

Максвелл-Файф: Вы согласны с таким порядком действий, что если вы находили члена буржуазно–демократической семьи, который принимал участие, скажем, в саботаже или сопротивлении, вы должны расстрелять из-за него ряд буржуазных–демократов? Вы одобряли это?

Кейтель: Я уже объяснил как приказы о расстрелах заложников, которые также были отданы, применялись и как они исполнялись в случае тех, кто заслужил смерть и которых уже приговорили.

Максвелл-Файф: Подсудимый, я задал вам совершенно простой вопрос. Вы одобряли или не одобряли взятие в качестве заложников ряда буржуазных демократов за одного буржуазного демократа который оказался…

Кейтель: В документе так не сказано, сказано только о том, что следует брать заложников, но ничего не сказано об их расстреле.

Максвелл-Файф: Вы задумались над этим, чтобы поправлять меня столь категорично? В зависимости от принадлежности виновника, то есть, являлся ли он националистом или буржуазным демократом или коммунистом, «заложников из соответствующей группы следует расстреливать в случае нападений».

Кейтель: Если это есть в этом документе, тогда я должно быть подписал его таким способом. Документ ссылается на совещание с командующими, ясно показывая как его исполняли на практике.

Максвелл-Файф: Теперь ответьте на мой вопрос. Вы одобряли это?

Кейтель: Лично у меня был другой взгляд на систему заложников, но я подписал его, потому что мне приказали так сделать.

Максвелл-Файф: Вы говорите, что ваш взгляд отличался. Просто посмотрите на письмо от господина Тербовена, который был ответственным в Норвегии, документ PS-870, и это страница 85, 71 (а), RF–281. Это доклад от Тербовена для сведения фюрера и я хочу, чтобы вы посмотрели на абзац 2, «Контрмеры», подпункт 4. Вы видите это? Нашли его, подсудимый? Извиняюсь, я привёл вам номер, наверное, вы не услышали, 71 (а), страница 71 (а) документальной книги. Извиняюсь, я не объяснил. Милорд, мне сказали, что его предъявило французское обвинение как экземпляр RF–281. Я присвоил ему номер GB, насколько помню.

Председатель: Какой у него номер?

Максвелл-Файф: RF–281.

[*Обращаясь к подсудимому*]. Вы нашли раздел 2, абзац 4? Это:

> «Только что, получил телекс от фельдмаршала Кейтеля, запрашивающий об издании регулирования, назначении сотрудников и при необходимости их родственников, коллективно ответственными за случаи саботажа происходящие на их предприятиях (коллективная ответственность родственников). Данное требование служит цели и обещает успех, только если мне действительно позволят производить расстрелы расстрельными командами. Если это невозможно, такое распоряжение произвело бы совершенно противоположный эффект»

Напротив слов «если мне действительно позволят производить расстрелы расстрельными командами» - ваша карандашная пометка: «Да, так лучше». Поэтому это третий пример, где я говорю вам о том, что вы, лично, одобряли и поощряли

расстрел ближайших родственников за действия члена их семьи. Что вы на это скажете, о вашей карандашной пометке?

Кейтель: Я сделал пометку на полях. Приказ, отданный в связи с этим отличался. Ответ который дали, отличался. Я написал эту пометку.

Максвелл-Файф: Вот, что я хотел знать. Почему вы написали это замечание: «Да, так лучше» одобряя расстрельную команду для родственников людей, совершивших какое-то оккупационное нарушение в Норвегии? Почему вы думали, что было бы лучше, чтобы родных расстреливала расстрельная команда? Почему?

Кейтель: Этого не сделали и приказа об этом не отдали. Отдали другой приказ.

Максвелл-Файф: Это не то, о чем я спрашиваю, и я хочу дать вам еще один шанс ответить на это. Почему вы поставили отметку карандашом на документе: «Да, так лучше»?

Кейтель: Я уже не в состоянии сегодня это объяснить, в виду того факта, что я вижу сотни документов ежедневно. Я написал её и признаю это.

Максвелл-Файф: Конечно, до сих пор это означало нечто совершенно противоположное тому, что вы написали, это означало, что вы сами одобряли и считали лучшим, чтобы родственников расстреливали расстрельной командой.

Я думаю, ваша светлость желает прерваться.

Председатель: Да.

Максвелл-Файф: Я не закончил милорд, у меня есть несколько вопросов для утра понедельника.

Председатель: Что же, подсудимый может вернуться на скамью подсудимых, и мы продолжим с остальными ходатайствами.

[*Подсудимый покинул место свидетеля*]

Председатель: Сэр Дэвид, мы рассмотрим эти ходатайства таким же образом как делали раньше?

Максвелл-Файф: Да, милорд. Первое которое у меня есть это ходатайство от имени подсудимого Кальтенбруннера о свидетеле по имени Хёсс[395], который был бывшим командиром концентрационного лагеря Аушвиц. Милорд, со стороны обвинения этому нет возражения.

Председатель: Таким образом, это ходатайство которое должно было заявить большое количество защитников.

Максвелл-Файф: О, да, ваша светлость совершенно прав.

Милорд, как комендант концентрационного лагеря Аушвиц, обвинение чувствует, что он сможет предоставить информацию трибуналу, если не последует возражения.

395 Рудольф Хёсс (1900 — 1947) — комендант концентрационного лагеря Освенцим (4 мая 1940 — 9 ноября 1943), инспектор концентрационных лагерей (9 ноября 1943—1945), заместитель главного инспектора концентрационных лагерей в Главном административно-хозяйственном управлении СС. Казнён по приговору польского суда.

Председатель: Доктор Штамер, я понимаю, что вы в числе тех защитников которые ходатайствовали о нём. Вы хотите, что-то к этому добавить?

Штамер: Мне нечего добавить к своему письменному ходатайству.

Председатель: Спасибо. Тогда трибунал рассмотрит это, понимаете, после того как вы рассмотрите их.

Максвелл-Файф: Милорд, следующее это доктор Навиль[396]. Доктор Навиль допущён в качестве свидетеля подсудимому Герингу с учётом того, что его можно обнаружить. Его обнаружили в Швейцарии, и я понимаю, что он проинформировал трибунал о том, что он не видит пользы от появления здесь в качестве свидетеля для Геринга, и теперь его просит доктор Нельте, защитник Кейтеля, чтобы подтвердить, что с военнопленными обращались согласно правилам Женевской конвенции, доктор Навиль является представителем Красного креста. Мне сказали, что доктор Нельте будет удовлетворён опросным листом, и обвинение не возражает опросному листу.

Председатель: Доктор Нельте?

Нельте: Верно, я согласен с учётом того, что мне позволят в письменном виде задать вопросы доктору Навилю.

Но могу я кое-что добавить, не к ходатайству о представлении доказательств, а в связи с другим ходатайством, которое я уже представил обвинению через отдел переводов вчера или позавчера. В моём ходатайстве допустить стенографистов Гитлера в качестве свидетелей трибунал отказал как не относящемся к делу. Сейчас я получил письмо и письменные показания от одного из этих стенографистов и в этих письменных показаниях, я нашёл отрывок который ссылается на отношение Кейтеля к Гитлеру в беседах и совещаниях с ним.

Общественное мнение критикует подсудимых как привыкших сваливать на мёртвого, когда бы они хотели говорить в свою пользу, и похожие заявления делались в суде. Подсудимый Кейтель просит о том, чтобы часть письменных показаний которые я уже представил и которые намерен предъявить, допустили в качестве письменных показаний для того, чтобы в свидетеле можно было отказать и при этом я мог представить этот фрагмент письменных показаний с согласия обвинения.

Максвелл-Файф: Милорд если доктор Нельте представит фрагмент, мы его рассмотрим, но до сих пор я не имел шанса сделать этого.

Председатель: Что же, если вы следуете такому курсу, и если так хотите, то этому нет возражения.

Максвелл-Файф: Очень хорошо, вы дадите это мне, эту копию?

Нельте: Конечно.

396 Франсуа Навиль (1883 - 1968) — швейцарский врач. Приват-доцент неврологии (1912), профессор кафедры судебной медицины (1928), а затем профессор и директор Института судебной медицины (1934) Женевского университета. Декан медицинского факультета (1948—1950). Президент Швейцарского общества неврологии (1930—1932). В 1943 в составе немецкой комиссии проводил исследование тел захороненных в Катынском лесу.

Максвелл-Файф: Милорд, следующее ходатайство от имени подсудимого фон Шираха, просьба представить письменные показания доктора Ганса Кароссы[397]. Суть письменных показаний в том, что подсудимый пытался держаться независимо от партийных директив в вопросах литературы и искусства и что, являясь гауляйтером Вены, он периодически вмешивался в интересах евреев и заключённых концентрационных лагерей. Милорд, обвинение не имеет возражения приобщению письменных показаний.

Следующее это ходатайство от имени подсудимого Функа о предъявлении опросных листов господину Мессерсмиту[398], касающихся отношения Функа к партии и его работе в рейхсминистерстве пропаганды. Милорд, обвинение не имеет возражения, но напоминает трибуналу, что подсудимый Функ уже 15 марта просил разрешения представить ещё одни письменные показания господину Мессерсмиту, касающиеся письменных показаний господина Мессерсмита. Обвинение не заявляет никаких возражений, но трибунал насколько известно пока их не одобрил. Поэтому я хотел, чтобы трибунал знал о предудыщей просьбе…

Председатель: Вы имеете в виду письменные показания или опросный лист от 15 марта?

Максвелл-Файф: Опросные листы.

Председатель: Опросные листы? Разумеется, мы должны были их рассмотреть.

Максвелл-Файф: Что же, такую информацию я имел. Их не видели…

Председатель: Понимаю.

Максвелл-Файф: В случае если трибунал их не рассмотрел, мы можем отметить, что есть одни важные. У нас тоже нет этому возражения.

Затем подсудимый Розенберг просит об указе Гитлера Розенбергу от июня 1943. Со стороны обвинения нет возражения. Мне сказали, что мы не можем отследить какое-либо предыдущее ходатайство, но положение в настоящий момент заключается в том, что у нас нет никакого возражения.

Затем, милорд, следующее это фон Нейрат, ходатайство об анкете профессору Кошуту, проживающему в Праге. На самом деле они просят об опросных листах. Милорд, нет возражения опросным листам.

Затем, милорд, есть обратное ходатайство, если я могу так выразиться, от доктора Дикса от имени подсудимого Шахта, замене господина Гельзе, которого планировали как свидетеля, на письменные показания. Милорд, мы этому не возражаем.

Дикс: Это свидетель Гельзе. Его одобрили мне как свидетеля. Для того, чтобы сократить и упростить разбирательство, я решил отказаться от права заслушать свидетеля, из-за письменных показаний. Я получил письменные показания. В то время как планируется моё ходатайство об отказе от свидетеля, однако, свидетель

397 Ганс Каросса (1878 – 1956) – немецкий автор романов и коротких рассказов. Поэт.
398 Джордж Мессерсмит (1888 – 1960) – американский дипломат. Генеральный консул США в Берлине в 1930- 1934. Посланник США в Австрии в 1935-1937.

прибыл в Нюрнберг. Он сейчас здесь, и я думаю, таким образом, что будет лучше для него остаться и разрешить мне допросить его, предъявив ему его письменные показания, попросив его подтвердить их, и затем задать ему какие-нибудь дополнительные вопросы. Я думаю, это было бы гораздо практичнее чем бесцельно иметь здесь свидетеля, отправить его обратно и прибегнуть только к письменным показаниям. Моя цель, во всяком случае, заключалась в том, чтобы отчасти избежать затруднений связанных с его доставкой сюда.

Максвелл-Файф: Вы отзываете ходатайство о письменных показаниях…

Председатель: Свидетель Гельзе пленный или нет, или интернированный?

Дикс: Он вольный свидетель. Он не арестован, и он волен перемещаться по Нюрнбергу.

Председатель: Он может остаться здесь, пока не придёт очередь подсудимого Шахта?

Дикс: Надеюсь. Он сказал мне о том, что он может остаться и готов это сделать.

Максвелл-Файф: Милорд, мы не возражаем. Трибунал уже одобрил его в качестве свидетеля. Если доктор Дикс хотел его как свидетеля, конечно же мы этому не возражаем.

Следующее, это ходатайство от имени подсудимого Штрайхера, о письменных показаниях от доктора Герольда. Короче говоря, обвинение предлагает, чтобы были опросные листы, нежели письменные показания, и на такой основе мы не заявляем никакого возражения.

Милорд, есть только одна вещь которую я должен сказать. У меня прошлым вечером состоялась весьма полезная дискуссия с доктором Диксом, после предложения трибуналу о подвижках в документах. Доктор Дикс крайне помог? объяснив цель его документов и то чем они являются. Я предлагаю, что если если кто-нибудь из защитников, объясняя документы также озаботиться объяснением цели своих свидетелей – я не хочу их никак ущемлять – но если они добровольно объяснят назначение свидетелей, либо господину Додду либо мне, мы сможем сэкономить много времени, отметив, будут ли согласованы показания такого свидетеля или будут являться предметом возражения.

Я высказал это только сейчас, так как мы собираемся встретиться по поводу документов, и если бы это распространялось на свидетелей, я уверен в том, что мы сможем придти к самому полезному взаимодействию.

Председатель: Сэр Дэвид, вы предлагаете, не так ли, что они должны объяснять вам характер доказательств, которые собирается представить свидетель?

Максвелл-Файф: Да.

Председатель: И если обвинение не собирается спорить, то можно включать их в письменные показания?

Максвелл-Файф: Да, то, что мы сможем, наверное, отказаться от свидетеля, и наверное включить это в письменные показания. Конечно, мне говорят о смысле

свидетеля в целом, потому что мне вручают ходатайство, но если бы они могли рассматривать их подробнее, как часто случается, когда они встречаются со свидетелем и давали мне знать, о том какой охват у показаний, я смог бы наверное уступить, либо в целом или в части, и сэкономить им и трибуналу много работы и много времени.

Председатель: Что же, я думаю, трибунал хочет знать, думают ли защитники о том, что это может привести к какому-то сокращению защиты. Доктор Дикс возможно расскажет нам, считает ли он это возможным?

Дикс: Конечно, я не могу делать какое-либо заявление о взглядах своих коллег, поскольку не могу читать их мысли. Всё, что я могу сказать это то, что рекомендую своим коллегам, как необычайно полезную и практичную, своего рода беседу которую я имел честь иметь с сэром Дэвидом вчера. Лично я думаю, что мои коллеги тоже согласятся с такой процедурой, пока не будет какого-то конкретного возражения, что, конечно, всегда возможно. Я не могу сказать сейчас большего.

Председатель: Вы понимаете, что сэр Дэвид предложил о том, чтобы такая беседа применялась не только к документам, но также к свидетелям и если вы сможете указывать подробнее, нежели вы делаете в своих ходатайствах, каким будет предмет их показаний, возможно обвинение сможет в таких обстоятельствах сказать о том, по каким вопросам оно не спорит и таким образом это можно включать в письменные показания?

Максвелл-Файф: Милорд, если ваша светлость позволит мне вставить замечание, если они позаботяться о том, чтобы высказываться о конкретных показаниях свидетелей, обвинение, я уверен, во многих моментах будет готово сказать: «Что же, вы представляете заявление о таком положении, и мы допускаем его, без всякой формальности».

Председатель: Доктор Дикс, наверное, вы и другие защитники сможете рассмотреть этот вопрос.

Дикс: Я понял именно так как сказал ваша светлость. Я обсудил и свидетелей и документы с сэром Дэвидом, и это очень помогло, и в таком смысле я…

Председатель: Это всё, что нам сейчас нужно…

Максвелл-Файф: С позволения вашей светлости, да.

Председатель: Тогда трибунал отложен.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 8 апреля 1946*]

